

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

В журнале «Советская археология» помещаются научно-исследовательские статьи по вопросам археологии и смежных с нею дисциплин, критические статьи и рецензии на вновь вышедшие книги по археологии, публикации новых археологических материалов.

Присланные статьи рецензируются, после чего утверждаются редакционной коллегией.

При подготовке рукописей просим авторов придерживаться следующих правил:

1. Рукописи следует присылать в 2 экземплярах, напечатанных на машинке через два интервала на одной стороне листа стандартного размера с полями с левой стороны листа.

2. Сноски помещаются внизу страницы, а не в конце статьи. Нумерация сносок построчная.

3. Последовательность цитирования монографий: автор (инициалы перед фамилией), название работы (без кавычек), место издания, год издания, страница.

4. Последовательность цитирования журнальных статей: автор, название статьи (без кавычек), название журнала, год издания, номер, страница.

5. К статье прилагается список употребляемых сокращений в двух экземплярах.

6. Иллюстрации следует давать в пригодном для воспроизведения в печати виде (фото — контрастные на глянцевой бумаге и рисунки — тушью). Фотографии следует представлять в двух экземплярах. Иллюстрации должны быть пронумерованы соответственно порядку их упоминания в тексте статьи, на обороте каждого рисунка следует указать фамилию автора, название статьи и номер рисунка. К иллюстрациям необходимо приложить список подписей под рисунками в двух экземплярах.

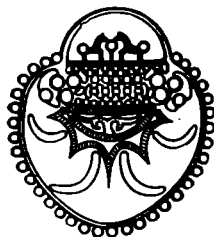
Все знаки в тексте, которые не могут быть воспроизведены буквами русского, латинского, греческого и арабского алфавитов, должны быть сдублированы на кальку для изготовления клише.

7. Направляемая в редакцию рукопись должна быть подписана автором, текст ее тщательно проверен, все ссылки выверены. Должны быть указаны дата отправления и полный почтовый адрес автора.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

ПЯТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

№ 1

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА—1961

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. В. Арциховский, ответственный редактор,
А. Я. Брюсов, зам. ответственного редактора,
Р. М. Мунчаев, ответственный секретарь,
А. М. Беленицкий, *С. Н. Бибииков*, *В. Д. Блаватский*, *Л. А. Голубева*,
Л. А. Евтюхова, *А. Л. Монгайт*, *А. П. Окладников*, *Т. С. Пассек*,
Б. Б. Пиотровский, *Б. А. Рыбаков*, *А. П. Смирнов*

Адрес редакции:

Москва, В-36, 1-я Черемушкинская, 19

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ 4 РАЗА В ГОД

Технический редактор *М. А. Николаева*

Г- 00056 Подписано к печати 2 II 1961 г. Формат бумаги 70×108¹/₁₆ Бум. л. 10¹/₈
Печ. л. 27,74+1 вклейка. Уч.-изд. л. 31,0 Тираж 1815 экз. Заказ 1164

2-я типография Издательства Академии наук СССР. Москва, Шубинский пер., 10

СТАТЬИ

В. Е. ЛАРИЧЕВ

БРОНЗОВЫЙ ВЕК СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КИТАЯ

(По материалам раскопок китайских и японских археологов)

Во II тысячелетии до н. э. в Юго-Восточной Азии и соседних с ней областях Северной Азии происходили существенные перемены в культуре, экономике и общественном строе. В связи с этим здесь развернулись значительные политические события, захватившие большинство стран Дальнего Востока. На территории Центрального Китая на основе культур яншао и луншань было создано первое рабовладельческое государство Шан-Инь. На крайнем юге азиатского материка, в Индо-Китае, сложились своеобразные культуры эпохи бронзы (Земрон-Зен и Боксон). В приморских областях к северу от р. Хуанхэ возникли новые культуры, в том числе — культура дольменов и культура раковинных куч. Памятники последней одинаково распространены как в Приморье, так и в Корее. Эти изменения со временем выходят за пределы материка. В далекой Японии в IV—III вв. до н. э. появляется новая культура — яёи.

В это же время в центральных степных и полупустынных областях Азии (Дунбэй и Монголия) на основе местного неолита возникают культуры эпохи бронзы. Это так называемые культуры каменных ящиков (рис. 1). Район их распространения выходит далеко за пределы Центральной Азии и Дунбэя. На севере он доходит до Байкала, а влияние этой культуры через Минусинские степи в карасукское время сказывается и на более отдаленных областях. Возникновение этой культуры и ее дальнейшее развитие имело большое влияние на ход исторических событий не только в Дунбэе. Дунбэйская культура и соседние с ней культуры бронзового века явились основой, на которой в I тысячелетии до н. э. возникли могущественные союзы степных племен, с которыми пришлось вести тяжелую борьбу китайцам эпохи Чжоу и Хань. Это был прообраз будущих крупнейших «варварских» объединений, сыгравших огромную роль в культурной и политической истории не только народов Азии, но и Европы. Одним из наиболее ярких показателей изменений в культурах Центральной Азии является широкое распространение в этой области звериного стиля, который известен по находкам ордосских, чахарских и суйюаньских бронз.

Существенным недостатком исследований этого переломного момента в истории Юго-Восточной Азии является отсутствие в них материалов эпохи бронзы одной из ее ключевых областей — Дунбэя. Материалы эти, разбросанные по различным изданиям, составляют уже сейчас значительную по объему сумму фактов, не приведенных, однако, в целостную систему и не обобщенных. Цель настоящей статьи заполнить в какой-то мере этот пробел.

Первые находки эпохи бронзы в Северо-Восточном Китае связаны с именами Р. Торри и Э. Лисана¹. В 30-х годах XX в. большие исследования

¹ R. Torii. Populations préhistoriques de la Mandchourie Méridionale. Journal of the College of Science, Tokyo Imperial University, т. XXXVI, ч. 8, 1915; R. Torii and K. Torii. Populations primitives de la Mongolie Orientale. Journal of the College of Science, т. XXXVI, ч. 4, 1914; Licent. Les collections néolithiques du Musée Hoang ho Pai ho de Tien Tsin. Tien Tsin, 1932.

могильников и поселений произвели японские археологи И. Явата², К. Хамада³, Фусида⁴, Т. Миками⁵.

В 1941 г. Тун Чжу-цзюй раскопал несколько могил в Саодагоу, 1946 г. Ли Вэнь-син обследовал Ситуаньшаньцзы и Дунтуаньшаньцзы вблизи г. Гирина⁶.

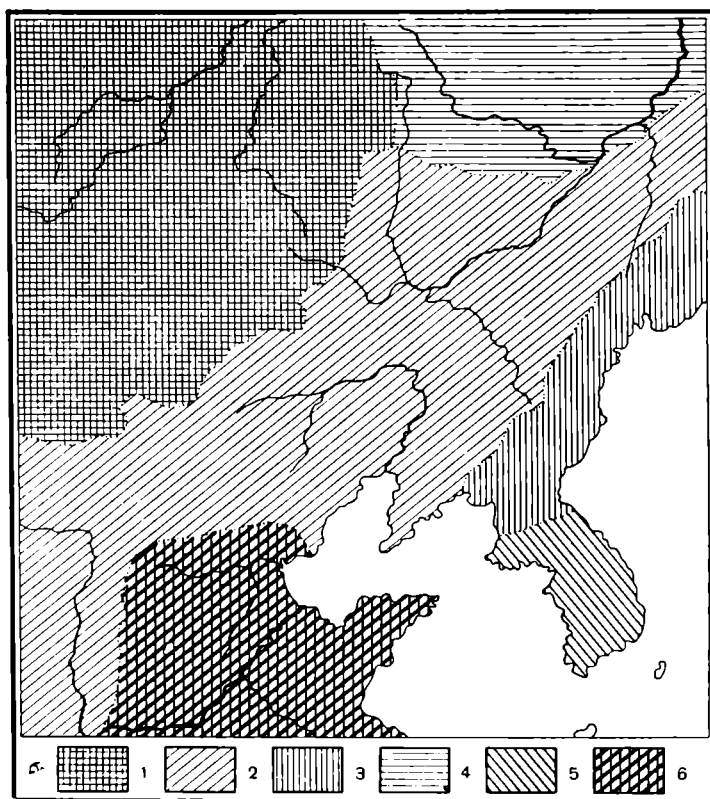

Рис. 1. Культуры бронзового века Китая, Монголии, СССР и Кореи

1 — культура Монголии и Забайкалья; 2 — культура Дунбэя; 3 — культура раковинных куч; 4 — культура Амура; 5 — культура Кореи; 6 — культура Шан-Инь

Наиболее широкое и систематическое изучение культуры эпохи бронзы Дунбэя начинается после установления народной власти в Китае. Исследования китайских археологов вносят огромный вклад в понимание этой культуры.

Гиринская провинция, в особенности окрестности самого города Гирина, становятся центром изучения дунбэйской бронзы. Здесь за последнее время открыты наиболее крупные поселения и могильники. В Ситуаньшане при раскопке оков еще в 1947 г. было открыто большое количество каменных кладок могил. Через два года преподаватели Дунбэйского уни-

² J. J a w a t a. Contribution to the Prehistoric Archaeology of Northern Yehol. Reports of the First Scientific Expedition to Manchoukou, т. 6, вып. 3, 1940.

³ H u n g - S h a n - H o u, C h i n - F e n g. Archaeologia Orientalis, Series A, т. IV, Токуо — Кюто, 1938.

⁴ С. Ф у с и д а. Доклад об исследованиях в Сяоиньцзы, т. I. Яньцзи, 1943.

⁵ Результаты раскопок Т. Миками могильника Сяоиньцзы еще не опубликованы. Во время поездки в Японию А. П. Окладникова проф. Т. Миками предоставил ему фотографии вещей могильника. Автор пользуется случаем поблагодарить проф. Т. Миками за его любезное разрешение использовать для данной статьи фотографии ряда неопубликованных предметов.

⁶ Л и В э н ь - с и н. Культурные остатки в окрестностях г. Гирина. Лиши юй каогу, № 1, 1946, стр. 21—25.

верситета Ян Гун-цзи и Ли Сюнь раскопали здесь около 30 могил. В том же 1949 г. Ван Я-чжоу в Саодагоу вскрыл 18 могильных кладок, а в следующем, 1950 г. Дунбэйская археологическая экспедиция под руководством Пэй Вэнь-чжуна продолжила работы в Ситуаньшане и раскопала еще 19 каменных кладок⁷. В 1952 г. при строительных работах в районе города Таншаня Ло Фу-и исследовал большой могильник.

В 1954 г. Гиринский музей и отдел культуры провинции произвел под руководством Кан Цзя-сина, Ли Вэнь-сина и Ван Чэн-сяня широкие раскопки поселения и могильника около Тучэнцзы⁸. Ли Лянь, Кан Цзя-син, Сюй Хань-сюань, Чжан Мань-тин, Ван Чэн-сянь, Бай Жун-цзи исследовали поселения и могильник в северо-восточных районах Гиринской провинции, пограничных с Северной Кореей⁹. Чэн Да-вэй при обследовании уезда Ляоян открыл богатое поселение и могильник эпохи бронзы¹⁰.

В 1956 г. археологическая экспедиция под руководством Пэй Вэнь-чжуна провела новое обследование горы Хуншань, в результате которого были открыты погребения в каменных ящиках, а на поселениях — ямы для хранения запасов¹¹.

Накопленный за все время материал отражен в двух сводных работах Тун Чжу-цзюя и Тун Чжу-чэня, посвященных гиринской неолитической культуре¹².

Крупнейший знаток древностей Северо-Восточного Китая проф. Т. Миками недавно изложил результаты своих многолетних исследований в области древней истории этого района в специальной работе «The Stone Cists in Manchuria»¹³, где используются новые данные, полученные китайскими археологами за последние годы (см. рис. 2).

Среди всех памятников эпохи бронзы в Северо-Восточном Китае выделяются поселение и связанный с ним могильник в Чифэне, на горе Хуншань.

Материал этого поселения резко отличается от находок на расположенной невдалеке неолитической стоянке с крашеной керамикой. Поселение находится на 15-метровой террасе. Обломки керамики и каменных изделий были разбросаны на поверхности и залегали *in situ* в темной земле, толщиной около 6 см, перекрытой поверхностным слоем почвы. Раскопки велись траншеями, поэтому составить какое-либо представление о бытовых комплексах невозможно. На южном конце поселения слой темной земли достигал толщины в 1 м, образуя западину землянки. На дне ее обнаружена четырехугольная площадка, вымазанная глиной, шириной около 5 м. На ней, кроме обильных обломков сосудов, найден целый горшок с астрагалом овцы и очажный камень. В двух других местах траншея прорезала с края части таких же вымазанных глиной площадок, но они не были раскопаны до конца. Судя по всему, такие углубления являются остатками жилищ типа землянок, пол которых обмазывался глиной. Они как будто имели четырехугольную форму и отвесные стенки.

Керамика поселения по цвету разделяется на две группы. Первая, наиболее многочисленная — красная лощеная керамика. В секции «а»

⁷ Цзя Лань-по. Раскопки древних могил в Ситуаньшане. КТБ, т. I, вып. 8, 1950, стр. 573—575.

⁸ Кан Цзя-син. Каменные могилы и древние культурные остатки в окрестностях Тучэнцзы уезда Цзяньбэй. Гирин. КС, № 1, 1957, стр. 43—52.

⁹ Ли Лянь. Каменные могилы в пределах уезда Ванцин, пограничного района Корейского автономного округа. Гирин. КТ, 1956, № 6, стр. 58—61; Кан Цзя-син. Археологические исследования по течению р. Хунцзян. КТ, 1956, № 6, стр. 58—61. См. также КТ, 1956, № 5, стр. 44—45; 1957, № 1, стр. 52.

¹⁰ ВЦЦ, 1956, № 3, стр. 81—82.

¹¹ Люй Цзунь-э. Археологическое обследование на горе Хуншань, Чифэн, Внутренняя Монголия. КС, 1958, № 3, стр. 25—40.

¹² Тун Чжу-цзюй. Гиринская неолитическая культура. КТ, 1955, № 2, стр. 5—10; Тун Чжу-чэнь. Три типа неолитических культур в провинции Гирин. КС, 1957, № 3, стр. 31—38.

¹³ Т. Миками. The Stone Cists in Manchuria. Tokyo, 1958.

раскопа найдена только такая керамика. Она изготовлена из железистой глины с примесью зерен песка. На сосудах заметно красное покрытие. Большую часть их составляют плоскодонные шаровидные сосуды с невысоким горлышком или без него, с загнутой внутрь верхней частью (рис. 3, 7). Иногда на сосудах сбоку приклеены массивные продольные ушки или сосцевидные налепы. Встречаются также шаровидные сосуды с высоким горлом. Найдено несколько разновидностей амфор с высоким

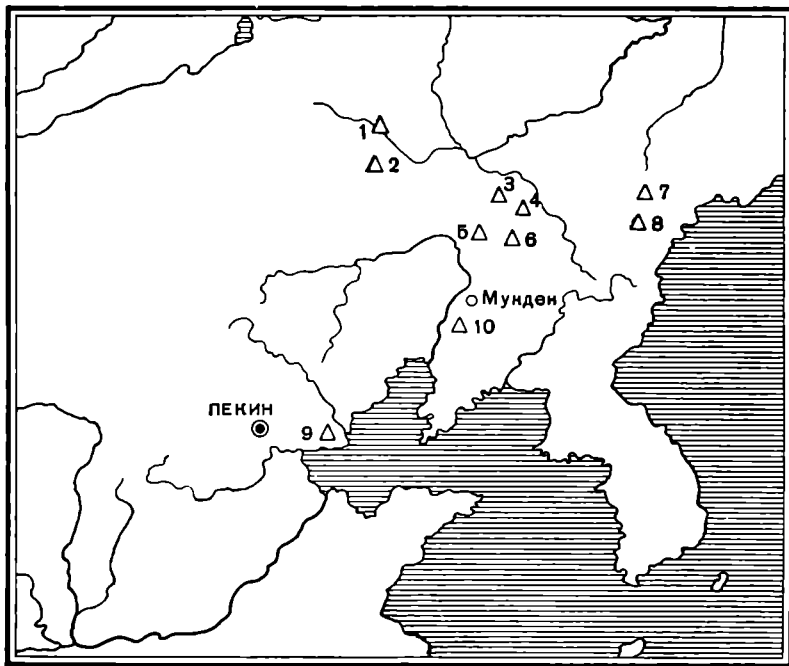

Рис. 2. Карта важнейших памятников бронзового века Дунбэя

1 — Чифэн, Хуншаньхоу; 2 — Дунцзяньцзы; 3 — Цаоганьшань; 4 — Ту-чэнцзы; 5 — Саодагоу и Ситуаньшаньцзы; 6 — Туаньшаньцзы; 7 — Байцаогоу и Тяньцяолин; 8 — Сюиньцзы; 9 — Таньшань; 10 — Эрдаохэцунь ;

или слегка выделяющимся горлом. Встречены три сосуда с узкой закругленной нижней частью и резко расширенной раструбом горловиной (рис. 3, 4) и два сосуда баночной формы. Один из них украшен налепным валиком и текстильными отпечатками (рис. 3, 5), а второй — налепным узором из тройных вертикальных валиков (рис. 3, 8). К этой же группе относятся сосуды типа ли нескольких разновидностей. Первая разновидность — сосуды с налепным горизонтальным валиком (рис. 3, 3); вторая — сосуды с вертикальными ушками, прикрепленными к горлышку, ножки их более низкие и расставлены не так широко, как у сосудов первой группы; третья — сосуды с высокой цилиндрической верхней частью и отогнутым наружу венчиком (рис. 3, 1). Встречаются и сосуды, верхняя часть которых имеет вид усеченного конуса, венчик слегка загнут вниз, нижняя часть представляет собой три глубоко рассеченные округлые дольки с плоским дном (рис. 3, 11). К этой же группе можно отнести сосуд типа дин с двумя вертикальными ушками, с чашевидным туловом и тремя высокими, округлыми в сечении ножками (рис. 3, 6), биконический кубок, кубок с полушаровидным туловом на высокой ножке, чайник с носиком и чашу с налепными уплощенными ушками (рис. 3, 2, 9, 10).

Вторая группа керамики, которая в основном встречается в секциях «в» и «с» раскопа, представлена фрагментами и целыми сосудами красного цвета с отпечатками шнура. Сюда входят маленькие высокие горшки с горлышком и разнообразные по форме сосуды типа ли.

Рис. 3. Керамика с поселения Хуншань (Чифэн)

Из глины изготовлены также пряслица конической и усеченно-конической формы.

К изделиям из камня относятся пряслице, точильце и топоры. Среди каменных топоров можно выделить массивные сверленные топоры клиновидной формы, в известной мере близкие к простейшим формам сверленных топоров Западной Сибири и Восточной Европы (рис. 4, б). Другую группу составляют шлифованные топоры с маленьким отверстием около обуха

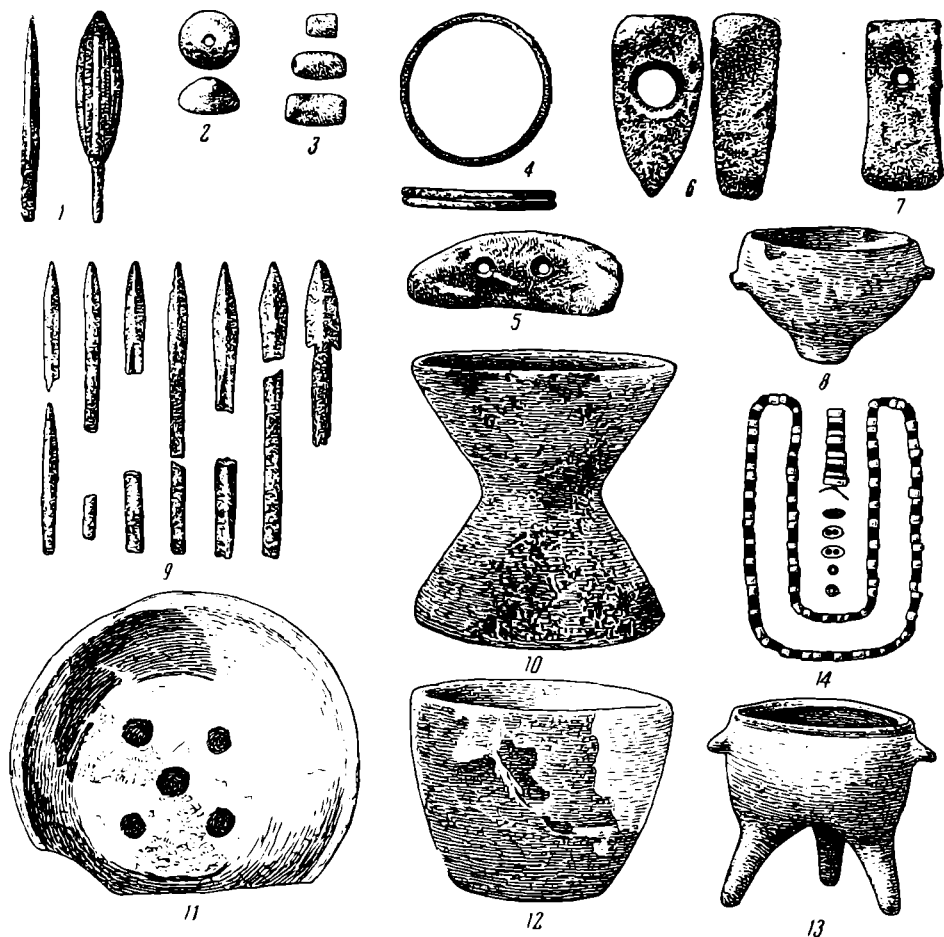

Рис. 4. Вещи, найденные на поселении и могильнике Хуншань (Чифэн) и поселении Тучэнцзы

1, 9 — наконечники стрел; 2 — пряслице; 3, 14 — бусы; 4 — бронзовое кольцо; 5 — шиферный серп; 6, 7 — каменные топоры; 8, 10—13 — глиняные сосуды

иньского типа. Они трапециевидные, прямоугольные, встречаются и экземпляры топоров с характерным перехватом в средней части (в виде «скрипки»). В следующую группу входят округлые шлифовальные палицы с просверленным отверстием посредине.

Среди орудий сельскохозяйственного производства имеются обломки зернотерок, песты конической и цилиндрической формы, круглые плоские терочники и шиферные серпы полукруглой формы с одним прямо срезанным, а вторым заостренным концом (так называемого иньского типа: рис. 4, 5). Встречены бусы, изготовленные преимущественно из топаза, довольно много бус из камня белого и черного цвета (пирофилит), найдена бусина из нефрита и две просверленные раковины (одна каури) (см. рис. 4, 3, 14). Есть несколько обломков каменных колец-хуанов и плоская трапециевидная подвеска.

Из кости сделаны наконечники стрел ланцетовидной формы с клиновидным насадом и ромбическим сечением. Плечиков у них в большинстве случаев нет. У двух наконечников основание оформлено иначе — у одного оно прямо срезанное, а у второго с оттянутыми слегка асимметричными жальцами (рис. 4, 9). Иньский комплекс бронзовых изделий состоит из ножей и бляшек карасукского типа, несомкнутых колец с заходящими концами и наконечника стрелы архаического облика.

При раскопках найдены также кости быка, свиньи, оленя и лошади.

Рядом с основным поселением по обеим сторонам ущелья-прохода на Хуншаньхоу открыт большой могильник. Общее число могил здесь примерно не меньше 300. Раскопки на могильнике велись траншеями. Было вскрыто 26 могил. Могилы представляют собой узкие прямоугольные ящики, сооруженные из небольших по размеру каменных плит и блоков. Длина ящиков — 1,2—1,8 м, ширина — 0,3—0,45 м, глубина — около 0,4 м. Ящики сверху закрыты каменными плитами, перекрывающими одна другую или нагроможденными в виде пирамиды. Костяки обычно положены на спине или на боку, ориентированы головой на восток. В могилах находят глиняные сосуды, орудия из камня, кости и бронзы, украшения в виде бронзовых подвесок, бусы из камня и кости. В мужских погребениях встречаются наконечники стрел. Из найденных в могилах костей животных преобладают черепа и нижние челюсти собак. Встречаются также челюсти овцы, оленя, быка и свиньи. Материал из погребений в общих чертах сходен с описанным выше инвентарем поселения (рис. 4, 2, 4, 6).

В погребении № 22 найден уникальный бронзовый наконечник стрелы архаического облика вытянуто-листовидной формы с черешком (рис. 4, 1) ¹⁴. Там же оказался обломок шаровидного сосуда и несколько костяных наконечников стрел. Наконечники стрел округлые, треугольные и ромбические в поперечном сечении.

Второй центр исследований культуры эпохи бронзы связан с Гиринской провинцией. Несколько могильников и поселений открыто в окрестностях самого г. Гирина. Среди них первое по значению место занимают поселение и могильник около Тучэнцзы в уезде Цзянбэйи. Под руководством Кан Цзя-синя на поселении была вскрыта сплошным раскопом площадь в 479 м². Могилы открывались траншеями. Обнаружено 18 каменных могильных кладок (рис. 5).

Поселение Тучэнцзы расположено в аллювиальной долине правого берега р. Сунгари на дугообразной террасе, отстоящей от реки на 2 км к югу. С двух сторон террасу окружают высокие горы и холмы, покры-

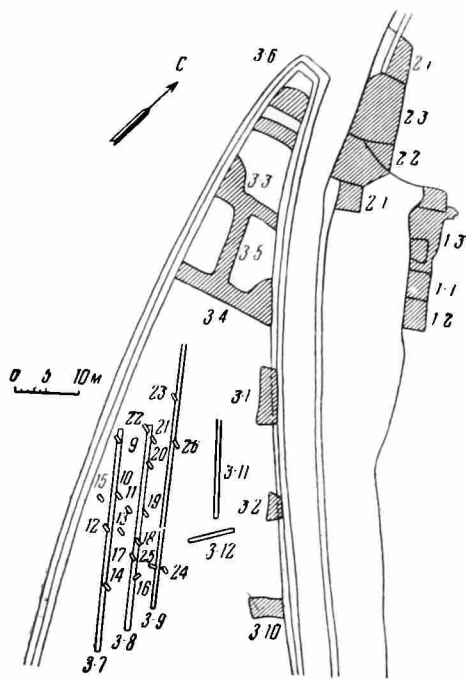

Рис. 5. План могильника Тучэнцзы
№ 1—1, 2—1, 3—1 и др. обозначают №№ траншей; №№ с 9 по 26 — № могил

¹⁴ Такие наконечники встречаются в культурных комплексах Китая, относящихся к пиньскому времени.

тые лесом. Поселение Тучэнцзы двухслойное. Верхний слой — ханьской эпохи, прослойкой намывного песка четко отделяется от нижнего культурного слоя эпохи бронзы. Очевидно, древние обитатели оставили поселок после сильного наводнения, и новое поселение возникло здесь уже в ханьское время.

Нижний культурный слой толщиной до 1,5 м содержал большое количество золы, углей, керамики (в особенности ножек сосудов типа ли), костей животных, каменных, костяных, бронзовых орудий и украшения. В этом же слое прослежены остатки жилищ в виде площадок обожженной земли, ям-землянок, хозяйственные ямы, а также очаги, сложенные

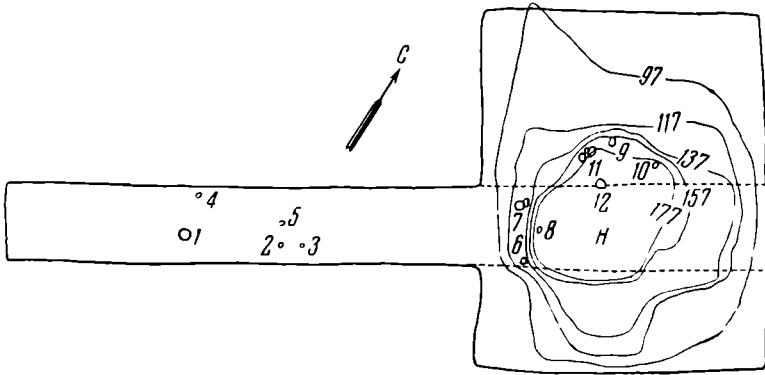

Рис. 6. План землянки Тучэнцзы

1 — каменная палица; 2, 3 — кости животных; 4 — фрагменты сосуда; 5—6 — глиняные пряслица; 7 — наконечники стрел, 8—9 — обломки сосудов; 10 — глиняное пряслице; 11 — серп; 12 — рог оленя

из камня. Остатки жилищ представляют собой, как и в Чифэне, гладкую сильно обожженную площадку длиной 5,3 м и шириной 2,25 м. Красно-бурая обожженная земля достигает на месте жилища толщины 0,1—0,2 м. Жилища были не только прямоугольными, но квадратной и округлой формы. Их сооружали следующим образом: в земле выкапывалась яма с вертикальными стенками, затем пол и стенки ямы сильно утрамбовывались и обжигались. Сверху ямы перекрывались деревянными плахами.

На поселениях открыты многочисленные «зольные ямы». Одна из них представляет собой, по-видимому, остатки жилища. Ее глубина от поверхности земли — около 2,7 м, при длине — 5,9—9 м и ширине — 6,5—10 м. Яма оказалась заполненной углем, обожженной землей, обломками керамики и костями животных (рис. 6). Остальные «зольные ямы», значительно меньших размеров, имели, очевидно, хозяйственное значение. Они одиночные, двойные и тройные, связанные друг с другом. В плане ямы округлые или овальные, в вертикальном сечении — остродонные или котлообразные. Глубина их от поверхности — 1,5—2 м, диаметр — 2,3—5,6 м. Стенки ям были предварительно утрамбованы, а затем обожжены до блеска. Помимо угля, золы, обломков костей животных, в них встречаются иногда каменные, костяные и изредка бронзовые орудия. На территории поселения раскопаны три очага, каждый из которых сложен из трех плоских прямоугольных плит, поставленных на ребро таким образом, что одна из сторон оставалась открытой.

Керамика поселения, как и керамика, найденная в погребениях, двух типов — красная песчанистая и «тонкоструктурная». Она будет описана ниже вместе с инвентарем погребений.

В культурном слое поселения и на поверхности обнаружено большое количество каменных орудий. Из шлифованных рубящих орудий Кан Цзя-

син выделяет: а) топоры, б) тесла типа бэн, в) долота. Топоры небольшие, квадратные или прямоугольные по очертаниям с прямоугольным или реже круглым поперечным сечением (рис. 7, 7). Особенно выразительны длинные трапециевидные (в поперечном сечении) тела с резко сточенными боковыми гранями (рис. 7, 9). Долото найдено только одно. Оно овальное в поперечном сечении, с широким округлым обушком

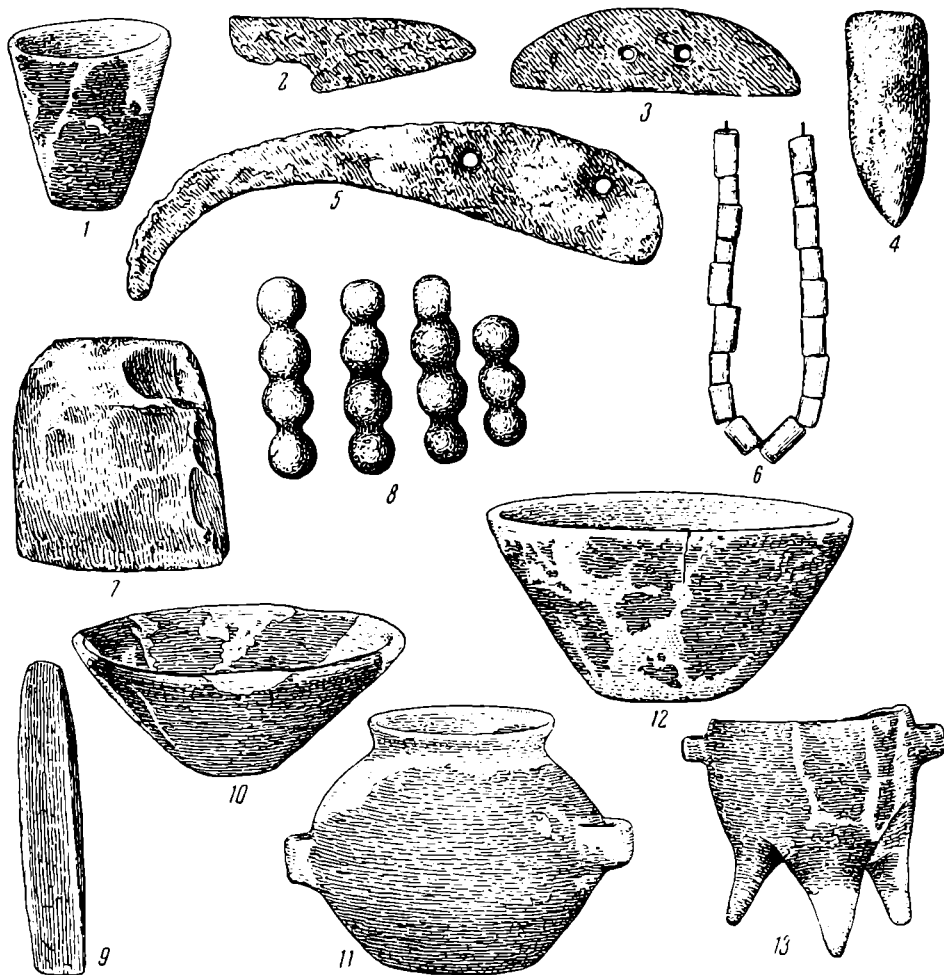

Рис. 7. Предметы, найденные на поселении и в могильнике Тучэнцзы

1, 10—13 — сосуды; 2—3 — серпы из шифера; 4, 9 — каменные долото и тесло; 5 — бронзовый серп; 6 — бусы; 7 — каменный топор; 8 — бронзовые бляшки карасукского типа

(рис. 7, 4). Длина рубящих орудий — 6—15 см, ширина — 5—7 см. Материал — кремль и глинистый сланец. Сюда же относятся круглые плоские, с отверстием в центре, прекрасно отшлифованные орудия, вероятно палицы. Наконечников стрел на поселении найдено пять. Все они шлифованные, но из-за фрагментарности тип установить трудно. Несколько наконечников сделано из кости.

Сельскохозяйственные орудия представлены каменными мотыгами оригинальной «скрипковидной» формы. Одна из широких поверхностей некоторых мотыг выемчатая. Рабочий конец их забит (рис. 8, 11). Серпы — полукруглой формы, с двумя симметричными отверстиями. Поломанные серпы не выбрасывались, а ретушировались, затачивались и снова шли в дело (рис. 7, 2, 3). Найдена также одна зернотерка неправиль-

ной квадратной формы с выемчатой поверхностью и четырехгранный сточенный курант. Среди бронзовых орудий имеется большой серп, который по форме повторяет шиферные полулунные серпы. Рукоятка его широкая, с двумя отверстиями, узкий заостренный конец сильно загнут (рис. 7, 5).

Остатки фауны, в большом количестве обнаруженные в «зольных ямах», состоят из костей коровы, лошади, оленя. Особенно много найдено костей свиньи. Кости животных обычно сильно раздроблены и обожжены.

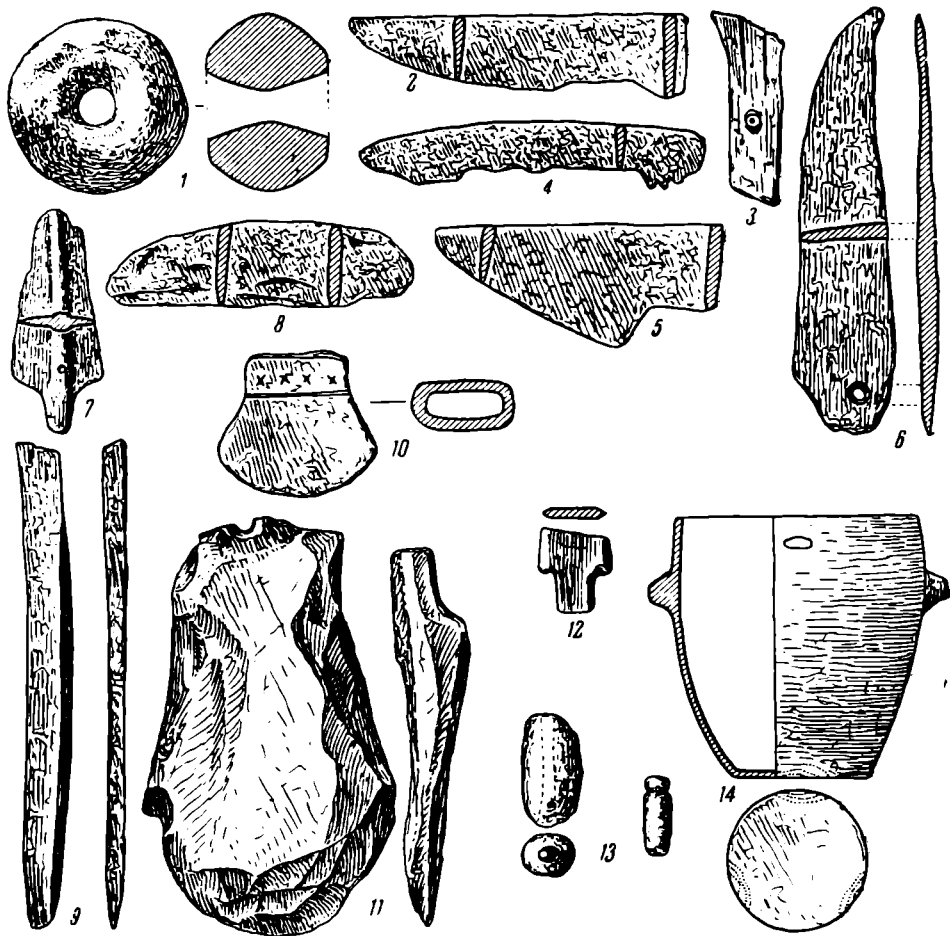

Рис. 8. Предметы, найденные на поселениях и могильниках Северо-Восточного Китая
1 — шаровидная булава; 2, 3, 5, 7, 8, 12 — шиферные ножи и наконечники копий; 4, 6 — бронзовые ножи, 9 — каменная стамеска; 10 — бронзовый кельт; 11 — каменная мотыга; 13 — глиняные грузики; 14 — сосуд

К югу от поселения на треугольном мысу той же террасы расположен большой могильник. Здесь вскрыты правильные ряды каменных ящиков в количестве 28 кладок. Кроме того, несколько разрушенных погребений открыто при раскопках поселения. Каменные кладки не видны на поверхности: их скрывает слой почвы толщиной 0,4 — 0,8 м. Они в плане квадратные, с несколько расширенной головной частью, ориентированной в большинстве случаев на восток. Длина кладок — 1,2—2,8 м, ширина — 0,47—1,0 м. Устройство всех их одинаково: для покрытия сверху использовались прямоугольные или квадратные плиты. Их раскладывали сверху на опорные плиты длинных боковых сторон, которые ставились на ребро ровной стороной внутрь. Спереди и сзади ставили на ребро большую плиту

Таблица 1

Вещи, обнаруженные в каменных ящиках около дер. Тучэнцзы

№№ могил	Керамика					Каменные орудия				Остальное					Всего
	кувшины	чашки	чарки	чайницы	привески	топоры	бэн	долота	наконечники стрел	бронзовые ножи	украшения из бронзы	агатовые бусы	подвески	белые бусы	
7						2			1						3
8		1				2				1					3
10				1										1	3
12			2											25	28
14			2			1					1				3
15			2												2
17						2	1								3
18						2									2
20						1	1	1						4	7
22					32	1	1					1		20	55
23											1				1
24	1										14				15

или глыбу камня. Дно каменного ящика выстилало такими же, как и сверху, ровными прямоугольными плитами.

Инвентарь могил такой же, как и на поселении (табл. 1). Керамика погребений по тесту, цвету поверхности, а также типологически делится на две группы. Наиболее распространена красная керамика с большой примесью песка в тесте, рыхлая по структуре. К ней относятся сосуды типа ли с вымеобразными широко расставленными ножками и ушками — плоскими, сплошными (рис. 4, 13) или широкими с отверстием (рис. 7, 13). В эту же группу входят сосуды типа дин своеобразной формы, с плоским дном и следами отвалившихся ножек (сосуд «гибрид») (рис. 7, 11). Характерны также шаровидные сосуды с широкими ушками, имеющими продольные отверстия (рис. 8, 14). Сюда же относятся чаши двух видов: с пологими стенками и маленьким донышком (см. рис. 7, 12) и крутыми стенками, но широким дном (рис. 4, 12). В эту группу входят также низкие сосуды баночной формы с характерными сосцевидными налестками у венчика, сосуды в виде «стаканов», с широким горлом и суженной нижней частью (рис. 7, 1), сосуд типа доу и один глиняный черпак. Из такой же глины сделаны пряслица (20 штук), глиняные подвески-грузики (50 штук) и шарик. Во вторую группу входят сосуды, изготовленные из тонкоотмученной глины. Кан Цзя-син называет эту керамику тонкоструктурной. К ней относятся тарелки, тазы, сосуды типа доу, амфоровидный сосуд, чаши. Одна из чаш, с оттянутым горизонтальным венчиком, имела на дне пять круглых симметрично расположенных отверстий (рис. 4, 11).

Из металлических орудий обнаружен только один бронзовый нож с узким, несколько загнутым вверх кончиком и широкой рукояткой с отверстием (рис. 8, 6). Бронзовые украшения представлены кольцами-хуанами и карасукского типа подвесками, состоящими из нескольких соединенных вместе круглых выпуклых бляшек (рис. 7, 8)¹⁵. Основная часть бус, найденных в могилах, изготовлена из белого камня (пирофилит?) и имеет форму коротких цилиндров (рис. 7, 6). Что касается даты могильника, то существенно, что могилы вырыты в культурном слое. Поселение возникло, следовательно, несколько раньше могильника.

¹⁵ Как показывают материалы Чэн Тэ-куна из плиточных могил Сычуани, такие бляшки украшали щиты. См. Ch'êng Tê-k' u n. The Slate Tomb Culture of Li Fan. Harvard Journal of Asiatic Studies, т. 9, № 2, 1946.

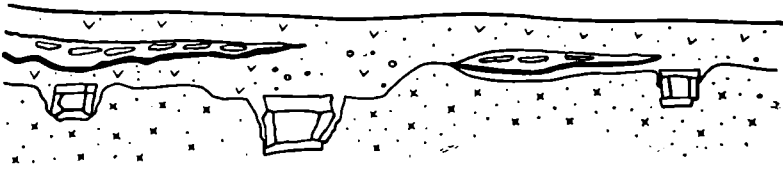

Рис. 9. Схема соотношения культурного слоя и погребений в каменных ящиках в Ситуаньшане

Крупный могильник и поселение открыты на горе Ситуаньшань, в 4 км к юго-западу от г. Гирина. Всего здесь вскрыто 46 каменных кладок. Каменные кладки перекрыты слоем почвы толщиной до 1 м (рис. 9). Устройство могил такое же, как и в Тучэнцзы. Отличие заключается только в дополнительной пристройке (размером приблизительно 0,3—0,5 м), являющейся в одних случаях продолжением самой могилы, а в других — пристройкой сбоку (справа) в ногах. Размеры могил колеблются от 0,5 (детские) до 2 м. Высота их достигает иногда 0,5 м. Умершего клали обычно на спину. Кости ног бывают несколько согнуты в коленях и сдвинуты в правую сторону, руки скрещены на груди. Все могилы расположены рядами и находятся друг от друга на расстоянии 2 или 5 м. Сведения о погребальном инвентаре опубликованы пока в предварительном порядке. Известно, что керамики в могилах найдено немного. Обычно это кувшины, чайники, чашки, тонкостенные бутылки. Сосуды типа ли, дин, доу отсутствуют. Сосуды ставились у ног покойного.

Из глины также делались пряслица и загадочные изделия (подвески?), обычно встречающиеся в большом количестве. Так, в могиле № 10 их было встречено 90 штук. По мнению Тун Чжу-цзюя, такие изделия употреблялись как грузики для сетей.

Среди каменных орудий есть шлифованные топоры, наконечники стрел (в девяти могилах; в погребении № 12 их найдено 19 экземпляров), серпы полулунной формы (рис. 10) и точила. Вещи обычно лежали в основной могиле и только изредка в каменной пристройке (рис. 11 и 12).

Замечательные по значению находки сделаны в могилах №№ IV, X и XIV. В чашке и чайнике из этих могил оказались зерна злаковых двух видов — *Eriochleoa villosa* (клеякое просо) и *Setaria lutescens*.

На верхние плиты каменных ящиков, как и в Тучэнцзы, клали кости свиньи (преимущественно нижние челюсти).

Над могилами Ситуаньшаня образовался культурный слой поселения несколько более позднего времени. В нем прослежены остатки жилищ, очаг, выложенный из камней, найдены сосуды типа ли, дин (рис. 13, 5) и кувшины с ушками, пряслица округлые, полушаровидные и четырехугольные. Среди каменных орудий здесь, как и в Дунтуаньшаньцзы, имеются прекрасно отшлифованные топоры, четырехугольные и округлые в поперечном сечении (рис. 13, 2, 3), круглые и звездчатые палицы (рис. 13, 1, 4), прямоугольные, полулунные и в виде листа абрикоса серпы с одним,

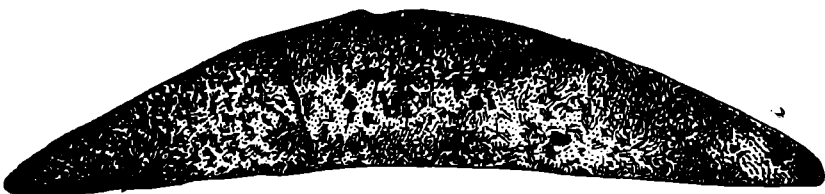

Рис. 10. Шиферный серп из могилы Ситуаньшаня

двумя или изредка тремя отверстиями, ножи треугольной формы, много шлифованных наконечников стрел треугольной и шиловидной формы (рис. 13, б). Несколько наконечников стрел имеют насад.

В 4 км к востоку от Ситуаньшань, вблизи дер. Саодагоу, на возвышенности Бэйшаньтоу и Шаньцзюйцзы, в разные годы раскопана 21 могила. Устройство могил такое же, как в Ситуаньшань. В них обнаружены каменные топоры, серпы, в одной могиле — шиферный кинжал с прямым обушком и выступами на конце широкой рукоятки (рис. 8, 2). Найдены также наконечники стрел, круглое точило, яшмовые и белокаменные бусы, малахитовые подвески, просверленные клыки кабанов. Из керамики упоминаются чайники, а также длинногорлые и тонкостенные бутылки. Бронзовых изделий мало. Это кельт с широким сечкообразным лезвием и орнаментом из валиков и крестиков (рис. 8, 10), нож с зубчиками на рукоятке (рис. 8, 4) и бляшка-пуговица.

Могильник Саодагоу расположен на территории поселения, в культурном слое которого встречаются обломки сосудов типа ли, дин, серпы, топоры, наконечники стрел.

Одно богатое погребение раскопано к северу от Шаньцзюйцзы. Оно отличается большими размерами каменного ящика и пристройкой. Здесь найдены бусы из яшмы и белого камня, нефритовая подвеска типа магатамы, четыре бронзовых кельта, три бронзовые застежки-пуговицы, одна из которых имеет следы железной ржавчины, и обломок железной пластинки неизвестного назначения.

Небольшое количество каменных могильных кладок обнаружено в Лянбаньшань. Ориентированы могилы с северо-запада на юго-восток. В них найдены широкогорлые чайники, чашки, каменные топоры, серпы полулунной формы с отверстиями. Могильник расположен на территории поселения, в культурном слое которого найдены каменные топоры, наконечники стрел иволистные, трехгранные в сечении, сосуды типа ли и типа дин с горшковидным резервуаром, кубки, пряслице.

Около дер. Сюйцзятунь, на восточном берегу р. Цзюньфахэ при впадении ее в р. Сунгари, раскопаны две каменные кладки. Они расположены на южной и юго-западной сторонах высокой горы (1000 м). В одной могиле оказались обломки сосуда с боковыми ушками, во второй — бронзовый кельт типа Саодагоу, два каменных топора, шесть целых и 19 обломанных наконечников стрел.

Кроме описанных выше поселений и могильников, около Гирина на небольшом расстоянии друг от друга открыто большое количество стоянок эпохи бронзы. Почти каждая возвышенность сохраняет здесь культурные остатки эпохи бронзы. Обычно эти поселения отличаются большой площадью (3000—5000 м²) и мощным культурным слоем. Керамика, составляющая наибольшее количество находок, обычно бурого цвета с примесью песка, не орнаментирована. Встречены отдельные фрагменты

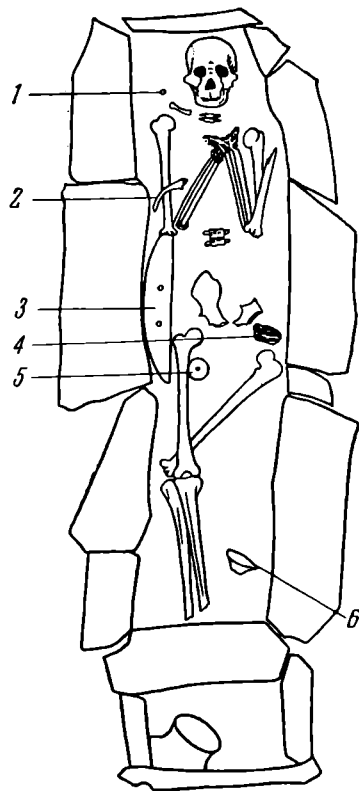

Рис. 11. План погребения в каменном ящике из могильника Ситуаньшань

1 — бусина; 2 — украшение из клыка кабана; 3 — шиферный серп; 4 — каменный топор; 5 — пряслице; 6 — чашка

сосудов с отпечатками веревочного штампа и резным орнаментом в виде треугольников. Иногда украшались зубчатым узором и сосуды типа ли. Из дополнительных украшений на посуде встречаются налесты и широкие ушки с отверстием. Типы посуды те же, что и на других поселениях (рис. 13, 5; 14, 14, 16).

Топоры здесь прямоугольные или округлые в поперечном сечении, со скошенным или округлым лезвием. Встречаются наконечники стрел, круглые палицы, шиферные шлифовальные ножи, кинжалы и наконечники

Рис. 12. Каменный ящик в районе г. Таншаня

копий. Найдены также сельскохозяйственные орудия в виде полулунных шиферных серпов, плечиковых мотыжек, зернотерок, курантов (рис. 8, 11; 10; 11, 3; 14, 10, 12).

Поселения и могильники эпохи бронзы распространены и к югу от г. Гирина. Так, в уезде Ляоян, в восточнее дер. Эрдаохэцунь, на ровной галечно-лессовой террасе открыт могильник и поселение с землянками, очагами и округлыми «зольными ямами». Там же найдены шлифованные топоры, каменные наконечники копий, шиферные серпы, сосуды типа ли, доу, кувшины с невысоким горлом, глиняные грузила-подвески.

Еще более богатый могильник, важный для датировки культуры каменных ящиков в целом, а также остатки поселений находятся в пров. Хэбэй в районе г. Таншань. Могильник открыт при строительстве около Сяогуаньчжуан и обследовал Ло Фу-и.

Всего вскрыто шесть расположенных в ряд могил, но, очевидно, их здесь значительно больше.

Устройство могил (с пристройками), ориентировка (запад — восток), а также инвентарь чрезвычайно напоминают могильник Ситуаньшань. В могиле найден горшок с низким отогнутым венчиком и поверхностью, украшенной текстильным орнаментом с прочерченными по нему горизонтальными параллельными линиями (могила № 1). Три сосуда из могил тюльпановидные — у них широкий горизонтальный венчик, цилиндрическая верхняя часть, отделенная от нижней, вогнутой внутрь части ребристым перегибом (могилы № 1, 3, 5). У двух таких сосудов нижняя часть покрыта веревочным узором. Нижняя и верхняя части их, по мнению Ань Чжи-миня, изготовлялись отдельно. В пятом погребении найден сосуд типа ли с низким отогнутым венчиком и плечиками, отделяющими его от нижней части. Большая часть сосуда заложена, и только на дне и внутренней поверхности ножек сохранились текстильные отпечатки.

Каменный топор, найденный вблизи погребения, — округлый в поперечном сечении и обработан точечной ретушью. Из бронзовых изделий найдено височное кольцо, поразительно близкое андроновским из Минусинского края (рис. 15, 7).

В 1 км от могильника, в районе Баошэньмяо, найдено пять литейных форм для ножа, копий и кельта, а также каменный топор округлый в поперечном сечении, обработанный точечной ретушью.

Литейные формы вырезаны из плотного мягкого камня. Их тыльная сторона, боковые грани и углы отполированы до блеска. Вверху имеется

сток для вливания металла. Для скрепления служили специальные желобки. Гипсовые отливки дают представление об орудиях, которые отливались из металла в этих формах (рис. 15, 8, 9, 12, 14).

Все эти находки, как уже указывалось, имеют исключительное значение для датировки культуры каменных ящиков Дунбэя и определения территории ее распространения.

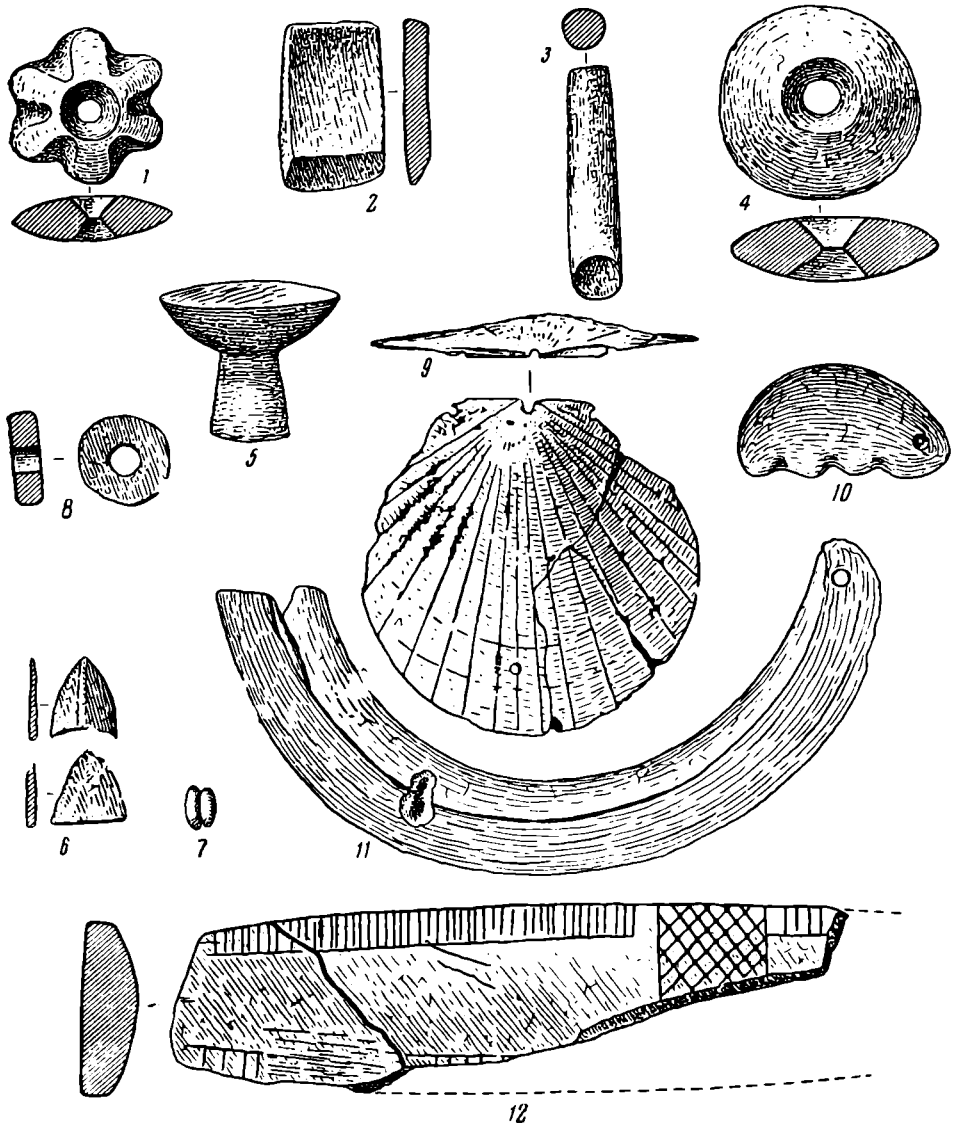

Рис. 13. Вещи, найденные в поселении и могильнике Тяньцяолин

1, 4 — каменные палцы; 2—3 — топоры; 5 — сосуд типа доу; 6 — шиферные наконечники стрел; 7 — бусина; 8 — глиняный грузик; 9 — просверленная морская раковина; 10 — подвеска из камня; 11 — просверленный кабаный клык; 12—орнаментированная костяная пластинка

Третий крупный центр культуры каменных ящиков, тесно связанный с Гирином и Чифэном, но в то же время отличный от них, расположен к востоку от хребта Чанбошань, вблизи границы с КНДР. Здесь в первую очередь следует отметить могильник около дер. Сяоиньцзы, где на площади 200 м² раскопано 52 плиточные могилы. Здесь найдено несколько целых глиняных сосудов. Это усеченно-конической формы горшок со

Рис. 14. Вещи, найденные в могильнике Яньцзи (1—11) и на поселении Бойцаогоу около г. Гирин

Изделия из кости: 1—2 — обломки кинжалов; 3 — игольник с иглами; 4 — ложка; 5 — отжимник; 6 — заколка; 7—9 — обломки изделий; 11 — наконечники стрел, 13 — навершие палцы; 10, 12, — шиферные серпы, 15 — каменный топор; 14, 16 — глиняная посуда

слегка отогнутым венчиком, покрытым продольными насечками (рис. 16, 17), горшки с суженной придонной частью (рис. 16, 18) и сосуд с вертикальными непрофилированными стенками (рис. 16, 13). Пряслица глиняные и каменные, имеют обычно биконическую форму (рис. 16, 1). Каменные орудия по технике изготовления можно разделить на две группы: шлифованные и оббитые. Рубящие шлифованные орудия включают прямоугольные и овальные топоры, плоскоовальные тесла и долота с узким по сравнению с обушком лезвием. Сюда же относятся своеобразные шлифованные орудия в виде пробойников, стамески, круглая палица, полулунный нож из шифера с отверстиями и листовидный нож с короткой рукояткой. Наконечники стрел узкие длинные с прямым или выемчатым основанием или короткие с таким же выемчатым, часто асимметричным основанием. Некоторые наконечники имеют характерный продольный желобок.

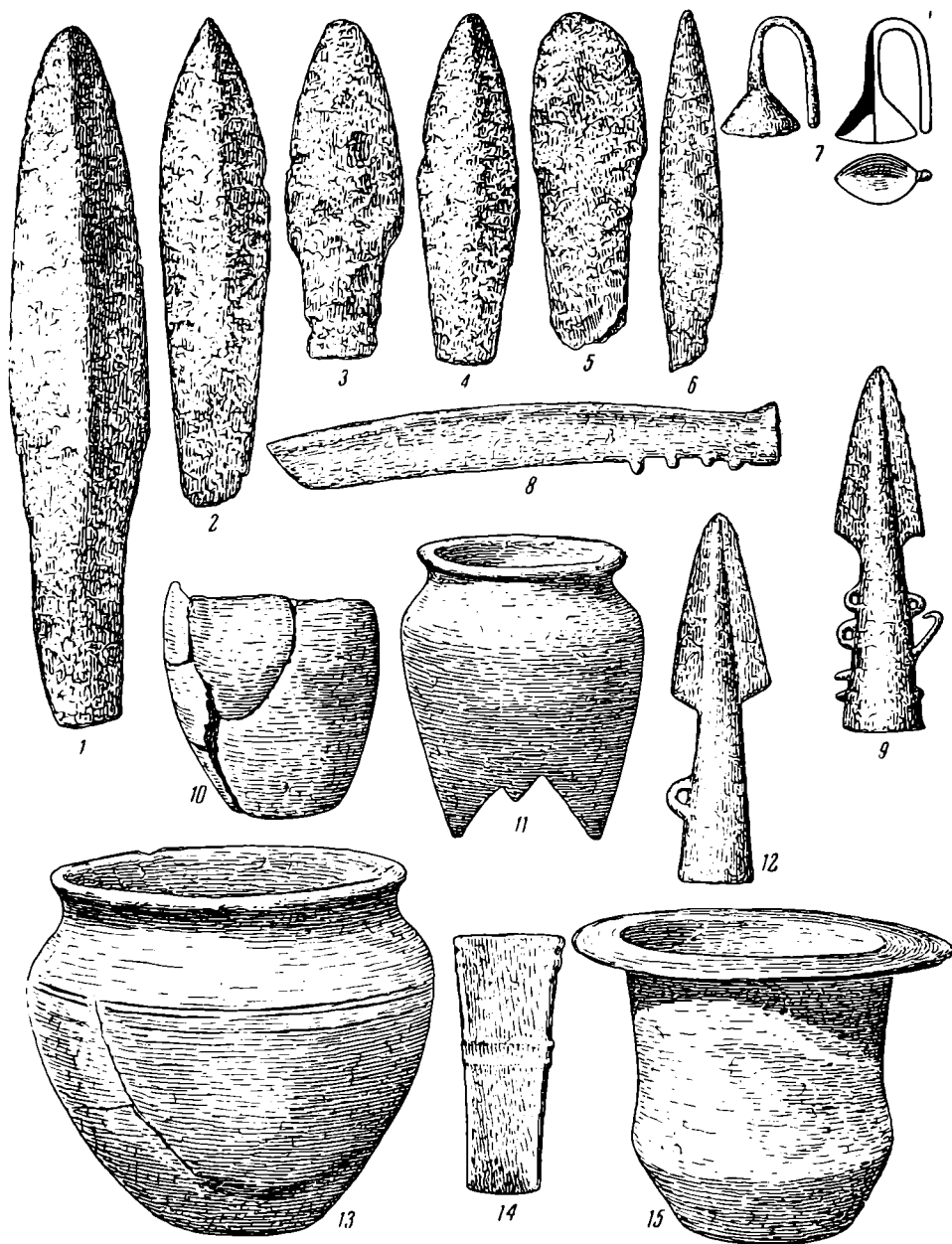

Рис. 15. Вещи, найденные в могильниках Тяньцялин и Сяогуаньчжуан

1—6 — шиферные наконечники копий и ножи; 7 — бронзовое украшение андроновского типа; 8 — гипсовая отливка ножа из литейной формы, найденной около Таншаня; 9 и 12 — гипсовые отливки наконечников копий; 10, 11, 13 и 15 — сосуды; 14 — гипсовая отливка кельта с литейной] формы, найденной около Таншаня

Среди оббитых орудий имеются наконечники стрел, тонко отретушированные, треугольные, иногда с легкими выемками длинных боковых сторон (рис. 16, 2, 3), наконечники дротиков, также покрытые тонкой ретушью (рис. 16, 8). Наконечники стрел обычно встречаются в могилах большими группами — по 43 и даже 86 экземпляров. Мастерски обработаны прямоугольные и треугольные лезвия с пильчатой ретушью для вкладышевых кинжалов (рис. 16, 7, 12). В могилах часто встречаются характерные искривленные острия — проколки, пластины, проколки с крутой ретушью по краю, скребки и ножи из пластинчатых отщепов.

Для изготовления орудий и разнообразных изделий широко применялась кость. Так, из длинных продольно расколотых и заполированных костей свиньи или оленя делали кинжалы. Навершием рукояток таких кинжалов служили обычно эпифизы. Длинные боковые стороны кинжалов не заострены, поэтому они применялись, очевидно, как колющее оружие (рис. 14, 1, 2). В могилах кинжалы встречаются по два — четыре в погребении. Наконечники стрел из кости разделяются на шиловидные, ланцетовидные с ромбическим поперечным сечением и треугольные с желобком (рис. 14, 11). Кроме того, в могилах встречаются костяные отжимники, шилья, проколки, игольники с иглами (рис. 14, 3), ложки, лопаточки

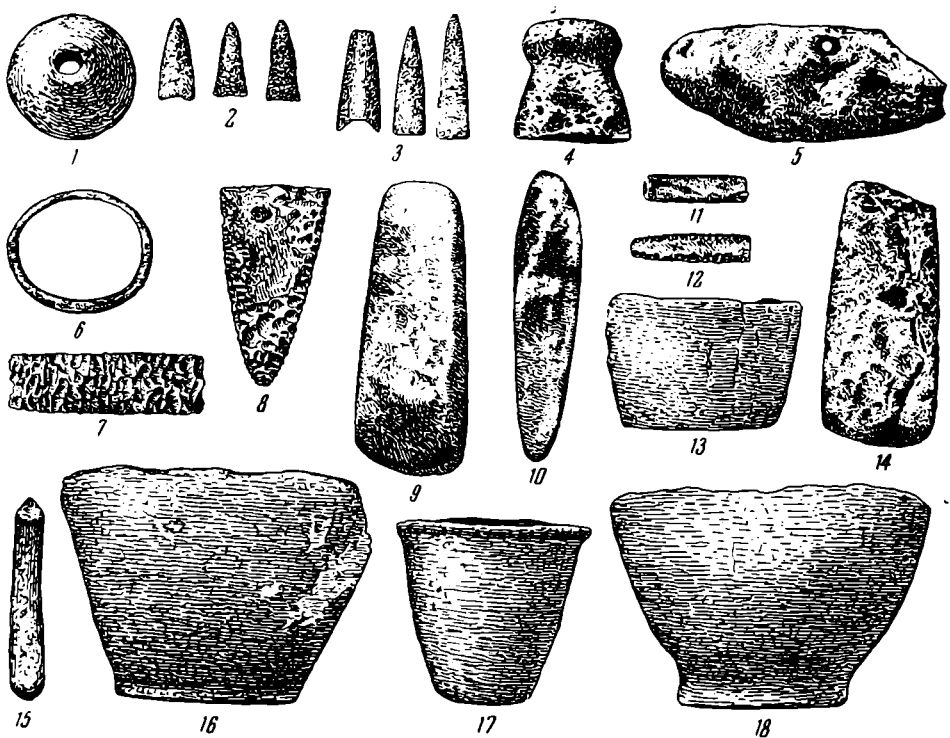

Рис. 16. Вещи, найденные в могильнике Сяоиньцзы

1 — пряслице; 2, 3, 8 — каменные наконечники стрел; 4 — костяной терочник; 5 — обломок шиферного серпа; 6 — кольцо из раковины; 7, 12 — вкладыши ретушированные; 9, 10, 14 — каменные топоры; 11 — бусина; 15 — отжимник; 16 — 18 — глиняная посуда

(рис. 14, 4), обкладки луков (рис. 14, 7, 8) и своеобразные костяные терочники (рис. 16, 4). Верхняя часть одного из таких терочников украшена прекрасно вырезанным лицом человека с характерными монголоидными чертами.

Среди украшений имеются мраморные, раковинные и нефритовые кольца-хуаны, длинные цилиндрические бусы, маленькие кружки, пол-вески из клыков животных (рис. 16, 6, 11).

Второй могильник обнаружен в уезде Ванцин Корейского автономного округа, в 4—5 км к югу от дер. Тяньцяолин, на склоне невысокой возвышенности, носящей название Сифаншань. Здесь открыто при строительных работах семь каменных кладок. Они расположены на глубине 1,2—1,8 м. Как и в Сяоиньцзы, костяки ориентированы головой на запад. Найденные при раскопках фрагменты керамики, по-видимому, принадлежали усеченно-коническим и горшковидным сосудам с узкой придонной частью. В числе обнаруженных в могилах изделий из камня следует упо-

мянуть шлифованные топоры уже знакомых нам типов и узкое длинное орудие, напоминающее стамеску (рис. 8, 9). Сельскохозяйственные орудия представлены в могиле четырьмя шиферными серпами прямоугольной формы и каменной мотыгой. Из шифера изготовлены также десять кинжалов, три из которых имеют листовидное острие и рукоятку с прорезьями или отверстием на конце и один наконечник стрелы (рис. 15, 1—6). Найдены также костяные шилья и гребень длиной около 10 см, шириной 3,2 см. Среди украшений следует отметить плоские круглые бусинки из раковин, расколотые клыки кабана, костяные и каменные плоско-округлые трубочки, морскую раковину-подвеску, подвеску из яшмы в форме рыбки; найден также обломок костяного предмета с выгравированным на нем геометрическим узором (рис. 13, 7—12). Имеются и глиняные грузики.

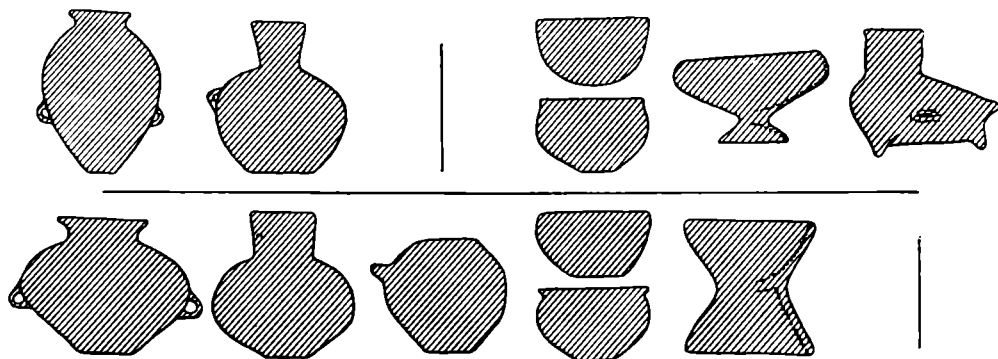

Рис. 17. Сравнительная таблица керамики эпохи неолита (вверху) и бронзы (внизу). Хуншань, Чифэн

Кроме могильников, в указанном районе известны и многочисленные стоянки эпохи бронзы, расположенные в основном в среднем течении р. Хуньцзянь, а также в уезде Ванцин. На этих поселениях встречается в основном тот же инвентарь, что и в могильниках; следует лишь отметить отсутствие в керамике сосудов типа ли и дин. На поселении Байцаогуо интересна находка гадательных костей.

Подводя итоги рассмотренному выше материалу, следует отметить, что памятники культуры бронзы Дунбэя охватывают значительную по протяжению территорию — от юго-востока Внутренней Монголии до границ Северной Кореи. Появление этой новой культуры не означало вместе с тем перерыва в развитии местных племен. Она всеми корнями связана с культурой предшествующего неолитического времени, и прежде всего с группой наиболее ярких неолитических памятников, составляющих ядро дунбэйского неолита. Это памятники с крашеной керамикой и усеченно-коническими сосудами, украшенными зигзагообразным орнаментом, известные в районе Чифэна и Шаготуна¹⁶. Связь эта подтверждается прежде всего широким использованием типологически характерных каменных орудий. Сюда входят овальные и прямоугольные в сечении топоры, трапециевидные в сечении тесла, долота с широким обушком и суженным лезвием, оббитые наконечники стрел с выемчатым основанием.

Для обработки земли в эпоху бронзы применяются те же характерные для неолита Дунбэя каменные лемехи плугов, плечиковые топоры-мотыжки, шиферные серпы, зернотерки, куранты, песты, терочки.

Столь же ясно эту связь с предшествующей культурой неолита отражает керамика бронзового века. Люди культуры каменных ящиков в

¹⁶ К. Hamada, Hung-Shan-Hou, Chin-Feng. *Archaeologia Orientalis*, Series A, т. VI, 1938; J. G. Andersson. *The Cave-deposit at Sha Kuo Tun in Fengtien. Palaeontologia Sinica*, серия D, т. I, Peking, 1923; см. также В. Е. Ларичев. Неолит Дунбэя и его связи с культурами северо-восточной Азии. *Археологический сборник*, т. I, Улан-Удэ, 1959.

Дунбэе по-прежнему выделявали низкие чаши, усеченно-конические сосуды, амфоровидные сосуды с ушками, шаровидные сосуды с высоким горлом и, наконец, специфические баночные сосуды с такими же, как в неолите, характерными чертами — беспорядочными оттисками гребенки и наlepными горизонтальными или вертикальными валиками. Встречаются также сосуды типа доу. В качестве украшений употребляются цилиндрические бусы, кольца из нефрита, мрамора, раковин и глины.

В экономике центральное место по-прежнему занимают земледелие и скотоводство. Это, в первую очередь, возделывание традиционной для Северного Китая культуры проса. Не исключено, что в отдельных местах разводился рис. Об этом свидетельствует обнаруженная в одной из могил Тучэнцзы чаша с отверстиями на дне. Такие чаши в Китае и Корее применялись для распаривания риса. Сеялись, очевидно, также технические растения, из волокон которых выделялись ткани (лочан китайских летописей). Для той же цели употреблялась шерсть одомашненной овцы. Пряли на веретенах с помощью пряслиц, которые часто находят в женских могилах.

Как и в неолите, земля обрабатывалась не только каменными мотыгами, но и плугами с каменными и, возможно, бронзовыми наконечниками.

В качестве тягловой силы применялись, вероятно, одомашненные еще в каменном веке бык и лошадь. Мясо этих животных употреблялось в пищу. Широко разводились также домашние свиньи и собаки. В западных степных районах Жэхэ появилась, кроме того, овца.

Из других хозяйственных занятий важную роль играло рыболовство. В могилах иногда находят глиняные грузики от рыболовных сетей. Охотились, судя по костным остаткам, главным образом на оленя. Хозяйство культуры каменных ящиков Дунбэя, следовательно, было многоотраслевым.

Неудивительно поэтому, что, как и в неолите, поселения культуры бронзы Дунбэя имеют все признаки продолжительного обитания людей. Их характеризует значительная площадь, мощный культурный слой, большое количество хозяйственных ям и жилищ-землянок. Все это продолжает традиции неолита.

Вместе с тем в культуре дунбэйских племен появилось много нового. Новое заключается прежде всего в освоении металла. В могилах и на поселениях вместе с каменными орудиями встречаются бронзовые кельты, наконечники копий и стрел, ножи, серпы, украшения. О местном производстве таких бронзовых изделий свидетельствуют находки каменных литейных форм. Из камня начали изготавливать новые типы орудий — топоры с отверстием иньского и чжоуского типа, сверленные клиновидные топоры и плоские или шаровидные палицы с отверстием посередине. Вместо кремня для изготовления орудий стал в основном применяться шифер. Широкое распространение получили шиферные наконечники стрел, ножи, кинжалы, наконечники копий.

Претерпевают заметные изменения и орудия обработки земли. Плуги обычно прекрасно отшлифованы и имеют геометрически правильную ивовистую форму. Плечиковые мотыжки приобретают характерную «скриповидную» форму. Прямоугольные серпы сменяются полулунными серпами иньского типа. В старых формах керамики также ясно прослеживаются новые черты — профилировка чаш становится более резкой (прямые стенки), усеченно-конические сосуды уменьшаются в размерах и лишаются характерного зигзагообразного орнамента, у шаровидных сосудов горловина делается ниже, а в некоторых случаях исчезает совсем. У сосудов типа доу уменьшается резервуар и увеличивается в размере поддон, который иногда бывает больше самого резервуара. Появляются также новые виды керамики: низкие цилиндрические сосуды в виде котелка и тарелки с низкими вертикальными стенками. Но самое глав-

ное заключается в появлении на поселениях большого количества отсутствующих здесь в неолите специфически китайских сосудов типа ли и дин. Они являются самой яркой отличительной чертой инвентаря поселений эпохи бронзы в Дунбэе.

Новое заключается также в единообразии культуры каменных ящиков на всей территории Дунбэя. Культура эта лишена тех локальных различий, которые характерны для неолитических провинций Дунбэя в каменном веке. Все локальные неолитические культуры теперь как бы нивелируются и перекрываются единообразной культурой бронзы. Эта единая культура распространяется не только на территории собственно Дунбэя.

С ее возникновением связан факт большого исторического значения — распространение этой культуры на север, к Байкалу. Это было подготовлено и облегчено всем предшествующим ходом исторического развития — тесными культурными и этническими связями племен забайкальской даурской культуры с племенами северодунбэйской культуры (Анаши) в неолите, а также последующими связями этих племен в эпоху ранней бронзы (Фофаново). В результате в Забайкалье в эпоху бронзы появляется культура плиточных могил, которая по основным признакам (родовые кладбища, восточная ориентировка, сосуды типа ли в могилах) очень близка к дунбэйской культуре каменных ящиков¹⁷. Все это также является показателем больших перемен в общественной жизни дунбэйских и забайкальских племен. В памятниках дунбэйской и забайкальской культур можно видеть черты большой этно-племенной близости. Может быть, в этом сказываются черты какого-то и политического объединения, которое предшествовало гуннскому племенному союзу. В китайских летописях нет сведений об этом, но вся обстановка и весь ход событий здесь в иньско-чжоусское время свидетельствуют о том, что оно могло существовать¹⁸.

Лишь одна группа памятников, расположенных в горной Маньчжурии, к востоку от Чанбошань, имеет очень своеобразные черты. Это культура яньци. Здесь на поселениях и могильниках отсутствуют сосуды типа ли и дин, вместе с шиферными изделиями продолжают широко использоваться оббитые кремневые орудия. Из кости выделяются кинжалы, наконечники стрел, отжимники и т. п. Ориентировка погребенных в этой культуре противоположна той, которая наблюдается в могильниках Жэхэ, Гирина, Ляонина и Забайкалья. Это область горных племен Дунбэя, отрезанных от ключевых центров культуры бронзы.

Новый шаг был сделан и в области культурных связей Дунбэя с соседними территориями, прежде всего с иньским Китаем (эта связь могла быть тем более тесной, что памятники дунбэйского типа прослеживаются и в собственно Китае, например в провинции Хэбэй в районе г. Таньшань¹⁹).

¹⁷ Г. П. Сосновский. Плиточные могилы Забайкалья. Тр. ОИПК Гос. Эрмитажа, т. I, 1941, стр. 273—309; А. П. Окладников. Археологические исследования в низовьях реки Селенги. КСИИМК, вып. XXXV, 1950, стр. 85—90; его же. Археологические исследования в Бурят-Монголии в 1947 г. ВДИ, 1948, № 3, стр. 155—163; его же. О раскопках в долине р. Селенги летом 1947 года. Зап. Бурят-Монгольского научно-исследовательского института культуры, 1950, т. X, стр. 61—64; его же. Эпоха первобытно-общинного строя на территории Бурят-Монголии. История Бурят-Монгольской АССР, т. I, Улан-Удэ, 1951, стр. 33; его же. Археологические исследования в Бурят-Монголии. Изв. ИАН, серия истории и философии, т. VII, № 5, 1951, стр. 440—450; его же. Забайкалье в I тысячелетии до н. э. Народы Сибири, М., 1956, стр. 83—92.

¹⁸ Эта точка зрения автора страдает известной односторонностью, так как не учитывает одновременно с дунбэйскими распространение культуры каменных ящиков в Ордосе и МНР. Последние не в меньшей степени могли послужить причиной появления сходных форм в Забайкалье (Ред.).

¹⁹ Ань Чжи-лин. Каменные могилы в Таньшань, а также культурные остатки, связанные с ними. КС, № 7, 1954, стр. 77—86

Многие культурные достижения (и в первую очередь знакомство с металлом) стали возможными в Дунбэе благодаря влиянию культуры Инь. Характерно, что военное бронзовое оружие дунбэйцев копирует в большинстве случаев иньские образцы. Наконечники копий, кельт и нож, которые отливались в литейных формах из Таньшаня, являются точной копией иньских. Кельты более позднего времени копируют чжоуские. К собственно дунбэйским изделиям из бронзы относятся украшения — височные кольца с заходящими концами, нашивные подвески из связанных вместе круглых бляшек, андроновская подвеска.

Дунбэйцы строят свои жилища по иньскому способу, «сбивая землю наподобие плотины». Такой способ доживает здесь, судя по летописным данным, вплоть до ханьского времени, когда сами китайцы уже его забыли. Культурные связи Дунбэя и Китая в это время, вероятно, идут гораздо дальше простого обмена и влияния. Появление здесь большого количества сосудов типа дин и ли свидетельствует о проникновении в среду дунбэйских племен самих китайцев. Это проникновение было вызвано, очевидно, крупными изменениями в Китае, связанными сначала с образованием государства Шан-Инь, а затем разгромом его Западным Чжоу. Известно, что не последнюю роль в этом разгроме сыграли «дун-и» — «восточные варвары», войска которых входили в состав чжоуской армии. Часть иньских племен бежала на северо-восток. Туда же несколько позже была направлена экспансия Чжоу. В этот период, наполненный бурными политическими событиями, и создавалась культура каменных ящиков Дунбэя и Монголии. С ними же, очевидно, связано ее распространение на север до Забайкалья²⁰.

На востоке к дунбэйской культуре бронзы близка культура дольменов Кореи и культура раковинных куч на территории советского Приморья. Здесь такие же четырехугольные в плане землянки; для изготовления орудий широко используется шифер, полностью исчезают оббитые каменные орудия. Появляются сходные формы керамики (за исключением сосудов типа ли и дин). Охота, являвшаяся основной формой хозяйства, сменяется земледелием (серпы, зернотерки, мотыги) и скотоводством (свиноводство)²¹.

На западе и северо-западе Дунбэй продолжает сохранять культурные связи с Ордосом и Монголией, а через них — с Сибирью и Казахстаном²². Отражением этих связей являются андроновская подвеска, карасукские бусы из крупных бляшек-тройчаток, ножи, пуговицы²³. В карасукское время на западе преобладают близкие дунбэйским шаровидные сосуды. В Казахстане встречаются также выеобразные сосуды, отдаленно напоминающие сосуды типа ли (Дындыбай). Отдельные связи прослеживаются еще дальше на запад, вплоть до Поволжья и Северного Кавказа²⁴. Это объясняет появление в Дунбэе характерных для Восточной Европы клиновидных сверленных топоров и характерных для катакомбной культуры Нижнего Поволжья шаровидных булав.

Вопрос о датировке культуры каменных ящиков Дунбэя решается в тесной связи с теми широкими восточными и западными параллелями,

²⁰ А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. III (Глазковское время). МИА, № 43, 1955, стр. 166—202; его же. История Якутской АССР, т. I, М.—Л., 1955, стр. 170—185.

²¹ А. П. Окладников. Приморье в I тысячелетии до нашей эры (по материалам поселений с раковинными кучами). СА, XXVI, 1956; В. Е. Ларичев. Стоянки культуры раковинных куч в районе бухты Тетюхе. СА, 1958, № 1.

²² А. П. Окладников. Археология и изучение древней истории Забайкалья. Состояние по основным вопросам истории Бурят-Монголии при Институте истории Академии наук СССР 27 октября 1952 года. Тезисы докладов. Улан-Удэ, 1952, стр. 21—22.

²³ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951; С. А. Теплоухов. Древние погребения Минусинского края. МЭ, т. III, вып. 2, Л., 1927.

²⁴ М. П. Грязнов. Древняя бронза Минусинских степей. I. Бронзовые кельты. Тр. ОИПК Гос. Эрмитажа, т. I, 1941, стр. 237—271.

о которых говорилось выше. Эта культура появляется в иньское время, переживает свой расцвет в начале чжоу и доживает вплоть до железа (эпоха Чжаньго). По крайней мере, ничего ханьского (керамики, зеркал) и циньского в ней нет. Важно отметить, что археологические данные о племенах Дунбэя в иньско-чжоуское время дополняются богатыми летописными данными китайских хроник ханьского и более позднего времени. Летописцы, по всей видимости, использовали данные о «варварах» не только своего времени, но и предшествующего. За лаконичными строками китайских историков встает живая жизнь этих племен, их страны. В Китае древнейшие племена Дунбэя известны под именем сушень, или илоу²⁵.

В связи с этими данными встает большая и сложная проблема этнической принадлежности древних народов Дунбэя, культура которых характеризуется своеобразными чертами со времени неолита. Она заслуживает специального исследования, которое, весьма вероятно, позволит отнести дунбэйские племена эпохи неолита и бронзы к предкам тунгусо-маньчжуров. С этим же согласуется давняя историческая традиция, согласно которой сушень и илоу были предками маньчжуров.

²⁵ Со времени первых археологических находок эпохи неолита и бронзы в Дунбэе и Приморье историки связывают их с илоу и сушень. См. В. Лауфер. *A Study in Chinese Archaeology and Religion*. Field. Mus. Nat. Hist., Anthropol. Serii, т. 10, 1912; его же. *Chinese Clay Figures*. Chicago, 1914; Р. Тоги. Ук. соч.; См. П. Кафаров. *Этнографическая экспедиция в Южно-Уссурийский край*. ИРГО, т. VI, вып. 6—7, СПб., 1870; Ф. Ф. Буссе. *Остатки древности в долинах Лефу, Даубихэ и Улахэ*. Зап. Общества изучения Амурского края, т. I, Владивосток, 1888.

БОНДАРИХИНСКАЯ КУЛЬТУРА БРОНЗОВОГО ВЕКА

Изучение памятников времени поздней бронзы имеет большое значение для выяснения вопросов о происхождении различных культур раннего железного века и этнических связей племен, являвшихся носителями этих культур.

В результате исследований генезиса культур раннего железного века на территории УССР удалось установить, что основные локальные группы по своему происхождению восходят к различным культурам бронзового века. Так, в настоящее время можно считать твердо установленным, что памятники скифского типа в правобережной лесостепи сложились на основе местной белогрудовской и чернолесской культур начала I тысячелетия до н. э. Имеются серьезные основания предполагать, что скифская культура степной полосы ведет происхождение от срубной культуры юга Восточной Европы, а памятники племен, обитавших на территории Молдавии, происходят от местных культур (типа Монтеору-Ноа) эпохи бронзы Днестро-Дунайского бассейна.

Стало очевидным, что носители различных групп скифской культуры не были единым народом, а являлись племенами, отличавшимися друг от друга как по происхождению, так и по своему этническому составу.

Серьезное отставание создалось в изучении вопросов происхождения культур племен, обитавших в скифское время на территории Левобережной лесостепи. Оно было обусловлено в значительной степени тем, что долгое время оставалось неясным, какая культура существовала на этой территории в конце бронзового века и какое отношение имела она к памятникам, распространенным здесь в раннем железном веке.

Этот недостаток в известной степени восполняется результатами исследований, произведенных в лесостепи к востоку от Днепра в течение последних лет.

В 1951 году Д. Я. Телегин, производя раскопки неолитического поселения в урочище Бондариха на левом берегу Северского Донца около г. Изюма, обнаружил землянку позднего бронзового века. В ней было найдено небольшое количество обломков глиняных сосудов не известного ранее типа, одна целая и два обломка створок каменных форм для отливки бронзовых кельтов и несколько кремневых вкладышей для серпов¹.

Раскопки, произведенные на этом поселении в 1953 г., позволили установить ранее не известную культуру поздней ступени бронзового века, названную по месту раскопок «бондарихинской»².

В 1955 г. поселение с бондарихинской культурой было исследовано Г. Т. Ковпаненко у с. Хухры Ахтырского района на р. Ворскле³. В 1956 г. автором были произведены раскопки подобного же поселения у с. Оскол Боровского района Харьковской области⁴.

¹ Д. Я. Телегин. Дослідження поселень епохи бронзи на Дінці. АП, т. VI, 1956 стр. 75.

² В. А. Іллінська. Нові дані про пам'ятки доби бронзи в Лівобережному Лісостепу. Археологія, т. X, 1957, стр. 50 сл.

³ Г. Т. Ковпаненко. Поселення періоду пізньої бронзи і раннього заліза поблизу Охтирки. Археологія, т. XI, 1957, стр. 95.

⁴ В. А. Ильинская. Раскопки поселения бондарихинской культуры у с. Оскола. КСИА, вып. 8, 1959, стр. 80—84

Кроме упомянутых выше памятников, исследованных путем раскопок, по данным археологических разведок известны еще следующие поселения бондарихинской культуры: на Северском Донце — у сс. Брусовка, Диброва, Кибикинское, Дробышово⁵, Шмаровка, Большая Даниловка⁶, на р. Оскол у сс. Большие Базы, Загрисово, Жовтневе, Подлиман⁷, на Ворскле — у хутора Козинка близ Грайворона⁸, у хутора Марки⁹ и у с. Ницахи¹⁰.

В бассейне р. Сулы отдельные обломки посуды бондарихинского типа были выделены среди керамических комплексов поселения середины I тысячелетия н. э. у с. Беседовка (раскопки Е. В. Махно 1949 г.) и древнерусского городища у с. Воинская Гребля (раскопки В. К. Гончарова в 1956 г.).

По данным В. П. Левенка, керамика бондарихинского типа встречается на Десне в нижних слоях городищ юхновской культуры и на стоянках переходного времени от бронзы к железу¹¹.

Таким образом, удается установить, что бондарихинская культура была распространена не только на южной окраине Левобережной лесостепи, где она в настоящее время лучше изучена, но и в более северных районах, вплоть до Десны.

Поселения бондарихинской культуры расположены обычно у края первой надпойменной террасы основного русла или старицы реки. Культурные остатки на поселениях залегают не сплошным слоем на всей площади, а образуют отдельные скопления, в промежутках между которыми находок почти не встречается. Эти насыщенные находками «пятна» культурного слоя соответствуют обычно местам древних землянок (Бондариха), или наземных жилищ (Хухры, Оскол, раскоп № 2).

Основную массу находок на поселениях составляет лепная посуда. Чаще всего встречаются обломки сосудов среднего размера с диаметром венчика от 20 до 27 см. Реже — небольшие горшочки (15—17 см) и обломки крупных сосудов (до 32 см диаметром по венчику). Средняя толщина стенок 6—7 мм. Глина с примесью песка. Горшки крупных размеров содержат более грубую примесь. На поверхности сосудов часто бывают заметны полосы и штрихи от вертикального заглаживания. Встречаются сосуды и с гладкой поверхностью. Особенной тщательностью отделки отличаются тонкостенные небольшие горшочки.

Наиболее обычными являются высокие горшки с небольшим дном, туловом, расширяющимся на середине высоты, прямыми стенками со слабо обозначенной шейкой и еле заметным отгибом венчика. Наиболее полное представление об этой форме дает сосуд, найденный возле с. Большие Базы¹² (рис. 1, 1). Высота его 28 см, диаметр венчика 24,5 см. Сосуд орнаментирован тремя горизонтальными рядами узких треугольных ямок, сделанных концом плоской щепочки в верхней части тулова и узкими косыми насечками по краю. Обломки сосудов такого профиля постоянно встречаются на всех других бондарихинских поселениях (рис. 1, 5, 7, 9, 13).

⁵ Д. Я. Телегин. Ук. соч., стр. 81.

⁶ Материал частично опубликован. См. Б. А. Шрамко. Новые поселения и жилища скифского времени в бассейне Северного Донца. КСИИМК, вып. 54, 1954, стр. 114; его же. Новые памятники предскифского периода на Северном Донце. КСИИМК, вып. 67, 1957, стр. 17.

⁷ Д. Я. Телегин. Оскольская экспедиция 1955—56 гг. КСИА, вып. 8, 1959, стр. 78; Д. Т. Березовец. Раскопки и разведки 1956 г.

⁸ Разведка С. Н. Одиной 1949 г.; материал хранится в Ин-те археологии АН УССР.

⁹ Разведка В. А. Товкачевского 1948 г.; материал хранится в Ин-те археологии АН УССР.

¹⁰ Разведка Г. Т. Ковпаненко. См. Г. Т. Ковпаненко. Ук. соч., стр. 95.

¹¹ В. П. Левенок. Городища юхновской культуры в Среднем и Верхнем Подесенье. КСИА, вып. 7, 1957, стр. 53.

¹² Д. Я. Телегин. Оскольская экспедиция 1955—56 гг., стр. 78.

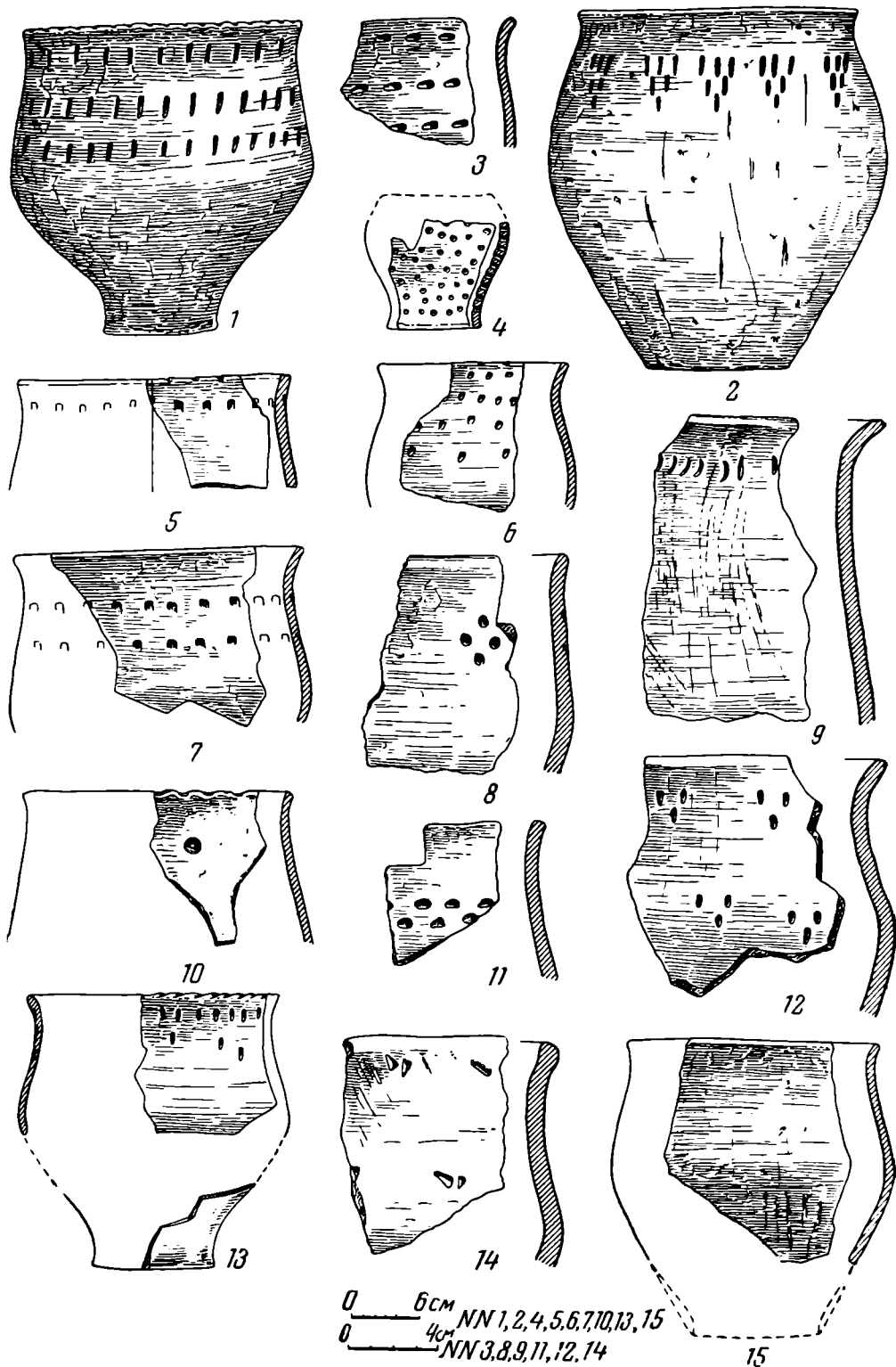

Рис. 1. Посуда бондарихинского типа

1 — поселения у с. Большие Еазы на р. Оскол; 2—7, 10, 11, 15 — поселения у с. Оскол;
 8—9, 12—14 — поселения у с. Бондариха

Вторую типичную форму представляют собой горшки со стенками, слегка сужающимися кверху и плавным переходом от пояса к днищу. Таков, например, сосуд, найденный в 3 км от первого на поселении у с. Оскол (рис. 1, 2). Сосуд коричневого цвета с темными пятнами; в глине примеси песка и крупной дресвы, на поверхности штрихи от заглаживания. Сосуд орнаментирован вертикальными ямками, сгруппированными в треугольники. Высота сосуда 32,5 см, диаметр венчика 24 см.

Обе эти формы очень характерны для бондарихинской культуры. Они не образуют резко обособленных групп, поскольку имеется ряд сосудов промежуточных форм (рис. 1, 8, 15; рис. 2, 8, 14). Обломки сосудов с суженной шейкой и выпуклыми плечами встречаются редко и принадлежат главным образом горшкам небольшого размера.

Самым распространенным приемом орнаментации являются ямки, сделанные концом круглой палочки или плоской щепочки. Ямки могут иметь форму овала, кружка, четырехугольника, лопаточки, зубчика, серпика, уголка и проч. Щепочка с раздвоенным концом давала отпечатки в виде восьмерки (рис. 2, 16). Если при нажиме широкой лопаточкой делалось движение вперед, то наряду с углублением впереди него получался выпуклый невысокий бугорок (рис. 2, 4). Во многих случаях в отгисках хорошо заметна структура древесины того орудия, которым наносился орнамент.

Чаще всего орнамент состоит из одного горизонтального ряда ямок, идущих по шейке сосуда (рис. 1, 5, 9), иногда из двух, трех и даже четырех рядов (рис. 1, 3, 6, 7).

Обычен орнамент в виде треугольников, составленных из продолговатых ямок и обращенных вершиной вниз (рис. 1, 2; рис. 2, 10). Иногда орнамент состоит из двух рядов треугольников — один на шейке, другой на поясе сосуда (рис. 1, 12). Встречается узор в виде ромба или четырехугольника (рис. 1, 8). При помощи пальцевых вдавлений наносился ряд овальных ямок обычно по шейке сосуда (рис. 2, 11), иногда без определенного порядка (рис. 2, 2, 3, 14). Узор в виде восьмерки или «бантика» выполнялся щипком двумя пальцами (рис. 2, 13). Реже встречаются более сложные композиции из нескольких рядов рельефных отрезков, составленных из трех — пяти зашипов (рис. 2, 7). Края венчиков бывают гладкими или же украшенными по обрезу косыми насечками, отпечатками деревянной палочки, или пальцевыми нажимами. Отдельные сосуды бывают украшены только по венчику (рис. 2, 10). Много сосудов без орнамента (рис. 1, 15).

Описанные выше формы сосудов и приемы орнаментации наиболее характерны для посуды бондарихинской культуры. Наряду с ними на поселениях найдено небольшое количество посуды иных типов. В первую очередь это сосуды с прямыми расширяющимися кверху стенками. Два таких сосуда найдены в уроч. Бондариха. Один из них сплошь покрыт резным узором, состоящим из парных косых линий, образующих при пересечении фигуры ромбов и треугольников (рис. 2, 9), промежутки между парами линий заштрихованы. Треугольники кверху заштрихованы вертикальными черточками. Второй сосуд украшен вдоль края зигзагообразной полосой, а на середине высоты пояском из ромбов, составленных из рядов горизонтальных черточек (рис. 2, 12).

На поселении у с. Оскол был найден обломок тонкостенного сосуда с хорошо заглаженной поверхностью, украшенный ниже шейки поясом из горизонтальных полосок и рядов точек, сделанных тонкой палочкой. По шейке нанесен орнамент в виде ромбиков (рис. 2, 15). С этого же поселения происходят обломки, украшенные чередующимися горизонтальными прочерченными линиями и рядами ямок (рис. 2, 17), а также ряды ямок, перемежающихся с фестонами (рис. 2, 18).

На поселении у с. Оскол и в уроч. Бондариха было найдено несколько миниатюрных горшочков. Особый интерес представляет горшочек с пик-

Рис. 2. Посуда бондарихинского типа

1, 3, 4, 9, 12, 14 — поселение в урочище Бондариха; 2, 5—8, 10, 11, 13, 15—19 — поселение у с. Оскол

тографическими знаками, найденный в землянке на Бондарихе¹³. Следует отметить также обломки глиняных цедилок грушевидной формы, без дна, со стенками, покрытыми сквозными отверстиями (рис. 1, 4).

Необходимо остановиться еще на одной группе керамики, в формах и орнаментации которой сказываются черты влияния других культур времени поздней бронзы. К ним следует отнести горшки, украшенные по шейке валиковым налепом, чаще всего гладким, реже расчлененным насечками и пальцевыми нажимами. Количество таких сосудов невелико. На бондарихинском поселении найдено всего восемь фрагментов: из них шесть с гладким, два — с расчлененным валиком (рис. 3, 1, 2, 6), на оскольском поселении — три: один — с гладким, другой с расчлененным валиком (рис. 3, 11) и третий фрагмент большого толстостенного сосуда с пальцевыми ямками по краю и отрезком косо поставленного валика (рис. 3, 3). На поселении у с. Хухры найдено около 20 обломков сосудов с валиками. В большинстве случаев они гладкие; на некоторых валик расчленен группами косых насечек.

Валиковый орнамент встречается на горшках обычной формы и качества выделки. В большинстве случаев валик толстый и широкий, массивность его плохо сочетается со сравнительно тонкими стенками сосудов. Иногда валики встречаются вместе с обычным для бондарихинской культуры орнаментом. Так, на обломке сосуда из поселения у с. Шмаровка валик с пальцевыми ямками сочетался с рядом овальных ямок (рис. 3, 4), на другом — с двумя рядами опущенных вниз треугольников (рис. 3, 9). На поселении у с. Хухры валики часто сопровождались орнаментом в виде различного рода ямок, сделанных концом палочки (рис. 3, 5).

Не вызывает сомнения, что эти сосуды изготовлялись на поселениях бондарихинской культуры. Однако валиковый орнамент на них явно заимствован из позднесрубной или белогрудовско-чернолесской культуры, где он являлся одним из наиболее распространенных видов украшения простой кухонной посуды.

На селище у с. Оскол найден сосуд с широким биконическим корпусом и небольшим плоским дном (рис. 3, 7). По наибольшему диаметру корпуса проходит широкий пояс из трех оттянутых (а не наклепных) валиков. Поверхность залощенная, рыжеватого цвета. Этот сосуд по орнаментации не имеет себе прямых аналогий. Он является как бы подражанием ранним чернолесским корчагам, в отличие от которых украшен валиками по ребру тулова. На этом же поселении была найдена часть тонкостенного кубка с шаровидным корпусом и высоким цилиндрическим венчиком. Поверхность темная, подлощенная, без орнамента (рис. 3, 8). Оба вышеуказанных сосуда по форме имеют параллели среди керамики чернолесского типа на Правобережье. Влиянием этой же культуры, по-видимому, объясняются находки отдельных обломков керамики, украшенных круглыми шишечками и остроконечными налепами (рис. 3, 10, 12, 13).

Ярко выраженные чернолесские черты имеют найденные на оскольском поселении обломки сосудов, украшенных по поясу и плечикам сложным геометрическим узором, сделанным глубокими оттисками зубчатого чекана в сочетании с ямочными вдавлениями (рис. 3, 14).

Аналогичный орнамент имеется на обломке, найденном на городище чернолесской культуры у с. Залевки¹⁴ (рис. 4). На других обломках орнамент состоял из типичного для чернолесской культуры горизонтального пояса из нескольких рядов оттисков зубчатого штампа, от которого опускаются образованные такими же оттисками треугольники (рис. 3, 15, 16).

¹³ Д. Я. Телегін. Дослідження поселень епохи бронзи на Дінці..., стр. 79, рис. 4, 10.

¹⁴ Е. Ф. Покровська. Поселення VIII—VI ст. до н. е. на Тясміні. Археологія, т. VII, 1952, стр. 51, табл. IV, 5.

Рис. 3. Посуда бондарихинских поселений

1, 2, 6 — поселение в урочище Бондариха; 4, 9 — поселение у с. Шаровка; 3, 7, 8, 10-16 — поселение у с. Оскол; 5 — поселение у с. Хухры

Следы влияния чернолесской культуры, особенно сильно выраженные на поселении у с. Оскол, имеются и на некоторых других памятниках бондарихинской культуры (на поселении у с. Шмаровка и др.).

Возникновение контакта между племенами чернолесской и бондарихинской культур объясняется, по-видимому, той своеобразной исторической обстановкой, которая сложилась в Среднем Поднепровье в конце бронзового — начале железного века. Изучая памятники Поворскля, Г. Т. Ковпаненко установила, что в течение чернолесского времени произошло передвижение части населения из области днепровского Правобережья на Ворсклу, в результате чего здесь произошла смена бондарихинской культуры чернолесской, которая легла в основу ворсклинской локальной группы культуры скифского времени. Смена одной культуры другой ярче всего демонстрируется данными исследования около с. Хухры, где на месте бондарихинского поселения, приблизительно в начале VII в. до н. э. возникает селище чернолесской культуры¹⁵.

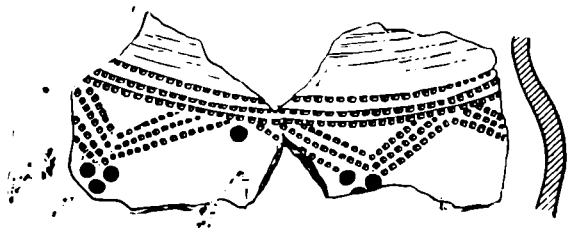

Рис. 4. Обломок сосуда с зубчатым орнаментом с городища чернолесской культуры у с. Залевки на р. Тясмин

Очевидно, в течение какого-то периода времени в бассейне Ворсклы обитали одновременно племена той и другой культуры. О непосредственном контакте бондарихинского и чернолесского населения на Ворскле говорит то обстоятельство, что бондарихинские сосуды с поселения у с. Хухры оказались во многих случаях украшенными сквозными проколами под венчиком. Этот орнамент, обычный для чернолесской керамики, не встречается на бондарихинских поселениях нигде, за исключением бассейна р. Ворсклы.

Помимо керамики на бондарихинских поселениях было найдено немало предметов из камня, кости и металла, характеризующих разные стороны хозяйственной жизни и культуры населения.

На поселении в уроч. Бондариха были найдены: половина каменного плоского молотка (рис. 5, 7), десять кремневых вкладышей для серпов (рис. 5, 9—11), две целые кварцитовые зернотерки и куски зернотерок, плоские и круглые терочные камни. В числе изделий из кости чаще всего встречались проколки и шилья (около 20); кроме того, здесь были найдены три скобеля из бычьих ребер, четыре долотообразных небольших орудия из расколотых трубчатых костей (рис. 6, 9, 11), два обломка от «муфты» из оленьего рога с отверстиями для насады (рис. 6, 8), просверленные посередине бычьей и конской бабки (рис. 6, 13, 14), пряслица из просверленной головки вертлужной кости животного (рис. 6, 7). В землянке, исследованной в 1951 году, была найдена створка литейной формы из талька, на обеих сторонах которой имелись матрицы для отливки шестигранных двухушковых кельтов, а на боковой стороне процарапан контур кинжала или ножа с параллельными лезвиями (очевидно, начатая матрица, рис. 5, 1, 2, 3). Здесь же оказались обломки еще двух каменных литейных форм для отливки кельтов. В одной из ям при раскопках 1953 года вместе с обломками керамики бондарихинского типа обнаружено небольшое железное четырехгранное шильце, сделанное точно по бронзовым образцам (рис. 5, 6).

Весь комплекс предметов указывает на то, что данное поселение относится к концу периода бронзы и началу железа.

¹⁵ Г. Т. Ковпаненко. Ук. соч., стр. 95, 99.

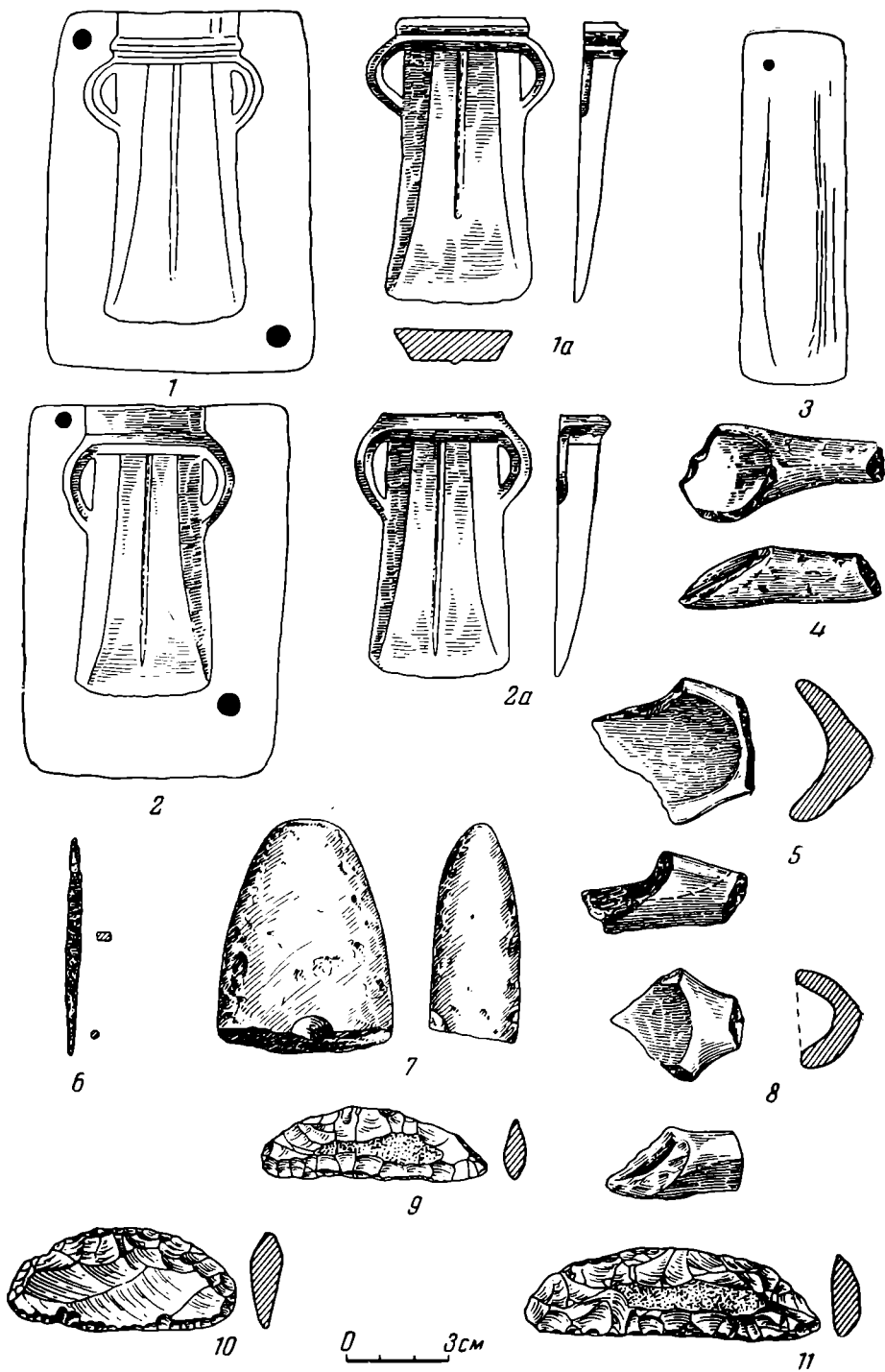

Рис. 5. Предметы, найденные на бондарихинских поселениях
 1, 2, 3, 6, 7, 9—11 — поселение в урочище Бондариха; 4, 8 — поселение у с. Дробышово;
 5 — поселение у г. Оскол

Количество кремневых вкладышей для серпов на поселении в урочище Бондариха оказалось довольно значительным. Вкладыши (рис. 5, 9—11) имеют вид широких однолезвийных ножей с овально закругленным или острым концом. Рабочий край, отретушированный с двух сторон, залощен от употребления.

Кремневые вкладыши для серпов, близкие по форме, в большом количестве встречаются на поселениях белогрудовской культуры X—IX вв. до н. э.¹⁶ Несколько позднее, в чернолесское время, они выходят из употребления и почти не встречаются.

Плоский топор — молоток, со следами начатого сверления, также имеет аналогии среди подобного рода изделий белогрудовских селищ.

Каменная матрица и кельты, отливавшиеся по ней (рис. 5, 1, 2) имеют аналогии среди кладов литейных форм и бронзовых изделий Северного Причерноморья, относящихся к позднерубной культуре. В качестве примеров можно привести формы для отливки двухушковых шестигранных кельтов с одним или двумя ободками по верхнему краю, происходящие из клада у с. Кардашинки¹⁷, матрицу из клада литейных форм у с. Волошкового и, наконец, литейную форму, найденную у с. Солохи¹⁸. От наших литейных форм эти кельты отличаются только отсутствием центральной нервюры. Однако такие рельефные полоски посередине плоской грани встречаются в украшении степных кельтов другого типа — без ушек¹⁹.

Находка литейных формочек для отливки кельтов позволяет сопоставлять поселение в уроч. Бондариха с такими памятниками степной полосы, как поселение у с. Волошское²⁰ и аналогичные ему по материалу поселения типа Сабатиновки и нижнего слоя Ушкалки²¹. Верхний слой ушкалского поселения удается синхронизировать с поздней порой Белогрудовки и начальным периодом чернолесского этапа по находкам в нижнем ярусе землянок Субботовского городища типичных для степных поселений жаровен с плоско срезанной по сырой глине стороной, мисок с прямыми расширяющимися стенками и ряда других сосудов²². Следовательно, нижний слой Ушкалки и связанную с ним группу поселений, на которых были найдены обломки интересующих нас литейных форм (Волошское, Сабатиновка, Ново-Александровка) можно отнести к собственно белогрудовской поро.

По наблюдению А. И. Тереножкина, двухушковые кельты, так же как и другие бронзовые орудия рубной культуры, были распространены в Правобережной лесостепи в период, предшествующий здесь формированию чернолесской культуры²³.

Находки на бондарихинском поселении таких предметов, как литейные формы для отливки кельтов степного типа, кремневых вкладышей для серпов, каменного топора-молотка, указывают на то, что это поселение относится к началу I тысячелетия до н. э. и может быть сопоставлено по

¹⁶ Коротке звітання ВУАК за 1925 р., Київ, 1926, стр. 74, табл. XVIII; Коротке звітання ВУАК за 1926 р., Київ, 1927, стр. 79, табл. XVII; О. А. Тереножкин. Поселення білогрудівського типу біля Умані. Археологія, т. V, стр. 177; С. С. Березанська и Г. Т. Титенко. Поселення предкифського часу в с. Собківка. КСИА, вып. 1, 1952, стр. 78; С. С. Березанська и Г. Т. Титенко. Нові розкопки пам'яток білогрудівського типу. Археологія, т. IX, 1954, стр. 126.

¹⁷ О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, № 46, 1955, стр. 139.

¹⁸ О. В. Бодянский. Археологічні дослідження в межах порожистої частини Дніпра в 1947—48 гг. АП, т. IV, 1952, стр. 170.

¹⁹ О. А. Кривцова-Гракова. Ук. соч., табл. 34, 35.

²⁰ О. В. Бодянский. Ук. соч., стр. 169.

²¹ А. В. Добровольский. Перше Сабатинівське поселення. АП, т. IV, 1952, стр. 78, сл.

²² Б. Н. Граков, А. И. Тереножкин. Субботовское городище. СА, 1958, № 2, стр. 171.

²³ А. И. Тереножкин. Среднее Поднепровье в начале железного века. СА, 1957, № 2, стр. 49.

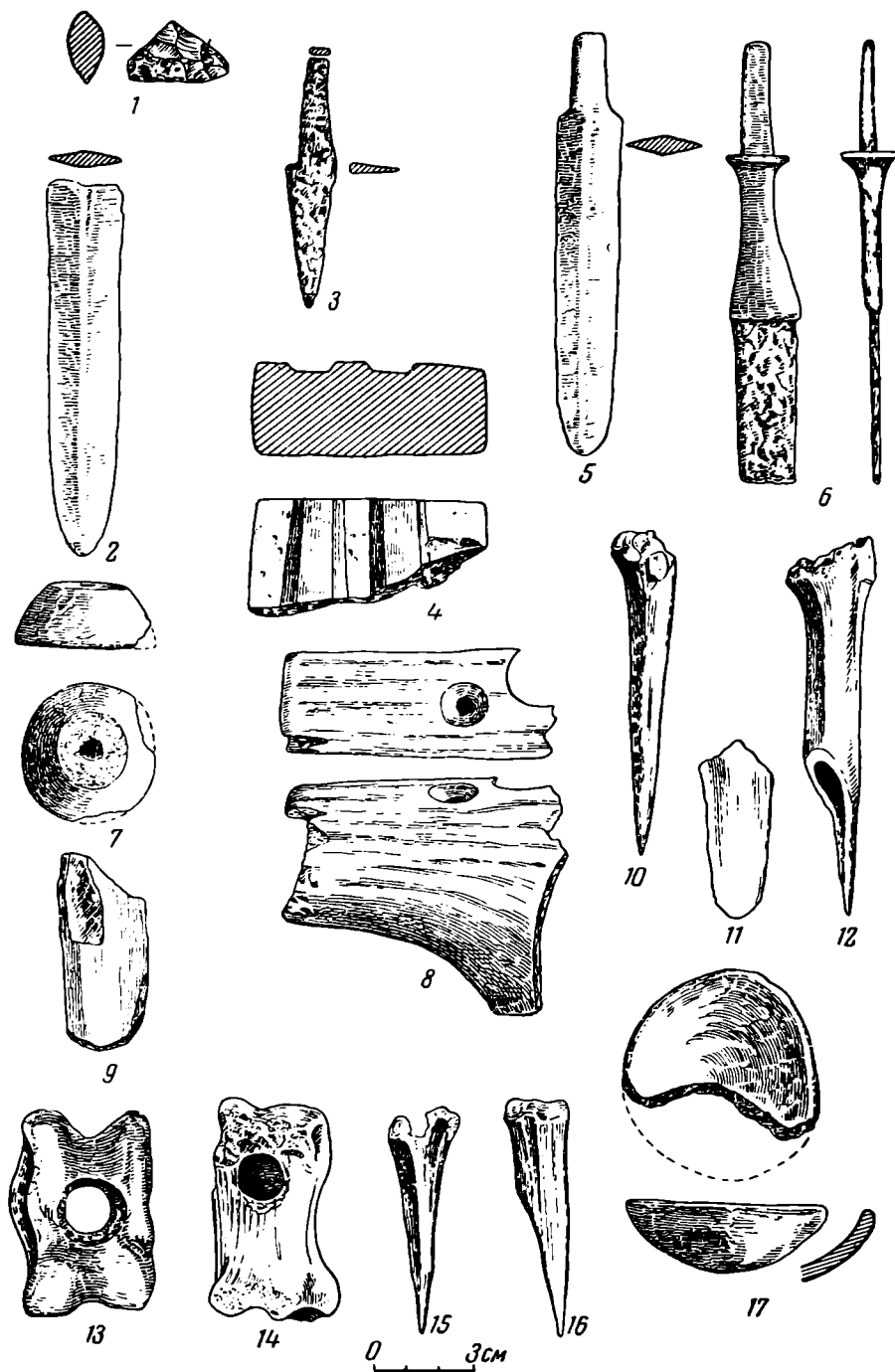

Рис. 6

1—4 — предметы, найденные на поселении у с. Оскол; 5—6 — кинжалы из погребения поздней бронзы в Широком кургане у с. Малая Лепетиха Херсонской области; 7—17— предметы, найденные на поселении в урочище Бондариха

времени с белогрудовскими памятниками Правобережной лесостепи и с первым периодом позднедонецкой культуры степной полосы.

Несколько иной характер имеет состав находок на поселении у с. Оскол. Здесь были найдены кварцитовая зернотерка, большое количество обломков зернотерок и терочных камней, шесть костяных скобелей из ребер крупных животных, четыре костяных шила, часть костяной рукоятки какого-то предмета, орудие из рога благородного оленя с плоско сточенной у острого конца стороной.

В одной из ям вместе с керамикой бондарихинского типа оказался небольшой железный ножичек треугольной формы, длиной 7,5 см, (рис. 6, 3). В культурном слое на этом раскопе был найден кусок глиняной литейной формы для отливки двух, по-видимому, долотообразных орудий (рис. 6, 4).

Помимо этих предметов, был найден еще бронзовый кинжал с гранью посередине, параллельными лезвиями и овально заостренным концом. Длина клинка 10,7 см, ширина у верхнего края 2,2 см, черешок отломан (рис. 6, 2).

Ближайшую аналогию этому кинжалу представляет собой бронзовый черешковый кинжал, найденный в Широком кургане у с. Малая Лепетиха Херсонской области²⁴ (рис. 6, 5). Этот кинжал был найден вместе с другим, имеющим бронзовую рукоятку с круглым щитком и железный клинок (рис. 6, 6), одинаковый в общем с кинжалами так называемого «киммерийского» типа.

Как отмечает О. А. Кривцова-Гракова, бронзовый кинжал из Широкого кургана повторяет форму небольших черешковых кинжалов с параллельными лезвиями, хорошо известными в Северном Причерноморье покладам литейных форм²⁵. Находка его в одном комплексе с «киммерийским» кинжалом, имеющим железный клинок, указывает на то, что подобные кинжалы бытовали вплоть до начала железного века. Б. Н. Граков относит погребение в Широком кургане к X—IX, а возможно, и к VIII в. до н. э.²⁶

Обращает на себя внимание тот факт, что на Оскольском поселении почти не оказалось кремневых вкладышей для серпов, за исключением одного обломка. Подобное явление наблюдается и в Правобережье при переходе от белогрудовского к чернолесскому культурному этапу. На этом же поселении обнаружена керамика, воспроизводящая чернолесские формы и приемы орнаментации.

Все эти данные говорят о том, что поселение у с. Оскол несколько более позднее, чем селище в урочище Бондариха около г. Изюма. По времени оно, вероятно, соответствует ранним чернолесским памятникам Правобережья и наиболее поздним предскифским памятникам нижнего Поднепровья (Широкий курган).

На поселении у с. Хухры на Ворскле была найдена песчаниковая зернотерка, растиральные камни, костяные шилья, проколки и долота. Г. Т. Ковпаненко датирует поселение у с. Хухры VIII в. до н. э. При этом она исходит из следующих данных: часть сосудов бондарихинского типа на этом поселении оказалась украшенной на чернолесский манер сквозными проколами под венчиком. С другой стороны, в VII веке до н. э. здесь уже существовало селище позднечернолесской и раннескифской (жаботинского типа) культуры²⁷.

Таким образом удастся установить, что бондарихинская культура существовала в Левобережной лесостепи с начала I тысячелетия до н. э.

²⁴ В. В. Латышев. Раскопки Н. И. Веселовского в 1916 и 1917 гг. Сообщ. ГАИМК, вып. 1, стр. 200—204.

²⁵ О. А. Кривцова-Гракова. Ук. соч., стр. 132.

²⁶ Б. Н. Граков. Старейшие находки железных вещей в Европейской части СССР. СА, 1958, № 4, стр. 5.

²⁷ Г. Т. Ковпаненко. Ук. соч., стр. 98.

вплоть до предскифского времени (X—VIII, а может быть, и VII вв. до н. э.). Лепная керамика за этот период почти не изменилась. Взятая сама по себе, она не может служить для определения времени того или иного поселения. Для бондарихинской культуры типичны неукрепленные родовые поселки, располагавшиеся обычно у края заливной пойменной долины. Находки кремневых вкладышей для серпов, зернотерок, пестов и терочников свидетельствуют о том, что земледелие играло важную роль в хозяйстве обитателей этих поселков.

Определение костных остатков с Оскольского поселения, сделанное В. И. Бибиковой, дало следующую картину:

Наименование	Количество костей	Количество особей
бык домашний	208	11
мелкий рогатый скот (овца — коза)	33	6
лошадь	74	3
свинья домашняя	47	8
Всего	362	28

Костей диких животных на поселении не оказалось, если не считать отдельных предметов, сделанных из рога благородного оленя. Osteологические данные служат указанием на то, что носители бондарихинской культуры имели прочную оседлость и вели земледельческо-скотоводческое хозяйство.

К числу орудий бронзово-литейного производства, помимо каменных и глиняной литейных формочек, относятся также глиняные ложкообразные льячки с длинной глиняной ручкой, которая, возможно, вставлялась в деревянную рукоятку. Обломки двух таких льячек были найдены на поселении бондарихинской культуры у с. Дробышево (рис. 5, 4,8), один обломок происходит с поселения у с. Оскол (рис. 5, 5). Железное четырехгранное шильце и ножичек, найденные на поселениях Бондариха и Оскол, являются важным доказательством начавшегося перехода к металлургии железа.

Говоря о бондарихинской культуре, нельзя не коснуться вопроса о связях её с памятниками предшествующего периода, а также об отношении её к культурам раннего железного века, распространенным в Левобережной лесостепи в скифское время.

Представляется вероятным, что по своему происхождению бондарихинская культура связана с памятниками марьяновского и малобудковского типов, распространенных в Левобережной лесостепи, в период средней и поздней бронзы (середина — вторая половина II тысячелетия до н. э.).

Марьяновская культура была выделена в 1929 г. М. Я. Рудинским по поселению на большом песчаном острове в пойме р. Сейма у с. Марьяновка, Путивльского района, Сумской области²⁸. Разведка, произведенная в 1950 году в этой же местности Н. П. Амбургер, дополнила материал Марьяновского поселения новыми данными²⁹. В настоящее время памятники этой культуры известны в ряде пунктов в бассейне р. Сейм. На поселениях у с. Волынцево и у с. Ивановка С. С. Березанской и Д. Я. Телегиным были произведены небольшие раскопки³⁰.

²⁸ М. Рудинський. Мар'янівська стая. Антропологія, т. III, стр. 180, 1930; Я. Морачевський. Кераміка Мар'янівської стаяі. Там же, стр. 191.

²⁹ Н. П. Амбургер. Нові дані про пам'ятки епохи неоліту та бронзи на Сеймі. АП, т. VI, 1956, стр. 197.

³⁰ С. С. Березанська я. Исследование поселений эпохи бронзы и раннего железа на Сейме. КСИА, вып. 4, 1955, стр. 111; е е же. Новые памятники эпохи бронзы и раннего железа в бассейне Сейма. КСИИМК, вып. 67, 1957, стр. 28 сл.; Д. Я. Телегин. Отчет о работе Сейминского отряда в 1954 г. Архив ИА АН УССР.

Отличительной чертой марьяновской культуры является ее своеобразная посуда, внешне напоминающая керамику ямочно-гребенчатого неолита. Основную форму составляют горшки с прямыми стенками, плавно сужающимися к маленькому плоскому днищу (рис. 7, 1). Встречаются и сосуды со слабо намеченной шейкой и слегка отогнутым венчиком.

Вся поверхность сосудов сплошь покрывалась орнаментом, состоящим из горизонтальных рядов косых оттисков, сделанных при помощи веревочки, обвитой вокруг стерженька. Оттиски верхнего и нижнего рядов

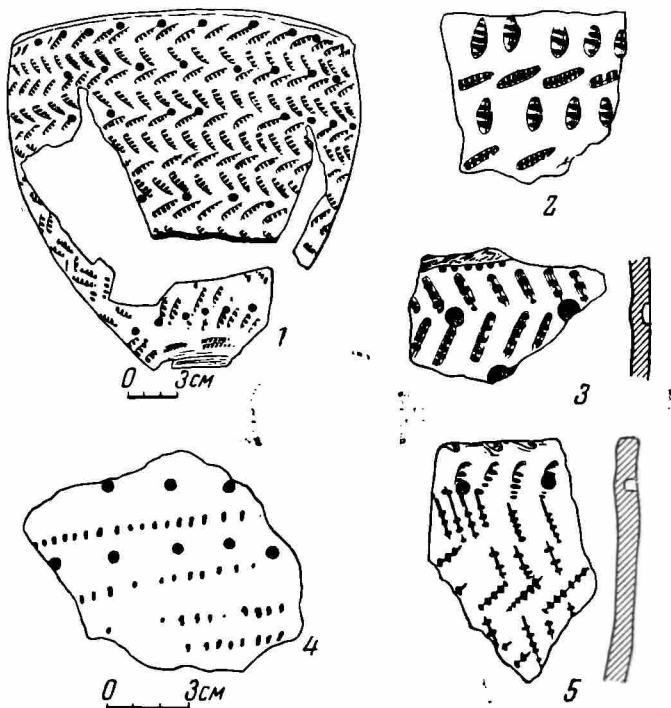

Рис. 7. Образцы посуды марьяновского типа

1 — поселение в урочище Городок у с. Волынцева; 2—5 — поселение у с. Марьяновки на р. Сейм

расположены обычно под углом друг к другу, образуя орнамент «в елочку», иногда они имеют одинаковый наклон; реже наблюдается вертикальное или горизонтальное расположение оттисков. На большинстве сосудов описанный орнамент сочетается с горизонтальными рядами круглых ямок (диаметром 2—3 мм), сделанных концом палочки. С обратной стороны местам наколов соответствуют небольшие круглые выпуклины. Верхний край сосудов обычно украшен оттисками перевитой веревочки. Цвет сосудов чаще всего коричневато-серый или рыжеватый. Глина с примесью мелкого песка, поверхность матовая, слабо шероховатая, толщина стенок 3—5 мм (рис. 7, 2—5).

Рассматривая материал поселения у с. Марьяновки, М. Я. Рудинский пришел к заключению, что несмотря на архаический, «неолитоидный» облик и несомненные пережитки неолитической традиции в форме и орнамента керамики, памятники марьяновского типа относятся уже к периоду бронзы. На это указывает плоскодонность горшков, наметившаяся профилировка шейки и отгиба венчика. Характерно также, что на поселениях с марьяновской керамикой отсутствуют кремневые неолитические орудия. Точку зрения М. Я. Рудинского на памятники марьянов-

ского типа разделяет А. Я. Брюсов³¹. По мнению Д. Я. Телегина, марьяновская культура имеет тесную, по-видимому, генетическую связь с ямочно-гребенчатым неолитом Сейма и Десны³².

Датировка памятников марьяновской культуры пока еще недостаточно ясна из-за слабой ее изученности. При определении относительной хронологии памятников этого типа следует учитывать, что конец ямочно-гребенчатого неолита на Сейме и Десне относится к началу II тысячелетия до н. э.³³ Марьяновская культура сохраняет пережиточные черты этой культуры, хотя относится уже к бронзовому веку. Следовательно, она не может быть датирована временем ранее, чем начало или первая половина II тысячелетия до н. э. С другой стороны, на поселении в уроч. Городок у с. Волынцева, исследованном С. С. Березанской, кострища и ямы с развалами марьяновских сосудов были открыты в основании культурного слоя. В верхнем горизонте, перекрывавшем слой остатков марьяновского типа, преобладали керамика позднекатакомбной культуры с желобчато-многоваликовой орнаментацией, очень близкая к керамике, найденной на поселении Бабино III на Нижнем Днепре³⁴. По связи с этим поселением позднекатакомбный слой Волынцева может быть датирован серединой или началом второй половины II тысячелетия до н. э. Поскольку марьяновские остатки залегают ниже, они не могут относиться к более позднему времени. В свете этих данных вероятная датировка памятников марьяновской культуры — первая половина или середина II тысячелетия до н. э.

В 1953 г. у с. Малые Будки, Недригайловского района, Сумской области, в бассейне р. Сулы, было обнаружено поселение, давшее керамику, напоминающую марьяновскую, но в то же время отличающуюся от нее рядом существенных особенностей³⁵. Аналогичная керамика была найдена на ряде поселений в бассейне р. Сейма у с. Алексеевка³⁶, в урочищах Городок и Попова Левада у с. Волынцева³⁷ и у с. Ивановки³⁸. В чистом, хотя и несколько своеобразном виде эта культура известна в бассейне Северного Донца, на поселениях Студенок 2 и Студенок 5³⁹. Некоторое количество обломков такой же посуды было обнаружено П. Д. Либеровым в насыпях второго и третьего курганов у с. Черемушны, Валковского района, Харьковской области⁴⁰, куда они попали, по-видимому, из культурного слоя, находящегося где-то вблизи поселения.

Таким образом, удается установить, что памятники малобудковского типа были распространены на всей территории Лесостепного левобережья, от Сейма до Северского Донца.

Основным типом малобудковской посуды являются горшки с небольшим днищем, прямыми стенками со слегка намеченной шейкой и слабо

³¹ А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 211.

³² Д. Я. Телегин. Неолітичні пам'ятки Лісостепного Лівобережжя Полісся України. Вісник АН УРСР, № 8, 1954, стр. 66.

³³ М. Я. Рудинський и Д. Я. Телегин. Раздел «Неоліт» в сб. «Нариси стародавньої історії Української РСР». Київ, 1957, стр. 49.

³⁴ А. В. Добровольский. Поселение бронзового века Бабино III. КСИА, вып. 7, 1957, стр. 40.

³⁵ В. А. Іллінська. Нові дані о пам'ятках епохи бронзи в Лівобережному лісостепу. Археологія, т. X, 1957; е е же. К вопросу о происхождении культур раннежелезного века на Левобережье Среднего Днепра. КСИИМК, вып. 70, 1957, стр. 14.

³⁶ Н. П. Амбургер. Ук. соч., стр. 197.

³⁷ С. С. Березанская. Отчет о работе Левобережной Сейминской экспедиции 1953 г. Архив ИА АН УССР; е е же. Отчет о работе Сейминского отряда в 1954 г. Архив ИА АН УССР.

³⁸ Д. Я. Телегин. Отчет о работе Сейминского отряда в 1954 г. Архив ИА АН УССР.

³⁹ Д. Я. Телегин. Дослідження поселень епохи бронзи на Дінці..., стр. 76; е го же. Оскольская экспедиция..., стр. 74.

⁴⁰ П. Д. Либеров. Отчет Харьковского отряда скифской экспедиции о раскопках в с. Черемушны, Валковского района в 1954 г. Архив ИА АН УССР.

отогнутым венчиком (рис. 8, 1, 2). Сосуды эти напоминают марьяновские, но отличаются от них более крупными размерами. Цвет коричневато-серый или рыжеватый. Сосуды сплошь покрывались орнаментом. Основным приемом украшения являются овальные ямки, сделанные концом круглой, косо поставленной палочки, реже плоской лопаточки или щепочки. Наряду с ямками встречаются овальные выпуклины, сделанные с внутренней стороны. Ямки обычно наносились на корпус сосуда горизонтальными рядами (рис. 8, 1, 3, 5, 12, 14), иногда же располагались по всей поверхности без особого порядка (рис. 8, 7, 16). Часто ямочный орнамент встречается в комбинации с гребенчатым штампом (рис. 8, 2, 4, 10, 15).

На поселении у с. Алексеевка (рис. 8, 3—10) «гребенчатые» отпечатки сделаны при помощи довольно толстого шнура, перевитого на стержне. У с. Малые Будки, наряду с отпечатками перевитой веревочки, встречаются оттиски штампа с твердыми зубцами и мелкозубчатый чекан. На поселениях Студенок 2 и Студенок 5 зубчатые оттиски сделаны гребнем с твердыми широкими зубцами (рис. 8, 11—21). С применением зубчатого штампа появляется орнамент в виде сплошной вертикальной заштриховки поверхности рядами параллельных полос, отчего наружная сторона становится как бы рифленой.

Близость посуды малобудковского и марьяновского типов не вызывает сомнения. Общими для той и другой являются основной тип сосудов, их сплошная орнаментация, основными элементами которой служат горизонтальные ряды ямок и зубчатые отпечатки.

Вместе с тем наблюдается ряд существенных различий, свидетельствующих о дальнейшем развитии приемов выделки и украшения посуды и отходе от прежних традиций. Вырабатывается более четкая профилировка донной части, шейки и венчика сосудов, нарушается строгая зональность в расположении орнамента. Иным становится соотношение элементов орнамента: гребенчатые отпечатки, преобладавшие в марьяновской посуде, играют здесь уже второстепенную роль, основное место занимают ямки, сделанные косо поставленной палочкой. Изменяется форма ямок и их размер. Вместо оттисков перевитой веревочки распространяются гребенчатый штамп, мелкозубчатый чекан и сплошная заштриховка поверхности сосудов.

Вместе с тем керамика малобудковских поселений имеет ряд черт, сближающих ее с бондарихинской. Их связывает между собой близость форм сосудов и ряд элементов орнаментации. В бондарихинской культуре получает дальнейшее развитие прием украшения сосудов горизонтальными рядами ямок, сделанных концом косо поставленной круглой палочки или плоской щепочки. Встречаются сосуды, покрытые несколькими горизонтальными рядами отпечатков, иногда от края венчика до самого дна, а также обломки посуды, украшенной ямками, нанесенными без определенного порядка. Края венчиков сохраняют орнаментацию косой насечкой и отпечатками конца палочки.

В отличие от Малых Будков в бондарихинской керамике исчезает зубчатый штамп и гребенчатая заштриховка поверхности. Форма ямок становится более разнообразной. Орнамент не так густ и чаще всего покрывает не всю поверхность сосуда, а только его верхнюю половину или шейку. Общее развитие идет в направлении исчезновения архаических черт, сближающих малобудковскую керамику с марьяновской и дальнейшего развития вновь возникших приемов декорирования.

Одним из интересных памятников этого типа является поселение Студенок 5 на Северском Донце, ниже г. Изюма, исследованное Д. Я. Телегиным в 1951 и 1955 гг.⁴¹ Керамика этого поселения по ряду признаков может быть сопоставлена с малобудковской (рис. 8, 11—21). Здесь

⁴¹ Д. Я. Телегін. Дослідження поселень епохи бронзи на Дінці..., стр. 75; его же. Оскольская экспедиция..., стр. 74.

Рис. 8. Посуда малобудковского типа

1—2 — поселение у с. Малые Будки на р. Суле; 3—10 — поселение у с. Алексеевка на р. Сейме; 11—21 — поселение у с. Студенок на Северском Донце

также наблюдается значительный отход от традиций марьяновской культуры и в то же время сохраняется ряд признаков, указывающих на генетическую связь с ней. В орнаментации преобладают горизонтальные ряды круглых или овальных ямок, во многих случаях вместе с зубчатым орнаментом и гребенчатой заштриховкой.

Наряду с этим посуда из Студенок имеет многие черты, сближающие ее с бондарихинской. Помимо горшков с прямыми стенками, здесь имеются сосуды со стенками, слегка сужающимися к верхнему краю. На одном вместе с гребенчатыми отпечатками имеется узор в виде двух поясков треугольников из трех ямок. Некоторые сосуды орнаментированы только в верхней половине корпуса. Совершенно бондарихинский тип имеет один из сосудов, украшенный по плечу и поясу двумя рядами овальных ямок.

Помимо керамики, на поселении Студенок 5 в заполнении жилища-землянки, погибшей во время пожара, были найдены: кремневая стрелка с опущенными усиками и черенком для насада, два обломка кремневых вкладышей для серпов, часть глиняной ложкообразной льячки, состоящая из двух половинок, форма для отливки одноушковых кельтов, обломок бронзовой трубочки с небольшим круглым отверстием сбоку. Д. Я. Телегин относит поселение у с. Студенок к позднекатакомбной и раннесрубной поре. Последнее определение кажется нам более правильным. В целом малобудковские памятники представляют собой, по-видимому, переходный этап между марьяновским и бондарихинским типами культур и относятся ко второй половине — концу II тысячелетия до н. э.

Бондарихинская культура представляет собой, таким образом, заключительную ступень непрерывной линии развития материальной культуры местного населения, обитавшего в период средней и поздней бронзы в Левобережной лесостепи. Не меньший интерес представляет вопрос о культурной близости памятников бондарихинского типа с юхновской культурой, распространенной в период раннего железа на Средней и Верхней Десне. К сожалению, многие стороны юхновской культуры, особенно ее керамика, освещены недостаточно, несмотря на то, что ряд юхновских городищ неоднократно и довольно полно исследовался.

Как отмечает М. В. Воеводский⁴², юхновская керамика мало разнообразна. Основным типом ее являются высокие горшки с широким горлом, узким дном, с прямыми или слегка выпуклыми стенками, слегка выпуклым плечом и прямой низкой шейкой. Орнамент состоит из одного ряда редких ямочных вдавлений на границе шейки и стенки. Ямки круглые или угловатые, нанесенные узкой лопаточкой или концом прямосрезанной палочки, поставленной наискось. Обрез венчика бывает украшен теми же поперечными насечками. Иногда орнаментальный пояс имеет вид горизонтального зигзага или дополнен небольшими редкими треугольными городками, спускающимися на плечи сосуда.

По данным В. П. Левенка⁴³, основную массу сосудов составляют горшки средних размеров, со слабо отогнутым наружу венчиком, украшенные на плечах или на шейке рядом вдавлений, сделанных концом круглой палочки или щепочки. Обычно орнамент представляет собой одинарную строчку ямок, реже — две-три строчки. Часто от этой линии бывают опущены вершинами вниз треугольники из нескольких таких же ямок. Встречаются насечки и ногтевые зацепы по обрезу венчика и на плечах. В целом юхновская культура имеет особый индивидуальный облик, которым она заметно отличается от культуры скифского времени, распространенной в более южных районах лесостепи (рис. 9).

⁴² М. В. Воеводский. Городища Верхней Десны. КСИИМК, вып. 24, 1949, стр. 72.

⁴³ В. П. Левенок. Археологические работы Трубчевского музея. КСИИМК, вып. X, 1941, стр. 95—99; его же. Городища юхновской культуры в Среднем и Верхнем Подесенье. КСИИМК, вып. 7, 1957, стр. 49.

К этим описаниям трудно что-нибудь прибавить. Из них совершенно очевидно, что юхновская керамика чрезвычайно близка по форме и орнаменту к керамике бондарихинских поселений.

Различия между ними заключаются в том, что в юхновской культуре отсутствуют те виды орнамента, которые сближают бондарихинскую керамику с малобудковской. Не встречаются также те формы, которые отражают влияние других культур времени поздней бронзы. Юхновский орнамент проще и однообразнее, чем бондарихинский.

Исключительная близость бондарихинской и юхновской посуды не может быть объяснена просто случайностью или совпадением. В данном

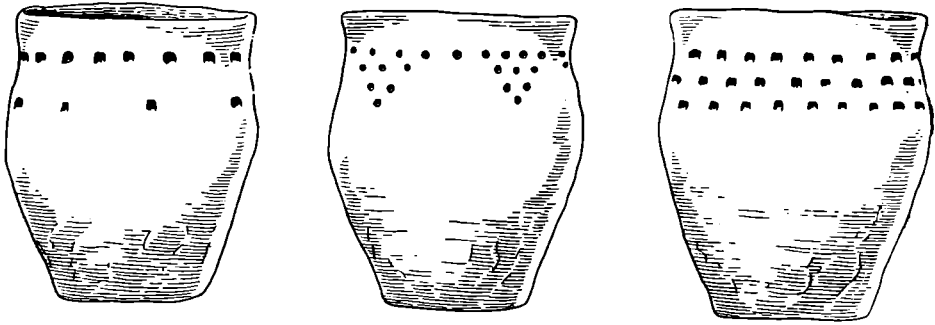

Рис. 9. Типы посуды юхновских городищ (по В. П. Левенку)

случае мы встречаемся с такой стойкостью традиции керамического производства, какое возможно только в результате непрерывной культурной преемственности. Бондарихинские памятники поздней бронзы могут рассматриваться как прямые и непосредственные предшественники юхновской культуры раннего железного века.

Бондарихинская культура Левобережья представляет собой определенный этап в единой линии генетического развития, которую удается проследить от времени ее сложения в раннем бронзовом веке вплоть до начала железного века. Марьяновская, малобудковская, бондарихинская, юхновская культуры выступают как разновременные, последовательно сменяющие друг друга звенья этой цепи. Весьма вероятно, что исходной основой для памятников марьяновского типа послужила культура ямочно-гребенчатого неолита Сейма и Десны.

Намечаемая линия генетического развития юхновской культуры, как о ней можно судить по имеющимся археологическим данным, находится в противоречии со взглядами П. Н. Третьякова⁴⁴ и некоторых других исследователей относительно древнеславянской принадлежности юхновских племен. В то же время имеются данные, указывающие на тесную культурную, а весьма вероятно, также и этническую близость населения юхновской и предшествующих ей культур с культурами племен верхней Волги и Оки, сложившимися на основе ямочно-гребенчатого неолита⁴⁵.

В то время как поселения малобудковского и бондарихинского типов достигают в своем распространении крайних южных окраин лесостепи и даже проникают южнее ее пределов по пойме Оскола и Северского Донца, памятники юхновской культуры находятся севернее лесостепной полосы, на Десне, в Левобережном полесье. В период раннего железа вся территория Левобережной лесостепи оказалась занятой племенами с культурой скифского типа, не имеющими генетической связи с бондарихинской культурой конца эпохи бронзы.

⁴⁴ П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М., 1953, стр. 83; его же. Вопросы происхождения славян. Доклады VI научной конференции Ин-та археологии АН УССР. Киев, 1951, стр. 29 сл.

⁴⁵ В. А. Ильинская. К вопросу о происхождении культур раннежелезного века на левобережье Среднего Днепра, стр. 22—23.

Причина столь значительного различия в области распространения бондархинской и юхновской культур заключается в тех существенных изменениях исторической обстановки, которая произошла в Северном Причерноморье в VII—VI вв. до н. э. в связи со вторжением скифов и вызванным этим крупным передвижением племенных групп.

Выше уже упоминалось, что в чернолесское время происходило передвижение населения из области Правобережья на Ворсклу, бассейн которой был занят ранее племенами бондархинской культуры. На месте бондархинских поселений у сел Хухра и Ницахи в VII веке до н. э. возникают селища правобережной, чернолесской культуры⁴⁶. Для конца VII—VI века здесь известны поселения типа Мачухи и Пожарной Балки и связанные с ними погребения в курганах (Мачухинский могильник)⁴⁷. Первая половина VI в. до н. э. знаменуется здесь строительством грандиозных укреплений Бельского городища, просуществовавшего до конца скифского периода. С Бельским городищем связаны курганные могильники, находящиеся в его окрестностях⁴⁸.

В начале VI в. до н. э. вся остальная территория Левобережной лесостепи в бассейнах рек Северского Донца, Псла, Сулы и Сейма оказалась занята памятниками скифской культуры посульско-донецкого типа, отличающейся от Правобережной и Ворсклинской рядом существенных особенностей.

Скифская культура Левобережья появляется здесь в готовом, сложившемся виде, безо всякой связи с культурой предшествующего этапа на этой территории. Для нее оказались характерными не только типичный для скифских племен обряд погребения под курганами в сопровождении оружия, конского снаряжения, изделий в зверином стиле из кости и металла, но и своеобразная керамика, не связанная с местными доскифскими формами.

В скифской культуре Левобережья не получили распространения горшки бондархинского типа и свойственная им манера орнаментации. Преобладающей формой посуды здесь являлись толстостенные горшки с выпуклым корпусом, расширяющимся у пояса или у плеча, суженной невысокой шейкой и отогнутым наружу венчиком. В орнаментации преобладает волнистый рельеф наружного края венчика, сделанный пальцевыми нажимами или косой насечкой. Часто этот орнамент встречается вместе со сквозными проколами под венчиком. Обычны открытые миски на высоких днищах, встречаются кувшинообразные сосуды с высокой шейкой. Весьма распространены небольшие неорнаментированные горшочки и мисочки. Основные формы скифской посуды Левобережья не находят себе прототипов в бондархинской культуре предскифского периода. Традиции бондархинской культуры, как мы видели, сохраняются не в скифских памятниках Левобережья, а в юхновской культуре Десны.

Скифские памятники на этой территории не имеют генетической связи с местной культурой поздней бронзы, а являются результатом проникновения сюда новых племен, под давлением которых местное население, носители бондархинской культуры, оказались вытесненными из прежних мест своего обитания на север, в Левобережное полесье, на Десну.

⁴⁶ Г. Т. Ковпаненко. Ук. соч., стр. 95.

⁴⁷ М. Я. Рудинський. Мачухська експедиція Інституту археології 1946 г. АП, т. II, 1949; его же. Археологічні збірки Полтавського музею. Збірник присвячений 35 річчю Музею, Полтава, 1928, стр. 44; И. И. Ляпушкин. Поселение скифского времени близ деревни Пожарная Балка. КСИИМК, вып. XXXVII, 1951, стр. 125—130.

⁴⁸ В. А. Городцов. Дневник археологических исследований в Зеньковском уезде Полтавской губернии в 1906 г. Тр. XIV АС, т. III, М., 1911, стр. 96 сл.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ О ДРЕВНИХ ВСАДНИКАХ ПОВОЛЖСКО-УРАЛЬСКИХ СТЕПЕЙ

Пастушеским племенам степного Поволжья лошадь была известна уже в первой половине II тысячелетия до н. э. Об этом говорят находки костей лошади как остатков заупокойной пищи в погребениях полтавкинского типа. Уже с середины II тысячелетия до н. э. лошадь начинает играть значительную роль в погребальном обряде племен Поволжья и Южного Приуралья. В погребениях срубной культуры, особенно детских, встречаются фаланги лошади в качестве культовых предметов. Племена Приуралья уже на раннем этапе андроновской культуры довольно часто клали мясо лошади в могилу. Наконец, у тех и других племен мы встречаемся с исключительно важным фактом — конскими погребениями (иногда вместе с остатками конской упряжи) или погребениями людей, в составе погребального инвентаря которых встречались части конской уздечки. Об этих конских погребениях и их значении в истории древнего населения Поволжья я уже писал в отдельной статье¹. Погребенных коней мы склонны рассматривать как верховых лошадей, принадлежавших влиятельным представителям родов или главам больших семей, так как все эти погребения отличаются особым богатством погребального инвентаря и особым оборудованием самого погребального помещения. Об использовании лошади как верхового животного говорят и одновременные остатки конской уздечки.

В поволжских и приуральских захоронениях конские костяки обычно встречались парами. Это обстоятельство наводит на мысль, что население срубной и андроновской культур, кроме верховой езды, использовало коней в парной упряжке, как это часто мы видим на передневозосточных рельефах и египетских изображениях военных и охотничьих сцен, где лошади впрягались в боевые колесницы. Использовали ли древние племена Евразийских степей боевые колесницы во время войны, остается неясным, так как мы не имеем для этого каких-либо веских доказательств. Пока это вероятно только для районов Средней Азии, судя по нескольким изображениям колесниц в горных районах Киргизии (Саймалы Таш), которые А. Н. Бернштам относил к эпохе бронзы².

Однако можно с уверенностью сказать, что коневодство и связанная с ним верховая езда возникли у племен Поволжья и Казахстана не позже середины II тысячелетия до н. э. Об этом говорит целый комплекс находок костяных или роговых псалий, связанных с применением мягких удил, т. е. сделанных из ремня или скрученных сухожилий. Применение таких удил на начальном этапе развития коневодства вполне доказано³.

Мягкие удила с костяными псалиями являются наиболее примитив-

¹ К. Ф. Смирнов. О погребениях с конями и трупосожжениях эпохи бронзы в Нижнем Поволжье. СА, XXVII, 1957, стр. 209—221.

² А. Н. Бернштам. Наскальные изображения Саймалы Таш. СЭ, 1952, № 2, стр. 50 сл., рис. 4.

³ Н. А. Potratz. Die Pferdegebisse des Zwischenstromländischen Raumes. Archiv für Orientalforschung, т. XIV, 1/2, Berlin, 1941; A. Mozsolics. Mors en bois de cerf sur le territoire du Bassin des Carpathes, AA, т. III, вып. 1—4, Budapest, 1953, стр. 69 сл.; S. Bökönyi. Reconstruction des mors en bois de cerf et en os. Там же, стр. 113 сл.

ным видом конского снаряжения. Полное отсутствие находок удила у древних коневодов Поволжья и Приуралья свидетельствует о том, что до VIII—VII вв. до н. э. здесь применялись удила из мягкого, но крепкого органического материала.

Мне известно 12 находок костяных псалиев эпохи бронзы с территории степного Поволжья, Урала, Казахстана. По своей форме и расположению отверстий для прикрепления уздечных ремней они делятся на пять типов.

I. П е р в ы й т и п представляет самая большая группа псалиев, изготовленных из расколотой продольно трубчатой кости животных. В центре псалия имеется одно большое круглое или овальное отверстие; ниже или выше его в одной из боковых частей псалия перпендикулярно первому просверлено одно малое круглое отверстие; на верхнем конце псалия имеется от двух до пяти малых круглых отверстий. Внешняя выпуклая часть псалия хорошо заполирована и часто орнаментирована; на внутренней стороне по продольным граням имеются зубцы или зарубки. Такие псалии происходят из семи известных мне мест находок на указанной территории.

1. Два хорошо сохранившихся псалия, найденные на челюстных костях лошади в 5 Комаровском кургане, в Шигонском районе, Куйбышевской области (раскопки А. Е. Алиховой, 1952 г.)⁴, представляют собой роскошные экземпляры (рис. 1, 1, 2). Нижние края их прямые, верхние — треугольные, с четырьмя отверстиями; еще два отверстия расположены в центре псалия и сбоку. Снаружи на хорошо отполированной поверхности в прямоугольной рамке вырезан тонкий орнамент в виде зигзагов; с внутренней стороны по бокам сделано по шесть-семь зубцов.

2. Псалий, найденный у локтя покойника в погребении срубной культуры у с. Усатова, Саратовской области (курган G 5 : 8, раскопки П. Рау, 1928 г.)⁵, имеет прямоугольную форму с более широким нижним концом (рис. 1, 4). В верхней части, отделенной уступом, три отверстия: одно в центре и перпендикулярно ему — сбоку. Внешняя сторона орнаментирована, как у комаровского псалия.

3. Псалий, найденный в 1927 г. на Ершовском поселении⁶ срубной культуры (Хвалынский музей), очень похож на комаровские псалии (рис. 1, 3), но без орнамента.

4. Желобчатый псалий из поселения срубной культуры «Моечное озеро», близ Комаровской курганной группы (раскопки А. Е. Алиховой, 1954 г.)⁷, сходен по деталям с ершовским псалием (рис. 1, 5). Наверху с двумя круглыми отверстиями отделено уступом и двумя бороздками; боковое отверстие также расположено выше большого среднего; на оборотной стороне — стертые зарубки.

5. Обломки двух псалиев, найденные в богатом погребении срубной культуры у с. Краснополье, Саратовской области (курган № 2, погр. 4; раскопки И. В. Сеницына, 1953 г.)⁸, отличаются своей шириной. Сохранились обломки лишь верхних частей с большим центральным отверстием, окруженным с наружной стороны широким валиком (рис. 2, 1, 2). Верхний край псалиев, отделенный от остальной части уступом, имеет ряд отверстий (до пяти), по бокам — глубокие выемки. На оборотной стороне видны зубцы.

⁴ А. Е. Алихова. Курганы эпохи бронзы у с. Комаровки. КСИИМК, вып. 59, 1955, стр. 97, рис. 38.

⁵ И. В. Сеницын. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Саратов, 1947, стр. 98, рис. 69, табл. 6, 4.

⁶ Приношу глубокую благодарность И. В. Сеницыну и Е. К. Максимова за присылку мне рисунков усатовского и ершовского псалиев.

⁷ А. Е. Алихова. Комаровское поселение у Моечного озера. МИА, № 61, 1958, стр. 164.

⁸ И. В. Сеницын. Археологические исследования Заволжского отряда (1951—1953 гг.). МИА, № 60, 1959, стр. 156, рис. 53, 5.

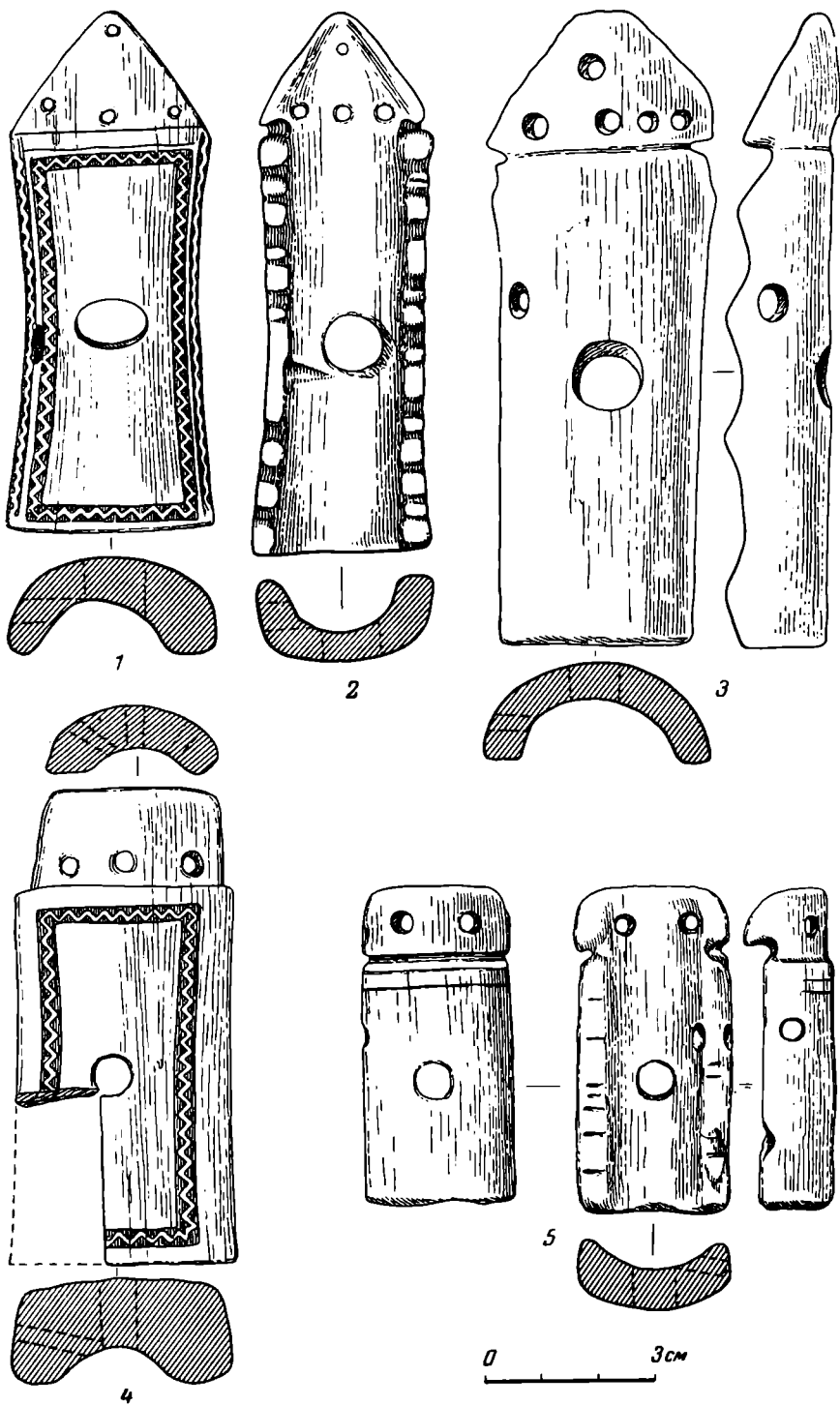

Рис. 1. Костяные псалли I типа

1, 2 — из 5-го Комаровского кургана; 3 — из Ершовского поселения; 4 — из кургана Г 5 : 8 у с. Усатова; 5 — из поселения «Моечное озеро»

6. Обломок нижней части костяного псаля, обнаруженный В. С. Сорокиным в 1951 г. на поселении андроновской культуры Тасты-Бутак, Актюбинской области, почти тождествен комаровским псалям⁹. На внешней стороне — зигзагообразный орнамент в виде рамки; на оборотной — зубцы. Близки и размеры псаля: наибольшая ширина — 3,6 см, длина — не менее 9 см. Нет никакого сомнения, что они относятся к одному и тому же времени.

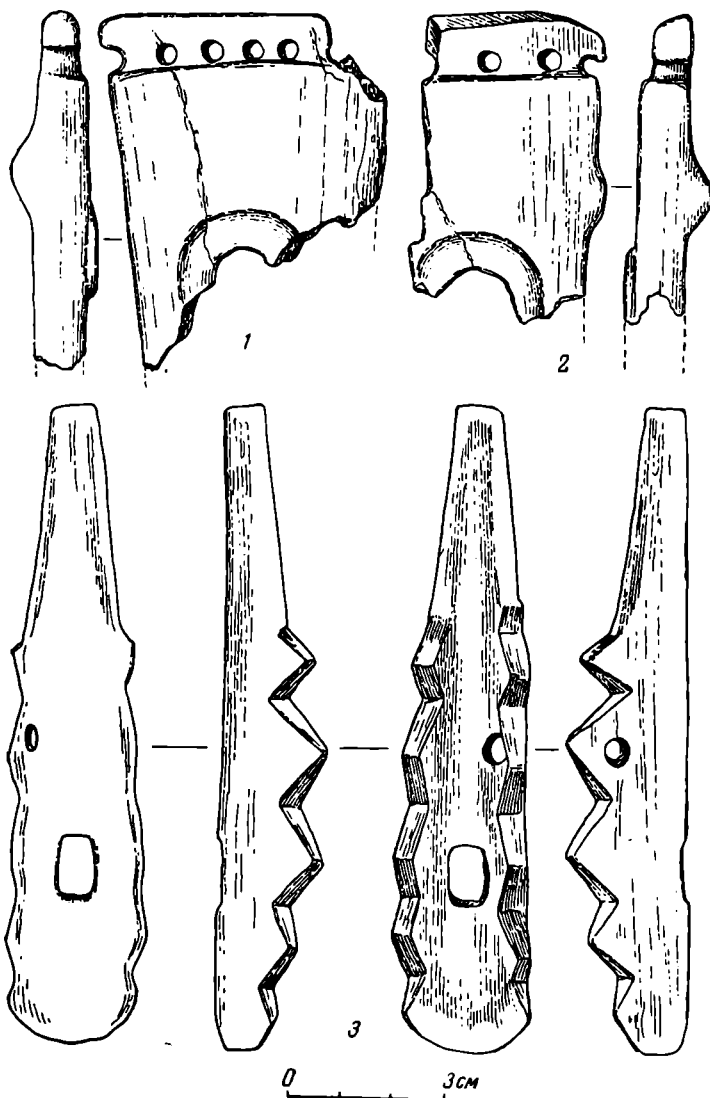

Рис. 2. Костяные псаля I типа

1, 2 — из кургана № 2, погр. 4 у с. Краснополье; 3 — из поселения Челкар в районе г. Степняка

7. Восточнее Южного Урала мне известна лишь одна находка костяного псаля I поволжского типа, а именно в Северном Казахстане на древнем поселении Челкар, в районе г. Степняка (Гос. Эрмитаж, инв. № 1792/16; рис. 2,3). А. М. Оразбаев относит его к замараевской культуре, т. е. к концу эпохи бронзы¹⁰. Он также сделан из половинки

⁹ Приношу большую благодарность В. С. Сорокину за разрешение сослаться на эту еще не опубликованную находку.

¹⁰ А. М. Оразбаев. Северный Казахстан в эпоху бронзы. Тр. ИИАЭ АН Каз. ССР, т. 5, Археология, Алма-Ата, 1958, стр. 275, табл. IX, 1 на стр. 291.

трубчатой кости, с округлым нижним и суженным верхним концом, с двумя отверстиями в нижней половине псалия. На оборотной стороне по продольным краям вырезано по пять зубцов.

Из семи находок псалиев I типа четыре обнаружены в слоях поселений. В могилы эти предметы попадали очень редко. К настоящему времени исследованы многие сотни могил срубной культуры Поволжья, а псалии найдены лишь в трех местах.

Перейдем к рассмотрению способа скрепления псалиев I типа с уздечными ремнями или оголовьем. Для выяснения способа скрепления

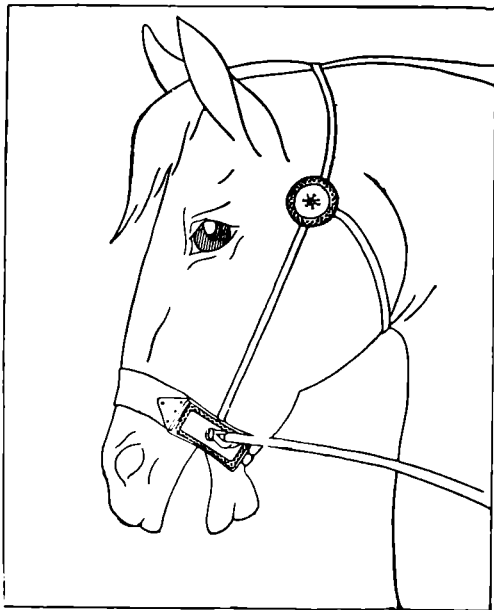

Рис. 3. Реконструкция уздечки с псалиями I типа

мягких удил, заканчивающийся, вероятно, петлей, к которой прикреплялся повод. Отсюда сильные потертости по краям отверстия, особенно с внутренней стороны. Боковое круглое отверстие, обращенное к углу рта лошади, служило для прикрепления нащечного ремня, идущего к затылку лошади. Для прикрепления повода оно служило не могло, так как слишком мало и расположено близко к краю псалия — при сильном натяжении повода могло быстро сломаться. Резной орнамент комаровского псалия у малого бокового отверстия сильно потерт от действия ремня, с внутренней стороны псалия по направлению к большому отверстию — желобок, оставленный трущимся ремешком (рис. 1, 2)¹³. Следовательно, этот ремешок оголовья, проходя через боковое отверстие, вероятно, связывался с концами мягких удил с внутренней, желобчатой стороны псалия. Малые отверстия в верхней части псалия предназначались для прикрепления наносного ремня. Эти отверстия не имеют потертостей. С их помощью верхняя часть псалия наглухо скреплялась сухожилиями или узкими ремешками с наносным ремнем, ширина которого равнялась ширине псалия (рис. 3). Наличие орнамента на внешней части ряда псалиев говорит о том, что ремни уздечки, как правило, не охватывали псалий снаружи, а, проходя через отверстия, закрепля-

ющую роль играют следы потертости на псалиях, особенно около отверстий, а также ранние изображения взнузданных лошадей в памятниках Переднего Востока. Подобная работа уже проделана Ш. Бекени над древними роговыми и костяными псалиями Венгрии¹¹, которые иногда по форме а чаще по расположению отверстий сближаются с нашими псалиями.

Находка псалиев *in situ* при коне в Комаровском кургане дает нам ясное представление, как они располагались на уздечке¹². Псалии прилепали к углам рта лошади орнаментированной выпуклой стороной наружу. Верхний треугольный край псалия с отверстиями обращен к переносице лошади, а малое боковое отверстие — к углу рта.

Назначение большого среднего отверстия не вызывает сомнений: через него проходил конец

¹¹ S. Bökönyi. Ук. соч., стр. 113—122.

¹² А. Е. Алихова. Курганы эпохи бронзы..., стр. 96, рис. 37.

¹³ Там же, стр. 97, рис. 38, 1, 2.

лись на его внутренней, желобчатой стороне. Это подтверждается большой потертостью внутренней стороны у всех псалиев. Остается неясным, существовал ли подгубный ремень, что можно вполне допустить, имея в виду псалии со стоянки «Моечное озеро». У его нижнего края с внутренней стороны имеется значительная желобчатая потертость (рис. 1, 5). Она могла возникнуть от трения о ремешок, охватывающий нижнюю челюсть лошади. Псалии не имеют специального отверстия для привязывания концов подгубного ремня: они могли привязываться к удильной петле с внутренней стороны.

Наносный ремень, особенно при сочетании с подгубным, был необходим для устойчивого положения псалиев. Он позволял удерживать псалии всегда в вертикальном положении. Он тем более был необходим, что псалии I типа не имели приспособлений для двоения и троения нащечного ремня. Подгубный ремень, кроме того, помогал лучше управлять лошадью, сжимая, как рычаг, нижнюю челюсть лошади при натягивании повода. Комбинированное давление на рот лошади удила и подгубного ремешка позволяло всаднику добиться более эффективного повиновения коня воле всадника. Следовательно, в какой-то степени подгубный ремень выполнял роль мундштучной цепочки, существовавшей уже изредка при древних металлических удилах Переднего Востока, но получившей широкое распространение только у рыцарей-всадников средневековья.

Как мы видим, надевание древних поволжско-казахстанских удила на уздечку было довольно сложным, что характерно и для уздечки Средней Европы эпохи бронзы¹⁴.

Более простым устройством отличается лишь североказахстанская разновидность псалиев I типа из Челкара (рис. 2, 3), у которой имеется лишь два отверстия: большое — для вывода конца удила и прикрепления повода и малое боковое — для прикрепления нащечного ремня.

Каково было назначение зарубок или зубцов по бокам псалиев I типа? Они имеются у всех известных мне экземпляров и очень сильно стертые. Надо полагать, что псалии I типа, кроме основной функции — предохранять удила от скольжения во рту лошади при одностороннем натягивании повода, выполняли роль трензеля при сильном натягивании поводьев: они нажимали на губы лошади, причиняя ей боль. Отсюда понятна сильная сработанность этих зубцов.

Итак, уздечка, связанная с I типом псалиев, имела мягкие удила, концы которых выходили через средние отверстия псалиев. К этим концам прикреплялись поводья. Нащечные ремни оголовья, очевидно, как правило, не раздваивались в месте прикрепления псалиев. Поэтому обязательным был намордник, состоящий из наносного и подгубного ремней (рис. 3).

Изображения взнузданных лошадей на памятниках древнего Востока позволяют реконструировать именно такую форму уздечки древних всадников Поволжья и Казахстана.

Обвязывание челюстей лошади с помощью наносного и подгубного ремней (капцуг) является примитивным и очень древним способом взнуздывания лошади¹⁵. В древнем Шумере он применялся в упряжке мулов или ослов уже около 3000 г. до н. э.¹⁶ Уздечка с наносным и подгубным ремнями (правда, уже в сочетании с раздвоенными нащечными ремнями) применялась в Египте после гиксосского завоевания, когда впервые здесь

¹⁴ A. Mozsolics. Ук. соч., стр. 69—111.

¹⁵ U. Popplow. Pferd und Wagen im Alten Orient. Berlin, 1934. стр. 29; H. A. Potratz. Ук. соч., стр. 3.

¹⁶ U. Popplow. Ук. соч., стр. 8 и стр. 54, рис. 6; E. Herzfeld. Die Kunst des zweiten Jahrtausends in Vorderasien, ч. II, Archaeologische Mitteilungen aus Iran, т. IX, т. 1, Januar, 1938, стр. 68, рис. 283; André Parrot. Les fouilles de Mari. Syria т. XV, вып. 2, Paris, 1935, стр. 136, рис. 16.

появилась лошадь¹⁷, и особенно в XIV—XII вв. до н. э.¹⁸ Уздечка без раздвоенного нащечного ремня, судя по изображениям, существовала у хеттов в конце II тысячелетия до н. э.¹⁹

Такую же уздечку с намордником мы видим на ранних ассирийских памятниках не позже конца II тысячелетия до н. э.²⁰ Среди древневавилонских памятников подобная уздечка представлена на изображении колесничих из Ниппура, относимого Э. Герцфельдом к 1330 г. до н. э.²¹

Следовательно, различные варианты уздечки, в которой применялся наносный и подгубный ремень (как пережиток древнейшего взнуздывания лошади, при наличии одинарного или раздвоенного нащечного ремня), широко применялись в странах Переднего Востока в течение второй половины II тысячелетия до н. э.²²

Уздечка всадников Поволжья и Казахстана соответствует этому древнему этапу в развитии способа взнуздывания лошадей. Вид уздечки, вероятно, был очень близок к тому, что мы видим на военных сценах Аменхотепа III (XV в. до н. э.; рис. 4)²³ и Рамзеса II (1317—1251 гг. до н. э.)²⁴; оголовье египетских лошадей состоит из нащечных, затылочного, налобного, подчелюстного, наносного и, вероятно, подгубного ремней (последний не виден). В месте соединения нащечного, налобного и затылочного ремней прикреплены бляха. Эта деталь уздечки для поволжской сбруи подтверждается находкой костяных блях — распределителей ремней, о чем будет сказано ниже (рис. 3).

Псалии I типа были характерны для определенного периода только в степях Поволжья и Казахстана. Однако по способу соединения с оголовьем они находят соответствующие параллели с ранними псалиями Средней Европы и отчасти Переднего Востока. Этот факт важен для выяснения датировки наших псалиев. Последняя затруднительна из-за слабой разработки хронологии археологических памятников внутри срубной и андроновской культур; однако некоторые эталоны для такой датировки имеются.

Из всех ранних европейских псалиев наши псалии I типа ближе всего стоят к венгерским роговым псалиям типа Фюзешабонь, которые А. Можолитч, написавшая очень интересную работу по ранним псалиям Венгрии, относит к III этапу эпохи бронзы Венгрии или периоду Tószeg C²⁵ (т. е. до 1100 г. до н. э.)²⁶. Последние имеют ту же систему расположения отверстий, т. е. среднее отверстие для конца удила и поводка расположено в одном плане с верхним малым отверстием или петлей, а нижнее

¹⁷ G. Hermes. Das gezähmte Pferd im Alten Orient. Anthropos, Wienn, стр. 379 сл.; H. Potratz. Ук. соч., стр. 3.

¹⁸ C. Lefebvre des Noëttes. L'attelage et le cheval de selle à travers les âges. Paris, 1931, стр. 211; U. Popplow. Ук. соч., стр. 67, рис. 39; стр. 68, рис. 41; стр. 69, рис. 43, 44; J. Hunger und H. Lamer. Altorientalische Kultur im Bilde. Leipzig, 1912, стр. 18, рис. 33; стр. 34, рис. 68; J. Pritchard. The Ancient Near East in Pictures, Relating to the Old Testament. Princeton—New Jersey, 1954, стр. 319, рис. 319; П. Гнедич. История искусства. СПб., 1885, стр. 19, рис. 13, стр. 44, рис. 42.

¹⁹ G. Contenau. La civilisation des Hittites et des Hurrites du Mittané. Paris, 1948, стр. 86, рис. 10, стр. 113, табл. VIII (нижний рисунок); J. Wiesner. Fahren und Reiten in Alteuropa und im Alten Orient. Leipzig, 1939, табл. III, 2, 4; VII; 1, 12; J. Hunger und H. Lamer. Ук. соч., стр. 87, рис. 182; U. Popplow. Ук. соч., стр. 61, рис. 25; стр. 62, рис. 26.

²⁰ E. Herzfeld. Ук. соч., стр. 54, рис. 243, 244 (obelisk Ашурнасирапа 1042—1029 гг. до н. э.).

²¹ Там же, стр. 69, рис. 284.

²² U. Popplow. Ук. соч., стр. 3, 4.

²³ L. Vorchardt. Ausgrabungen in Tell el-Amarna 1911/12. Mitteilungen der Deutschen Orient-Gesellschaft zu Berlin, № 50, October, 1912, стр. 38, рис. 30.

²⁴ П. Гнедич. История искусства, рис. на стр. 24.

²⁵ A. Mozsolics. Die Ausgrabungen in Tószeg im Jahre 1948, Archaeologia Hungarica, т. 2, 1952, стр. 57—60, 65.

²⁶ A. Mozsolics. Mors en bois de cerf..., стр. 71.

малое отверстие — поперек первых двух (рис. 5, 1)²⁷. Венгерские псалии типа Тосег, отличающиеся наличием двух больших отверстий для мундштука и поводьев (рис. 5, 2, 3), фактически имеют ту же систему крепления с уздечкой²⁸. Псалии типа Тосег, по А. Можолитч, появляются уже во II период эпохи бронзы и распространяются в III периоде²⁹. В целом

Рис. 4. Изображение конской уздечки на военной сцене Аменхотепа III (по Л. Борхардту)

вся группа ранних роговых псалиев Венгрии датируется, по Ф. Томпа³⁰ и А. Можолитч, от 1400 до 1100 г. до н. э. Венгерские псалии, изготовленные из рога и потому имеющие иную форму, чем поволжско-казахстанские, часто украшены резным орнаментом, мотивы которого (поперечные

²⁷ А. Mozsolics. Уж. соч., стр. 71, рис. 1, 2; стр. 72, рис. 3; стр. 73, рис. 4, 5; стр. 74, рис. 6.

²⁸ Там же, стр. 75, рис. 7, 8; стр. 76, рис. 10; стр. 79, рис. 14, 15.

²⁹ Там же, стр. 80.

³⁰ Ф. Томпа. 25 Jahre Urgeschichtsvorschungen in Ungarn, 1912—1936. 24/25 Bericht der Römisch-germanischen Kommission, Berlin, 1937, стр. 102 (хронологическая таблица).

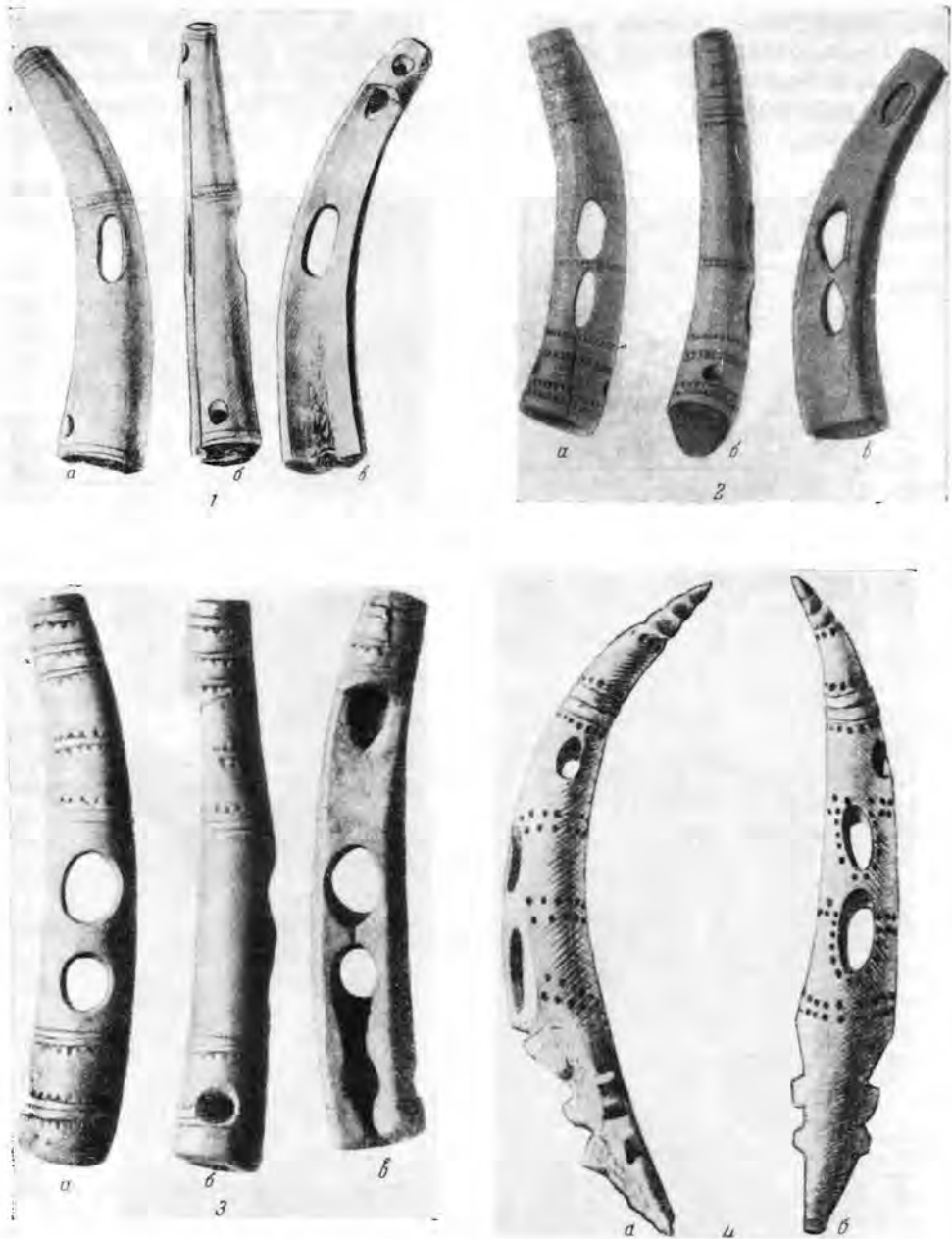

Рис. 5. Венгерские роговые псалии (по А. Можолитч)

1 — из Pákozdvár (длина 13,9 см); 2 — из Mezöcsát (длина 12 см); 3 — из Kőbörstarcsa (длина 11,8 см); 4 — из Tiszafüred — Ásotthalom (длина 11,7 см)

бороздки, полосы зигзагов или зубцов) соответствуют орнаментальным элементам наших псалиев (рис. 5, 1, 2, 3)³¹.

Итак, в двух удаленных друг от друга областях Евразии мы встречаем в эпоху бронзы единые приемы взнуздывания лошади, определенное сходство, хотя и не тождество, древнейших форм псалиев; дата тех и других должна быть общей. Определенное сходство наши псалии имеют и с древнейшими передневосточными бронзовыми псалиями, особенно с выде-

³¹ А. Mozsolics. Mors en bois de cerf..., стр. 73, рис. 4; стр. 79, рис. 14.

ленным Гансом Потратцом I типом плоских псалиев (рис. 6, 1—6)³². Правда, они требовали троения нащечного ремня, однако все остальные особенности их конструкции, а иногда и формы соответствуют особенностям нашего I типа. Их нижние и верхние отверстия, как справедливо отметил Г. Потратц, приспособлены для прикрепления наносного и подгубного ремней³³. Концы металлических удил проходят через средние отверстия псалиев и заканчиваются петлями, к которым привязывались поводья. Еще Д. Раулинсон отметил, что в ранний период ассирийской истории повод обычно привязывался около середины псалия, а позже его стали привязывать близ нижнего конца для более эффективного управления лошастью³⁴. Первый способ прикрепления поводьев, судя по ассирийским рельефам из Нимруда и Ниневии, связан с плоскими псалиями³⁵, напоминающими двойную секиру (рис. 7, 2) и похожими на костяные поволжско-казахстанские псалии, особенно на псалии из Краснопольского кургана (рис. 2, 1, 2). Эти ассирийские псалии имеют по краю кайму, подобную орнаментальной кайме комаровского, усатовского и тастыбутакского псалиев (рис. 1, 1, 4). Г. Потратц, отнесший секировидные ассирийские псалии к своему I типу, эту кайму принял за ремennую подкладку псалия³⁶, что кажется сомнительным в свете сопоставления их с нашими более ранними костяными псалиями³⁷.

Передневозточные псалии I типа имеют боковое ушко около центрального отверстия (рис. 6, 2, 3, 4, 6) для привязывания одного из нащечных ремней³⁸. Оно соответствует по назначению боковому отверстию поволжско-казахстанских псалиев. Псалии из Краснопольского кургана имеют с наружной стороны вокруг центрального отверстия валик (рис. 2, 1, 2). Такие же валики или трубообразные выступы характерны для микенских и передневозточных плоских псалиев (рис. 6, 1—6). Среди них, кажется, древнейшими являются те, которые снабжены низкими валиками³⁹. Это прежде всего палестинские псалии, найденные в Газе и Гезере (рис. 6, 1, 5). Первый из них (рис. 6, 1), найденный Флиндерс Петри⁴⁰, датируется Г. Потратцом временем после гиксосского завоевания — около 1500 г. до н. э.⁴¹, второй — по Стюарту Макалистеру — 1300—1100 гг. до н. э.⁴². Псалии с подобными же валиками, найденные на западном побережье Малой Азии⁴³ и в Микенах⁴⁴ (рис. 6, 2, 3), датируются Г. Потратцом 1400—1250 гг. до н. э.⁴⁵.

Многие бронзовые псалии I типа из Переднего Востока и Микен снабжены на обороте выступами или шипами (рис. 6, 1, 3, 4), характерными и для наших костяных псалиев. Мнение Г. Потратца о том, что они

³² Н. А. Potratz. Ук. соч., стр. 2—9.

³³ Там же, стр. 3 и стр. 5, рис. 2 и 3.

³⁴ G. Rawlinson. The Five Great Monarchies of the Ancient Eastern World, т. I, 1871, стр. 419.

³⁵ G. Rawlinson. Ук. соч., рис. на стр. 416 и 419, рис. 2; Н. Potratz. Ук. соч., стр. 3, рис. 1; J. Pritchard. Ук. соч., стр. 57, рис. 184; П. Гнедич. Ук. соч., стр. 59, рис. 59.

³⁶ Н. Potratz. Ук. соч., стр. 3.

³⁷ Наиболее поздняя дата ассирийских секирообразных псалиев, судя по рельефу Асурнасирапа II из Нимруда (883—859 г. до н. э.) IX в. до н. э. См. Н. Potratz. Ук. соч., стр. 3, рис. 1. (Ср. рис. 7, 2 в нашем тексте.)

³⁸ Н. Potratz. Ук. соч., стр. 5, рис. 2—4; стр. 7, рис. 5, 7; стр. 9, рис. 10, 11.

³⁹ Там же, стр. 5, рис. 4; стр. 7, рис. 7, 8, 9; стр. 9, рис. 10, 11.

⁴⁰ Flinders Petrie. Ancient Gaza IV. London, 1934, табл. 35, № 555. Другой псалий этого типа из Газы (рис. 6, 5) датируется Петри неверно, слишком ранним временем — 2300 г. до н. э. См. Flinders Petrie. «The Accursed Thing» of Achan Anticipated at Gaza. ILN, 1932, July, 9, стр. 57, рис. 4.

⁴¹ Н. Potratz. Ук. соч., стр. 7, рис. 8 и стр. 8.

⁴² Там же, стр. 7, рис. 7; R. A. Stuart Macalister. The Excavations at Gezer II. London, 1934, стр. 13, рис. 214.

⁴³ M. Wolff. Archiv für Orientforschung, № 10, 1935/1936, стр. 335, рис. 13.

⁴⁴ W. Reichel. Homerische Waffen. Wien, 1901, стр. 142, рис. 90.

⁴⁵ Н. Potratz. Ук. соч., стр. 8 и стр. 9, рис. 10, 11.

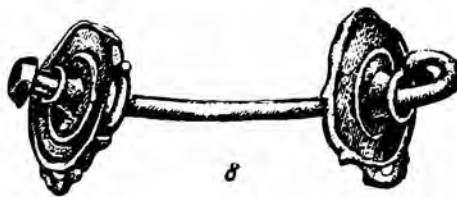
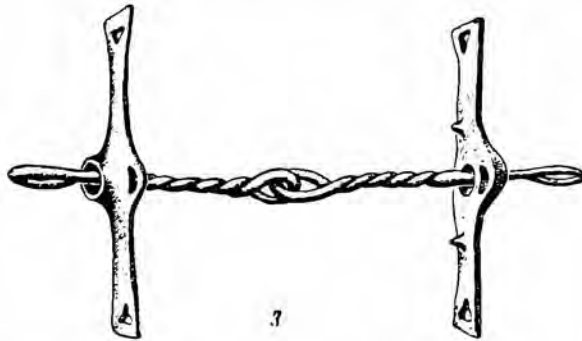
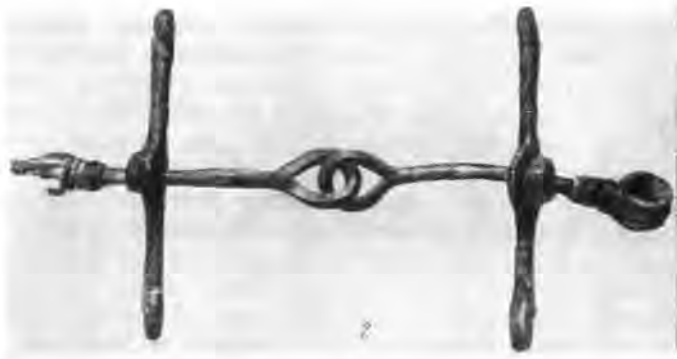
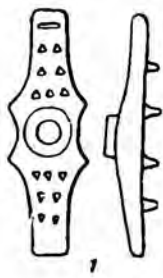

Рис. 6. Древнейшие металлические удила и псалии Микен и Переднего Востока (по Г. Потратцу)

1 — из Газы (Палестина); 2 — с западного побережья Малой Азии; 3 — из Микен; 4 — из Ассура; 5 — из Газы; 6 — из Ассура; 7 — из Газы; 8 — из Рас Шамры (Сирия)

служили для прикрепления псалия к ременной основе, не является убедительным.

Отмеченные соответствия между группой древних бронзовых плоских псалиев и нашими костяными псалиями I типа не могут быть случайными. Очевидно, что как псалии, так и сами удила из цивилизованных стран Переднего Востока представляют усовершенствованный вид каких-то более примитивных образцов, к которым относятся, в частности, как венгерские, так и поволжско-казахстанские мягкие удила с костяными псалиями. Между ними должен быть определенный хронологический стык.

Тип бронзовых удил с плоскими псалиями в различных своих вариантах бытовал в странах Переднего Востока, по Г. Потратцу, с 1500 до 800 г. до н. э., а его происхождение тот же исследователь выносил за пределы стран Междуречья и Египта⁴⁶. Наши костяные псалии, как я отметил, более всего сближаются с древними образцами бронзовых плоских псалиев, датируемых в пределах 1500—1100 гг. до н. э.

Таким образом, сопоставление поволжско-казахстанских псалиев с венгерскими роговыми и переднеазиатскими бронзовыми приводит нас к одному и тому же раннему периоду в истории конской уздечки, начало которого приближается к середине II тысячелетия до н. э. Исходя из этих сопоставлений, всю группу костяных псалиев I типа я склонен датировать в пределах XV—XII вв. до н. э.

Вариации как в формах, так и в расположении и количестве малых отверстий в верхней части наших псалиев могут говорить об их разновременности в пределах указанного периода. У нас нет никаких оснований относить все археологические комплексы, в которых были найдены эти псалии, к самому концу эпохи бронзы⁴⁷. Поволжские курганные погребения в Усатове, Комаровке и Краснополье, где были найдены псалии, не дают каких-либо ярких признаков конца срубной культуры. Наоборот, в этих могилах мы имеем предметы архаического облика. Найденные в Усатовском и Комаровском курганах бронзовые ножи-кинжалы срубного типа еще не имеют четких выемок у основания лезвия, характерных для поздних экземпляров срубной культуры⁴⁸. Тастыбу-такское поселение и связанный с ним могильник относятся к алакульскому этапу андроновской культуры Приуралья, прежняя датировка которого (по К. В. Сальникову — XI—IX вв. до н. э.) слишком завышена и не обоснована⁴⁹. Не ставя перед собой задачу обосновать более раннюю датировку, я лишь отмечаю, что во время работы Оренбургской экспедиции 1957 г. под моим руководством в погребении андроновской культуры курганной группы «Близнецы» (курган № 1, погр. 6) на Илеке были найдены сосуды начала алакульского этапа вместе с бронзовым копьем типа Сеймы и Бессарабского клада и кинжалом I этапа срубной культуры по О. А. Кривцовой-Граковой (рис. 8). Бессарабский комплекс первоначально был датирован О. А. Кривцовой-Граковой промежуток от XIV до XII в. до н. э.⁵⁰

В новой монографии О. А. Кривцова-Гракова⁵¹ относит Бессарабский клад ко времени не позже XIV в. до н. э., а копья сейминского типа — к XV—XIII вв. до н. э. Тех же датировок придерживается М. Гимбутас,

⁴⁶ Н. Potratz. Ук. соч., стр. 8.

⁴⁷ И. В. Синицын. Работы Заволжского отряда Сталинградской археологической экспедиции. КСИИМК, вып. 63, 1956, стр. 80.

⁴⁸ И. В. Синицын. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья, табл. 6, 2; А. Е. Алихова. Курганы эпохи бронзы у с. Комаровки, стр. 94. рис. 36, 2.

⁴⁹ К. В. Сальников. Бронзовый век Южного Зауралья. МИА, № 21, 1951, стр. 120. В настоящее время К. В. Сальников на основании других данных пришел к выводу, что начало алакульского этапа следует относить к XIV—XIII вв. до н. э.

⁵⁰ О. А. Кривцова-Гракова. Бессарабский клад. М., 1949.

⁵¹ О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, № 46, 1955, стр. 7.

Рис. 7. Изображения ассирийских псалиев (по Г. Потратцу)

1 — с рельефа Ашурбанипала (668—629 гг.; до н. э.);
2 — с рельефа Ашурнаирпала II (883—859 гг. до н. э.)

Рис. 8. Вещи из погребения андроновской культуры на Илеке (группа «Близнецы», курган № 1, погр. 6)

1 — бронзовое копье; 2 — бронзовый нож-кинжал; 3, 4 — глиняные сосуды

которая с полным основанием уточняет прежнюю дату Бессарабского клада (1450—1350 гг. до н. э.), а для сейминского периода принимает дату в пределах XV—XIII вв. до н. э.⁵² Погребения срубной культуры у г. Энгельса, где были найдены бронзовые копья, аналогичные илекскому, относятся М. Гимбутас к средней фазе срубной культуры (С), т. е. не позже XIII в. до н. э.⁵³

Среди костяных псалиев I типа имеется лишь два экземпляра, которые можно с большей или меньшей уверенностью датировать несколько позже, чем остальные экземпляры. Первый из них, ершовский (рис. 1, 3),

⁵² M. Gimbutas. Borodino, Seima and their Contemporaries. Key Sites for the Bronze Age Chronology of Eastern Europe. Proceedings of the Prehistoric Society for 1956, New Series, XXII, London — Cambridge, 1957, стр. 143—169.

⁵³ Там же, стр. 166.

найден на поселении с валиковой керамикой, которая появляется на хвалынском этапе срубной культуры, т. е. не ранее XIII—XII вв. до н. э., по О. А. Кривцовой-Граковой⁵⁴. Второй экземпляр — псалий из Челкара близ г. Степняка А. М. Орозбаев относит к «замараевской» культуре, хотя условия его находок точно не определены (рис. 2, 3). Но и этот экземпляр вряд ли выходил за пределы II тысячелетия до н. э., так как в начале I тысячелетия до н. э. все известные в Евразии псалии, независимо от их формы, уже не имели подобной конструкции. Его же генетическая связь с остальными псалиями описанного типа несомненна.

II. Ко второму типу я отношу три псалия, найденные в памятниках андроновской культуры Приуралья и Казахстана.

1. Один из них найден на том же Тасты-бутакомском поселении, откуда происходит экземпляр I типа. Он имеет вид овальной плоской бляхи с круглым отверстием в центре и треугольным отростком наверху, снабженным двумя круглыми дырочками; все отверстия расположены в одном плане; у своего основания отросток псалия по бокам имеет глубокие зарубки. Размер диска — $6,3 \times 6,5$ см, длина отростка — 3,5 см. По расположению отверстий и наличию зарубок у основания треугольного отростка он приближается к псалиям I типа. Центральное отверстие служило для продевания конца мягких удил, к которому прикрепляется повод. Зарубки и отверстия треугольного отростка, может быть, служили для прикрепления нащечного и наносного ремней. Отросток использовался для прикрепления псалия к ремням оголовья.

2. Другой роговой псалий был найден К. В. Сальниковым в андроновском погребении (№ 2) кургана № 13 Алакульского могильника, у с. Пивкино, Шучанского района, Курганской области (рис. 9, 1)⁵⁵. Он происходит из грунтовой могилы, перекрытой деревянным накатником, на котором были положены трупы двух лошадей в тех же позах, как и в погребениях срубной культуры Комаровского и Быковского курганов⁵⁶, — на боку, мордами друг к другу.

Псалий, сохранившийся в обломках, найден в ограбленной части могилы, но, несомненно, он относился к уздечке одной из лошадей. Псалий имел вид диска с овальным или прямоугольным отверстием в центре⁵⁷; внизу диск переходит в стержень с боковыми выступами и с отверстием в средней части. Третье, глухое отверстие в нижней части диска, расположенное поперек двух первых, идет в радиальном направлении. Диск псалия снаружи по краю украшен двумя концентрическими кругами с поперечными бороздками. Верхняя половина псалия обломана.

3. Третий псалий недавно опубликован К. Акишевым как «поделка из бивня мамонта». Он происходит из кургана-ограды № 1 могильника андроновской культуры Айдабуль I (Зерендинский район Кокчетавской области; раскопки 1956 г.)⁵⁸. Этот псалий отличается от алакульского лишь некоторыми деталями и большей величиной. Его верхняя половина также обломана. Псалий найден вместе с сосудами алакульского типа.

Все три псалия можно рассматривать как разновидности одного типа, связанные между собой по форме и расположению отверстий. Из них

⁵⁴ О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье..., стр. 7.

⁵⁵ К. В. Сальников. Курганы на озере Алакуль. МИА, № 24, 1925, стр. 58, рис. 7, 2.

⁵⁶ А. Е. Алихова. Курганы эпохи бронзы у с. Комаровки, стр. 92, рис. 35; К. Ф. Смирнов. О погребениях с конями и трупосожжениях эпохи бронзы в Нижнем Поволжье, стр. 210—211, рис. 1 и 2а.

⁵⁷ К. В. Сальников, опубликовавший псалий как «крупную костяную поделку неопределенного назначения», указывает на квадратную форму этого отверстия, но по рисунку этого определить нельзя; диск сохранился наполовину, а края отверстия обломаны. См. К. В. Сальников. Ук. соч., стр. 58, рис. 7, 2 и стр. 59. Приношу глубокую благодарность К. В. Сальникову за присылку рисунка псалия в натуральную величину.

⁵⁸ К. Акишев. Памятники старины Северного Казахстана. Тр. ИИАЭ АН КазССР, т. 7, археология, Алма-Ата, 1959, стр. 16, рис. 8.

тастыбутакский псалий выглядит примитивнее алакульского и айдабульского. Первый сродни двум венгерским дисковидным костяным псалиям из Тосега (рис. 10, 1, 2), которые также снабжены тремя отверстиями, расположенными в одном плане⁵⁹. Последние два особенно близки к ним (рис. 9, 1) по форме нижнего отростка и орнаменту из concentрических

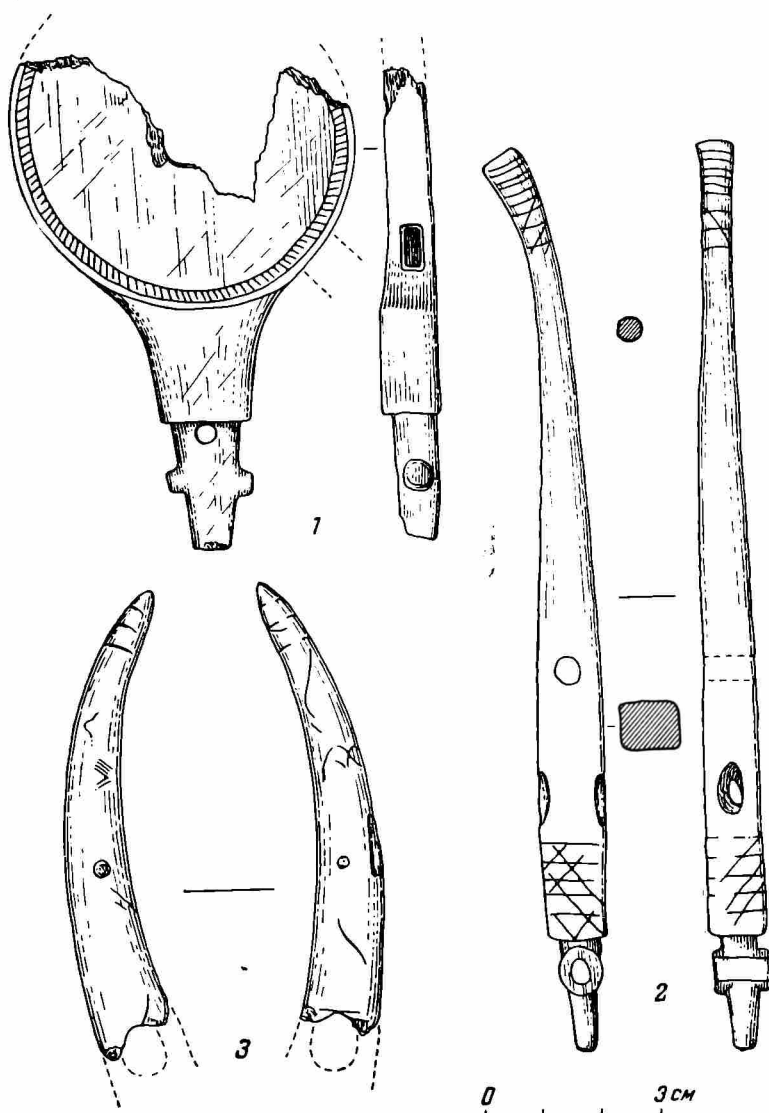

Рис. 9. Роговые псалии II, III и IV типов

1 — тип II, из по гр. 13 кургана № 2 Алакульского могильника; 2 — тип III, из 1 Сусканского поселения; 3 — тип IV, из поселения у Постникова оврага близ г. Куйбышева

кругов. Венгерские псалии имеют и боковое отверстие на диске, устроенное несколько иначе, чем у алакульского псалия. Надо полагать, что алакульский и айдабульский псалии также имели второй верхний отросток с отверстиями для прикрепления ремней оголовья. Способ скрепления этого типа псалия с ремнями уздечки указан в статье Ш. Бекени⁶⁰. Предположив троеие нащечного ремня, получаем следующую реконструкцию

⁵⁹ A. Mozsolics. Mors en bois de cerf..., стр. 83—84, рис. 19, 20.

⁶⁰ S. Bökönyi. Reconstruction des mors en bois de cerf et en os, стр. 116, рис. 2.

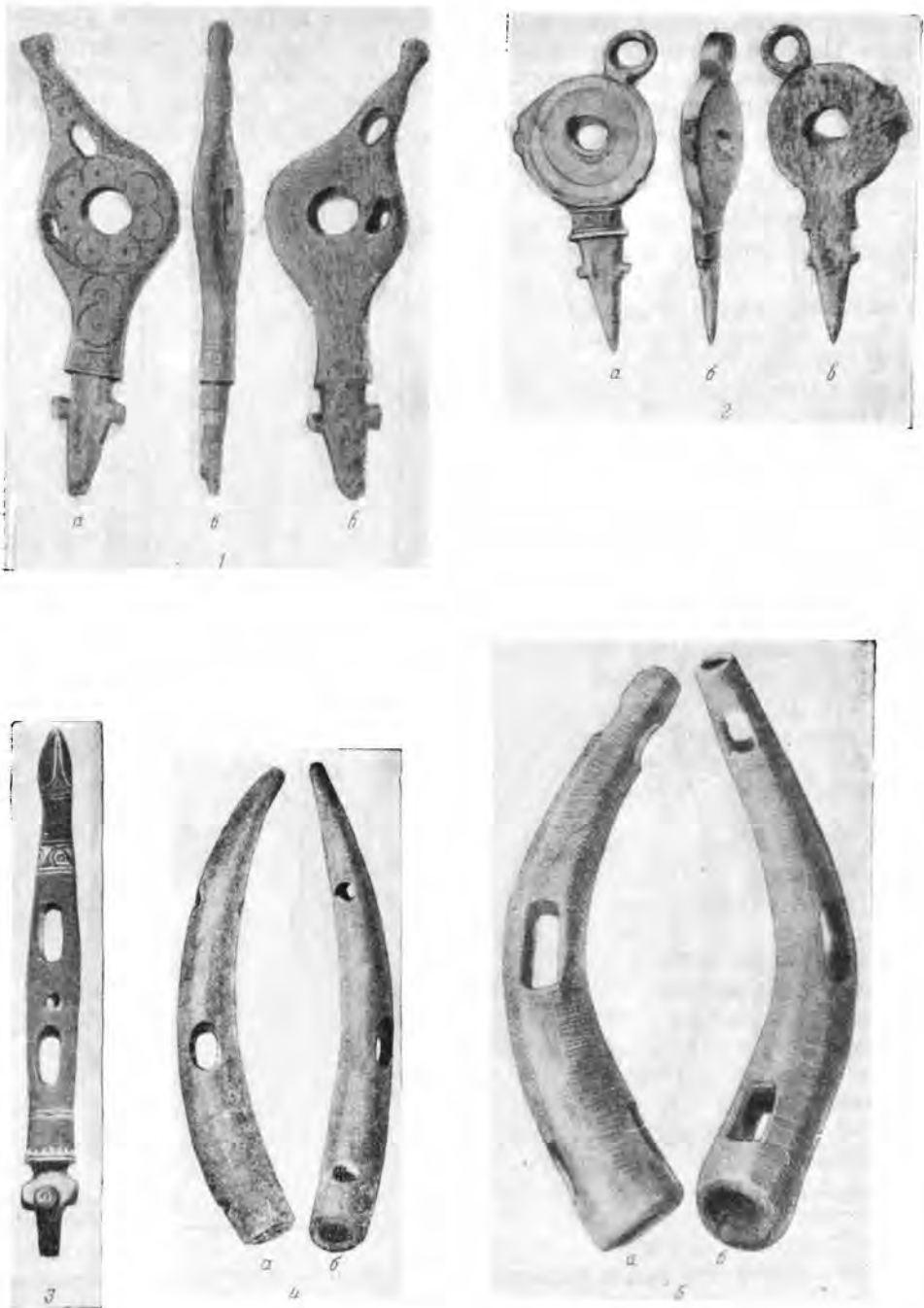

Рис. 10. Венгерские роговые пса́лии

1, 2 из Tószeg (длина 12,2 см и 10,7 см); 3 — из Budapest — Lágymányas (длина 14,5 см);
5 — из Sághegy (длина 17,4 см и 14,1 см)

крепления пса́лиев II типа к ремням уздечки (рис. 11, 1). Условия находки алакульского пса́лия, связанного с конским погребением, окончательно устраняют некоторые сомнения А. Можолитч в определении этих венгерских находок как пса́лиев. Несомненно, венгерские, алакульский и айдабульский пса́лии данного типа отражают связь древнего коневодства удаленных друг от друга областей Венгрии, Зауралья и Северного Казахстана и относятся к одному и тому же времени.

Венгерские псалии датируются III периодом бронзовой эпохи Венгрии⁶¹, т. е. временем расцвета псалиев типа Тосег и Фюзешабонь (XIV—XII вв. до н. э.).

Тастыбутакский псалий близок двум другим венгерским находкам — костяным плоским бляхам из Фюзешабонь, которые Ф. Томпа связал с конским снаряжением⁶². Одна из них имеет треугольную форму с большим отверстием в центре и двумя малыми по углам, другая — круглая, с большим центральным отверстием и шестью малыми по периферии. А. Можолит отрицает их принадлежность к конской сбруе. Но, как правильно отметил Г. Потрац, при сопоставлении их с некоторыми бронзовыми колесовидными псалиями более развитой формы эти бляхи следует рассматривать как псалии⁶³. Общая дата бронзовых колесовидных псалиев Передней Азии и Закавказья, по Г. Потратцу, — 1400—1000 гг. до н. э. По своей конструкции роговые дисковидные псалии могут быть сравнены только с некоторыми наиболее древними экземплярами бронзовых колесовидных псалиев, с одним или двумя придатками в виде петель для привязывания ремней оголовья. Такие псалии из Газы в Палестине (рис. 6, 7)⁶⁴ и Рас Шамры в Сирии (рис. 6, 8)⁶⁵. Первый из них отнесен Флиндерс Петри к эпохе ранних гиксосов (XVII в. до н. э.), что кажется Потратцу слишком рано; второй датирован К. Шеффером XVI—XV вв. до н. э.

Наши псалии являются, конечно, очень отдаленной разновидностью колесовидных псалиев древнего цивилизованного мира и вряд ли являлись прямой исходной формой для них. Все же можно говорить об их большой древности. Тастыбутакский псалий, найденный в однослойном андроновском поселении вместе с псалием I типа, относится к тому же времени, что и последний, т. е., на наш взгляд, к периоду между 1400—1200 гг. до н. э. В пределах того же времени находятся алакульский и айдабульский псалии.

III. Особый тип представляет собой роговой фигурный псалий в виде стержня, найденный Н. Я. Мерпертом на I Сусканском поселении эпохи бронзы в Куйбышевской области (рис. 9, 2)⁶⁶. Нижняя четырехгранная часть псалия заканчивается стилизованным изображением головы живот-

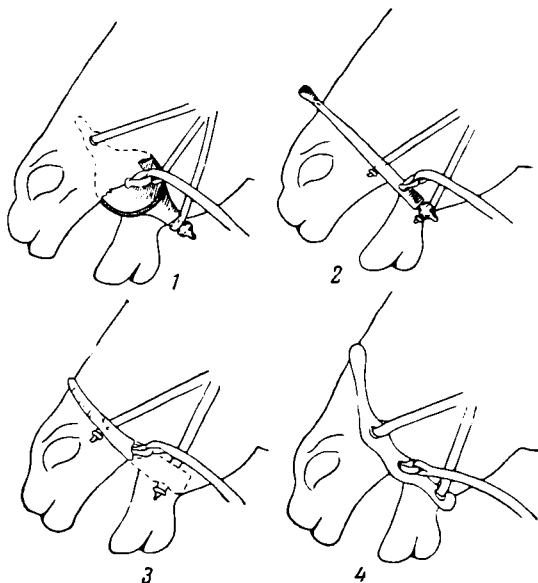

Рис. 11. Способы скрепления роговых псалиев с нащечным ремнем

1 — псалий II типа; 2 — псалий III типа; 3 — псалий IV типа; 4 — псалий V типа

⁶¹ F. Tompa. 25 Jahre Urgeschichtsvorschungen in Ungarn, 1912—1936, стр. 102 (см. хронологическую таблицу).

⁶² F. Tompa. Ук. соч., стр. 95, табл. 42, 19, 20.

⁶³ H. Potratz. Ук. соч., стр. 10—18.

⁶⁴ Flinders Petrie. Ancient Gaza IV..., табл. 23 и 35, № 588; H. Potratz. Ук. соч., стр. 11, рис. 15.

⁶⁵ C. Schaeffer. Syria, т. XIX, 1938, стр. 318, рис. 46; H. Potratz. Ук. соч., стр. 11, рис. 16.

⁶⁶ Н. Я. Мерперт. Из древнейшей истории Среднего Поволжья. МИА, № 61, 1958, стр. 120, рис. 14, 9.

ного; кроме того, оба конца украшены тонко гравированной косою сеткой. Псалий имеет три отверстия, расположенные в двух планах.

Этот тип псалия находит себе очень близкие аналогии среди древних роговых псалиев более западных районов Восточной и Средней Европы. Обломок такого же псалия, заканчивающегося сильно стилизованной головкой животного, был найден в 1950 г. В. И. Довженком при раскопках древнерусского города Воина у с. Воинская Гребля, Градежского района, Полтавской области, вместе с культурными остатками конца эпохи бронзы — так называемой бондарихинской культуры⁶⁷. Другие находки происходят из памятников конца эпохи бронзы Румынии (культура Tei)⁶⁸, Польши⁶⁹ и особенно Венгрии: это те псалии, которые А. Можолитч отнесла к типу Борияш (рис. 10, 3)⁷⁰. Способ скрепления псалия типа Борияш с ремнями оголовья показан в работе Ш. Бекени⁷¹. У сусканского псалия, в отличие от венгерских псалиев, имеется лишь одно отверстие для прикрепления и повода, и конца мягких удил; перпендикулярно расположенные малые отверстия служили для прикрепления концов раздвоенного нащечного ремня (рис. 11, 2).

Псалии типа Борияш занимают промежуточное положение между более ранними венгерскими псалиями типа Тосеч и Ваттина, с одной стороны, и роговыми псалиями предскифского времени, с другой. А. Можолитч относит их к концу эпохи бронзы, т. е. не ранее чем к 1100 г. до н. э. или соответственно к началу гальштатской эпохи. Им одновременны и восточноевропейские находки на Воинском городище и Сусканском селище; последнее датировано Н. Я. Мерпертом третьей четвертью II тысячелетия до н. э. — первыми веками I тысячелетия до н. э.⁷²

Следовательно, сусканский псалий моложе основной группы костяных псалиев I типа.

IV. На древнем поселении у Постникова оврага, близ г. Куйбышева, в 1926 г. был найден обломок рогового псалия (рис. 9, 3)⁷³. В верхней половине псалия имеется узкая прямоугольная щель, поперек нее сделано маленькое круглое отверстие, в котором вставлен костяной штырек; в нижней (обломанной) части — другое отверстие, расположенное перпендикулярно щели. Поверхность псалия покрыта едва заметным резным узором. Второе, большее, отверстие являлось центральным. Оно, безусловно, служило для пропуска петли мягких удил, к которой привязывался повод. Узкая щель предназначалась для одного из концов нащечного ремня, который, вероятно, двоился. Конец этого ремня закреплялся в щели костяным штырьком. Вероятно, в нижней широкой части псалия имелось еще одно отверстие для прикрепления другой ветви нащечного ремня (рис. 11, 3).

Условия находки этого псалия не оставляют сомнения, что он относится к эпохе бронзы. Его сопровождала керамика срубной культуры, среди которой встречались отдельные черепки андроновского типа.

Определенные аналогии для нашего псалия мы находим среди венгерских роговых псалиев. С типами наиболее ранних псалиев его сближает только двухплановость в расположении отверстий. Ближе всего он стоит как по форме, так и по расположению отверстий к роговым псалиям

⁶⁷ А. И. Тереножкин. Бронзовый псалий с городища Кюзели-гыра. КСИЭ, вып. XXV, 1958, стр. 39.

⁶⁸ Dinu V. Rosetti. Din preistoria Bucureștilor, I. Civilization tip București (Die Bucurester Kultur). București, 1936, табл. XV, рис. 88.

⁶⁹ S. Sulimírski. Die thrako-kimmerische Periode in Südostpolen. Wiener prä-historische Zeitschrift, т. XXV, Wien, 1938, стр. 143, рис. 7.

⁷⁰ A. Mozsolics. Ук. соч., стр. 95—97, рис. 36, 37; J. Reizner. Communications du Musée Municipal de Szeged. Archaeologiai Ertesitő, № 19, 1899, стр. 189, табл. III, 23, 24; F. Tompa. Budapest az ókorban (Budapest dans l'antiquité) ч. I, Budapest, 1942, стр. 77 и табл. XIV, 4.

⁷¹ S. Bökönyi. Ук. соч., стр. 120, рис. 5.

⁷² Н. Я. Мерперт. Ук. соч., стр. 134—135.

⁷³ Хранится в Саратовском краеведческом музее.

начала гальштатской эпохи (рис. 10, 4, 5)⁷⁴. В это время конструкция псалия значительно упрощается и унифицируется по сравнению с более древними формами. Все они имеют по два отверстия по краям для прикрепления раздвоенного нащечного ремня и среднее отверстие, расположенное перпендикулярно первым двум, для прикрепления мягких удили и повода⁷⁵. Им также свойственно сочетание круглых отверстий с прямоугольными и легкая гравировка поверхности. С псалиями типа Борияш они сближаются лишь по одной конструктивной детали, а именно — по наличию малого отверстия, пересекающего срединное отверстие, посредством которого происходило закрепление одного из уздечных ремней⁷⁶.

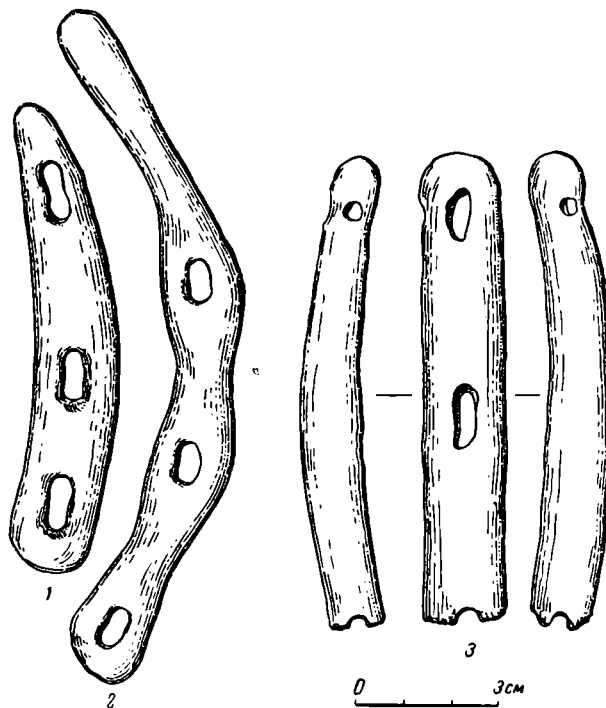

Рис. 12. Роговые псалии V типа

1—2 — из кургана № 6 у хут. Жирноклеевского; 3 — из поселения Ирмень I

Все эти аналогии позволяют считать наш псалий современником раннегальштатских роговых псалиев и отнести его к рубежу II и I тысячелетий до н. э. К тому же времени относятся роговые псалии этого типа, найденные В. И. Спришевским на Чустском поселении (Наманганской области)⁷⁷. Далеко на востоке от Поволжья, в Забайкалье, в одной из плиточных могил у горы Тапхар Г. П. Сосновским был найден роговой, прямоугольный в сечении псалий с тремя подпрямоугольными отверстиями, система расположения которых соответствует поволжскому⁷⁸. Очевидно, все эти находки, отражающие один и тот же этап в развитии древних форм конской уздечки, близки и по времени.

V. Два разных по форме, но одинаковых по своей конструкции

⁷⁴ А. Mozsolics. Ук. соч., стр. 87, рис. 23, 24; стр. 88, рис. 25, 26.

⁷⁵ S. Bökönyi. Ук. соч., стр. 119, рис. 4.

⁷⁶ А. Mozsolics Ук. соч., стр. 96, рис. 36; Dinu V. Rosetti. Ук. соч., табл. XV, 88.

⁷⁷ В. И. Спришевский. Чустское поселение эпохи бронзы (раскопки 1955 г.). КСИИМК, вып. 71, стр. 92 и рис. 27, 3 на стр. 94. В. И. Спришевский ошибочно называет их флейтами. А. И. Тереножкин определил их истинное назначение и любезно показал мне сделанные им рисунки чустских псалиев.

⁷⁸ Г. П. Сосновский. Плиточные могилы Забайкалья. Тр. ОИПК Гос. Эрмитажа, т. 1, 1941, стр. 304, рис. 15, 1.

роговых псалия были найдены в кургане № 6 у хут. Жирноклеевского, близ слободы Карповки⁷⁹ в Сталинградской области (рис. 12, 1, 2). Оба роговых псалия, а также круглые и овальные костяные бляхи (рис. 13, 3—11), вероятно, связаны с древним человеческим погребением № 9, где костяк лежал скорченно, на левом боку, головой на восток.

Один из псалиев имеет слабо изогнутую форму с округленными концами и три почти равные по величине овальные и слегка суженные к середине отверстия. Другой псалий более изогнут; в местах расположения трех овальных отверстий имеет утолщения.

Характерная особенность этих псалиев — расположение трех равных по величине отверстий в одной плоскости — никогда не встречается на костяных и роговых псалиях эпохи бронзы и начала гальштатской эпохи. Зато эта же особенность характерна для большинства металлических (бронзовых и железных) псалиев предскифского и раннескифского времени Евразии. Роговые псалии данного типа генетически связаны с последними как непосредственный прототип металлических псалиев. Те и другие одинаково прикреплялись в уздечке, нащечный ремень которой был раздвоен. Концы этого ремня привязывались к крайним отверстиям псалия, а центральное отверстие служило для прикрепления удила и поводка (рис. 11, 4)⁸⁰.

Этот тип роговых псалиев был широко распространен в Евразии от Венгерской равнины до Алтая. Венгерские псалии, аналогичные жирноклеевским, А. Можолитч относит к предскифскому времени, признавая за ними восточное происхождение⁸¹.

Роговые трехдырчатые псалии с утолщениями на месте отверстий хорошо известны в Восточной Европе. Среди них аналогичными первому жирноклеевскому псалию являются обломки псалия с поселения начала I тысячелетия до н. э. у с. Цахнауцы⁸². Среди серии роговых псалиев из Субботовского городища черноморской культуры (VIII — первая половина VII в. до н. э.) имеются экземпляры, близкие по форме или расположению отверстия как первому, так и второму жирноклеевским псалиям (раскопки А. И. Тереножкина 1955 г.)⁸³. Такие же псалии с утолщениями найдены на поселениях начала I тысячелетия до н. э. Уч-баш, близ Севастополя⁸⁴, и в с. Усатове, под Одессой⁸⁵. На Северном Кавказе они представлены в памятниках кобанской культуры⁸⁶. Кобанские роговые псалии целиком сохраняют форму рога и аналогичны венгерским и первому жирноклеевскому псалиям. Эта форма роговых трехдырчатых псалиев доживает до архаического скифского времени, судя по их находкам в Молдавии (поселения у сс. Царевки и Сахарна)⁸⁷, в Крыму (Симфе-

⁷⁹ Сб. «Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг.». М.—Л., 1948, стр. 183, табл. XXVIII, 1—8. В опубликованном отчете о раскопках смешаны два совершенно разных комплекса костяных изделий, и все они ошибочно приписаны погребению лошади раннего средневековья.

⁸⁰ S. Bökönyi. Ук. соч., стр. 115, рис. 1.

⁸¹ A. Mozsolics. Ук. соч., стр. 90—93 и примеч. и 33 на стр. 91; S. Callus et T. Horváth. Un peuple cavalier préscythique en Hongrie (Planches), Budapest, 1939 табл. VIII, 4 (псалий из Кишкёсер); A. Mozsolics. Ук. соч., стр. 91, рис. 29 и табл. XV, 12 (венгерский псалий неизвестного местонахождения); A. Mozsolics. Ук. соч., стр. 93, рис. 31 и табл. XV, 11 (псалий из Мекеч-Сабольч); рис. 32 и табл. XIV, 6 (псалий из Тиссафюред); M. Parducz. Trouvailles de Csongrád. Annales de l'Institut scientifique de l'Alföld, I, 1944—1945, табл. IV, 12.

⁸² О. Н. Мельникова. Археологические разведки на поселении у с. Цахнауцы. КСИИМК, вып. 56, 1954, стр. 72, рис. 34, 3.

⁸³ А. И. Тереножкин. Культура предскифского времени в среднем Поднелровье. Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии», М., 1954, стр. 101, рис. 8 (слева).

⁸⁴ Раскопки С. Ф. Стржелецкого; хранятся в Херсонесском музее.

⁸⁵ Раскопки Е. Ф. Лагодской; хранятся в Николаевском музее.

⁸⁶ МАК, т. VIII, М., 1900, стр. 32—33 и табл. XXXIX, 2; LXIV, 1; J. Wiesner. Fahren und Reiten in Alteuropa und im Alten Orient, табл. VIII, 2; E. Chantre. Recherches anthropologiques dans le Caucase, т. II, Paris—Lyon, 1886, табл. XX bis, 10.

⁸⁷ А. И. Мелюкова. Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднелровья. МИА, № 64, 1958, стр. 84 и рис. 27, 4 на стр. 82.

ропольское поселение)⁸⁸ и в Приднепровье (курган у с. Константиновки, Мелитопольского района)⁸⁹. Они теперь уже прикреплялись к металлическим удилам. В области ананьинской культуры известны роговые псалии, одни из которых очень близки жирноклеевским образцам (на городище «Сорочьи горы»), другие — чернолесским псалиям из землянки № 6 Субботовского городища (псалии Маклашеевского могильника)⁹⁰. Оба типа относятся еще к доскифскому времени.

Роговые псалии с тремя отверстиями, расположенными в одной плоскости, известны и на Алтае. Древнейшие из них относятся к карасукской культуре, которая датируется, по С. В. Киселеву, в пределах с XIII по VIII в. до н. э.⁹¹ Наиболее архаичным образцом является роговой псалий, найденный М. П. Грязновым в культурном слое поселения карасукской эпохи Ирмень I на Верхней Оби⁹². У этого псалия поперек крайних отверстий просверлены круглые дырочки для лучшего закрепления ремней оголовья (рис. 12, 3)⁹³. Наличие дополнительных перпендикулярных отверстий, которые не встречаются у поздних образцов данного типа, говорит о их большей древности. К карасукскому времени, по М. П. Грязнову, относится бронзовый трехдырчатый псалий с головой зверя на верхнем конце и карасукским орнаментом из рядов треугольников, найденный в Абаканской степи, около дер. Юдиной⁹⁴.

Трехдырчатые роговые псалии использовались населением Алтая и в раннее майэмирское время (VII—VI вв. до н. э.), судя по находкам в погребении Усть-Куюм на р. Катунь⁹⁵ и на Ближних Елбанах на Верхней Оби⁹⁶. Среди них имеются формы, аналогичные описываемому типу (Ближние Елбаны I, землянка 2)⁹⁷. Судя по находке роговых псалий *in situ* около челюстей коня в Усть-Куюмской могиле, а также в могиле № 21 на Ближних Елбанах, они использовались с мягкими удилами. Появление же этой формы псалия на Востоке, судя по архаическому образцу из Ирмени, может относиться еще к концу II тысячелетия до н. э.

Жирноклеевские псалии, учитывая условия их находки в могиле со скорченным костяком, должны относиться ко времени, предшествующему VII в. до н. э., ибо VII в. в Поволжье уже характеризуется появлением погребений с савроматским погребальным обрядом.

В странах Переднего Востока, кажется, неизвестны находки роговых псалиев данного типа. Однако, судя по ассирийским рельефам VIII—VII вв. до н. э., ассирийцы были знакомы с трехдырчатыми псалиями в форме рога. Особенно поразительно сходство псалия (рис. 7, 1), изображенного у лошади на охотничьем рельефе Ашурбанипала (668—629 гг. до н. э.)⁹⁸, с евразийскими роговыми псалиями описываемого типа.

⁸⁸ О. Д. Дашевская. Раскопки симферопольского поселения кизил-кобинской культуры. КСИИМК, вып. XXXIX, 1951, стр. 113, рис. 33, 3.

⁸⁹ П. Д. Либеров. Курганы у села Константиновки. КСИИМК, вып. XXXVII, 1951, стр. 142, рис. 45 в.

⁹⁰ А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, № 30, 1952, стр. 62, табл. XII, 11, 13 и стр. 30, табл. I, 9.

⁹¹ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951.

⁹² М. П. Грязнов. История древних племен Верхней Оби. МИА, № 48, 1956, стр. 74.

⁹³ Хранится в Гос. Эрмитаже, инв. № 15, Ир. IX—52/2. Благодарю М. П. Грязнова за разрешение опубликовать рисунок этого псалия.

⁹⁴ И. П. Кузнецов - Красноярский. Минусинские древности. Томск, 1908, вып. 1, стр. 14 и рис. на стр. 3.

⁹⁵ Сб. «Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг.», стр. 306; М. П. Грязнов. Памятники майэмирского этапа эпохи кочевников на Алтае. КСИИМК, вып. XVIII, 1947, стр. 10, рис. 3—4.

⁹⁶ М. П. Грязнов. История древних племен Верхней Оби, табл. XI, 9; табл. XXI, 23.

⁹⁷ Там же, табл. XI, 9.

⁹⁸ H. Potratz. Ук. соч., стр. 31, рис. 48; M. Wolf und D. Opitz. Jagd zu Pferd in der altorientalischen und klassischen Kunst. Archiv für Orientalforschungen, т. X, кн. 6, Berlin, 1936, стр. 319, рис. 1; стр. 325, рис. 4 и 5.

Г. Потратц отмечает, что псалий внешне воспроизводит форму псалиев позднебронзового и раннежелезного века Европы, ссылаясь на венгерскую находку из Кишкёсег. Этот V тип (по Г. Потратцу) ассирийских псалиев изготовлялся из оленьего рога и применялся с мягкими удилами. Генетически он не был связан с более развитыми бронзовыми удилами Переднего Востока, а появился у ассирийцев в результате их контакта с мидийцами и скифами⁹⁹. Этот вывод целиком подтверждается восточноевропейскими находками роговых трехдырчатых псалиев, появившихся у племен нашей территории еще в конце бронзового века.

Кроме псалиев, в памятниках эпохи бронзы Поволжья найдены другие предметы, связанные с конской уздечкой.

Таковыми являются две круглые костяные бляхи из погребения 2, кургана № 3 у северо-восточной окраины с. Иловатки, Сталинградской области¹⁰⁰. Их внешняя сторона украшена в центре резным солярным изображением, а по периферии — зубчатым кантиком, напоминающим рамчатый узор комаровского, усатовского и тастыбутакского псалиев I типа. Обратная сторона имеет в середине цилиндрическое углубление, а по краю — валик, в котором проделаны три прямоугольных отверстия (рис. 13, 1). Эти бляхи похожи на бронзовые бляхи — распределители уздечных ремней скифского времени. Скифские, савроматские и близкие им гальштатские¹⁰¹ металлические бляхи обычно имели четыре отверстия для ремней, расположенные друг против друга. Наши костяные бляхи, выполняя ту же роль, прикреплялись к оголовью уздечки в том месте, откуда расходились три ремня (рис. 3). Скорее всего они прикреплялись так, как указано на египетских изображениях XV—XIV вв. до н. э.: лошади фараонов имеют уздечку с парой круглых блях, прикрепленных с обеих сторон, лошадиной морды ниже ушей (рис. 4)¹⁰². Бляхи соединяли нащечный, налобный и подбородочный ремни. Они также могли применяться для соединения нащечного и наносного ремней, как показывает ряд ассирийских изображений (рис. 7, 1)¹⁰³. Второй способ применения наших костяных блях менее вероятен, так как на всех изображениях оголовья с круглыми бляхами для наносного ремня всегда представлена еще пара блях, соединяющих нащечный ремень с затылочным, а иногда и с налобным. Очевидно, первый вид оголовья, представленный на египетских памятниках изобразительного искусства, был более древним, чем второй вид, широко распространенный у ассирийцев, мидян, персов¹⁰⁴, а также у скифов¹⁰⁵.

Если мы правильно толкуем назначение костяных блях из Иловатки, то можно с большей детализацией реконструировать древнюю уздечку

⁹⁹ Н. Potratz. Ук. соч., стр. 28—33.

¹⁰⁰ К. Ф. Смирнов. О погребениях с конями и трупосожжениях эпохи бронзы в Нижнем Поволжье, стр. 217, рис. 4; его же. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области. МИА, № 60, 1959, стр. 226, рис. 9, 3, 4.

¹⁰¹ S. Callus et T. Hognváht. Ук. соч., табл. I, 3—7; табл. II, 4—5; табл. X, 5—11; табл. XVI, 8, 9; табл. LIV 3—5, 9, 11.

¹⁰² П. Гнедич. История искусства, стр. 19, рис. 13, стр. 44, рис. 42; J. Pritchard. The Ancient Near East..., стр. 103, рис. 314—316, стр. 319, рис. 319; Lefebvre des Noëttes. Sur un frein la XVIIIe—Dynastie. Annales du service des antiquités de l'Égypte, t. XI, Le Caire, 1911, табл. I; L. Borchardt. Ausgrabungen in Tell el Amarna, стр. 38, рис. 30; В. И. Авдиев. История древнего Востока. Л., 1948, рис. на стр. 243 и 275.

¹⁰³ G. Rawlinson. The Five Great Monarchies, т. 1, рис. на стр. 408, 411, 416, 417, 425—427; Н. Potratz. Ук. соч., стр. 29, рис. 47; стр. 31, рис. 48 и 49; стр. 32, рис. 50.

¹⁰⁴ O. M. Dalton. The Treasure of the Oxus. London, 1926, стр. 57, рис. 39; E. Herzfeld. Iran in the Ancient East. Oxford, 1941, табл. LXXIX; E. Schmidt. Persepolis, т. II, Chicago—Illinois, 1957; J. Pritchard. Ук. соч., стр. 10, рис. 27; R. Ghirshman. Fouilles de Tepe-Sialk près de Kashan, t. II, Paris, 1938—1939, стр. 109, рис. 13; G. Rawlinson. Ук. соч., т. II, рис. на стр. 302; т. III, рис. на стр. 180 и 234.

¹⁰⁵ П. К. Степанов. История русской одежды, вып. I, II, 1916, стр. 10, табл. I и IV, стр. 12, табл. II, стр. 20, табл. VII, табл. XV.

носителей срубной и андроновской культур, применявших мягкие удила с I типом псалиев (рис. 3). Связывать их с этим видом псалиев позволяет единство орнамента. Они были найдены рядом, лежащими на некотором расстоянии друг от друга на деревянном перекрытии могилы¹⁰⁶. Вероятно, при захоронении сюда положили недоуздок без удил и псалиев.

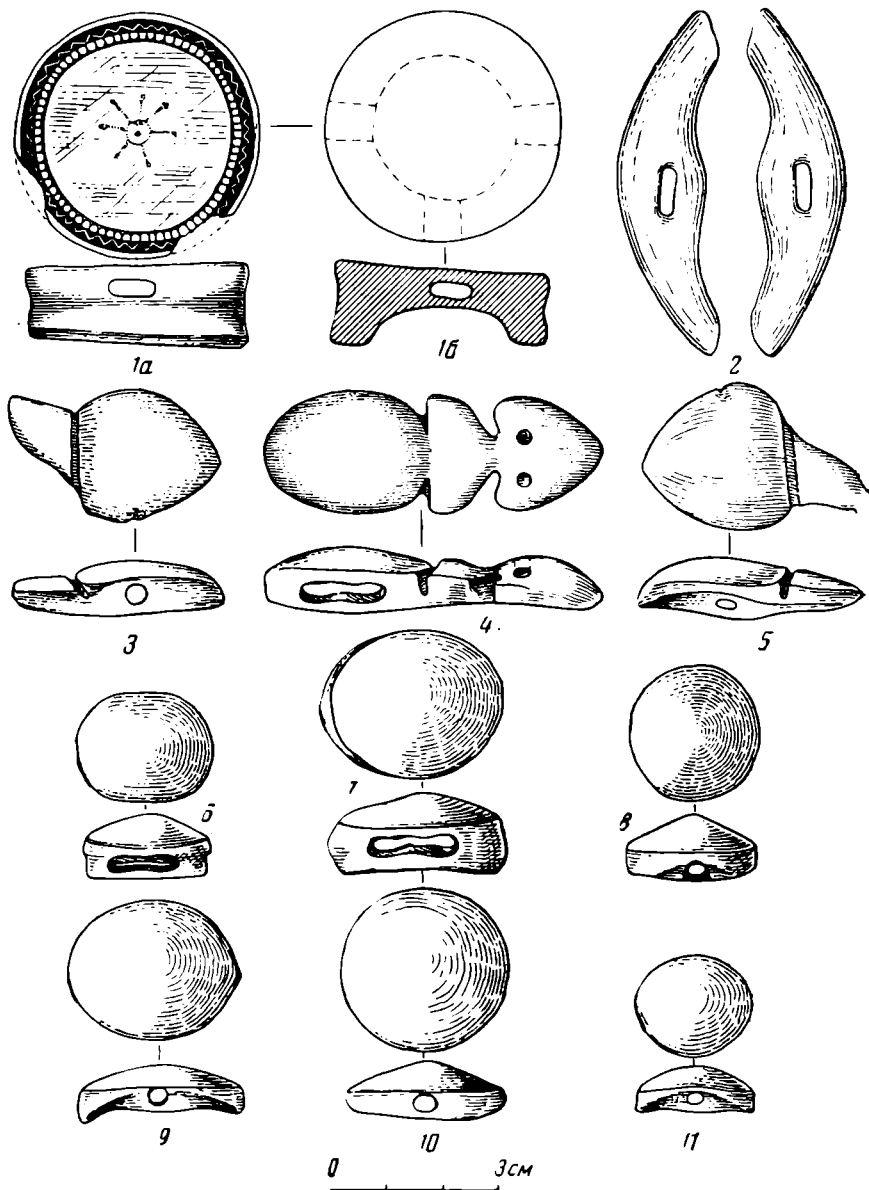

Рис. 13. Различные части конской уздечки

1 — костяная бляха из погр. 2 кургана № 3 у с. Иловатка; 2 — бронзовые «цирки» из кург. № 4 у с. Ягодного; 3 — 11 — костяные бляшки из кургана № 6 у хут. Жирноклеевского.

К более позднему времени, а именно к началу I тысячелетия до н. э., относятся 23 костяные бляшки из жирноклеевского кургана: 21 бляшка найдена вместе с описанными выше роговыми псалиями при скорченном

¹⁰⁶ К. Ф. Смирнов. Курганы у сел. Иловатка и Политотдельское, стр. 226, рис. 9, 3 и стр. 227.

погребении № 9 и две случайно попали в насыпь. Одна из них имеет овальный щиток с фигурным отростком, на поверхности которого проделаны два круглых несквозных отверстия (рис. 13, 4), две сердцевидные бляшки имеют боковой отросток, отделенный от бляшки снаружи поперечным желобком (рис. 13, 3, 5,); остальные имеют круглую или овальную форму (рис. 13, 6—11). Выпуклая внешняя поверхность бляшек хорошо отполирована. С торцевой стороны все бляшки имеют круглые или овальные отверстия для продевания узкого ремня. У фигурной и двух овальных бляшек — овальные широкие отверстия для продевания широкого ремня. Вероятно, эти бляшки составляли украшение уздечки, к которой относятся роговые псалии. Уникальная фигурная бляшка (рис. 13, 4), может быть, служила наносником; находка пары бляшек с одинаковыми отростками говорит об их симметричном расположении среди других бляшек уздечного набора.

Аналогии этим бляшкам мы находим в древностях предскифского времени Приднепровья. Так, на Субботовском городище А. И. Тереножкиным было найдено несколько костяных круглых и овальных блях от конского снаряжения¹⁰⁷, среди которых три имеют вид массивных овальных пуговиц с выпуклой поверхностью и двумя параллельными отверстиями в торцевой стороне. Они очень похожи на жирноклеевские и отличаются лишь наличием парных отверстий¹⁰⁸. Аналогичные костяные овальные и круглые бляхи в количестве 49 происходят из с. Прусс, бывш. Черкасского уезда, и опубликованы Б. Н. и В. И. Ханенко как «части набора конской сбруи (нагрудника) и уздечек»¹⁰⁹. Некоторые из круглых бляшек имеют боковые отверстия, расположенные крест-накрест и предназначенные для перекрестных ремней. Эти бляшки тождественны трем венгерским «наременным гайкам» из пещеры имени О. Герман, которые А. Можолит датирует предскифским временем¹¹⁰, а в первой публикации Л. Белла отнесены к эпохе бронзы¹¹¹.

Мы видим преемственную связь между костяными предметами конской уздечки эпохи бронзы и металлическим уздечным набором скифского времени. Костяные бляхи из Иловатки являются предшественниками металлических блях — распределителей ремней, жирноклеевские и им аналогичные круглые и овальные бляшки с отверстиями — предшественниками металлических выпуклых блях с петлей на обороте, входивших в состав уздечки и сбруи скифского времени.

Кроме костяных и роговых предметов конской упряжи, в конце эпохи бронзы в Поволжье появляются и металлические части уздечки. В насыпи кургана № 4 у с. Ягодного, Ставропольского района, Куйбышевской области, Н. Я. Мерперт нашел два бронзовых дуговидных предмета с овальными отверстиями в середине (рис. 13, 2) вместе с зубами лошади. Эта находка, как указывает Н. Я. Мерперт, связана с впускным погребением молодого мужчины¹¹².

¹⁰⁷ А. И. Тереножкин. Культура предскифского времени в Среднем Поднепровье. Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии», стр. 100.

¹⁰⁸ Поэтомто ошибочно мнение С. С. Черникова, который отнес жирноклеевские бляшки к сарматскому погребению III в. н. э. и сравнил их с костяными бляшками, составлявшими ременной набор в кургане № 4 у пос. Усть-Нарым в Восточном Казахстане. Последние имеют лишь очень отдаленное сходство с жирноклеевскими; их дата и назначение различны. См. С. С. Черников. Восточно-Казахстанская экспедиция, 1950 г. КСИИМК, вып. XLVIII, 1952, стр. 80, рис. 25, 2.

¹⁰⁹ Б. Н. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. III, Киев, 1900, стр. 18 и табл. LII, № 534.

¹¹⁰ A. Mozsolics. Ук. соч., стр. 97—98 и табл. XV, 14—16.

¹¹¹ L. Bella. A Herman Otto-barlang holocaenkori régiségei (Antiquités de la période holocène de la grotte O. Herman) Barlangkutató (Höhlenforschung), 4, 1916, стр. 17—24, рис. 5.

¹¹² Н. Я. Мерперт. Курганы эпохи бронзы у села Ягодного. КСИИМК, вып. XLIV, 1952, стр. 32—33, рис. 8; его же. Материалы по археологии Среднего Заволжья. МИА, № 42, 1954, стр. 51—52, рис. 5, 2, 3.

Малый размер этих предметов (длина — 6,5 см) и наличие лишь одного отверстия не позволяют их считать псалиями. Среди известных металлических форм псалиев нет для них аналогий. В какой-то степени они напоминают короткие уховидные псалии, изображенные на литой бронзовой статуэтке в виде пары колесничих лошадей из сокровищницы Персеполя¹¹³. Однако эти псалии должны иметь по краям отверстия для прикрепления раздвоенного нащечного ремня. Концы бронзовых предметов из кургана у с. Ягодного не приспособлены для привязывания ремней. Очевидно, больше прав Н. Я. Мерперт, считающий их застегками от сбруи¹¹⁴. Скорее всего они служили в качестве застёжек для недоуздка, каковыми, по А. Можолитч, являлись среди среднеевропейских находок короткие роговые и металлические предметы с овальными отверстиями в середине¹¹⁵. Эти застёжки мешали отвязыванию недоуздка во время отдыха или кормления лошади; для управления лошадей они не имели никакого значения.

Среди среднеевропейских находок мне неизвестны точные аналогии застёжкам из Ягодного. Таковой является лишь костяная застёжка, найденная В. И. Довженком вместе с костяным псалием типа Борияш и керамикой бондарихинской культуры у с. Воинская Гребля Полтавской области. Костяной экземпляр, вероятно, древнее бронзовых застёжек. Он может быть отнесен к рубежу II и I тысячелетий до н. э. или к самому началу I тысячелетия. Бронзовые застёжки из Ягодного следует датировать VIII—VII вв. до н. э., т. е. временем, когда в Поволжье впервые появились металлические удила и псалии.

* * *

Итак, известные ныне в степях Поволжья и Казахстана остатки конского снаряжения эпохи бронзы свидетельствуют о том, что пастушеские племена этой обширной области не только были хорошо знакомы с прирученной лошадей, но и использовали ее как ездовое животное. В свете описанных находок следует внести существенные коррективы в традиционное представление о начальном этапе коневодства в степях Восточной Европы, относимого обычно к самому концу II тысячелетия до н. э.¹¹⁶ Он должен датироваться всей второй половиной этого тысячелетия, так как древнейшие костяные псалии Поволжья и Казахстана при их сравнении с венгерскими роговыми и переднеазиатскими бронзовыми восходят к XV—XIV вв. до н. э.

Хотя коневодство в различных частях земного шара могло возникнуть и развиваться самостоятельно, факт определенного сходства наших псалиев с псалиями Переднего Востока, а следовательно, и системы взнуздывания лошади, говорит о каком-то, пусть даже очень отдаленном родстве раннего, хотя и не самого древнейшего способа управления лошадей в степях Евразии и в древних рабовладельческих странах Переднего Востока. В основе этого способа, может быть, лежит один источник, связанный с ранним передвижением индоевропейских племен, в хозяйстве и военном деле которых лошадь играла существенную роль. Этот источник скорее всего надо искать в среде древнейших индоевропейских племен, с проникновением которых в Переднюю Азию связывается широкое распространение там боевых колесниц, конских ристалищ и, наконец, верхо-

¹¹³ E. Schmidt. The Treasury of Persepolis and Other Discoveries in the Homeland of the Achaemenians. Chicago, 1939, стр. 67, рис. 46.

¹¹⁴ Н. Я. Мерперт. Курганы эпохи бронзы..., стр. 32.

¹¹⁵ A. Mozsolics. Ук. соч., стр. 98, рис. 38 и табл. XV, 9, 10; S. Gallus et T. Horváth. Ук. соч., табл. LXV, 2, 3.

¹¹⁶ И. М. Дьяконов. История Индии от древнейших времен до конца IV века до н. э. М.—Л., 1956, стр. 125.

вой езды¹¹⁷. В этой связи важно подчеркнуть, что наиболее ранние типы костяных псалиев (I и II типы) срубной и андроновской культур имеют определенное сходство с древнейшими бронзовыми псалиями Иранского нагорья (Луристан), Месопотамии, Малой Азии и Египта, которые в этих странах получили свое дальнейшее развитие вплоть до начала I тысячелетия до н. э. Вполне возможно, что коневоды Поволжья и Казахстана генетически были связаны с индоевропейской группой народов, расселение которых, к сожалению, весьма трудно проследить по археологическим данным.

Поразительное сходство некоторых типов костяных и роговых псалиев срубной и андроновской культур с псалиями территории Украины и Венгрии говорит об определенных связях населения этой обширной территории Евразии. В области коневодства, как мы видим, эти связи возникли значительно раньше, чем установилось господство сначала киммерийцев, затем скифов в степях Северного Причерноморья. Вероятно, одной из наиболее важных причин, обусловивших распространение близких древних псалиев Евразийской территории, является передвижение племен срубной культуры на Днепр и западнее его, а также и разносторонние общения между племенами срубной культуры Поволжья и западной (приуральской) группой андроновцев¹¹⁸.

Если одинаковые технические принципы, легшие в основу изготовления псалиев с мягкими удилами у населения Венгрии и Поволжско-Уральской области, можно объяснить одинаковым уровнем в развитии коневодства, то вряд ли только этим объясняется большое сходство некоторых форм, как, например, дисковидных псалиев или псалиев типа Борьяш¹¹⁹, и даже совпадение орнаментов, применявшихся для украшений псалиев. Скорее всего эти общие формы возникли в одном месте. Однако мы в настоящее время не располагаем достаточной суммой фактов, чтобы дать предпочтение коневодам Средней Европы или коневодам Поволжья и Казахстана в выработке этих специфических форм.

В течение всей второй половины II тысячелетия до н. э. как в Венгрии, так и в Поволжско-Казахстанских степях наблюдаются поиски более рациональной формы псалиев и уздечки, чем и объясняется одновременное существование различных типов псалиев и неустойчивая система расположения отверстий, особенно у псалиев I типа. В целом же развитие шло по линии упрощения способа прикрепления псалиев к оголовью и унификации уздечки. Ранние типы прекратили свое существование к рубежу II—I тысячелетий до н. э.

В первой четверти I тысячелетия до н. э., т. е. в киммерийскую эпоху, происходит унификация псалиев, которые теперь имеют форму прямого или изогнутого стержня с тремя отверстиями, расположенными в одном плане. Скорее всего, эта форма сложилась в восточных областях Евразии и быстро распространилась вплоть до Средней Европы; вместе с киммерийцами и скифами этот тип псалия попадает к ассирийцам. Он лег в основу ряда вариантов бронзовых трехдырчатых псалиев предскифского и раннескифского времени как территории самой Скифии, Северного Кавказа и савроматов, так и областей Южной Сибири и Алтая.

¹¹⁷ И. М. Дьяконов. Ук. соч., стр. 122—125; U. Popplow. Pferd und Wagen im Alten Orient; H. A. Potratz. Das Pferd in der Frühzeit. Rostock, 1938; его же; Die Pferdegebisse des Zwischentromländischen Raumes; J. Wiesner. Fahren und Reiten in Alteuropa und Alten Orient.

¹¹⁸ К. Ф. Смирнов. Проблема происхождения ранних сарматов. СА, 1957, № 3, стр. 3 сл.

¹¹⁹ А. Можолит считает его специально венгерским, чему противоречат находки таких же псалиев в Румынии, Польше, на Украине и в Поволжье.

К ВОПРОСУ О ТЕХНИКЕ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ У ПЛЕМЕН СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Описывая в IV книге своей «Истории» население Скифии, Геродот неоднократно подчеркивал различие в хозяйстве отдельных племен. Степным скотоводческим племенам («царским скифам» и «скифам-кочевникам») он противопоставлял «скифов-пахарей», «скифов-земледельцев», каллипидов, алазонов, гелонов и другие племена, в хозяйстве которых очень важную, а иногда даже основную роль играло земледелие¹.

Условия для занятия земледелием были особенно благоприятны в лесостепной полосе Восточной Европы. Во многих местах еще сохранялись большие лесные массивы, которые служили хорошей естественной защитой полей от суховеев. В то же время наличие значительного количества свободных от леса пространств давало возможность без особых усилий находить пригодные под пашню земли. Физико-климатические условия лесостепи, наличие черноземных почв наряду с оподзоленными, умеренное увлажнение, несомненно, способствовали развитию земледелия².

Сведения Геродота и других античных авторов о земледельческом характере хозяйства ряда племен Северного Причерноморья в раннем железном веке подтверждаются и дополняются археологическими находками железных серпов, каменных зернотерок, зерен и их отпечатков на глине, наличием земледельческого культа и другими уже известными материалами. Однако в настоящее время остается еще очень много неизвестностей, когда мы подходим к вопросу о технике обработки земли населением Скифии.

Говоря о происхождении скифов, Геродот приводит легенду о священных золотых предметах, упавших с неба и доставшихся Колаксансу — младшему из сыновей скифского прародителя Таргитая. Среди этих предметов он называет три, непосредственно связанных с земледельческим производством: плуг, ярмо и топор. Неудивительно, что наряду с плугом и ярмом здесь говорится о топоре, так как последний, особенно в условиях лесостепи, где участки для пашни приходилось нередко очищать от кустарников и даже деревьев, был не менее важен при пашенном земледелии, чем плуг и ярмо. Это значение железного топора для пашенного земледелия особо подчеркивал Ф. Энгельс³.

Не случайно в этой древней легенде, по-видимому, и то, что наряду с указанными земледельческими орудиями в ней упоминается и священный сосуд, чаша — один из атрибутов⁴ почитавшейся во всей Скифии великой скифской богини Гестии-Табити — богини домашнего очага и, как полагают ряд исследователей, также богини жизни и плодородия⁵.

¹ Геродот. IV, 2, 17, 18, 19, 46, 109.

² См. Ф. Н. Мильков. Лесостепь русской равнины. М., 1950, стр. 44, 45 и 47.

³ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс. Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II, М., 1955, стр. 178.

⁴ С. А. Жебелев. Геродот и скифские божества. Сб. «Северное Причерноморье», М.—Л., 1953, стр. 33.

⁵ В. А. Городцов. Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве. Тр. ГИМ, вып. I, 1926, стр. 18, 20; Б. А. Рыбаков. Древние элементы

Эта замечательная легенда, которую сохранил нам Геродот, несомненно возникла в среде земледельческих племен Поднепровья в связи с основными хозяйственными интересами местного населения⁶. Она отражает те реальные условия, которые к моменту появления легенды уже существовали у этих земледельческих племен. Следовательно, не может быть никакого сомнения в том, что земледелие здесь уже было пашенное, плужное. Лишь для сельскохозяйственных работ сравнительно небольшого объема (например, для вторичной обработки земли, для разрыхления комьев, которые оставлял примитивный плуг) могла применяться мотыга. Совершенно прав Б. Н. Граков, который указывает, что без развитого плужного земледелия невозможно представить себе производства того огромного количества хлеба, которое вывозилось из Скифии⁷.

Но можно ли считать, что плужное земледелие было распространено не только у тех племен, которые Геродот именуется скифами-пахарями, а у всех земледельческих племен Скифии или, во всяком случае, у большинства? Некоторые исследователи пытались найти ответ на этот вопрос в самих терминах «скифы-пахари» и «скифы-земледельцы», которые употребляет Геродот для обозначения определенных групп земледельческих племен Поднепровья. Так, Фогель считал, что за этими терминами скрывается характеристика различных по уровню экономического развития племен. Одни племена («скифы-пахари») обрабатывали землю плугом, а другие («скифы-земледельцы») якобы находились еще только на стадии примитивного мотыжного земледелия⁸. Этого мнения придерживались и некоторые другие историки⁹.

В действительности археологические материалы не подтверждают такого резкого культурного и экономического различия между известными нам земледельческими племенами скифского времени. Поэтому безусловно прав М. И. Артамонов, который указывает, что мнение Фогеля ни на чем не основано¹⁰. Появление термина «скифы-земледельцы» Д. П. Каллистов довольно убедительно объясняет стремлением Геродота противопоставить эту группу земледельческого населения «скифам-кочевникам», которые ничего не пахут и не сеют. Слово «земледельцы» (γεωργοί) вовсе не означает обработку земли мотыгой, а имеет более широкий смысл, чем термин «пахари» (ἀροτῆρες). Оно может означать не только обработку земли посредством ее вспахивания, но и вообще население, занятое всеми видами земледелия¹¹.

Надо полагать что пашенное земледелие было распространено не только в Поднепровье, не только у тех племен, которые Геродот именуется «скифами-пахарями», а у большинства земледельческих племен Скифии. При той ясно наблюдаемой общности, которая отмечается между всеми лесостепными культурами от Западной Подолии до Воронежской области¹², трудно себе представить, чтобы примитивный плуг, появившись в одном месте, не распространился бы и у соседних, в культурном отноше-

в русском народном творчестве. СЭ. 1948, № 1, стр. 90 сл.; Б. А. Шрамко. Следы земледельческого культа у лесостепных племен Северного Причерноморья в раннем железном веке. СА. 1957, 1, стр. 178 сл.; Л. А. Ельницкий. Из истории древнескифских культов. СА, 1960, № 4, стр. 50.

⁶ М. И. Артамонов. О землевладении и земледельческом празднике у скифов. Уч. зап. ЛГУ, № 95, серия исторических наук, вып. 15, 1947, стр. 5.

⁷ Б. М. Граков. Скифы. Київ, 1947, стр. 34.

⁸ Vogel. Pflugbau-Skythen und Hackbau-Skythen, Festschrift Ed. Hahn zum LX Geburtstage, 1917, стр. 150.

⁹ Б. Д. Греков. Киевская Русь. М., 1949, стр. 35.

¹⁰ М. И. Артамонов. К вопросу о происхождении восточных славян. ВИ, 1948, № 2, стр. 101.

¹¹ Д. П. Каллистов. Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л., 1949, стр. 122.

¹² Б. Н. Граков, А. И. Мелюкова. Две археологические культуры в Скифии Геродота. СА. XVIII. 1953, стр. 122.

нии чрезвычайно близких, а в ряде случаев, очевидно, и этнически родственных племен лесостепи.

В археологической литературе, к сожалению, до сих пор нет никаких указаний на вещественные памятники, которые могли бы подтвердить сообщение Геродота о наличии плуга. Нет также сводки, которая могла бы дать представление о каких-либо других орудиях для обработки почвы у земледельческих племен лесостепной полосы Восточной Европы в раннем железном веке.

Сравнительно недавно вышла работа П. Д. Либерова, специально посвященная характеристике земледелия у скифских племен Поднепровья¹³. В ней автор также не приводит никаких археологических фактов о наличии орудий для обработки почвы у лесостепных племен. Вместе с тем, отмечая наличие плуга в гальштатской культуре¹⁴, в греческих колониях Северного Причерноморья¹⁵ и находку железных лемехообразных орудий на Северном Кавказе¹⁶, он повторяет уже высказывавшееся ранее¹⁷ предположение о том, что у скифов вспашка, как правило, производилась деревянным плугом простой конструкции, а железные сошники применялись очень редко или вообще не применялись вследствие большой ценности металла¹⁸.

Однако этим далеко не исчерпываются все материалы, которые могут быть привлечены для изучения техники земледелия у местных племен раннего железного века. Среди археологических находок в лесостепной полосе Восточной Европы, мне кажется, можно выделить еще целый ряд предметов, имеющих непосредственное отношение к решению этого вопроса.

Д. Т. Березовец недавно в очень краткой заметке описал остатки древнего деревянного плуга, найденного в 1921 г. в торфянике у с. Токари (Сумской район и область УССР)¹⁹. Осматривая осенью 1958 г. подлинник, хранящийся в Сумском краеведческом музее, я убедился, что публикация Д. Т. Березовца не дает точного представления об этой уникальной вещи. Предлагаемая им реконструкция по целому ряду соображений не может быть принята, а его попытка датировать плуг только на основании «сложности конструкции» второй половиной I тысячелетия н. э. совершенно не обоснована.

Что же за плуг найден был в токаревском торфянике? Для выяснения этого вопроса приведем основные сведения о нем, которые несколько отличаются от данных Д. Т. Березовца.

Сохранившаяся часть плуга сделана из целого куска дерева, представляющего собой часть дубового ствола с отходящим в сторону толстым суком (рассоха). Отрезок ствола заострен и образует горизонталь-

¹³ П. Д. Либеров. К истории земледелия у скифских племен Поднепровья эпохи раннего железа в VI—II вв. до н. э. Сб. «Материалы по истории земледелия СССР» т. I, М., 1952, стр. 66 сл.

¹⁴ Изображение на ситале см. M. Höpner. Urgeschichte der bildenden Kunst in Europa. Weimar, 1898, стр. 656, табл. 32.

¹⁵ В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 97, рис. 8

¹⁶ Речь идет об орудиях, найденных на Пашковском селище и в Краснодарском могильнике. По-видимому, правы Н. В. Анфимов и В. Д. Блаватский, которые считают, что это орудия типа мотыги. См. Н. В. Анфимов. Новые данные к истории Азиатского Боспора. СА, VII, 1951, стр. 262, рис. 6; В. Д. Блаватский. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953, стр. 108—109.

¹⁷ Б. М. Граков. Скифы, стр. 34.

¹⁸ П. Д. Либеров. Ук. соч., стр. 80. На Петуховском городище в низовьях Буга найдено железное лемехообразное орудие, но оно датируется первыми веками н. э. (см. М. С. Синицын. Городище у хутора Петуховки Очаковского района. ВДИ, 1952, № 2, стр. 247, рис. 4). Еще более поздние два сошника найдены у д. Семеновки. (см. И. Т. Кругликова. Железные сельскохозяйственные орудия Боспора в III в. н. э. СА, 1959, № 3, стр. 137—138).

¹⁹ Д. Т. Березовец. Плуг з Токарівського торфовища. Археологія, т. VII, 1952, стр. 174—175, рис. 1.

ную часть плуга (ползун), а часть изогнутого сука превращена в грядиль (рис. 1 и 2). Общая длина плуга по горизонтальной линии от конца сохранившейся части грядиля до перпендикуляра к тыльной части ползуна (пятка плуга) — 93 см. Высота плуга от подошвы ползуна до наивысшей точки грядиля — 38 см. Основной рабочей частью плуга является ползун, при помощи которого взрыхлялась почва. В продольном сечении

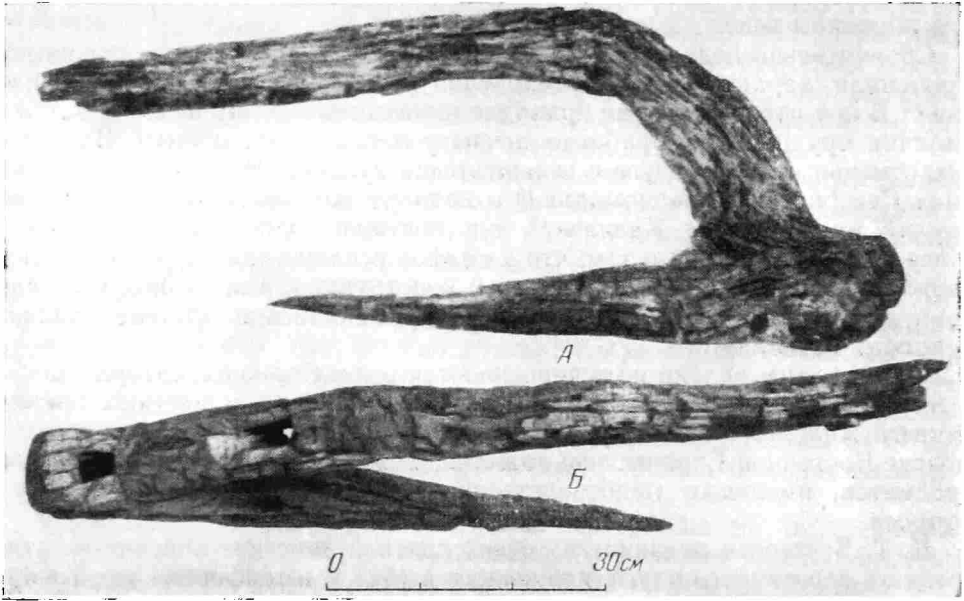

Рис. 1. Фотография остатков деревянного плуга из торфяника у с. Токари

А — вид сбоку; Б — вид сверху

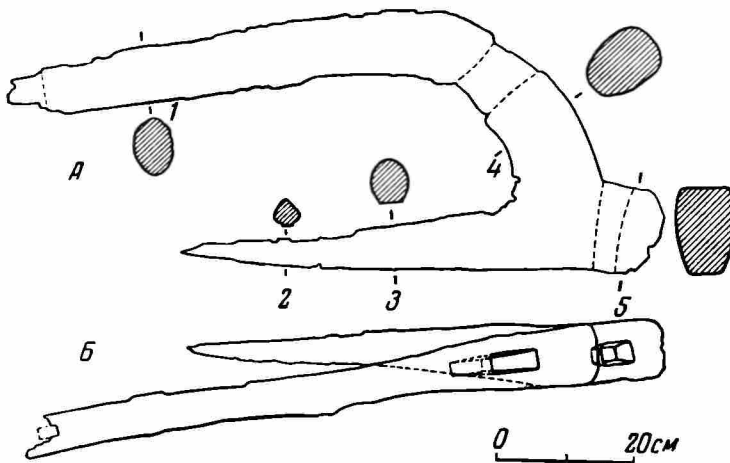

Рис. 2. Чертеж остатков деревянного плуга из торфяника у с. Токари

А — вид сбоку; Б — вид сверху
1—5 — поперечные разрезы

ползун имеет клиновидную форму. Заостренный конец его слегка приподнят, а тыльная часть (пятка) закруглена. Длина ползуна от заостренного кончика до края пятки — 70 см, высота у середины пятки — 12,7 см, ширина пятки — 9 см. Поперечный разрез ползуна не везде одинаков. В передней части он почти круглый, а далее имеет вид овала со срезанным сегментом. Поперечный разрез пятки по форме близок к прямоугольнику.

Нижняя часть ползуна образует подошву плуга длиной в 65 см. Эта подошва, кроме небольшого отрезка переднего кончика, имеет хорошо заглаженную площадку, которая в средней части слегка вогнута. Эта особенность, очевидно, не случайна, так как и при регулировке современных конных плугов требуется, чтобы плуг, поставленный на горизонтальную плоскость, опирался на лезвие лемеха и пятку подошвы плуга²⁰. При такой форме нижней части уменьшается прилипание земли к подошве и облегчается движение плуга.

В пятке ползуна проделано четырехугольное отверстие не совсем правильной формы. Наибольшая длина стороны его 5 см, а ширина — 3,5 см. Книзу оно сужается и имеет размер 3,3×2 см. Отверстие это расположено не строго вертикально, а слегка наклонено в сторону тыльной части плуга.

Грядиль плуга отходит от ползуна сначала вверх под углом 65—70°, а затем его конец слегка опускается вниз. Кроме того, грядиль примерно на 10° отклоняется влево от направления длинной оси ползуна (рис. 1Б и 2Б). Толщина грядиля неодинакова. В средней части он имеет толщину 11,5×8,5 см, а к переднему концу постепенно сужается. В 20 см от излома его сечение имеет вид овала с диаметрами 8,3 и 5,7 см.

На расстоянии 18,5 см от основания грядиля, на изгибе, прорезано прямоугольное отверстие размером 8,5×2,9 см, ориентированное по продольной оси грядиля. Книзу отверстие сужается, и размеры его у выхода равны 7,2×1,8 см. Передняя и задняя стенки отверстия не совсем прямые, но в среднем угол наклона их к горизонтальной плоскости составляет 45—46°.

Д. Т. Березовец в своей статье пишет: «Вероятнее всего, что грядиль был довольно длинным и ярмо укреплялось непосредственно на нем»²¹. Автор, однако, не заметил у сломанного конца грядиля отчетливо видимую выемку от прорезанного вертикального отверстия четырехугольной формы (рис. 2, а, б). Ширина отверстия — 1,4 см. Наличие отверстия, которое в аналогичных случаях всегда располагается у конца грядиля, свидетельствует о том, что последний был коротким. Это имеет определенный смысл. От длины грядиля зависит устойчивость плуга и тяговое усилие, которое необходимо прилагать во время работы. Известно, что при длинном грядиле плуг устойчивей, но зато при коротком грядиле животные тянут плуг с меньшим усилием. Для владельцев токаревского плуга последнее обстоятельство имело, по-видимому, большое значение. При помощи одного или двух отверстий в грядиле к плугу прикреплялось дышло с ярмом, как это можно видеть на изображении очень близкого к нашему фракийского плуга²² или на модели плуга эллинистического времени из Civita Castellana (Этрурия)²³.

Далее Д. Т. Березовец высказывает предположение, что искривленность верхней части грядиля токаревского плуга является следствием деформации его от пребывания в торфе. В действительности изогнутость грядиля не случайна. Рассоха такой формы специально подбиралась. Аналогичное искривление грядиля или ползуна, создающее между направлением их осей соответствующий угол, заметно и на остатках древних деревянных плугов из Веббеструпа, Сейбека и Папова (Папая)²⁴. Этот

²⁰ В. Н. Варгин. Орудия для обработки почвы. СПб., 1911, стр. 21.

²¹ Д. Т. Березовец. Ук. соч., стр. 175.

²² Известия на Българско археологическо дружество, вып. VII, 1919—20, стр. 154.

²³ М. Е. Сергеевко. Пахота в древней Италии. СА, VII, 1941, стр. 220 сл., рис. 2.

²⁴ P. V. Gló b. Ard og plov i Nordens Oldtid. Jysk Arkæologisk selskabs skrifter, т. I, Aarhus, 1951, рис. 9—12, 18; История Польши. (Под ред. В. Д. Корольюка, И. С. Миллера, П. Н. Третьякова), т. I, М., 1954, стр. 28. Публикации некоторых других древних плугов не позволяют утверждать, имел ли грядиль или ползун интересующий нас изгиб, так как в ряде известных мне работ авторы ограничиваются изображением плуга в профиль, не показывая общий вид сверху или снизу. В иных случаях не сохранились необходимые для решения данного вопроса части плуга.

изгиб можно наблюдать и на ряде деревянных плугов из этнографических коллекций Харьковского, Черниговского и Сумского музеев²⁵. Отклонение грядиля от плоскости движения режущей части плуга специально предусматривается и в современных конных плугах. По мнению специалистов, конец грядиля у этих плугов должен быть специально отведен в сторону на одну треть ширины пласта, забираемого плугом²⁶. Приведенные выше факты не позволяют считать случайностью изогнутость грядиля токаревского плуга. Если бы грядиль и ползун токаревского плуга были бы расположены в одной вертикальной плоскости, то пахать таким плугом было бы очень неудобно, так как ползун все время скользил бы вдоль борозды, не врезаясь сбоку в пласт.

Не могу согласиться и с категорическим утверждением Д. Т. Березовца, что токаревский плуг обязательно должен был иметь железный наральник (лемех). В подтверждение своего мнения автор не приводит никаких доказательств, если не считать довольно наивного утверждения, что плуг без железного наральника якобы вообще не мог применяться и неминуемо сломался бы. Факты говорят иное. При осмотре подлинника плуга не удалось заметить никаких следов прикрепления к его ползуну железного лемеха. Нет ни следов подгонки конца ползуна к втулке лемеха, ни потертостей, ни следов ржавчины от металла. Да и форма сечения ползуна (рис. 2, 2, 3) не соответствует обычной форме втулки лемеха. У известных нам древних лемехов из Восточной Европы втулки имеют в поперечном сечении вид незамкнутого овала, длинная ось которого расположена горизонтально. Соответственно этому обрабатывается и конец ползуна деревянного плуга, если предполагается снабдить его железным лемехом. У токаревского же плуга конец ползуна в сечении почти круглый, а ближе к тыльной части сечение имеет вид вытянутого вверх овала со срезанным сегментом в том месте, где ясно прослеживается зашлифованность подошвы от непосредственного трения дерева об почву. Все это говорит в пользу того, что данный плуг применялся без железного лемеха. При этом, вопреки предположению Д. Т. Березовца, ползун оказался достаточно крепким и сохранился до наших дней, а сломался тонкий конец грядиля, не особенно прочный из-за проделанного в нем отверстия.

Рассмотрим теперь предлагаемую Д. Т. Березовцом реконструкцию токаревского плуга. Он пишет следующее: «В отверсти, которое находится в тыльном конце ползуна, закреплялся стояк, служивший опорой для мощного деревянного бруса, который проходил через отверстие в грядиле. Верхняя часть этого бруса была ручкой, за которую пахарь держался руками. Нижняя, более широкая (?) часть бруса охватывала ползун и своим концом входила в наральник, втулка которого служила одновременно и муфтой, скреплявшей между собой ползун и брус»²⁷.

Такая реконструкция плуга кажется нам мало убедительной. Не удивительно, что и сам автор ее говорит об отсутствии аналогий. Между тем примитивные орудия типа деревянного плуга, у которых рабочая часть (ползун) расположена горизонтально, а не под углом к поверхности, как у сохи, известны на территории Европы по наскальным изображениям и скульптурам (рис. 3, 1—3), восходящим еще к бронзовому веку²⁸, по целому ряду находок их деревянных частей в торфяниках Дании, Германии и Польши²⁹. Кроме того, хорошее представление о плугах раннего типа дают античные статуэтки и изображения на моне-

²⁵ Харьковский исторический музей, инв. № 7502; Черниговский исторический музей, инв. № И-5437; Сумской краеведческий музей, инв. № 1694.

²⁶ В. Н. Варгин. Ук. соч., стр. 26.

²⁷ Д. Т. Березовец. Ук. соч., стр. 174.

²⁸ Дж. Г. Д. Кларк. Доисторическая Европа. М., 1953, стр. 109, рис. 48, стр. 110, табл. VI, В. Р. V. Gløb. Ук. соч., стр. 112, рис. 23, 26.

²⁹ Подробнее об этих находках см. ниже.

тах, вазах и рельефах³⁰. Среди всех этих изображений и вещественных остатков действительно нет плуга того типа, который пытается реконструировать Д. Т. Березовец. Некоторые соображения говорят о том, что такой плуг вообще не мог существовать.

Угол в 45—46°, соответствующий наклону отверстия в грядиле, очень велик и неудобен для закрепления предполагаемого бруса, конец которого якобы входил во втулку лемеха. Уже отмечалось, что сам ползун

Рис. 3. Изображения сцен пахоты плугом

1 — глиняная модель из Вунуса (Кипр); 2 — наскальный рисунок из Финнторпа (Швеция); 3 — наскальный рисунок из Литслеби (Швеция)

слишком расширен в вертикальном направлении, а брус должен был еще более увеличить такое расширение. Это делает невероятным закрепление всей громоздкой конструкции во втулке лемеха. Если бы гипотетический брус-рукоятка охватывал и ползун, то от трения соединенных частей на ползуне образовались бы потертости, но их не видно. Нижний конец той детали, которая вставлялась в отверстие грядила, не мог быть более широким ввиду того, что само отверстие суживается книзу. Уже отмечалось, что отверстие в грядиле повернуто в сторону от оси ползуна, а при этом конец бруса вообще не мог попасть во втулку лемеха. Если бы мастер, делавший плуг, хотел направить какой-то брус во втулку лемеха, то ориентировка отверстия, разумеется, была бы иная. Наконец, вообще не видно особой целесообразности в подобном устройстве наклонного бруса. Сомнительно, чтобы он мог играть роль отвальной доски. Узкий брус мог только разгребать на две стороны встречные комья земли, но

³⁰ В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 97, рис. 8; А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16, 1951, стр. 178, табл. XLI, 12; В. Д. Блаватский. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953, стр. 93—94, 106. См. также в нашей статье рис. 4, 1—2.

эту же функцию с таким же успехом выполняли ползун и основание грядиля. Рукоятка же для управления в подобных плугах, сделанных из рассох, закреплялась иначе.

По этнографическим данным известны случаи, когда ручка плуга закрепляется через отверстие в грядиле, но конструкция такого плуга резко отличается от того, что можно себе представить по остаткам, найденным в токаревском торфянике. Грядиль и ползун у этих плугов сделаны не из простой рассохи, а из отдельных кусков дерева, соединенных между собой весьма сложным образом³¹. Нет здесь и выступа пятки

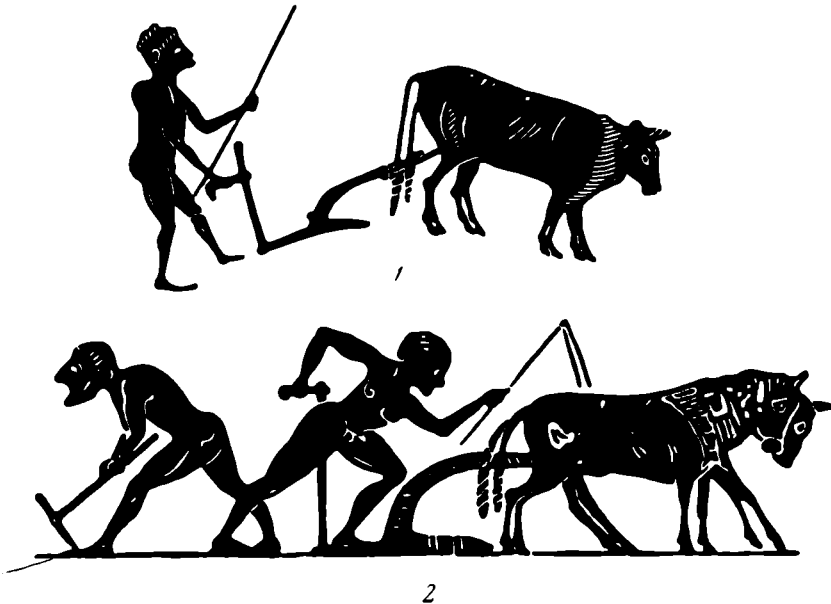

Рис. 4.

1 — деталь греческой чернофигурной вазы с изображением сцены пахоты. Берлинский музей; 2 — изображение земледельческих работ. (Деталь греческой чернофигурной вазы.) Лувр.

с отверстием, в котором закреплялся бы вертикальный стояк, так как при подобном устройстве он был бы излишней деталью. Наконец, само отверстие в грядиле расположено у этих плугов гораздо ниже, под меньшим углом к горизонтальной плоскости.

Нам кажется, что нет никакой необходимости выдвигать различные замсловатые гипотезы для объяснения очень простой конструкции плуга из токаревского торфяника. Целесообразней реконструировать его, исходя из уже известных аналогий.

Остатки примитивных деревянных плугов, сделанных из рассох, и их изображения найдены в период между 1823 и 1945 г. в целом ряде пунктов — Дабергготц, Папово, Валле, Веббеструп, Вивиорки, Литслеби, Финнторп, Хворслев, Сэйбек, Нисум³². В тыльном конце ползуна всех этих деревянных плугов имеется четырехугольное отверстие, служившее для укрепления вертикального стояка рукоятки (рис. 5—7). У плугов из Веббеструпа и из Валле (рис. 5, 1, 4,) сохранились даже остатки этих стояков³³. Способ закрепления ручек у плугов такого типа хорошо виден также на упомянутых выше наскальных изображениях, на фракий-

³¹ Ж. Н. Выжарова. О происхождении болгарских пахотных орудий. М., 1956, стр. 7, рис. 1, 2, стр. 10, рис. 4, б.

³² См. сводку в указ. работе П. В. Глѳба, стр. 110 сл.

³³ P. V. Gløb. Ук. соч., рис. 9—10, 15.

ской надгробной плите³⁴, на известной пантикапейской монете³⁵ и на греческих чернофигурных вазах VI в. до н. э. из Лувра и из Берлинского музея³⁶ (рис. 4, 1, 2).

Железный лемех (сошник), если он был, одевался на передний конец ползуна и удерживался на последнем незамкнутыми лопастями овальной втулки. У некоторых плугов металлический лемех закреплялся на ползуне при помощи специального кольца³⁷. Многие архаические плуги обходились без металлического лемеха.

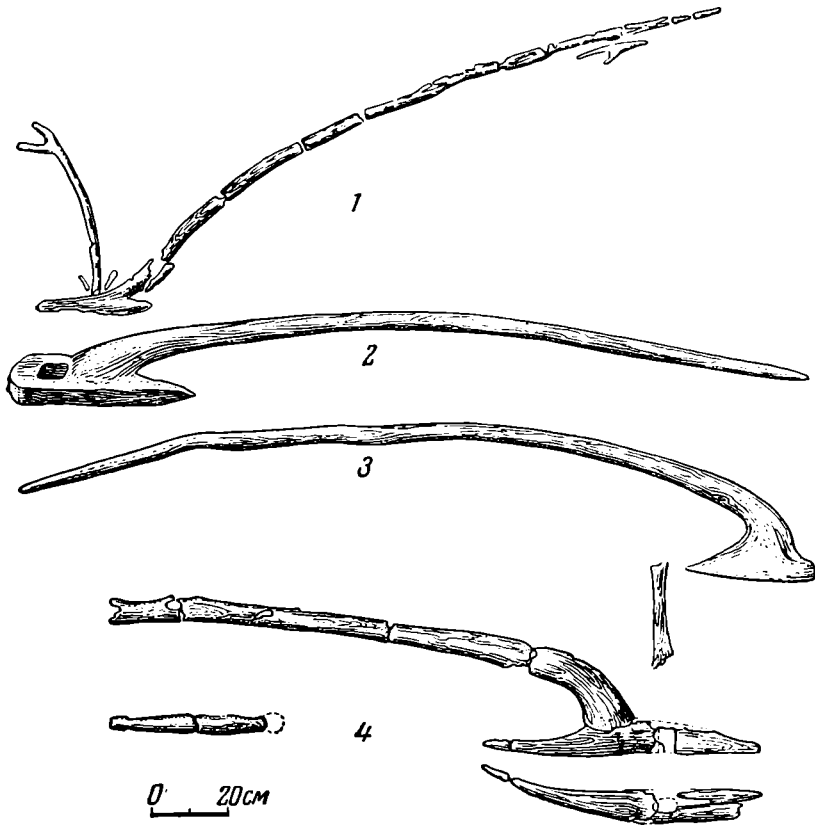

Рис. 5. Остатки древних деревянных плугов

1 — Валле (Германия); 2 — Папово (Польша); 3 — Вивнорки (Польша); 4 — Веббеструп (Дания)

Что касается сужающегося книзу прямоугольного отверстия в изгибе грядиля, то оно, очевидно, служило для закрепления в нем плужного ножа (чересла). Такое закрепление примитивного чересла можно наблюдать на плуге из торфяника Дабергготц (рис. 7), у которого грядиль и ползун, так же как у токаревского плуга, сделаны из цельного куска дерева (рассоха)³⁸. Передняя грань примитивного чересла у плуга

³⁴ ИБАД, вып. VII, стр. 154; Г. И. Кацаров. Единъ паметникъ за земледѣлието зъ древна Тракия. ИБАИ, т. XII, ч. 2, София, 1939, стр. 405, рис. 185.

³⁵ А. Н. Зограф. Ук. соч., табл. XLI, 12.

³⁶ G. Perrot et Ch. Chipiez. Histoire de l'art dans l'antiquité, т. X, Paris, 1914, стр. 231, рис. 148 (Лувр), стр. 265, рис. 171 (Берлинский музей).

³⁷ М. Е. Сергеевко. Ук. соч., стр. 223.

³⁸ P. Leser. Der Pflug von Dabergotz. Zeitschrift für Ethnologie, Berlin, 1925, стр. 7; его же. Ein Pflug aus der Steinzeit. Anthropos, т. 20, 1925; его же. Entstehung und Verbreitung des Pfluges. Anthropos, т. III, № 3, Münster, 1931, стр. 138 сл., табл. 5 с; La Baume W. Die vorgeschichtlichen Pflüge. Blätter für deutsche Vorgeschichte. Тетр. II, Leipzig, 1937; P. V. Gløb. Ук. соч., стр. 111—112, рис. 16—17; В. И. Равдоник а с. История первобытного общества. Л., 1947, т. 2, стр. 301, рис. 114.

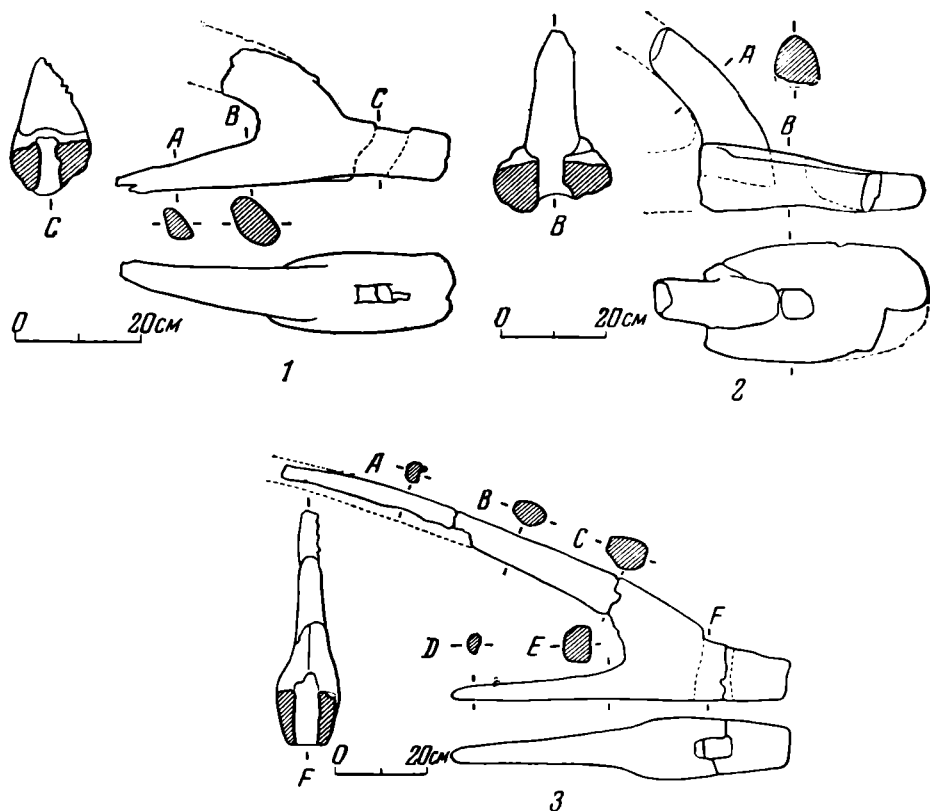

Рис. 6. Остатки древних деревянных плугов
1 — Сэйбек (Дания); 2 — Нисум (Дания); 3 — Хворслев (Дания). По Глэбу

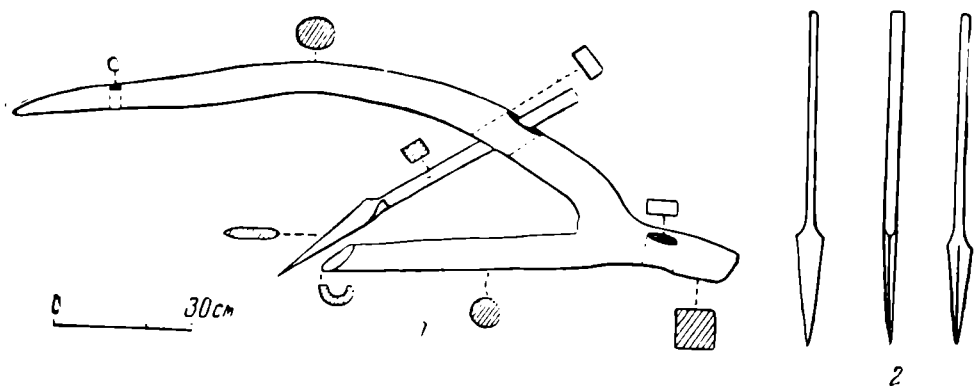

Рис. 7. Остатки деревянного плуга из Даберготца (Германия)
1 — общий вид плуга; 2 — чересло (по La Vaume)

из Даберготца расположена примерно под углом 43° к линии горизонта. У современных конных плугов чересло рекомендуется³⁹ прикреплять к грядилю плуга так, чтобы лезвие его составляло с горизонтальной плоскостью угол от 45 до 80° . В пределах от 45 до 70° можно закрепить чересло в грядиле уже упоминавшегося деревянного пароконного плуга из этнографической коллекции Сумского краеведческого музея. Наклон отверстия в грядиле токаревского плуга дает полную возможность закрепить чересло под углом в 45 — 46° и даже 49° , что вполне соответствует нормам.

³⁹ В. Н. Варгин. Ук. соч., стр. 3.

Важно также отметить, что техника обработки токаревского плуга довольно примитивна. В основном использована естественная форма рассохи, поверхность которой отесана, по-видимому, топором. Даже тыльный конец ползуна (пятка) у этого плуга не срезан пилой, а обрублен. Эти грубые приемы, наряду с другими особенностями, говорят совсем не в пользу той очень поздней даты, которую предлагал Д. Т. Березовец.

Очень близкие по устройству плуги, найденные в торфяниках Веббеструпа, Валле, Хворслева и Сэйбека, на основании результатов пыльцевого анализа и по археологическим данным относятся к раннему железному веку⁴⁰. Если учесть еще античные аналогии, о которых говорилось выше, то наиболее вероятной датой существования токаревского плуга будет также ранний железный век. Таким образом, этот плуг является вещественным подтверждением косвенного свидетельства Геродота о том, что в Скифии для обработки земли применялся плуг.

В то время, когда данная статья уже была готова к печати, мне стал известен еще один очень интересный образец древнего деревянного плуга. По своей форме и технике изготовления он должен быть также отнесен к орудиям раннего железного века. Найден этот плуг случайно В. И. Довженком в 1954 г. в торфянике у с. Сергеевск Стародубского района Брянской области; хранится в фондах Института археологии АН УССР (инв. № 232). Не имея возможности подробно описывать здесь этот плуг, отмечу пока только несколько важных фактов. У плуга из Сергеевского торфяника закономерно повторяются все основные детали, характерные для всех ранних деревянных плугов, сделанных из рассох (наличие пятки с наклонным отверстием для вставления ручки, изгиб грядила вверх и в сторону, вогнутость подошвы ползуна и др.). Вместе с тем здесь хорошо заметна одна особенность, которая способствовала значительному улучшению качества вспашки. Массивное основание грядила в том месте, где оно соединяется с ползуном, имеет с правой стороны заметную выемку, которая превращает эту часть плуга в находящийся отвал, переворачивающий пласты земли при вспашке. О том, что эта часть плуга действительно действовала как отвал, свидетельствует и сильная заглаженность, зашлифованность боковой части плуга именно на этой стороне, в то время как левая сторона его — шероховатая.

Д. Т. Березовец без каких-либо доказательств высказывал предположение о том, что токаревский плуг «должен быть связан с одним из славянских поселений»⁴¹. Почему поселение должно быть славянским, а не скифским, салтовским или каким-либо иным — трудно сказать. Для решения этого вопроса необходимо было произвести археологическую разведку у места находки плуга. В сентябре 1958 г. мне удалось совместно с А. А. Куприяновой осмотреть торфяник и окружающую его территорию у с. Токари. Во время разведки были обнаружены следы древних селищ и собран небольшой, но достаточно выразительный подъемный материал.

Село Токари находится на левом берегу р. Псел, примерно в 8 км к востоку от г. Сумы. Следы древних селищ зафиксированы на огородах и в поле у северо-западной и юго-западной окраины села. Селища занимают край надпойменной террасы, уступ которой поднимается на 7—8 м. Почва здесь песчаная, слабо гумусированная. Рядом в пойме находится большое торфяное болото, поросшее в некоторых местах лиственным лесом и кустарником. Разработки торфа ведутся и в настоящее время.

⁴⁰ P. V. Gløb. Pflüge vom Walle-Typus aus Dänemark. Acta Archaeologica, London, XIII, 1942, стр. 258—269; A. Steensberg. The Veibstrup Plough. An Iron Age Plough of the Crook-Ard Type from a Jutland Bog. Acta Archaeologica, 1945, стр. 57—66; Knud Jessen. The Environment and Dating of the Veibstrup Plough. Acta Archaeologica, т. XVI. Kobenhavn, 1945; P. V. Gløb. Ard og plov i Nordens Oldtid, стр. 110—113; Дж. Г. Д. Кларк. Ук. соч., стр. 110.

⁴¹ Д. Т. Березовец. Ук. соч., стр. 175.

Территория у северо-западной части села, на которой встречаются древние остатки, топографически делится небольшим оврагом на селище «А», расположенное к югу от оврага, и на селище «Б», расположенное к северу. На селище «А» найдены фрагменты типичной керамики скифского времени. Слабоотогнутые венчики некоторых горшков украшены по краю защипами с проколами или одними сквозными проколами (рис. 8). Тут же найден трехгранный бронзовый наконечник стрелы скифского типа (рис. 8, 7). Такие трехгранные наконечники с внутренней втулкой наиболее распространены в скифских комплексах V—IV вв. до н. э. В очень небольшом количестве встречены на площади этого селища

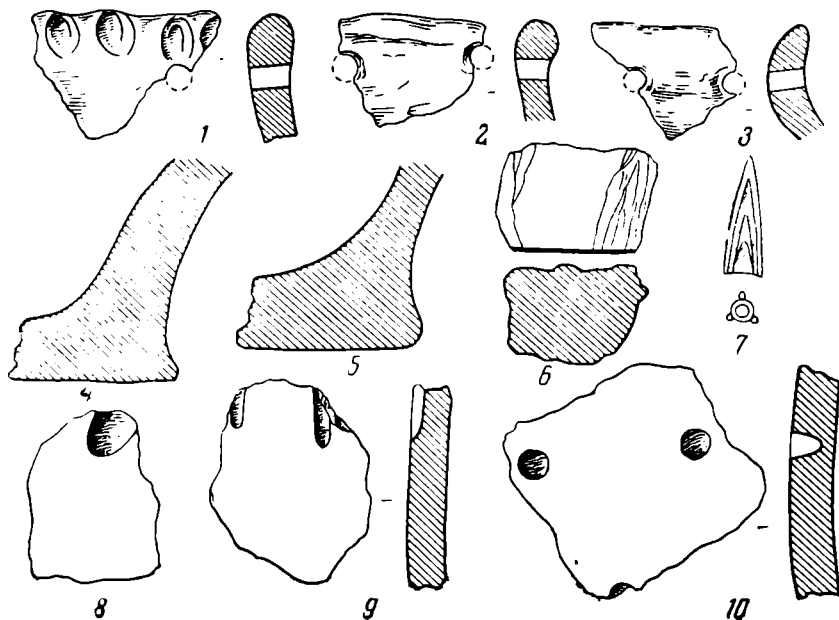

Рис. 8. Находки на селище «А» у с. Токари

1—3 — венчики сосудов скифского времени; 4, 5 — профили донной части этих же сосудов; 6 — обломок кварцевой зернотерки; 7 — бронзовый наконечник стрелы; 8—10 — керамика бронзового века

мелкие фрагменты керамики бронзового века. На соседнем селище «Б» керамика бронзового века преобладает (рис. 9). Прямые венчики горшков и характер орнаментации позволяют отнести эту керамику к катакомбной культуре II тысячелетия до н. э. Этому соответствует и найденный вместе с керамикой обломок кремневого наконечника стрелы (рис. 9, 8). Такие наконечники треугольной формы, с небольшой выемкой в основании, часто попадают на поселения и в погребениях катакомбной культуры⁴². Несколько в стороне от этих селищ, на узком мысе той же надпойменной террасы, расположено еще одно селище «В», на котором собрано небольшое количество керамики бронзового века.

С находкой остатков деревянного плуга, очевидно, может быть увязано лишь селище «А», датруемое примерно серединой I тысячелетия до н. э. Осмотр местности еще раз показывает, что на здешних мягких песчаных и супесчаных почвах деревянный плуг мог успешно применяться без железного лемеха. Кроме того, обрабатывать под пашню могли и сухие участки мягкой и очень плодородной болотной почвы⁴³. Поломанный плуг скорей всего был брошен прямо на месте работы, причем предварительно

⁴² Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры. Тр. ГИМ, 1955, стр. 163.

⁴³ А. Я. Брюсов. К вопросу об истории земледелия в датской археологической литературе. СА, № 2, 1957, стр. 266.

от рассохи были отделены некоторые детали (чересло, ручка), которые можно было использовать при изготовлении нового плуга.

Примитивный деревянный плуг того типа, который представлен находкой на токаревском торфянике, даже если он был снабжен железным лемехом, по существу лишь грубо взрыхлял землю, и после вспашки приходилось дополнительно обрабатывать землю мотыгой, чтобы раз-

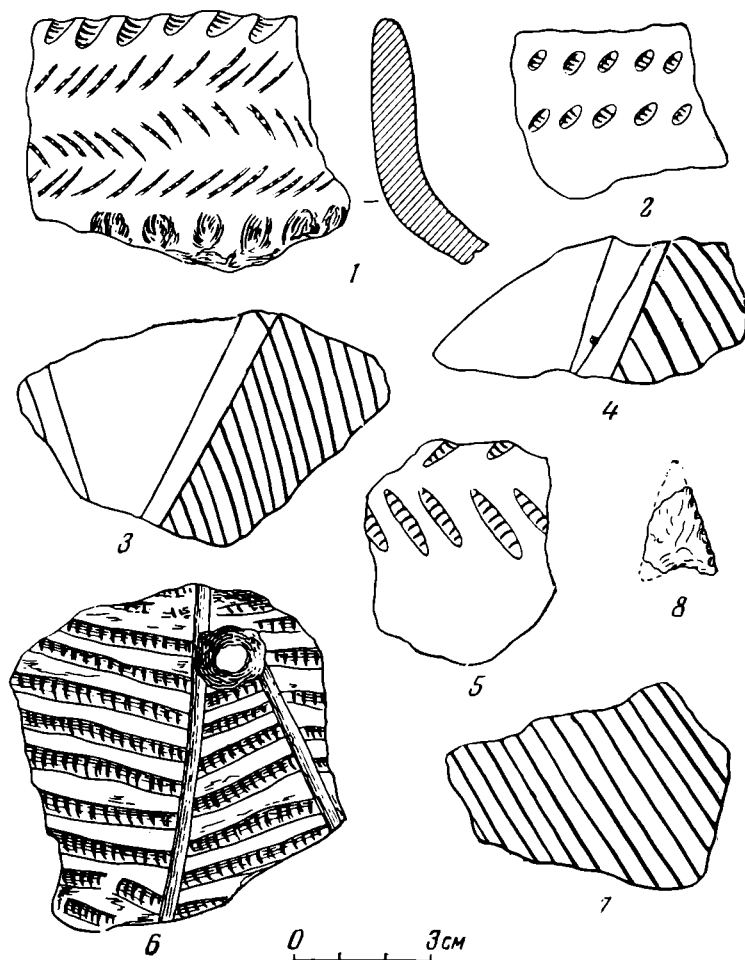

Рис. 9. Находки на селенье «Б» у с. Токари

1—7—образцы керамики бронзового века; 8 — обломок кремневого наконечника стрелы

бить комья. На упомянутой вазе из Лувра мы как раз видим человека, который разрыхляет мотыгой землю после вспашки. Мотыга необходима была и для прополки. Подтверждение того, что примитивный деревянный плуг земледельцев лесостепной полосы Восточной Европы имел иногда чересло и что здесь для дополнительной обработки земли применялись металлические и костяные мотыжки, можно найти в археологических материалах.

Прежде всего обращает на себя внимание замечательный комплекс предметов, найденных в кургане № 7 из группы «Частые курганы» под Воронежем⁴⁴. Здесь, наряду с оружием и остатками конской сбруи, были обнаружены следующие орудия: массивный клиновидный с прямым

⁴⁴ С. Н. Замятин. Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежем. СА. VIII, 1946, стр. 31, рис. 16, 1—4.

лезвием железный топор; «долото или стамеска» с прямым лезвием и с двумя полукруглыми выступами по бокам для удобства прикрепления деревянной рукоятки⁴⁵, второе «долото или стамеска» с несколько выпуклым лезвием и с втулкой для укрепления деревянной рукоятки; наконец, здесь же был найден обломанный конец однолезвийного клинка неизвестного назначения.

Аналогичный комплекс можно выделить среди вещей, найденных в кургане № 1 (Старшая Могила) в уроч. «Стайкин верх» близ с. Аксютинцы⁴⁶.

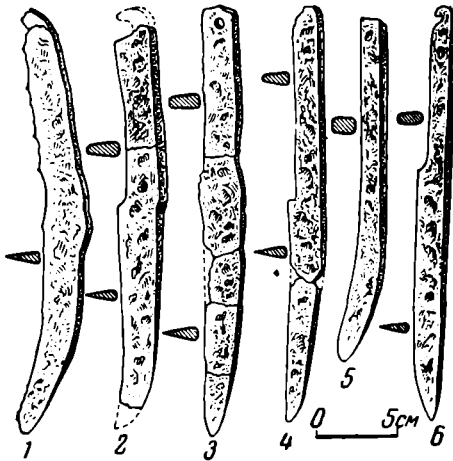

Рис. 10. Плужные чересла из курганов скифского времени

1 — с. Броварки, кург. № 503 (раскопки Н. Е. Бранденбурга); 2 — с. Аксютинцы, Старшая могила (раскопки Д. Я. Самоквасова); 3 — с. Аксютинцы, кург. № 469 (раскопки Н. Е. Бранденбурга); 4 — хут. Блажки, кург. № 11 (раскопки В. А. Городцова); 5 — Частые курганы, кург. № 11 (раскопки П. Д. Либерова); 6 — с. Волковцы, кург. № 1 (раскопки С. А. Мазараки)

Топор и три куса «железного клинка» неизвестного назначения найдены также и в кургане № 3 у хут. Поповка⁴⁹.

Такое сочетание хозяйственного топора, «долота» и ножевидного клинка в нескольких курганах, по-видимому, не случайно. Все эти предметы можно рассматривать как комплекс земледельческих орудий, из которых железный топор служил для расчистки участков под пашню, а так называемые «долота» являлись мотыгами. Что касается ножевидных клинков, то возникает вопрос: не использовались ли они в качестве плужных ножей-чересел? Категорически утверждать это пока трудно, но можно привести целый ряд доводов, говорящих в пользу такого предположения.

⁴⁵ Следует отметить, что следы дерева в верхней части орудия опускаются ниже выступов. Следовательно деревянная рукоятка могла быть только коленчатой. Уступы облучали привязывание рукоятки к металлической части орудия.

⁴⁶ Д. Я. Самоквасов. Основания хронологической классификации (описание и каталог коллекции древностей проф. Д. Я. Самоквасова). Варшава, 1892, стр. 28—30; Д. Я. Самоквасов. Могилы Русской земли. М., 1908, стр. 95—99; В. А. Иллінська. Курган Старша Могила — пам'ятка архаїчної Скїфії. Археологія, т. V, 1951, стр. 196. Среди опубликованных здесь рисунков нет большого железного ножа (№ 1362) и долотообразного орудия (№ 1462). В коллекции ГИМ указанный нож имеется (см. в нашей статье рис. 11, 2), но долотообразное орудие, к сожалению, не сохранилось.

⁴⁷ А. А. Бобринский. Курганы и случайные археологические находки близ м. Смелы, т. II. СПб., 1894, табл. XXV, 3, 8, 13, 14.

⁴⁸ С. Н. Замятнин. Ук. соч., стр. 31, прим.; А. А. Бобринский. Ук. соч., табл. XXV, 3, 14.

⁴⁹ А. А. Бобринский. Ук. соч., табл. XXV, 8, 13.

В этом, к сожалению частично ограбленном, кургане найдено два железных топора. Один из них (более тонкий и легкий), по-видимому, боевой, другой — клиновидный, с массивным прямоугольным обухом — мог иметь хозяйственное назначение. Здесь же был найден железный «плоский долотообразный предмет», который, как полагал Д. Я. Самоквасов, служил древнему грабителю орудием подкопа, и, наконец, «железный нож» большого размера.

Не такие полные, но очень близкие к указанным, комплексы орудий имеются и среди материалов, найденных в курганах у хут. Поповки б. Полтавской губ.⁴⁷. Еще С. Н. Замятнин обратил внимание на то, что в кургане № 8 у хут. Поповки есть орудие (рис. 10, 2), похожее на «долото» из кургана № 7 под Воронежем, и массивный клиновидный хозяйственный топор⁴⁸.

Предварительно надо отметить, что перечисленные выше находки не одиноки. Большой ножевидный клинок в виде плужного чересла найден был Н. Е. Бранденбургом в кург. № 469 близ с. Аксютинцы⁵⁰; аналогичный череслообразный клинок обнаружил В. А. Городцов в кургане № 11 у хут. Блажки в окрестностях Бельска⁵¹ и П. Д. Либеров⁵² в ограбленном кургане № 11 из группы «Частых курганов» под Воронежем в 1954 г. (рис. 11, 4, 5). Наконец, особо следует отметить находки ножевидных

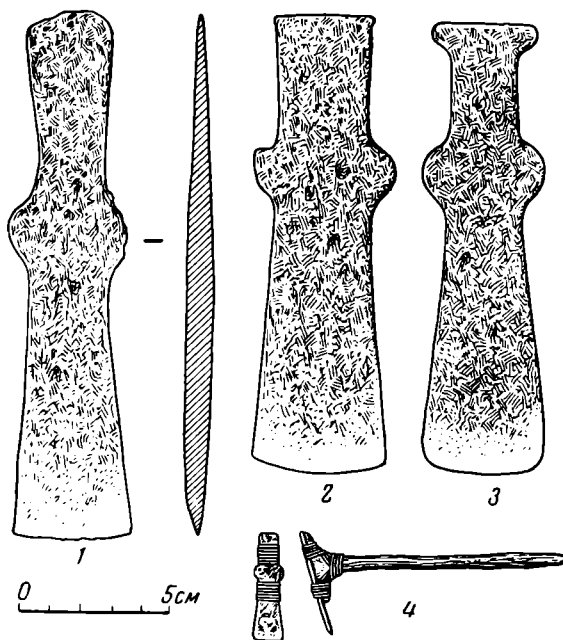

Рис. 11. Пальштабовидные железные наконечники мотыг скифского времени

1 — селище в уроч. Чайкино у с. Первомайского (сборы Я. И. Красюка); 2 — хут. Поповки, кург. № 5 (раскопки Д. Я. Самоквасова); 4 — реконструкция мотыги (наконечником такого типа)

клинков в виде плужного чересла в кург. № 503 у с. Броварки⁵³ и в кург. № 1 у с. Волковцы б. Полтавской губ.⁵⁴ Верхняя часть этих клинков заканчивается крюком (рис. 11, 1 и б), который, очевидно, предназначался для лучшего закрепления чересла. При работе нижняя, режущая часть чересла стремилась все время отклониться назад, а верхняя соответственно, вперед. Чтобы предотвратить этот наклон, верхняя часть чересла оттягивалась за крюк назад⁵⁵. Кстати, следует отметить, что напоминающий такой крюк изгиб виден и на более позднем чересле, пай-

⁵⁰ Н. Е. Бранденбург. Журнал раскопок 1888—1902 гг. СПб., 1908, стр. 149—150, № 237; Гос. Эрмитаж, инв. № ДН, 1932, 4/6.

⁵¹ Хранится в ГИМ, инв. № 45443.

⁵² Пользуюсь случаем, чтобы выразить свою благодарность дирекции и заведующему 2 отд. ГИМ. А. П. Смирнову, дирекции и заведующей скифским отделом Гос. Эрмитажа А. П. Манцевич, а также П. Д. Либерову за предоставленную мне возможность использовать соответствующие материалы.

⁵³ Раскопки Н. Е. Бранденбурга. Гос. Эрмитаж, № ДН, 1932, 25/4.

⁵⁴ Указатель ГИМ 1893 г., № 430. Раскопки С. А. Мазараки в 1886 г.; ГИМ, № 83/38 аб.

⁵⁵ Возможно такой же крюк имелся и у ножевидного клинка из Старшей Могилы, а клинок из аксютинского кургана № 469 (раскопки Бранденбурга) для той же цели имеет в верхней части черенка отверстие (см. в нашей статье рис. 10, 3).

денном в с. Коровинцы Сумской области и относящемся к культуре полей погребальных урн⁵⁶.

В пользу того, что все указанные клинки являются не обычными ножами, а череслами примитивного деревянного плуга, мне кажется, говорят следующие обстоятельства:

1. Черенок этих клинков (там, где он сохранился) очень массивный. Например, у чересла из Старшей Могилы толщина черенка — 10 мм, при ширине 20 мм; у чересла из кург. № 11 (1954 г.) из группы «Частых курганов» толщина черенка достигает 9 мм, при ширине 14 мм. Отверстий для приклепывания деревянной или костяной рукоятки эти клинки

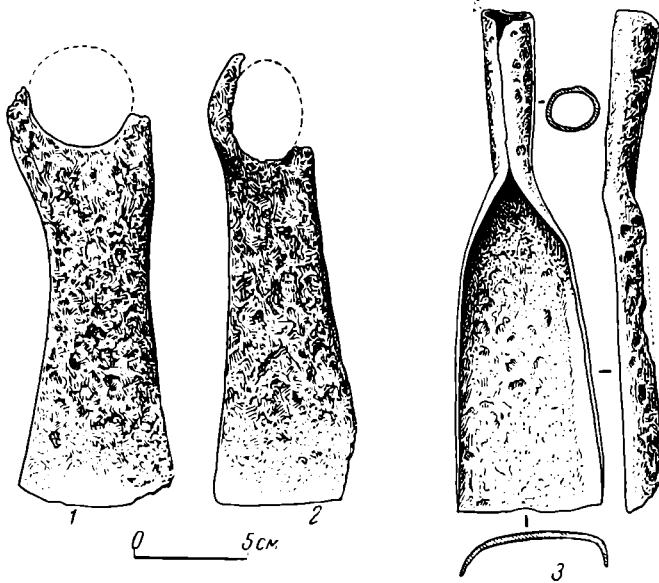

Рис. 12. Железные наконечники мотыжек скифского времени
1, 2 — кург. № 2 у с. Триполье (раскопки В. Хвойко); 3 — Мастюгино,
кург. № 2 (раскопки Н. Е. Макаренко)

не имеют. Набивать же деревянную рукоятку на такой черенок нельзя, так как он слишком толстый и тупой, а иногда даже имеет на конце крюк.

2. Целые экземпляры упомянутых выше ножевидных клинков имеют длину 19,8, 22, 24, 24,5, 24,8 см. Такой размер вполне достаточен для чересла небольшого плуга. Например, в Муранском могильнике XIV в. найдено чересло длиной в 24 см⁵⁷.

3. По своей форме эти примитивные чересла напоминают более поздние чересла культуры полей погребальных урн и Киевской Руси⁵⁸.

4. Указанные клинки, как уже отмечалось, встречаются не только отдельно, но и в комплексах с другими земледельческими орудиями.

5. Все находки этих клинков сосредоточены на территории лесостепи Восточной Европы, где в раннем железном веке, несомненно, жили племена, в хозяйстве которых важную роль играло земледелие.

⁵⁶ И. И. Ляпушкин. Памятники культуры «полей погребений» первой половины I тысячелетия н. э. Днепровского лесостепного Левобережья, СА, XIII, 1950, стр. 19, рис. 5, б.

⁵⁷ А. Е. Алихова. Муранский могильник и селище. МИА, № 42, 1954, стр. 267, рис. 9.

⁵⁸ И. И. Ляпушкин. Ук. соч., стр. 19; Ю. В. Кухаренко. Раскопки на городище и селище Хотомель. КСИИМК, вып. 68, 1957, стр. 93, рис. 35, 5; В. К. Гончаров. Райковещкое городище. Киев, 1950, табл. IV, 4, 5; табл. V, 2.

Из других находок земледельческих орудий для обработки почвы в лесостепной полосе можно отметить еще целый ряд мотыг, найденных в различных курганах и на поселениях скифского времени.

Так, железный плоский палыштабовидный наконечник мотыжки, чрезвычайно близкий к тем, которые найдены в кург. № 7 из группы «Частых курганов» и в кург. № 8 у хут. Поповки, обнаружен Д. Я. Самоквасовым в кург. № 5 у с. Аксютинцы⁵⁹ (рис. 11, 3). Железный наконечник мотыжки с вогнутым лезвием и с рукояткой, поставленной под небольшим углом к лезвию, найден в кург. № 2 у с. Мастюгино Воронежской области⁶⁰ (рис. 12, 3). Две железных мотыжки с обломанными втулками для рукояток найдены В. Хвойко в кургане VI в. до н. э. у с. Триполье⁶¹ (рис. 12, 1—2). Плоская железная мотыжка с боковыми выступами (рис. 11, 1) найдена в 1956 г. Я. И. Красюком на селище скифского времени у с. Первомайское в Харьковской области (урочище Чайкино)⁶².

Одновременно с металлическими в раннем железном веке нередко применялись еще наконечники мотыг, сделанные из кости или рога. Такой наконечник найден на городище раннескифского времени у с. Лубенцы, на берегу р. Жаботинки⁶³, и среди материалов скифского времени на многослойном Архангельском городище в Воронежской области⁶⁴. Наконечники мотыг найдены на двух селищах и на одном городище в бассейне Северского Донца. Так, при раскопках зольника на селище у с. Островерховка⁶⁵ обнаружены обломки наконечника мотыжки из рога благородного оленя. Этот наконечник привязывался к коленчатой деревянной рукоятке. На селище Шелковая найден втульчатый костяной наконечник мотыжки, который одевался также на коленчатую рукоятку⁶⁶. Он сделан из отрезка трубчатой кости, заостренного в нижней части. На Люботинском (Шейрмановском) городище раннескифского времени в 1958 г. найдена втульчатая мотыжка из рога благородного оленя (рис. 13). Возможно, в качестве наконечника мотыжки применялось и более сложное приспособление из рога оленя с кремневым вкла-

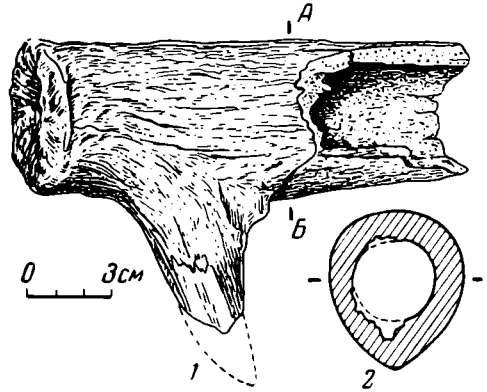

Рис. 13. Наконечник мотыги из рога оленя. Городище скифского времени близ г. Люботина (Харьковская обл.)

⁵⁹ Д. Я. Самоквасов. Основания хронологической классификации..., стр. 31, № 1528. Хранится в ГИМ, инв. № 76990.

⁶⁰ Н. Е. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 гг. ИАК, вып. 43, Пг., 1919, стр. 52, рис. 58. Хранится в Гос. Эрмитаже, № 4088—22.

⁶¹ Хв. Вовк. Знахідки у могилах між Веремем і Стретівкою біля Трипілья. Сб. «Матеріали до українсько-руської етнології», т. III, Львів, 1900, стр. 8, рис. 10, а, б.

⁶² Пользуюсь случаем, чтобы выразить свою благодарность Я. И. Красюку, который любезно предоставил мне материалы разведок.

⁶³ А. И. Тереножкин. Археологические исследования близ Смелы в 1952 г. КСИА, вып. 3, 1954, стр. 75, табл. II, 5.

⁶⁴ А. Н. Москаленко. Некоторые итоги работ на Архангельском городище Воронежской обл. в 1952—53 гг. Сб. «Из истории Воронежской области». Воронеж, 1954, стр. 67, рис. 6.

⁶⁵ Б. А. Шрамко. Селище та могильник ранньої залізної доби біля с. Островерхівки. АП, т. VI, стр. 59, табл. I, 7.

⁶⁶ Б. А. Шрамко. Следы земледельческого культа у лесостепных племен Сев. Причерноморья в раннем железном веке. СА, 1957, № 1, стр. 180, рис. 2, 17.

дышем, найденное в жилище на раннескифском поселении в урочище Пидмет в Черновицкой области⁶⁷.

Таким образом, среди археологических памятников лесостепных племен раннего железного века Восточной Европы мы можем найти целый ряд орудий, предназначенных для обработки земли, начиная от плуга и кончая мотыгами. Эти находки свидетельствуют о большой роли земледелия в хозяйстве местного населения и о том, что техника обработки земли здесь мало отличалась от той, которую мы видим в греческих колониях Северного Причерноморья и в других античных полисах. Заметно стремление использовать для изготовления сельскохозяйственных орудий наиболее доступные местные материалы (дерево, кость). Из железа иногда делали лишь наиболее ответственные детали плуга (чересла, возможно, лемехи) и наконечники мотыг. Выделить какие-либо локальные варианты типов орудий для обработки почвы не позволяет пока очень ограниченное количество известных вещей.

Надо надеяться, что дальнейшее исследование курганных инвентарей и, особенно, раскопки поселений дадут новые яркие и убедительные материалы, которые помогут расширить наше представление о технике обработки земли местными племенами в раннем железном веке.

⁶⁷ Г. Шовкопляс. Поселения раннескифского часу на среднем Дністрі. Археологія, т. IX, 1954, стр. 104, рис. 8.

САРМАТСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ ДОНА И УКРАИНЫ

II в. до н. э. — I в. н. э.

Многочисленные письменные источники, оставленные нам древними греческими и римскими авторами, говорят о значительных событиях, происшедших на рубеже III и II вв. до н. э. в степях Северного Причерноморья: господствовавшие здесь до того времени скифские племена уступают место вновь прибывшим родственным сарматским племенам. Долгое время родина сарматских племен оставалась неизвестной. В результате археологических работ, проведенных П. Рау, П. С. Рыковым, Б. Н. Граковым, И. В. Сеницыным, К. Ф. Смирновым, В. П. Шиловым и др., установлено, что местом формирования сарматской культуры являются Поволжские и Приуральские степи. О существовании сарматских племен к востоку от Дона имеется ряд свидетельств и у древних авторов. Об этом говорит, в частности, Геродот (V в. до н. э.), который, как и более поздние историки, называет эти племена савроматскими. У Псевдо-Гиппократа в трактате «О воздухе, водах и местностях», написанном в конце V в. до н. э., говорится о том, что скифский народ — савроматы живут в округ озера Меотиды¹ (Азовского моря); очевидно, они жили и на правом берегу Дона. Некоторые исследователи, например Ф. Брун, считают, что сарматы жили там уже в эпоху Геродота². Подобного же мнения придерживался и Ю. Кулаковский, считавший также, что сарматы являлись туземным населением той территории, которую Геродот отводил скифам³. Последнее вряд ли является верным. Для IV в. до н. э. сведения о существовании сарматов на правом берегу Дона уже бесспорны. Так, Псевдо-Скилак в «Описании моря, прилегающего к населенной Европе, Азии и Ливии», относящемся ко второй половине IV в. до н. э., упоминает два народа — «сарматов» и «савроматов», разделенных р. Танаис⁴.

Расселение сарматских племен происходило первоначально на юго-запад или даже на юг и лишь позднее на запад. Если для территории дельты Дона и долины Кубани мы не можем говорить о сарматских погребениях ранее III в. до н. э.⁵, то иную картину мы видим в степных районах Восточного Предкавказья. Здесь, в Ачикулакской курганной группе (б. Грозненская обл.), экспедицией Е. И. Крупнова было открыто несколько погребений скифо-сарматского времени, в том числе два погребения (№№ 1 и 5 в кургане № 5/11), которые по инвентарю (в частности, по керамике) находят себе ближайшие аналоги в савроматских

¹ Псевдо-Гиппократ, 24.

² Ф. Брун. Опыт соглашения противоречивых мнений о Геродотовой Скифии. Сб. «Черноморье», Одесса, 1880, ч. II, стр. 77, 78.

³ Ю. Кулаковский. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев, 1899, стр. 3—4.

⁴ Псевдо-Скилак, 68, 70.

⁵ Об этом см., например, Н. В. Анфилов. Археологические разведки по Среднему Прикубанью. КСИИМК, вып. 60, 1955, стр. 45—53.

погребениях Нижнего Поволжья и Южного Приуралья VI—IV вв. до н. э.⁶

На этой ранней стадии расселение сарматских племен как на запад (правый берег Дона), так и на юг не имело еще широкого размаха. Переселялись лишь отдельные группы сарматов, может быть, отдельные мелкие сарматские племена. Массовое расселение сарматов началось позднее. Первые сведения о присутствии сарматских племен в междуречье Дона и Днепра относятся ко II в. до н. э. Полибий, говоря об образовании в 179 г. до н. э. на берегах Понта большого союза малоазиатских государств, упоминает в числе других европейских властителей сарматского царя Гатала, примкнувшего к этому союзу⁷. (В представлении древних авторов граница Европы и Азии проходила по Дону.) Геродот, говоря о сарматах, называет их родственниками скифов и указывает на дружелюбные отношения сарматов и скифов на Дону. Позже это положение изменилось, и вторжение сарматов во II в. до н. э. в Северное Причерноморье носило уже далеко не мирный характер: они «опустошили значительную часть Скифии и, поголовно истребляя побежденных, превратили большую часть страны в пустыню»⁸. Поэтому-то и можно считать неправильным мнение Ю. Кулаковского о том, что сарматы были туземцами в Северном Причерноморье и что замена скифов сарматами на территории южнорусских степей могла быть в значительной степени изменением имени, а не следствием вытеснения одной народности другой⁹. Продвижение сарматов на запад, несомненно, встречало сопротивление у скифов. Подтверждением этому может являться возникновение на рубеже III и II вв. до н. э. укрепленных скифских городищ на Нижнем Днепре.

В период массового передвижения сарматских племен из степей Поволжья на Украину они иногда выступали союзниками греческих городов, помогая им в борьбе со скифами, вынужденными под напором сарматских племен отходить на юг и запад. У Полиена мы находим легенду об Амаге, жене сарматского царя. Относится легенда, по мнению М. И. Ростовцева, к рубежу III—II вв. до н. э.¹⁰. В ней рассказывается о том, как теснимый скифами Херсонес призвал на помощь Амагу, которая со 120 воинами за одни сутки преодолела разделяющее их пространство и освободила Херсонес, «убила царя и бывших с ним родственников и друзей, страну отдала херсонесцам, царскую власть вручила сыну убитого, приказав ему править справедливо и, помня печальную кончину отца, не трогать соседних эллинов и варваров»¹¹.

Сведения о массовом передвижении сарматских племен на запад мы находим и у более поздних авторов, например, Плиний приводит наименование целого ряда мелких сарматских племен, перешедших на правый берег Дона¹².

В I веке до н. э. территория Северного Причерноморья на античной карте, составленной М. Агриппой, названа уже не Скифией, а Сарматией. В I веке н. э. сарматы делали набеги на Мидию и Армению¹³, а в своем продвижении на запад доходили вплоть до Дуная. Там, по словам Страбона, они оседали, смешавшись с местным населением¹⁴.

Интересно, что именно это время — эпоха переселения сарматов на запад — характеризуется появлением в древней литературе наименований отдельных сарматских племен. До этого (со времени Геродота и

⁶ Е. И. Крупнов. Первые итоги изучения Восточного Предкавказья. СА, 1957, № 2, стр. 168—170.

⁷ Полибий, XXV, 2, 12.

⁸ Диодор Сицилийский, 2, II, 44.

⁹ Ю. Кулаковский. Ук. соч., стр. 4.

¹⁰ М. И. Ростовцев. Амага и Тиргатао. Одесса, 1914.

¹¹ Полиен, VIII, 56.

¹² Плиний, VI, 15.

¹³ Иосиф Флавий, VII, 7, 4.

¹⁴ Страбон, VII, 3, 2.

позднее) все они назывались единым термином — «савроматы» или, позднее, «сарматы». У Страбона (63 г. до н. э. — 23 г. н. э.) впервые мы встречаемся с отдельными племенными наименованиями: язиги, роксоланы, аорсы, сираки, аланы. Очевидно, передвижение сарматов было связано с какими-то сдвигами внутри сарматского общества. Распад старых родовых связей, складывание крупных племенных образований, дальнейшее развитие строя военной демократии привели к усилению выделения всаднической аристократии, стремившейся к покорению новых земель.

Долгое время сарматская культура была известна лишь по письменным свидетельствам и не связывалась с определенными археологическими памятниками. Это приводило к известной путанице. Так, открытые Н. И. Веселовским на Кубани меото-сарматские погребения были приписаны им римлянам¹⁵, а, с другой стороны, характерные скифские царские курганы Поднепровья были объявлены А. А. Спицыным сарматскими¹⁶.

Впервые мысль о том, что отдельные погребения Украины принадлежат сарматам, была высказана В. А. Городцовым¹⁷, который в 1901—1903 гг. проводил раскопки в б. Харьковской губ.

Целая группа сарматских погребений, в том числе и богатых погребений-кладов, была выделена М. И. Ростовцевым в Поволжье, на Дону и на Украине¹⁸. О сарматской принадлежности некоторых погребений Украины говорит в одной из своих работ П. Рау¹⁹. Задача выделения сарматских памятников на Украине облегчилась после того, как в достаточной степени была изучена собственно сарматская культура Поволжья, давшая обширный материал, позволяющий проследить последовательное развитие этой культуры. Однако в западных областях сарматские погребения были разбросаны поодиночке или небольшими группами по всей территории Украины; такая их разобщенность затрудняла изучение и выделение характерных черт сарматов Украины. Эта задача облегчилась с открытием здесь обширных сарматских могильников, имеющих полное сходство с могильниками сарматов Поволжья и являющихся наиболее важным аргументом, подтверждающим свидетельства древних авторов о наличии сарматских племен на территории Украины.

Большая работа по сбору и систематизации материала сарматских памятников Украины была проделана К. Ф. Смирновым. Ему удалось по литературным и частично по музейным материалам создать карту распространения сарматских памятников на территории Северного Причерноморья²⁰. Задача выделения «чисто сарматских» памятников этого времени усложняется тем, что многие из них известны нам только по литературным источникам, дающим лишь приблизительное описание вещей. В данной статье мы рассматриваем наиболее характерные сарматские погребения Дона и Украины II в. до н. э. — I в. н. э. (см. рис. 1).

Основное число сарматских погребений Украины датируется I в. до н. э. — I в. н. э. Лишь в единичных случаях встречаются как бедные, так и богатые погребения-«клады», датируемые II в. до н. э. или, может быть, III в. до н. э., подтверждающие свидетельства древних авторов о

¹⁵ Н. И. Веселовский. Курганы Кубанской области в период римского владычества на Северном Кавказе. Тр. XII АС, т. I, М., 1905.

¹⁶ А. А. Спицын. Курганы скифов-пахарей. ИАК, вып. 65, 1918.

¹⁷ В. А. Городцов. Археологические исследования в Бахмутском уезде Харьковской губ. Тр. XIII АС, т. I, М., 1907.

¹⁸ М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Л., 1925, стр. 580—617.

¹⁹ P. Rau. Die Hügelgräber Römischer Zeit in dem Unteren Wolgagebiet. Mitteilungen des Zentralmuseums der ASRR der Wolgadeutschen, tetr. 1—2, Pokrowsk, 1927.

²⁰ Карта опубликована: см. К. Ф. Смирнов. Вопросы изучения сарматских племен и их культуры в советской археологии. Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии», М., 1952. Пользуюсь случаем поблагодарить К. Ф. Смирнова за то, что он познакомил меня со всем собранным им материалом, касающимся сарматских памятников Украины.

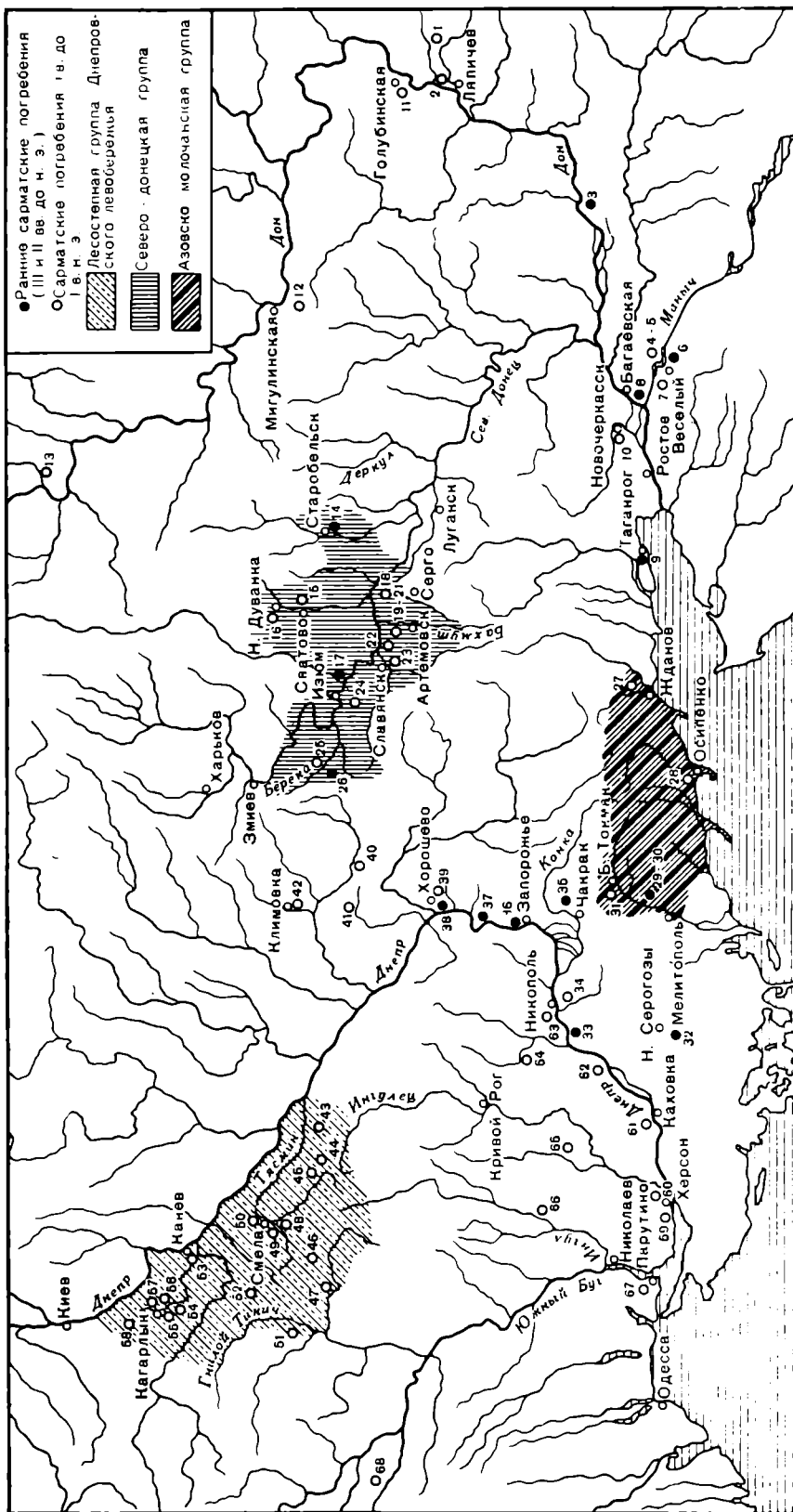

Рис. 1.

Карта сарматских погребений Дона и Украины III—II вв. до н. э. — I в. н. э. (составлена по карте К. Ф. Смирнова, опубликованной в сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии»)

1 — сл. Карповка; 2 — х. Ляпчев; 3 — х. Попов; 4, 5 — х. Спорный, колх. «Красный Октябрь»; 6 — х. Веселый; 7 — х. Тузловка; 8 — х. Федулов; 9 — г. Таганрог; 10 — г. Новочеркасск; 11 — ст. Голубинская; 12 — ст. Мигулинская; 13 — колх. «Степан Разин»; 14 — г. Старобельск; 15 — сл. Саатова Лучка; 16 — сл. Н. Дуванка; 17 — с. Яремька; 18 — д. Перезедная; 19 — ж.-д. ст. Ступляк; 20 — д. Родионова; 21 — х. Каменка; 22 — х. Черевков; 23 — г. Славянск; 24 — сл. Селимовка; 25 — с. Бунаков; 26 — д. Раздольская и Новоселки; 27 — ж.-д. ст. Янчокрак; 28 — г. Осипенко; 29 — Ново-Филипповка; 30 — с. Долиновка; 31 — г. Б. Токмак; 32 — с. В. Се-ратовы; 33 — с. Ушкалка; 34 — х. Харчевик; 35 — с. Янчокрак; 36 — Днепрострой; 37 — с. Михайловка; 38 — д. Ясроная; 39 — с. Хоршево; 40 — с. Афанасьевка; 41 — с. Суженое; 42 — с. Климовка; 43 — д. Калантаево; 44 — с. Ружичевка; 45 — с. Цветна; 46 — с. Журовка; 47 — м. Смела; 48 — м. Смела; 49 — м. Смела; 50 — с. Николаевка; 51 — с. Залевки; 52 — с. Колодистое; 53 — с. Петрик; 54 — с. Яблунюв; 55 — м. Дипонец; 56 — с. Бурты; 57 — д. Краснополка; 58 — с. Гороховатка; 59 — г. Херсон; 60 — с. Белозерка; 61 — с. Козацкое; 62 — с. Консуловское; 63 — г. Никополь; 64 — д. Усть-Каменка; 65 — с. Любимовки; 66 — пос. Ново-Петровка; 67 — Ольвия; 68 — с. Трайны

начавшемся в это время массовом передвижении сарматских племен. Рассмотрим сначала эти наиболее ранние сарматские погребения Дона и Украины.

Сарматская культура в области междуречья Волги и Дона исследована довольно плохо, однако и здесь археологическими экспедициями (главным образом работами на новостройках) был обнаружен целый ряд сарматских погребений, начиная с прохоровского времени. Так, группа сарматских погребений была найдена при строительстве Манычского канала. Ко II в. до н. э. относится одно погребение (кург. 2, погр. 6) у хут. Веселого (датируемое по чернолаковому канфару). Помимо других вещей, оно содержало меч с серповидным навершием и прямым перекрестием²¹ — типичная принадлежность прохоровских могил Поволжья и Приуралья.

Следующая группа сарматских погребений была найдена у хут. Попова (Романовский район Ростовской области). В 1950—1951 гг. Волго-Донской экспедицией ИИМК под руководством А. Д. Столяра (1950 г.) и А. А. Иессена (1951 г.) здесь была раскопана группа из шести курганных насыпей, пять из которых содержали сарматские погребения²². Сарматские погребения найдены и в Соленовской курганной группе, находящейся в 9 км к югу от хут. Попова и раскопанной также в 1951 г. (материал полностью не опубликован). Эта группа является самой северной группой сарматских погребений левобережья Дона, содержащей погребения с инвентарем, типичным для прохоровской эпохи.

К ранним сарматским погребениям Дона относятся также два богатых погребения или «клада» — Федуловский на левом берегу Дона и Таганрогский на правом.

Первое найдено в 1904 г. в хут. Федулове, ст. Богаевской, б. Черкасского округа, Донской области²³. Находка представляла собой несколько серебряных позолоченных фаларов с рельефными изображениями. Все фалары имели на обратной стороне скобы и служили, очевидно, украшением одного коня. Таким образом, мы здесь имеем погребение богатого воина-кочевника. В форме и орнаменте вещей этого и других кладов прослеживаются черты как восточные, так и западные — греческие²⁴. Судя по аналогиям и анализу стиля фаларов, произведенному

²¹ М. А. Артамонов. Работы на строительстве Манычского канала. ИГАИМК, вып. 109, 1935, стр. 201—212; его же. Раскопки курганов на р. Маныч в 1937 г. СА, XI, 1949, стр. 365; В. В. Гольмстен. Р. Маныч, 1934 г. Сб. «Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг.», Л., 1940, стр. 201—205.

²² А. А. Иессен. Раскопки курганов на Дону в 1951 г. КСИИМК, вып. LIII, 1954, стр. 61—79; А. Д. Столяр. Раскопки курганов у хут. Попова в 1950—51 гг. МИА, № 62, 1958, стр. 343—416.

²³ А. Спицын. Фалары Южной России. ИАК, вып. 29, 1909, стр. 23—24, 39—41, рис. 42—49.

²⁴ К. В. Тревер. Памятники греко-бактрийского искусства. Л., 1948, стр. 48—70; К. Ф. Смирнов. Северский курган. М., 1953.

К. В. Тревер и другими исследователями, Федуловский клад вряд ли может датироваться позже II в. до н. э. Этим же временем датируется и ряд других богатых погребений Дона и Украины.

По дате и составу находок к Федуловскому «кладу» ближе всего стоит так называемый Таганрогский «клад»²⁵. Найденный в 1897 г. «клад» содержал шесть больших выпуклых серебряных фаларов, покрытых позолотой и также имевших рельефные изображения.

Несколько таких же наиболее ранних на территории Украины сарматских погребений-«кладов» мы находим в бассейне Сев. Донца и его притоков.

Это, во-первых, Старобельский «клад», найденный в 1892 г. у г. Старобельска б. Харьковской губ., на левом берегу Сев. Донца, в среднем его течении²⁶. Как и в вышеупомянутых «кладах», здесь были найдены фалары, а также серебряные нашивные бляшки, являющиеся убранством одного коня и датируемые, очевидно, II — началом I в. до н. э.

Интересное сарматское погребение найдено в 1929 г. в Изюмском районе Харьковской области, в 1,5 км на запад от с. Яремовки, на дюне левого песчаного берега Сев. Донца²⁷. При костяке, ориентированном на юго-запад, лежали кости барана, две бронзовые трехгранные стрелки и горшок с вытянутым туловом и отогнутым венчиком. Горшки таких вытянутых, приближающихся к баночным, форм встречаются в сарматской культуре Поволжья на ранней ее стадии — савроматской²⁸. Орнамент из рядов вдавленных вертикальных и горизонтальных линий, проходящих по тулову и шейке сосудов, особенно характерен для сарматских сосудов Поволжья прохоровского времени²⁹. На относительно раннюю дату указывают и бронзовые наконечники стрел, также характерные для прохоровских погребений. Инвентарь и положение костяка говорят, что перед нами сарматское погребение, причем одно из ранних сарматских погребений на территории Украины.

К числу наиболее ранних сарматских погребений на территории Украины относится и одно погребение, вскрытое в 1901 г. А. М. Покровским в группе курганов около деревень Раздольская и Новоселки (б. Змиевский у. Харьковской губ.)³⁰. Помимо найденных в могиле (кург. 3, погр. 4) украшений, у головы костяка стояли одна в другой две глиняные цилиндрические курильницы, немного суживающиеся книзу, с резным орнаментом из непрерывной волнистой линии и ряда точек. Такие курильницы типичны для сарматских могил Поволжья, в частности такая курильница была найдена в могильнике у Бережновки (южная группа, кург. 2, погр. 8), в погребении, относящемся к концу прохоровского — началу сусловского (среднесарматского) времени. Вместе с двумя курильницами в данном погребении Украины было бронзовое зеркало с небольшой ручкой и валиком по краю. Такие зеркала, характерные для прохоровских погребений Поволжья, встречаются как пережиток и в погребении среднесарматского времени до начала нашей эры. На основании этого мы можем датировать погребение у деревень Раздольская и Новоселки II—I вв. до н. э.

Ряд ранних сарматских погребений находим мы и у самого Днепра, на левом его берегу. Самым северным является погребение, найденное в могильнике на р. Вороной. Здесь у дер. Вороной (б. Новомосковский

²⁵ А. А. Спицын. Ук. соч., стр. 27, 41—42, рис. 51—55, 57.

²⁶ Там же, стр. 27—28, рис. 58—69.

²⁷ М. Л. Макаревич. Поховання сарматського та салтівського типів на С. Дінці. Археологія, т. X, 1957, стр. 146—149, рис. 2.

²⁸ II Бережновский могильник, кург. 6, погр. 2. См. И. В. Спицын. Археологические исследования Заволжского отряда Сталинградской экспедиции. КСИИМК, вып. 55, 1954, стр. 85, 86, рис. 32, 3.

²⁹ II Бережновский мог., кург. 14, погр. 20; Бережновка, юг, кург. 2, погр. 5. См. И. В. Спицын. Археологические исследования Заволжского отряда. МИА, № 60, 1959, стр. 113, рис. 36, 6.

³⁰ Каталог выставки XII АС. Харьков, 1902, стр. 215—219, № 19—28.

у. Екатеринославской губ.) в 1907 г. в группе, содержащей более 100 разновременных курганов, Н. Е. Макаренко открыл самое раннее на территории Украины сарматское диагональное погребение³¹. При костяке найдены точильный брусок и бронзовые трехгранные наконечники стрел, короткие, со втулкой, и длинные, без нее. Бронзовые наконечники стрел позволяют говорить о ранней датировке этого погребения (вероятно, не позже III в. до н. э.).

Ранним сарматским, возможно, является и одно погребение у с. Михайловки (б. Екатеринославская губ., Александровский у.), обнаруженное в 1903 г. Д. И. Эварницким, раскопавшим семь курганов в огромной курганной группе (более 100 курганов)³². К сарматскому времени, вероятно, относится кург. 6, в могиле которого, помимо ряда железных вещей, был найден бронзовый наконечник стрелы, позволяющий датировать погребение временем не позднее II в. до н. э.

В группе сарматских погребений у Запорожья на территории Днепро-строя, открытой М. А. Миллером в 1930 г.³³, одна могила (кург. 26, погр. 4) содержала лепной горшок, по форме и орнаменту напоминающий сарматские сосуды прохоровского времени³⁴ (см. рис. 2). Это погребение также можно отнести к числу ранних.

Далее к югу у с. Янчокрак (б. Мелитопольский у. Таврической губ.) в 1906 г. был найден так называемый Янчокракский клад³⁵. Вещи были найдены в одной из балок по склону р. Конки — левого притока Днепра. Так же как в Старобельском и в других кладах, основными вещами этого погребения являются фалары. Все фалары по технике выполнения орнамента напоминают фалары из Старобельска и датируются, очевидно, тем же временем. Наличие, наряду с ценными, обычных вещей (точильный брусок, обойницы и др.) говорит о том, что перед нами не клад, а богатое погребение всадника-кочевника.

Одним из южных погребений Поднепровья является впускное погребение, раскопанное Ф. А. Брауном³⁶ в 1898 г. в курганной группе к северу от В. Серагоз (б. Таврическая губ., Мелитопольский у.). В разрушенном погребении кургана IV среди прочего инвентаря был найден лепной горшок с шаровидным туловом и отогнутым венчиком. У плечика — петлевидная ручка (вторая ручка, может быть, отломана). По плечикам орнамент из ряда точечных наколов и двойного зигзага. Горшки такой формы характерны для раннесарматских погребений прохоровского времени в Поволжье³⁷.

Самым южным сарматским погребением на левобережье Днепра является погребение, обнаруженное в 1953 г. разведочным отрядом Никопольско-Гавриловской экспедиции на территории Каховстроя, у с. Ушкалки, Верхнерогожского района, Херсонской области³⁸. В погребении, залегающем в высокой террасе коренного берега Днепра, было найдено три

³¹ Н. Е. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 гг. ИАК, вып. 43, 1911, стр. 87—88, 96—97, курган 11.

³² Д. И. Эварницкий. Раскопки курганов в пределах Екатеринославской губернии. Тр. XIII АС, т. I, М., 1907, стр. 144.

³³ М. О. Миллер. Короткий попередній звіт за археологічні дослідження та розкопки на терені Дніпрозаводбуду в липні — серпні 1930 р. Рукопись. Архив ИА АН УССР, ф. 13, д. 77; его же. Щоденник та журнал розкопів на терені Дніпрозаводбуду в 1930 р. Архив ИА АН УССР, ф. 18, д. 76.

³⁴ Подобные сосуды найдены в Поволжье, в частности — Усатово, кург. G5, погр. 12; Усатово, кург. G5, погр. 3. И. В. Силицын. Археологические раскопки на территории Н. Поволжья. Саратов, 1947, стр. 93, рис. 65; стр. 105, рис. 73.

³⁵ А. А. Силицын. Ук. соч., стр. 28, рис. 80—81; Отчет Московского исторического музея за 1907 г. М., 1908, стр. 13, табл. 1, 1—5.

³⁶ Ф. А. Браун. Отчет о раскопках в Таврической губ. в 1898 г. ИАК, вып. 19, 1906, стр. 88—89.

³⁷ Калмыцкая гора, кург. F1, погр. 1 и кург. F6, погр. 2. См. И. В. Силицын. Ук. соч., стр. 31, рис. 1; стр. 38, рис. 10.

³⁸ Д. Я. Телегин. Погребение скифского времени на Нижнем Днестре. КСИА, вып. 6, 1956, стр. 48—49, рис. 1, 2.

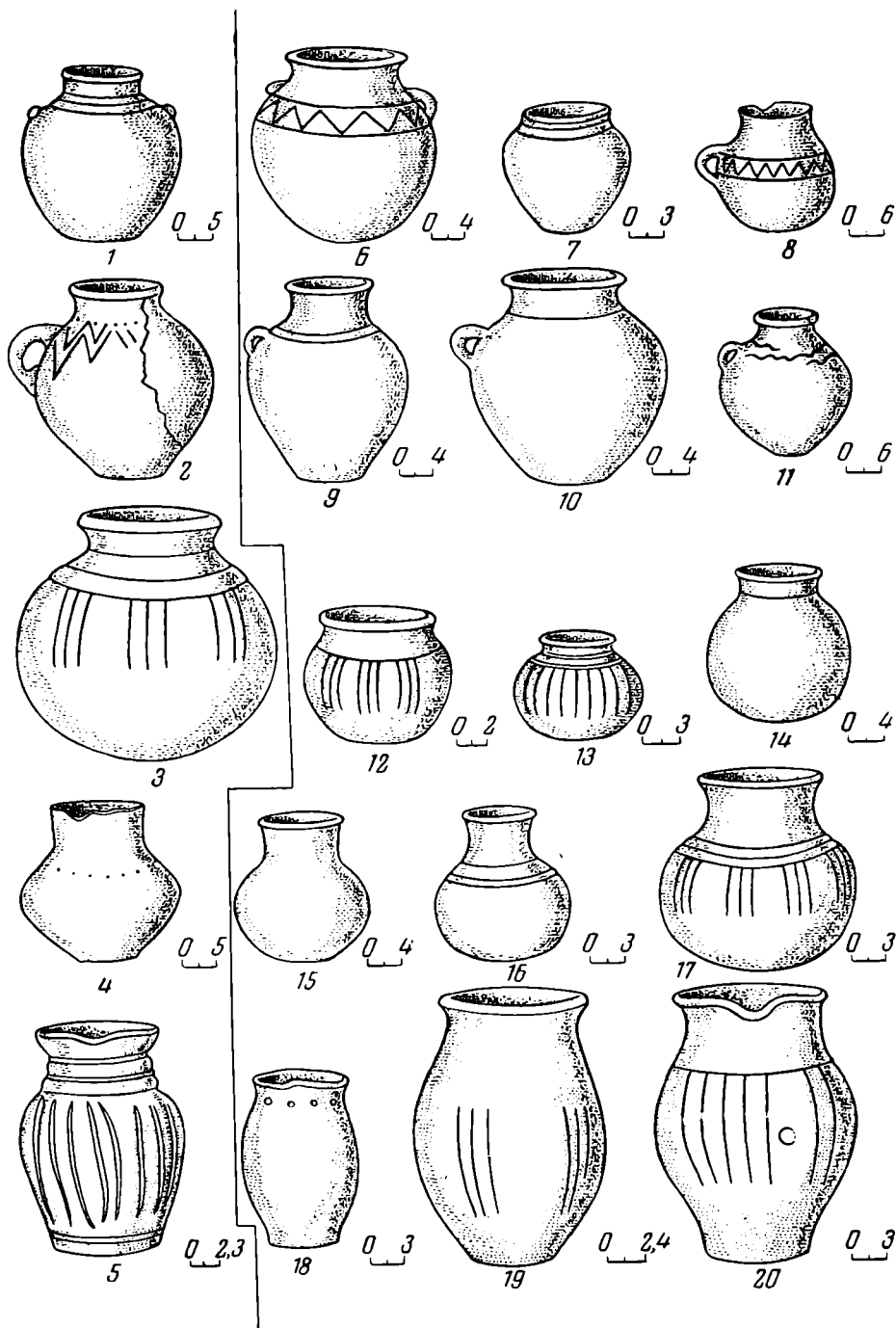

Рис. 2

1—5 — лепные сосуды ранних сарматских погребений Украины (1 — Ушкалка; 2 — В. Серагозы; 3 — Днепрострой; 4 — Н.-Филипповка; 5 — Яремовка); 6—20 — лепные сосуды сарматов Поволжья (6 — Калмыково, к. 2); 7 — Бережновка, юго-зап. гр., к. 2, п. 8; 8 — 1 — Бережновский мог., к. 35, п. 11; 9 — Калмыцкая гора, к. F1, п. 1; 10 — Калмыцкая гора, к. F6, п. 2; 11 — Бережновка, юго-зап. гр., к. 1, п. 11; 12 — Молчановка, к. 5, п. 2; 13 — Усатово, к. G 5, п. 12; 14 — Усатово, к. G 5, п. 3; 15 — Бережновка, к. 22; 16 — 11 Бережновский мог., к. 6, п. 1; 17 — Бережновка, юг, к. 5, п. 5; 18 — 11 Бережновский мог., к. 6, п. 2; 19 — Бережновка, юг, к. 2, п. 5; 20 — 11 Бережновский мог., к. 14, п. 20

глиняных сосуда — два чашеобразных (жаровня и курильница?) и один — горшок шаровидной формы с невысоким прямым горлом и двумя петлевидными ручками у плечиков. На плечиках — орнамент из четырех рядов каннелюр. Такие горшки являются типичной принадлежностью сарматских могил прохоровского времени Поволжья³⁹. В этом же погребении найдено более 50 бронзовых наконечников стрел, что позволило Д. Я. Телегину датировать это погребение IV в. до н. э.⁴⁰. Однако наличие среди инвентаря погребения железных втульчатых трехлопастных наконечников стрел указывает на более позднюю дату — до III в. до н. э.

Таковы наиболее ранние сарматские погребения Дона и Украины. К их числу можно добавить еще одно погребение из сарматского могильника на р. Молочной (Аккермень II, западная группа, погр. 4)), в котором был найден сосуд с шаровидным туловом и высоким цилиндрическим горлом. По форме сосуд напоминает прохоровские и датируется М. И. Вязьмитиной IV—II вв. до н. э.⁴¹. Горшки такой формы встречаются в прохоровских и раннесусловских могилах Поволжья⁴². Погребение может быть датировано II в. до н. э. или, может быть, II—I вв. до н. э. Очевидно, это погребение является наиболее ранним в данном могильнике. Все вышеперечисленные наиболее ранние сарматские погребения охватывают обширную территорию от бассейна Дона до бассейна Днепра и отличаются тем, что в них наиболее ярко прослеживается сходство с собственно сарматскими памятниками Поволжья и Приуралья — как в инвентаре могил (особенно в формах лепной керамики), так и в положении и ориентировке костяков: почти во всех могилах с сохранившимся костяком покойники лежали головой на юг, иногда с отклонением на восток и запад.

Рассмотрим теперь более поздние сарматские погребения Дона и Украины — погребения среднесарматского времени. Не останавливаясь подробно на описании погребений, поскольку почти все они опубликованы, ограничимся лишь выделением и перечислением памятников среднесарматского времени, отмечая их особенности в тех или иных районах. Начнем с бассейна р. Дона. На левобережье к среднесарматскому времени можно отнести погребения, открытые в 1934 г. при сооружении Волго-Донского канала у слоб. Карповки (кург. 1 и кург. 6, погр. 6, 7) и у хут. Ляпичева (кург. 7, погр. 3—7, 9, 12)⁴³. Погребения среднесарматского времени есть и у хут. Попова и Соленого (Романовекский р-н, Ростовской обл.)⁴⁴. На Маныче погребения сусловской культуры найдены у хут. Тузловки⁴⁵. У хут. Спорного к скифо-сарматскому времени относятся погр. 12 и 39 в кург. 2 и погр. 16, 25, 28 в кург. 3. Часть их без инвентаря. Характерный для сарматских могил инвентарь (лепные сосуды, бусы, кости барана) найдены лишь в погр. 16 и 28 (кург. 3)⁴⁶. Разрушенное сарматское погребение, судя по обломкам большого серо-

³⁹ Бережновка, юго-западная группа, кург. 2, погр. 8; Калмыково, кург. 2. См. И. В. Сп и н и ц ы н. Археологические исследования Заволжского отряда Сталинградской экспедиции, КСИИМК, вып. 55, 1954, стр. 92, стр. 37, 1.

⁴⁰ Д. Я. Телегин. Ук. соч., стр. 49.

⁴¹ М. И. Вязьмитина. Сарматские погребения у с. Ново-Филипповка. Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии», стр. 223.

⁴² II Бережновский мог., кург. 6, погр. 1; Бережновка, кург. 22. См. И. В. Сп и н и ц ы н. Археологические исследования Заволжского отряда, стр. 75, рис. 18, 12; стр. 116, рис. 37, 14.

⁴³ Сб. «Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг.», стр. 180—186.

⁴⁴ Раскопки А. А. Иессена в 1951 г. Материал не опубликован. Хранится в Гос. Эрмитаже.

⁴⁵ Б. В. Лунин. Археологические раскопки и разведки в Ростовской области в 1938—1939 гг. Памятники древности на Дону, т. I, Ростов-на-Дону, 1940, стр. 19—21.

⁴⁶ М. И. Артамонов. Раскопки курганов в долине р. Маныча в 1935 г. СА, IV, 1937, стр. 93—131; Сб. «Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг.», стр. 205.

глиняного кувшина, содержалось и в разрытом колхозниками кургане в окрестностях колхоза «Красный Октябрь» (Новый Израиль) ⁴⁷.

На правом берегу Дона к среднесарматскому времени относится целый ряд богатых погребений-«кладов». Это, во-первых, знаменитый Новочеркасский клад — погребение, обнаруженное в кургане Хохлач близ г. Новочеркаска — женское аристократическое захоронение, датируемое, очевидно, I в. до н. э.— IV в. н. э. ⁴⁸. Набор богатых вещей был найден в 1889 г. у ст. Голубинской (б. Область Войска Донского) ⁴⁹ и у ст. Мигулинской (б. Усть-Медведицкий округ) ⁵⁰, где среди других вещей был найден золотой сосуд, аналогичный одному из сосудов Новочеркасского клада. М. И. Ростовцев считает, что Мигулинская чаша и вещи Новочеркасского клада были сделаны в мастерских Пантикалея, приспособившихся к требованиям новых заказчиков — сарматов ⁵¹.

Последним интересующим нас памятником на Дону является так называемый Воронежский клад — разрозненный инвентарь богатых погребений сарматского могильника, расположенного у колхоза «Степан Разин», Давыдовского района, Воронежской области, и датируемого примерно с I в. до н. э. по II в. н. э. ⁵².

Таким образом, сарматские памятники бассейна Дона характеризуются, во-первых, большим количеством найденных здесь богатых сарматских погребений, во-вторых, значительным числом по сравнению с более западными районами раннесарматских погребений и, в-третьих, полной тождественностью рядовых могил Дона с собственно сарматскими погребениями Поволжья и Приуралья (по обряду погребения, ориентировке, инвентарю могил).

Следующая группа рассматриваемых нами погребений расположена в бассейне Сев. Донца (верхнее течение) и его притоков.

В 1891 г. Н. Е. Бранденбург раскопал курган у г. Славянска, на правом берегу р. Казенного Терца, за хут. Бревиным. Курган ССLIII содержал семь погребений, из которых четыре (№№ 2, 4, 5, 6) можно с достоверностью отнести к сарматскому времени ⁵³.

Большие раскопки здесь производил в 1901 и 1903 гг. В. А. Городцов. Из числа раскопанных им погребений к среднесарматскому времени можно отнести у ж.-д. ст. Ступки (левый берег р. Бахмут) — кург. 1, погр. 1; кург. 3, погр. 2, 3 (?) ⁵⁴; у дер. Переездной б. Бахмутский у. — кург. 1, погр. 4—5, кург. 2, погр. 1—3, кург. 3, погр. 1—4, кург. 4, погр. 1—3 ⁵⁵; у дер. Родионовка — кург. 2, погр. 1, 2 и кург. 4, погр. 1 ⁵⁶, у хут. Каменка — кург. 8, погр. 2 и 3 ⁵⁷; у хут. Черевкова (около г. Славян-

⁴⁷ М. И. Артамонов. Работы на строительстве Манычского канала, стр. 209—210.

⁴⁸ ОАК, за 1864 г., стр. XX—XXI; И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, т. III, СПб., 1890, стр. 132—140; М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 582—585; Charles de Linas. Les origines de l'orfèvrerie cloisonnée. Paris, 1878, стр. 134—234.

⁴⁹ ОАК за 1890 г., стр. 118; М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 585; Русские древности, т. III, стр. 132.

⁵⁰ Отчет об археологических экспедициях в РСФСР в 1934—36 гг., стр. 172—174; Амфилохий. Находки древностей в юрту ст. Мигулинской на Дону. Древности. Тр. МАО, т. I, вып. 1—2, 1865, стр. 197—200; М. И. Ростовцев. Надпись на золотом сосуде из ст. Мигулинской, ИАК, вып. 63, 1917, стр. 107; Н. И. Веселовский. Курганы Кубанской области в период римского владычества на С. Кавказе. Тр. XII АС, т. I, 1905, стр. 347.

⁵¹ М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 584—585.

⁵² А. П. Смирнов. Новый сарматский могильник в Воронежской области. ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 363—366; А. Шокков. К сарматским памятникам на Дону. Известия Воронежского гос. пединститута, т. XXVI, 1958, стр. 189—199.

⁵³ Н. Е. Бранденбург. Журнал раскопок 1888—1902 гг. СПб., 1908, стр. 162—164.

⁵⁴ В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Бахмутском у. Екатеринославской губ., 1903 г. Тр. XIII АС, т. I, М., 1907, стр. 312—318; Р. Рау. Ук. соч., стр. 74.

⁵⁵ В. А. Городцов. Ук. соч., стр. 307—312.

⁵⁶ Там же, стр. 303—306.

⁵⁷ Там же, стр. 286—298.

ска) — кург. 2, погр. 2, кург. 3, погр. 3, 5⁵⁸, у слободы Селимовки (б. Изюмский у.) — кург. 1, погр. 4, кург. 2, погр. 2 и кург. 5, погр. 1—2⁵⁹, из которых погр. 2 в кург. 2 содержало набор разнообразных украшений и являлось богатым женским захоронением.

К сарматскому времени в Змиевском районе относится, возможно, погр. 1 в кург. XV, раскопанное А. М. Покровским в 1901 г. у с. Бунаковки, близ р. Береки — правого притока Сев. Донца⁶⁰. И. Луцкевич относит это погребение к культуре полей погребений, датируя его первыми веками нашей эры, не позже III—IV вв. н. э.⁶¹. Однако более вероятно считать это погребение сарматским. Об этом свидетельствует найденный в нем лепной горшок; горшки такой формы мы встречаем в среднесарматское время в Поволжье. На это же время указывает и красноглиняный кувшин, который по форме напоминает кувшин из сарматского погребения № 2 у г. Славянска (раскопки Н. Е. Бранденбурга), датируемый по аналогиям из Танаиса рубежом нашей эры⁶². Сходной по форме с сарматскими является и найденная здесь глиняная курильница. Все это позволяет считать это погребение сарматским и датировать его среднесарматским временем.

Наиболее северными сарматскими погребениями в бассейне Сев. Донца являются погребения в б. Купянском у. Харьковской губ. В 1901 г. здесь проводил раскопки Е. П. Трефилев. Сарматскими являются и курганы 3 и 4 у с. Сватовой Лучки. Кург. 3 содержал богатое женское захоронение, датируемое Е. П. Трефилевым II—III вв. н. э. М. И. Ростовцев относит погребение к I в. н. э., выводя свою датировку из форм найденных здесь стеклянного флакона и глиняной курильницы⁶³. Очевидно, более правильной является датировка М. И. Ростовцева; ее подтверждает и сероглиняный кувшин этого погребения — кувшины подобной формы мы находим в сарматских могилах Прикубанья I в. до н. э. — II в. н. э.⁶⁴. На эту же дату указывают и зеркальца-привески, которые появляются в сарматских могилах с I в. н. э. Таким образом, дата погребения — I в. н. э., может быть, начало II в. н. э.

Самой северной группой по течению Северского Донца являются курганы у Нижней Дуванки (б. Купянский у.), также раскопанные Е. П. Трефилевым⁶⁵. К сарматскому времени, очевидно, относится погребение в кург. VIII второй курганной группы.

Группа сарматских погребений в бассейне Северского Донца и его притоков содержит значительное количество (более 30) рядовых погребений, совершенных большей частью в узких грунтовых ямах или в насыпи кургана. Преобладает южная и северная ориентировка; последняя в отличие от Поволжья широко распространена на Украине и в среднесарматское время. Реже встречаются костяки с западной ориентировкой, являющейся здесь пережитком скифского времени⁶⁶. Очень часто в сарматских погребениях этой группы имеются куски мела и меловая посыпка,

⁵⁸ В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском у. Харьковской губ. 1901 г. Тр. XII АС, т. I, стр. 266—268.

⁵⁹ В. А. Городцов. Ук. соч., стр. 232—241; М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 587; Р. Рау. Ук. соч., стр. 76.

⁶⁰ Каталог выставки XII АС, стр. 221—225, № 98—100.

⁶¹ И. Луцкевич. Материалы до карти поширення пам'яток культури полів поховань на території Харківської області. Археологія, т. II, 1948, стр. 171.

⁶² Т. Н. Книпович. Танаис. М.—Л., 1949, стр. 76—77, рис. 30, а.

⁶³ М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 586—587.

⁶⁴ Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник у станции Усть-Лабинской. МИА, № 23, 1951, стр. 193—194, рис. 15, 9.

⁶⁵ Е. П. Трефилев. Археологическая экскурсия в Купянский уезд Харьковской губ. летом 1901 г. Тр. XII АС, т. I, стр. 131—135; Каталог выставки XII АС, стр. 125, 129, № 165; Д. И. Багалея. Объяснительный текст к археологической карте Харьковской губ. Тр. XII АС, т. I, стр. 64.

⁶⁶ Б. А. Шрамко. Памятники скифского времени в бассейне Северного Донца. Кандидатская диссертация. Харьков, 1953, стр. 129.

что характерно для сарматских могил Поволжья, а на Украине встречается, пожалуй, только в этом районе. Для погребений скифского времени меловая посыпка мало характерна⁶⁷. Инвентарь могил довольно бедный, многие могилы вообще без вещей, оружие встречается редко, за исключением курганов у г. Славянска (раскопки Н. Е. Бранденбурга) и дер. Переездной (раскопки В. А. Городцова). Золотые изделия (украшения) встречаются, но тоже сравнительно редко. Более полно представлена керамика, среди которой преобладают привозные гончарные сосуды, что, впрочем, характерно для всех сарматских погребений Украины.

Следующая группа сарматских погребений находится в Приазовье. Наиболее компактная группа расположена на р. Молочной. К востоку от нее к сарматскому времени предположительно можно отнести три погребения: погр. 14 в кург. ССIV у ж.-д. ст. Сартаны на левом берегу Кальчика (раскопки Н. Е. Бранденбурга)⁶⁸ и погр. 1—2 в кург. 1, раскопанном в 1876 г. у г. Бердянска (Осипенко)⁶⁹.

На р. Молочной у г. Мелитополя расположена самая компактная группа сарматских погребений на Украине. У с. Ново-Филипповки, Ново-Филипповского района, Запорожской области, в 1934—1935 гг. раскопано коллективное сарматское захоронение (мужчина, женщина и ребенок)⁷⁰. У сс. Терпение и Ново-Филипповка, Ново-Васильевского района, Т. Г. Оболдуева раскопала в 1947 г. два небольших кургана, входящих в курганную группу у западной окраины Ново-Филипповки⁷¹. В 1951—1952 гг. здесь производились большие раскопки под руководством А. И. Тереножкина. Было обнаружено несколько новых курганных групп у сс. Ново-Филипповки и Аккермень⁷².

В устройстве курганных кладбищ сарматов Украины мы устанавливаем значительное сходство с некрополями среднесарматского времени в Поволжье. Так же как и там, сарматы использовали один-два или более больших курганов эпохи бронзы, окружая их целым рядом небольших курганчиков.

Сходство с сарматской культурой Поволжья прослеживается также и при рассмотрении типов погребальных сооружений. На территории Украины встречаются все основные типы погребений, характерные для среднесарматской стадии в Поволжье (кроме погребений в круглых ямах), а именно: погребения в узких грунтовых ямах, подбойные погребения, погребения в ямах с диагональным положением костяка и в ямах с заплечиками. Так же как и в Поволжье, незначительное количество погребений (обычно очень бедных) найдено в насыпи кургана или на горизонте. Сходно с сарматским Поволжьем и соотношение типов погребений. Основное количество их падает на первые два типа: узкие грунтовые ямы и подбойные могилы⁷³.

В могильнике на р. Молочной преобладающую группу погребений составляют погребения в узких грунтовых ямах, которые изредка имеют следы камышевого перекрытия. Следов дерева в них почти нет; дерево (остатки конструкций) наиболее характерно для ям с диагональным положением костяка. В подбойных могилах (подбой делается обычно в длинной западной стенке и соединяется с ямой ступенькой) иногда на-

⁶⁷ Б. А. Шрамко. Ук. соч., стр. 129.

⁶⁸ Н. Е. Бранденбург. Ук. соч., стр. 181.

⁶⁹ ЗРАО, нов. серия, т. XII, вып. 1—2, стр. 288—290.

⁷⁰ Раскопки В. Н. Даниленко. Материал не опубликован. Отчет хранится в архиве ИА АН УССР.

⁷¹ Т. Г. Оболдуева. Сарматські кургани біля Мелітополя. АП, т. IV, 1952, стр. 43—47.

⁷² М. И. Вязьмитина. Сарматские погребения у с. Ново-Филипповка. Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии», стр. 220—244; ее же. Вивчення сарматів на території УРСР. Археологія, т. VIII, 1953, стр. 56—77; ее же. Изучение сарматских племен степной Украины. КСИА, вып. 2, 1953, стр. 58—60; ее же. Раскопки сарматских могильников на юге УССР, стр. 72—74.

⁷³ М. И. Вязьмитина. Сарматские погребения..., стр. 221.

ходят остатки жердей и камыша, которыми закрывалось устье подбоя. В отдельных случаях в могилах встречаются следы огня (обожженное дно, куски обгорелого дерева).

Костяки лежат обычно в вытянутом положении, на спине. В ориентировке наблюдается некоторое расхождение с погребениями Поволжья. Там в это время господствует южная ориентировка. Здесь же южная (с отклонением на восток и запад) ориентировка присуща лишь всем диагональным погребениям, остальные группы погребений содержат, кроме того, значительное количество погребений с северной ориентировкой (также с отклонениями на восток и запад). Некоторое отличие от Поволжья заключается в отсутствии здесь меловой посыпки, в почти полном отсутствии следов подстилок под скелетами, а также остатков гробов, тогда как у сарматов Поволжья все это распространено очень широко. Но эти детали незначительны. Анализ погребального инвентаря, наоборот, указывает на значительное сходство с сарматскими могильниками Поволжья.

Одинакова посуда, которая представлена горшками тех же типов, что и у сарматов Поволжья, новыми являются два типа лепных сосудов больших размеров, которые были, очевидно, заимствованы сарматами Украины у местного населения — скифов, живших здесь и после вытеснения сарматами основной их массы. Сосуды такого типа мы находим среди керамического материала позднескифских степных городищ Нижнего Днестра (рис. 3). Следует отметить значительное количество кувшинов и богатство их форм; все типы кувшинов, встречающихся в могилах сусловского этапа Поволжья, здесь также хорошо представлены. Найдены красноглиняные и сероглиняные лощеные миски, а также лепные курильницы. Таким образом, большинство типов посуды имеет поразительное сходство с посудой сарматского Поволжья. Лишь отдельные, не сходные с поволжскими сосуды указывают, во-первых, на большую связь сарматского населения с греческими колониями на берегу Черного моря, а также с местным скифским населением, обитавшим здесь и в сарматское время. Лепная посуда, оружие (следует отметить, что оружие, в частности мечи, встречаются здесь реже, чем в могильниках Поволжья), украшения, туалетные принадлежности и др., сходные с такими же категориями погребального инвентаря Поволжья, указывают на то, что и здесь и там мы имеем дело с одним и тем же народом — сарматами. Перейдем теперь к вопросу о датировке этого могильника. Рассмотренный комплекс инвентаря указывает на несомненную принадлежность его к среднесарматскому времени. Большинство вещей, которые могут служить датировочным материалом, относятся к рубежу нашей эры или I в. н. э., поэтому мы можем говорить, что основная масса погребений относится к I в. до н. э.—I в. н. э. Возможно, однако, что древнейшие погребения могильника восходят к концу II в. до н. э., поскольку в Поволжье некоторые категории вещей среднесарматского времени, в частности оружие, существовали уже во II в. до н. э. В то же время некоторые погребения могильника явно относятся к позднесарматскому времени. Это погребения в могильнике у Аккермень II — в кург. 14, 17, 19 у западной окраины, в кург. II у восточной окраины⁷⁴. Кург. I у восточной окраины датируется М. И. Вязьмитиной I—II вв. н. э. Эта датировка является правильной, однако весь комплекс инвентаря говорит о несомненной принадлежности этого погребения к среднесарматскому времени. В погребении найдены: красноглиняный кувшин, датируемый Т. Н. Книпович рубежом нашей эры, сероглиняный кувшинчик с приземистым биконическим туловом, высоким горлом и небольшой петлевидной ручкой на плечиках (такие кувшины характерны для погребений Прикубанья с I в. до н. э.⁷⁵), красноглиняный кувшинчик — кружка с яйцевидным сужающимся

⁷⁴ М. И. Вязьмитина. Сарматские погребения..., стр. 224, 230, 232.

⁷⁵ Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской. МИА, № 23, 1951, стр. 193—194, рис. 15, 6.

кверху туловом и шейкой-раструбом. Такие сосуды встречаются и в других погребениях этого могильника, относящихся к I в. до н. э.—I в. н. э. (например, Аккермень II, западная группа, распаханые курганы 3, 6). Все это позволяет датировать это погребение I в. н. э. или, может быть, самым началом II в., не выводя его из хронологических рамок среднесарматского времени. К среднесарматскому времени относится и

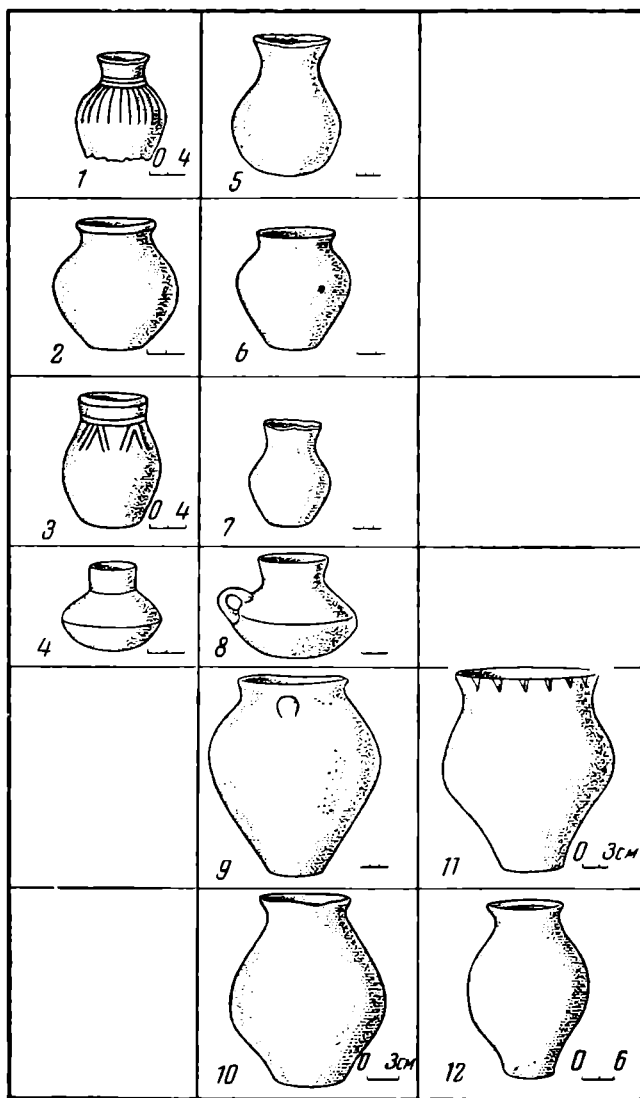

Рис. 3

1—4 — лепные сосуды сарматов Поволжья (1 — Суслы, к. 24; 2 — I Бережновский мог., к. 35, п. 21; 3 — Калиновский мог., к. 8, п. 31; 4 — II Бережновский мог., к. 100); 5—10 — лепные сосуды сарматского могильника на р. Молочной (5 — Н. Филипповка, вост. гр., к. 2, п. 2; 6 — Аккермень II, зап. гр., к. 20; 7 — Н. Филипповка, сев. гр., к. 4; 8 — Аккермень II, вост. гр., к. 1; 9 — Н. Филипповка, сев. гр., к. 6; 10 — Аккермень II, вост. гр., к. 5); 11, 12 — скифские лепные сосуды (11 — Гавриловское городище; 12 — Макевка, к. 1, п. 1)

погребение в кург. II (Аккермень II, восточная группа). Найденный в погребении сероглиняный лощеный кувшин с округлым туловом, высокой суженной посередине шейкой и петлевидной ручкой на плечике, датированный М. И. Вязьмитиной II в. н. э., относится также к среднесарматскому времени. Кувшины такой формы встречаются в сарматском Поволжье (В. Колышлей, кург. 1, погребение I в. до н. э.—I в. н. э.) на

Танаисе («Круглый курган» у Гниловского городища, погребение I в. до н. э.—I в. н. э.)⁷⁶, а также в сарматских погребениях на Северном Кавказе (в могильнике у с. Тарки, в погр. 28, датированном I в. до н. э.—I в. н. э., найден кувшин аналогичной формы, правда, с зооморфной ручкой)⁷⁷. Все это позволяет нам датировать погребение в кург. II также I в. до н. э.—I в. н. э.

Погребение в кург. 14 (Аккермень II, западная группа) отнесено М. И. Вязьмитиной ко II в. н. э. На эту дату указывает и форма стеклянного сосуда, найденного в погребении. Этим же временем, вероятно, следует датировать и погребение в кург. 17 и 19 (Аккермень II, западная группа). Кург. 17 датируется так на основании найденного там зеркальца-привески с растительным рельефным орнаментом на обратной стороне. Хотя основной инвентарь в кург. 17 и 19 относится к среднесарматскому времени, однако деформированный череп погребенного в кург. 19 позволяет отнести и это погребение к более позднему времени, так как обычай деформации распространяется у сарматов со II в. н. э.

Таким образом, мы можем повторить, что в целом могильник на р. Молочной относится к среднесарматскому времени, несмотря на отдельные погребения, которые датируются началом II в. н. э.

На р. Молочной рядом с могильником у с. Ново-Филипповки А. И. Фурманской в 1951 г. был раскопан еще один курган у с. Долиновки, который содержал два сарматских погребения (№№ 1 и 6)⁷⁸.

Несколько севернее сарматские погребения найдены в могильнике у с. Б. Токмак Запорожской области — это погр. 2 кург. 3 у колхоза им. Сталина⁷⁹ и погр. 18 в кург. 2 у хут. Шевченко⁸⁰.

Таковы погребения Приазовья, которые можно отнести к сарматской культуре среднесарматского времени. Погребения эти довольно бедные, в инвентаре преобладают предметы украшений. Характерной чертой этой группы является то, что в ней наиболее ярко прослеживаются черты паразитического сходства с сарматскими памятниками Поволжья (обряд погребения, оружие, украшения и т. д.). Это сходство особенно проявляется в формах лепной керамики, которая из всех других районов Украины только здесь так хорошо копирует керамику сарматов Поволжья.

Следующая большая группа сарматских погребений расположена в бассейне Днепра и его притоков. Основная масса погребений сосредоточена здесь к югу от Киева, на правом берегу Днепра, по его притокам — рекам Роси и Тясмину. Южнее, вниз по течению Днепра, число сарматских погребений уменьшается; лишь район между Днепропетровском и Никополем в некоторой степени богат этими памятниками, которые располагаются здесь в основном по левому берегу Днепра, являясь как бы продолжением более южной — приазовской группы сарматских погребений.

Недалеко от Каменки-Днепровской, у хут. Харчевик, к сарматскому времени относятся три кургана (№№ 2, 3 и 4), открытые в 1950 г. П. Д. Либеровым⁸¹. Далее к северу группа погребений среднесарматского времени найдена в 1930 г. М. А. Миллером у Запорожья на территории Днепрогостроя: это кург. 21, кург. 25, погр. 4, кург. 26, погр. 5—6, кург. 29⁸². Интересно, что два из этих курганов (№№ 21 и 29) содержали

⁷⁶ Т. Н. Книпович. Танаис, стр. 144, рис. 50.

⁷⁷ К. Ф. Смирнов. Археологическое исследование в районе Дагестанского селения Тарки в 1948—1949 гг., МИА, № 23, 1951, стр. 269, 271, рис. 22, 2.

⁷⁸ Материал не опубликован. Отчет А. И. Фурманской хранится в архиве ИА АН УССР.

⁷⁹ Раскопки В. Ф. Пешанова в 1950 г. Материал не опубликован. Хранится в Запорожском музее.

⁸⁰ Раскопки К. Ф. Смирнова в 1952 г. Материал не опубликован. Рукописный отчет хранится в архиве ИА АН УССР.

⁸¹ См. П. Д. Либеров. Курганы у хутора Харчевик. КСИИМК, вып. XLV, 1952, стр. 82.

⁸² М. О. Миллер. Короткий попередній звіт...

диагональные погребения, широко распространенные в среднесарматское время в Поволжье. Эта группа характеризуется наличием среди инвентаря могил оружия (мечей с кольцевым навершием, стрел), которое встречается на Украине сравнительно редко.

Еще севернее к среднесарматскому времени относятся следующие погребения: у с. Хорошева (б. Новомосковского у. Екатеринославской губ.) — курган Морозова могила, погр. 1, 2⁸³; у хут. Суженое (бывш. Ждановская волость Ново-Московского у.) — кург. 1, погр. 1 (погр. 2, 4—?)⁸⁴; у с. Афанасьевки (б. Ново-Московский у. Екатеринославской губ.) — кург. 3 (?)⁸⁵, у с. Климовки (Полтавская обл.) — кург. 1⁸⁶.

Самая компактная группа сарматских погребений Поднепровья расположена на правом берегу Днепра, в среднем его течении, вдоль его притоков — рек Тясмина, Роси и др.

По р. Тясмину это богатое погребение, найденное в 1876 г. у с. Залевки (б. Черкасский у. Киевской губ.)⁸⁷; впускное погребение в кург. XIV, раскопанном А. А. Бобринским между м. Смелой и с. Николаевкой⁸⁸; впускное погребение в кург. CDXCVIII, раскопанном А. А. Бобринским в 1909 г. у м. Смелы⁸⁹, а также два богатых погребения, найденных случайно — у с. Ружичевки (б. Александровский у. Херсонской губ.)⁹⁰ и у с. Цветны (б. Чигиринский у. Киевской губ.)⁹¹.

К западу от этой тясминской группы найдено еще несколько погребений, также, возможно, связанных с сарматской культурой. Это женское впускное погребение в кург. 2 у с. Колодистого (б. Звенигородский у. Киевской губ.)⁹², а также три богатых женских погребения — у с. Петрик (б. Звенигородский у. Киевской губ.)⁹³, у с. Ярошевка (б. Звенигородский у. Киевской губ.)⁹⁴ и у с. Журовки (б. Чигиринский у. Киевской губ.) — погр. А, кург. 406⁹⁵.

Следующей, самой северной по Днепру является группа погребений, расположенная в основном в Каневском районе, в междуречье Днепра и Роси и в долине р. Росавы. К среднесарматскому времени здесь можно отнести следующие погребения: у с. Яблунев (б. Каневский у.) — кург. III и VI — VIII⁹⁶; у с. Липовец — впускные погребения в кург. I и III⁹⁷;

⁸³ Раскопки Д. И. Эварницкого в 1903 г. См. Д. И. Эварницкий. Раскопки курганов в пределах Екатеринославской губ. Тр. XIII АС, т. I, стр. 133—141.

⁸⁴ Д. И. Эварницкий. Ук. соч., стр. 130—131.

⁸⁵ Там же, стр. 121—122.

⁸⁶ Раскопки М. Рудинского в 1926 г. См. М. Рудинский. Досліди на Полтавщині. Короткі звідомлення ВУАК за 1926 г. Київ, 1927, стр. 149—150.

⁸⁷ А. А. Бобринский. Курганы и случайные находки близ м. Смелы, т. I. СПб., 1887, стр. 153, табл. XXI; ЗРАО, нов. серия, т. XI, вып. 1—2, стр. 265.

⁸⁸ А. А. Бобринский. Ук. соч., т. I, стр. 40—41.

⁸⁹ А. А. Бобринский. Отчет об исследованиях курганов в Черкесском и Чигиринском у. Киевской губ., 1909 г. ИАК, вып. 40, стр. 43—44.

⁹⁰ ОАК за 1896 г., стр. 141—142.

⁹¹ ОАК за 1896 г., стр. 88 сл.; ЗРАО, нов. серия, т. XI, вып. 1—2, стр. 262—263. М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 590.

⁹² Раскопки В. Н. Доманицкого в 1902 г.; А. Спицын. Раскопки курганов близ с. Колодистого Киевской губ. ИАК, вып. 12, 1904 г., стр. 120.

⁹³ Вещи найдены случайно в 1873 г.; ЗРАО, нов. серия, т. XI, вып. 1—2, стр. 261—262; Д. Е. Люценко. Замечания о курганах Киевской губ. Тр. III АС, т. II. Киев, 1878. Приложение, стр. 202—203. Атлас, табл. XIV, 1, 2, 5; Д. Я. Самоквасов. Основания хронологической классификации (могильных древностей Европейской России), описание и каталог коллекции древностей профессора Д. Я. Самоквасова. Варшава, 1892, стр. XXVI.

⁹⁴ Вещи найдены в 90-х годах XIX в. ЗРАО, нов. серия, т. XI, вып. 1—2, стр. 261.

⁹⁵ Раскопано А. А. Бобринским в 1903 г. См. ОАК за 1903 г., стр. 110; А. А. Бобринский. Отчет о раскопках в 1903 г. в Чигиринском у. Киевской губ., ИАК, вып. 14, стр. 29—30.

⁹⁶ Раскопки Д. Я. Самоквасова в 1876 г. См. Д. Я. Самоквасов. Могилы Русской земли. М., 1908, стр. 114—121; Б. Н. Граков. Древности Яблоневской курганной группы из собрания Д. Я. Самоквасова. Тр. СА РАНИОН, т. II, М., 1928, стр. 69—78.

⁹⁷ Раскопки О. И. Макаревич в 1892 г. ЗРАО, нов. серия, т. XII, вып. 1—2, стр. 292—294; см. ЗРАО, нов. серия, т. XI, вып. 1—2, стр. 262.

у м. Кагарлык (б. Киевский у. и губ.) — кург. ССXXXV⁹⁸; у дер. Краснополки (б. Каневский у.) — впускная могила в кург. ССXXXIV⁹⁹. Погребения у следующих двух пунктов относятся к сарматам лишь по аналогии с другими сарматскими погребениями этого района: у с. Бурты (б. Каневский у.) — кург. ССLXXVIII, погр. 1, 2; кург. ССLXXXIX, погр. 2, кург. ССXC, погр. 1, кург. СССXXXIX¹⁰⁰ и у с. Гороховатки (б. Киевский у. и губ.) — кург. ССLXXXII, погр. 1¹⁰¹.

Такова группа погребений по р. Тясмину и его притокам. Сюда же можно добавить интересную находку у с. Калантаево (Новогригорьевского р-на, Кировоградской обл.), на правом берегу р. Тясмина, в его верховьях. В 1956 г. экспедиция ИА АН УССР под руководством Е. Ф. Покровской производила здесь раскопки скифского городища чернолесского времени. При снятии культурного слоя городища было обнаружено шесть грунтовых сарматских погребений, лежавших правильным рядом без признаков ям. Костяки лежали в вытянутом положении головой на юг — юго-восток; при них найдены зеркала, бусы, скарабеи, фибула, краснолаковая миска¹⁰². Е. Ф. Покровская датирует эти погребения I в. н. э.

Рассмотренные нами погребения составляют компактную группу на правобережье Днепра, в среднем его течении — в пределах лесостепи. Группа сарматских племен, очевидно, проникла сюда по Днепру и заняла здесь довольно большую территорию к западу от Днепра. Для этой же территории характерно распространение памятников культуры полей погребений. Очевидно, сарматы жили здесь среди местного населения, находясь с ним в мирных отношениях. Грунтовой могильник с типичными сарматскими вещами, найденный у Калантаево, был, вероятно, результатом воздействия на сарматскую культуру культуры полей погребений. Эта же лесостепная группа сарматских погребений выделяется среди других богатым набором инвентаря. Рядовые погребения содержат здесь разнообразный набор украшений и керамики; найдено и несколько богатых погребений, преимущественно женских, содержащих изделия из золота. Кроме того, группа сарматских погребений Днепровской лесостепи характеризуется (если исключить Калантаево) почти стопроцентным господством здесь северной ориентировки, что, возможно, является в данной области пережитком скифского времени; северная ориентировка была здесь и у некоторых погребений позднескифской культуры¹⁰³.

Погребения к западу от Днепра, в нижнем его течении, не представляют собой какой-либо компактной группы, а рассеяны на пространстве от Днепра до Юж. Буга на довольно значительном расстоянии друг от друга.

Большая часть этих погребений относится к сарматской культуре лишь предположительно. Это погребение рубежа нашей эры в г. Херсоне¹⁰⁴, погребение III типа у м. Белозерки (б. Херсонской губ. и у.)¹⁰⁵; погребение у с. Козацкого¹⁰⁶ и у Консуловского городища¹⁰⁷. Два явно

⁹⁸ Н. Е. Бранденбург. Ук. соч., стр. 105—106.

⁹⁹ Там же, стр. 42, 43, 45.

¹⁰⁰ Раскопки Н. Е. Бранденбурга в 1893—1894 гг. См. Н. Е. Бранденбург. Ук. соч., стр. 76—79.

¹⁰¹ Раскопки Н. Е. Бранденбурга в 1893 г. См. Н. Е. Бранденбург. Ук. соч., стр. 83.

¹⁰² Е. Ф. Покровская. Калантаевское городище. Доклад на заседании сектора раннего железа на археологической сессии ИИМК АН СССР в 1957 г.

¹⁰³ Е. Ф. Покровская. Курганы IV в. до н. э. около Холодного Яра близ м. Смелы. Археология, т. X, 1957.

¹⁰⁴ ИАК, прибавление к вып. 46, СПб., 1912, стр. 191—192.

¹⁰⁵ Раскопки Г. А. Скадовского в 1894 г. В. Ястребов. Опыт топографического обозрения древностей Херсонской губ. ЗООИД, т. XVI, 1894, стр. 155—156.

¹⁰⁶ Раскопки В. И. Гошкевича в 1899 г. См. «Клады и древности Херсонской губ.», кн. I, Херсон, 1903, стр. 112—113.

¹⁰⁷ Раскопки В. И. Гошкевича в 1913 г. См. Летопись Херсонского музея, вып. 3. Херсон, 1913, стр. 5.

сарматских погребения были открыты Б. Н. Граковым у г. Никополя¹⁰⁸. К северо-востоку от Никополя, в Апостоловском районе Днепропетровской области, расположен обширный сарматский могильник у с. Усть-Каменки, раскопанный в 1951 г. Е. В. Махно (материал не опубликован). Типы погребений (главным образом подбой, а также узкие грунтовые ямы и квадратные ямы с диагональным положением костяка) и инвентарь могил (посуда, стрелы, пряжки, украшения) находят близкие аналогии в сарматских памятниках Поволжья. Могильник датируется I—II вв. н. э.¹⁰⁹. На р. Висуни (правый приток Ингульца) в б. Любомирской обл. Херсонского у. несколько раскопанных курганов (№№ 1, 2, 4, 6) можно отнести к сарматам. К среднесарматскому времени принадлежит, возможно, погребение в кург. 4¹¹⁰. Далее к западу богатое женское погребение сарматского типа найдено у пос. Ново-Петровского (б. Антоновская волость Херсонского у.) на левом берегу Ингула¹¹¹. Погребения сарматского типа есть и в районе Ольвии¹¹². В археологическом материале из Ольвии прослеживается значительное сарматское влияние, в частности, это сказывается в наличии большого количества сарматских алебастровых сосудов, имеющих часто ручки в виде фигурок животных. Самым западным сарматским погребением на территории Украины можно считать разрушенное погребение у с. Траяны (б. Балтийский у. Подольской губ.)¹¹³. Вообще же надо отметить, что чем далее к западу, тем труднее поддаются выделению сарматские погребения, так как они все более утрачивают сходство с собственно сарматскими погребениями Поволжья. Исчезает характерная лепная керамика, реже встречается оружие; инвентарь состоит главным образом из украшений и гончарных сосудов, одинаковые виды которых распространены на обширной территории Северного Причерноморья в первые века нашей эры. Это постепенное (в направлении на запад) утрачивание сарматскими погребениями характерных черт своей культуры объясняется все большей удаленностью их от центра сарматской культуры и устойчивостью местных традиций в более западных областях. Сарматы жили среди коренного населения, перенимая его обычаи и обряды. В подтверждение этому можно упомянуть о сарматских памятниках Молдавии (Боканское селище и грунтовый могильник; раскопки Г. Б. Федорова в 1953 г.)¹¹⁴. Сарматы являлись здесь оседлым населением. В их культуре собственно сарматские черты прослеживаются уже плохо, зато значительно сказывается влияние местной раннеславянской культуры полей погребений. На основании антропологического материала также прослеживается сходство как с культурой полей погребений, так и с сарматами Украины¹¹⁵.

Следует отметить, что наиболее ярко характерные сарматские черты проявляются в восточных областях территории Украины (могильник на р. Молочной), а хронологически, как уже указывалось выше, в наиболее ранних сарматских погребениях. Чем далее на запад и чем позже во времени, тем все более и более эти черты (здесь имеется в виду главным образом лепная керамика) теряют свое сходство с Поволжьем. Это хорошо прослеживается и в ориентировке погребений. Северная ориентировка

¹⁰⁸ Раскопки 1939 г. См. М. Воеводский. Обзор полевых археологических исследований в 1939 г. ВДИ, 1940, № 2, стр. 190.

¹⁰⁹ Е. В. Махно. Сарматский могильник у с. Усть-Каменка. КСИА, вып. 2, 1953, стр. 61.

¹¹⁰ Раскопки Н. П. Высоцкого в 1902—1903 гг. ИАК, прибавление к вып. 3, 1902, стр. 69; ИАК, прибавление к вып. 5, 1903, стр. 59—60.

¹¹¹ Вещи найдены случайно в 1896 г. См. ОАК за 1903 г., стр. 153—154; Я. И. Смирнов. Восточное серебро. СПб., 1909, табл. CXIII, 279.

¹¹² М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 590—591; ОАК за 1913—1915 гг., стр. 201.

¹¹³ Находка 1914 г. См. ОАК за 1913—1915 гг., стр. 201.

¹¹⁴ Г. Б. Федоров. К вопросу о сарматской культуре в Молдавии. Изв. Молдавского филиала АН СССР, № 4 (31), 1956, стр. 49—63.

¹¹⁵ Там же, стр. 63.

в лесостепном правобережье Днепра, западная — на Сев. Донце и в области по левому берегу Днепра, территориально близкой к Сев. Донцу, являются пережитком скифского влияния в этих областях. Однако встречаются на Днестре погребения среднесарматского времени и с южной ориентировкой, господствующей в это время в Поволжье. Таких погребений здесь мало, однако интересно отметить, что все они сопровождаются наиболее ярко выраженным инвентарем среднесарматской культуры (таковы погребения, открытые М. А. Миллером на Днепрострое; сюда же, очевидно, можно отнести погребения Калантаевского могильника).

В целом же между сарматскими погребениями Украины и Поволжья прослеживается, как уже указывалось, значительное сходство. Некоторые, почти незначительные, отличия объясняются как силой местных традиций (занятие сарматами чужой территории не могло не отразиться на их культуре), так и близостью греческих городов Северного Причерноморья.

Таким образом, передвижение сарматских племен из Поволжья на запад послужило причиной распространения на территории Украины культуры, вполне тождественной сарматской культуре Поволжья. Расселение сарматов началось уже в прохоровское время и происходило в первую очередь из степей Прикаспия; подтверждением этому являются памятники прохоровского времени на Кубани и на Дону. Антропологические исследования сарматских черепов из могильников у хут. Попова и Соленова на Дону, произведенные Л. Г. Вуич, подтверждают это: было установлено значительное сходство этих черепов с сарматскими черепами Нижнего Поволжья, в особенности с черепами выделенной Г. Ф. Дебецом «астраханской» группы, а также сходство с сарматскими черепами, обнаруженными на Кубани¹¹⁶. В то же время черепа, найденные на Дону, заметно отличаются от выделенного Г. Ф. Дебецом II (Поволжского) сарматского антропологического типа, который широко распространен у сарматов суловской культуры. Начавшееся во II в. до н. э. массовое передвижение сарматских племен происходило главным образом уже не из Прикаспийских, а из Поволжских степей. Это также подтверждается антропологическими данными. Т. С. Кондукторова, проведшая исследование Н. Филипповского и Усть-Каменского могильников, установила существенные отличия сарматских черепов от скифских, что означает отсутствие прямых генетических связей сарматов Украины с местным населением. С другой стороны, намечается большое сходство черепов этих могильников с черепами сарматов Поволжья, причем сарматы Запорожской области имеют большее сходство с сарматами Саратовского Заволжья, чем с сарматами Прикаспия¹¹⁷.

Интересно, что все погребения, отмеченные нами выше, которые предположительно относятся к началу сарматского передвижения на запад, расположены к востоку от Днепра, а часть их — непосредственно на левом берегу Днепра. К западу от Днепра погребения этого времени не встречены; все погребения, найденные там, датируются первыми веками нашей эры. Очевидно, переход сарматских племен на правый берег Днепра произошёл на рубеже нашей эры. В подтверждение этому можно отметить, что на античной карте, составленной М. А. Агриппой в I в. до н. э., западная граница Сарматии проходит по Днестру.

Расселение сарматских племен было вызвано, как уже говорилось выше, главным образом внутренними причинами. Сарматское общество переживало быстрый процесс социального расслоения. Подтверждением этому являются находимые на территории Поволжья, Дона и Украины богатые «клады»-погребения, свидетельствующие о выделении из сармат-

¹¹⁶ Л. Г. Вуич. Черепа из курганов эпохи бронзы и сарматского времени на левом берегу Нижнего Дона. МИА, № 62, 1958, стр. 420—425.

¹¹⁷ Т. С. Кондукторова. Материалы по палеоантропологии Украины. Антропологический сборник, т. I, 1956, стр. 171—173.

ского общества конной аристократии, имеющей свои военные дружины. Территория Дона и Украины, несмотря на худшую ее изученность по сравнению с Поволжьем, отличается гораздо большим количеством таких погребений. Это говорит о том, что во главе двигавшихся сюда с Поволжья сарматских племен стояли богатые вожди — сарматская военная аристократия. Интересно, что большинство так называемых «кладов»-погребений относится именно к начальному периоду массового расселения сарматов, входит в число наиболее ранних сарматских погребений Украины.

Достигнув северопричерноморских областей, сарматы не могли не прийти в соприкосновение с населением античных колоний. При этом они не только подвергались античному влиянию (в культуре и искусстве), но и сами оказывали некоторое, даже довольно значительное влияние на жизнь греческих городов. Эпиграфические памятники говорят о широком распространении иранских имен в боспорском царстве¹¹⁸, что было вызвано, возможно, проникновением и оседанием части сарматов в греческих городах. О сарматском влиянии говорят не только эпиграфические памятники. Следы этого влияния прослеживаются во многих областях культурной и политической жизни боспорских городов: медленно, но неуклонно шел процесс их варваризации. В. Д. Блаватский говорит о сильном воздействии сарматов на все северопонтийские города, исключая разве Херсонес, который менее других подвергся этому воздействию. В качестве подтверждения В. Д. Блаватский приводит сравнения херсонесских и боспорских надгробных памятников: боспорцы изображены на них в варварском облике, а херсонесцы — в греческой одежде¹¹⁹. В. Д. Блаватский считает даже возможным утверждать сарматское происхождение установившейся на Боспоре местной династии Асандра (47—17 гг. до н. э.) — Аспурга (8 г. до н. э.— 38 г. н. э.)

Таким образом, сарматы сталкивались с римлянами не только в сражениях. Проникая в города, они подвергали их варваризации, усиливая тем самым роль местных элементов на Боспоре, активизируя их борьбу с римским владычеством.

Изучение сарматской культуры Украины осложняется малой ее изученностью: помимо двух сарматских могильников (у Усть-Каменки и на р. Молочной), все остальные сарматские погребения являются обособленными, случайно открытыми, причем открытыми в подавляющем большинстве своем еще в XIX — начале XX в. Проведенные ИА АН УССР в сравнительно недавнее время работы по исследованию сарматских могильников имеют очень большое значение для изучения сарматской культуры в целом. Необходимо дальнейшее исследование сарматских памятников Украины. Открытие новых памятников позволит глубже изучить культуру сарматов Украины, уточнить ее особенности по сравнению с культурой Поволжья, выявить ее связи и взаимодействие с культурой местного населения. Дальнейшее археологическое исследование сарматской культуры Украины, возможно, откроет, кроме того, и места племенных центров сарматов, о наличии которых мы знаем из сообщений древних авторов.

¹¹⁸ В. Ф. Миллер. Эпиграфические следы иранства на юге России. ЖМНП, 1886, № 10, ч. CCXLVII, стр. 277; L. Zgusta. Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Praha, 1955.

¹¹⁹ В. Д. Блаватский. Северопонтийские города в конце II—I вв. до н. э. Вестник МГУ, № 7, 1949, стр. 68

ГОРГИППИЙСКИЙ АГОНИСТИЧЕСКИЙ КАТАЛОГ

Каталог победителей на состязаниях в честь Гермеса¹, найденный в 1895 г. в Анапе (Горгиппия), неоднократно подвергался рассмотрению в нашей литературе.

В. В. Латышев, разбирая этот документ в своих «Эпиграфических этюдах», на основании палеографических и эпиграфических особенностей установил его дату (первая половина III в. до н. э.). Рассматривая имена участников состязания, он установил наличие дорийских и негреческих элементов в Горгиппии, а также выявил немногочисленность свободного населения Горгиппии, участвовавшего в состязаниях. Он же первый определил, что во всех четырех столбцах надписи были отдельные списки².

В дальнейшем краткая характеристика горгиппийского каталога встречалась в ряде работ по истории Северного Причерноморья³. Статья М. М. Кубланова специально посвящена горгиппийскому каталогу: сопоставив его с олимпийским и пифийским регистрами, автор признал горгиппийский каталог созданием местного историка⁴. Затем, исходя из закономерности в расположении имен некоторых лиц, встречающихся в списках АI и АII, он приходит к выводу об одновременности их победы в обоих состязаниях. Правомерность этих выводов мы рассмотрим несколько ниже.

Перейдем к непосредственному рассмотрению каталога. Он представляет собою каменную плиту, на каждой из двух сторон которой находится по два столбца с именами и отчествами, разделенные частично вертикальной чертой (на стороне А разделено чертой 44 строки, на стороне Б — 49). Заголовки сохранились только над двумя столбцами, один из них (А II) свидетельствует, что данные состязания проводились на празднике Гермеса. Число имен в разных столбцах неодинаково (в столбце БI — 61 имя, в АI и БII — по 57 имен, в АII — 51 имя)⁵.

На то, что имена, находящиеся в разных списках на одном уровне, не синхронны, указывал уже В. В. Латышев⁶. Действительно, естественно предположить, что списки велись со дня учреждения каждого состязания и были прерваны одновременно в один из годов по неизвестной причине (ни один из списков не доходит до конца плиты). Значительно менее вероятно, что они велись с одного и того же года и постепенно прекращались.

При рассмотрении палеографических особенностей надписи подтверждается первая гипотеза. Сопоставим надписи всех четырех столбцов так, чтобы их последние строчки находились на одном уровне, и дадим им общую

¹ IOSPE, IV, № 432.

² В. В. Латышев. *Повтixa*. СПб., 1909, стр. 244 сл.

³ С. А. Семенов-Зусер. Физическая культура и зрелища в древнегреческих колониях Северного Причерноморья. Харьков, 1940, стр. 20—21; В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 217, 240—241.

⁴ М. М. Кубланов. О местной историографии на Боспоре. ВДИ, 1954, № 4, стр. 143 сл.

⁵ В дальнейшем в тексте и таблицах место участника состязаний в списке обозначается следующим образом: буква — сторона плиты; римская цифра — столбец; арабская цифра — номер строки в столбце.

⁶ В. В. Латышев. Ук. соч., стр. 252.

нумерацию, считая исходным первое состязание в столбце БІ (см. табл. 1). При этом сразу становится ясно, что надпись по характеру своего шрифта резко делится на две части. В первой записаны имена победителей первых сорока семи состязаний, разделенные вертикальной чертой, во второй — имена победителей последних четырнадцати состязаний, не разделенные чертой. Шрифт этих последних четырнадцати строчек всех четырех столбцов⁷ значительно отличается от шрифта предыдущей части надписи.

Здесь мы видим девять начертаний букв, не встречавшихся раньше, четыре начертания, встречавшиеся в предыдущей части довольно редко. В то же время здесь отсутствует Δ , характерная для первой части надписи. При этом, как видно из табл. 1, уникальные начертания букв обычно находятся в разных столбцах на одном уровне снизу (см., например, Π в АІ и БІІ, пятьдесят седьмое состязание), Γ , Υ , Λ , высеченные лишь наполовину в АІ, АІІ и БІІ (пятьдесят девятое состязание), а поскольку подобное сходство может служить веским доказательством синхронности данных строк, мы получим лишний довод в пользу одновременности прекращения записей о состязаниях. Второй вывод, который можно сделать при рассмотрении особенностей шрифта и соотношения длины разделяющих черт на обеих сторонах плиты, состоит в том, что первоначально плита была рассчитана на запись победителей только сорока семи состязаний, записи же последних четырнадцати состязаний были сделаны уже после установки почетной плиты, причем добавления, по всей видимости, делались после каждого состязания.

Были ли победители всех сорока семи состязаний, отмеченных в первой части надписи, занесены в список сразу или запись на камне началась с более раннего времени, сказать трудно⁸.

Перейдем теперь к вопросу о времени существования и периодичности этих состязаний. М. М. Кубланов полагает, что промежуток между соревнованиями мог быть не только в один год, но и в два, и в четыре года. Учитывая, что надпись датируется не позже, чем первой половиной III в. до н. э., мы получим приблизительно начало состязаний для первого случая — около 310 г., для второго — около 370 г. и для третьего — около 490 г. до н. э. Последняя дата, впрочем, вызывает сильное сомнение, поскольку само существование Горгиипии — Синдской Гавани в это время еще не доказано.

Две другие даты равно возможны с точки зрения хронологии, но здесь решению вопроса помогает анализ имен участников состязаний. В списке имеется 39 случаев, когда одно и то же имя и отчество повторяется в разных списках (35 раз — дважды и 4 раза — трижды; см. табл. 2). Приняв гипотезу о двухлетних соревнованиях, мы получим в двадцати случаях из тридцати девяти средний промежуток между победами одноименных лиц в 30 лет, а в отдельных случаях до пятидесяти — семидесяти лет, при гипотезе же о четырехлетних соревнованиях средний промежуток между победами этих двадцати лиц будет равен шестидесяти годам.

Эти цифры совершенно нереальны. Отдельные, наиболее выдающиеся атлеты античности действительно одерживали победы в течение тридцати и более лет, но это было, конечно, редчайшим исключением, а отнюдь не массовым явлением, как в данном случае. Считать же, что во всех этих случаях (свыше половины совпадающих имен в каталоге) перед нами — тезки, также невозможно, так как население Горгиипии, безусловно, было невелико, а среди совпадающих имен и отчеств встречается много редких⁹.

Следовательно, единственно возможным является промежуток между соревнованиями в один год.

⁷ Включая и четырнадцатую строчку снизу, в столбце БІ, еще отделенную чертой.

⁸ Можно отметить только, что такие поздние формы букв, как Σ , Ψ встречающиеся в средней части надписи, в первых двенадцати строчках совершенно отсутствуют. Если это не случайность, то можно думать, что списки на камне велись с момента учреждения последнего из четырех состязаний.

⁹ Всего на 226 победителей приходится 170 различных имен.

Сводка редких и уникальных для данной надписи начертаний букв

№№ состав- ляющих	№№ стро- чек	AI	№№ стро- чек	AII	№№ стро- чек	BI	№№ стро- чек	BII
1								
2								
3								
4								
5	2							
6	3						2	
7	4						3	
8	5						4	
9	6						5	
10	7						6	
11	8		3				7	
12	9		4				8	
13	10		5				9	Σ
14	11		6			Σ	10	
15	12		7	Σ			11	
16	13	Σ	8				12	
17	14	Σ	9				13	
18	15		10				14	
19	16		11	Σ			15	
20	17		12				16	ρ
21	18		13				17	
22	19		14				18	
23	20		15				19	
24	21		16				20	
25	22		17				21	
26	23		18				22	
27	24	κ	19	ρ			23	μ
28	25		20	ρ			24	
29	26		21				25	
30	27		22				26	
31	28		23			ρ	27	
32	29		24				28	
33	30		25				29	
34	31		26				30	
35	32		27				31	
36	33		28			ρρ	32	
37	34	Σ	29	ΣΣ		ρρρ	33	
38	35		30				34	τ κ
39	36		31				35	
40	37		32				36	
41	38		33				37	
42	39	Σ	34	κ κ		ΣΣ	38	
43	40		35				39	
44	41		36				40	
45	42		37				41	
46	43		38				42	
47	44		39				43	
48	45		40			Σ φ	44	
49	46		41				45	γ
50	47		42				46	
51	48	ΣΣ	43	Γ			47	
52	49		44				48	
53	50	Γ Σ	45				49	
54	51	Γ Γ Γ	46	τ		Γ	50	
55	52		47				51	
56	53	Σ	48				52	
57	54	φ	49				53	
58	55		50				54	ηη
59	56	ττ	51	Γ Μ τ			55	
60	57	ΜΜ	52			ργ	56	μττττ
61	58	Σ	53	ΓΣΣτ		Γτ	57	γ
							58	Γ

Примечание: точечной линией обозначена граница ранней и поздней частей надписи.

Таблица 2

Хронологические соотношения между победами одних и тех же лиц в разных видах соревнований

№№ по порядку	№№ строк надписи	№№ состязаний	№№ строк надписи	№№ состязаний	Промежуток между двумя победами
	Б II		А I		
1	55	58	58	61	3
	Б II		А II		
1	3	6	4	12	6*
2	8	11	5	13	2
3	18	21	19	27	6
4	20	23	21	29	6*
5	21	24	23	31	7*
6	28	31	25	33	2
7	36	39	32	40	1
8	41	44	40	48	4
9	49	52	45	53	1
10	58	61	53	61	0
	Б II		Б I		
1	3	6	21	20	14*
2	4	7	20	19	12
3	9	12	39	38	26
4	14	17	36	35	18
5	21	24	61	60	36*
6	33	36	47	46	10
	А I		А II		
1	14	17	12	20	3
2	22	25	18	26	1
3	29	32	26	34	2
4	18	21	14	22	1
5	40	43	35	43	0
6	45	48	41	49	1
7	46	49	42	50	1
8	53	56	49	57	1
	А I		Б I		
1	10	13	24	23	10
2	23	26	43	42	16
3	24	27	46	45	18
4	29	32	48	47	15*
5	30	33	50	49	16
6	31	34	60	59	25
7	37	40	55	54	14
8	38	41	51	50	9
9	42	45	58	57	12
	А II		Б I		
1	4	12	21	20	8*
2	11	19	34	33	14
3	23	31	61	60	29*
4	26	34	48	47	13*
5	29	37	56	55	18

Примечание: * обозначает лицо, упомянутое в каталоге трижды.

Далее, в горгиппийском каталоге можно насчитать 14 пар лиц со взаимнообратимыми именами и отчествами (например, Синд Гилеев и Гилей Синдов). Кроме того, имеется еще 31 пара, в которой имя одного победителя является отчеством другого. Конечно, возможно, что в некоторой части этих пар мы имеем простое совпадение имен, но, рассмотрев хронологические соотношения между победами предполагаемых отцов и сыновей, мы увидим, что в подавляющей части эти победители действительно могли быть детьми и родителями (табл. 3).

В числе этих лиц есть 19 пар, победивших в одном и том же виде состязаний, и 3 пары, победившие в соревнованиях АI — АII, в которых участвовали люди примерно одного возраста. Из них только в трех парах промежуток между старшим и младшим победителями равняется тринадцати — пятнадцати состязаниям, в остальных же девятнадцати случаях — семнадцати — тридцати семи состязаниям (средняя цифра — 26), что вполне соответствует нормальной разнице в годах между отцом и сыном. Всего же с учетом поправок на различные возрастные группы участников, только в шести случаях из сорока пяти этот промежуток был равен меньше, чем шестнадцати строчкам, в остальных же тридцати девяти случаях равнялся в среднем двадцати пяти — тридцати состязаниям. Такое характерное совпадение массового характера не может быть случайным.

Необходимо согласиться с тем, что в большей части этих тридцати девяти пар мы действительно имеем дело с отцами и сыновьями, а отсюда опять-таки вытекает, что состязания были ежегодными, так как даже двухгодичные состязания дали бы неестественно большие промежутки между победами старшего и младшего поколения¹⁰.

Наконец, необходимо добавить, что двух- или четырехлетние Гермен не известны ни в одном из районов греческого мира, как можно судить по имеющимся источникам.

Из всего вышесказанного следует, что максимальный промежуток времени, за который составитель горгиппийского каталога должен был собрать материал, равнялся сорока семи годам (а минимальный — одиннадцати). Конечно, подобная работа ни в коей мере не может быть сравнена с работой составителей олимпийского и пифийского регистров, охватившей несколько сот лет, и награждать составителя каталога званием историка едва ли стоит.

Обратимся к рассмотрению возрастных групп, принимавших участие в состязаниях. Как мы видим из табл. 2, в последовательности побед одних и тех же лиц в различных видах состязаний существует строгая закономерность. Наиболее ранними по времени являются победы в состязании БII, затем идут победы в состязаниях АI, АII и, наконец, в БI. Ни в одном из тридцати девяти случаев двойных и тройных побед мы не имеем обратной последовательности.

Даты побед в состязаниях АI и АII крайне близки — средний промежуток между ними — 1,2 года¹¹. Победители состязания АII («длинный бег») были в среднем на 3,5 года старше победителей из столбца БII и на 13 лет моложе победителей из столбца БI. Аналогия с широко распространенным в Греции (особенно в ионийских городах) делением участников состязаний на три возраста — мальчиков (*παῖδες*), юношей (*ἐφηβοί*) и взрослых¹² совершенно ясна. В Афинах и Ионии эти группы делились следующим образом: 1) от 12 до 16 лет, 2) от 16 до 18—20 лет, 3) старше 20 лет.

Обращаясь к горгиппийскому каталогу, мы видим, что здесь максимальный промежуток между победами в списке БII и списке АII равняется шести-

¹⁰ Равным образом невозможно принять и гипотезу, что в списки ежегодно заносилось более одного лица, так как тогда промежутки между победами отцов и детей стали бы слишком малы.

¹¹ Если принять гипотезу М. М. Кубланова, что пять победителей одержали свои победы одновременно в АI и АII, то средний промежуток сократится до 0,25 года, но для этого надо предположить, что в список АI было в одну из последних пяти строчек внесено лишнее имя. Но в это время записи безусловно делались ежегодно, и ошибка невероятна.

¹² Gardner. Greek Athletic Sports and Festivals. London, 1910, стр. 271—272.

Таблица 3

**Хронологическое соотношение побед лиц, которые могли быть
(по своим именам) родителями и детьми**

	№№	Отец		Сын		Абсолютная раз- ница в годах между победами	Поправка на средний премежуток между различными возрастными группами	Разница после поправки
		Место в каталоге	Год победы	Место в каталоге	Год победы			
А. Лица с взаимобратимыми именами и отчествами	1	Б I 11	10	Б II 18 А II 19	21 27	11 17	+16 +13	27 30
	2	Б I 12	11	А I 20	23	12	+14	26
	3	А II 13	21	Б II 51	54	33	— 3	30
	4	А I 10 Б I 24	13 23	Б II 17	20	7 —3	+ 3 +16	10 13
	5	Б I 52	51	А I 51	54	3	+14	17
	6	А I 25	28	Б II 55 А I 58	58 61	30 33	+ 3 —	33 33
	7	Б I 25	24	А I 30 Б I 50	33 49	9 25	+14 —	23 25
	8	Б I 30	29	Б II 33 Б I 47	36 46	7 17	+16 —	23 17
	9	Б I 13	12	Б II 29	32	20	+16	36
	10	А I 23 Б I 43	26 42	А II 48	56	30 14	— 1 +13	29 27
	11	Б II 20 А II 21	23 29	А II 34	42	19 13	— 3 —	16 13
	12	Б II 13	16	Б I 33	32	16	—16	0
	13	Б I 15	14	А II 20 Б I 40	23 39	9 25	+13 —	23 25
	14	Б II 9 Б I 39	12 38	Б II 46	49	37 11	— +16	37 27
Б.	15	Б I 13	12	Б II 31	34	22	+16	38
	16	Б I 13	12	Б II 32	35	23	+16	39
	17	Б I 13	12	Б II 35	38	26	+16	42
	18	Б I 13	12	А II 39	47	35	+13	48

(продолжение таблицы 3)

№№	Отец		Сын		Абсолютная раз- ница в годах между победами	Поправка на средний проме- жуток между различными воз- растными груп- пами	Разница после поправки	
	Место в каталоге	Год победы	Место в каталоге	Год победы				
Б. Лица, у которых имя одного является отчеством другого	19	АII 29 БI 56	37 55	АII 50	58	23 3	— +13	23 16
	20	АII 29 БI 56	37 55	АII 51	59	24 4	— +13	24 17
	21	АII 29 БI 56	37 55	БII 56	59	24 4	+ 3 +16	27 20
	22	AI 10 БI 24	13 23	AI 50	53	40 30	— +14	40 44
	23	AI 10 БI 24	13 23	АII 46	54	41 31	+ 3 +13	44 44
	24	БI 19	18	АII 22	30	12	+13	25
	25	БI 19	18	АII 28	36	18	+13	31
	26	БI 19	18	БI 38	37	19	—	19
	27	AI 29 АII 26 БI 48	32 34 47	AI 56	59	27 25 11	— + 1 +14	27 26 25
	28	AI 33	36	AI 47	50	14		14
	29	БI 32	31	БII 58 АII 58	61 61	29 29	+16 +13	45 42
	30	БI 4 БI 4	3 3	AI 34 АII 38	37 46	34 43	+14 +13	48 56
	31	БI 29	28	БII 50	53	25	+16	37
	32	AI 25	28	AI 51	54	26	—	26
	33	AI 25	28	AI 53 АII 49	56 57	28 29	— — 1	28 28
	34	AI 25	28	AI 55	58	30	—	30
	35	БII 13	16	АII 17	25	9	— 3	6
	36	БI 30	29	БII 33 БI 47	41 46	12 17	+16 —	28 17
	37	AI 9	12	AI 24 БI 46	27 45	15 33	— —14	15 19
	38	AI 9	12	БII 26	29	17	+ 3	20
	39	БI 10	9	БI 35	34	25	—	25
	40	БI 10	9	AI 44	47	38	+14	52
	41	БI 10	9	БII 53	56	47	+16	63
	42	БI 11	10 10	AI 18 АII 14	21 22	10 12	+14 +13	24 25
	43	БI 11	10	БII 20 АII 21	23 29	13 19	+16 +13	29 32
	44	AI 23 БI 43	26 42	AI 54	57	31 15	— +14	31 29
	45	БI 44	43	AI 52	55	12	+14	26

Примечание: Поправка на средний промежуток между различными возрастными группами берется на основании цифр, выведенных в табл. 2 (например, возраст лиц группы БI считается на 16 лет старше возраста лиц группы БII, на 13 лет старше возраста лиц группы АII и т. д.).

семи годам. Это в точности соответствует цифре, которую мы получим, если принять, что в группе мальчиков БII дети допускались к состязаниям с 12-летнего возраста, а максимальный возраст лиц, участвовавших в состязаниях юношей, равнялся 18—19 годам. Отсюда можно заключить, что в списке БII перечисляются победители в состязаниях мальчиков. Что же касается списков AI и AII, то в них следует видеть имена победителей в состязаниях эфэбов, так как максимальный промежуток между победами одного лица в этих группах равнялся трем годам, что соответствует разнице между возрастными в 16 и 19—20 лет. При этом вполне возможно, что эфэбы делились на две группы: младшую (AI) из 16—17-летних юношей, и старшую — из 18—19-летних.

Перейдем теперь к сравнению исторических данных, известных нам о празднике Гермеса в греческой метрополии, с материалом, который дает нам каталог.

Состязания в честь Гермеса (Ἡρμαῖα) были широко распространены по всему греческому миру. Они засвидетельствованы в Афинах, на Саламине, в Беотии, Пелопоннесе, Сиракузах, на Делосе, Самосе, в Теосе, Пергаме, Сесте, на Боспоре Фракийском, в Одессе¹³. Есть основания полагать, что они существовали также в Ольвии¹⁴ и Херсонесе¹⁵.

В Аргосе и Беотии этот праздник справлялся в месяц Ἐρμαῖος, приходившийся на конец зимы и начало весны¹⁶. В Ионии ему соответствовал месяц Ἐρμαῖων, место которого в году, к сожалению, не установлено¹⁷.

Характернейшей чертой Гермей являлось то, что этот праздник был праздником детей и юношей, покровителем которых считался Гермес Ἄρῳνιος¹⁸. В Афинах даже существовал закон, правда не применявшийся уже во времена Платона¹⁹, запрещавший взрослым принимать участие в Гермеях²⁰. Бег мальчиков с факелами, имевший, очевидно, ритуальное значение, был важнейшим состязанием праздника Гермеса. В Теосе и Одессе юноши на Гермеях увенчивали своих гимнасиархов²¹.

Состязания на Гермеях носили в разных местах различный характер.

В Афинах, на Делосе и на Боспоре Фракийском юноши состязались в беге с факелами, на Саламине к этому состязанию был добавлен бег на один стадий, в Теосе — стрельба из лука и метание копья, в Елевсине и Беотии известны только состязания колесниц.

Наиболее подробное и наиболее интересное для нас описание этих состязаний дается в надписи II в. до н. э. из Сеста²². В состязаниях участвовали, как и в Горгиипии, три возрастные группы: παῖδες, ἑφηβοὶ и νέοι (или ἀνδρες). Состязания состояли из различных видов бега (в числе которых имеется μακρὸς δρόμος — аналогия δόλιχος на горгииппийских Гермеях) и различных соревнований военного характера (стрельба из лука, метание копья, гопломахия, тактические маневры и др.). В числе этих состязаний значится также εὐταξία καὶ φιλοπονία καὶ εὐεξία, что особенно для нас важно, так как последнее слово стоит в заголовке над столбцом AI в нашем каталоге. Каждое из этих слов имеет много значений и само по себе не может объяснить конкретный характер состязания.

¹³ DAGR, т. III, стр. 134.

¹⁴ IOSPE, I², № 186.

¹⁵ В. В. Л а т ы ш е в. Новый гимн в честь Гермеса. П ο υ τ χ ἰ ἄ, стр. 311—313; IOSPE, I², № 436.

¹⁶ RE, т. VIII, стб. 710—711.

¹⁷ Там же, стб. 710.

¹⁸ В качестве покровителя гимнасиев, спортивных состязаний и молодежи Гермес очень часто сближался с Гераклом. Совместный культ Гермеса и Геракла известен в целом ряде мест, в том числе в Сесте и Теосе (метрополии Фанагории).

¹⁹ P l a t o. Lysis, 206 D.

²⁰ A e s c h i n. Contra Timarch., § 10, 12.

²¹ CIG, II, № 3087; Т. В. Б л а в а т с к а я. Западнопонтийские города в VII—I вв. до н. э. М., 1952, стр. 249, № 15.

²² C. C u r t i u s. Inschrift aus Sestos. Hermes, VII, 1873, стр. 114—139.

Диттенбергер сопоставлял состязания в $\epsilon\upsilon\epsilon\zeta\iota\alpha$ с афинским состязанием $\epsilon\upsilon\alpha\nu\delta\rho\iota\alpha$ ²³, о которых до нас дошло больше сведений²⁴. $\epsilon\upsilon\alpha\nu\delta\rho\iota\alpha$ связывалась древними авторами с телесной силой, ростом и иногда с красотой²⁵. Под этим названием объединялось, видимо, два совершенно различных состязания²⁶. Интересующее нас состязание на Панафинеях и еще в большей степени на Тезеях, где оно было связано с состязаниями в $\epsilon\upsilon\tau\alpha\zeta\iota\alpha$ и $\epsilon\upsilon\sigma\pi\lambda\iota\alpha$, носило явно военный характер. Это же со значительной уверенностью можно сказать и об $\epsilon\upsilon\epsilon\zeta\iota\alpha$ как виде состязаний. Действительно, в перечне состязаний $\epsilon\upsilon\epsilon\zeta\iota\alpha$ встречается всегда среди упражнений чисто военного характера²⁷ (см. табл. 4).

Таблица 4

Виды состязаний, вместе с которыми встречается эуексия в разных местностях

Виды состязаний	Самос (II в. до н. э.)		Траллы (IV—III вв. до н. э.)	Траллы (II—I вв. до н. э.)	Сест (II в. до н. э.)	Горгип- пия (IV—III вв. до н. э.)
	взрослые	юноши				
Бег	—	—	+	+	—	—
Бег на стадий	+	+	—	—	+	—
Двойной бег (два стадия)	+	+	—	—	—	—
Длинный бег	—	+	—	—	—	+
Большой бег	—	—	—	—	+	—
Эуексия	+	+	+	+	+	+
Эутаксия	+	+	—	—	+	—
Филопония*	+	+	—	—	+	—
Метание копья	—	+	+	+	+	—
Стрельба из лука	—	+	+	+	+	—
Стрельба из катапульты	—	+	—	—	—	—
Метание камней	+	+	—	—	—	—
Борьба в доспехах	—	+	—	—	+	—
Борьба со щитом	—	+	—	—	—	—
Диадrome**	—	—	—	—	+	—

* Филопония — «трудолюбие», сущность состязания неизвестна. ** Состязание, возможно, связанное с тактическими перестроениями.

Хотя нам известно крайне мало подробностей о конкретном характере этих состязаний, можно, по крайней мере для Афин, полагать, что три термина, поставленные в один ряд — $\epsilon\upsilon\sigma\pi\lambda\iota\alpha$, $\epsilon\upsilon\tau\alpha\zeta\iota\alpha$, $\epsilon\upsilon\alpha\nu\delta\rho\iota\alpha$ (= $\epsilon\upsilon\epsilon\zeta\iota\alpha$), здесь характеризуют три стороны понятия военной готовности у греков: 1) хорошее состояние оружия, «материальной части», 2) способность выполнять военные маневры, хорошая военная организация, 3) личная военно-физкультурная подготовка воинов, ловкость и умение.

Эти три состязания в Афинах проводились между отрядами, которые на Тезеях делились на три группы: пехотинцев, кавалеристов и иностранцев. Первоначально, возможно, иностранцы не допускались на эти состязания (этот запрет сохранился в панафинейской $\epsilon\upsilon\alpha\nu\delta\rho\iota\alpha$). Главную роль здесь явно играло состязание между конными и пешими отрядами афинских граждан (каждая фила выставляла по отряду), заключавшееся в коллективном исполнении каких-то военных упражнений или маневров. Индивидуальное мастерство и ловкость участников также принимались во внимание. В связи с тем, что, наряду с засвидетельствованной надписями наградой за

²³ SIG³, № 1060, примеч. 2.

²⁴ DAGR, т. II, стр. 758, т. IV, стр. 311.

²⁵ Xenoph. Mem. III, 3, 12; Athen., XIII, 565.

²⁶ DAGR, т. IV, стр. 311; Gardiner. Ук. соч., стр. 247.

²⁷ SIG³, № 1060—1062. Наряду с $\epsilon\upsilon\epsilon\zeta\iota\alpha$, помимо военных состязаний, встречаются только различные виды бега, в том числе $\delta\omicron\lambda\iota\chi\omicron\varsigma$ (ср. Горгиппийский каталог). К сожалению, название праздника, на котором происходили эти состязания, известно лишь в Сесте и Горгиппии.

εὐανδρία (бык), которую получал победивший отряд, имеется свидетельство Аристотеля, что победителя награждали щитом²⁸, было высказано предположение, что во втором случае речь идет об индивидуальных наградах победителям²⁹. Как раз аналогичный приз ἔπλα ἐπίσημα, так сказать «именное оружие», вручался победителям в εὐεξία в Сесте, где награждение за εὐεξία отдельных лиц совершенно очевидно³⁰. Сопоставление состязаний на Тезеях в Афинах с состязаниями на Гермеях в Сесте и Горгиппии тем более правомерно, что в Афинах, где различные праздники и состязания были особенно сильно дифференцированы, Гермеи были, видимо, преимущественно детским праздником³¹. В том значении проверки военно-физкультурной подготовки эфэбов, которое сохранились у Гермей в Малой Азии и в Сесте, эти состязания перешли к Тезеям, главному празднику афинских эфэбов.

Состязание в εὐεξία в Горгиппии (как и в εὐανδρία в Афинах), где организация этого состязания являлась предметом литургии, по-видимому, было связано со значительными материальными затратами. Из 19 случаев, в которых мы можем предполагать победу отца и сына в одном и том же виде состязания, 9 падает на εὐεξία. Создается впечатление, что почти 1/3 побед в εὐεξία за 60 лет одержана представителями шести-семи семей. Были ли это индивидуальные победители, командиры отрядов или лица, несшие литургию по проведению состязания, как в Афинах, сказать на основе одного каталога нельзя.

Состязания на Гермеях в Горгиппии для эфэбов состояли из двух частей — чисто атлетического состязания — длинного бега, и специально военного — и имели целью, как и в других городах, проверить военно-физкультурную подготовку будущих граждан, их способность защищать с оружием в руках внешнюю и внутреннюю целостность рабовладельческого государства.

В чем состояли состязания для взрослых и для мальчиков в Горгиппии — неизвестно. Из табл. 2 видно, что победители в состязании мальчиков (BII) чаще побеждали впоследствии в длинном беге (10 случаев), чем в εὐεξία (1 случай), а победители в состязании для взрослых (BI), наоборот, чаще побеждали в εὐεξία (9 случаев), чем в длинном беге (5 случаев), и что средний возраст победителей в состязании B был примерно равен 30 годам. Но делать из этого какие-либо определенные выводы о характере этих состязаний трудно. В отношении состязания для мальчиков позволим себе все же высказать одну гипотезу, при которой сближение его с состязанием в беге было бы вполне уместно. В заголовке над столбцом BII сохранилась лишь буква «Е» и вертикальная черта следующей буквы (возможно, N). Буква «Е» по аналогии с заголовком AII могла бы быть началом слова ἐνίκησαν. Поскольку же, по всем свидетельствам, бег мальчиков с факелами (λαμπάδηδρομία, λαμπάδης³² был непреходящим атрибутом праздника Гермеса. то восстановление утраченного заголовка τῆι λαμπάδι ἐνίκησαν, по количеству букв вполне подходящее, представляется довольно вероятным.

* * *

Переходя к этническому составу участников состязаний, мы видим, что подавляющее большинство победителей носило чисто греческие имена (ионийского характера)³³.

Поскольку периплы Анонима и Псевдо-Скимна единогласно показывают, что «синдская Гавань населена эллинами, пришедшими из соседних местностей»³⁴, можно предположить, что это в основной массе были выходцы из Фанагории и других городов Азиатского Боспора. На это указы-

²⁸ Aristot. Athen. Polit., 60, 3.

²⁹ DAGR, т. II, стр. 758.

³⁰ См. С. Curtius. Ук. соч., стр. 130.

³¹ Aeschin. Cont. Timarch., § 12.

³² Всего известно до 10 разных названий этого состязания. См. DAGR, т. III, стр. 909.

³³ В. В. Латышев. Ук. соч., стр. 255.

³⁴ Анон. Peri pl., 74; Ps. - Scyth., 886.

вает и сам факт существования в Горгиппии Гермей — праздника, засвидетельствованного в Теосе, метрополии Фанагории.

Процент имен негреческого происхождения в каталоге очень незначителен. В. В. Латышев признает явно не греческими только пять-шесть имен из 170. Однако выводиться из одного этого факта, что в столице Синдики, основанной самими синдами³⁵, свободное местное население составляло незначительное меньшинство, преждевременно.

Сильная эллинизация синдов уже в раннее время — факт, твердо установленный археологическими раскопками, нумизматическим материалом и свидетельствами древних авторов. Еще в конце V в. до н. э. синдский царь носил чисто греческое имя — Гекатей. За 150 лет после Гекатея этот процесс усвоения греческой культуры и греческих имен должен был еще более углубиться, и в том, что большая часть местной знати носила греческие имена, не может быть ничего удивительного. Путем генеалогических сопоставлений можно было бы выделить в списке целый ряд семей местного и смешанного происхождения, но определить на основе только одного этого списка, какую долю свободного населения Горгиппии составляло это местное население, конечно, невозможно.

Третья этническая группа, которую можно выделить в каталоге, это имена дорийского характера.

В. В. Латышев в своей работе выделяет восемь имен, которые стоят в дорийской форме³⁶, оставляя открытыми вопрос, как попали эти доряне в Горгиппию. Решение этого вопроса, как нам представляется, связано с вопросом о пребывании каллатийцев на Боспоре.

Из надписей нам известны имена примерно 50 каллатийцев (в том числе 31 в списке фиасотов — строителей храма, синхронном Горгиппийскому каталогу)³⁷. У 23 из них имеются имена или отчества, повторяющиеся в Горгиппийском каталоге, причем в подавляющем большинстве случаев это имена крайне редкие на Боспоре (см. табл. 5). При этом характерно, что даже такое, казалось бы, чисто боспорское имя, как Скиф, в Горгиппийском каталоге, как и в Каллатии, пишется в дорийской форме Σκίθας (во всех шести случаях), в то время как в остальных боспорских надписях оно стоит в ионийской форме Σκίθης. К этим 23 можно добавить еще два-три десятка имен, также очень редких или вовсе не встречающихся на Боспоре, но засвидетельствованных в целом ряде дорийских полисов (см. табл. 6). Среди этих городов на первом месте стоят Гераклея, метрополия Каллатии, и Херсонес, так же как и Каллатия, являвшийся гераклеийской колонией. Весьма показательным также наличие в Горгиппийском каталоге крайне редкого имени Θεώνιος. Этим именем Б. Н. Граков пользовался, наряду с другими доводами, как доказательством принадлежности энглифических клейм Гераклее (помимо клейм, оно встречается также в надписях гераклеийской метрополии Мегары)³⁸. В надписях Мегары повторяется также ряд других имен каталога, редких на Боспоре. То же можно сказать и о таких городах, как Византий, Калхедон, Месембрия, связанных с Каллатией общностью происхождения.

На табл. 6 собраны лица, носившие имена или отчества этой группы, и дается попытка предположительно восстановить их родственные отношения. Общее число этих лиц достигает 38, что составляет 20% от общего числа победителей (около 190). Конечно, эта цифра очень условна. Появление этой группы имен в Горгиппийском каталоге объясняется, как нам кажется, замечкой Диодора о том, что во время осады Каллатии Лисимахом тысяча каллатийцев переселились на Боспор по приглашению Евмела (около 309 г. до н. э.). Евмел дал им «город для поселения, а кроме того, разделил на уча-

³⁵ P o t r. M e l a. De Chronogr., I, 110.

³⁶ В. В. Л а т ы ш е в. Ук. соч., стр. 256.

³⁷ Т. В. Б л а в а т с к а я. Ук. соч., Приложение, стр. 253, № 23.

³⁸ Б. Н. Г р а к о в. Энглифические клейма на горлах некоторых эллинистических остроногих амфор. Тр. ГИМ., т. I, 1926, стр. 165—200.

Имена, которые могли бы принадлежать каллатийцам в Горгилийском каталоге

№ п/п	Имена	Горгилийский каталог	Остальные боспорские надписи		Каллатия		Херсонес	Гераклея	Прочие дорийские области
			IV—I вв. до н. э.	I—IV вв. н. э.	IV—I вв. до н. э.	I—IV вв. н. э.			
1	'Αυτοσίλας *	ΑΠ 7; ΒΙ 35, 54	—	—	—	—	—	В форме 'Αυτοσίλας—Граков, стр. 189	Спарта, Родос
2	'Αἴγης	ΑΙ 34; ΑΠ 16	—	—	—	—	—	—	Спарта, Аргос, Родос
3	'Αθανίων *	ΑΙ 42; ΒΙ 58	—	—	Блаватская, № 24, 3 в форме 'Αθανασίων	—	—	Граков, стр. 181	Месембрия, Калхедон
4	'Ανδροθένης	ΒΙ 10	—	—	Блаватская, № 30, 3	—	—	—	Эгина, Книд, Галикарнасс
5	'Απολλᾶς	ΒΙ 6	IOSPE, IV № 205; ИАК, 54, стр. 67	—	—	—	IOSPE, I ² , № 455, 582	Граков, стр. 183, 186 (15 экз., клейм)	Кирена
6	'Απελλιτιών	ΑΙ 11; ΒΙ 16	—	—	—	—	—	—	—
7	'Αριστοκλής	ΑΙ 10, 50; ΑΠ 46, ΒΙ 24; ΒΠ 17	—	ИАК, 10, стр. 69, № 73	Блаватская, № 23, II, 37	—	—	Граков, стр. 183, 186 (15 экз. клейм)	Спарта, Тегея, Родос, Книд, Сицион, Мессена, Крит, Тарент
8	'Αρίστων	ΒΠ 23	Встречается часто	—	Блаватская, № 27, 4	—	Придик, стр. 103, № 854	Граков, стр. 183, (4 экз. клейм), стр. 186 (21 экз.)	Спарта, Коринф, Родос, Мегалополь, Византий, Книд
9	Βάβας *	ΑΙ 11	—	—	—	—	—	—	—
10	Βάττας *	ΒΠ 16	IOSPE, II, № 139	—	—	—	—	—	—
11	Γλαύκος	ΒΙ 17	—	IOSPE, IV, № 316, 340	IG, XI, 4, 1238	—	—	—	—

Таблица 5 (продолжение)

№ инв.	Имена	Горгилийский каталог	Остальные боспорские надписи		Каллатия		Херсонес	Гераклея	Прочие дорийские области
			I—VI вв. н. э.		I—IV вв. до н. э.	I—IV вв. н. э.			
			IV—I вв. до н. э.	I—VI вв. н. э.	I—IV вв. до н. э.	I—IV вв. н. э.			
12	Γοργίας	Встречается 13 раз	Встречается часто	ИАК, 58, стр. 23, № 8	—	—	—	Спарта, Сицилия	
13	Δελφίνος	БII 7	—	—	—	—	—	—	
14	Δηροδῶν	БI 14	—	—	—	—	—	—	
15	Δημοφῶν	БI 17	—	ИАК, 10, стр. 35, № 27	—	—	В форме Δημοφῶν Граков, стр. 187, (7 экз.) Rare-Benseler	—	
16	Διοκλῆς	AI 46; AII 42	—	—	—	—	—	Спарта, Эпидавр, Сицилия, Кос, Левкада, Книд	
17	Δίων	AI 4; БI 33; БII 13	—	Блаватская, № 23, II, 37	—	—	—	—	
18	Ἑλληνίδης *	AII 32; БI 4; БII 36	—	—	—	—	—	—	
19	Ἐύφρων	AI 44; БI 10, 35; БII 53	—	—	—	—	—	Сикион, Книд, Крит, Киренаика	
20	Ἡρατος	БII 22	—	—	—	—	—	—	
21	Ἡρακλείτος	AII 45; БII 49	—	Блаватская, № 30, 6	—	—	Граков, стр. 188 (в форме Ἡρατῶν) Граков, стр. 188	Аргос, Галикарнас, Сикион, Родос, Мегара, Родос	
22	Ἡροεῖταιων	AII 17; БI 33; БII 13	—	—	—	—	—	—	
23	Θεώνυχος	БII 6	—	—	—	—	—	—	
24	Θόσας	AI 37; БI 55, 59; БII 42	—	—	—	—	—	—	

Таблица 5 (продолжение)

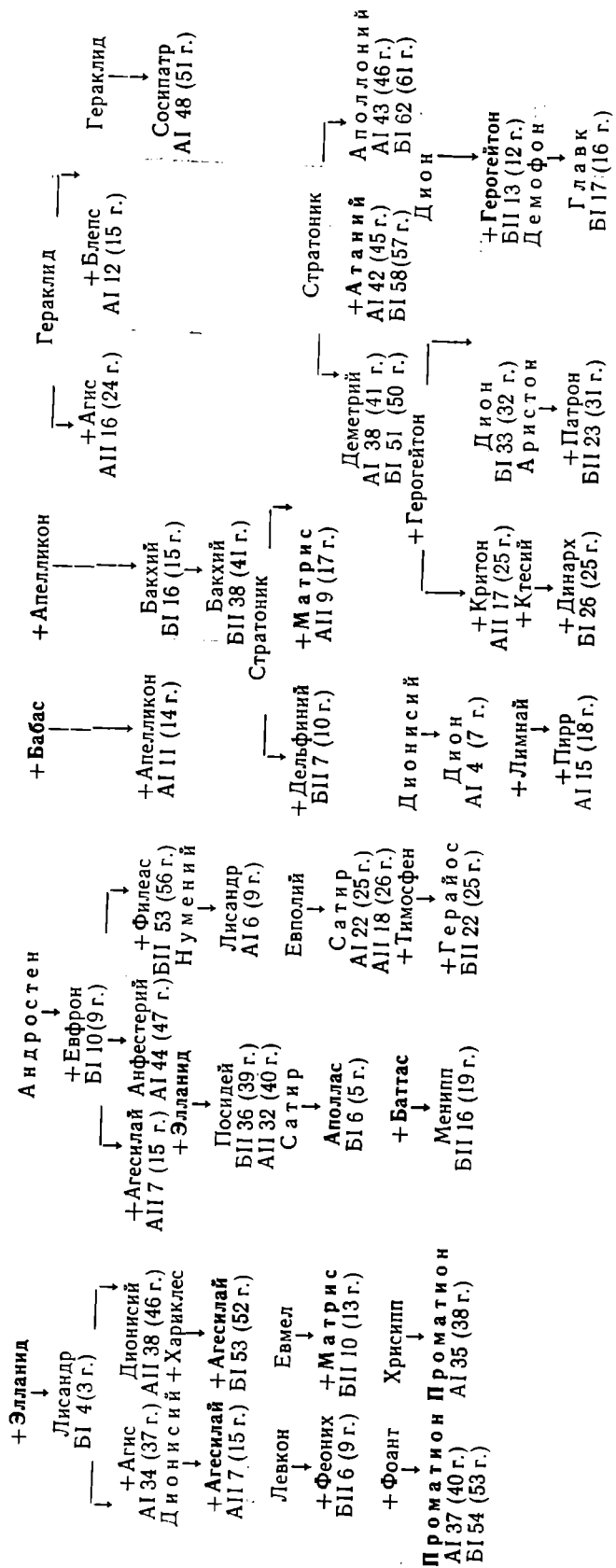
№ п/п	Имена	Горгиппийский каталог	Остальные боспорские надписи		Каллатия		Херсонес	Гераклея	Прочие дорийские области
			IV—I вв. до н. э.	I—IV вв. н. э.	IV—I вв. до н. э.	I—IV вв. н. э.			
25	Ἰασίμαχος	БII 44	—	—	—	—	—	Граков, стр. 188	—
26	Κλέανδρος	АII 44	—	—	—	—	—	Граков, стр. 184	Спарта, Сикион, Гела, Мантинейя, Эгина, Сиракузы, Коркира
27	Κοσιτίων	AI 29; AII 26, 30; BI 48	—	—	—	—	Придик, стр. 103, № 854	—	—
28	Κρατίσιος	AI 29, 56; AII 26, 30; BI 48; BI 31, 42, 45	—	—	—	—	Граков, стр. 189 (3 экз.)	—	Спарта, Мегара, Тарент, Крит, Галикарнас
29	Κρίθων	AII 17	—	—	—	—	—	—	—
30	Κτησίας	BI 26	—	—	—	—	IOSPE, I ² , № 418, 480	—	—
31	Λύσανδρος	AI 6, 34; BI 4; AII 38	—	—	—	—	IOSPE, I ² , № 507	—	—
32	Μῆτρις*	БII 10; AII 9	—	—	—	—	—	—	Спарта, Сикион, Родос
33	Μένιππος	БII 16	—	—	—	—	—	—	—
34	Μουχίων	БII 47, 54	—	—	—	—	—	—	—
35	Νοορήμιος	AI 6, 49, 57	—	—	—	—	—	—	—
36	Πάτρων	БII 23	—	—	—	—	—	—	—
			IOSPE, IV, № 205; IOSPE, II, № 1811	ИАК, 3, стр. 42, № 36; ИАК, 10, стр. 41, № 6	Dacia, II, стр. 123, № 4	Dacia, I, стр. 145, № 4	IOSPE, I ² , № 402	Rare-Benselet, стр. 872; Граков, стр. 184, 189	Книд, Родос
			IOSPE, IV, № 205; IOSPE, II, № 1811	IOSPE, II, № 113	—	—	—	Граков, стр. 189, (1 экз.) SOI ² , 545 ₁₀	Галикарнас
			Встречается часто	—	Блаватская, № 27, 3	—	—	Rare-Benselet, стр. 1017	Книд, Коринф, Сицилия, Родос
			—	—	—	—	IOSPE, I ² , № 359	—	—

Таблица 5 (продолжение)

№ п/п	Имена	Горгийский каталог	Остальные боспорские надписи		Каллатия		Херсонес	Гераклея	Прочие дорийские области
			IV—I вв. до н. э.	I—IV вв. н. э.	IV—I вв. до н. э.	I—IV вв. н. э.			
37	Προμαθηών *	AI 35, 37; BI 55	IOSPE, IV, № 205	—	Блаватская, № 23, I 29, 23 II 32	—	IOSPE, I ² , № 403 В, 463, 513	—	Халкелон, Ме- сембрия
38	Πύρρος	AI 15	—	—	—	—	IOSPE, I ² , № 701	IOSPE, II, 208, Граков, стр. 190	Мессения, Крит
39	Σάτυρος	AI 22; AII 18; BI 6	IOSPE, IV, № 205; IOSPE, II, № 370	—	Блаватская, № 23, I 22, 23; II 25	Dacia, II, стр., 121, № 2	IOSPE, I ² , № 357, 366, 681	Граков, стр. 185 (4 экз.)	Мегаара
40	Σχοθας *	AI 8, 10; AII 13, 2 BI 24; BII 17, 51 BI 14	IOSPE, II, № 343 (в ионич. форме Σχούγς)	—	Блаватская, № 23, II 38	—	IOSPE, I ² , № 403, 581, 493	Граков, стр. 185 (7 экз.)	Спарта
41	Σίμων		—	—	Блаватская, № 23, II 29 41 (в форме Σίμος)	—	—	—	—

Примечания: * — обозначает имена, стоящие в дорийской форме.
 Блаватская — Т. В. Блаватская, «Западнопонтийские города в VII—I вв. до н. э. М., 1952. Приложение «Надписи из западнопонтийских городов», стр. 253—258.
 Граков — Б. Н. Граков, «Эпиграфические клейма на горлах некоторых эллинистических остроносовых амфор. Тр. ГИМ, т. I, 1926, стр. 165—200.
 Придик — Е. М. Придик, «Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах Эрмитажного собрания. Т. II, 1947.
 Dacia — Th. Saucius-Săuveau, Kallatis «Dacia», I, 1924; II, 1925.
 Pape-Benseler — Pape-Benseler, Wörterbuch der griechischen Eigenamen. Braunschweig, 1911.

Победители в горгилийском каталоге, которых можно считать каллатийцами

Примечание: Жирным шрифтом выделены имена в дорийской форме; разрядкой — имена, встречающиеся в Каллатии; знаком + отмечены имена, не встречающиеся больше на Боспоре; цифры в скобках — года победы на состязаниях.

стки так называемую Псою и область»³⁹. Нам представляется наиболее вероятным, исходя из вышесказанного, что городом, данным каллатийцам для поселения, являлась Горгиппия. Действительно, 20% от всего числа победителей — цифра очень большая и вполне может соответствовать 1000 жителям города.

С другой стороны, Евмел пригласил к себе каллатийцев, конечно, не из гуманных побуждений, а потому, что нуждался в людях и прежде всего в воинах для своих широких завоевательных планов⁴⁰. Нужда же в людях (воинах и ремесленниках) должна была быть особенно острой не на густо заселенном Фанагорийском острове, а именно в Синдской Гавани, недавно преобразованной в греческий полис из синдского поселения Горгиппии.

Для Евмела, создававшего большой флот и ведшего энергичную борьбу с пиратствующими племенами, жившими к югу от Горгиппии⁴¹, этот порт и город должны были иметь важное стратегическое значение. В то же время исключительное плодородие почвы и сравнительно меньшая заселенность позволяли поместить здесь значительное число переселенцев.

Со значительным притоком населения в Горгиппию при Евмеле, по-видимому, было связано и само учреждение рассматриваемых нами состязаний. Уже исходя из датировки шрифта надписи Латышевым (первая половина III в.) и продолжительности состязаний (61 год), становится ясно, что начало их не заходит далеко в IV в. Поскольку переселение каллатийцев произошло между 309—307 гг.⁴², а первое чисто дорийское имя Лисандр Элландидов появляется в каталоге уже на 3-й год состязаний, состязания начались едва ли раньше 311—309 гг. до н. э. В то же время начиная с 26-го года соревнований число каллатийцев в списках резко падает (первые 26 лет — 23 победителя, следующие 45 — только 15).

Это подтверждает гипотезу Т. В. Блаватской, что значительная часть каллатийцев вернулась на родину после восстановления независимости Каллатии в 281 г.⁴³. Поэтому наиболее вероятной датой учреждения соревнований в честь Гермеса в Горгиппии нам представляется промежуток 309—304 гг. до н. э.

Первоначально это были состязания для взрослых, но уже через четыре года к ним были добавлены состязания юношей и детей, после чего Гермен приняли свой обычный, характерный для греческих и, в особенности, малоазиатских городов вид.

³⁹ D i o d., XX, 25. В. В. Латышев предлагает вместо Псои читать Фианнея (см. В. В. Л а т ы ш е в. Ук. соч., стр. 171). Не берясь судить о сравнительной достоверности обоих прочтений, заметим лишь, что название ψα, по-видимому, имеет общий корень с именем граничившего с синдами меотского племени псессов и вполне может быть географическим названием на меотском языке. В языке черкесов, возможных потомков меотов, этот корень означает воду.

⁴⁰ D i o d. XX, 25.

⁴¹ Там же.

⁴² Т. В. Б л а в а т с к а я. Ук. соч., стр. 101.

⁴³ Там же, стр. 100.

Х. А. АЛПЫСБАЕВ

ОТКРЫТИЕ ПАМЯТНИКОВ ДРЕВНЕГО И ПОЗДНЕГО ПАЛЕОЛИТА В ЮЖНОМ КАЗАХСТАНЕ

До последнего времени памятники древнего палеолита на всей огромной территории Казахстана вовсе не были известны, памятники же позднего палеолита были известны в небольшом количестве; в частности, они совершенно отсутствовали в Южном Казахстане. И это несмотря на то, что археологическое изучение южной части Казахстана ведется с конца прошлого столетия.

Чтобы заполнить столь существенный пробел, по инициативе Президиума Академии наук Казахской ССР и дирекции Института истории археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР в 1957 и 1958 гг. был организован специальный экспедиционный отряд по изучению памятников каменного века¹. В течение двух полевых сезонов отряд работал в горных и предгорных районах хребта Каратау, расположенных на территории Южно-Казахстанской и Джамбульской областей Казахской ССР и открыл здесь ряд древнепалеолитических (шелльско-ашельских), мустьерских и позднепалеолитических памятников.

Для освещения палеолитических остатков, найденных в различных районах хребта Каратау, необходимо сказать несколько слов о геологии этой территории. Наиболее полное представление об интересующих нас отложениях хребта Каратау можно получить по работам В. В. Галицкого².

С эпохи олигоцена Каратау стало сушей. В антропогене произошло резкое поднятие как водораздельной части хребта, так и всего описываемого района. В пределах хребта нет никаких признаков оледенения. Отсутствие последних, равно как и палеоботанические данные, позволяют считать, что в начале антропогена во внеледниковых районах Казахстана, в частности в области хребта Каратау, господствовал относительно влажный, теплый климат, способствовавший развитию многочисленной фауны и пышной влаголюбивой растительности³. Таким образом, здесь склады-

¹ Отряд работал под руководством автора и при участии группы студентов геолого-географического факультета Казахского гос. университета. Работы отряда проходили в тесном содружестве с работниками поисково-съёмочного Мало-Каратауского отряда и других геологических экспедиций Министерства геологии и охраны недр Казахской ССР. Автор глубоко благодарен проф. Г. Ц. Медоеву, Н. В. Седову, Г. А. Ярмаку, Ю. А. Олехину и другим исследователям хребта Каратау, помогавшим в поисках палеолита в этом районе.

² В. В. Галицкий. Геоморфология и четвертичные движения Каратау. Известия АН СССР, серия географическая и геофизическая, 1943, № 2, стр. 89—109; его же. К изучению четвертичных отложений и геоморфологии хр. Каратау. Известия Всесоюзного Географического Общества, т. 65, вып. 6, 1933, стр. 544—563.

³ Е. П. Коровин. Очерки по истории развития растительности Средней Азии. Бюллетень Средне-Азиатского гос. университета, № 20 (4), 1935.

вались условия, благоприятствующие существованию палеолитических людей.

Следует отметить, что еще в 1953 г. Южно-Казахстанская геологическая экспедиция, работавшая под руководством Г. И. Раскатова, собрала близ родника Одаманбулака несколько каменных орудий и ютщепов, к сожалению, не получивших должной оценки со стороны археологов. В 1956 г. геологи Н. В. Седов и Г. А. Ярмак⁴, вблизи родника Айдарлы и оз. Куйгенкуль, на северо-восточном склоне хребта Малый Каратау также обнаружили около 30 кремневых изделий.

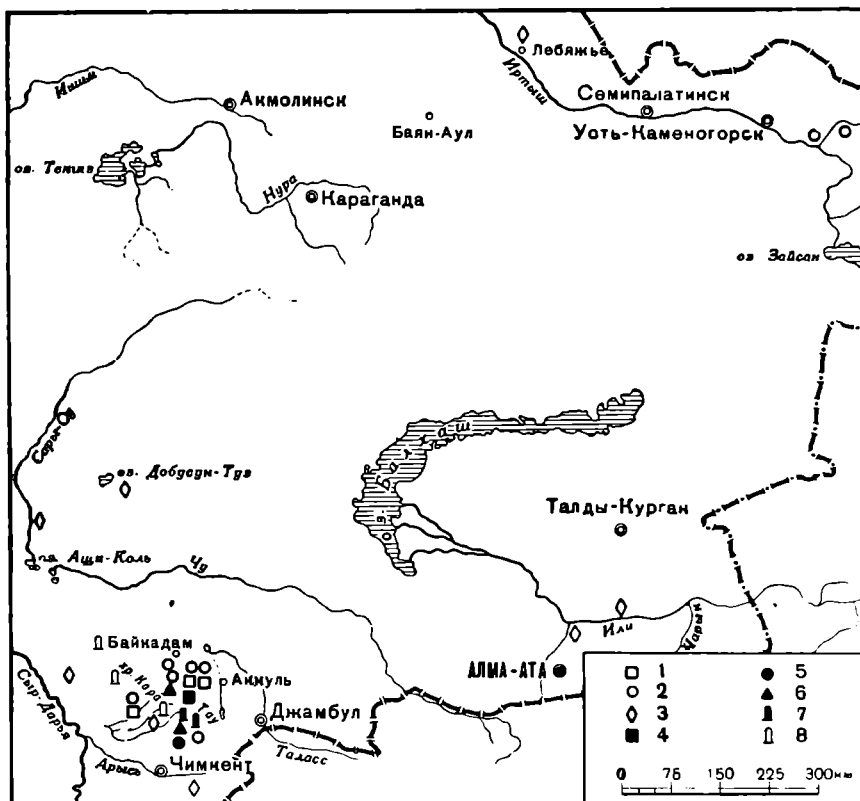

Рис. 1. Карта распространения памятников каменного века в Казахстане

1—стоянка нижнего палеолита; 2—стоянка позднего палеолита; 3—отдельные находки палеолита; 4—каменоломни эпохи палеолита; 5—стоянки неолита; 6—отдельные находки неолита; 7—обследованные пещеры; 8—необследованные пещеры

Рекогносцировочные работы нашего отряда были начаты с долины р. Коктала, в районе хребта Малого Каратау, а затем были продолжены на юго-западных склонах Каратау (бассейн рек Чаян, Арыстанда, Бесарык, Караунгир). Уже в 1957 г. был открыт ряд древнепалеолитических местонахождений типа Токалы I—II—III⁵ с характерными ашельскими и мустьерскими орудиями. Работы же 1958 г. впервые в Казахстане выявили по хребту Малый Каратау типичные шельско-ашельские местонахождения с многочисленными орудиями, характерными для ранней поры палеолита; были обнаружены также мустьерские и позднепалеолитические памятники. Из пунктов, обнаруженных в 1958 г., особый интерес представляют шельско-ашельские стоянки Борыказган и Танирказган, расположенные на южном склоне горы Кемер, в 8 км к юго-востоку от

⁴ Г. А. Ярмак. Первые находки палеолитических орудий в Южном Казахстане. Вестник Академии наук КазССР, № 7, 1957, стр. 104—108.

⁵ Х. Алпысбаев. Нижнепалеолитические местонахождения в Малом Каратау. Вестник Академии наук Казахской ССР, 1959, вып. 2, стр. 64—70.

колхоза имени Ленина, Таласского района, Джамбульской области (рис. 1). Стоянки находятся в 3—5 км к востоку от р. Коктала и в 1,5—2 км от высыхающего соленого озера Танирказган. Весьма вероятно, что уровень воды реки и озера в начале антропогена был более высоким, чем теперь. Защищенность этих стоянок с севера и юга мелкими сопками от сухого бетлак-далинского ветра, близость речных и озерных источников воды, наличие поблизости выходов кремня и, вероятно, обильной раннеантропогеновой растительности, сохранившейся здесь до сего времени — все это создавало особо благоприятные условия для жизни первобытных охотников.

Всего в 1957—1958 гг. в районе хребта Каратау нами было обнаружено около 20 стоянок и местонахождений. Разнообразные и многочисленные материалы получены с восточного, или Малого Каратау, в частности из местностей Токалы, Дауренбек, Узунбулак, а также из уже упоминавшихся Танирказган и Борыказган; все они находятся к северу и северо-востоку от Малого Каратау, вблизи р. Коктала. По обоим берегам этой реки имеются многочисленные мелкие сопки и останцы, соединяющиеся с плоскогорьем, а у подножья последнего налицо отдельные дефляционные котловины — такыры. Поверхность всех маломощных четвертичных отложений с древности подвергается интенсивной денудации, продолжающейся до настоящего времени. Это обстоятельство способствовало и способствует тому, что палеолитические кремневые орудия и отщепы, не будучи перемещенными с места своего первоначального залегания, оказываются на поверхности плато и сопки. Значительное количество кремневых изделий и заготовок было собрано также на прилегающих дефляционных такырах. Местами здесь встречались и округлые большие глыбы черного и изредка серого кремня со следами больших широких сколов.

Обследования в районе стоянок Борыказган, Танирказган и Токалы дали многочисленный и притом разновозрастный кремневый материал. Мы производили сплошной, поквadratный сбор всего обработанного кремня с поверхности мелких сопки⁶. Большей частью распространение обработанного кремня четко ограничено, строго локализовано. За пределами «пятна» культурных остатков обработанные кремни встречаются единичными экземплярами или же вовсе отсутствуют.

Основным сырьем для изготовления древнепалеолитических орудий в Малом Каратау служил тонкозернистый, твердый, серовато-черный кремь нижнекарбонического возраста, тогда как в более позднее время нередко использовался кварцит и прозрачный, красный и розовый халцедон. Выходы этого кремня расположены значительно южнее и западнее самих стоянок. В то время как поверхность шельско-ашельских и мустьерских орудий и отщепов сильно патинизирована и подверглась значительному физическому и химическому воздействию, каменные орудия позднего палеолита резко отличаются отсутствием патины или наличием очень слабой патины, а также малой выветренностью.

На поверхности сопки и других возвышенностей вне такыров в Малом Каратау, на площади радиусом 5—10 км, зарегистрировано более 12 палеолитических стоянок и местонахождений; отсюда происходит свыше пяти тысяч кремней, носящих следы обработки рукой человека. В то время как на поверхности возвышенных местностей сосредоточен однообразный, древнепалеолитический материал, на прилегающих нижних участках — такырах встречаются как древнепалеолитические, так и позднепалеолитические орудия, свидетельствующие о непрерывном обитании здесь людей на протяжении всего антропогена.

Среди древнепалеолитических кремневых изделий, собранных в Борыказгане, Танирказгане и Токалы I—II—III, можно выделить четыре груп-

⁶ Здесь отсутствуют псевдоорудия (эолиты) и кремни, не обработанные человеком.

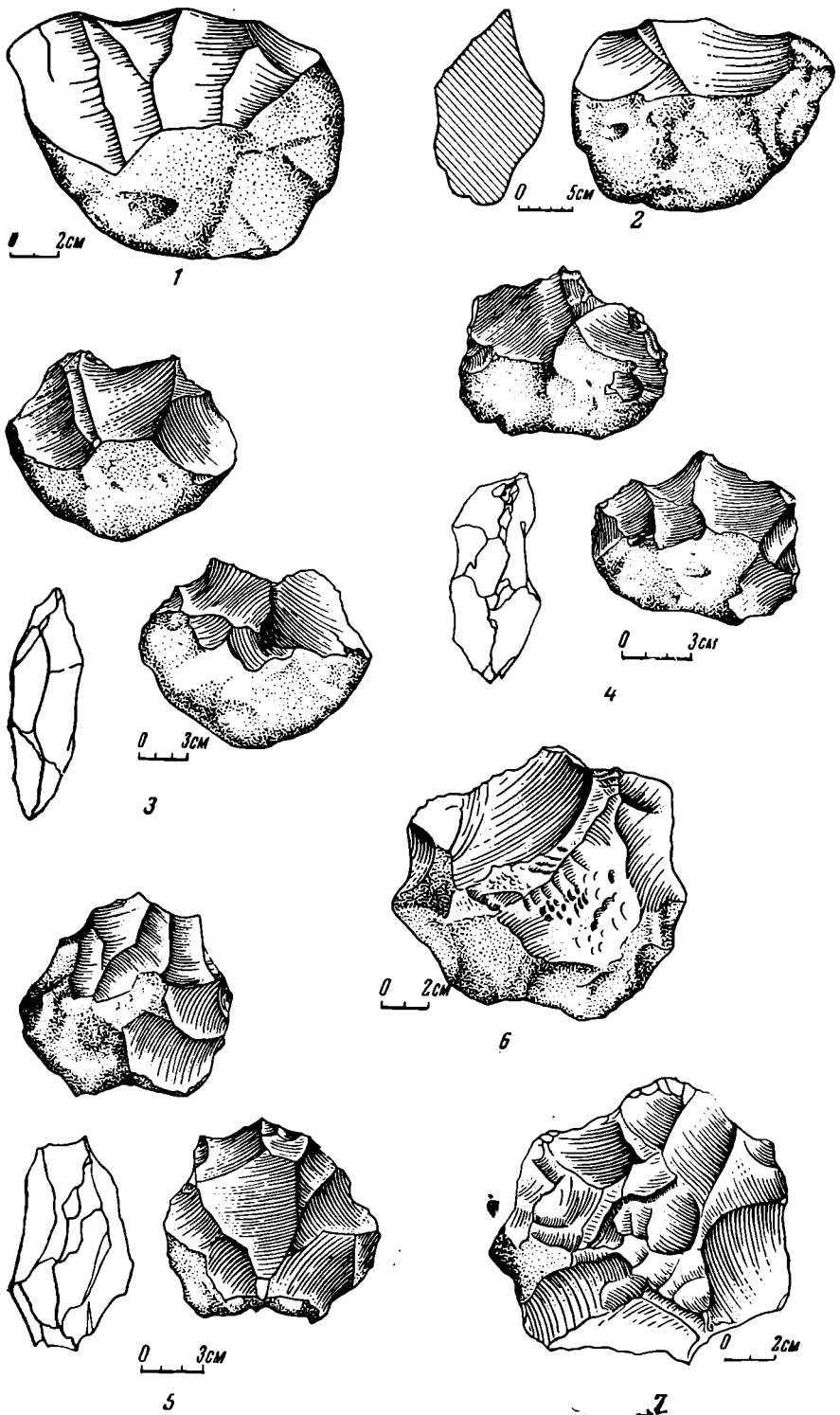

Рис. 2. Грубые рубящие орудия из древнепалеолитических стоянок хр. М. Каратау

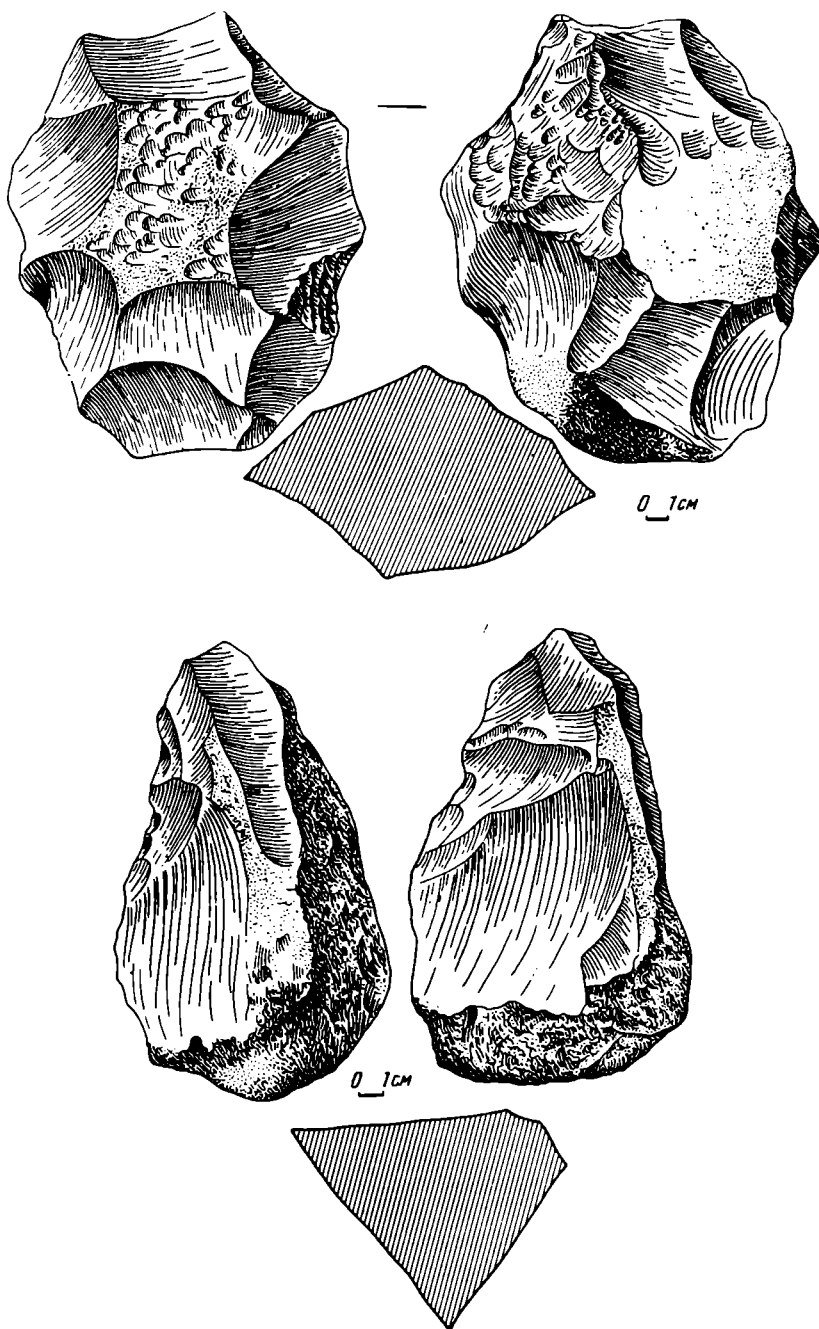

Рис. 3. Грубые ручные рубила из древнепалеолитических стоянок хр. М. Каратау

пы: 1) грубые рубящие орудия, 2) рубила, 3) архаические массивные отщепы, 4) крупные аморфные желваки-нуклеусы. Первая группа вообще преобладает во всех древнепалеолитических местонахождениях хребта Каратау. Она представлена кремневыми гальками, обработанными с одного края (рис. 2, 3). Один из краев такой гальки с одной или чаще с двух поверхностей обтесан крупными сколами, с помощью которых получено грубое, заостренное лезвие. Другой край гальки обычно сохраняет нетронутую поверхность валунной корки, что позволяет удобно и плотно держать такое массивное рубящее орудие в руке. Эти грубые

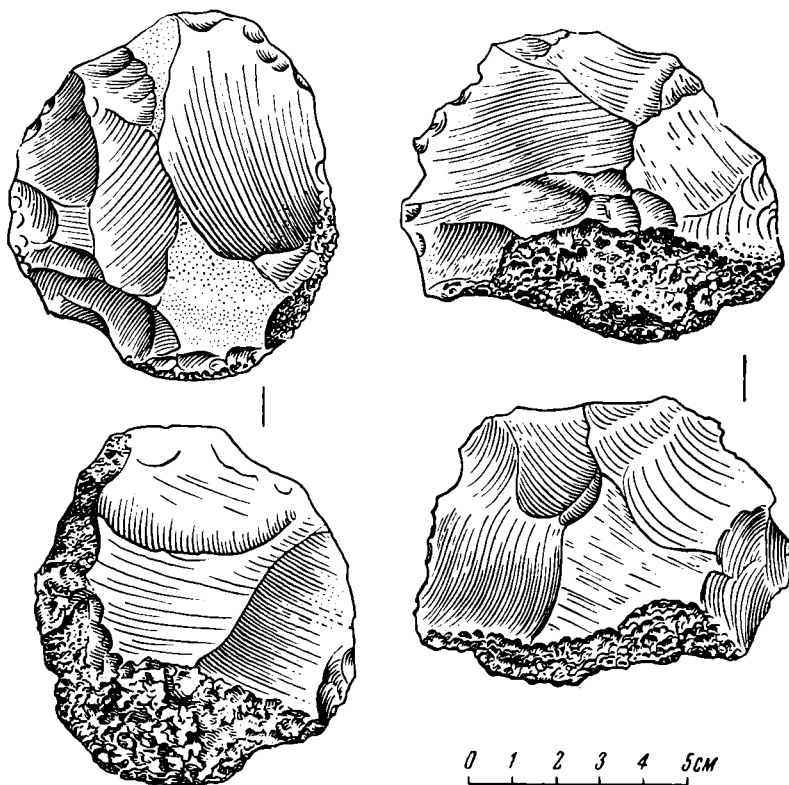

Рис. 4. Грубые ручные рубила из древнепалеолитических стоянок хр. М. Каратау

рубящие орудия существенно не отличаются от грубого каменного инвентаря, происходящего из древнепалеолитических, шельско-ашельских местонахождений Юго-Восточной Азии и Африки; они очень близки к аналогичным, обработанным с одного конца орудиям ранней соанской культуры (Индия), ранней культуры галек Африки (pebble culture) и к грубым рубящим орудиям (choppers) Бирмы.

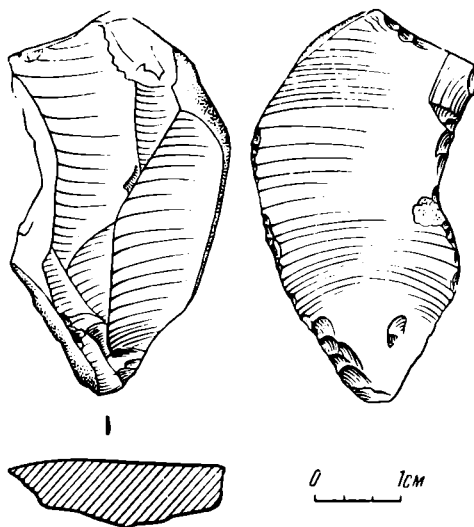

Рис. 5. Архаический отщеп шельско-ашельского времени из Танирказгана

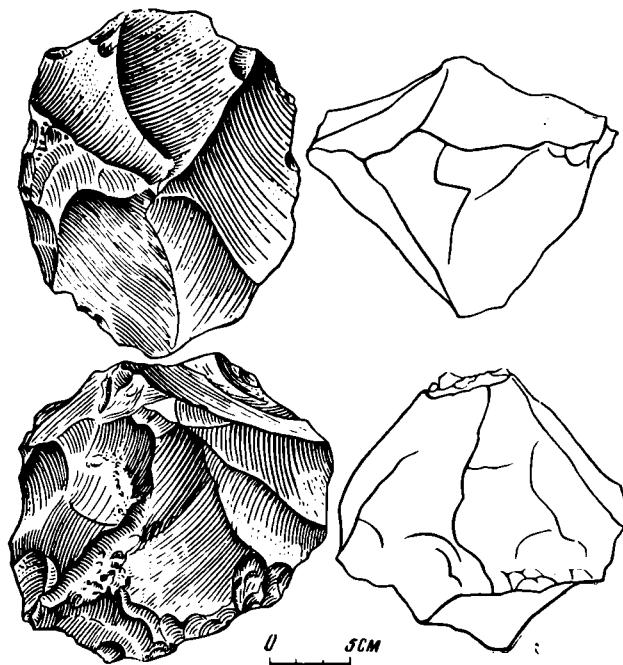

Рис. 6. Мустьерские дисковидные нуклеусы из местонахождений хр. М. Каратау

Представители второй группы каратауских орудий, двусторонне обработанные ручные рубила в точности соответствуют шельско-ашельским ручным рубилам Южной Азии, Африки и Европы. Ручные рубила, найденные в Борьказгане и Танирказгане, по своей форме, технике раскалывания и обработке в свою очередь могут быть разделены на два типа. Первый из них — это крупные, массивные ($12-15 \times 7-9 \times 3-5$ см) орудия, об-

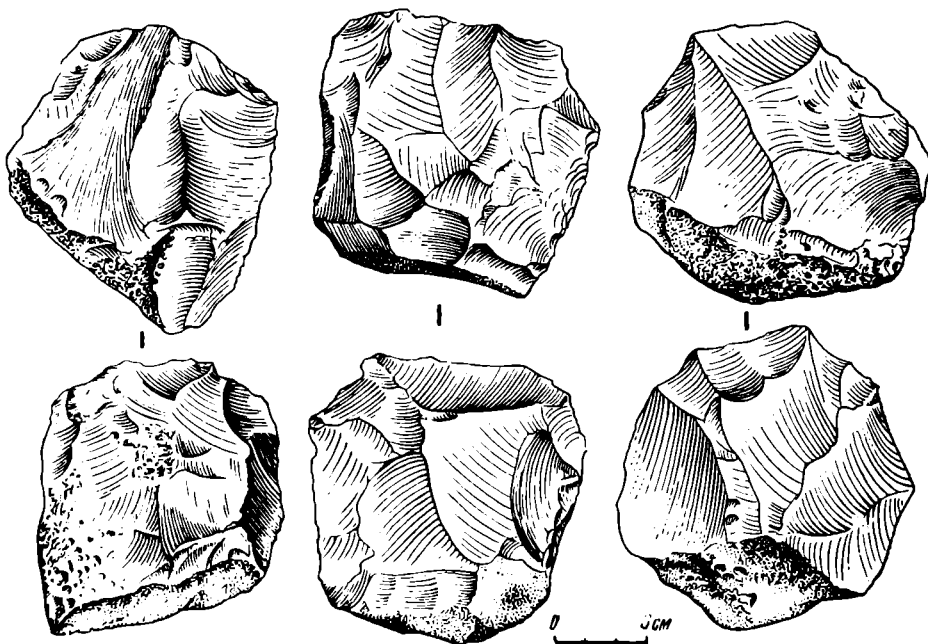

Рис. 7. Мустьерские рубящие орудия из местонахождений хр. М. Каратау

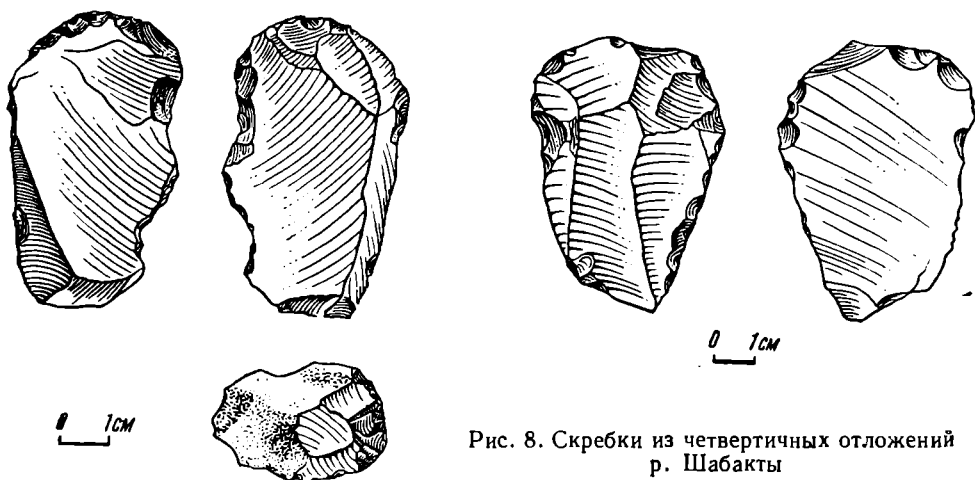

Рис. 8. Скрепки из четвертичных отложений р. Шабакты

работанные крайне примитивно несколькими большими сколами, направленными от краев к середине. Один рабочий край у них заострен, а другой голстый, неправильных очертаний. По способу изготовления и по форме они напоминают древнепалеолитические ручные рубила из Бельгии и Франции⁷. У большинства из них в центре и вблизи пятки остались небольшие необработанные участки естественной поверхности.

Второй тип ручных рубил (рис. 4) по своей форме и технике обработки имеет очень близкое сходство с многими ашельскими рубилами. Рубила этого типа тщательно обтесаны с обеих сторон небольшими сколами, идущими от края к середине. Рабочие края зигзагообразные, заострены с помощью вторичной отески и мелких сколов. Если один из концов уплощенный, заостренный, то противоположный, тыльный конец, служивший пяткой, — широкий, почти необработанный; лишь иногда он закруглен дополнительной оббивкой и приспособлен к захвату рукой.

Переходим к третьей группе древнепалеолитических изделий. Отщепы из Борыказгана, Танирказгана, Токалы и других стоянок Каратау крупные, массивные и разнообразны по форме (рис. 5). Они значительно варьируют по своим размерам (длина 7—20 см, ширина 5—8 см, толщина 1,5—4 см). Большинство имеет резко выраженные ударные бугорки. Ударные площадки большей частью находятся под тупым углом к нижней, отбивной плоскости отщепа. Обычно на ударной площадке близ точки нанесения удара заметны тонкие, лучеобразные трещины.

Наконец, к последней группе древнепалеолитических кремней Каратау принадлежит незначительное число больших желваков-нуклеусов

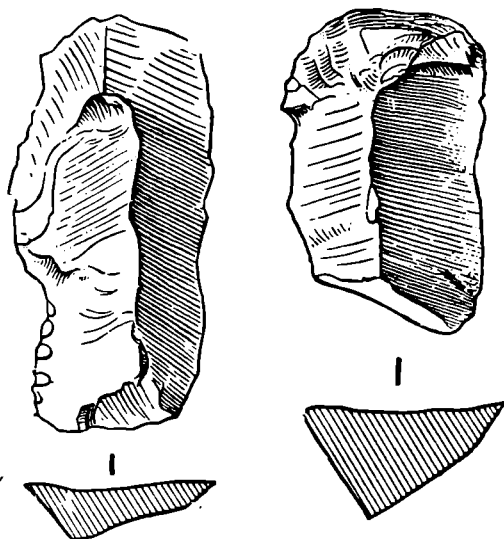

Рис. 9. Кремневые орудия из Карасуйской стоянки

⁷ П. П. Ефименко. Первобытное общество, 3-е издание. Киев, 1953, стр. 108, 123; Ж. де Морган. Доисторическое человечество. М.—Л., 1926, стр. 38—43.

(размер их 18—25 × 12—20 см). От каждого из них было отделено по несколько крупных, массивных треугольных или овальных отщепов с большим ударным бугорком и с ударной площадкой, расположенной под тупым углом к нижней плоскости отщепа. Эти отщепы (третья группа инвентаря) были нами описаны выше.

Таков древнепалеолитический инвентарь Южного Казахстана. По своим формам, технике раскалывания, а также по характеру поверхности и степени сохранности эти кремневые материалы легко отличимы от более совершенных, непатинизированных или почти не патинизированных мустьерских и позднепалеолитических изделий этих же мест⁸.

Наши совместные с геологами полевые наблюдения над характером древнепалеолитических местонахождений позволяют утверждать, что древнепалеолитические кремни не испытали сколько-нибудь значительных перемещений, после того как первобытные люди оставили их на поверхности этих возвышенностей.

Многочисленные шелльско-ашельские орудия, найденные на юге Казахстана, могут быть сопоставлены с нижнечетвертичным фаунистическим комплексом Коскурганской свиты, характеризующимся, по определению В. С. Бажанова и Е. И. Беляевой, остатками этрусского носорога (*Phinoceros etruscus*), мосбахской лошади (*Equus caballus mosbachensis*), гигантского праверблюда (*Paracamelus gigas schlosser*), широколобого лося (*Alces latifrons*), благородного оленя (*Cervus elaphus*) и других млекопитающих⁹. Названные представители раннечетвертичной фауны, вероятно, являлись современниками шелльско-ашельских людей, обитавших в этих же местах.

Следует отметить некоторые различия между кремневым инвентарем Борыказганской и Танирказганской стоянок, с одной стороны, и Токалинских стоянок, с другой стороны. Если первые могут датироваться шелльско-ашельским временем, то вторые, будучи несколько более поздними, вероятно, относятся к ашельско-мустьерскому времени.

Таким образом, в результате полевых работ 1957 и 1958 гг. стерто еще одно белое пятно с карты расселения древнепалеолитических людей. Большое сходство древнепалеолитических орудий хребта Каратау с древнепалеолитическими орудиями Юго-Восточной Азии и Африки еще раз свидетельствует о том, что в те древнейшие времена между обитателями всех этих мест существовали связи. Казахстан являлся как бы северной оконечностью той обширной территории, где начала формироваться древнепалеолитическая культура. Находки в Южном Казахстане показывают, что в развитии последней еще отсутствовали локальные различия. Значение этих открытий очень велико для разработки общих вопросов истории древнейшего человечества и его передвижения с юга на север по территории Казахстана.

Более поздняя ступень развития палеолитической культуры в районе хребта Каратау представлена Алгабасским, Чокпакским (хребет Большого Каратау), Ушбулакским VI, Инталинским и другими мустьерскими местонахождениями, откуда происходят мустьерские остроконечники, скребла, односторонние и двусторонние дисковидные нуклеусы, массивные удлиненно-треугольные пластины и отщепы, характерные для среднего палеолита (рис. 6, 7). Эти местонахождения большей частью располагаются на высоком плоскогорье, чаще всего ближе к склону уступа или мыса и не являются перемещенными или размытыми.

⁸ Предложенная автором датировка этих материалов шелльским и ашельским временем была поддержана П. П. Ефименко, С. Н. Замятинным, А. П. Окладниковым, П. И. Борисковским, С. Н. Бибиковым, М. М. Герасимовым, В. П. Любыным, А. Н. Рогачевым и другими исследователями палеолита, имевшими возможность детально изучить описываемые в настоящей статье коллекции.

⁹ Н. Н. Костенко. Основы корреляции антропогенных отложений Казахстана и Узбекистана. Вестник Академии наук Каз. ССР, 1958, № 10 (163), стр. 85 слл.

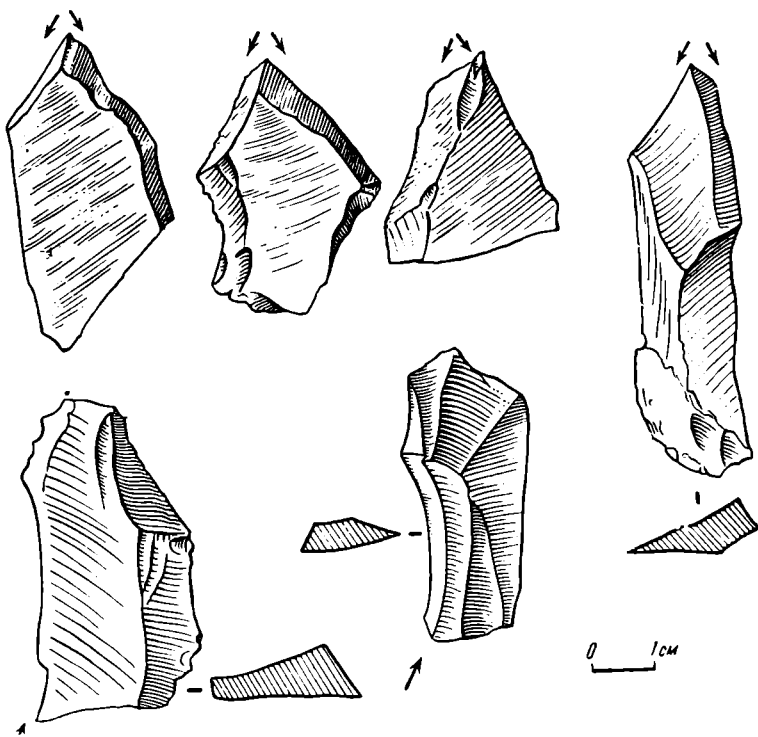

Рис. 10. Кремневые орудия из Карасуйской стоянки

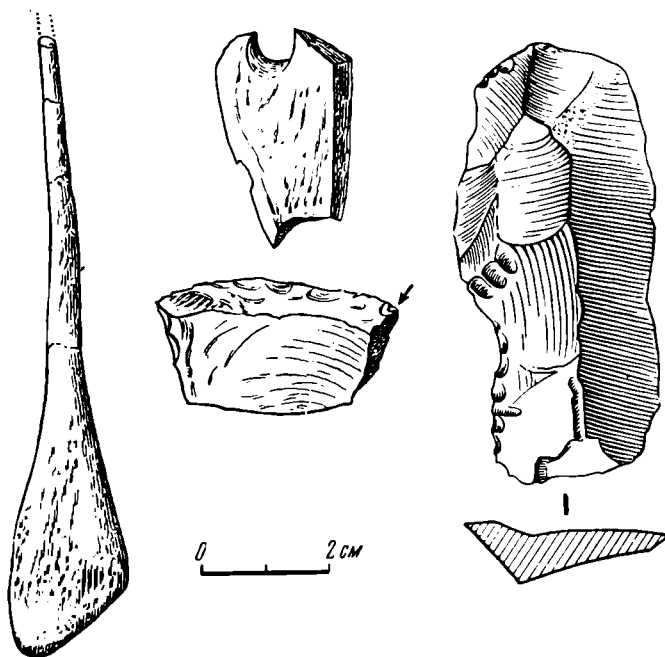

Рис. 11. Кремневые и костяные изделия из Ушбасской стоянки

В самих галечниковых слоях II террасы р. Шабакты, а кое-где и на бечевнике нами были найдены дисковидные нуклеусы из халцедона (рис. 8). В районе хребта Малого Каратау, в местности Бестюбе, в 3 км к востоку от населенного пункта Ушбулак, а также к югу от последнего, был обнаружен ряд пунктов, доставивших несколько тысяч палеолитических изделий из халцедона. Среди изделий имеются многочисленные разнообразные отщепы, дисковидные, призматические и карандашевидные нуклеусы, большие глыбы прозрачного красного и розового халцедона, имеющие 60—80 см в поперечнике, со следами неоднократных искусственных сколов. Именно здесь у выхода коренных пород халцедона были каменоломни, где добывалось и обрабатывалось сырье, начиная с мустьерской эпохи вплоть до неолита.

Большой интерес представляет трехслойная Карасуйская позднепалеолитическая стоянка, выявленная на глубине 3—6 м, на правом берегу р. Арыстанды¹⁰. Предварительная расчистка, произведенная нами в обнажении речной террасы, доставила более 700 каменных изделий, в том числе скребки, резцы, дисковидные и призматические нуклеусы (рис. 9). Найдены также резцовые сколы, желваки камня, обожженные мелкие кости, куски красной охры и угольки. Материалом для изготовления каменных орудий служил беловато-серый, крупнозернистый халцедон и кварцит. Все три палеолитических культурных слоя разделены слоем желтовато-темного суглинка 50—70 см толщиной.

Наконец, в районе р. Буркутты, Ушбас, Шабакты были открыты стоянки, одновременные Карасуйской и в тех же геологических условиях (рис. 10, 11).

Заканчивая наше краткое сообщение, отметим, что большинство открытых в 1957 и 1958 гг. палеолитических памятников Южного Казахстана можно связать с историей останцев, уступов, древних террас, а также с антропогеновыми отложениями смежных областей.

¹⁰ В 1,5 км к югу от стоянки, на глубине 4 м, на правом берегу р. Арыстанды была обнаружена часть черепа оленя (*Cervus elaphus fossilis*).

ГЕЛЕНДЖИКСКИЕ ПОДКУРГАННЫЕ ДОЛЬМENE

Отыскивая в атласе Дюбуа де Монпере материалы, относящиеся к Геленджику, я на плане «Крепость Геленджик и ее окрестности» обнаружил в двух местах, неподалеку от крепости, знаки древних могил.

Из бесед с местными жителями выяснилось, что эти могилы существуют и в настоящее время, но лишь в одном месте, около Толстого мыса, а второе место давно застроено. Для проверки я в 1949 г. осмотрел местность и обнаружил несколько небольших земляных насыпей, в верхней части которых выступали ребра каменных плит. Кое-где земля между плитами была выбрана настолько, что почти полностью выявился каменный ящик — гробница¹.

В августе 1950 г. А. В. Звягинцева принесла в Геленджикский музей бронзовый трехгранный втульчатый наконечник стрелы и сообщила, что его нашли пионеры лагеря завода Ростсельмаш на Толстом мысе, т. е. в районе указанных выше могил.

В дальнейшем выяснилось, что один из отрядов пионерского лагеря раскопал небольшой курган. В кургане оказалась каменная гробница, из которой пионеры извлекли небольшой бронзовый нож или кинжал и два бронзовых наконечника стрел, один из которых и был доставлен в музей. В выбросах земли, сделанных при раскопке кургана, я обнаружил мелкие фрагменты костей и раковинку каури. Гробница имела все элементы небольшого четырехстенного дольмена.

Возможность исследования остальных гробниц этого участка появилась в 1951 г. Раскопки, шедшие с большими перерывами, были начаты 14 июня и закончены в апреле 1952 г. Всего было исследовано 27 каменных гробниц².

Все гробницы находятся в 0,5 км от берега моря, на возвышенности, которая начинается на южной стороне Геленджика и идет на юго-восток к Фальшивому Геленджику. Возвышенность, сильно заросшая, обрывается у моря отвесной стеной, прорезанной несколькими небольшими ущельями. Первое из них, «щель Коротенькая» находится в 2,5 км от Толстого мыса, что с южной стороны Геленджикской бухты. Следующая щель «Первая Короткая» — на 0,75 км дальше на юго-восток.

На этой местности гробницы расположены следующим образом (номера групп даются в порядке их исследования).

Первая группа находится в 350 м от Коротенькой щели в сторону Геленджика. В группе четыре кургана. Три из них находятся на прямой с западо-северо-запада на востоко-юго-восток с расстоянием 12 м друг от друга на небольшом валу. Четвертый курган расположен в 20 м от северо-восточного конца вала.

Вторая группа находится в 180 м на востоко-юго-восток от первой группы. Состоит из 11 курганов, причем девять из них, как и курганы первой группы, сооружены на валу длиной 120 м, идущем, как и пер-

¹ В начале нынешнего столетия местными жителями предпринимались грабительские раскопки; найденные вещи сбывались не только на месте, но и в Керчи.

² В работе, кроме автора этой статьи, принимали участие зав. фондами Геленджикского музея Д. Е. Щеглов и художник А. Г. Волюнский.

вый, с востоко-юго-востока на западо-северо-запад. Эта группа и вся площадь к юго-западу от нее густо покрыта зарослями держи-дерева.

Третья группа находится в 350 м к юго-востоку от второй. В группе три кургана, расположенные вдоль берега моря с северо-запада на юго-восток. Расстояние между курганами этой группы 80 м, причем последний из них сооружен в начале спуска в Первую Короткую щель.

Четвертая группа расположена по другую сторону Первой Короткой щели, в 600—800 м от третьей группы на востоко-юго-восток. Состоит из трех курганов, образовавших сильно расплывшийся вал, направленный с востоко-юго-востока на западо-северо-запад, длиной 28 м. С северной стороны вал сливается с окружающей местностью.

Пятая группа ниже первой группы, в самом начале пологого склона возвышенности, идущей от Геленджика к Фальшивому Геленджику, на невысоком и нешироком валу, который тянется вдоль виноградника с востоко-юго-востока на западо-северо-запад. Между валом и виноградником — дорога, с другой стороны вала находится ров. В 90 м от начала вала расположен первый курган, в 17 м к востоко-юго-востоку от него — второй, в 20 м от второго — третий.

Шестая группа. В 60 м от начала вала пятой группы, на самой окраине Геленджика, имеется вал длиной 57 м и шириной от 16 до 30 м; на нем две каменные гробницы.

Курганы-одиночки: раскопанный пионерами курган находится в 325 м от второй группы и в 175 м от третьей. Почти на прямой, лежащей между ним и первым курганом третьей группы, расположен второй курган.

Из 28 гробниц во всех группах и в одиночных курганах 24 оказались полностью или почти полностью разграбленными. В некоторых из них найдено один-два предмета или обломки от них. В остальных гробницах одна из стен, завалившись, прикрывала собой часть инвентаря (гробница № 6 второй группы, № 2 и 3 — третьей и № 2 — четвертой).

Наиболее богатыми по количеству и разнообразию вещей оказались следующие гробницы. В кургане № 6 второй группы найдены четыре браслета, три булавки, три пуговицы, восемь бляшек, три височных кольца, две иголки, пять пряслиц, наконечник стрелы, бусина, обоймица, кремь и обломки спиральных подвесок. Гробница № 2 третьей группы содержала по два бронзовых и железных наконечника копий, железные наконечник дротика, топор и два ножичка, браслет, две бляхи, височное кольцо, два пряслица, кремь, две бусинки. В кургане № 3 третьей группы найден железный топор, шесть пряслиц, ворворка, две пуговицы, обкладка ножен кинжала, кремь, две бусинки.

Гробницы всех шести групп и одиночных курганов — типичные четырехстенные дольмены. Их можно назвать подкурганными дольменами. Стоят они на материке, в центре кургана. Так как не сохранилось ни одной крыши, следует предположить, что первоначально курганная насыпь или доходила до уровня крыши, или покрывала ее незначительным слоем, который с течением времени выветрился, и обнажившиеся плиты были впоследствии использованы как строительный материал.

Традиционное круглое отверстие есть во всех дольменах. Находится оно на высоте 0,30—0,50 м, диаметр его 0,35—0,40 м. Ни в одной гробнице, раскопанной нами, или хотя бы возле нее не было втулки, имеющейся обычно в наземных дольменах. Лишь впоследствии одна такая втулка найдена недалеко от раскопанного пионерами кургана.

Каждая стена дольмена состоит из одной каменной плиты толщиной в среднем 18—20 см (рис. 1 и 2). Материал главным образом мергель, реже песчаник, а в единичных случаях — известняк. Боковые стены, длиной 2,75—4,80 м, впереди выступают за переднюю стену на 0,50—1,20 м, сзади значительно меньше. Передняя и задняя стены обычно трапециевидной формы. С внешней стороны боковые, а иногда и задняя стены имеют каменную подпорку.

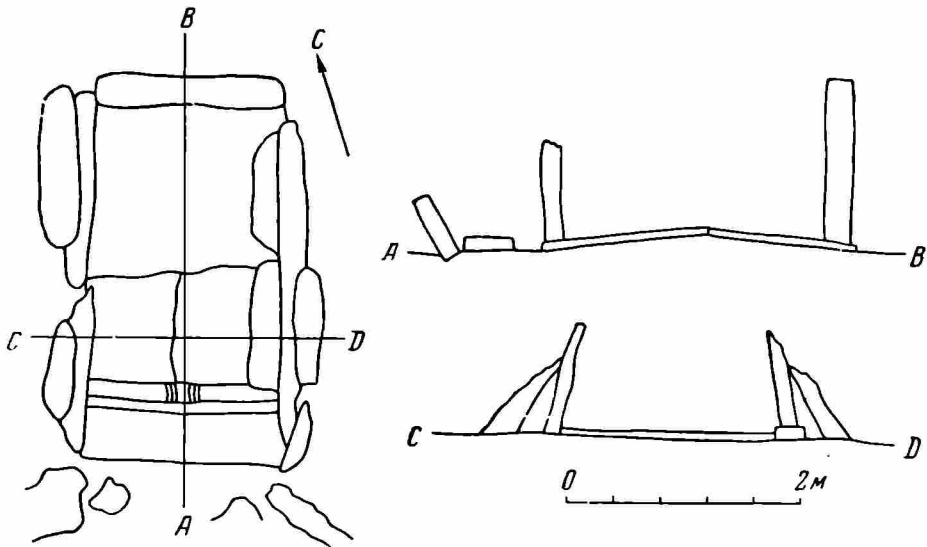

Рис. 1. План и разрезы дольмена № 6 второй группы

Первоначальная высота дольменов (от пола до крыши) колеблется от 1 до 1,45 м. Длина почти всех гробниц (внутри) — 2,2—2,3 м, ширина колеблется между 1,4 и 1,9 м, в двух-трех случаях доходит до 2 м.

Перед дольменом (за исключением нескольких случаев) положена вымостка, обычно из одной плиты, лежащей на уровне пола, а в одном случае — выше пола. Вымостка или вплотную прилегает к передней стене или, большей частью, отделена от нее расстоянием в 0,05—0,2 м. Ширина вымостки различна (0,3—1,3 м). В пяти случаях перед вымосткой, при-мыкая к ней по всей ее длине, стояла на ребре плита, верхний конец которой находился на уровне вымостки.

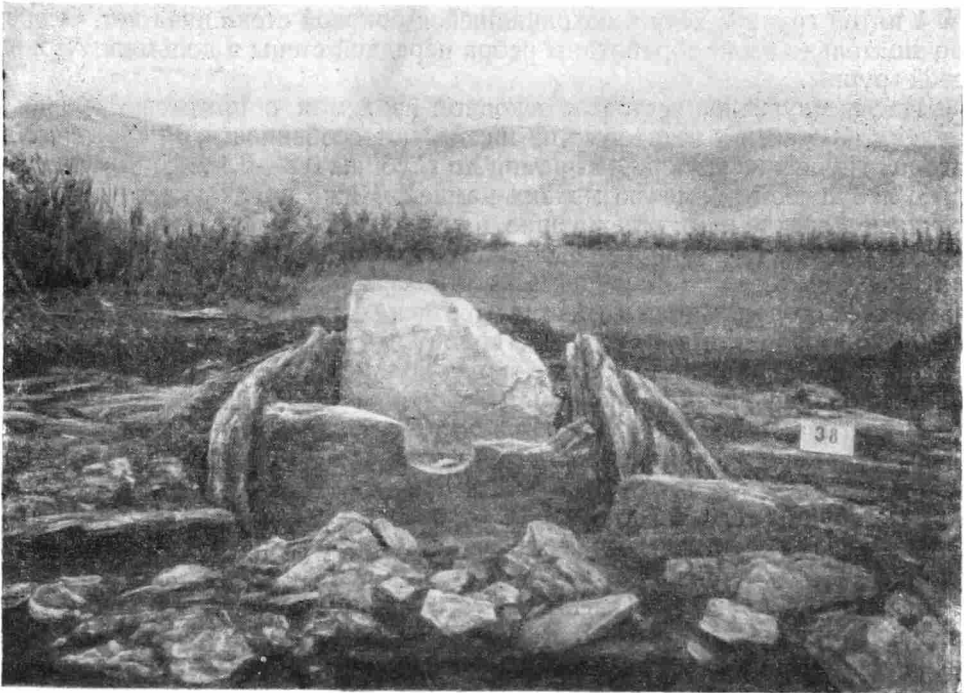

Рис. 2. Дольмен № 6 второй группы

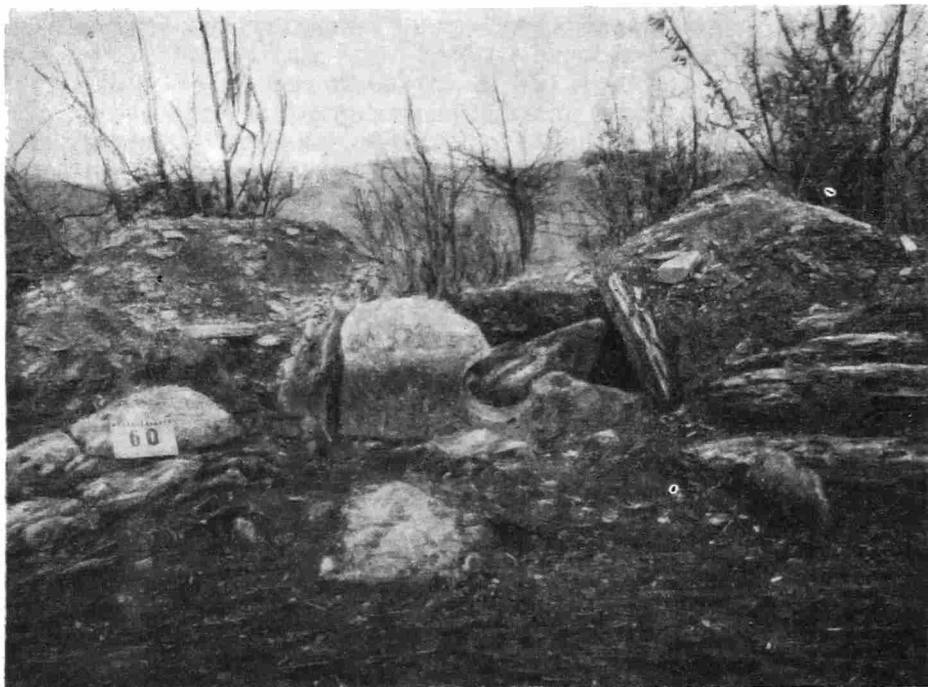

Рис. 3. Дольмен № 10 второй группы

В полу дольмена № 3 первой группы был высечен паз шириной 0,17 м и глубиной 0,02 м для установки в нем передней стены. Нижнему ребру передней стены в дольмене № 1 второй группы была придана закругленная форма для установки в паз, хотя паза в полу не оказалось. Так же обработаны для вставки в пазы боковых стен ребра задней стены в дольмене № 1 пятой группы, хотя в сохранившейся боковой стене паза нет. Особенно тщательно были обработаны ребра передней стены в дольмене № 2 шестой группы.

Насыпи курганов состоят в основном из земли, с примесью гравия и мелких камней, но некоторые из них имеют особенности. В кургане № 6 второй группы верхний слой насыпи до глубины 0,2—0,4 м состоял из земли с небольшой примесью мелких камней. Ниже появились относительно крупные плоские камни, лежавшие в основном горизонтально со всех сторон дольмена, т. е. дольмен был обложен каменными плитами разной величины. Симметрия в обкладке отсутствовала, камни были просто навалены со всех сторон. Вдоль вымостки, примыкая к ней и возвышаясь над нею на 0,2 м, стояла плита, от каждого конца которой под тупым углом отходила тоже вертикальная плита, т. е. перед дольменом была устроена входная площадка трапециевидной формы (рис. 2).

В кургане № 2 той же группы не было камней в насыпи, но от передних углов дольмена отходили такие же крылья, завалившиеся с течением времени, одно вперед, другое назад. Крылья обнаружены и в кургане № 10 той же группы. Крыло, отходящее от левого угла дольмена, состояло из четырех слоев плит, положенных веерообразно: нижний ряд горизонтально (длина — 3,75 м), второй — несколько приподнято (длина 3,2 м), третий — с большей приподнятостью (длина — 2 м) и четвертый был поставлен почти вертикально (длина — 1,5 м). От правого же угла в два параллельных ряда были поставлены вертикальные плиты с некоторым наклоном назад (рис. 3).

В кургане № 3 третьей группы насыпь состояла из глины с мелкими камнями и крупными плит. От левого переднего угла дольмена, почти парал-

лельно передней стене, отходили поставленные одна за другой на ребро с большим наклоном вперед три каменные плиты, а от правого угла отходила под тупым углом одна плита, лежавшая горизонтально.

Крылья в виде одного ряда плит, поставленных на ребро, наклонившихся вперед и идущих параллельно передней стене, имеет дольмен и в кургане № 2 четвертой группы.

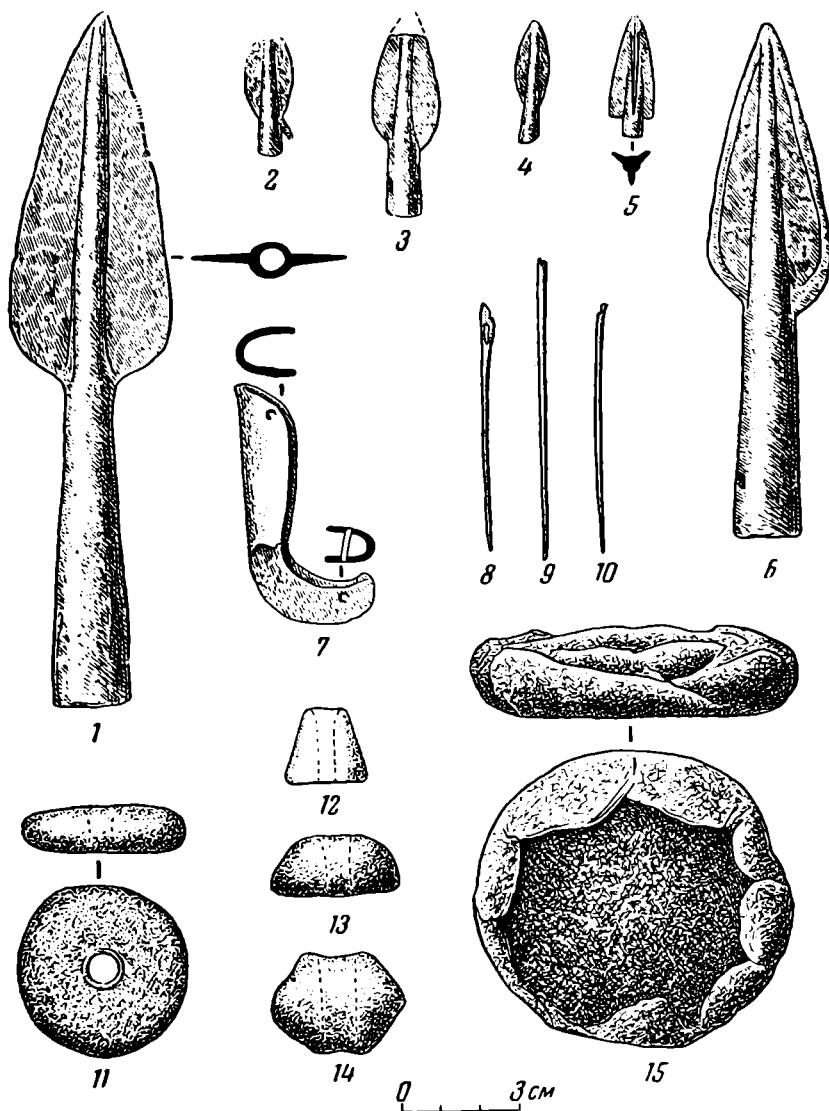

Рис. 4. Орудия труда и оружие

1—10— бронза; 11, 14 — глина; 12, 13—мел; 15 — песчаник. 1 — кург. 8, гр. 2; 2, 8, 9, 10 — кург. 6, гр. 2; 3 — курган 10, гр. 2; 4, 6, 12, 14 — кург. 2, гр. 3; 5 — кург., раскопанный пионерами; 7, 13 — кург. 3, гр. 3; 15 — кург. 1, гр. 4; 11 — кург. 2, гр. 4

Передней стенкой (с отверстием) дольмены ориентированы в 14 случаях на юго-юго-запад, в 11 — на юго-запад и по одному — на юг, запад и востоко-юго-восток.

Ни положения погребенных в дольменах, ни точного их количества установить не удалось. Судя по остаткам костяков, очень плохо сохранившихся, и по их местонахождению, можно предполагать и одиночные захоронения и (более частые) групповые, иногда до 12—15 (дольмен № 6 второй группы и № 2 - четвертой). Погребенных помещали в первую оче-

редь в передних, а затем в задних углах и вдоль стен, по-видимому, в сидячем или в скорченном положении.

Инвентарь погребений оказался довольно разнообразным и по материалу и по назначению. Больше всего найдено бронзовых или медных вещей (76). Сравнительно много обломков глиняной посуды. Железных предметов 8, каменных 12, костяных 5, сплава сурьмы с оловом 4³.

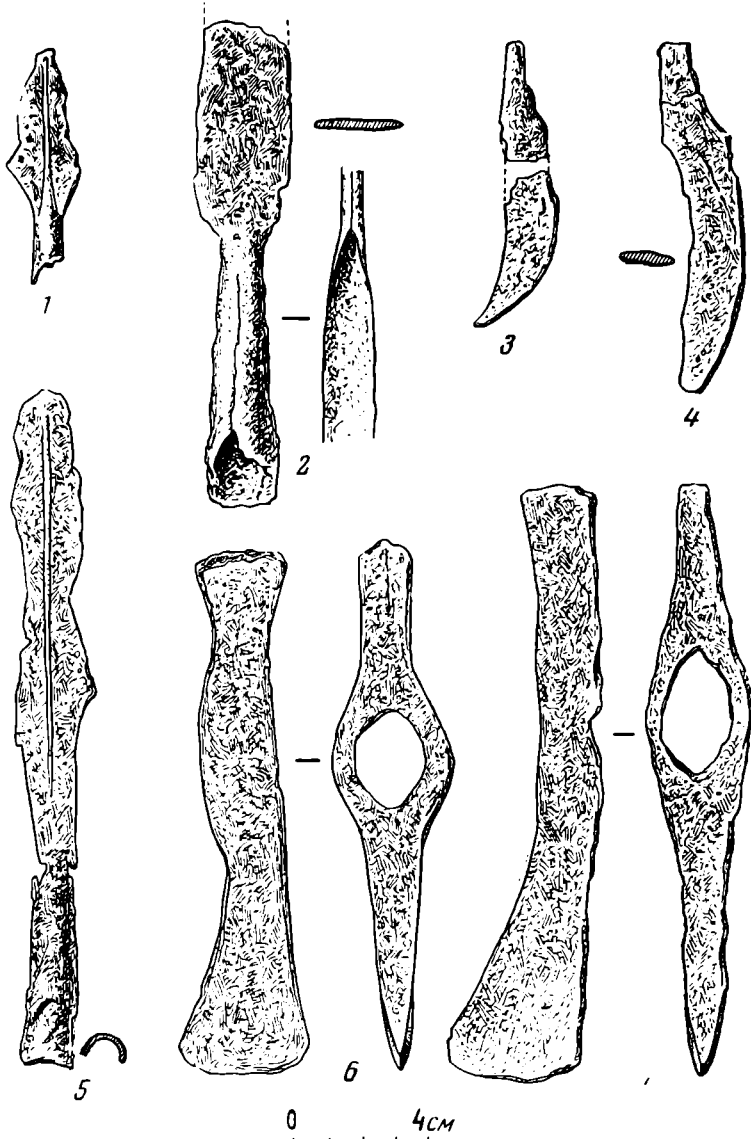

Рис. 5. Изделия из железа

1—6 — кург. 2, гр. 3; 7 — кург. 3, гр. 3

К орудиям труда относятся пряслица, иголки, ножички, кремни, терочные камни.

Пряслиц найдено 23. Материал их — глина и мел. Преобладают пряслица биконической формы (12 шт.) и конической (5), остальные сферические, полусферические или плоские (рис. 4, 11—14). Иголки три, из бронзовой

³ Все описанные в статье находки относятся к дольменам первых четырех групп. В дольменах пятой и шестой групп находок, кроме обломков глиняной посуды, не было.

круглой проволоки сечением 1,5—2 мм, с ушком (рис. 4, 8—10). Ножи (2 шт.) железные серповидные (рис. 5, 3—4). Обломков кремней семь, из них шесть серых и один желтый; вероятно, они служили кресалами. Терочников три. От одного из них найден обломок в форме не совсем правильного плоского полукруга, он изготовлен из темно-серого с темно-бурыми полосками песчаника. Второй целый, округлый, плоский, изготовлен из кварцевого песчаника (рис. 4, 15). Третий — кварцевого песчаника имеет форму плоского удлиненного бруска, со следами работы на верхней поверхности.

Из оружия в дольменах встречены наконечники копий и стрел, наконечник дротика, топоры-секиры и обкладка ножен кинжала.

Из четырех наконечников копий два бронзовых и два железных. Оба бронзовые — листовидные, втульчатые (рис. 4, 1, 6). У одного из них в нижнем конце трубки имеются два противолежащих отверстия для гвоздей.

Железные наконечники копий также втульчатые, с листовидным пером (рис. 5, 2, 5). Второй наконечник отличается наличием продольной жилки посередине пера.

Железный наконечник дротика с втульчатой трубкой сохранился не полностью. Перо его имело форму ромба с вытянутым острием (рис. 5, 1).

Наконечников стрел четыре. Все они бронзовые, втульчатые; три из них листовидные, один трехперый. Один из листовидных имеет шип на втулке (рис. 4, 2—5).

Оба железных топора-секиры по форме напоминают бронзовые кобанские секиры. Верхняя сторона лезвийной части прямая, нижняя изогнута к расширяющемуся закругленному лезвию. Задняя молоточная часть также имеет слабую изогнутость. Проушное отверстие подовального сечения (рис. 5, 6, 7).

От ножен кинжала или ножа сохранилась бронзовая обкладка нижнего конца и верхнее кольцо (рис. 4, 7).

Из украшений найдены височные кольца, браслеты, бляхи, пуговицы, серьги, спиральные пронизки, бусы, булавки. Материал всех 17 височных колец — бронза. Одно из них сделано из узкой тонкой пластинки, остальные из круглой проволоки сечением от 1 до 4 мм (одно двойное), в 1,5—2 витка, с заостренными концами (рис. 6, 10, 12).

Браслетов найдено шесть. Все они бронзовые, без орнамента, в сечении трехгранные, с внутренней стороны плоские, верхняя грань закруглена. Пять из них незамкнутые, один (детский) с заходящими концами (рис. 6, 9, 11). Концы браслетов разнообразны: в двух случаях они сужены, в одном — сужены и обрублены, в остальных несколько утолщены или расширены.

Крупных бронзовых блях было найдено 10 — одна целая и остальные с оббитыми краями; все они круглые, гладкие с выпуклостью в середине (за исключением трех), с ушком на внутренней стороне. Мелких бляшек — четыре, все они бронзовые, круглые, выпуклые, на внутренней стороне горизонтальная перекладина (рис. 6, 6).

Пуговиц четыре — три бронзовые и одна из сплава (свинца и сурьмы?). Последняя — круглая, гладкая с дугообразным ушком (рис. 6, 7). Из трех бронзовых две большего размера. Все три имеют одинаковый углубленный крестовидный рисунок. По краю одной из них — выпуклый ободок. Ушко дугообразное (рис. 6, 1—3).

Сережек две пары. Одни — в форме дужек, из тонкой медной проволоки диаметром 1,5 мм, с заостренными концами; от второй пары сохранились только каплевидные фрагменты.

Спиральных бронзовых пронизей несколько, все они витые, в 12—13 витков (рис. 6, 16). Кроме того, найдена массивная подвеска в два витка (рис. 6, 14) из круглого прута сечением до 8 мм, из сплава (свинец и сурьма?). Среди бус одна — раковинка каури, две гагато-

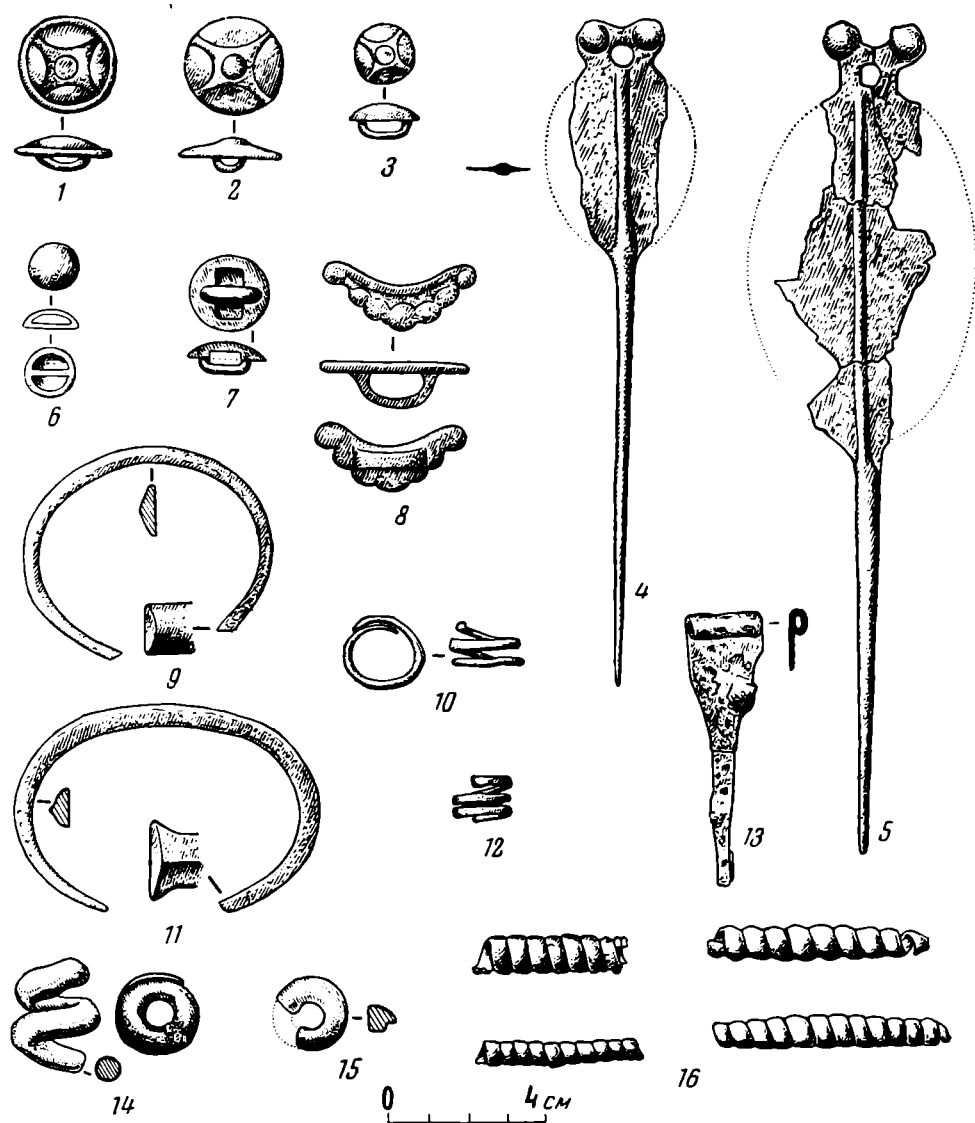

Рис. 6. Предметы украшения и убора. Бронза (за исключением 7, 14, 15 — сурьма и свинец и 13 — железо)

1, 4, 5, 6, 10, 11, 14, 16 — кург. 6, гр. 2; 2, 7 — кург. 3, гр. 3; 12 — кург. 7, гр. 2; 3 — кург. 10, гр. 2; 8, 13 — кург. 2, гр. 3; 9 — кург. 8, гр. 2; 15 — сборы

вые цилиндрические, гладкие и несколько мелких (диаметром 1 мм) медных бусинок.

Булавок четыре — три бронзовых и одна железная. У двух булавок (рис. 6, 4, 5) головки в форме раскованной лопаточки заканчиваются выступом с круглым отверстием и с двумя выпуклыми шишечками. Третья бронзовая булавка представляет собой круглый стерженек, основание которого раздвоено и отогнуто под прямым углом двумя рожками.

Последняя булавка железная, заканчивается головкой в виде плоской треугольной лопаточки, широкий конец которой завернут одним оборотом (рис. 6, 13).

К украшениям относятся и бронзовая пряжка в форме плоской дужки, выпуклая сторона которой зубчатая, с вертикальной скобочкой — петелькой (рис. 6, 8) и плоско-овальная костяная пуговица или бляшка (диаметр у основания — 40 мм, толщина — 17 мм). Найдена также одна

бронзовая ворворка в форме круглой шайбы с цилиндрической трубкой. Диаметр ее — 28 мм, высота — 12 мм.

Керамические изделия в исследованных дольменах встречены исключительно в обломках. Они имелись в большинстве дольменов, причем в дольменах первых четырех групп только из черной глины; в пятой и шестой группах наряду с черной посудой встречены черепки античной посуды. Обломки черной посуды относятся к разным по размерам и форме

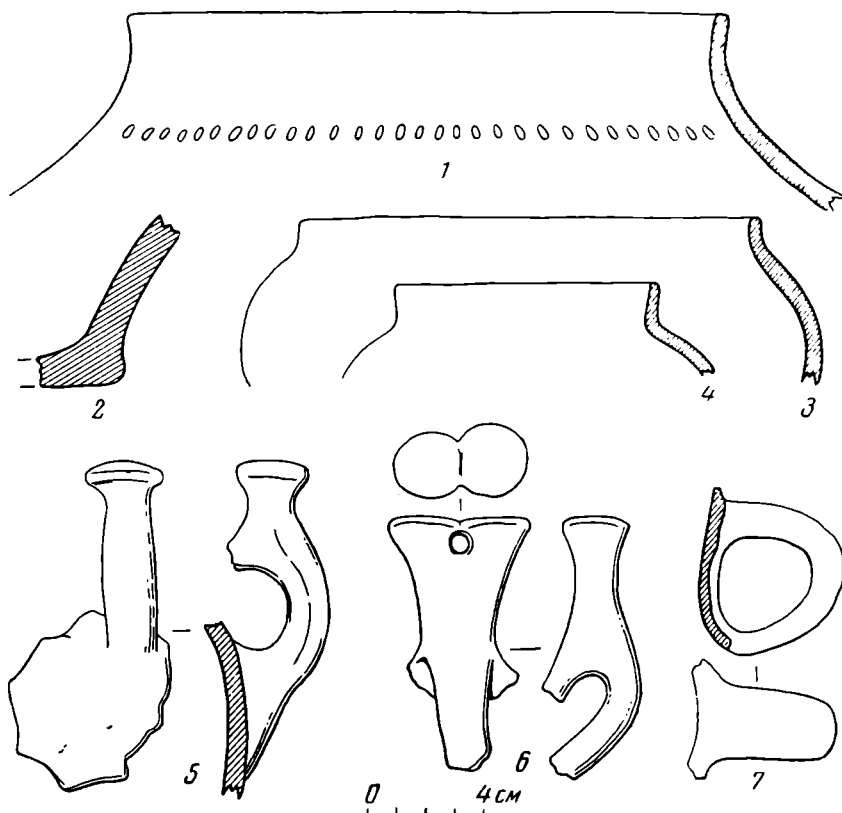

Рис. 7. Керамика

1 — кург. 1, гр. 4; 2 — кург. 9, гр. 2; 3, 5, 6, 7 — кург. 2, гр. 3; 4 — кург. 6, гр. 2

сосудам, от небольших чарок, чашек и кувшинчиков до крупных толстостенных горшков. Ручек и, особенно, доньев встречено мало (рис. 7, 1—7). Найдены орнаментированные обломки от двух горшков. Один из них в верхней части был украшен прочерченной волнистой линией, по-видимому повторенной в нижней части. От второго орнаментированного сосуда — большого горшка — найдено несколько обломков (рис. 7, 1).

Ручек от сосудов найдено восемь. Три из них, вертикальные, принадлежали чаркам; наверху имеют одну (в одном случае — рис. 7, 5) или двойную кнопку (рис. 7, 6).

В пятой и шестой группах дольменов, как сказано выше, в числе обломков посуды найдена часть дна остродонной амфоры красной глины и два фрагмента венчика чернолакового сосуда.

Интересной особенностью погребений, вероятно связанной с погребальным обрядом, является положение с покойником кусочков горючего сланца. Они найдены в большинстве гробниц, особенно в наименее разграбленных могилах второй и третьей групп. Из других предметов культа найден клык кабана с просверленным на конце отверстием, и в некоторых гробницах

отмечены угольки и кости жертвенных животных. В дольмене № 2 шестой группы найден кусочек реалгара.

Рассмотренные находки позволяют датировать захоронения в геленджикских дольменах первых четырех групп.

Бронзовые наконечники копий имеют параллели в памятниках Северо-Западного Кавказа конца эпохи бронзы и переходного времени⁴. Наконечники стрел характерны для раннескифского времени, не позже середины VI в. до н. э.⁵ Аналогичные железные секиры известны из Верхней Рутхи и из других могильников Северного Кавказа и Абхазии⁶. Железные изогнутые ножи весьма характерны для раннескифского времени⁷. Бронзовые бляхи, спиральные пронизки, железная булава имеют аналогии в кобанских древностях⁸. Кроме того, спиральки имеют аналогии в Нестеровском могильнике⁹, в могильнике Исти-Су в Чечне¹⁰ и в других памятниках. В Исти-Су найдены две железные и одна бронзовая булавы, аналогичные нашей железной¹¹. Бронзовая пряжка-дужка имеет аналогию в кладе из Ессентуков¹².

Высокие ручки чарок близки к подобным находкам на Украине¹³ и на Кубани¹⁴.

Могильники Исти-Су и Нестеровский датируются VI—V вв. до н. э.; Дванский могильник — второй четвертью I тысячелетия до н. э. Ессентукская находка относится к VIII—VII вв. до н. э., а курганы, раскопанные А. А. Бобринским, к VII—VI вв. до н. э. В пределы этого же периода раннего железного века, скорее всего к VII в. до н. э., следует относить и рассмотренный нами материал. Очевидно, геленджикские подкурганые захоронения в дольменах первых четырех групп совершены в это время. Относительно дольменов пятой и шестой групп, в которых найдены обломки чернолакового сосуда и дно остродонной амфоры, возникает вопрос: были ли здесь использованы более древние гробницы для вторичного захоронения или обломки керамики IV в. до н. э. относятся к инвентарю основного погребения? Полное разграбление этих гробниц лишает возможности дать тот или иной ответ. Но во всяком случае можно прийти к следующим выводам.

В IV в. до н. э., по Скилаку, на месте Геленджика, на землях торетов находился город Торик. Греческие колонисты, ведя с торетами торговлю,

⁴ А. А. Иессен. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки. МИА. № 23, 1951, стр. 111—114, рис. 49 и 50.

⁵ С. И. Макалатия. Раскопки Дванского могильника. СА, XI, 1949, стр. 228, рис. 5; А. А. Иессен. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе. Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии», М., 1954, стр. 114 сл.; Е. И. Крупнов. Северокавказская археологическая экспедиция. КСИИМК, вып. XVII, 1947, стр. 103, рис. 44, 1—3.

⁶ Е. И. Крупнов. Ук. соч., стр. 102, рис. 43, 2; А. Л. Лукин. Археология Бзыбской Абхазии. Тр. ОИПК [Гос. Эрмитаж], т. I, Л., 1941, табл. XXIV, 1.

⁷ См., например, О. А. Артамонова-Полтавцева. Культура Северо-Восточного Кавказа в скифский период. СА, XIV, 1950, стр. 48, рис. 19, 4—7.

⁸ П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК, вып. VIII, М., 1900, табл. XXI, 5 (нож); XXX, 6 (спираль); XXVII, 2 (булава бронзовая).

⁹ Е. И. Крупнов. Ук. соч., стр. 103, рис. 44, 19—20.

¹⁰ О. А. Артамонова-Полтавцева. Ук. соч., стр. 39, рис. 14, 6; стр. 45, рис. 17, 7, 8.

¹¹ Там же, стр. 45, рис. 17, 6; стр. 48, рис. 19, 1, 2.

¹² А. А. Иессен. Ук. соч., стр. 122, рис. 11.

¹³ А. А. Бобринский. Отчет о раскопках в Киевской губернии в 1901 году. ИАК, вып. 4, 1902, стр. 33, рис. 4—6; его же. Отчет о раскопках, произведенных в 1903 г. в Чигиринском уезде Киевской губернии. ИАК, вып. 14, 1905, стр. 32, рис. 74; стр. 36, рис. 80а; его же. Отчет о раскопках близ с. Журовки и Капитановки Чигиринского уезда Киевской губернии в 1904 г., ИАК, вып. 17, 1905, стр. 94, рис. 29; стр. 98, рис. 38.

¹⁴ Н. В. Анфимов. К вопросу о населении Прикубанья в скифскую эпоху. СА, XI, 1949, стр. 248, рис. 5 и стр. 249, рис. 6, 1, 2.

привнесли к ним и свою культуру. Наряду с вещами местного происхождения в обиход торетов начинают входить и привозные из Греции вещи.

Традиция захоронения в дольменах, существовавшая у племен, населявших побережье во II тысячелетии до н. э., продолжается, по крайней мере, до IV в., причем в переходный период от бронзы к железу на смену наземным дольменам появляются дольмены, заключенные в курганные насыпи. Эта устойчивая традиция захоронения говорит о несменяемости населявших побережье племен II и I тысячелетий до н. э., о том, что тореты являлись потомками племен, обитавших на побережье в бронзовом веке.

Описанные нами подкурганные дольмены — не единственные в районе Геленджика. В 1939 г. мною исследован разграбленный дольмен недалеко от центра города. Остатки двух разграбленных дольменов обнаружены на северной окраине Геленджика и остатки разрушенного дольмена — в Фальшивом Геленджике. Из Фальшивого Геленджика в 1957 г. в Геленджикский музей поступили вещи, подобранные после разрушения плантажным плугом дольменного погребения. Среди этих вещей — бронзовые наконечники копий и железный серповидный ножичек, подобные описанным выше.

РАСКОПКИ ЕЛИЗАВЕТОВСКОГО МОГИЛЬНИКА в 1959 г.

В 1959 г. Донская археологическая экспедиция Ленинградского отделения Института археологии АН СССР и Ростовского областного краеведческого музея продолжала исследование Елизаветовского курганного могильника. В этом сезоне основное внимание экспедиции было направлено на исследование одного из наиболее крупных курганов группы «Пять братьев» — № 8. Прежде чем перейти к характеристике материалов кургана № 8, я хотел бы сказать несколько слов о естественно-географических условиях местности, где расположена эта группа и соседнее, связанное с ней, Елизаветовское городище.

Напротив поселка Гниловского р. Дон делится на два главных рукава: южный рукав — современная р. Дон — отходит здесь от коренной террасы и прорезает частично заболоченную по обоим берегам низменную равнину; северный рукав — р. Мертвый Донец — продолжает свое течение вдоль коренной террасы. Пространство между обоими главными рукавами представляет собой остров треугольной формы с солончаковыми песчанистыми почвами. Длина острова — свыше 25 км, ширина около — 15 км. С запада на восток этот остров прорезают русла более мелких рек: Каланчи, Лагутника и др. Все эти реки, разветвляясь при впадении в Азовское море, образуют многочисленные острова. Почти все пространство острова при весенних наводнениях и осенних низовых ветрах затопляется водой, поэтому большая часть острова заболочена и покрыта густыми зарослями камыша. Не затопляются лишь песчаные бугры, тянущиеся к северо-западу между ериком Дугиным и р. Лагутником, и более возвышенная территория хут. Городище, где расположено Елизаветовское городище. С западной, южной и восточной сторон этого городища расположен обширный курганный могильник.

Восточной границей могильника является несколько обособленная группа из 14 курганов, тянущаяся цепочкой с северо-запада на юго-восток (рис. 1). Пять из них выделяются огромными размерами; они достигают в высоту 7—12 м и имеют диаметр 60—70 м. От них-то и получила название «Пять братьев» вся группа. Она находится в 1,5 км северо-западнее хут. Колузаево и примерно в 2 км восточнее хут. Городище. Эта группа в связи с поисками в низовьях Дона древнего города Танаиса издавна привлекала внимание русских и иностранных путешественников и археологов¹. В 1871 г. П. И. Хицунов² здесь раскопал четыре небольших и два больших кургана. Наконец, в 1954 г. Донской экспедицией Ростовского областного краеведческого музея и Ленинградского отделения Института истории материальной культуры Академии наук были раскопаны

¹ G. Clark. Travels in Various Countries of Europe, Asia and Afrika, т. I, London, 1816, стр. 411—414.

² П. И. Хицунов. Архив ЛОИА, д. 10/1869; П. М. Леонтьев. Археологические разыскания на месте древнего Танаиса и в его окрестностях. Пропилеи. Сб. статей по классическим древностям, кн. 4, М., 1854, стр. 497; Два письма Стемповского к Бларамбергу о местоположении древнего Танаиса. Там же, стр. 393.

семь небольших курганов (№ 1—7), в их число входили и те четыре, которые прежде копал П. И. Хицунов³. Любопытно, что эти четыре кургана содержали значительные находки: раздавленные амфоры, железные и бронзовые наконечники стрел, обломки котлов и т. д.

Исследование курганов группы «Пять братьев» поставило перед нами вопрос — какие же из пяти больших курганов копал П. И. Хицунов, поскольку планы раскопанных курганов им не составлялись. В своем неопубликованном рукописном отчете он отмечает, что не мог копать наиболее крупный, «самый крайний от Дона» курган № 12, так как насыпь его использовалась под современное раскольничье кладбище. Из того же отчета мы выяснили, что он копал оба кургана «глухой» траншеей «с восточных хорошо сохранившихся сторон». Теперь в восточных полах курганов №№ 8 и 9 были хорошо заметны оплывшие края «глухих траншей». П. И. Хицунов обнаружил погребение лишь в одном кургане, и осталось неизвестным, нашел ли он погребение во втором. Он сообщает, что высота кургана, где им было найдено погребение, достигала 4,5 саженьей. Это дало нам возможность окончательно определить курган. Этот курган, отмеченный на нашем плане под № 8, высотой в 9 м является четвертым, если считать от Дона, и предпоследним с противоположного конца. Это не мог быть курган № 9, так как высота его достигает едва ли 7 м. Таким образом, нам удалось установить, какие из двух больших курганов группы «Пять братьев» были раскопаны прежде.

На основании малочисленности инвентаря, найденного П. И. Хицуновым в погребении кургана № 8, он считал, что обнаруженное погребение ограблено. Что же было им найдено? В отчете он пишет: «...Когда в глубину достигли еще 3 саженьей (6,402 м.— В. Ш.) при самой трудной и опасной работе, то показались толстые, совершенно истлевшие пласты тростника, куги и камыша, которыми, вероятно, покрыта была гробница, она действительно вскоре и обнаружилась под тростниковой настилкой; заметны были даже деревянные перекладки на бывшем потолке гробницы, представлявшиеся, впрочем, в виде мельчайших кусочков или комков красноватого порошка. Итак, на глубине 4½ саженьей (9,593 м.— В. Ш.) от поверхности кургана, не в центре, однако, же онаго, а на окружности, на материке оказалась обширная каменная гробница. Она расположена была с востока на запад, имея длины до 4-х аршин, ширины до 3-х, а глубины более 2 аршин. Грубо без цемента сложенные стенки ее из дикарного камня, вероятно, от тяжести налегавших верхних слоев кургана местами покосились и разрушились. Вся правая (северная. — В. Ш.) сторона этой гробницы и середина оказались пустою и ничего, кроме песка и глины, перемешанных с истлевшим деревом и камышом,

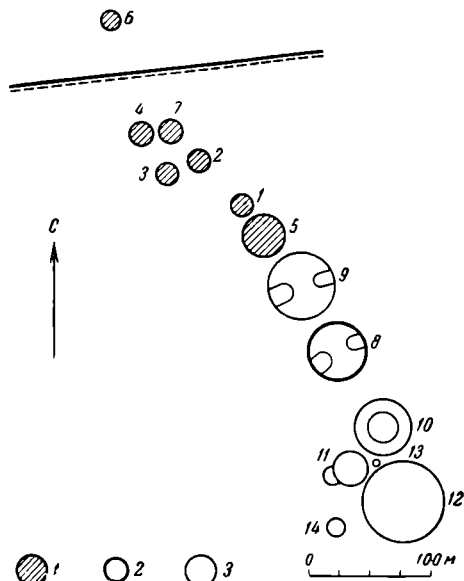

Рис. 1. План курганной группы «Пять братьев»

1 — курганы, раскопанные в 1954 г.; 2 — курган, раскопанный в 1959 г.; 3 — нераскопанные курганы

³ В. П. Шилов. Раскопки Елизаветовского могильника в 1954 и 1958 годах. Известия Ростовского областного музея краеведения. Ростов-на-Дону, № 1(3), 1959, стр. 17 сл.

не содержащей, даже костей человеческих и лошадиных не оказалось, между тем, как в левой стороне (южной. — В. Ш.) ее собрано несколько лошадиных костей и при них беспорядочно раскиданных бронзовых, более похожих на медные, украшений от конской сбруи, именно: больших выпуклых блях вершка в полтора, шириною 3—4, малых блях — 3 и еще мельче штуки 2, кольца, пряжки, нечто вроде колокольчиков, фигурные удила и т. п.»⁴.

Изучив архивные материалы, касающиеся этой могилы, я пришел к выводу⁵, что «отсутствие здесь костей человека и наличие конских, специфический состав погребального инвентаря — медные бляхи различного размера, кольца, пряжки и удила, принадлежащие конской сбруе, а также отсутствие предметов вооружения, и в особенности, амфор, так характерных для захоронений человека в Елизаветовских курганах и, что исключительно важно, расположение могилы «не в центре однако же онаго (кургана. — В. Ш.), а на окружности — все это побуждает рассматривать погребение, исследованное П. И. Хицуновым, не как захоронение человека, а как погребение лошади в индивидуальной яме. По-видимому, яма с захоронением человека не была открыта П. И. Хицуновым и ее следует искать рядом с конской». Таковы вкратце итоги изучения архивных материалов и полевых наблюдений, сделанные до начала археологических раскопок кургана № 8.

Осенью 1959 г., поскольку появилась возможность использовать технику для снятия насыпи, я решил проверить мое предположение и раскопать курган № 8.

Высота этого кургана — 9 м; диаметр — 62 м. Верхняя часть кургана представляла собой подквадратную площадку, примерно 13×13 м, несколько наклонную в западном направлении. В западной части находилась овальная грабительская воронка, несколько смещенная к югу от центра кургана и ориентированная по линии запад — восток, с небольшими отклонениями к северу и югу. Глубина воронки — 0,5 м. На восточной стороне кургана имелась засыпанная и частично оплывшая «глухая траншея» П. И. Хицунова, ориентированная в том же направлении, длиной 20 м, шириной 7,5 м и глубиной около 0,8 м. По основанию с западной, южной и восточной сторон курган опоясывает террасовидный уступ, не прослеживающийся с северной стороны. Высота уступа — около 1,5—2 м, ширина 4—6 м. П. И. Хицунов в своем отчете сообщает, что все крупные курганы группы «Пять братьев» в основании имели каменные крепиды, которые были разобраны еще до его раскопок казаками соседних хуторов на различные хозяйственные сооружения. Не исключена возможность, что эти террасовидные уступы и являются остатками выброса земли при выборке камня крестьянами.

Насыпь кургана мы раскапывали бульдозером и скрепером. Ввиду того, что могилы Елизаветовского могильника ориентированы по линии запад — восток, насыпь снималась в том же направлении: сначала южная половина, затем северная. Западная половина насыпи кургана нарушена грабительской воронкой, наслоения которой были хорошо видны в разрезе. В профиле насыпи кургана выявилась простота его конструкции (рис. 2). Верхняя часть насыпи состояла из слоя плотной темной илистой глины. Мощность этого слоя в центре достигала 0,5—0,6 м, а к полам возрастала до 2 м. Ниже, до самой погребенной почвы, залегал сравнительно мягкий солончаковый светлый слоистый песок. Отмеченные выше уступы, опоясывающие основание кургана, состояли исключительно из слоя темной илистой глины. Никаких следов каменной крепиды выявить не удалось.

⁴ Архив ЛОИА, д. 10/1869.

⁵ В. П. Шилов. Ук. соч., стр. 17.

Юго-западную четверть кургана, несколько ближе к южной поле, прорезала огромная воронка, постепенно сужающаяся к погребенной почве, где диаметр достигал 6 м. В воронке обнаружено значительное количество камней, вынутых грабителем из южной и, частично, западной стен склепа, находившегося ниже. Наш раскоп при снятии южной половины

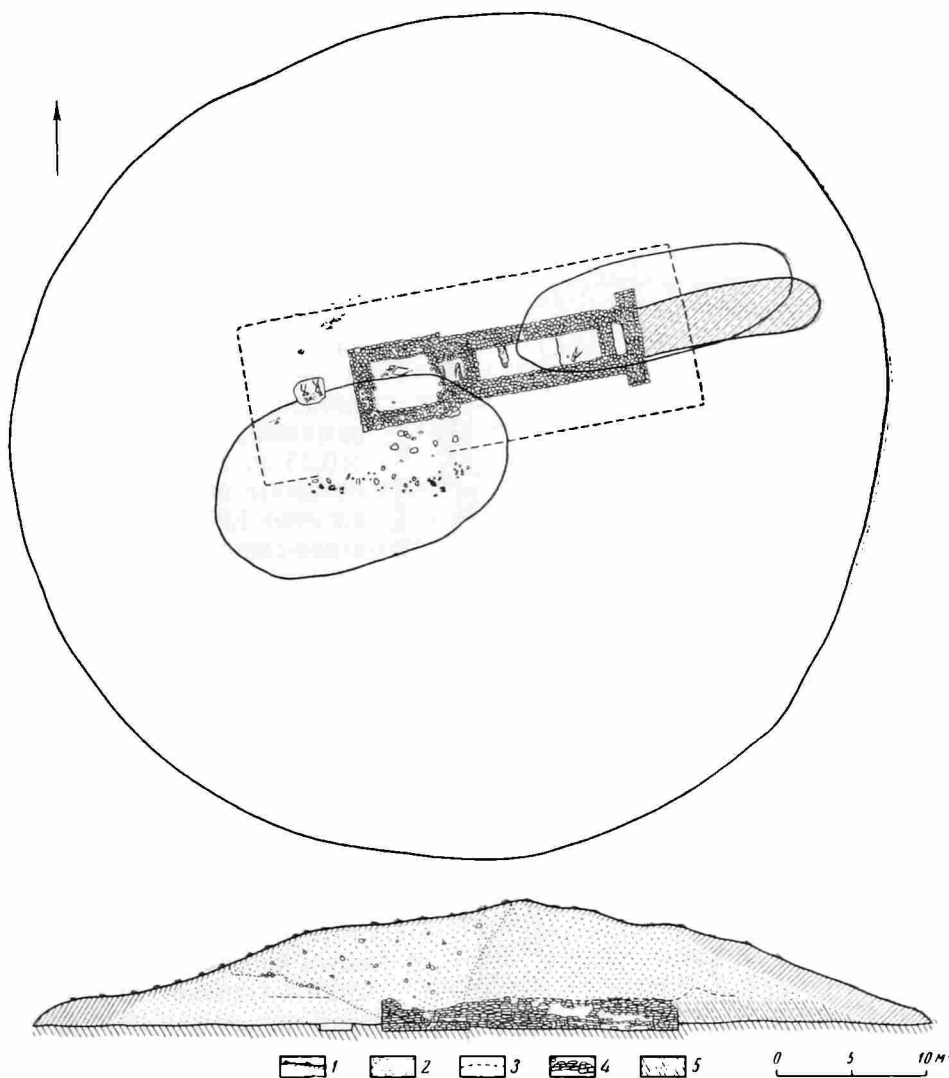

Рис. 2. План кургана № 8

1 — темная илстая глина и дерн; 2 — песок; 3 — куга; 4 — камни; 5 — глинистая пробка

насыпи захватил большую часть воронки, и в профиле был зафиксирован лишь ее северный край. То, что грабитель несколько ошибся в определении центра кургана, спасло значительную часть камеры от разграбления. На глубине 6,75 м от центрального пикета выявились верхние края каменного склепа, состоявшего из квадратной камеры размером: по линии север—юг — 6,5 м и по линии запад—восток 6,4 м. Он примыкал вплотную к дромосу длиной 14,7 м, расположенному с восточной стороны камеры. Камера и дромос соединялись с помощью дверного проема шириной в 1,75 м оставленного посредине восточной стены камеры.

При сооружении квадратной в плане камеры склепа, на месте проектируемых стен, были вырыты траншеи шириной в 1,45 м и глубиной 0,5 м.

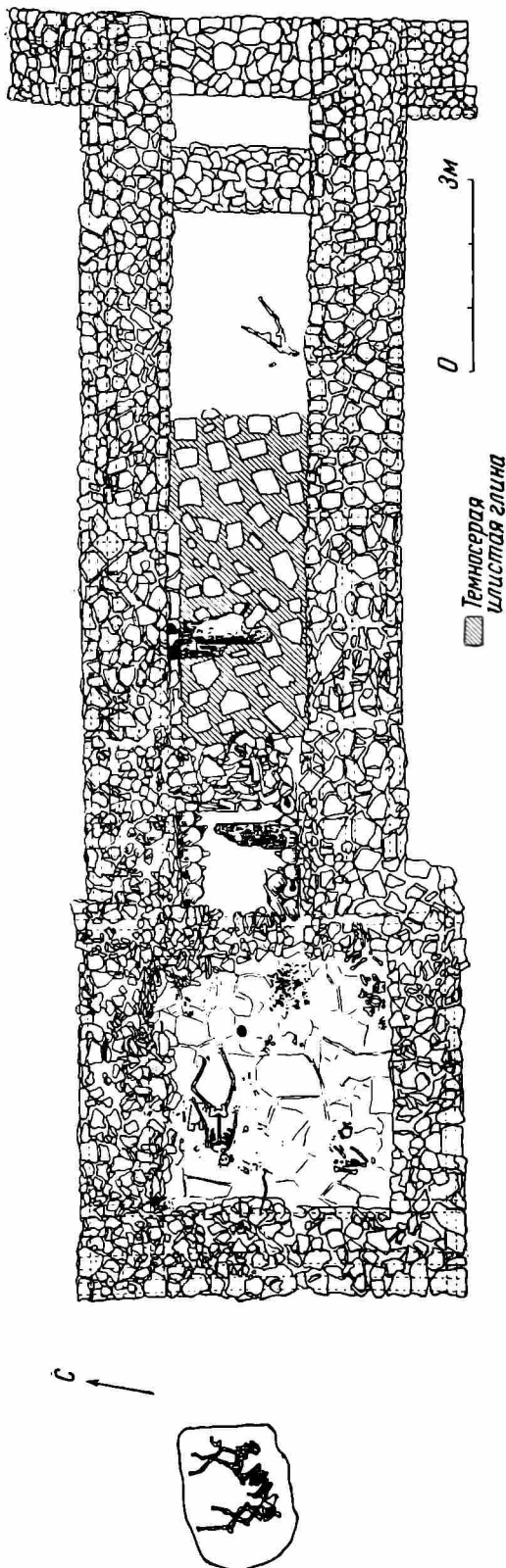

Рис. 8. План погребения кургана № 8

В этих траншеях, соответственно их ширине, был выложен фундамент склепа из необработанного песчаника на темной глине, перемешанной с рубленой травой (рис. 3). На фундаменте были возведены стены склепа высотой в 1,75 м, сложенные из таких же необработанных камней песчаника на темной глине, с примесью рубленой соломы. Стены выкладывались следующим образом: с наружной и внутренней сторон укладывались более крупные плиты размером 30×40 см и толщиной 0,7—0,2 м, составлявшие панцири стены. Пространство между обоими панцирями заполнялось более мелкими камнями, размером $0,15 \times 0,25$ м. Углы стен камеры сложены вперевязь. Толщина стен 1,25—1,3 м. Внутри и кое-где снаружи стены камеры обмазаны илистой глиной.

Для укрепления камней в толщину стен камеры вмазывались бревна, от которых в настоящее время сохранились продольные пустоты. В основании этих пустот, тянущихся вдоль внутреннего и внешнего панцирей стен, обычно находилась коричневый порошок тлена дерева. Иногда эти пустоты оказывались заполненными просевшими сверху камнями. Однако и в этих случаях между камнями просевого ряда и основанием пустот наблюдались остатки тлена дерева. В западной стене встречены пустоты от четырех таких бревен, лежащих в два горизонта: верхняя из двух пустот находилась на расстоянии 1,6 м, а нижняя — на расстоянии 0,7 м от основания стены. В южной стене, частично разобранной грабителями, обнаружена одна пустота, на расстоянии 0,7 м от основания стены. По одному отверстию от сгнивших бревен обнаружено в двух отрезках

восточной стены, которые прерывались посередине входным проемом. Они расположены на расстоянии 0,7 м от основания стены. Не исключена возможность, что здесь вмазывалось (судя по одинаковой высоте и направлению пустот) одно длинное бревно, средняя часть которого пересекала входной проем в камеру. С наружной и внутренней сторон северной стены прослежены четыре пустоты от вмазанных бревен, расположенных, так же как и в западной стене, в два горизонта. Один горизонт, верхний, находился на расстоянии 1,34 м, а второй, нижний, на расстоянии 0,7 м от основания стены. Судя по сохранившимся отпечаткам глиняной обмазки, диаметр бревен достигал 0,15—0,2 м. По-видимому, в верхней части южной стены было вмазано еще одно бревно, однако, поскольку стена была частично разобрана грабителями, нам не удалось его проследить.

Не исключена возможность, что наружные концы бревен были каким-то образом скреплены (что можно предположить, исходя из одинакового уровня расположения пустот). Если это так, то можно предположить, что с целью увеличения прочности скрепления каменных стен склепа в каменные стены на двух горизонтах были включены венцы деревянных срубов. Однако каким образом скреплялись концы этих бревен друг с другом, выяснить не удалось вследствие плохой сохранности дерева. Во всяком случае в пустотах на углах стен нами не обнаружено никаких следов гвоздей.

Пол склепа был подсыпан землей на 0,15—0,2 м выше уровня погребенной почвы и вымощен плоскими каменными песчаниковыми плитами различной величины, плотно подогнанными друг к другу. После снятия плит пола и подсыпки, на погребенной почве мы обнаружили пять ям различной формы, однако в них ничего, кроме костей домашних животных, нескольких обломков лепной керамики и золы, не оказалось.

К восточной стене склепа по обе стороны входного проема примыкали северная и южная стены дромоса, длиной 14,7 см. На восточных концах, с наружных сторон, северной и южной стен дромоса имелись небольшие контрфорсы, сложенные из таких же камней, что и стены дромоса⁶. Так же как стены склепа, стены дромоса покоились на мощном цоколе, который выступал на 10—15 см с внутренней стороны стен дромоса и на 0,5—0,8 м с наружной. Высота стен дромоса там, где она сохранилась полностью, достигала 2 м. Высота цоколя 0,5 м (рис. 4). Ширина прохода дромоса — 2,2 м, а вместе со стенами 5,1 м.

Так же как в склепе, в стены дромоса были вставлены продольные и поперечные бревна. Продольные бревна размещались по внутреннему и наружному краю и в толще — примерно посередине стены. Пустоты здесь располагались по горизонтам в два яруса. Верхний — на высоте 1,35 м, нижний — на 0,5 м от основания стен. Помимо этого, в обе стены дромоса вмазывались поперечные бревна. В северной стене сохранилось девять, а в южной стене — три пустоты от сгнивших бревен. Диаметр этих пустот достигал в среднем 15—20 см (рис. 5, 6).

Сверху склеп и дромос были перекрыты дубовым накатом из мощных бревен (диаметр одного, сохранившегося в дромосе, достигал 40 см, а другого — 60 см). Сверху накат был застелен слоем чакана (разновидность камыша), толщина слоя в настоящее время достигает 3—4 см. После совершения погребения склеп был засыпан мощным слоем песка, а сверху покрыт темной илистой глиной. Вход в дромос оставался открытым.

На каменном полу склепа нами обнаружено два погребения. Одно из них, южное, оказалось почти полностью ограбленным (рис. 3). Грабители

⁶ Южный — размером 1,5 × 1 м; северный — 1,4 × 1,05 м; высота от цоколя — 0,95 м. Ширина стен дромоса несколько превышает ширину стен склепа. Она достигала 1,45 × 1,55 м.

Рис. 4. Общий вид склепа со стороны дромоса (с восточной стороны)

разрушили значительную часть южной стенки камеры и юго-западный угол склепа. Ограбление совершено после того, как деревянное покрытие рухнуло внутрь могилы. Трудно что-либо сказать о времени ограбления. Поскольку внутри грабительской воронки обнаружено несколько казацких погребений середины XIX в., надо полагать, что ограбление совершено в XVII или XVIII в. От ограбленного погребения сохранились череп старого мужчины и разбросанные рядом с ним кости ног человека. У юго-восточного угла обнаружен разбитый на мелкие куски котел скифского типа (рис. 7) и кости лошади со следами окиси меди. Рядом лежало мно-

Рис. 5. Внешний вид северной стены дромоса с внутренней стороны (хорошо заметны продольные и поперечные пустоты от бревен)

жество обломков железных дровиков, золотая лента с пунсонным орнаментом по краю, обломки стеклянного сосуда и две золотые бляшки: треугольная, украшенная зернью, и круглая полусферическая с петелькой на оборотной стороне. Под поддоном стоявшего котла сохранились остатки плетеной циновки, которой, вероятно, был покрыт каменный пол камеры; против черепа у западной стенки лежали обломки клинка железного меча.

Таким образом, грабитель ограбил полностью лишь один костяк и камеру на протяжении 1,25—1,3 м от внутреннего края южной стенки. Остальная, северная, часть склепа оказалась нетронутой грабителем. В

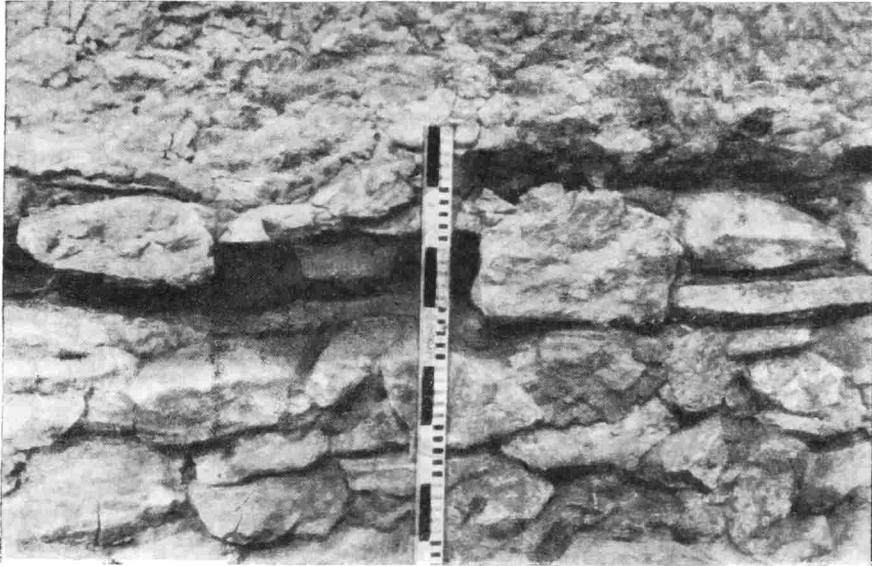

Рис. 6. Пустота в стене от продольного бревна

этой части склепа лежал обнаруженный нами костяк мужчины на спине, головой на запад, со слегка согнутыми в коленях ногами, кости которых распались под тяжестью рухнувшего перекрытия; череп раздавлен, правая рука, слегка согнутая в локте, отведена в сторону (рис. 8).

В северо-западном углу склепа обнаружен пучок бронзовых наконечников стрел, остриями направленных к северной стене (74 шт.). Рядом лежали два железных ножа с костяными рукоятками, такая же рукоятка от третьего ножа и несколько костей коровы (?).

На черепе погребенного, рядом и под ним, обнаружены золотые штампованные бляшки трех типов: 59 пальметковидных и розетковидных и 19 полусферических, украшавших, по-видимому, не сохранившийся головной убор. Здесь же обнаружена бусина из красного стекла. Под черепом находилось золотое проволочное височное колечко с заостренными, заходящими друг за друга концами. К югу от черепа найдены два пучка бронзовых наконечников стрел, лежавших остриями к западной стенке (83 шт. и 67 шт.); рядом с ними стоял серебряный кувшинчик с узким горлом и шаровидным туловом (рис. 9). С наружной стороны венчика начертаны греческие буквы. К западу от кувшинчика лежали на боку 12 золотых дутых биконических бусин и 6 костяных пуговиц в виде срезанного конуса, обложенных золотой фольгой. К юго-востоку от кувшинчика — золотой наконечник от колчана (?), восточнее его — пучок бронзовых наконечников стрел (87 шт.), лежавших остриями к западной стенке. Южнее лежал еще один пучок наконечников стрел (89 шт.), направленных остриями к западной стенке, под ними — железный нож с костяной рукояткой; южнее — еще один пучок бронзовых наконечников стрел

(108 шт.) и под ним — нож с костяной рукояткой; у рукоятки ножа — костяная пуговица в виде усеченного конуса.

На шею погребенного была надета золотая массивная гривна, концы которой заканчиваются скульптурными фигурками лежащих барсов. Вокруг шеи обнаружено ожерелье, состоящее из тройных золотых колечек: одного маленького и двух больших колечек, на последних припаено по три пирамидки из зерни; золотых медальонов различной формы со вставками из янтаря, сердолика и стекловидной пасты, вотивного вислобушного топорика, бус из янтаря и белой пасты и подвесок из белой па-

0 3см

Рис. 7. Бронзовый котел

сты, кораллов и сердолика, обрамленных золотыми и серебряными пластинами. У левого плеча лежала золотая спирально изогнутая лента, украшенная пунсонной зернью по краям. У локтя правой руки стоял серебряный килик (рис. 10). На костях левого предплечья — железный нож с костяной рукояткой; на левом плечевом суставе (сверху горита) лежал железный меч в деревянных ножнах, обложенных с наружной стороны тисненой золотой обкладкой. На ней в высоком рельефе изображены сцены битвы скифов с греками (рис. 11), совершенно аналогичные сцены на золотой же обкладке из Чертомлыцкого кургана. Золотая пластина с помощью загнутого края и золотых гвоздей прикреплялась к деревянной основе ножен. Общая длина меча — 58,2 см. Ширина клинка у перекрестья — 6 см. Овальное брусковидное навершие и рукоятка с тре-

Рис. 8. Общий вид нетронутого погребения

угольно-сердцевидным перекрестьем обложены золотым листом. Обкладка изготовлена из двух половин, спаянных по бокам оловом, причем край одной пластины заходит за край другой. На обеих золотых пластинках, оттиснутых в одной и той же форме, имеются следующие изображения: на обеих сторонах обкладки навершия — бегущая собака; на рукоятке — лань с рогами, направленными в сторону навершия; на перекрестье — две грифонообразные фигуры, сидящие в геральдической позе. Полной аналогией этим изображениям являются изображения на рукоятке одного из мечей Чертомлыцкого кургана. На боковом выступе ножен, обрамленном крупной зернью, художник мастерски изобразил грифона, напавшего на лань, но из-за недостатка места вместо всей лани помещена только голова с рогами и часть шеи.

Верхняя часть ножен отделена от остальной крышеобразно изогнутой перекладиной, на скатах которой помещены два львиных козлорогих грифона в геральдической позе. Левый грифон левой передней лапой, а правый грифон правой передней лапой держат ветвь пальмы, завершающуюся снизу и сверху пальметками.

На нижней части ножен представлены пять сцен боевой схватки греков со скифами, являющиеся отражением какой-то битвы, известной, очевидно, как грекам, так и скифам. Как видно, битва складывается не в пользу греков, поэтому их стратег в коринфском шлеме и панцире (первый слева)

Рис. 9. Серебряный сосуд

вынужден призвать на помощь подкрепление. Он не замечает опасности, которая грозит ему со стороны стоящего рядом предводителя скифов, который через мгновение нанесет ему сокрушительный удар мечом.

На следующей сцене — битва двух греков со скифом. Центральной частью композиции является изображение изнемогшего в бою, упавшего на землю безбородого грека, которого поддерживает бородатый грек, пытающийся отразить копьем натиск варвара. Он подставил под правую руку раненого свое левое колено. Правая рука безбородого грека безвольно свисает с колена спасителя, в то время как левой он еще пытается найти опору для сохранения равновесия. По другую сторону от безбородого грека изображен скиф, стремящийся нанести копьем последний удар раненому греку.

Рис. 10. Серебряный килик;

Третья группа изображает битву пешего грека с двумя скифами, пешим и конным. Центральной частью композиции здесь является упавший на колени молодой скиф, которому пытается нанести удар стоящий справа грек, прикрывающий свое тело щитом. Раненый скиф выжидает удобный момент, чтобы нанести ответный удар боевым топором; на помощь раненому спешит конный скиф с длинным копьем. Однако лошадь его споткнулась, упала на передние ноги и уперлась лбом в землю. Всадник, натягивая повод, безуспешно пытается поднять своего боевого коня на ноги; очевидно, судьба раненого скифа решена.

Следующая группа из двух фигур на наиболее узкой части ножен (рис. 12), по чертомлыцкой обивке обычно трактовалась всеми исследователями как сцена захвата в плен скифом раненого сопротивляющегося грека. Однако внимательное изучение этой хорошо сохранившейся части елизаветинской обкладки позволяет совершенно иначе трактовать эту сцену. Во-первых, здесь изображены не грек и скиф, а два грека. На голове воина, до сих пор считавшегося скифом, с правой стороны хорошо заметен край шлема, частично закрытого изображением руки другого грека. Во-вторых, этот «скиф» одет не в кафтан с рукавами, а в хитон, который только сполз с него так, что его правое плечо и рука обнажены. В-третьих, если внимательно рассматривать в лупу лицо склонившейся фигуры и правое колено раненого, то хорошо заметно, что между коленом раненого и ртом воина, который, по нашему мнению, тоже грек, изображен какой-то предмет, конец которого зажат во рту этого воина. Это, по-видимому, древко стрелы, которую он пытается вытащить зубами из колена раненого, удерживая его ногу за бедро своей левой рукой, а за икру — правой. Наконец, полулежащий раненый грек не мог оттолкнуть своего спасителя (как я его трактую), поскольку центр тяжести раненого воина лежит на локте левой руки, и правой рукой он лишь слегка опирается о голень другого воина.

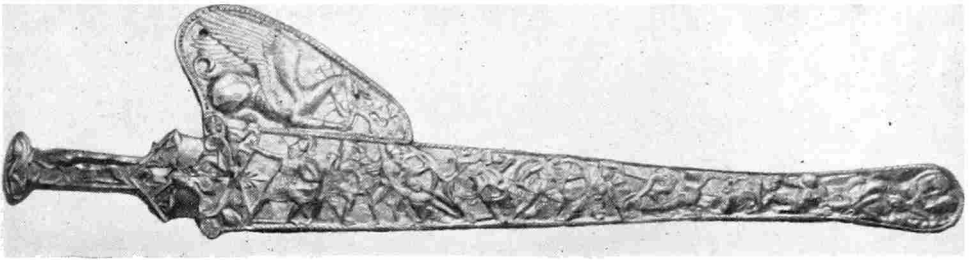

Рис. 11. Железный меч в деревянных ножнах, обложенных золотым листом

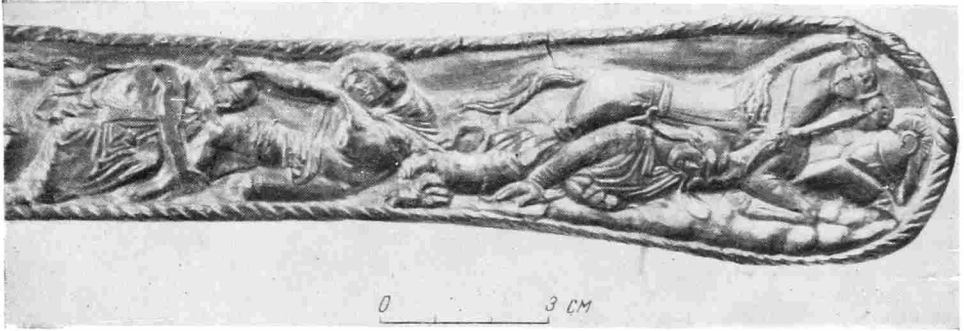

Рис. 12. Золотые ножны меча (деталь)

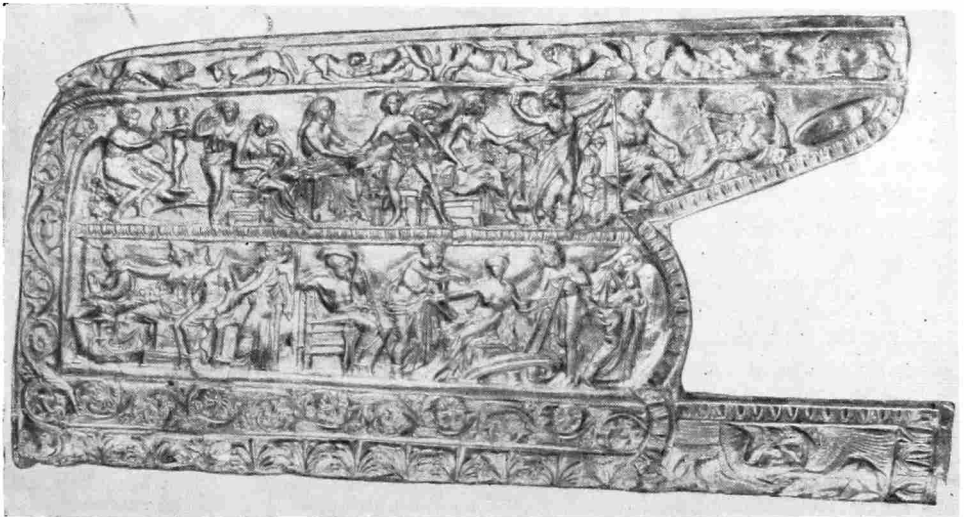

Рис. 13. Обивка золотого горта.

Таким образом, здесь представлена сцена врачевания. Помощь оказывает здесь не скиф скифу, как на знаменитом куль-обском сосуде, а грек греку, и не после, а непосредственно на поле боя.

В последней сцене изображена мчущаяся во весь опор лошадь, волокущая раненого молодого скифского воина, крепко удерживающего левой рукой повод.

С обратной стороны золотой пластины хорошо сохранилась плотно заполнявшая рельеф желтоватая мастика, на которой отпечатались изображения.

В могиле рядом с ножнами (на горите) лежал пучок бронзовых наконечников стрел (48 шт.) Под ножнами и под фалангами пальцев левой руки находилась золотая пластинчатая обкладка горита, в котором был нами обнаружен пучок бронзовых наконечников стрел (108 шт.), лежавших остриями книзу. На золотой обкладке горита оттиснуты различные орнаментальные фризы. На верхнем фризе представлены сцены борьбы животных, издревле в искусстве олицетворяющие силу — львица и бык, вепрь и лев, а также сцены терзания хищниками травоядных — пантера, терзающая дикого молодого козла, или пантера и лев, терзающие оленя (рис. 13). На двух средних фризах изображены сцены из жизни греческого мифического героя Ахиллеса. В верхнем фризе — сцена обучения юноего Ахиллеса стрельбе из лука. Среднюю часть верхнего фриза занимает драматическая сцена обнаружения Ахиллеса на острове Скиросе среди дочерей царя Ликомеда. Центральной фигурой композиции является Ахиллес, сбрасывающий с себя женский хитон, в котором он скрывался в доме царя Ликомеда.левой рукой он собирается сбросить гиматий, развевающийся пышными складками и прикрывающий среднюю часть тела; правой рукой он схватил меч. Сидящий справа от него юноша, по-видимому, Одиссей, который под видом торговца украшений проник в дом царя Ликомеда. Сюда вместе с предметами украшений он приносит и оружие, что и послужило причиной душевного порыва Ахиллеса. Одиссей удерживает двумя руками правую руку Ахиллеса. Слева от Ахиллеса сидит кормилица или рабыня, удерживающая за развевающийся гиматий женщину с распростертыми руками. Поворотом корпуса художник мастерски передает драматизм переживания этой женщины, по-видимому, дочери царя Ликомеда Деидамии, которая имела от Ахиллеса сына Неоптолема. Она испугалась за Ахиллеса, ибо знала о предсказании, согласно которому Ахиллес должен погибнуть, если им овладеет дух Марса. Рядом с Одиссеем изображены еще две женские фигуры. Одна из них, стоящая — по-видимому, дочь Ликомеда; вторая, сидящая — жена царя Ликомеда, утешающая приникшего к ней испуганного разыгравшейся сценой мальчишка, по-видимому, Неоптолема. Следующая сцена, занимающая правую часть верхнего и левую часть нижнего фриза, представляет собой проводы Ахилла семьей Ликомеда. Здесь изображен Ахиллес полулежащим, в дорожном одеянии — гиматии; правой рукой он удерживает меч. Перед ним, со скипетром в левой руке, сидит на кресле царь Ликомед. На второй части фриза изображена женская половина дома, где сидящая в центре мать-царица опирается руками на сидящих дочерей и они печально провожают в поход Ахиллеса. Сзади них стоит служанка.

В последующей сцене, занимающей почти всю правую половину нижнего фриза, изображена сцена примирения Ахилла с Агамемноном и одевание его в доспехи, присланные Фетидой для боя с Гектором. Центральной фигурой композиции является фигура Ахиллеса, сидящего на низком табурете с кнемидами в руках. Слева на троне сидит Агамемнон; направо от Ахиллеса — Диомед; налево — Одиссей. Закрывает фриз фигура Фетиды, уносящей урну с пеплом сожженного героя.

Оба фриза слева и снизу окаймляют стилизованные ветви акацифа, ограниченные снизу рядом пальметок. Правый край горита окаймляет ряд овов и лесбийского киматия. Правый нижний выступ заполнен сценой на-

падения двух грифонов на пантеру. На золотой обкладке боковины горита изображены два львиных рогатых грифона, стоящих на задних лапах в геральдической позе. Концы их загнутых назад рогов трактованы в виде стилизованных завитков ветвей аканфа с цветками.

С оборотной стороны, в рельефных углублениях горита, обнаружены приставшие кусочки желтоватой мастики, такой же, как и на обкладке ножен; под обкладкой сохранились кусочки деревянного каркаса.

На левое предплечье погребенного был надет браслет из золотой ленты с несходящимися концами и тремя продольными каннелюрами — две по краям и одна посередине.

Верхняя часть одежды на груди и на спине погребенного, а также рукава были обшиты золотыми тиснеными бляшками следующих типов: квадратные, с изображением лани и борющихся варваров, и треугольные, украшенные зернью.

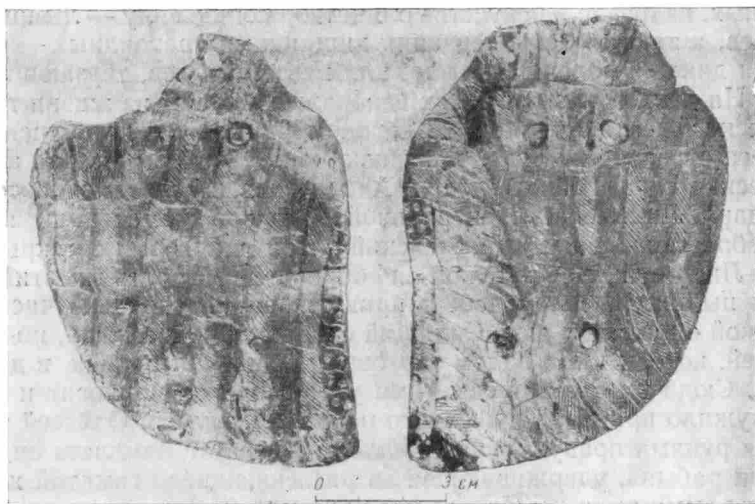

Рис. 14. Серебряные позолоченные нащечники

На фалангах пальцев правой руки обнаружено два перстня с заходящими друг за друга концами, украшенные овальными щитками; на щитке одного из них — грифон, терзающий голову барана. С внутренней стороны правого локтя покойного лежала галька; с наружной стороны правого локтя — пучок бронзовых наконечников стрел (114 шт.), пулевидный костяной наконечник стрелы, костяная пуговица в виде усеченного конуса, фрагментированный железный нож с костяной рукояткой и две золотые полуовальные пластины. Восточнее находился еще пучок бронзовых наконечников стрел (49 шт.). Напротив правого колена найдены два железных ножа с костяными рукоятками. Слева от костяка, напротив левого бедра, также лежал пучок бронзовых и костяных пулевидных наконечников стрел. Рядом находились два длинных боевых пояса, сделанных из узких бронзовых полуколец, нашитых на кожаный ремень. С наружной стороны правой голени погребенного была положена уздечка, от которой сохранились железные кольчатые удила с бронзовыми гвоздевидными псалиями; два серебряных позолоченных нащечника, трактованные в виде крыльев птицы (рис. 14), серебряный налобник с изображением головы хищника и шесть бронзовых, платированных серебром блях полусферической формы с перемычкой-петелькой на обратной стороне. Носки сапогов погребенного были украшены золотыми полусферическими бляшками на левом носке — 5, а на правом — 8 шт. Справа от костяка лежала бронзовая полусферическая чаша.

У северной стенки склепа найдены обломки двух глиняных открытых светильников. В северо-восточном углу могилы лежали глиняный открытый светильник, обломок железного кинжала, железный вток, обломки железных дротиков, две бронзовые кнемиды, несколько пучков бронзовых и железных трехперых втульчатых наконечников стрел, бронзовый пояс из овальных узких пластин, нанизанных друг на друга, три железных копья. Против входа в дромос, на пространстве $0,8 \times 0,8$ м, лежали в беспорядке

Рис. 15. Предметы, хранившиеся в «ларце»

рядке множество золотых пластин с различными изображениями — ветвей аканфа, грифонов и сфинксов и т. д., золотые бляшки с изображением Артемиды, грифонов, розеток, львиной головы и др. (рис. 15), бус — шаровидных и кувшинообразных, золотых ребристых пронизок и полуободки с подвесками в виде амфор. Всего здесь обнаружено 1273 золотых предмета. По-видимому, здесь стоял деревянный ларец, где были спрятаны парадная одежда и головные уборы. К сожалению, вследствие обвала каменной закладки входа в склеп, порядок положения отдельных предметов оказался нарушенным.

Во внутренний панцирь северной стены, который частично обрушился в склеп, были вбиты железные крюки; на них, очевидно, были подвешены одежды. Эти крюки находились в значительном количестве в завале рухнувших в камеру камней; однако никаких следов одежды не сохранилось.

Таков краткий перечень предметов, обнаруженных в склепе. Трудно сказать, кто из погребенных захоронен раньше, поскольку одно из погребений почти полностью ограблено.

После совершения обряда погребения вход в склеп был заложен с наружной стороны, т. е. со стороны дромоса, каменной поперечной стеной, толщиной 1 м, сложенной из камней, скрепленных темной глиной (рис. 2, 1). Вдоль северной и южной стен дромоса, т. е. по обе стороны входа, было поставлено 14 амфор, вероятно с вином. Из них девять — гераклевских, с английскими клеймами, красными полосами и греческими буквами, нанесенными красной краской на горлах, и пять синопских.

На расстоянии 1,5 м от первой поперечной стены в дромосе была сооружена вторая поперечная перегородка, толщиной 1,2 м. Начиная от второй перегородки, все пространство дромоса было заложено своеобразным закладом, состоящим из беспорядочно лежавших плит песчаника и толстых прослоек темной илистой глины. На расстоянии 7, 9 м от второй была сооружена третья, поперечная перегородка дромоса, шириной 1 м, сложенная также со стороны входной части в дромос. Пространство между закладом и третьей перегородкой оказалось пустым, и здесь, на дне дромоса, мы нашли кости задней ноги лошади от погребения коня, которое, как мы предполагаем, раскопал П. И. Хицунов, очевидно ошибочно принявший резко обрывающийся заклад дромоса за развал западной стены камеры. Это предположение подтверждается тем, что размеры открытой им «могилы» соответствуют размерам вскрытой нами пустой части дромоса. Вскрытая им «камера» была ориентирована по линии запад-восток. То же наблюдается и здесь. Длина камеры открытой им могилы равнялась 4 аршинам (3,03 м), длина пустого пространства дромоса — 3,05 м в среднем. Ширина камеры, по его измерениям, — 3 аршина (2,27 м), ширина вскрытого нами дромоса — 2,2 м. Кости лошади, обнаруженные П. И. Хицуновым, лежали, по его словам, с левой стороны камеры, т. е. у южной стенки, в то время как центр и северная часть камеры (правая — по обозначению П. И. Хицунова) оказалась пустой. Остатки костей лошади обнаружены нами у южной стенки дромоса. Песчаное заполнение этой части дромоса оказалось чрезвычайно твердым. Это объясняется тем, что П. И. Хицунов, как он сообщает в своем отчете, засыпал свой раскоп. Впоследствии песок засыпи затек водой. Наконец, что особенно важно отметить, здесь отсутствовала прослойка перегнившего камыша. Все сказанное заставляет нас рассматривать эту часть дромоса как камеру с конским захоронением, обнаруженную раскопками П. И. Хицунова.

Вход в дромос после захоронения был заложен еще одной каменной поперечной перегородкой, сооруженной на одном уровне с торцовыми стенами дромоса. Южная ее часть обвалилась внутрь. Ширина перегородки — 1,2 м.

По нашим наблюдениям можно предполагать, что все перегородки сооружались с одной стороны. Об этом свидетельствует тот факт, что одна сторона их ровная, а другая, обращенная к склепу, — неправильных очертаний.

С наружной стороны дромоса, за четвертой перегородкой, все пространство на высоту дромоса, шириной 3,7 и длиной 12,5 м, вплоть до внешнего панциря кургана, было забито темной илистой глиной, т. е. входное отверстие в дромос с востока было закрыто глиняной «пробкой» (рис. 2). В настоящее время глина стала настолько твердой, что ее с трудом резал мощный нож бульдозера.

Всем комплексом вещей описанное погребение датируется второй половиной IV в. до н. э., хотя не исключено, что отдельные вещи относятся и к несколько более раннему времени. Вне склепа, на расстоянии 2,15 м от западной стенки, в овальной могильной яме, ориентированной длинной осью по линии северо-восток — юго-запад, найдено еще одно погребение коня. Длина ямы — 2 м, ширина — 1,6 м, глубина — 0,4 м. В заполненной яме, на различной глубине, найдены: фрагменты лепных сосудов, стенок амфор, кремневый пуклеус и железный крючок неясного назначения. В могильной яме на глубине 0,4 м от дна могилы лежал костяк лошади на левом боку, головой на северо-восток. В области черепа найдены обломки железных удиц, двух бронзовых бляшек и одна бронзовая пряжка.

Также вне склепа, с северной и южной сторон, найдены два глиняных лепных сосуда. Один из них, с выпуклыми боками и отогнутым наружу краем, украшенным защипами, совершенно идентичен по форме и тесту горшкам, обнаруженным нами на городище.

Как видно из перечня вещей, погребение содержало значительное количество предметов, изучение которых, безусловно, обогатит наше представление о культуре племен скифского времени.

Наибольший интерес в этом отношении представляют золотые обивки ножен и горита. В настоящее время известны три золотые обкладки ножен мечей. На двух из них — из Чертомлыцкого и Елизаветовского курганов — имеются совершенно идентичные изображения: на боковине — сцена терзания лани грифоном. На ножнах — сцены из битвы греков со скифами. Третья золотая обкладка, происходящая как будто бы из района Никополя, находится в настоящее время в Метрополитенском музее в Нью-Йорке⁷. Изображения на боковине этой золотой обкладки и сама ее форма отличаются от упомянутых выше. Здесь изображены две сцены: терзание львом оленя и львиным грифом самки оленя. В настоящее время известны четыре горита: Чертомлыцкий, Ильинецкий, Мелитопольский и Елизаветовский, золотые обкладки которых сделаны тиснением в одной матрице с совершенно идентичными изображениями. Наконец, Елизаветовское погребение содержит значительное количество золотых тисненых бляшек и пластин, имеющих многочисленные аналогии как в перечисленных выше курганах, так и в таких, как Дсев курган, Куль-Оба и др.

Какова же техника изготовления этих ювелирных изделий, в особенности крупных? Б. В. Фармаковский, а вслед за ним Н. И. Веселовский и другие считали, что изображения на золотых обкладках горитов получались путем оттисков на специально вырезанной рельефной деревянной матрице, которая оставалась навсегда с обкладкой, с целью предохранения высокого рельефа от помятостей⁸. Однако это представление противоречит материалам, полученным нами в результате раскопок Елизаветовского кургана. Как уже было сказано, на обратной стороне высокий рельеф обивок горита и ножен был заполнен желтоватой массой, которую мы сначала приняли за серу. На стороне, прилегающей к металлу, на этой массе отпечатались рельефные изображения, выполненные на пластинах, в то время как обратная сторона, прилегающая к деревянным ножнам, была гладкой. Спектральный анализ массы показал, что углубления рельефов заполнялись обыкновенным гипсом, с какой-то клейкой примесью, причем эта мастика заполняла не только углубления, но и всю внутреннюю поверхность обкладок. Любопытно напомнить, что исследователь Чертомлыцкого кургана И. Е. Забелин в своем рукописном отчете отметил, что «с исподи в углублениях чекапки (горита. — В. Ш.) остается еще мастика, которая, без сомнения, была употреблена для сохранения выбитых изображений в целости»⁹. Об этом знал Н. И. Веселовский, но не обратил должного внимания¹⁰.

Таким образом, сейчас не может быть и речи о том, что изображения на обивках оттискивались на деревянных матрицах с вырезанными на них рельефными сценами и что эти матрицы навсегда оставались с тем или иным изделием в качестве подосновы.

Возникает вопрос: каким же способом делались копии изделий? Б. В. Фармаковский считал, что копии золотых обивок получались путем отбивания с оригинала, все время остававшегося на деревянной основе, но при этом не указывает, каким же образом высокие рельефы новой копии предохранялись от помятостей. Н. И. Веселовский полагал, что в

⁷ Gisela M. A. Richter. A Greek Sword Sheath of a Skythian King. Bulletin of the Metropolitan Museum of Art, т. XXVI, 1, New York, 1931, стр. 44—48.

⁸ Б. В. Фармаковский. Золотые обивки палудий (горитов) из Чертомлыцкого кургана и из кургана в м. Ильинцах. Сб. археологических статей в честь А. А. Бобринского. СПб., 1911, стр. 69.

⁹ Архив ЛОИА, д. 2/1862.

¹⁰ Н. И. Веселовский. К вопросу о технике золотых рельефных украшений в греческом искусстве. ИАК, вып. 47, СПб., 1913, стр. 96, примеч.

каждом случае изготовлялась новая копия доски с помощью промеров циркулем оригинала с аналогичным сюжетом.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что оттиск изображений на обратной стороне гораздо четче, чем на лицевой. Это бесспорно свидетельствует о том, что изображения на обивках оттискивались с лицевой стороны по позитивной форме. Изучение золотой обкладки ножен и горита, оборотных сторон нашей и Чертомлыцкой позволяет предполагать, что они изготовлены на одной и той же форме, т. е. являются полными копиями. Из какого же материала изготовлены матрицы? Изучение с помощью бинокулярной лупы отпечатков фактуры формы на оборотной стороне золотых обивок позволяет утверждать, что материалом этих форм являлась бронза. Здесь на многих участках, благодаря мягкости материала обивок, отпечатались неровности, шероховатости и даже мелкие раковины, характерные для литых металлических предметов. Помимо этого, поскольку бронзовая форма отливалась по восковой модели, здесь хорошо заметны параллельные штрихи от сглаживания поверхности восковой формы тонкой тканью. К сожалению, ограниченные объемом статьи, мы не можем более подробно остановиться на этом интересном вопросе.

Таким образом, техника изготовления этих обивок нам представляется в следующем порядке. Сначала изготовлялись восковые модели, а затем по ним отливались бронзовые позитивные формы, которые, в свою очередь, подвергались механической обработке. Затем производилось оттискивание изображения, после чего лицевая сторона изображения дополнительно обрабатывалась резцом. Затем рельефы и внутренняя поверхность пластины заполнялись желтоватой мастикой, после чего обивка прикреплялась с помощью золотых гвоздей к деревянной основе ножен. Любопытно отметить еще один технологический прием обработки поверхности золотых обивок. Если сопоставить оттенки цвета обкладки ножен и горита, то они отличаются друг от друга: обкладка ножен — бледного желтоватого тона, лицевая поверхность обивки горита — сочного золотистого цвета, а обратная — молочного оттенка. Произведенные анализы металла той и другой пластины показывают примерно одинаковый состав сплава: золота — 60,89%, серебра — 36,61%, меди — 0,92%, железа — 0,60% хотя с лицевой стороны как будто процентный состав золота несколько выше. Здесь мы встречаемся с золочением, когда снаружи предметам, изготовленным из более низкопробного золота, придавался вид сделанных из чистого золота.

Топография находок, а также нахождение идентичных вещей в античных городах Северного Причерноморья, все более и более убеждают нас, что центром производства вещей, подобных найденным нами, являлись города Боспорского царства и других античных колоний.

Вместе с тем, наличие на этих ювелирных изделиях композиций в зверином стиле свидетельствует о том, что художники — торовты античных городов Северного Причерноморья, наряду с местными, скифскими и меотскими, принимали самое непосредственное участие в создании ряда мотивов звериного стиля.

Во всяком случае появление мотивов борьбы и терзания животных на обкладках рассматриваемых горитов и ножен, чертомлыцкой вазе, а также на сосудах из драгоценных металлов из других курганов, особенно композиции и трактовка отдельных деталей, безусловно, связаны с творчеством античных мастеров Северного Причерноморья и, в особенности, боспорских.

В этой связи важно обратить внимание на более ранние ювелирные изделия с изображениями в зверином стиле. Я имею в виду отдельные вещи из Келермесских и Мельгуновского курганов, где ряд мотивов стилистически сближается с переднеазиатскими. Как установил Б. В. Фармаковский на основании изучения келермесской секиры, эти вещи изготовлены несколько иной техникой. Изображения на золотых обкладках здесь оттис-

квивались на деревянной подоснове с рельефной резьбой. Деревянная форма оставлялась в обивке с целью предохранения золотых рельефов от помятостей. Ближайшими аналогиями этим вещам являются изумительные по тонкости художественного воспроизведения предметы саккызского клада, опубликованные Р. Гиршманом¹¹. Эти тесные параллели мотивов изображений отдаленных областей свидетельствует о том, что вещи, найденные в Келермесских и Мельгуновском курганах, были изготовлены не скифскими, как предполагают большинство исследователей, а переднеазиатскими мастерами — торевтами. В пользу этого говорит тот факт, что изображения на них являются наиболее ранними образчиками звериного стиля из причерноморских степей, причем мотивы и стиль, а также техника их проявляются в уже сложившемся виде. В предшествующих по времени памятниках Северного Причерноморья мы не можем проследить истоки и последовательные этапы развития этого стиля, поскольку их здесь нет, а тем более в памятниках срубной культуры, творцов которой обычно генетически связывают со скифами. Если предположить, как делает ряд исследователей, что переднеазиатские мотивы в скифском искусстве были заимствованы местными торевтами, то совершенно непонятно, почему эти мотивы исчезают в последующее время.

Объяснение здесь может быть только одно. В ранний период ювелирные изделия рассматриваемого круга, находимые в Южной России, изготовлялись переднеазиатскими мастерами Северного Причерноморья. Известно, что скифы в течение 28 лет господствовали на территории Передней Азии. И именно тогда эти вещи попадали в руки скифской, а может быть, и меотской знати путем обмена или грабежа переднеазиатского населения. Из стран Переднего Востока скифы их привезли в Северное Причерноморье, где они и сопровождали погребения знати. В последующее время, после того как торевты античных городов Северного Причерноморья наладили собственное серийное производство ювелирных изделий, последние путем обмена начали поступать в руки меотской и скифской родо-племенной верхушки и полностью заменили ювелирные изделия Передней Азии, тем более, что после возвращения из своего отдаленного похода скифы были мало связаны со странами Переднего Востока. В этом заключается основная причина отсутствия вещей с зооморфными сюжетами переднеазиатского стиля в последующее время.

Таким образом, мы можем констатировать, что местами производства ряда ювелирных изделий, находимых в ранних скифских курганах южно-русских степей, являлись города Передней Азии, а в последующее время — античные города Северного Причерноморья.

Наличие значительного количества перечисленных выше мотивов в зверином стиле на более поздних изделиях торевтики, отличающихся особыми художественными изобразительными приемами, позволяет поставить вопрос о появлении греческого, а в частности — боспорского звериного стиля.

Изучение обряда погребения раскопанного нами кургана показывает со всей наглядностью, что курганы группы «Пять братьев», вопреки мнению М. И. Ростовцева, составляют единое целое с Елизаветовскими курганами, исследованными А. А. Миллером и его предшественниками. И здесь и там мы видим одинаковое положение и ориентировку костяков, нахождение амфор в ногах, наличие деревянных перекрытий и покрытия из чакана, квадратную форму погребального сооружения. Исследованный нами курган отличается лишь наличием дромоса, что, безусловно, связано с боспорскими склепами этого же времени.

Исследованный курган и четыре таких же, еще не раскопанных наиболее крупных кургана Елизаветовского могильника отличаются монумент-

¹¹ R. Ghirshman. Le trésor de Sakkes, les origines de l'art Mède et les bronzes du Luristan. *Artibus Asiae*, III, 3, Ascona, 1950, стр. 181—206.

тальностью погребального сооружения, а также, судя по раскопанному нами кургану, богатством погребального инвентаря. Их обособленность среди других курганов свидетельствует о том, что в них погребены представители богатой родо-племенной знати, проживавшей на соседнем укрепленном поселении, руины которого известны теперь под названием Елизаветовского городища. Об этом свидетельствует тождество форм лепной керамики, найденной на городище и в курганах, сравнительно высокий уровень развития строительства каменных погребальных сооружений (применение докола, использование деревянных бревен для повышения прочности стен склепа и дромоса), а также находка в одном из курганов той же группы «Пять братьев» края глиняного очага диаметром более 1 м (неоднократно встреченных на Елизаветовском городище) и глиняных светильников, которые не могли применяться кочевым населением. Вместе с тем ряд черт погребального обряда Елизаветовского могильника связывает этот обряд с кочевниками — наличие котлов, захоронений боевых коней, обильная мясная пища. Вероятно, в прошлом это население вело кочевой образ жизни. К моменту сооружения кургана № 8 и несколько раньше это население уже прочно осело на соседнем городище и занималось рыболовством и скотоводством. Естественно-географические условия острова и солончаковые почвы мало способствовали развитию земледелия в больших масштабах.

Кости рыб встречаются в изобилии как в курганах, так и в культурных напластованиях Елизаветовского городища, где кости и чешуя залегают очень часто мощными прослойками, достигающими 15—20 см толщины. Кроме того, они часто заполняют многочисленные хозяйственные ямы городища. Необыкновенное богатство низовий Дона рыбой, несомненно, стимулировало широкое развитие рыболовства и, в особенности, лов красной рыбы, которая высоко ценилась соседями-греками, а также греками метрополии. Во всяком случае, рыбная продукция являлась одной из главных статей торговли населения городища с греческими колониями. Заливные луга способствовали развитию скотоводства. Кости лошадей, коров, свиней и овец встречаются в значительном количестве как при раскопках городища, так и в могилах.

Наличие предметов широкого греческого импорта свидетельствует о том, что древнее население острова находилось в тесных торговых отношениях с городами Боспорского царства и другими греческими колониями, что, в свою очередь, наложило эллинский отпечаток на местную культуру Елизаветовского поселения и могильника. Некоторые исследователи рассматривали Елизаветовское городище как боспорский город — старший Танаис. Однако материалы исследований последних лет не дают оснований видеть в этом поселении боспорскую колонию. Наши работы ставят как будто под сомнение существование здесь грунтового могильника, посящего греческий облик, как в свое время предполагал А. А. Миллер.

НОВЫЕ СОСУДЫ-ТИГЛИ В ВАРНЕНСКОМ МУЗЕЕ

Во время раскопок античного селения Бизоне у гавани близ г. Каварна был найден сосуд из желто-коричневой глины с мелкими зернами кварца¹ (рис. 1, 2 и 3). У него отбиты две закругленные ручки и часть венчика. Размеры сосуда: высота — 5,5 см, ширина — 6 см, диаметр устья — 2,5 см, глубина отверстия — 4 см, диаметр дна — 3 см. Сосуд имеет шаровидную форму, едва выступающий край и плоское дно. Его стенки с внешней и внутренней стороны покрыты темно-коричневыми (местами — черными) пятнами, которые лучше всего заметны у края сосуда и под ручками. Стенки сосуда толстые, в середине достигают 2,5 см. Внутри сосуда находится узкое цилиндрическое отверстие. Между двумя ручками на средней выпуклой части его поставлена прямоугольная печать, размером 2,5×1 см, которая содержит греческую надпись в две строки (высота букв — 0,5 см): ΝΙΚΙΑΣ/ΛΥΚΙΟΥ Νικίας/Λυκίου

Имя мастера-гончара Λύκιος (Ликиец)² позволяет предполагать, что он происходит из Малой Азии или из Малой Азии переселился в Грецию и что центр производства подобных сосудов находился в Малой Азии или в Греции. Сосуд может быть датирован концом III—II в. до н. э.

Сосуды, подобные описанному выше, были найдены в 1957 г. при подготовке фундамента жилого дома № 81 в г. Варне на бульваре Червоноармейски. Это место находится вне крепостных стен старого города. Там в позднеримскую эпоху размещался квартал ремесленников — во время земляных работ рабочим попались многочисленные остатки гончарных печей. Приводим описание этих сосудов.

1. Первый сосуд, биконической формы, сделан из желтоватой глины, с примесью мелких кварцевых зерен (инв. № II. 3811, рис. 4 и 5). Ручки и часть венчика отбиты. Снаружи на поверхности его находятся зеленоватые и коричневые пятна, а внутри — красно-розовые пятна. Он имеет следующие размеры: высота — 7 см, ширина — 7,5 см, диаметр устья — 5 см, диаметр дна — 2 см. Внутри сосуда цилиндрическое отверстие глубиной 4 см и диаметром 3 см.

2. Второй сосуд, со сферическим туловом, сделан из красноватой глины с большим количеством кварцевых зерен (инв. № II. 3812, рис. 6 и 7): отбита большая часть венчика. На поверхности тулова сосуда имеются глубокие трещины и зеленоватые пятна. Из-за пребывания в высокой температуре сосуд приобрел темно-коричневый цвет. В средней части тулова находятся четыре небольших углубления, появившихся в результате обработки сосуда на гончарном круге. Дно его — плоское, диаметром 3,5 см. Размеры сосуда: высота — 8,5 см, ширина — 8 см, диаметр горла — 4,5 см. Отверстие глубиной 5 см и диаметром 3 см. Стенки сосуда толщиной до 3,5 см.

¹ Инв. № II. 3803.

² F. Bechtel. Die historischen Personennamen des Griechischen bis zur Kaiserzeit. Niemeyer, 1917, стр. 540 и 536—562.

Рис. 1. Сосуд-тигель из г. Каварна

Рис. 2. Сосуд-тигель из г. Каварна, вид сверху

3. Третий сосуд, со сферическим туловом, сделан из красно-желтой глины, смешанной с кварцевыми зернами (инв. № II. 398, рис. 8 и 9). Отбиты часть бока сосуда и почти весь венчик. На поверхности сосуда с внешней и внутренней сторон находят-ся коричнево-желтые пятна и темно-коричневый и черный налет. Сосуд имеет следующие размеры: высота — 8 см, ширина — 8 см, диаметр дна — 3 см, диаметр устья — 3,5 мм. Стенки в середине сосуда достигают 2,5 см толщины.

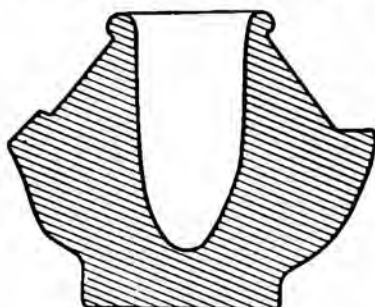

Рис. 3. Разрез сосуда-тигля из г. Каварна

4. Четвертый сосуд такой же формы; он сделан из красноватой глины, смешанной с мелкими зернами песка (инв. № II. 3899; рис. 10 и 11). Отбита небольшая часть венчика. Сосуд имеет следующие размеры: высота — 4,5 см, ширина — 8 см, диаметр дна — 3 см, глубина отверстия — 4,5 см, толщина стенок —

от 0,5 до 3,5 см. Посередине тулова сосуда проходят три плоских и широких углубления, образовавшиеся, вероятно, при вращении его на гончарном круге. Венчик широкий, слегка выступающий наружу. Дно

Рис. 4. Сосуд-тигель № 1 из г. Варна.

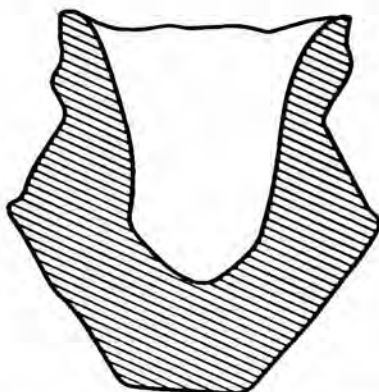

Рис. 5. Сосуд-тигель № 1 из г. Варна, разрез

Рис. 6. Сосуд-тигель № 2 из г. Варна

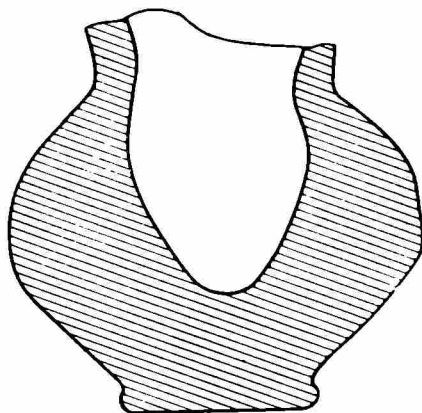

Рис. 7. Сосуд-тигель № 2 из г. Варна, разрез

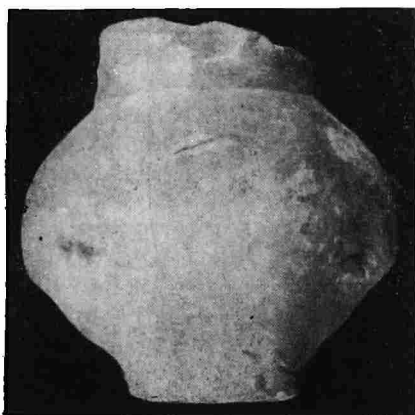

Рис. 8. Сосуд-тигель № 3 из г. Варна

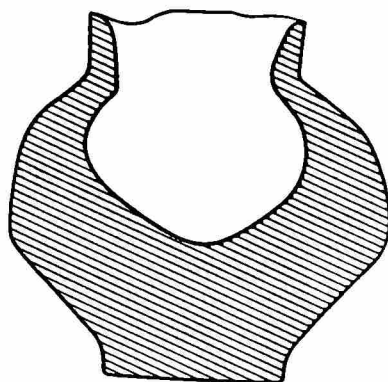

Рис. 9. Сосуд-тигель № 3 из г. Варна, разрез

Рис. 10. Сосуд-тигель № 4 из г. Варна

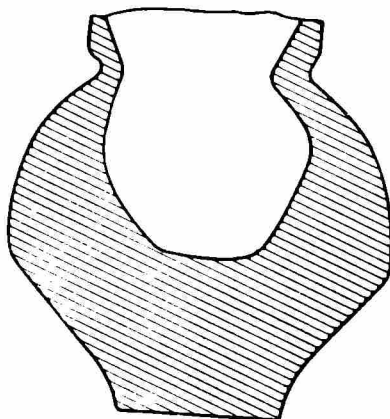

Рис. 11. Сосуд-тигель № 4 из г. Варна, разрез

плоское, неровно срезанное. На стенках сосуда снаружи и внутри находятся зеленовато-коричневые пятна и темно-коричневый и черный налет.

На том же месте, где были найдены сосуды, находились шлак, мелкий кварцевый песок, зеленоватого цвета зола, кирпичи, оплавленные с одной стороны, и большое количество углей. Среди этих остатков была найдена и глиняная цилиндрическая труба, сделанная из красноватой, смешанной с крупными кварцевыми зёрнами глины (рис. 12). Она имеет длину 13 см, диаметр отверстия с одного конца — 7 см, с другого — 6 см; толщина стенок — 1 см, с другого края — 2 см. На лицевой поверхности ее находятся

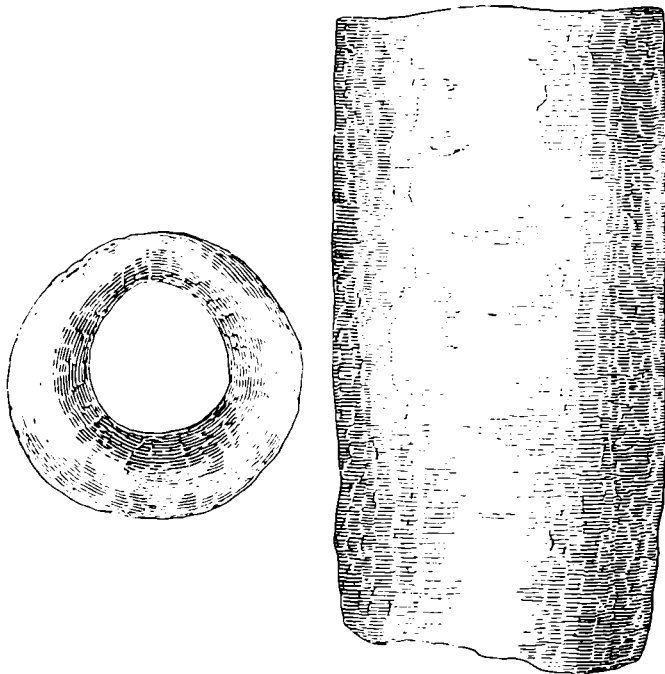

Рис. 12. Глиняная труба-сопло из г. Варна

едва заметные неглубокие бороздки, вероятно, от вращения ее на гончарном круге. С одного конца труба расширена и выровнена, с другого — сужена, при этом стенки срезаны косо, отчего их толщина уменьшилась. Отверстие здесь с одного края имеет треугольное сечение с ясными следами инструмента, которым выравнивалась поверхность. Вероятно, труба представляет собой сопло для воздуховодного меха (поддувала)³. На том же месте была найдена другая широкая цилиндрическая труба из красноватой глины, которая приобрела темно-коричневый цвет, вероятно, от дыма и сильного огня. Ее размеры: длина 17,5 см, диаметр устья — 17,5 см, толщина стенок — 1,2 см. На тулове трубы имеются широкие бороздки, от вращения на гончарном круге; с одного конца она слегка расширена. Кроме этих труб, в близком соседстве с ней найдено много фрагментов глиняных сосудов, в большинстве своем — ручки от амфор. На их поверхности обычно находятся красноватые и зеленоватые пятна и шлаковый налет. Большая часть этих ручек широкие, плоские, с глубоким или мелким жолобом посередине. Лучшее сохранившаяся из них имеет следующие размеры: длина — 30 см, ширина — 5 см, толщина — 3,5 см. Она имеет широкий жолоб в середине лицевой стороны и узкий — с обратной. Были найдены ручки с неглубокими бороздками на поверхности.

³ Б. А. Колчин. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси. МИА, № 32, 1953, стр. 34.

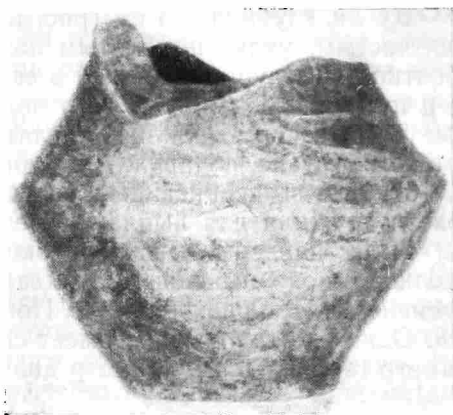

Рис. 13. Сосуд-тигель из г. Варна, у Земледельческого банка

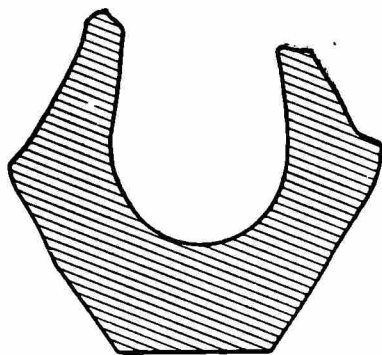

Рис. 14. Сосуд-тигель из г. Варна, у Земледельческого банка, разрез

Наиболее сохранившаяся из них имеет следующие размеры: $19 \times 4 \times 2$ см. Эти предметы могут датировать культурный пласт, из которого они происходят — с IV по VI в. н. э. К этому времени нужно отнести и сами сосуды.

Кроме вышеописанных сосудов, в Варне, вблизи бывшего Земледельческого банка, найден еще один биконический сосуд, подобный описанному под № 1 (инв. № II. 301). Он сделан из желтоватой глины, смешанной с большим количеством черных мелких кварцевых зерен (рис. 13 и 14). У него отбиты ручки и горло. Снаружи на его поверхности находятся зеленоватые и коричневые пятна. Он имеет следующие размеры: высота — 6 см, ширина — 6,5 см, диаметр дна — 3 см. Внутри сосуда цилиндрическое отверстие глубиной 3,5 см и диаметром 2,5 см. Стенки сосуда толщиной до 3 см.

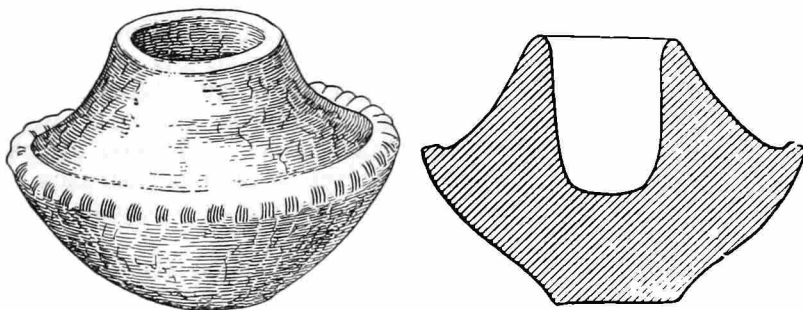

Рис. 15. Сосуд-тигель из Берекетского кургана

Подобные сосуды из глины были найдены при раскопках кургана близ с. Караново, Новозагорской околии⁴. Один из сосудов был доверху наполнен чистой, стертой в порошок малахитовой рудой. Они имеют цилиндрическую форму, такую же форму имеют и отверстия большинства наших сосудов. Другой сосуд, подобный нашим, был найден в Берекетском кургане близ г. Стара Загора⁵. Он биконической формы, следующих раз-

⁴ Г. Коняров. Принос към историята на рударството и металургията в България. София, 1953, стр. 9, рис. 1 и 2.

⁵ Там же, стр. 10; Д. Николов. Новооткрити паметници от Ст. Загорския музей. ИАИ, XX, 1955, стр. 575, рис. 1.

меров: высота — 5,6 см, диаметр устья — 3,5 см, глубина — 4 см (рис. 15). Стенки сосуда толстые. Сосуд наполнен чистым, мелко помолотым лазуритом темно-синего цвета. По всей вероятности, лазурит, добытый в естественном состоянии, мелко растирали, и путем нагревания из него получали медь. В этом случае описываемые нами сосуды являлись тиглями. Сосуд, подобный найденному в Берекетском кургане, обнаружен в кургане у с. Завет, Айтоской околии (рис. 16). Все вышеописанные сосуды-тигли относятся к энеолитической эпохе и служили для выплавки меди. Другие подобные сосуды в Болгарии были найдены в Abritus около г. Разград и при раскопках г. Севтополиса, около нынешнего г. Казанлыка. Все они датируются античным временем⁶. При раскопках у с. Попина на Дунае тоже были найдены тигли. Один из этих сосудов имеет следующие размеры: высота — 2,7 см, диаметр горла — 6 см, диаметр дна — 4,5 см, толщина стенок — 0,5 см.

Сосуды подобной формы, служившие для той же цели, были найдены в Греции в Лаурионе⁸ и в Египте. По мнению Фрейза⁹, такие сосуды

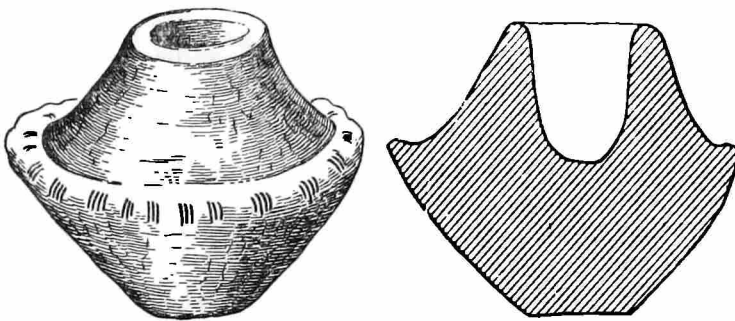

Рис. 16. Сосуд-тигель из с. Завет, Айтоской околии

служили для получения проб, поскольку в них плавилось известное количество руды главным образом для определения состава руды. По мнению Г. Конярова¹⁰, однако, эти сосуды служили только для получения металла. Химический анализ налета на стенках двух наших сосудов показывает, что они не содержат окиси олова или других тяжелых металлов, а содержат лишь мергели, которые подвергались действию высокой температуры¹¹. Может быть, античный мастер-металлург пытался получить из мергелей, которые походили на руду благодаря различной расцветке, какой-либо металл.

При раскопках близ Иголома, около г. Кракова (Польша), в 1957 г. было найдено большое количество фрагментов цилиндрических тиглей и два целых. На их закругленных стенках находится стекловидный налет. По мнению Л. Гаевского¹², они служили для переплавки цветных металлов. Он думает, что на месте, где были найдены эти тигли, находилась мастерская, изготовлявшая изделия из бронзы. Там было найдено много предметов из бронзы и бронзовых полуфабрикатов. Эти тигли он датирует III—IV вв. н. э.

⁶ Памятники не опубликованы.

⁷ Ж. В ъ ж а р о в а. Славяно-българското селище край село Попина, Силистренско. София, 1956, стр. 36, обр. 27.

⁸ Kordellas. Le Laurion, стр. 103.

⁹ Freise. Geschichte der Bergbau und Hütten-technik, т. I, стр. 79.

¹⁰ Г. Коняров. Ук. соч., стр. 12.

¹¹ Химический анализ был произведен химиком Чавдаровым из Археологического музея в Софии. Он дал следующие сведения о химическом составе налета: SiO₂ — 30%, CO₂ — 15%, Al₂O₃ + Fe₂O — 25%, CaO — 19%, K₂O, Na₂O и H₂O — 11%.

¹² L. Gajewski. Zprawozdanie z badan w Igotomi. Sprawozdania archeologiczne, т. III, стр. 64, ч. 1—2, табл. II.

В чрезвычайно большом количестве тигли различных эпох были найдены на территории Советского Союза.

При раскопках у с. Бортнички обнаружены предметы, относящиеся к VI в. до н. э. Некоторые из них показывают, что там существовала мастерская бронзового литья. Было найдено десять тиглей с остатками шлака и каплями металла на нем, бракованные серьги, части ожерелья, железная проволока с каплями бронзы на ней, мелкие кусочки бронзы и т. д.¹³

В 1948 г. в Ольвии были открыты остатки литейного производства меди, относящегося к VI в. до н. э. Среди находок были: шлак, фрагменты тиглей, остатки разрушенной керамической печи и т. д.¹⁴ К античной эпохе относятся также и сосуды-тигли, найденные на территории Фанагорийского городища. Они, однако, отличаются от наших по форме и по устью, через которое выливали металл. Один из них найден в 1939 г. в северной части городища, в культурном пласте, который датируется первыми веками новой эры, а второй — в 1949 г. в эллинистическом культурном пласте. Оба сосуда-тиглия имеют следы от пребывания в огне: их стенки обгорели, все дно в трещинах. Подобные тигли найдены и в Ольвии, но они относятся к более позднему времени — к I в. до н. э. Один из них имеет следующие размеры: высота — 5,7 см, диаметр — 3 см. В Пантикапее в мастерской тоже были найдены тигли вместе с литейными формами.

Большой интерес для нас представляют и находки в Москве, в Китай-городе¹⁵, хотя они и более поздние. В юго-восточной части I-го раскопа были открыты остатки печи из камня, которая, судя по большому содержанию в ней шлака и фрагментов керамических тиглей, служила для плавки металлов. Около очага найдено несколько целых тиглей. В северной части раскопа была открыта постройка, в которой обнаружены остатки глиняной печи. В развалинах этой печи найдены горшочки и еще несколько тиглей (размеры: высота — 7 см, диаметр — 7,7 см) с круглым дном. Внешняя их поверхность сильно оплавлена, а на внутренней стороне можно обнаружить следы окиси металла. Наряду с тиглями была найдена и форма для литья. По мнению М. Г. Рабиновича, в этой мастерской изготавливались мелкие украшения из бронзы и, вероятно, из серебра. Около мастерской открыт и дом мастера. Все эти находки датируются XIV—XV вв. н. э. При раскопках на территории СССР тигли¹⁶ почти всегда находят вместе с формами для отливки. В большинстве случаев они служили для переплавки цветных металлов и перелива их в формы для получения мелких бронзовых украшений.

Все рассмотренные параллели дают нам возможность принять еще одно предположение о назначении глиняных сосудов, найденных в г. Каварна и в г. Варна. Вероятно (речь идет о сосудах, найденных в Варне), они представляют собой бракованную продукцию из посуды, которая не вошла в употребление. Предназначены были они для переплавки в них цветных металлов, из которых отливались мелкие бронзовые или серебряные предметы, в большинстве случаев — украшения. Литье металлов в Варненском крае было развито в самые отдаленные времена. В музее в г. Варна хранятся формы из камня для отливки бронзовых топориков,

¹³ В. М. Даниленко. Дослідження пам'яток підгірського та бобрницького типів на Київщині в 1950 р. АП, т. VI, 1956, стр. 11.

¹⁴ В. Ф. Гайдукевич, С. И. Капошина. К вопросу о местных элементах в культуре античных городов Северного Причерноморья. СА, XV, 1951, стр. 169; В. Д. Блаватский. Раскопки Пантикапея. КСИИМК, вып. XXXVII, стр. 224, рис. 72, а, б.

¹⁵ М. Г. Рабинович. Археологические раскопки в Москве в Китай-городе. КСИИМК, вып. XXXVIII, 1951, стр. 52, рис. 25.

¹⁶ В. К. Гончаров. Древний Колодяжин. КСИИМК, вып. XLI, 1951, стр. 50; Г. Б. Федоров. Городище Екимавцы. КСИИМК, вып. L, 1953, стр. 118; Э. А. Рикман. Результаты археологических наблюдений в Зарядье. КСИИМК, вып. 57, 1955, стр. 85; С. А. Тараканова. Псковские городища. КСИИМК, вып. 62, 1956, рис. 20; В. И. Равдоникас. Старая Ладога. СА, XI, 1949, стр. 42, рис. 33.

бронзовых игл и наконечников стрел, найденные в с. Есеница, в окрестностях г. Провадии, они датируются эпохой бронзы. В г. Одессе (Варна) художественная обработка металлов особенно развилась в эпоху римского владычества. В музее г. Варна находится чрезвычайно большое количество украшений: серег, колец, ожерелий и т. д. В большом количестве находятся там также и бронзовые пластинчатые украшения для шкатулок и сундуков. Эти украшения изготовлялись путем отбивки их на матрице. Такая матрица найдена в древнем Одессе, что доказывает местное производство украшений подобного рода. При производстве этих предметов, по всей вероятности, были необходимы сосуды-тигли, в которых переплавлялся доставленный из других мест металл. Все это помогает обосновать наше предположение, что эти сосуды-тигли были предназначены для нужд художественного ремесленного производства, но, будучи новым или бракованным продуктом производства, еще не употреблялись, поскольку на их стенках нет следов металла.

Ценные сведения об изготовлении тиглей дает нам Теофил. Он говорит: «Возьми белую глину, из которой делают горшки, и, когда ее высушишь, старательно помеси ее, налей воды, быстро размешай ее деревянной палочкой и делай свои сосуды; сверху они должны быть широкими, книзу узкими, с маленькими загнутыми внутрь утолщениями по краю. Когда сосуды высохнут, захвати их щипцами и поставь в приспособленные для этого отверстия в накаленной печи...»¹⁷.

Печи для плавки металлов в маленьких сосудах описаны Г. Коняровым¹⁸. Эти печи были покрыты куполом из глины с решеткой над очагом; в печи имелось отверстие для того, чтобы ставить сосуды и для проникновения теплого воздуха в печь. Поэтому не было необходимости, чтобы сосуды имели стабильное дно. На половине высоты купола была дверца для наполнения печи; после того как печь разжигалась, дверцу замазывали глиной. Очаг был под решеткой. В этой печи могла быть достигнута высокая температура. Эти печи служили для плавки меди в эпоху энеолита. Печи более позднего времени мало чем отличались от описанных выше. Остатки пепла и кирпичей от печи в г. Варна залегали на площади диаметром 2,5 м, что показывает, что эта печь была небольших размеров. Возможно, она служила для обжига сосудов-тиглей. Сосуды-тигли эпохи энеолита имеют форму, подобную форме сосудов этой эпохи. Сосуд-тигель из г. Каварна также имеет форму, часто встречающуюся в эллинистической керамике; это амфорка с шаровидным туловом. Сосуды-тигли из Варны также имеют форму, характерную для этой эпохи. Из этого мы могли бы заключить, что тигли не имеют специальной формы и, в большинстве случаев, следуют форме сосудов своей эпохи. У сосудов-тиглей из Каварны и Варны отсутствует большая часть устья. Это дает нам возможность предположить, что устье этих сосудов было суженным.

Маленький сосуд-тигель, найденный при раскопках городища у г. Каварна, представляет собой уникальную находку. Она показывает, что в эллинистическую эпоху в черноморские колонии, наряду с амфорами, наполненными вином и деревянным маслом, керамическими изделиями, строительными материалами, золотыми и серебряными украшениями и т. д., ввозились и сосуды-тигли, необходимые для металлообработки. По всей вероятности, сосуд, найденный в Каварне, ввезен из Малой Азии или Греции. Место его находки (сосуд был найден в развалинах постройки) показывает, что обработка металлов в Бизоне (Каварна) происходила в домашней обстановке.

Находка из г. Варна представляет большой интерес. До настоящего времени в Болгарии найдено очень мало подобных сосудов.

¹⁷ Теофил. О различных ремеслах, гл. XIII; Ф. Д. Гуревич. Древнейшие бусы Старой Ладogi. СА, XIV, 1950, стр. 185, рис. 6.

¹⁸ Г. Коняров. Ук. соч., стр. 121, рис. 81; см. также Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. История культуры древней Руси. М.—Л., 1948, стр. 92.

ДАТИРОВКА НИЖНЕГО СЛОЯ МОГИЛЬНИКА СУУК-СУ (550—650 гг.)

Трудно переоценить значение могильника Суук-Су. Непотревоженные погребальные комплексы с монетами, богатый и яркий инвентарь с широкими европейскими аналогиями давно уже выдвинули Суук-Су в число первоклассных памятников. Датировка раннесредневековых древностей Восточной Европы от Верхней Волги до Кавказа и от Урала до Венгрии прочно связана с хронологией нижнего слоя могильника Суук-Су. А. А. Спицын и Б. А. Рыбаков определили даже хронологические границы целой культуры («культуры пальчатых фибул»), в значительной степени опираясь на материалы могильника Суук-Су¹. Поэтому особенно важна хронология погребальных комплексов и отдельных вещей нижнего слоя Суук-Су. В настоящее время не существует единого мнения по этому вопросу. В данной статье путем сравнительного анализа погребальных комплексов и монет обосновывается датировка нижнего слоя могильника в пределах второй половины VI — первой половины VII в.

Могильник Суук-Су после нескольких лет работ Н. И. Репникова остался недокопанным². Много погребений было разрушено местными жителями. Вещи из этих погребений разошлись по рукам, и большинство из них бесследно пропало для науки. Некоторые вещи попали за границу³.

Н. И. Репников дал простейшую классификацию погребений и вещей и обратил внимание на некоторые различия в инвентаре погребальных сооружений нижнего слоя (на общественной земле) в северной части и южной части (в имении Соловьевой). Опираясь на эти различия, мы и начнем со сравнения погребального инвентаря северной и южной частей могильника. Н. И. Репниковым вскрыто всего 200 погребальных сооружений, из которых к нижнему слою относятся 110 (56 в северной и 44 в южной части)⁴. А. Л. Якобсон в 1951 г. открыл в Суук-Су свыше десяти погребений, но из них только одно принадлежит к нижнему слою⁵.

¹ А. А. Спицын. Древности антов. Сборник в честь А. И. Соболевского. Л., 1928; Б. А. Рыбаков. Древние русы. СА, XVII, 1953.

² Результаты работ Н. И. Репникова опубликованы в следующих изданиях: Н. И. Репников. Некоторые могильники области крымских готов. Могильник Суук-Су. ИАК, вып. 19, 1906, стр. 1—29 (ниже везде — ИАК, вып. 19); его же. Некоторые могильники области крымских готов. ЗООИД, вып. 27, 1907, стр. 101—148 (ниже везде — ЗООИД, вып. 27); его же. Разведки и раскопки на Южном берегу Крыма и в Байдарской долине в 1907 г. ИАК, вып. 30, 1909, стр. 105—108 (ниже везде — ИАК, вып. 30).

Краткую историю раскопок Суук-Су см. В. В. Кропоткин. Могильник Суук-Су и его историко-археологическое значение. СА, 1959, № 1, стр. 181—182.

³ А. G ö t z e. Götische Schnallen. Berlin, 1909, табл. VIII, 1; X, 12.

⁴ Десять погребений, вскрытых у начала балки Суук-Су, мы относим к северной части могильника.

⁵ А. Л. Якобсон. Разведочные раскопки средневекового поселения Горзувиты (близ Гурзуфа). КСИМК, вып. 53, 1954, стр. 109—120.

Самым ярким и богатым является комплекс женских погребений могильника. Чаще всего в погребениях встречаются большие золотые серьги в виде кольца с колбочкой⁶, малые золотые и серебряные серьги в виде кольца с пирамидкой из зерен⁷, золотые городки из спаянных трубочек⁸, медные колокольчики⁹, серебряные пластинчатые фибулы с треугольной и полукруглой головкой¹⁰, бронзовые пальчатые фибулы¹¹, большие серебряные пряжки с соколиными головками¹², серебряные пряжки с прямоугольным щитком¹³, бронзовые браслеты с расплюснутыми и утолщенными концами¹⁴, пластинчатые перстни¹⁵ и бусы, стеклянные и янтарные. Эти вещи, за исключением бронзовых пальчатых фибул, надо считать основными для женского инвентаря Суук-Су. Местный характер их отмечался неоднократно и сомнений не вызывает¹⁶. Что же касается бронзовых пальчатых фибул, то в последнее время на их крымском характере особенно настаивает А. Л. Якобсон¹⁷. С этим мнением согласиться нельзя, ибо несколько десятков аналогичного типа бронзовых пальчатых фибул найдено более чем в двадцати местах на территории лесостепной Украины¹⁸. Кроме того, при строгой однотипности пар пластинчатых фибул бронзовые пластинчатые фибулы в двух погребениях из пяти типологически не парные, и в одном погребении встречены совместно пальчатая и зоморфная фибулы. Это уже нарушает стройность и создает впечатление чужеродности пальчатых фибул, на что совершенно правильно указывал Б. А. Рыбаков¹⁹. Поэтому бронзовые пальчатые фибулы нельзя считать характерным местным украшением. Остальные вещи из женских погребений, встречающиеся реже, лишь дополняют комплексы, но не определяют их характера.

Различие между северной и южной частями могильника хорошо наблюдается по основному женскому инвентарю. Пластинчатые фибулы с треугольной головкой, городки и почти все большие золотые серьги характерны только для северной части. Здесь же преобладают (по количеству в погребениях) малые серьги, браслеты, колокольчики, «соколиные» пряжки с коротким держателем кольца, бусы стеклянные и янтарные. «Соколиные» пряжки с длинным держателем кольца, пряжки с прямоугольным щитком и пластинчатые фибулы с полукруглой головкой встречены в обеих частях могильника примерно поровну. В южной части преоб-

⁶ ИАК, вып. 19, табл. I, 13, 17—19.

⁷ Там же, табл. I, 4, 6, 12 и 15.

⁸ Там же, табл. V, 2 и 3.

⁹ Там же, табл. XI, 12 и 13 (последний с оплечьем).

¹⁰ Там же, табл. VII, 4 и 8 (с треугольной головкой); табл. VII, 2; ЗООИД, вып. 27, табл. XIII, 5 и 7 (с полукруглой головкой).

¹¹ ИАК, вып. 19, табл. VI, 1, 3, 6, 9; табл. VII, 1, 3, 7, 9; ЗООИД, вып. 27, табл. XIII, 3 и 6.

¹² ИАК, вып. 19, табл. VIII, 3 и 4; табл. IX, 5, 7 и 9; ЗООИД, вып. 27, табл. XIV, 1—3 (с коротким держателем кольца); ИАК, вып. 19, табл. VIII, 1 и 5; табл. IX, 8; ЗООИД, вып. 27, табл. XIV, 5 (с длинным держателем кольца).

¹³ ИАК, вып. 19, табл. IX, 1, 3, 4 и 6; ЗООИД, вып. 27, табл. XV, 2.

¹⁴ ИАК, вып. 19, табл. XI, 1 и 3 (с расплюснутыми концами); табл. XI, 9, 15 и 16 (с утолщенными концами).

¹⁵ Там же, рис. 53, 55, 57; ЗООИД, вып. 27, рис. 89, 91—94, 96 и 97.

¹⁶ Л. А. Мацулевич. Серебряная чаша из Керчи. Л., 1926, стр. 46 сл.; В. И. Равдоникас. Пещерные города Крыма. ИГАИМК, т. XII, вып. I—VIII. Л., 1932, стр. 40; А. Л. Якобсон. Византия и история средневековой Таврики. СА, XXI, 1954, стр. 151; В. В. Кропоткин. Население Юго-Западного Крыма в эпоху раннего средневековья. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1953.

¹⁷ А. Л. Якобсон. Византия..., стр. 151; его же. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма. МИА, № 85, 1958, стр. 464, примеч. 2; его же. Города Северного Причерноморья в V—IX вв. Очерки истории СССР III—IX вв. М., стр. 523.

¹⁸ В Крыму бронзовые пальчатые фибулы известны в количестве 12 экз.: в Суук-Су — 11 экз., из них в погребениях — 9 экз.; в Артеке — 1 экз.

¹⁹ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 63; см. также G. Wegner. Slawische Bügelfibeln des 7. Jahrhunderts. Sonderabdruck aus Reinecke-Festschrift. Mainz, 1950, стр. 162.

ладают только пластинчатые перстни. Следовательно, по основным женским вещам в южной части новых типов нет, она тесно связана с северной. В известной мере такое соотношение инвентаря объясняется преобладанием в северной части женских погребений (31 против 19), однако сравнительная бедность погребений южной части очевидна. Добавим также, что в южной части открыто 18 безинвентарных могил, а в северной — 13.

Отмеченные различия полностью раскрываются при сравнении отдельных погребальных комплексов по характерным женским вещам (табл. 1)

Четко выделяются четыре погребения — №№ 46, 56 (III и V) и 77, с почти одинаковыми комплексами. К ним тесно примыкают погр. №№ 61, 67, 89 и 91, с которыми в свою очередь связаны погр. №№ 86, 90, 124 и 193, 196, 198. Замыкают группу погр. №№ 56 (IV) и 131, 169. Указанные 17 погребений относятся к самым богатым в Суук-Су, причем только четыре из них происходят из южной части могильника (погр. №№ 124, 131, 169, 193). Погр. № 162 по общему характеру погребального инвентаря мы сближаем с комплексом погр. № 86.

Значительно беднее выглядят комплексы погр. №№ 49, 71 (II) 73, 112, 117, 143, 153 и 155. Здесь уже нет пластинчатых фибул, городков, больших золотых серег и колокольчиков с оплечьем.

Такой же характер носят и комплексы погр. №№ 28, 78, 82, 84 и 154. Погр. № 164 с браслетами с утолщенными концами и пряжкой с треугольным щитком, встреченной только в этом погребении, по-видимому, надо сближать с погр. № 78. Несколько особняком стоят комплексы погр. №№ 5, 32, 54, 59 (I и II), 68, 72 (II), 85, 87, 93, 126 и 145. Здесь обязательно содер­жатся либо малые серьги, либо браслеты с расплюснутыми концами. Часто встречаются также простые медные колокольчики. В этих комплексах вообще отсутствуют большие поясные пряжки, большие пластинчатые фибулы, большие золотые серьги, городки.

Анализ материалов таблицы показывает, что различие в характере комплексов действительно существует, но это различие наблюдается в пределах сравнительно небольшого промежутка времени. Все комплексы более или менее тесно связаны между собой, и это говорит об одновременности одних и о преемственности других групп комплексов. Следует также отметить большую близость погр. № 56 (с монетами Юстина (518—527) и Юстиниана I (527—565) и погр. № 77 (с монетой Маврикия, его жены Константины и сына Феодосия (597—602) херсонесской чеканки).

Анализ погребальных комплексов будет неполным без учета маленьких поясных пряжек. Эти пряжки в основном являются характерной принадлежностью мужских погребений, но они встречены в значительном количестве как в женских погребениях, так и в мужских. В нижнем слое Суук-Су чаще всего встречаются серебряные и медные пряжки (так называемые предшественники псевдопряжек) с желобком на верхней части кольца, делящим его на две дугообразные половины²⁰, овальные медные пряжки²¹, железные пряжки прямоугольной формы²² и пряжки с листьями аканфа на геральдическом щитке²³. Из других типов следует отметить так называемые сумочные пряжки²⁴ и пряжки с крестообразным щитком²⁵. Все остальные поясные пряжки, встреченные по одному-два раза, либо сходны с перечисленными типами, либо являются уникальными в нижнем слое.

²⁰ ИАК, вып. 19, табл. X, 1 и 11; ЗООИД, вып. 27, табл. XV, 8; табл. XVI, 5.

²¹ ИАК, вып. 19, табл. X, 3 (с утолщенным верхним краем) и табл. X, 8 (без утолщения).

²² ИАК, вып. 19, табл. X, 28.

²³ Там же, табл. X, 19.

²⁴ Там же, табл. X, 24 и 25; ЗООИД, вып. 27, табл. XV, 11.

²⁵ ИАК, вып. 19, табл. X, 4; ЗООИД, вып. 27, рис. 108.

В выделенных по женским комплексам группах погребений наиболее богатые по инвентарю — погр. №№ 46, 56, 61, 67, 90, 169, 193 — не содержат пряжек с листьями аканфа на геральдическом щитке, пряжек с крестообразным щитком, «сумчатых» пряжек и пряжек прямоугольной формы. Все эти типы пряжек встречены в погребениях с небогатым набором вещей²⁶.

По наборам поясных бляшек выделяются два мужских погребения — №№ 54 и 67, дающие по характеру узора два типа бляшек. К поясному набору погр. № 67 близки бляшки из погр. №№ 46, 56 и 70, а также поясные украшения из погр. №№ 162 и 199. Поясной набор погр. № 118 стоит между наборами погр. №№ 54 и 67. Вне обоих типов находятся бляшки из погр. №№ 63, 109, 157.

Вопрос о датировке нижнего слоя Суук-Су поднимался неоднократно. Казалось бы, решается он просто: в шести погребениях найдены монеты от III—IV до VII в. Но уже Н. И. Репников заметил, что некоторые одинаковые вещи встречаются в погребениях с ранними и поздними монетами. Видимо, этим объясняются колебания исследователя: датировать ли нижний слой III—VII вв. или ограничить его V—VII вв.? Окончательно Н. И. Репников принял вторую дату — V—VII вв.²⁷ Временем V—VII вв. датировали нижний слой Ж. де Бай²⁸ и А. А. Спицын²⁹. Л. А. Мацулевич относил этот слой преимущественно к VI в., указывая, что отдельные его части могут заходить в V и VII вв.³⁰, В. И. Равдоникас — к VI—VIII вв.³¹, Д. Н. Эдинг — к IV—VIII вв.³², Б. А. Рыбаков — к V—VIII вв.³³, В. В. Кропоткин³⁴, А. Л. Якобсон³⁵, И. Вернер³⁶ и Д. Чал-

²⁶ В выделенных по женским комплексам группах погребений представлены следующие типы пряжек: женск. погр. № 46 — пряжки типа табл. X, 17 (ИАК, вып. 19), во шире и дужка прямая, вырезка на щитке в виде полукруга; женск. погр. № 56 (IV) — пряжка типа табл. X, 26 (там же), конструкция пряжки типа табл. X, 10 (там же); детск. погр. № 56 — пряжка типа табл. X, 13 (там же); женск. погр. № 61 — пряжка типа табл. X, 3 (там же); мужск. погр. № 67 — пряжки типа табл. X, 1 и 11 (сходны по конструкциям), (там же); мужск. погр. № 90 — пряжка типа табл. X, 27 (там же); мужск. погр. № 162 — пряжка типа табл. XVI, 7 (ЗООИД, вып. 27); женск. погр. № 193 — пряжка типа табл. XVI, 5 (там же); детск. погр. № 169 — пряжка типа табл. XVI, 11 (там же); мужск. погр. № 169 — пряжки типа табл. XVI, 5 и XV, 8 (там же); мужск. погр. № 131 (I) — пряжки типа табл. XIII, 2, рис. 105, 108 (там же); мужск. погр. № 131 (II), пряжка типа рис. 108 (там же); детск. погр. № 71 — пряжка типа табл. X, 15 (ИАК, вып. 19); мужск. погр. № 155 — пряжки типа табл. X, 8 и табл. XV, 17 (там же); женск. погр. № 153 (I) — пряжка типа табл. XV, 3 (ЗООИД, вып. 27); мужск. погр. № 153 — пряжки типа табл. XV, 5 и 7 (там же); детск. погр. № 84 — пряжка типа табл. X, 6 (ИАК, вып. 19); мужск. погр. № 154 — пряжка типа табл. X, 19 (там же); женск. погр. № 64 — пряжка типа табл. X, 28 (там же); женск. погр. № 59 (I) — пряжки типа табл. X, 17 и табл. X, 28 («железная четырехугольная пряжка») (там же); мужск. погр. № 5 — пряжки типа табл. X, 8 и табл. XII, 8, но с вырезами (там же); женск. погр. № 5 — пряжки типа табл. X, 8 (там же); мужск. (?) погр. № 32 — пряжки типа табл. X, 19 (там же); мужск. погр. № 72 — пряжки типа табл. X, 5, табл. X, 10 (там же); детск. погр. № 72 (II) — пряжка типа табл. X, 20 (там же); женск. погр. № 85 — пряжка типа табл. X, 19 (там же); мужск. погр. № 85 — пряжка типа табл. X, 28 (там же); женск. погр. № 55 — пряжка типа табл. X, 4 (там же); детск. погр. № 126 — пряжка типа рис. 103, (ЗООИД, вып. 27); женск. погр. № 145 — пряжка типа табл. XV, 1 (там же).

²⁷ ИТУАК, вып. 36, 1904, стр. 40—43; Н. И. Репников. Раскопки в окрестностях Гурзуфа в 1905 г. ИТУАК, вып. 39, 1906, стр. 108—110; ОАК за 1904 г., стр. 83—85; ОАК за 1903 г., стр. 54—58; ИАК, вып. 19, стр. 32.

²⁸ De Vaue. Les tombeaux des Goths en Crimée. Paris, 1908, стр. 22.

²⁹ А. А. Спицын. Хронология могильника Суук-Су. Архив ЛОИИМК, ф. 5, д. 37.

³⁰ Л. А. Мацулевич. Ук. соч., стр. 47.

³¹ В. И. Равдоникас. Ук. соч., стр. 37 сл.

³² Д. Н. Эдинг. Готская культура Северного Причерноморья. Архив ГИМ, № 316.

³³ Б. А. Рыбаков. Ремесло..., стр. 63 сл.

³⁴ В. В. Кропоткин. Население Юго-Западного Крыма..., стр. 10; его же. Могильник Суук-Су..., стр. 185.

³⁵ А. Л. Якобсон. Разведочные раскопки..., стр. 118; его же. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма, стр. 465 сл.

³⁶ J. Wegner. Ук. соч., стр. 164; его же. Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. München, 1956, стр. 13, 23, 106.

Сравнительная таблица основного инвентаря женских погребальных комплексов могильника Суук-Су. Монеты IV—V вв.

Погребения	 Табл. VII, 4	 Табл. VII, 2	 Табл. V, 2	 Табл. I, 13	 Табл. XI, 13	 Табл. XI, 9 и 15	 Табл. VIII, 3	 Табл. VIII, 1	 Табл. IX, 1 и 4	 Табл. XI, 16	 Табл. 53, 55	 Табл. XI, 12	 Табл. I, 4	 Табл. XI, 1 и 3	Монеты
145															
126															
87															
83															
85															
72, II															
68															
32															
5															
59, II															
59, I															
54															
164															
154															
28															408-450 г.
84															
82															
78															
153, II															
143															
117															
155															
112															
73															
71, II															
49															
131															279-308 г.
56, IV															518-565 г.
169															
193															
124															
162															
198															395-408 г.
196															
90															
86															
91															
89															
67															
61															
77															597-602 г.
56, V															518-527 г.
56, VII															527-565 г.
46															

ланы³⁷ датируют погребения нижнего слоя VI—VII вв., причем самую узкую дату предлагает Д. Чаллань — 560—630 гг.

Из приведенных примеров видно, что существуют две тенденции в датировке нижнего слоя Суук-Су — «широкая» и «узкая». Инвентарь женских и мужских погребений при всем его различии свидетельствует в пользу узкой датировки могильника.

Отдельные вещи (типа серебряных пластинчатых фибул, больших поясных пряжек с каменной и стеклянной инкрустацией, золотых серег

³⁷ Д. Чаллань. Памятники византийского металлообрабатывающего искусства, ч. I. *Archaeologia Antiqua*, т. II, вып. 3—4, Budapest, 1954, стр. 338 сл.; ч. II. *Archaeologia Antiqua*, т. IV, вып. 1—4, Budapest, 1956, стр. 261—290.

с гранатами) не могут служить прямым основанием для датировки. По справедливому наблюдению В. В. Кропоткина, местное население очень дорожило изделиями из золота и серебра и хранило их как семейные реликвии³⁸. Поэтому неудивительно, что среди подобных вещей встречаются изделия V в. (серебряные пальчатые фибулы). Кроме того, хронология этих вещей до сих пор удовлетворительно не разработана. Датировать как могильник в целом, так и нижний слой надо только по комплексам и по массовому материалу. Таким материалом, прежде всего, являются маленькие поясные пряжки, обычно долго не сохранявшиеся.

Большая группа поясных пряжек Суук-Су принадлежит к византийским типам, имевшим широкое распространение в Южной Европе, что было недавно доказано Д. Чаллань³⁹. По Д. Чаллань, шарнирные пряжки с желобком в верхней части кольца («предшественники псевдопряжек») относятся ко второй половине VI в.⁴⁰ Пряжки с геральдическим щитком, орнаментированным листьями аканфа, датируются временем между 590 и 650 гг.⁴¹, пряжки с таким же щитком, гладким или с узором в виде человеческой маски,— первой половиной VII в.⁴² и пряжки «сумочные» — VII в.⁴³. Пряжки последнего типа известны также в могильнике VII в. в Сэрата-Монтеору (Румыния)⁴⁴. Невизантийские прямоугольной формы встречены в большом количестве в Девинской Новой Веси (625—800 гг.)⁴⁵, в аварских могильниках VII—VIII вв. в Венгрии⁴⁶ и в Сэрата-Монтеору⁴⁷. Известно, что в самом могильнике Суук-Су погр. № 157 находилось над склепом № 162, обвал потолка которого разрушил погр. № 157⁴⁸. Это свидетельствует в пользу более раннего сооружения склепа. В погр. №№ 147 и 162 обнаружены шарнирные пряжки с прямоугольной дужкой⁴⁹, которые по времени должны предшествовать пряжкам с листьями аканфа на геральдическом щитке, встреченном в погр. №№ 29, 32, 58, 85, 154, 157, 191.

Обратимся к характеристике комплексов с монетами. История денежного обращения раннесредневекового Крыма очень своеобразна. Как известно, в 332 г. н. э. прекратилась собственная чеканка монеты на Боспоре⁵⁰. Выпуск монеты в Херсонесе, прекратившийся во второй половине III в. н. э., после присоединения города к Византии в V в. также не производился, за исключением периодов правления императоров Зенона (474—491 гг.), Юстиниана I (527—565 гг.) и Маврикия (582—602 гг.), и возобновился спустя 260 лет после смерти императора Маврикия. В «безмонетные» периоды в Херсонесе обращались монеты римской, византийской и ранней местной чеканки⁵¹.

³⁸ В. В. Кропоткин. Население Юго-Западного Крыма..., стр. 10.

³⁹ Д. Чаллань. Ук. соч., ч. I, II.

⁴⁰ Там же, ч. I, гр. В, стр. 330.

⁴¹ Там же, ч. I, гр. Б, стр. 326.

⁴² Там же, ч. II, гр. 13, стр. 266—288 и гр. 22, стр. 289—290.

⁴³ Там же, ч. II, гр. 20, стр. 285—288.

⁴⁴ G. Nestor. La nécropole Slave d'époque ancienne de la Sărata-Monteoru. Dacia, I, 1957, стр. 288—295.

⁴⁵ G. Eisner. Devinska Nová Ves. Bratislava, 1952, стр. 382, табл. 7, 2; 19, 2; 47, 4.

⁴⁶ См., например, T. Horváth. Die Avarischen Gräberfelder von Ullö und Kiskörös. Archaeologia Hungarica, XIX, Budapest, 1935, табл. I, 9; V, 33, XIII, 16; G. Vona. Le cimetière avar de Urböpuszta. Archaeologiai Értésítő, 1957, № 84, стр. 173—174, табл. XXX, 5; XXXIV, 7.

⁴⁷ G. Nestor. Ук. соч., стр. 288—295.

⁴⁸ ЗООИД, вып. 27, стр. 118.

⁴⁹ Там же, табл. XVI, 7.

⁵⁰ А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16, 1951, стр. 207—212.

⁵¹ А. В. Орешников. Херсоно-византийские монеты. Тр. МНО, т. III, вып. 2, 1905, стр. 360; Л. Н. Белова. Монеты из раскопок кварталов XV—XVIII. МИА, № 34, 1953, стр. 254—259; А. Н. Зограф. Ук. соч., стр. 159.

Учитывая эти особенности денежного обращения Крыма, мы должны очень осторожно подходить к монетам из Суук-Су. Одинаковые комплексы и отдельные вещи, встреченные с ранними и поздними монетами, указывают на непригодность для датировки монет III—V вв. А. Л. Якобсон ранние монеты III—IV вв. из погр. №№ 131 и 166 даже ставит в связь с

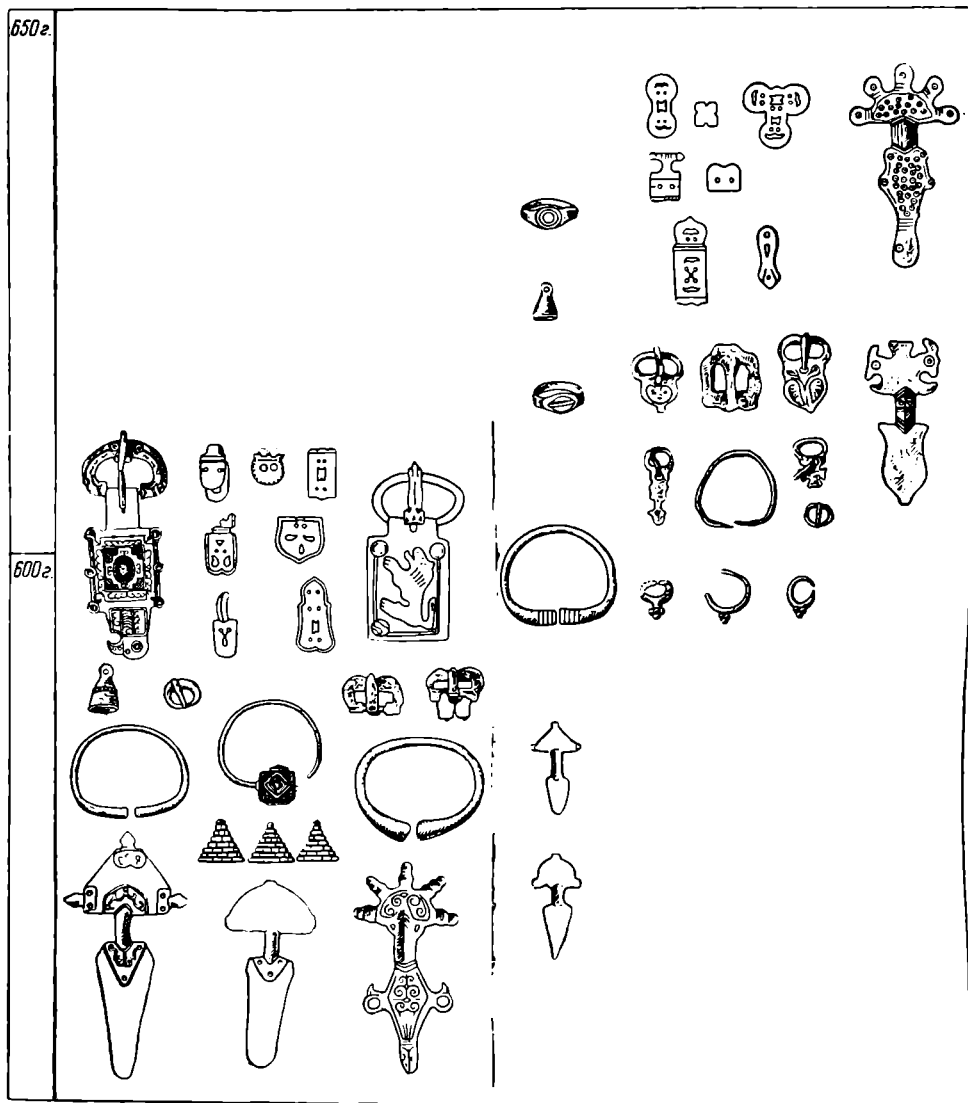

Рис. 1. Датировка погребального инвентаря в нижнем слое могильника Суук-Су

поселением II—III вв. н. э. в южной части могильника⁵². Наиболее надежными, следовательно, остаются монеты Юстиниана I и Маврикия. По ним, а также по пряжкам второй половины VI в. дата погр. №№ 46, 56, 61, 67, 77, 86, 89, 90, 91, 124, 162, 169, 190, 193, 198 устанавливается в пределах второй половины VI в. Эта дата не противоречит сообщению Прокпия о

⁵² А. Л. Якобсон. Разведочные раскопки средневекового поселения Горзувиты. КСИИМК, вып. 53, 1954, стр. 118. Римские монеты встречались и в других раннесредневековых могильниках Крыма (ИАК, вып. 30, стр. 104). Аналогичные случаи находок римских монет в могильниках VI—VII вв. неоднократно наблюдались также в мерovingскую эпоху в Галлии (E. Salin. La civilisation mérovingienne. Paris, 1952, т. II, стр. 271).

постройках Юстинианом I укреплений Алустана и в Горзувитах⁵³, с чем, очевидно, надо связывать первое появление византийских пряжек группы В, по Д. Чаллань⁵⁴. К концу VI — началу VII в. должны относиться менее богатые комплексы погр. №№ 49, 71, 73, 112, 117, 143, 153, 155. По типу пряжек и поясных украшений этим же временем должны датироваться погр. №№ 1, 31, 33, 63, 70, 88, 109, 118, 122, 144, 147, 160, 166, 199. Не позднее начала VII в. будет и погр. № 131. Комплексы погр. №№ 5, 28, 32, 68, 72, 78, 82, 84, 85, 87, 93, 126, 145, 154, 164 по маленьким поясным пряжкам относятся к первой половине VII в. Погр. №№ 29, 55, 58, 75, 80, 101, 120, 157, 191 по типам пряжек принадлежат к тому же времени — первой половине VII в. Здесь надо принять во внимание возможную одновременность погребений в одной и той же могиле. Это хорошо видно на примере склепа № 56, где из трех женских захоронений одно явно более позднее, чем другие (№ 56, погр. IV) и склепа № 131, где женское захоронение по пряжкам старше мужских.

Вполне допустима еще более узкая датировка нижнего слоя, на что указывает большая близость вещевых комплексов.

Предлагаемое хронологическое членение погребений нижнего слоя по характеру комплексов позволяет сделать ряд выводов. Самые богатые погребения являются более ранними (на что уже обращалось внимание)⁵⁵. С погребальными комплексами Суук-Су первой половины VII в. сближается инвентарь могильников Эски-Кермен⁵⁶, Узень-Баш⁵⁷ и Чуфут-Кале⁵⁸, откуда в большом количестве происходят характерные византийские пряжки VII в. Кроме того, в Чуфут-Кале найдены монеты Юстиниана I (527—565) и Ираклия (610—641) с отверстиями для подвешивания, чего в нижнем слое Суук-Су не наблюдалось⁵⁹.

Датировка отдельных вещей нижнего слоя Суук-Су представлена на рис. 1. Городки, большие золотые серьги, колокольчики с оплечьем, большие поясные пряжки и большие пластинчатые фибулы характерны для второй половины VI — начала VII в. На территории Европы подобные пластинчатые фибулы вообще исчезают в VI в.⁶⁰ в VII в. еще продолжают встречаться маленькие пластинчатые фибулы⁶¹. Керченские серебряные пальчатые фибулы⁶² известны в комплексах не позднее начала VII в.

Бронзовые пальчатые фибулы днепровского типа в Суук-Су встречены в основном в комплексах первой половины VII в. Типологически самая ранняя из этих фибул с орнаментом из S-образных завитков⁶³ известна в комплексе второй половины VI в. (погр. № 86). С конца VI в. в Суук-Су появляются и зооморфные фибулы⁶⁴ (погр. №№ 55 и 153). Следовательно, бронзовые пальчатые и зооморфные фибулы начинают проникать в Суук-Су из области Среднего Поднепровья во второй половине — конце VI в.

⁵³ Прокопий. De aedificiis. ВДИ, 1939, № 4, стр. 249.

⁵⁴ Д. Чаллань. Ук. соч., ч. I, стр. 330. Ср. в Суук-Су: ИАК, вып. 19, табл. X, 1 и 11; ЗООИД, вып. 27, табл. XV, 8 и табл. XVI, 5.

⁵⁵ В. И. Равдоникас. Ук. соч., стр. 73.

⁵⁶ Н. И. Репников. Раскопки Эски-Керменского могильника в 1925 и 1929 гг. ИГАИМК, т. 12, вып. 1—8, Л., 1932, стр. 153—180.

⁵⁷ Н. И. Репников. Разведки и раскопки на южном берегу Крыма и в Байдарской долине в 1907 г. Деревня Скеля. ИАК, вып. 30, 1909, стр. 113—119.

⁵⁸ В. В. Кропоткин. Из истории средневекового Крыма, стр. 204—212; его же. Могильник Суук-Су и его историко-археологическое значение. СА, 1959, № 1, стр. 181—194.

⁵⁹ В. В. Кропоткин. Из истории средневекового Крыма. СА, XXVIII, 1958, стр. 210.

⁶⁰ Н. Zeiss. Die Grabfunde aus dem Spanischen Westgotenreich. Berlin und Leipzig, 1934, стр. 97 сл.

⁶¹ ИАК, вып. 19, табл. VII, 5 и 6.

⁶² ЗООИД, вып. 27, табл. XIII, 1.

⁶³ ИАК, вып. 19, табл. VI, 7.

⁶⁴ Там же, табл. VI, 5; ЗООИД, вып. 27, рис. 131, 133.

Простые подогнутые фибулы с подогнутой ножкой, найденные в погр. №№ 153 и 155, датируются также концом VI — началом VII в.⁶⁵ Пластинчатые перстни и браслеты с утолщенными концами известны как в VI, так и в VII в., но основная масса браслетов обнаружена в комплексах второй половины VI — начала VII в. Для первой половины VII в. характерными являются немногие местные вещи: это малые серьги, браслеты с расплюснутыми концами и простые колокольчики.

В заключение отметим характер образования нижнего слоя могильника Суук-Су. Первые погребения появляются в северной части могильника. Они относятся к наиболее богатым. Некоторое время спустя совершаются погребения и в южной части. С конца VI в. погребения совершаются на всей территории могильника. Быстрый процесс христианизации населения оказал свое влияние на характер погребальных комплексов: они беднеют. Такой характер роста нижнего слоя могильника объясняет те различия в погребальном инвентаре северной и южной частей, на которые указывалось в начале нашей статьи.

⁶⁵ ЗООИД, вып. 27, рис. 111—113. Н. И. Репников считал их наиболее ранними (см. там же, стр. 135).

КАНИБАДАМСКИЙ КЛАД КАРАХАНИДСКИХ МОНЕТ

(К характеристике обращения медных посеребренных дирхемов в конце XII — начале XIII в.)

Состав клада (табл. 1). В Канибадамском кладе¹ монеты трех городов: Бинакета, Маргинана и Узденда. Количественно в кладе преобладают уздендские монеты (223 экз.) четырех типов. Чекан Бинакета (18 экз.) представлен в кладе одним типом так же как и чекан Маргинана (2 экз.)².

Таблица 1

Наименование города	Тип	Кол-во монет	Датированные монеты	
			дата	количество
Узденд	1	2	582/1186—7	1
»	2	2	до 594 г. х.	—
»	3	196	594/1197—8	42
»	4	23	596/1199—1200	3
Маргинан	1	2	602/1205—6	2
Бинакет	1	18	599/1202—3	1
			602/1205—6	5

Все четыре типа уздендских монет клада чеканены одним и тем же лицом с мусульманским именем «Кадыр», с лакабом «джалал ад-дунья уа-д-дин» и титулом «хакан». Полный вариант его титулатуры с именем по монетам клада следующий:

الحاقان العالم العادل الاعظم جلال الدنيا و الدين قدر خاقان

Варианты титулатуры в разных типах касаются только эпитетов при титуле «хакан». Например, на монетах второго типа нет слов العالم الاعظم, на монетах же третьего типа пропущено только одно слово — الاعظم

Обязательной составной частью надписей этих уздендских монет является суннитский символ веры в двух его частях

لا اله الا الله وحده لا شريك له

(«Нет божества, кроме Аллаха единого, нет у него сотоварища» — типы 1, 3, 4) ولا اله الا الله محمد رسول الله («Нет божества, кроме Аллаха единого. Мухаммед послан Аллаха» — тип 2). Выпускные сведения включают термин «дирхем», наименование города الاوزجند и дату арабскими словами.

¹ Клад хранится в Музее истории АН УзССР. Обстоятельства и время его обнаружения неизвестны. В ведомости хранения музея под № 21 записано: «Канибадамский клад из 236 караханидских монет». После очистки оказалось 243,5 экз. Канибадам — город в Фергане (Ленинабадская область Таджикской ССР), предположительно отождествляемый с Кендом арабских географов и Кенд-и-Бадамом Бабура.

² Наименование города на многих экземплярах не сохранилось, но классификация по типам позволила определить все монеты клада.

На монетах второго типа имеется еще эпитет «хани» в форме прилагательного. Обращает внимание отсутствие во всех четырех случаях имени халифа Насира, хотя позже на уздендских монетах оно появляется³.

Тип 1 (рис. 1,1)

Л. ст. В круглом картуше, заключенном в квадратную раму, — суннитский символ веры (часть первая) тремя строками. Кругом в сегментах, начиная с середины верхнего, — выпускные сведения.

ضرب | بهذ الدرهم | في بلد الاوز | جند سنة اثنا

Об. ст. В поле — имя и титулатура государя четырьмя строками.

الخاقان العالم | العادل الاعظم | جلال الدنيا والدين | قدر خاقان

Кругом, между двумя линейными ободками — выпускные сведения, от которых на обоих экземплярах сохранилась только часть наименования города («Узденд») и слово сотен от даты («пятьсот»).

К сожалению, на монетах клада дата сохранилась не полностью. Однако отсутствующее здесь слово десятков восстанавливается по одной монете Музея истории АН УзССР⁴, на которой удалось прочесть 584 г. х. (1189—1190). Поскольку на экземплярах клада, на лицевой стороне, слово единиц читается как «два», их следует считать выпущенными в 582 г. х. (1186—1187). Но в целом монеты первого типа чеканились, следовательно, в течение нескольких лет.

Тип 2 (рис. 1,2)

Л. ст. В квадратном двухлинейном картуше — суннитский символ веры (часть вторая) тремя строками. Ободок в виде трех кругов, из которых средний — точечный с четырьмя колечками.

Об. ст. В поле — орнамент внизу и четырехстрочная надпись с эпитетом государя, его титулатурой и именем.

خاقان [نبي] الخاقان العادل | جلال الدنيا و الدين | قدر خاقان

Ободок — как на л. ст.

На обеих монетах клада не сохранилось никаких признаков круговой надписи, и даже ободки не полностью уместились на монетных кружках, хотя на штампах для чекана монет этого типа, судя по другим монетам Музея истории АН УзССР, круговые легенды вырезались. Однако только на одном экземпляре (найденном геологами в 1950 г. в Касане, по верхнему течению Узун-Ахмада, и доставленном автору геологом О. И. Исламовым) в круговой легенде удалось прочесть наименование города — «ал-Узденд», что уже точно определило до того предположительное происхождение рассматриваемого второго типа монет Кадыра.

Дата на монетах этого типа не сохранилась, но определение примерных хронологических рамок возможно благодаря тому, что монеты этого типа перечекаивались, но не всегда технически удачно. В результате на нескольких экземплярах под более поздними штампами сохранились следы надписей и декоративного оформления этого 2-го типа. Перечекан был

³ Ниже две части суннитского символа будут упоминаться сокращенно: «первая часть» и «вторая часть».

⁴ Коллекция Востфака и ЦАНГ, № 73. В ведомости хранения и на этикетке дата не указана.

сделан 3-м типом, который датируется (см. ниже) 594 г. х. (1197—1198). Следовательно, 2-й тип принадлежит времени до 594 г. х. Весовые данные позволят еще более уточнить эту дату.

Рис. 1. Реконструкция типов 1—4 узженских дирхемов

Тип 3 (рис. 1,3)

Л. ст. В сложном звездчатом картуше из фигурно-пересеченных линий — суннитский символ веры (часть первая) тремя строками. Кругом, в шести отсеках картуша — выпускные сведения с наименованием монетного двора («Узженд») и датой без слова сотен (5)94 г. х.

ضرب هذا الدرهم في بلد الأوزجند سنة أربع وتسعين

Об. ст. В поле, обрамленном ободком из двух широких пересекающихся линий, — пятистрочная надпись с именем и титулатурой государя, а также с упоминанием (без имени) его отца:

بن سلطان الخاقان العالم العادل جلال الدين نيا والدين فدر خاقان

Кругом — выпускные сведения как на лицевой стороне, только дата полностью — 594 г. х. ضرب هذا الدرهم في بلد الأوزجند سنة أربع وتسعين

و حسن ما به
ضرب هذا الدرهم في بلد الأوزجند سنة أربع وتسعين
Круговая надпись завершается после даты то словами **عادل خان** или **الخاقان** или **عادل خاقان**, то просто фрагментами этих слов.

Тип 4 (первый вариант типа 4, рис. 1,4)

Л. ст. В квадратном двухлинейном картуше — суннитский символ веры (часть первая) тремя строками.

Об. ст. В восьмилепестковом двухлинейном картуше титулатура и имя государя тремя строками: الخافان العادل | جلال الدنيا و الدين | قن. خافان

Сверху орнамент, снизу — колечко.

Круговые легенды обеих сторон заставляют разделить монеты 4-го типа на три варианта. Первый вариант на оборотной стороне в восьми отсеках картуша содержит выпускные сведения (дата — 596 г. х.), а в круговой легенде лицевой стороны — вторично — имя государя и титулатуру с добавлением «ал-алем». Во втором варианте — обратная картина: на оборотной стороне — вторично — имя и титулатура государя, а на лицевой стороне — выпускные сведения. Третий вариант в круговых легендах обеих сторон содержит только выпускные сведения.

Рис. 2. Реконструкция типов дирхемов Бинакета и Маргинана

Чекан Маргинана (рис. 2, 2) представлен в кладе только двумя экземплярами, причем мусульманское имя владельца этого города из монет не выясняется. По общему содержанию надписей маргинанские монеты примыкают к узденским, ибо и на них имеется титулатура государя с его эпитетом, суннитский символ веры и выпускные сведения, а имя халифа ан-Насира отсутствует. Однако маргинанские монеты отличаются большой вычурностью, нарядностью почерка и декоративного оформления⁵.

⁵ Аналогичная маргинанская монета уже опубликована в третьем добавлении к Инвентарному каталогу мусульманских монет Эрмитажа (под № 606-а). Наше чтение надписей по монетам клада совпадает с опубликованным во всех частях, кроме одного слова в титуле, которое следует читать не *طغان* («туга»), а *طغان* («туган»). Буква «нун» четко видна как на наших экземплярах, так и на эрмитажном, который мы специально для этого смотрели; она пересекает предшествующую ей букву «алиф».

Л. ст. В пятичастном фигурном картуше — суннитский символ веры (часть первая). Кругом, между двумя линейными ободками — выпускные сведения. ضرب هذا الدرهم في بلدة المرغينان حسنه [ثنى] و ست مايه

Об. ст. В поле пятистрочная надпись с почетным эпитетом и титулатурой государя:

حسامى | الخاقان العادل | حسام الدنيا و | الدين قتلغ | طغان | خاقان

Кругом, между двумя линейными ободками — выпускные сведения, а также вторичное начало титула в виде الخاقان العالم العادل

Дата на монетах клада полностью не сохранилась. Хорошо читается только слово сотен, а от единиц видна лишь первая — «алиф», что с одинаковым вероятно позволяет читать здесь цифру «один», «два» или «четыре». Опубликованная монета из Эрмитажа, а также четыре аналогичных неопубликованных экземпляра Музея истории АН УзССР (без инв. номера, из необработанной части коллекции) имеют одинаковую дату — 602 г. х. Это дает основание на монетах клада читать ту же дату, чему соответствуют сохранившиеся ее части.

Бинакетские монеты (рис. 2, 1) представили некоторые затруднения в части прочтения почетного эпитета в начале надписи и тюркского титула в ее конце на оборотной стороне монетного кружка. Предлагаемое чтение мы уже аргументировали в другой работе⁶.

Л. ст. В поле — суннитский символ веры тремя строками (часть вторая), а сверху и снизу, маленькими буквами — имя халифа ан-Насира: الناصر لدين الله

Об. ст. В поле — пятистрочная надпись с эпитетом, титулом и именем государя: على الخاقان العادل | عماد الدنيا و | الدين الغ اكرش

| جغرى خان

Круговые легенды на обеих сторонах содержат выпускные сведения с наименованием города (بناكت) и двумя датами: в одном случае 599 г. х. (1202—1203), а на пяти монетах — 602 г. х. (1205—1206).

Бинакетские монеты этого типа встречаются довольно часто. Большое их количество было нами осмотрено в Музее истории АН УзССР, имеются они и в других музеях; на этих монетах, кроме двух вышеупомянутых дат, были прочтены еще две — 600 г. х. и 601 г. х. Таким образом, с 599 г. х. и по 602 г. х. в Бинакете монеты чеканились ежегодно и, видимо, в большом количестве.

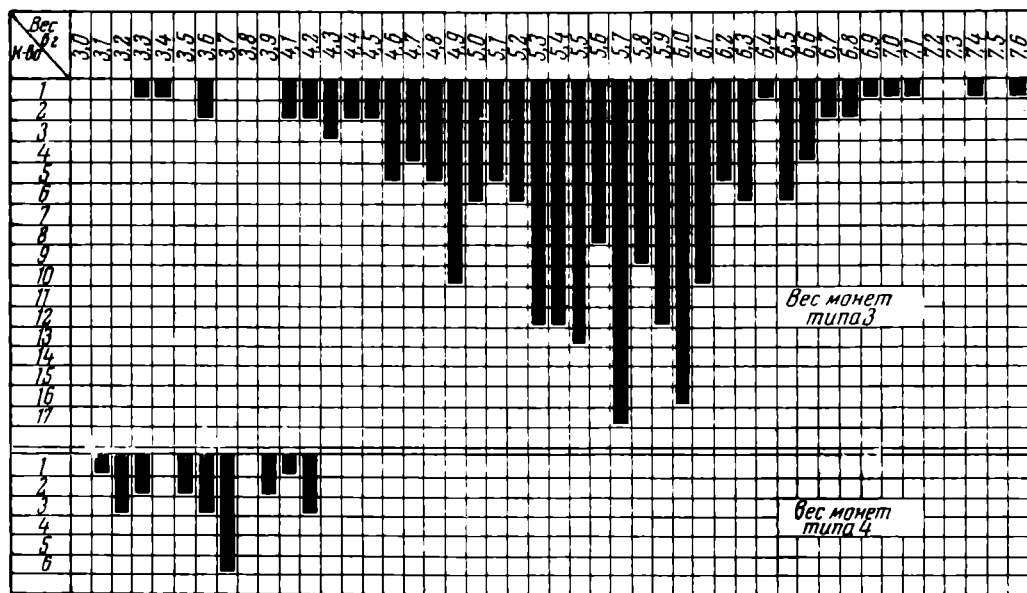
Канибадамский клад и номиналы уздендских дирхемов. Четыре типа уздендских монет клада охватывают 582—596 гг. х. В количественном отношении (196 экземпляров) резко преобладают моменты третьего типа за 594 г. х. (1197—1198), следовательно именно этот тип для 90-х годов VI в. хиджры можно считать основным номиналом. Каким же был вес этого номинала, были ли у него кратные и каким был критерий их различения?

Монеты 3-го типа показывают очень широкий диапазон весовых колебаний. Крайние пределы ограничены цифрами в 3,3 г и 7,6 г. Однако эти

⁶ Е. А. Давидович. Неопубликованные монетные находки на территории Узбекистана. Тр. Ин-та истории и археологии АН УзССР, вып. 7, Ташкент, 1953, стр. 157—158.

Таблица 2

Вес узденских дирхемов 594 г. х. (тип. 3) и 596 г. х. (тип. 4)

крайние цифры единичны и должны быть отнесены в разряд случайных отклонений. Основная масса монет расположена в пределах 4,1—7,1 г, что в среднем дает 5,6 г. Наиболее компактная группа (около 60% монет) расположена в еще более узких пределах — 5,3—6,1 г, что в среднем дает 5,7 г. Вершина графического треугольника (табл. 2), здесь не четко выделившаяся из-за большого ремедиума и значительной потертости монет, расположена, однако, еще выше. Поэтому, не уточняя до десятых долей грамма, следует признать законный вес узденских монет 3-го типа близким 6 г⁷. Размеры этого типа монет колеблются в пределах 34—38 мм, но в преобладающем количестве случаев они равняются 35—36 мм. Реконструкция типа показывает, что штамп резался из расчета диаметра в 41 мм⁸.

Вес узденских монет 1-го типа за 582—584 гг. х. известен всего по трем экземплярам. Это чрезвычайно затруднило бы определение их среднего веса, если бы не данные 3-го типа. Оказалось, что вес всех трех монет находится в пределах ремедиума 3-го типа. Отсюда следует, что оба типа являются одинаковыми номиналами. Это подтверждается также совпадением диаметров: размеры монетных кружков первого типа — 35—36 мм, а размеры штампов (по реконструкциям) — 40 мм.

1-й и 3-й типы чеканены в разные годы: первый — в 80-ые годы VI в. х., третий — в 90-ые. По весу и размерам они одинаковы, но зато по типу — совершенно различны. Следовательно, эти два одинаковых номинала сменили друг друга во времени, причем выпуск 3-го типа предусматривал

⁷ Средний вес, вычисленный любым путем, как правило, не равняется первоначально установленному законному весу; он является нижним весовым пределом законного веса. Естественно, чем менее потерты монеты, тем ближе средний вес к законному. Только в идеальных случаях, когда выпущенные монеты или вовсе не попали в обращение или вскоре были изъяты, их средний вес можно было бы считать законным. Во всех же других случаях для определения законного веса по среднему необходимы какие-нибудь дополнительные данные, которыми для Средней Азии XII—XIII вв. мы не располагаем.

⁸ Меньшие размеры реальных монетных кружков по сравнению с размерами штампа — самое обычное явление в средневековом среднеазиатском чекане.

изъятие из обращения 1-го типа, иначе не нужно было бы при сохранении весового стандарта и размеров так резко менять весь внешний облик монет.

Другую весовую картину демонстрируют 2-й и 4-й типы. Восемь монет 2-го типа расположились в пределах 3,8—4,6 г, что в среднем дает 4,2 г (среднее арифметическое в данном случае — 4,17 г). Наибольший вес монет 2-го типа соприкасается с наименьшим весом 1-го и 3-го типов. Но средний вес 2-го типа лежит далеко не только от среднего веса 1-го и 3-го типов, но даже вне ремедиума последних. Следовательно, 2-й тип является другим номиналом, что подтверждают и размеры монетных кружков. Диаметры монет 2-го типа колеблются в пределах 31—34 мм, средний диаметр равняется 32—33 мм, а диаметр реконструкции 37—38 мм, что заметно меньше аналогичных размеров 1-го и 3-го типов.

Еще более яркую картину показывают 23 монеты 4-го типа (табл. 2). Их вес располагается в пределах 3,1—4,1 г, что в среднем дает 3,6 г. Но наибольшее число монет падает на 3,7 г. Этот вес переключается с весом монет 2-го типа,⁹ что подтверждают близкие размеры монетных кружков, диаметры которых колеблются в пределах 28—32 мм, средний диаметр равняется 30—31 мм, а максимальный диаметр реконструкции — 36 мм.

Таким образом, типы 2 и 4 также являются одинаковым номиналом. Поэтому разное время их выпуска (2-й тип — 80-е годы VI в. х., а 4-й — 90-е) в сочетании с подчеркнута разным внешним оформлением говорит

Таблица 3

Весовой стандарт ок. 6 г		Весовой стандарт ок. 4 г	
дата х.	тип	дата х.	тип
582—584	1	до 594	2
594	3	596	4

о том, что в обращении тип 4 сменил тип 2. Соотношение годов чекана этих четырех типов двух достоинств можно представить в следующем виде (табл. 3). Здесь наглядно показано, что разнотипные, но одинаковые по весу и размерам монеты чеканились и обращались в разное время, а разнотипные и разные по весу и размерам монеты чеканились и обращались в одно время. Этот вывод подтверждается еще и тем обстоятельством, что в нескольких случаях удалось отметить перечеканы одного типа другим. В частности, на нескольких монетах под плохо получившимися надписями и рисунками 3-го типа оказались остатки надписей и рисунков 1-го и 2-го типов. Следовательно, выпуск 3-го и 4-го типов был связан с изъятием из обращения 1-го и 2-го типов.

Все сказанное позволяет сделать следующие выводы о двух этапах чекана и обращения этих дирхемов на протяжении двух последних десятилетий VI в. х. К первому этапу относятся типы 1—2, чеканенные и обращавшиеся в 80-х годах VI в. х. Второй этап образуют типы 3—4. Обращались они в 90-х годах VI в. х. Их выпуск был связан с запретом предшествующей пары типов, поэтому монетные кружки 1-го этапа даже попали под штампы второго этапа. Для реального изъятия из обращения монет первого этапа обоим типам второго этапа был придан новый и отличный внешний облик, что являлось необходимым условием контроля за осуществлением этого запрета и изъятия старых монет. Внутри каждого этапа

⁹ Обращает внимание некоторая разница в среднем весе монет второго типа (4,2 г) и четвертого типа (3,6—3,7 г). Но так как монет этих типов (особенно второго) очень мало, сейчас нельзя уверенно сказать, является ли эта разница преднамеренной или случайной. Второе не исключено, ибо при малом количестве монет ремедиум правильно не устанавливается, почему и средняя цифра, полученная графическим или арифметическим путем, может оказаться искусственно несколько заниженной или завышенной. Кроме того, необходимо учитывать, что при изменении типа и изъятии старых монет в большинстве случаев чеканили не из металла, а перечеканивали бывшие в ходу, подходящие по весу, но уже потерявшие старые монеты.

обращались монеты двух достоинств, с абсолютным весом около 4 г и около 6 г. Отношение между этими монетами по их весу было 2/3 : 1 или 1 : 1,5, причем абсолютный весовой стандарт на обоих этапах не претерпевал существенных изменений.

Весовые стандарты в чекане Узденда за 601 (1204—1205) — 609 (1212—1213) гг. х. Уздендский чекан в канибадамском кладе обрывается 596 г. х. (1199—1200). Для четырехлетнего отрезка времени между 596 г. х. и 601 г. х. монетный чекан пока неизвестен¹⁰.

С 601 г. х. по 607 г. х. нами зарегистрировано в чекане Кадыра шесть датированных типов. Сюда же следует присоединить монеты 608 г. х. без собственного имени государя, которые мы, однако, относим к чекану Кадыра¹¹. Самые ранние монеты Кадыра (579 г. х.) в канибадамском кладе также не представлены. Все известные сейчас 15 типов монет Кадыра¹² можно свести в следующую таблицу 4:

Таблица 4

Тип	5	Клад				6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
		1	2	3	4										
Годы хиджры	579	582 584	до 594	594	596	601	603	606 607	607	606	60...	?	?	?	608

Какими же были весовые стандарты этих уздендских монет 601—608 гг. х.? Типы уздендского чекана, не содержащиеся в кладе, представлены единичными экземплярами, что весьма затрудняет ответ на поставленные вопросы. Исключения представляют монеты 608 г. х. (тип. 15) и 609 г. х. (последние выпущены уже не от имени Кадыра, а от имени двух других лиц — караханида Махмуда и хорезмшаха Мухаммада)¹³. 12 экз. монет 608 г. х. (1211—1212) показывают средний вес 8,4—8,5 г.¹⁴ Среднее арифметическое равняется 8,43 г, крайние весовые пределы — это 7,2—9,7 г, что в среднем дает также 8,45 г или, округляя, — 8,5 г, при среднем диаметре монетных кружков 40—41 мм (в дальнейшем этот стандарт в уздендском чекане будет называться «четвертым» — IV).

¹⁰ Возможно, до 601 г. х. обращались два номинала третьего и четвертого типов. Но не исключено, что в дальнейшем к этому отрезку времени смогут быть приурочены какие-то монеты, тем более что уже сейчас известны недатированные типы.

¹¹ Е. А. Давидович. Нумизматические материалы для хронологии и генеалогии среднеазиатских Караханидов. Нумизматический сб., ч. 2, Тр. ГИМ, вып. XXVI, 1957, стр. 102—106.

¹² Монеты типов 12—14 не сохранили выпускных сведений. Не исключено, что они чеканены также в Узденде. Монеты типов 7, 11, 13 не опубликованы. 3 экз. типа 7 хранятся в Музее истории АН УзССР (1 экз.— кол. 44, № 133) и в ГИМ (2 экз. без инв. №). Монета типа 11 — в Музее истории АН УзССР (кол. 44, № 110; от даты сохранилось только слово сотен — 600, единицы стертые). Монета типа 13 — в ГЭ (колл. 44 а/538). Монеты типов 6, 8, 9, 10 хранятся в ГЭ (одна неопубликованная типа 8 — также в Музее истории АН УзССР — кол. 44, № 138) и опубликованы в эрмитажном каталоге А. К. Марковым (№ 606 в, 607—610, 611, 612. Дату последней А. К. Марков неверно читает 607 г. х.: буквы «айн» нет, четко видны четыре вертикальные черточки, т. е. 606 г. х.). Монеты типов 5, 12, 14 хранятся в Музее истории АН УзССР и в Ленинабадском обл. музее и опубликованы (см. Е. А. Давидович. Из области денежного обращения на территории Ферганы. Тр. Музея истории УзССР, вып. II, Ташкент, 1954, стр. 42—44, № 8—9 и рис. 1 на стр. 43; Нумизматическая коллекция Ленинабадского областного историко-краеведческого музея. Изв. Огд. общ. наук АН ТаджССР, вып. 2, Сталинабад, 1952, стр. 68—70 и табл. 1/2 на стр. 67).

¹³ О них см. Е. А. Давидович. Нумизматические материалы..., стр. 103 сл. и рис. 3 на стр. 104.

¹⁴ Монеты хранятся в ГИМ и взвешены по моей просьбе научным сотрудником Отдела нумизматики ГИМ С. А. Яниной.

Монеты 609/1212—13 г. показывают другой весовой стандарт, который в дальнейшем будет называться «пятым» (V). Девятнадцать взвешенных монет этого типа расположились в весовых пределах 10,3—12,9 г, что в среднем дает 11,6 г (среднее арифметическое — 11,5 г). Следовательно, законный вес этого типа монет был выше 11,6 г при среднем диаметре монетных кружков 42—43 мм.

Таким образом, чекан 608—609 гг. х. оставил два новых весовых стандарта, которые позволяют определить номиналы единичных монет других типов за 601—607 гг. х. Абсолютный вес и размеры этих монет приводим в виде таблицы 5, добавляя в конце для их сравнительного определения крайние показатели двух весовых стандартов 608—609 гг. х.

Таблица 5

Тип	Дата по хиджре	Вес (в г)	Диаметр (в мм)	№ весового стандарта
6	601	9,14	39—40	IV
7	603	7,76	38—39	IV
		8,58		
		9,05		
8	606	9,21	40—42	IV—V?
8	607	12,13	41—42	IV—V?
9	607	11,58	43—44	V
10	606	7,60	34—35	III—IV?
11	60..	6,51	36—36,5	III
15	608	7,2—9,7	40—41	IV
	609	10,3—12,9	42—43	V

Несомненно, для типов 6—9 ранние весовые стандарты Кадыра по монетам 582—596 гг. х. (второй стандарт — около 4 г и третий — около 6 г) не подходят, даже если учесть крайние весовые отклонения. Следовательно, они чеканены по четвертому (выше 8,5 г) и пятому (выше 11,6 г) весовым стандартам. Нескольку противоречив вес двух монет типа 8 за 606—607 гг. х.: меньший (9,21 г) лежит в пределах весовых колебаний четвертого весового стандарта, а больший (12,13 г) — в пределах весовых колебаний пятого весового стандарта. Это можно объяснить одной из двух причин: случайным отклонением за пределы ремедиума или изменением весового стандарта внутри одного и того же типа. Однако последнее кажется менее вероятным, ибо повышение веса должны были подчеркнуть, а не скрывать. Тип 9 за 607 г. х., несомненно, чеканен по пятому весовому стандарту, о чем говорят и вес и размеры монеты. Типы 6—7 по тем же показателям входят в группу четвертого весового стандарта, а тип 11 — третьему. Нескольку сложнее дело обстоит с типом 10. Вес этой монеты соответствует четвертому весовому стандарту, а диаметр — третьему. Не исключено, что эта монета должна все же принадлежать третьему весовому стандарту со случайным отклонением веса (такой же вес в 7,6 г у одной монеты третьего типа Кадыра). Однако окончательно этот вопрос мы пока не решаем, лишь условно в нижеприлагаемой сводной таблице 6 весовых стандартов по годам чекана, помещая этот тип в третий весовой стандарт.

В итоге все рассмотренные весовые изменения в уздендском чекане Кадыра за 579—608 гг. х., включая сюда завершающую караханидский чекан Узденда серию двухименных монет 609 г. х., сводятся к наличию пяти весовых стандартов¹⁵: I — выше 3 г, при среднем диаметре в 27—28 мм; II — около 4 г, при среднем диаметре в 31—32 мм; III — около 6 г, при среднем диаметре в 35—36 мм; IV — выше 8,5 г, при среднем диаметре в 40—41 мм; V — выше 11,6 г, при среднем диаметре в 42—43 мм¹⁵.

¹⁵ Выявление пяти весовых стандартов позволяет уточнить время выпуска недатированных типов 11—14.

Таблица 6

Весовой стандарт	г. х.											типы без точной даты		
	579	582—584	до 594	594	596	601	603	606	607	608	609	11	12	13
	I	0		0		0								
II														
III		0		0				0?				0	0	
IV						0	0	0?		0				
V								0?	0		0			

Расстройство денежного обращения в Фергане при Кадыре. Пять весовых стандартов в чекане Кадыра хронологически можно свести в три или четыре, как мы их условно будем называть, «весовые периоды»¹⁶.

- 2) 582—596 гг. х. — употребляются третий и второй весовые стандарты.
- 3) 601—606 гг. х. — употребляются четвертый и третий весовые стандарты.
- 4) 606 (или 607?)—609 гг. х. — употребляются пятый и четвертый весовые стандарты.

Таким образом, по имеющимся сейчас данным, в каждом из трех «весовых периодов» обращались монеты минимум двух достоинств. От периода к периоду абсолютный вес их увеличивался, причем в этом движении веса можно наметить следующую закономерность: каждый последующий весовой период сохранял более крупный весовой стандарт предыдущего «весового периода» и вводил свой новый, еще более крупный весовой стандарт¹⁷.

Чем диктовалась необходимость увеличивать абсолютный вес этих монет?

Для ответа на этот вопрос прежде всего необходимо выяснить, какую сферу денежного обращения обслуживали эти монеты. Так как изготовлены они из меди (или бронзы), проще всего было бы предположить, что они являлись разменными монетами и обслуживали сферу медного обращения. Не случайно в некоторых публикациях такого рода монеты названы фельсами. Между тем их надписи содержат совсем другое наименование: «дирхем»; оно сохранилось на массе медных позднекараханидских, крупных хорезмшахских и джагатаидских монет до третьей четверти XIII в. включительно¹⁸.

Соединение термина «дирхем» с медным металлом монетного кружка породило очень распространенную среди нумизматов и принятую истори-

¹⁶ Для характеристики самого раннего «весового периода», пока представленного только 5-м типом монет, недостаточно данных.

¹⁷ Если в дальнейшем будут обнаружены новые типы монет Кадыра, даты которых покажут, что не только большой, а иногда также и малый весовой стандарт переходил в следующий «весовой период», то это не опровергнет установленной закономерности. Окажется, что в какой-либо «весовой период» будет не два, а три номинала, но все же каждый новый «весовой период» будет ознаменован введением нового и более высокого весового стандарта, чаще всего в полтора раза превышающего вес самого высокого стандарта предшествующего «весового периода».

¹⁸ При Джагатаидах этот термин начинает употребляться даже во множественном числе, чем подчеркивается его чисто собирательный смысл для обозначения всей группы монет вне зависимости от индивидуального достоинства каждой (Е. А. Давидович. Клад медных джагатаидских монет XIII в. ДАН УзССР, 1949, № 6, стр. 37—38).

ками точку зрения, согласно которой в пору максимального развития «серебряного кризиса» на Востоке, в том числе и в Средней Азии, термин этот изменил свой первоначальный смысл, связанный с серебром, и стал наименованием именно медной монеты.

Между тем на многих позднекараханидских, крупных хорезмшахских и джагатаидских дирхемах сохранились следы поверхностного покрытия белым металлом¹⁹, что неоднократно отмечалось в литературе²⁰. Предполагалось, что это серебро. Спектральный анализ одной хорезмшахской монеты подтвердил это предположение²¹.

Следовательно, в Средней Азии в пору максимального обострения серебряного кризиса и первых попыток преодоления его (в XIII в. появляются отдельные выпуски настоящего серебра) государственная власть прибегла к чекану медных посеребренных монет, т. е. легальных фальсификатов, имевших внешний облик настоящего серебра. Именно в силу последнего обстоятельства эти монеты и продолжали именоваться дирхемами. Следовательно, в Средней Азии, во всяком случае со второй половины XII в., термин «дирхем» оставался верным своей связи с серебром, своему первоначальному основному смыслу.

Попытка правительства сохранить серебряный облик дирхемов сама по себе свидетельствует о том, что дирхемы эти должны были обслуживать сферу обращения серебра, т. е. обращаться по соответствующему принудительному курсу. Вывод этот могли бы подтвердить находки монет, обслуживающих мелкую торговлю, сферу медного обращения. Однако выделение медных фельсов среди массы медных монет XII—XIII вв. представляет значительные трудности. В настоящее время единственным прочным основанием для этого может служить наличие слова «фельс» в легенде, тогда как в XII—XIII вв. дирхемы и фельсы практически различались очень легко, благодаря серебряному облику первых.

Пока мы можем назвать два типа монет со словом «фельс» в надписях. Первый тип принадлежит самаркандскому чекану 595 г. х. (1198—1199) Ибрахима б. Хусейна²². Второй тип — бухарскому чекану 608/1211—12 г. Мухаммада хорезмшаха²³.

Оба приведенные факта чекана медных фельсов в Самарканде и Бухаре, свидетельствующие об одновременном обращении фельсов и дирхемов, подтверждают наше заключение о том, что посеребренные дирхемы имели, во всяком случае, более высокую, чем фельсы, сферу обращения. Однако фельсы караханида Ибрагима и хорезмшаха Мухаммада заполняют лишь очень короткий отрезок времени в самом конце XII и начале XIII в. Чеканились ли фельсы до и после этого? Не исключено, что некоторые типы медных караханидских монет, не содержащие в круговых над-

¹⁹ Эта оболочка, покрывавшая монеты, способствовала их хорошей сохранности, предохраняя медь от окисления. Нельзя не отметить, что экземпляры, не сохранившие своей внешней оболочки, часто, подобно серебру, покрыты тонким черным слоем, предохраняющим от дальнейшего разложения. Вместе с тем отсутствие серебра или черного слоя на других монетах само по себе не является достаточным аргументом для отрицания «посеребления». Возможность бесследного исчезновения тонкого поверхностного слоя серебра, прежнее наличие которого не смогут обнаружить даже химические анализы, отметил В. Н. Кононов (см. А. А. Быков. Новый клад медных куфических монет из Таджикистана. ТОНГЭ, т. I, Л., 1945, стр. 99).

²⁰ З. А. Альхамова. Клад медных посеребренных самаркандских дирхемов 663 г. х. Тр. САГУ, новая серия, вып. XI, Ташкент, 1950; Е. А. Давидович. Термезский клад медных посеребренных дирхемов 617/1220 г. ЭВ, VIII.

²¹ Здесь мы не решаем вопрос, будет ли поверхностное серебрение медных дирхемов узкой спецификой только Средней Азии или впоследствии окажется, что и в других местах прибегали к аналогичным приемам для внешнего сохранения традиционных форм чекана и обращения монет.

²² А. К. Марков. Инвентарный каталог..., стр. 288—289, № 593—594. Один экземпляр хорошей сохранности имеется также на кафедре археологии Средней Азии САГУ.

²³ Е. А. Давидович. Неопубликованные монетные находки..., стр. 170—171, № 31.

писях ни слова «фельс», ни слова «дирхем», могли по назначению быть фельсами, ибо практическим критерием различения дирхемов и фельсов в XII—XIII вв. было не наличие соответствующего термина (который к тому же часто не выходил или стирался в круговой легенде), а наличие или отсутствие серебряной оболочки.

Таким образом, если не систематически, то эпизодически медные фельсы выпускались. В такие периоды именно они обслуживали мелкий розничный товарооборот. Это было реальной предпосылкой и необходимым условием для узаконения за дирхемами их высокого принудительного «серебряного» курса. Другое дело, как на это реагировал рынок и какие курсовые колебания испытывали посеребренные дирхемы, ибо такая монетная система (даже вне зависимости от наличия или отсутствия в обращении фельсов) потенциально была чревата кризисами денежного обращения с резким обесцениванием «дирхемов».

Предельно четкую характеристику особенностей обращения законченной формы знаков стоимости — бумажных денег дал К. Маркс: «В обращении знаков стоимости все законы действительного денежного обращения выступают перевернутыми и поставленными на голову. В то время как золото обращается потому, что имеет стоимость, бумажные деньги имеют стоимость потому, что они обращаются. В то время как при данной меновой стоимости товаров количество находящегося в обращении золота зависит от его собственной стоимости, стоимость бумажных денег зависит от количества их, находящегося в обращении. В то время как количество находящегося в обращении золота увеличивается или уменьшается с повышением или падением товарных цен, товарные цены, по-видимому, повышаются или падают в зависимости от изменения количества бумажных денег, находящихся в обращении. В то время как товарное обращение может поглотить только определенное количество золотой монеты, — поэтому попеременное сокращение и расширение количества обращающихся денег представляется необходимым законом, — бумажные деньги могут, по-видимому, вступать в обращение в любом количестве»²⁴.

Следовательно, основное условие нормального обращения знаков стоимости — это нормальное их количество, определяемое опытом²⁵.

Если на рынке появляются значительные излишки знаков стоимости, они стихийно не выбрасываются из обращения, их не поглощает ни резервуар сокровища (их собственная стоимость для этого слишком низка), ни тем более международная торговля. Поэтому излишки знаков стоимости, в отличие от настоящего золота и серебра, поглощаются рынком. В результате их покупательная способность стихийно начинает падать. А на поверхности это имеет вид общего повышения товарных цен (если обращаются одни знаки стоимости) или изменения курса в отношении благородного металла (если обращаются также монеты из благородного металла) со многими сопутствующими явлениями.

Факты показывают, что средневековые среднеазиатские экономисты опытным путем постигли эти закономерности и пытались сообразоваться с ними. Какого рода эти факты?

Выпуск медных посеребренных дирхемов с принудительным курсом был чрезвычайно выгоден казне. Тем не менее, его пытались ограничивать и контролировать. Об этом прежде всего свидетельствуют даты на монетах: выпуск не всегда был ежегодным, иногда в течение нескольких лет подряд дирхемы не чеканились. Это хорошо видно и по уздендским монетам Кадыра. Правил он в Узденде 30 лет, на монетах же отмечено всего 11 дат, причем 5 дат приходится на последние 8 лет.

²⁴ К. Маркс. К критике политической экономии. Л., 1953, стр. 117—118.

²⁵ См. там же, стр. 109: «Уровень, ниже которого масса обращающихся монет никогда не падает, определяется в каждой стране опытом».

Очень существенны факты, говорящие о периодической и полной замене одних обращающихся дирхемов другими. Об этом прежде всего свидетельствует периодическое изменение всего их внешнего облика даже при сохранении старых метрических показателей. В частности, мы уже приводили пример такой замены одних монет другими в последние два десятилетия VI в. х. Отбросив типы точно не установленного законного веса на отрезке времени с 582 г. х. по 609 г. х. для четырех (второго, третьего, четвертого и пятого) весовых стандартов, можно привести по несколько таких типовых смен.

Весовой стандарт	Номера типов или даты
II	2,4
III	1,3,11,12
IV	6,7,15
V	9, монеты 609 г. х.

Не менее существенно, что под рисунками и надписями монет определенного типа проглядывают не совсем уничтоженные остатки предшествующего чекана. В отдельных случаях удается даже установить дату и тип перечеканенной монеты. Таким образом, известная часть нового выпуска основывалась не на чекане из металла, а на перечекане других монет²⁶.

При выпуске новых монет дальнейшее обращение старых запрещалось. Для контроля за рынком и выполнением государственного установления реальной основой служило изменение типа. В условиях деспотической власти старые монеты не могли уже дальше обращаться легально, а для нелегального обращения, будучи знаками стоимости, они не годились²⁷.

Периодические замены одних монет другими, с запретом обращения старых, объективно не позволяли перенасытить рынок средствами обращения, т. е. объективно должны были избавлять рынок от резких и сильных инфляций. Но такие периодические запреты и обмены, в свою очередь, были внутренне противоречивы и сами могли приводить к расстройству денежного обращения, ибо они должны были приносить убытки владельцам монет и вызывать большое недовольство и отрицательную реакцию рынка. Открытые проявления недовольства подавлялись силой²⁸, а пассивное экономическое сопротивление и нелегальные курсовые колебания постепенно должны были нейтрализоваться, поскольку государственная власть все выплаты и закупки производила новыми знаками стоимости по полному их курсу и таким же образом принимала их в уплату всех налогов и сборов; иначе говоря, объективно прочное положение новых знаков стоимости благодаря их нормальному количеству искусственно укреплялось государственной властью, когда при всех расчетах с частными лицами она исходила из своих установлений.

Итак, теоретически на базе медных посеребренных дирхемов — знаков стоимости и даже в условиях принятой в рассматриваемое время формы эксплуатации монетной регалии с периодическими обменами монет нормальное денежное обращение и поддержание высокого курса знаков стоимости были возможны. Для этого необходимо было соблюдение только

²⁶ Более поздние аналогии по Средней Азии и Ирану с такими же запретами старых монет и заменой их новыми являются лишним аргументом.

²⁷ Если при этом норма обмена старых на новые была слишком низкой, запрещенные монеты выпадали в клады, ибо все же обладали некоторой минимальной (металл монеты и слой серебра) стоимостью. История денежного обращения знает даже такие случаи, когда изъятые медные монеты выгоднее было переплавить на металл, чем обменивать на монетном дворе.

²⁸ Сравни, например, денежную реформу 1708 г. Убайдулла-хана (см. Е. А. Давидович. Денежная реформа 1708 г. в Бухаре. КСИИМК, вып. 66, 1956).

двух условий: не перенасыщать рынок знаками стоимости и не дискредитировать медные посеребренные дирхемы слишком частыми обменами.

Но монетный чекан конца XII — начала XIII в. сохранил некоторые показатели, как раз намекающие на нарушение этих условий, приведшее к серьезному расстройству денежного обращения. Такими «сигналами бедствия» являются: во-первых, слишком обильный, видимо, чекан (в течение минимум пяти лет из восьми) и слишком частые обмены; во-вторых, увеличение абсолютного веса медных посеребренных дирхемов.

Абсолютный вес дирхемов при Кадыре увеличивался неоднократно, причем с очень небольшими промежутками времени. Между тем сущность и характер обращения монет с принудительным курсом не требовали повышения веса, так как их покупательная способность менее всего зависела от их собственной стоимости. «Отношение, в котором знаки стоимости, безразлично, бумажные билеты или фальсифицированные золотые и серебряные монеты, — заменяют весовые количества золота или серебра, соответствующие монетной цене, зависит не от материала самих этих знаков, а от их количества, находящегося в обращении»²⁹.

Кроме того, изменение весового стандарта каждый раз сопровождалось изменением типа более высоковесных монет, т. е. запретом всех до того обращавшихся монет и их обменом на новые деньги. Однако такой обмен мог быть осуществлен (и практически неоднократно осуществлялся) только на базе типа, без изменения веса. Таким образом, обмен монет в обычных условиях сам по себе также не требовал увеличения абсолютного веса знаков стоимости. Следовательно, увеличение веса было дополнительным мероприятием, непосредственно не продиктованным ни сущностью обращения знаков стоимости, ни принятой формой эксплуатации монетной регалии.

Естественно, дополнительное мероприятие могло понадобиться в том случае, если основное оказывалось не действенным. Иначе говоря, к увеличению веса монет при очередном обмене могли и пытались прибегнуть в том случае, когда простые обмены на основе голого декретирования уже не удавались, терпели полный крах. Отсюда явилась необходимость какими-то дополнительными средствами поддержать голое декретирование, создать какое-то материальное основание для обмена монет. Такое дополнительное средство средневековые экономисты XII в. и увидели в увеличении веса знаков стоимости.

Почему же простой обмен, к которому неоднократно прибегали, на каком-то этапе оказался совершенно не действенным? Это могло быть только в условиях длительного и прогрессирующего процесса обесценивания медных посеребренных дирхемов, в результате которого их просто не хотели принимать на рынке, что окончательно подрывало их положение. В таких условиях, естественно, замена дискредитированных и обесцененных монет другими, отличающимися только внешним видом, ни к чему не приводила: для эффективной девальвации необходимо было уничтожить причины, породившие инфляцию и нежелание принимать дирхемы, и дать рынку совершенно новую монету. Конечно, увеличение веса было только видимостью новой монеты. И тот факт, что Кадыр за короткий отрезок времени три раза все больше и больше повышал вес, говорит о крахе также и этой попытки. Это же говорит о том, что причины инфляции не были частными и временными. Нам представляется, что в данном случае инфляция и расстройство денежного обращения были порождены совместным действием двух причин: напряженностью политического положения (непрекращающиеся войны Мухаммада хорезмшаха, Караханидов, Караки-таев и Кучлука Найманского) именно в конце XII — начале XIII в. и интенсивностью эксплуатации монетной регалии Кадыром. Обе эти причины тоже были взаимосвязаны. Война и разрушения влияли на товарные

²⁹ К. Маркс. Ук. соч., стр. 116.

цены; это уменьшало доходы от чекана и одновременно увеличивало потребность в деньгах для расходов, побуждало увеличить выпуск посеребренных дирхемов и участить обмены; перенасыщение рынка средствами обращения и слишком частые обмены (особенно в начале XIII в.) углубляли инфляцию и недовольство рынка, окончательно подрывали положение знаков стоимости, которые никто уже не хотел принимать. Отказ принимать монету был самой тяжелой для денежного обращения реакцией рынка. А что такие отказы периодически имели место, следует не только из логических соображений, но и из прямого свидетельства монетных надписей XIII в.³⁰

Кажется очень вероятным, что расстройство денежного обращения наметилось в Узденде еще до Кадыра. Не случайно он вскоре после своего воцарения перешел на второй и третий весовые стандарты. Но тогда положение не было еще совершенно безнадежным, и переход к более высокому весу сыграл свою психологически положительную роль. Не случайно вес не менялся в течение двух десятилетий. Однако Кадыр сам подорвал едва укрепившееся положение дирхема тем, что произвел новый обмен на базе старого веса. Кроме того, политические события нарастали, создавая общую неблагоприятную обстановку для положения знаков стоимости. Оба фактора опять повели к расстройству денежного обращения, участвовавшие обмены Кадыра особенно углубили это расстройство в начале XIII в., и двухкратное повторение опыта с увеличением веса уже не дало ожидаемых результатов.

Таким образом, общей характеристикой денежного обращения в Фергане конца XII—начала XIII в. было прогрессивно усиливающееся расстройство денежного обращения, инфляция медного посеребренного дирхема и нежелание рынка торговать на эти дискредитированные знаки стоимости. Соответственно попытки со стороны правительства поднять курс знаков стоимости путем нескольких девальваций на базе выпуска более полновесных знаков стоимости, в условиях продолжающегося действия основных причин, породивших этот кризис, не могли дать серьезных результатов: правительство не могло уничтожить общих политических причин и не желало даже временно отказаться от монетных доходов. Поэтому полумеры с увеличением веса, рассчитанные в основном на психологический эффект, должны были и потерпели в конце концов полный крах.

³⁰ В Самарканде после монгольского завоевания около сорока лет выпускали монеты с угрожающими надписями на таджикском: «каждый, кто в Самарканде и окрестностях этого города (монету) не станет брать — будет виновен» и тюркском: «(тот, кто) в Самарканде как внутри, так и вне его (монету) не станет брать — станет наемником и невольником» языках. Сводку литературы относительно этих монет см. З. А. А л ь х а м о в а. Ук. соч.

МОГИЛЬНИК X — середины XI в. НА БЕЛОМ ОЗЕРЕ

Северный берег Белого озера издавна привлекал к себе внимание историков и археологов благодаря устойчивости местных преданий, связывавших с ним местоположение древнего города Белоозера. Ведя с 1949 г. раскопки на юго-восточном берегу Белого озера, я могла убедиться в том, что легенду о первоначальном возникновении города на северном берегу и позднейшем двукратном перенесении его на новое место (при Владимире Святославиче?) — на юго-восточный берег к истоку р. Шексны, называемому здесь устьем, а затем в конце XIV в. — на место современного г. Белозерска) знают все местные старожилы старшего поколения, с кем приходилось беседовать о старине. Такому долголетию легенды способствовали рукописные копии с местных летописных списков XVI в.¹ и XVII в.², широко распространявшиеся в крае еще в середине XIX в.³ и сохранившиеся вплоть до наших дней⁴. Эти местные летописания были использованы В. И. Татищевым, Н. М. Карамзиным и позднейшими историками; они много раз пересказывались (без указания источника), но полностью не издавались.

Литературная традиция связывает местоположение первого, древнейшего Белоозера с местностью Киснемой (сейчас с. Троицкое, Вашкинского района, Вологодской области) на северном берегу озера. Эта традиция основана на сообщении летописца XVI в. Кирилло-Белозерского монастыря о месте первоначального поселения Синеуса (Синеус сидел у нас на Киснемее)⁵.

Историограф Вологодской области XVIII в. А. Засецкий сообщал также, что «князь Синеус построил город при Беле Озере на Северном берегу против Биармийцев»⁶.

Замечание И. И. Порошина о том, что «на месте Киснемского погоста стоял в старину „Варяжский городок”»⁷, привлекло к себе внимание исто-

¹ А. А. Шахматов. Сказание о призвании варягов. СПб., 1904, стр. 53.

² Рукопись 1620 г. «О зачале и о создании Троицкого монастыря, что на Усть-Шексне». Ленинградская публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина, Древлехранительница Погодина, № 1579.

³ С. Шевырев. Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь в 1847 г., ч. II, М., 1850, стр. 71—72; Из путевых заметок странника. Белозерск. Русский художественный листок, № 12, СПб., 1859.

⁴ Я имела возможность пользоваться копией «Летописца Троицкого Усть-Шехонского монастыря», принадлежащей бывшей учительнице школы с. Крохина, Белозерского района, Вологодской области, Н. А. Ширшневой, за что выражаю ей свою признательность. Эта копия 1860 г. отличается от рукописи Погодина большими подробностями о местоположении пришекснинского Белоозера. Очевидно, близким к этому списком пользовался Амвросий в кн. «История Российской Иерархии, собранная Амвросием», ч. VII, М., 1815.

⁵ А. А. Шахматов. Ук. соч., стр. 53.

⁶ Исторические и топографические известия по древности о России и частью о городе Вологде и его уезде и о состоянии одного по ныне, собранные Алексеем Засецким в 1777 году. Москва, 1780, стр. 26.

⁷ И. И. Порошин. Вокруг Белого озера. Живописная Россия, т. 2, СПб., 1902, стр. 25—26. Порошин не указывает, откуда он почерпнул эти сведения. Современное население Киснемы не помнит преданий такого рода.

риков⁸. Было даже высказано предположение, что город на северном берегу Белого озера был варяжской колонией, «одним из опорных пунктов варягов»⁹ в крае.

А. Я. Брюсовым была высказана другая точка зрения. Он полагает, что именно здесь, на северном берегу Белого озера, находился главный город племени весь¹⁰.

Весь как первоначальную насельницу Белоозера неоднократно упоминает Повесть временных лет¹¹.

У историков и филологов нет сомнения в том, что весь составляла древнейший этнический массив края перед приходом сюда славян. Однако до последнего времени весь продолжает оставаться археологической загадкой, так как ни поселения ее, ни могильники не были известны.

Работами Белозерской экспедиции¹² у истоков р. Шексны на месте, указанном в летописи Троицкого Усть-Шекснинского монастыря как «Старое городище» «града Белоозера», раскопано славянское городское поселение XI—XIV вв., протянувшееся вдоль берега реки почти на 1,5 км. Ему предшествовало более раннее поселение X в., в культуре которого можно отметить и местный, неславянский элемент и связать его с весью. В конце XIV в. жизнь на Белоозере замирает, что соответствует летописному рассказу о перенесении города на место современного Белозерска.

В связи с тем археологическим подтверждением, которое получает летописное преданье, понятен интерес к легендарному поселению на северном берегу озера. Попытки отыскать его предпринимались неоднократно.

Еще в 1860 г. по поручению Археологической комиссии Киснему и ее окрестности обследовал Я. М. Лазаревский¹³. Он не нашел следов ни древнего поселения, ни кладбища. Местные старожилы рассказали ему, что озеро размыло берег более чем на 20 сажень, и с тех пор в прибрежном песке перестали находить различные древние вещи. В 1930 г. Киснему с этой же целью посетил А. Я. Брюсов. Поиски поселения как А. Я. Брюсовым, так и Белозерской археологической экспедицией, предпринятые в 1949 и 1957 гг. под руководством автора данной статьи, не дали никаких результатов¹⁴. Очевидно, поселение было поглощено озером, продолжающим и сейчас наступать на берег, или же находилось в другом месте. Поиски, однако, не были напрасными, так как в самой же деревне, в 500 м к западу от здания школы и 700 м к северу от берега озера на песчаном холме, превращенном в гравийный карьер, был обнаружен чрезвычайно интересный могильник. Никаких следов курганных насыпей не сохранилось (может быть потому, что верхний слой снят почти на всей поверхности холма); но возможно, что это был грунтовой могильник. Погребения залегают на глубине 0,30—0,40 м от поверхности. В разное время (начиная с раскопок М. Е. Арсаковой в 1925 г., отчета о которых не сохранилось), главным образом при земляных работах, а также экспедициями ГИМ (в 1949 и 1955 гг.) здесь было найдено девять погребений. Местные жители говорили мне в 1949 г., что при добыче гравия было разрушено не менее 17 погребений, вещи из которых разошлись по рукам.

⁸ А. И. Копанев. История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. М., 1951, стр. 14.

⁹ Т. Н. Осминский. Очерки по истории Белозерского края. Рукопись, стр. 22. Архив Череповецкого музея.

¹⁰ А. Я. Брюсов. О целях и задачах археологии и о перспективах археологического исследования Вологодской области. Труды научной конференции по изучению Вологодской области. Вологда, 1956.

¹¹ «На Белоозере седять Весь». Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. СПб., 1910, стр. 10. «А первии насельници в Новгороде словене, в Полотьсе кривичи, в Ростове меря, в Бело-озере Весь» (там же, стр. 19).

¹² Л. А. Голубева. Древнее Белоозеро. КСИИМК, вып. ХLI, 1951, стр. 37—40; ее же. Надпись на корчаге из Белоозера. СА, 1960, № 3, стр. 321—323.

¹³ Я. М. Лазаревский. Об археологических разысканиях в окрестностях Белозерска. Архив ЛОИА, ф. I, 15/1860.

¹⁴ В 1959 г. поиски поселения производила и Н. В. Тухтина, но также безуспешно.

Все погребения, об ориентировке которых имеются сведения, лежали толовой строго на запад или с небольшими отклонениями к югу или северу. Могильные ямы неглубоки и плохо прослеживаются. В засыпи могил встречаются угольки; возле скелетов обнаружены железные гвозди, свидетельствующие о наличии гробовищ.

Рассмотрим погребения в порядке их открытия ¹⁵.

Погребение № 1. Обнаружено в 1925 г. М. Е. Арсаковой. Найдено два топора и нож. В инвентарной книге Череповецкого музея под № 285 вещи записаны как подъемный материал из Киснемы. По сообщению К. К. Морозова, они происходят из погребения в гравийном карьере.

Погребение № 2. Обнаружено в 1947 г. группой туристов Череповецкого дома пионеров под руководством А. А. Алексеевой. Скелет (мужской?) лежал на спине с вытянутыми руками, головой на запад. Кости ног, ниже голени, отсутствовали. Возле черепа находились бронзовая лировидная пряжка и два бронзовых кольца (по обе стороны черепа). У черепа же лежал наконечник копья, черешковый листовидный. У шеи скелета — нож с черенком и кольцом, у пояса — односторонний костяной гребень в футляре. (На каждой из трех пластинок, составляющих боковые стенки футляра, повторен тот же резной рисунок плетенки, что и на спинке гребня. На одном конце футляра в отверстие продето медное колечко). У ног — черешковый ромбовидный наконечник стрелы и топор. У правого бедра — два лепных горшка. В том же погребении (без упоминания о местоположении) найдены: нож, обломок калачевидного кресала, стеклянное кольцо и бусина, а также комки минеральной краски мумии (Череповецкий музей, инв. № 1835).

Погребение № 3. Обнаружено в 1949 г. Белозерской экспедицией. При зачистке южной стенки карьера на глубине 0,55 м был выявлен контур могильной ямы. Скелет (мужской) плохой сохранности и частично разрушенный карьером лежал на спине, головой на юго-запад. Правая рука вытянута вдоль туловища, кости левой руки отсутствовали. Слева у бедра — нож и круглая пряжка, сплошь покрытая окисью. На костях стопы левой ноги лежал топор лезвием к правой стопе, топорищем вверх. Вещи находятся в ГИМ.

Погребение № 4. Обнаружено в 1950 г. при добыче гравия. В Череповецкий музей поступили: часть черепа, бронзовые пряжка подковообразная со спирально загнутыми концами, и плоско-выпуклое кольцо, а также кости животных (инв. № 2209).

Погребение № 5. Обнаружено в 1951 г. учителем Киснемской средней школы С. А. Тихоновым. В погребении найдены: нож, два обломка височных колец — спирального и с обломанными лопастями и девять бусин — шесть стеклянных (две из них бочонкообразные (одна позолоченная) и четыре круглые), одна сердоликовая круглая и две из известняка. В этом же погребении найдены два гвоздя и обрывок ткани (Череповецкий музей, инв. № 2362).

Погребение № 6. Обнаружено в 1951 г. А. А. Алексеевой. В погребении найдены топор и два кованых гвоздя (Череповецкий музей, инв. № 2370).

Погребение № 7. Открыто в 1953 г. С. А. Тихоновым. В погребении (женском?) найдены: обломки бронзовой витой гривны, копоушка, нож и обломок ножа с костяным черенком, ожерелье из 39 целых и нескольких обломков стеклянных бусин. Из них с металлической прокладкой: цилиндрических посеребренных — 21, позолоченных — 4 (двух размеров — 0,5 × 0,6 см и 0,75 × 0,8 см), ребристых позолоченных — 4, посеребренных — 1, цилиндрических глазчатых позолоченных — 2, ребристая глазчатая посеребренная — 1. Бусин из цветного стекла — 2 (ребристая зеленая и бо-

¹⁵ Приношу благодарность директору Череповецкого музея К. К. Морозову за предоставленную мне возможность опубликовать материалы.

чонкообразная синяя). Бусин из глухого стекла бочонкообразных — 3 и кольцевидных — 1.

Погребение № 8. Расчищено в 1953 г. А. А. Алексеевой. Скелет (мужской?) лежал на спине, головой на юго-запад. У кисти правой руки калачевидное кресало. Из этого же погребения происходят два ножа, пряжка и куски минеральной краски: черной, коричневой, желтой (Череповецкий музей, инв. № 2564).

Погребение № 9. Обнаружено в 1955 г. И. К. Цветковой при зачистке южной части карьера¹⁶. Очертания могильной ямы глубиной 0,35 м прослежены ниже пахотного слоя; дно могилы находилось на глубине 0,65 м от современной поверхности. Скелет лежал на спине, головой на северо-запад. Череп и правая сторона скелета, разрушенные карьером, отсутствовали. Сохранилась только часть костей левой ноги, таза и левой руки. В могильной яме найдены: нож, наконечник стрелы, двушипный черенковый, топор, часть втулки; бронзовые кольцо и пряжка; костяные: наконечник стрелы, двушипный черенковый, рукоять, гребень с обломками футляра. Там же был точильный брусок, прямоугольный, из серого сланца, с отверстием для подвешивания (Череповецкий музей, инв. № 2925).

После 1955 г. новых поступлений из Киснемского могильника в Череповецкий музей не было. Небольшими раскопками, произведенными в 1957 г. Белозерской экспедицией в южной части карьера и зачистками стенок ям западнее большого карьера, погребений не обнаружено¹⁷. Вероятно, большая часть могильника уже разрушена.

По характеру инвентаря погребения №№ 1—4, 6, 8, 9 Киснемского могильника можно считать мужскими, а погребения №№ 5 и 7 — женскими.

Инвентарь мужских погребений. Самой характерной находкой в мужских погребениях являются топоры. Они найдены в пяти погребениях из семи (всего топоров — шесть).

К числу бесспорно боевых относятся два топора из погребения № 1. Один из топоров имеет широкое лезвие трапециевидной формы с глубокими полукруглыми выемками (рис. 1, 1). На обухе сохранились отпечатки ткани крупного прямого переплетения — след от чехла, в котором обычно носились боевые топоры. Во втулке заметны остатки топорнища. Топор разломан в основании лезвия, боковые грани пострадали от коррозии. По форме лезвия топор совершенно сходен с боевыми топорами X в. из Новгорода¹⁸, из дружинных погребений этого же времени в Киеве¹⁹, в Михайловском могильнике²⁰. По классификации М. Х. Алешковского, он может быть отнесен к наиболее раннему типу древнерусских боевых топоров²¹ (к типу «А»). Однако в сочетании с коротким обухом, снабженным двумя треугольными выступами на тыльной стороне, он не имеет прямых аналогов среди топоров этого типа и представляет собой оригинальный экземпляр.

Второй топор, с более узким, опущенным лезвием и глубокой полукруглой выемкой, сходен с боевыми топорами, отнесенными М. Х. Алешковским

¹⁶ Приношу благодарность И. К. Цветковой за разрешение опубликовать эти материалы.

¹⁷ В 1959 г. Н. В. Тухтиной в западной части карьера раскопано два погребения, ориентированные на запад. При одном (мужском) найдены нож, пряжка, лепной горшок. В другом (женском) — височное круглопроволочное кольцо с завязанными концами, нож и ожерелье из стеклянных бус (Доклад Н. В. Тухтиной 30 марта 1960 г. на сессии ГИМ).

¹⁸ А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого. Тр. Новгородской археологической экспедиции, т. II, МИА, № 65, 1959, стр. 13, рис. 5, 1.

¹⁹ М. К. Каргер. Древний Киев. М.—Л., 1958, стр. 171, рис. 23.

²⁰ Я. В. Станкевич. К вопросу об этническом составе населения Ярославского Поволжья в IX—X вв. МИА, № 6, 1941, табл. VI, 7.

²¹ М. Х. Алешковский. Курганы русских дружинников XI—XII вв. СА, 1960, № 1, стр. 72, рис. 1, 2, 3.

к группе «Д»²². Плохая сохранность обуха не позволяет сказать, были ли на нём тыльные выступы или щекавицы (рис. 1, 2). Подавляющее большинство топоров этого типа найдено в погребениях конца X—XI в.²³. Наиболее близки нашему экземпляру топоры из приладожских курганов²⁴.

Четыре остальных топора (рис. 2, 1; рис. 3) принадлежат к очень распространённому в северо-западной части русских земель и в Приладожье

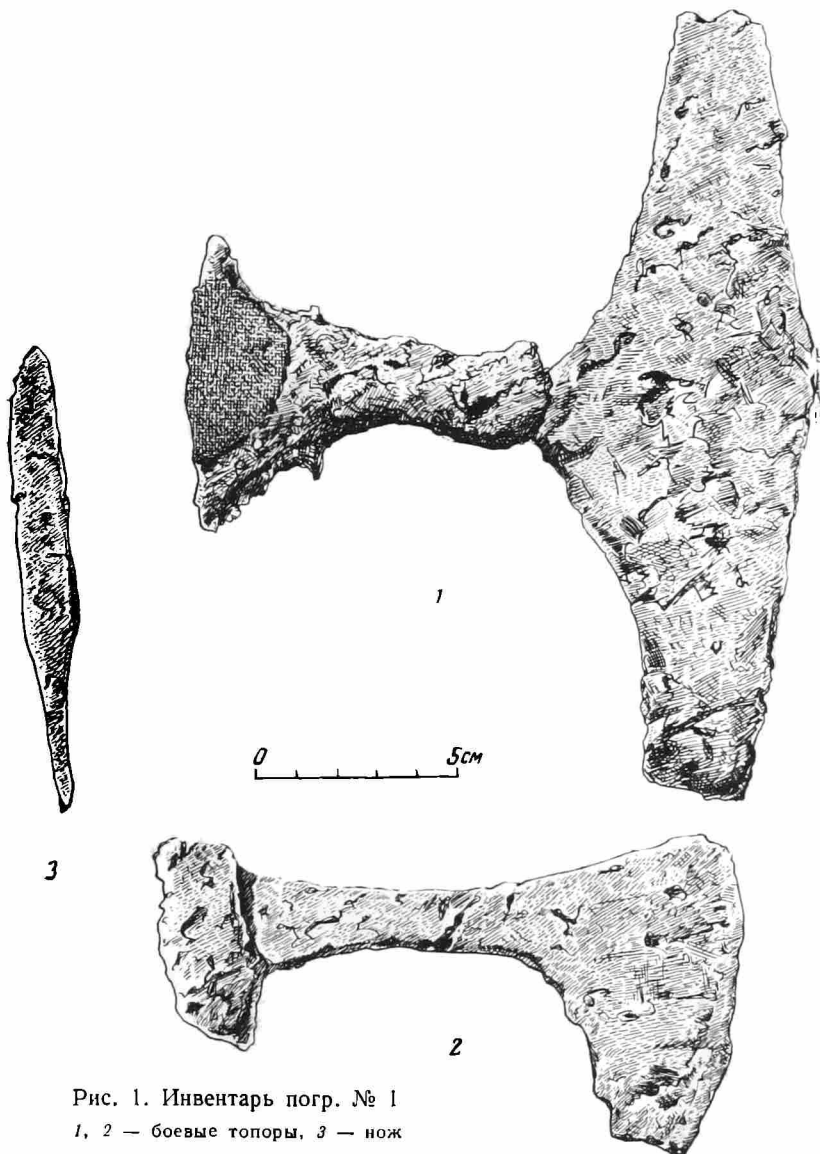

Рис. 1. Инвентарь погр. № 1

1, 2 — боевые топоры, 3 — нож

типу топоров «с выемкой внизу» (по А. А. Спицыну) и отличаются сравнительной массивностью, шириной лезвия и щекавицами на нижних сторонах обуха или на нижних и верхних²⁵.

²² М. Х. Алешковский. Ук. соч., стр. 73, рис. 1, 21.

²³ Там же, стр. 73.

²⁴ В. И. Равдоникас. Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и юго-восточном Приладожье. ИГАИМК, вып. 94, 1934, табл. III, 14.

²⁵ А. А. Спицын. Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. МАР, № 20, СПб., 1896, стр. 34 и табл. XIX, 18, 21. Размеры топоров Киснемского могильника с одной парой щекавиц: длина — 16,5 см, ширина лезвия — 9 см (погребение № 2); длина — 17 см, ширина лезвия — 9 см (погребение № 4). Топоры с двумя парами щекавиц: длина — 19,5 см, ширина лезвия — 9,5 см (погребение № 9); длина — 16,5 см, ширина лезвия — 6,5 см (погребение № 6).

Такие топоры найдены и в древнейших слоях Новгорода. Их твердая дата — X—XI вв.²⁶

Топоры этого типа обычно относят к рабочим²⁷. В Киснемском могильнике эти топоры найдены у ног костяков, что позволяет предположить наличие длинных рукоятей, поскольку установлено, что «топор в погребение

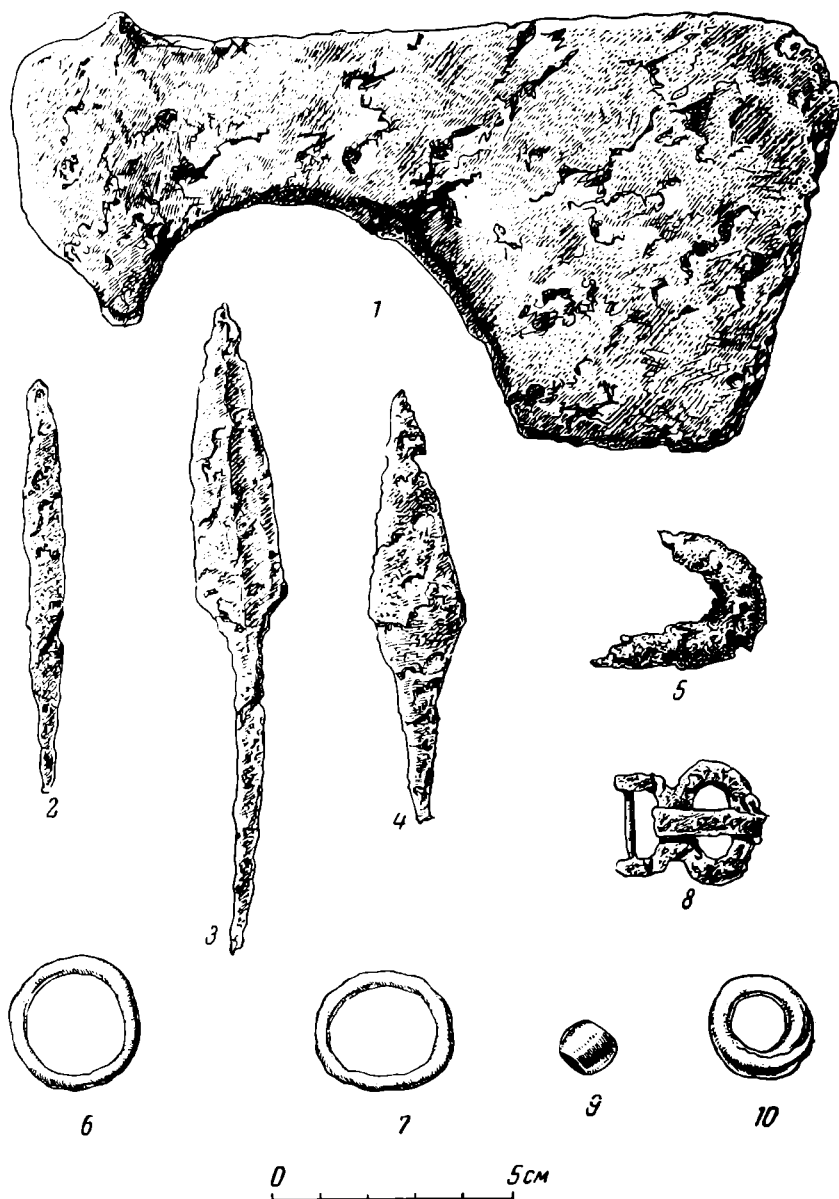

Рис. 2. Инвентарь погр. № 2

1 — топор; 2 — нож; 3 — наконечник копья; 4 — наконечник стрелы; 5 — кресало; 6, 7 — бронзовые кольца; 8 — бронзовая пряжка; 9 — стеклянная бусина; 10 — стеклянный перстень

клали так, чтобы рука покойника всегда касалась какой-то его части»²⁶. Рабочие топоры с длинными рукоятями, сходные по форме с нашими топо-

²⁶ Б. А. Колчин. Хронология новгородских древностей. СА, 1958, № 2, стр. 98, рис. 3, 1.

²⁷ М. Х. Алешковский. Ук. соч., рис. 2, 1.

²⁸ Там же, стр. 75.

рами и характерные для погребений на северо-западе новгородских земель, рассматриваются М. Х. Алешковским в качестве боевого оружия свободных смердов. Возможно, что и описываемые топоры также служили оружием, тем более что в двух погребениях Киснемского могильника они найдены вместе с наконечниками стрел и копья.

В Киснемском могильнике встречен только один наконечник копья — листовидной формы, с плоским пером и округлым черенком (рис. 2, 3). Острие пера слегка погнуто. По форме и размерам наконечник близко напоминает листовидные черенковые сулицы X—XII вв. из Новгорода²⁹ и некоторые типы сулиц из курганов, раскопанных Л. К. Ивановским.

Железных наконечников стрел найдено всего два (рис. 2, 4, и 4, 8). Один — черенковый, ромбовидной формы с плоским пером и плоским же, без упора, черенком. А. Ф. Медведевым такие наконечники стрел выделены как характерные для Новгорода X—XI вв.³⁰ У второго наконечника одна сторона пера обломана, однако по уцелевшей части можно заклю-

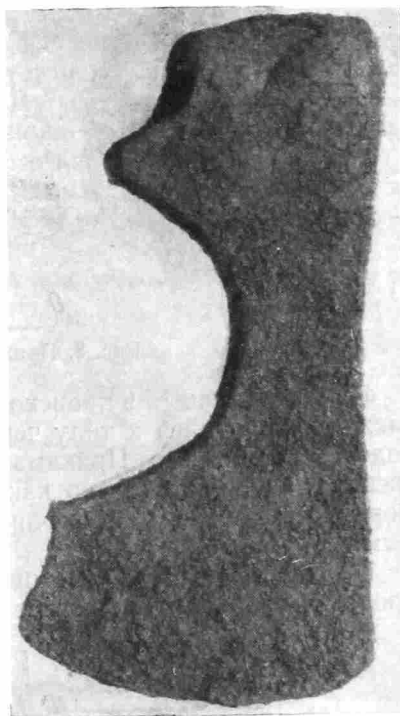

Рис. 3. Топор из погр. № 3

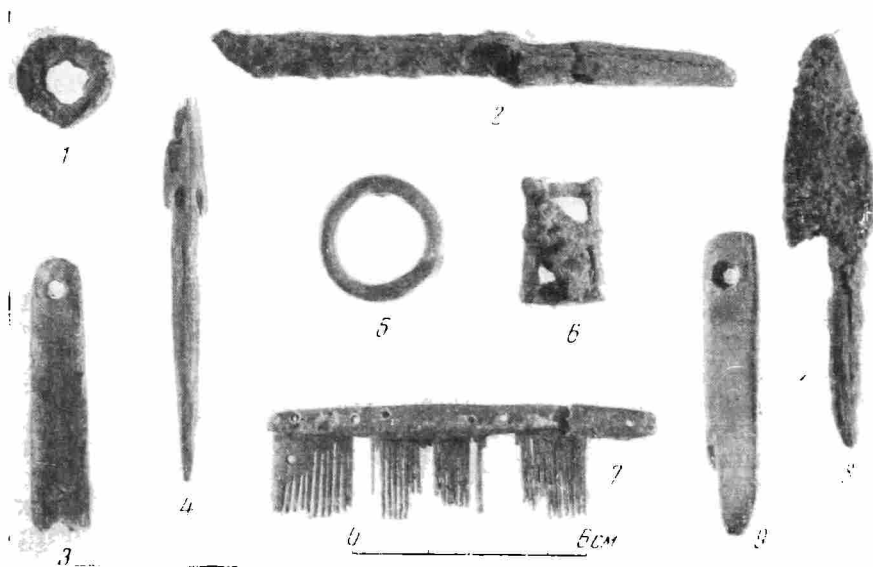

Рис. 4. Инвентарь из погр. № 9

1 — железная пряжка; 2 — железный нож; 3 — костяная рукоять; 4 — костяной наконечник стрелы; 5 — бронзовое кольцо; 6 — бронзовая пряжка; 7 — костяной гребень; 8 — железный наконечник стрелы; 9 — оселок

чить, что он принадлежит к типу черенковых двушипных. Это еще более ранний тип стрел, встречающийся в памятниках IX в.³¹, в погребениях с трупосожжениями X в.³², а также и в более позднее время.

²⁹ А. Ф. Медведев. Ук. соч., рис. 4, 9.

³⁰ Там же, рис. 14, 7.

³¹ И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое. МИА, № 74, М., 1958, рис. 38, 7.

³² В. И. Равдоникас. Ук. соч., табл. VIII, 8.

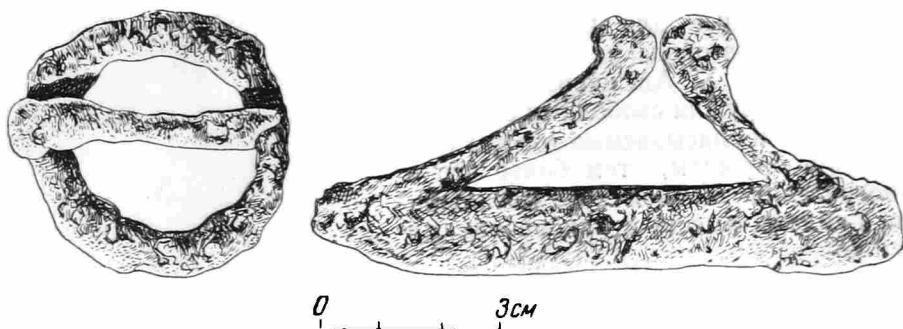

Рис. 5. Пряжка и кресало из погр. № 8

Из погребения № 9 происходит массивный костяной наконечник стрелы, также относящийся к типу черенковых двушипных (рис. 4, 4). В Новгородской земле и в Прикамье такие наконечники стрел были широко распространены не только как охотничье, но и как боевое оружие³³. По форме эти костяные наконечники подражали железным, им одновременным.

Описанные типы наконечников стрел, как железных, так и костяных, представлены и на Белоозере находками в древнейшем слое поселения.

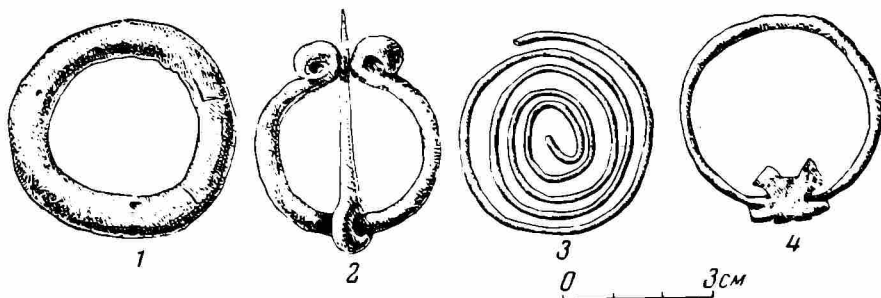

Рис. 6

1 — бронзовое кольцо; 2 — бронзовая пряжка (погр. № 4); 3—4 — обломки височных колец из погр. № 5

Дату предметов вооружения из мужских погребений Киснемского могильника подтверждает и весь остальной бытовой инвентарь, в том числе ряд вещей международных форм, датированных по совместным находкам с монетами X—XI вв. К таким предметам относятся, прежде всего, кресала. Два экземпляра кресал, найденных в погребениях №№ 2 и 8 (рис. 2, 5 и рис. 5), принадлежат к раннему варианту калачевидных кресал, хронологические рамки бытования которых достаточно известны³⁴.

То же можно сказать о бронзовой круглой подковообразной пряжке со спирально загнутыми концами из погребения № 4 (рис. 6, 2). Дата этих широко распространенных пряжек установлена по массовым находкам в славянских некрополях Средней России³⁵, в могильниках Латвии³⁶, в Приладожских курганах³⁷.

³³ А. Ф. Медведев. Ук. соч., стр. 164, рис. 13, 11, 10 и стр. 174.

³⁴ М. К. Каргер. Ук. соч., табл. XII, 9; В. И. Равдоникас. Ук. соч., табл. VI, 7; P. Čaplovič. Slovanské pohrebiste v Nitre pod Zoborom. Slovenska archeologia, II, Bratislava, 1954, стр. 50, табл. XVI.

³⁵ В. И. Сизов. Курганы Смоленской губернии. МАР, № 28, СПб.

³⁶ Нукшинский могильник. Материалы и исследования по археологии Латвийской ССР, т. I, Рига, 1957, табл. VII, 10, 11.

³⁷ Н. Е. Бранденбург. Курганы южного Приладожья. МАР, № 18, СПб., 1895, табл. II, 12; В. И. Равдоникас. Ук. соч., табл. VIII, 12, 13.

Бронзовая литая четырехугольная пряжка с перемычкой (погребение № 9), на которой укреплена железная игла (рис. 4, б), принадлежит к числу менее распространенных, но также имеет аналогии в курганах Новгородской земли³⁸. Две круглые железные пряжки, плохой сохранности, датируются по совокупности сопровождающего инвентаря.

Ножи, обнаруженные в семи погребениях из девяти, как в мужских, так и в женских погребениях, также принадлежат к раннему типу, время которого подтверждено раскопками в Новгороде³⁹.

Брусок для точки ножей (рис. 4, 9) имеет многочисленные аналогии в приладожских курганах с трупосожжениями⁴⁰.

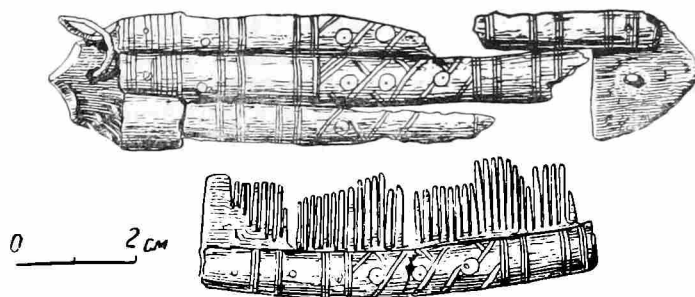

Рис. 7. Костяной гребень с футляром. Погр. № 2

Два костяных односторонних гребня в футлярах (рис. 4, 7 и 7), найденные в мужских погребениях с наибольшим количеством инвентаря (№№ 2 и 9), как по форме, так и по орнаментации имеют прямые аналогии в находках X—XI вв. на Белоозере и в дружинных погребениях Приладожья⁴¹. Этот перечень легко умножить, так как в описываемое время односторонние гребни этого типа с узкой продолговатой накладной спинкой, украшенной геометрическим орнаментом, имели широчайшее распространение от Прибалтики⁴² до Киевщины⁴³, от Польши⁴⁴ до Прикамья⁴⁵. Дата их исчезновения — вторая половина XI в. — хорошо установлена⁴⁶.

В мужских погребениях Киснемского могильника найдено четыре экземпляра бронзовых колец. Два из них можно отнести к широко распространенному типу поясных, хотя их расположение в погребении осталось неясным. Одно кольцо литое, плоско-выпуклое (рис. 6, 1); другое — круглопроволочное кованое (рис. 4, 5). Два других кольца найдены в мужском погребении (№ 2) по обеим сторонам черепа. Кольца эти литые, массивные (рис. 2, 6, 7). Через них был, вероятно, пропущен ремень, так как рядом с черепом находилась и пряжка. Последняя также бронзовая, литая, лировидной формы⁴⁷, с железной иглой (рис. 2, 8). Мужской головной

³⁸ А. А. Спицын. Ук. соч., стр. 26 и табл. VII, 4.

³⁹ Б. А. Колчин. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. Тр. Новгородской археологической экспедиции, т. II, МИА, № 65, 1959, стр. 48, рис. 34, 1—5.

⁴⁰ В. И. Равдоникас. Ук. соч., табл. X, 15, 16.

⁴¹ W. J. Raudonikas. Die Normannen der Wikingerzeit und das Ladogagebiet. Stockholm, 1930, стр. 127, рис. 157.

⁴² H. Arbmán. Birka I. Die Gräber. Tafeln. Stockholm, 1943, табл. 161—164.

⁴³ М. К. Каргер. Ук. соч., табл. VI, 1, 2.

⁴⁴ J. Kostrzewski. Kultura prapojska. Poznań, 1949, стр. 199, рис. 115; стр. 252, рис. 157. На двух гребнях из Гнезно тот же рисунок плетенки, что и на рис. 4 настоящей статьи.

⁴⁵ В. А. Оборин. Камская археологическая экспедиция 1955 года. КСИМК, вып. 74, 1959, рис. 45, 2.

⁴⁶ Л. Нидерле. Славянские древности. М., 1956, стр. 195—196; Б. А. Колчин. Хронология новгородских древностей, стр. 101—102.

⁴⁷ Пряжки этого типа появляются не ранее начала XI в. в курганах с труположениями Приладожья, в поздних Гнездовских и Михайловских курганах и имеют широкий ареал распространения в Восточной Европе в XI—XIII вв.

убор в виде ремня, застегивающегося на пряжку, с пропущенными через него кольцами, в типично славянских древностях неизвестен, но встречается в областях со смешанным славяно-угро-финским населением. А. С. Уваров считал его характерным для мерян⁴⁸. Следует заметить, что в мужских погребениях мордвы IX—X вв.⁴⁹ также встречаются височные кольца из толстой проволоки по сторонам черепа (очевидно, продевавшиеся через ремень). Иногда такие кольца прикреплялись к кожаному оголовью, общитому бронзовыми бляхами.

Описание инвентаря мужских погребений Киснемского могильника закончим необычной находкой, происходящей из захоронения № 2. Это — кольцо из мутно-зеленоватого стекла чрезвычайно малых размеров: внешний диаметр его — 2,4 см, внутренний — 1,4 см, т. е. настолько мал, что в отверстие не пройдет даже женский мизинец. Похоже, что кольцо сделано неумелой рукой: концы стеклянного обруча в месте соединения заходят далеко друг на друга, образуя утолщение и выступ на ободке. Поверхность кольца покрыта беловатым налетом от разложившегося слоя стеклянной массы (рис. 2, 10).

По форме и цвету кольцо совершенно не похоже на стеклянные перстни XI—XII вв., хорошо известные по находкам в древнерусских городах. Да и кольцом оно может быть названо только условно. Вероятно, его носили подвешенным на шнурке вместе с бусами⁵⁰. Кстати, в этом же погребении найдена зонная бусина такого же стекла (рис. 2, 9).

Инвентарь женских погребений Киснемского могильника не отличается богатством и разнообразием. Помимо ножей, в них найдены копоушка, обломки гривны и височных колец, ожерелья из бус. Бронзовая копоушка напоминает такие же, встречающиеся в приладожских курганах X—XI вв.⁵¹ О размере витой бронзовой гривны трудно что-либо сказать, так как от нее сохранилось лишь несколько мелких кусков.

Найденные в погребении № 5 обломки двух височных колец (рис. 6, 3, 4) представляют большой интерес. Одно из них является нижней частью бронзового проволочного височного кольца, завитого в пять оборотов (диаметр — 3,2 см). По форме и размерам это скорее всего часть спирального височного кольца — типичного украшения женщин восточнославянского племени северян в XI—XII вв. Среди финно-угорских древностей этого времени такие височные кольца неизвестны.

Вторая находка является дужкой литого височного кольца. На ней с внутренней стороны имеется два прямоугольных выступа, а с внешней — неровно обломанное основание лопастей, о форме которых ничего определенного сказать нельзя.

Бусы из обоих погребений благодаря тщательному исследованию, проделанному М. В. Фехнер над курганными инвентарями Северной Руси⁵², могут сами служить надежным датирующим признаком (рис. 8). В сочетании со всем остальным инвентарем погребений Киснемского могильника они сообщают ему твердую дату — конец X — середина XI в.

Если состав погребального инвентаря не может вызывать особых сомнений в дате Киснемского могильника, то вопрос об этнической принадлежности погребенного в нем населения не решается так просто. Мы не знаем до настоящего времени, по какому обряду хоронила своих умерших белозерская весь. Признавая ее родственной мере, для которой ти-

⁴⁸ А. С. Уваров. Меряне и их быт по курганным раскопкам. М., 1872, стр. 4.

⁴⁹ А. Е. Алихова. Перемчалкинский могильник. Археологический сборник 1, Саранск, 1948, табл. VII, 2.

⁵⁰ Стеклянные перстни малых диаметров (8—14 мм), служившие подвесками к ожерелью, известны по польским памятникам. См. Е. Ольчак. Производство стеклянных перстней на славянской территории в средние века. СА, 1959, № 3, стр. 90.

⁵¹ А. М. Линевский. Отчет о раскопке курганов XI в. на р. Ояти в Ленинградской области в 1948 г. Архив ИА АН СССР, № 258, стр. 111.

⁵² М. В. Фехнер. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни. Очерки по истории русской деревни. Тр. ГИМ, вып. 33, 1959, стр. 152, 158, 160.

пичны грунтовые могильники⁵³, мы можем предполагать, что этот обряд был свойствен и веси. Однако западная ориентировка погребений не была характерна для народов финно-угорской группы. В собственно мерянских могильниках (позже X в. они неизвестны) мы находим ориентировку на юго-восток, северо-восток и восток⁵⁴. В Малышевском могильнике древнейшим погребениям муромы была свойственна ориентировка на юго-юго-запад, позднейшим (X—XI вв.) — на север-северо-запад. В Максимовском и Муромском могильниках погребения муромы, относящиеся к X—XI вв.,

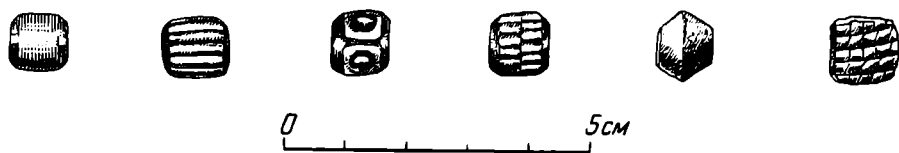

Рис. 8. Бусы из погр. № 7

также имели ориентировку на север и юг⁵⁵. В X в. мордовские могильники по рр. Мокше и Цне сохраняли устойчивое положение покойников головой на юг⁵⁶. Северная, южная или восточная ориентировка характерна и для Прикамских могильников конца I тысячелетия н. э. Наблюдаемое в это время в угро-финских могильниках Верхней Волги изменение ориентировки на западную, А. П. Смирнов справедливо связывает с проникновением туда славян⁵⁷. Не будет ошибкой предположить, что для этого потребовался какой-то (вероятно, длительный) период общения местного населения со славянами и влияние славянской культуры на его культуру и обрядность.

Мы не знаем также, какова была материальная культура белозерской веси. Е. И. Горюнова полагает, что «различия в культуре мери и веси, особенно в смежных, пограничных районах, видимо, были мало заметны»⁵⁸. Однако в инвентаре Киснемского могильника отсутствуют шумящие подвески и зооморфные литые фигурки, являющиеся необходимой принадлежностью собственно мерянских погребений⁵⁹ и составляющие тот «„нерусский“ (мерянский) элемент, который особенно ярко выступает в могильных инвентарях костромских и ивановских курганов»⁶⁰. (Заметим, что не менее ярко этот элемент проявляется и в курганах Приладожских.) Можно, однако, указать на мужской убор в виде головного ремня с продетыми через него кольцами и с пряжкой, найденный в погребении № 2 Киснемского могильника, который явно заимствован у мери и не встречается ни в типично славянских погребениях, ни в курганах Приладожья.

Большое значение для этнической интерпретации погребенных имеет керамика.

В погребении № 2 Киснемского могильника находилось два лепных горшка; мне удалось осмотреть в Череповецком музее только один. Горшок этот лепной, почти баночной формы, со слабо отогнутым венчиком и небольшими округлыми плечиками (рис. 9). Высота горшка — 11,2 см.

⁵³ Е. И. Горюнова. Мерянский могильник на Рыбинском море. КСИИМК, вып. 54, 1954, стр. 159.

⁵⁴ А. А. Спицын. Древности бассейнов рек Оки и Камы, вып. I, СПб., 1901, стр. 104.

⁵⁵ А. Ф. Дубынин. Раскопки Малышевского могильника. КСИИМК, вып. XXVII, 1949, стр. 93—95; А. А. Спицын. Древности..., стр. 44; Е. И. Горюнова. Муромский могильник. КСИИМК, вып. 52, 1953, стр. 36—40.

⁵⁶ А. Е. Алихова. Ук. соч., стр. 193.

⁵⁷ А. П. Смирнов. Финно-угорские племена Северо-Востока. Очерки истории СССР, М., 1958, стр. 670.

⁵⁸ Е. И. Горюнова. Мерянский могильник..., стр. 159.

⁵⁹ Е. И. Горюнова. К вопросу о племенной принадлежности летописной мери. КСИЭ, № 17, 1952, стр. 22—23.

⁶⁰ Е. И. Горюнова. Мерянский могильник..., стр. 159.

диаметр дна — 10,8 см, диаметр венчика — 14 см, толщина стенок — 0,7 см. В глине много примеси крупного песка, придающего стенкам бугристость. Как на внешней, так и на внутренней поверхности сосуда заметны следы заглаживания пальцами. На днище — отпечаток прямоугольной подставки. Часть венчика отбита. В горшке находились птичьи и рыбьи кости. По своим пропорциям горшок близок «мерянской» посуде Зубаревского могильника⁶¹, но ему не свойственна ее круглобочность; он имеет также хорошо выраженный переход от стенок к днищу и плоское дно. По этим признакам он гораздо ближе к горшкам баночной формы из погребений X в. в Михайловском⁶² и Темеревском⁶³ могильниках и совершенно сходен с таким же горшком из кургана X — начала XI в. по р. Ояти⁶⁴.

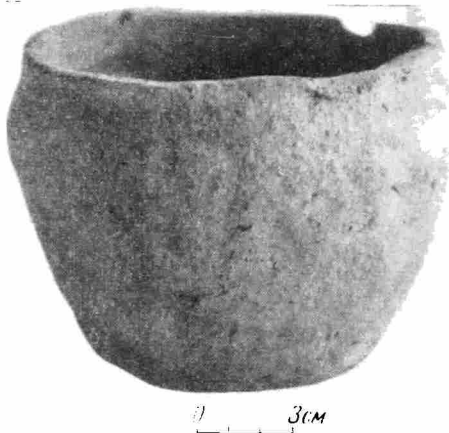

Рис. 9. Горшок из погр. № 2

В Киснемском могильнике встречен и другой тип лепной посуды — высокие широкогорлые горшки с узким дном, орнаментированные по плечикам оттисками твердого гребенчатого штампа, образующими зигзаги, вертикальные и горизонтальные ряды, пояски из косых вдавлений. Обломки такой посуды из сборов 1951 г. хранятся в Череповецком музее⁶⁵.

Оба типа лепной посуды из Киснемского могильника представлены и в слоях X—XI вв. на Белоозере⁶⁶. Нет сомнений, что описываемая лепная посуда, найденная на северном и юго-восточном побережье Белого

озера, в погребениях и на поселении, в сопровождении вещей одних и тех же типов, одновременна. Такая же посуда обнаружена на древнейших городищах верхнего и нижнего течения Шексны⁶⁷.

П. А. Сухов, впервые опубликовавший лепную посуду Белозерья, указал для нее аналогии в Ярославском Поволжье и Старой Ладогге. Позднейшие исследователи называют также Суздаль⁶⁸ и Владимир⁶⁹.

П. А. Сухов, П. Н. Третьяков и Я. В. Станкевич считали белозерскую лепную керамику славянской и указывали на проникновение этой керамики в Поволжье с северо-запада, из Новгородской земли, вместе с первыми славянскими переселенцами⁷⁰.

⁶¹ Е. И. Горюнова. Мерянский могильник..., рис. 70, 9—11.

⁶² Я. В. Станкевич. Ук. соч., табл. II, 3.

⁶³ М. В. Фехнер. Доклад о раскопках Темеревских курганов в 1959 г. на сессии ГИМ, 30 марта 1960 г.

⁶⁴ А. М. Линевский. Ук. соч., стр. 137, верхнее фото.

⁶⁵ Сборы Череповецкого дома пионеров; инвентарь Череповецкого музея №№ 1570—78. Горшок, найденный Н. В. Тухтиной в 1959 г. в одном из погребений Киснемского могильника, принадлежит к этому второму типу.

⁶⁶ Работами Белозерской археологической экспедиции с 1949 по 1952 г. и в 1957—1959 гг. комплекс лепной посуды в древнейшем культурном слое поселения изучен достаточно подробно. Орнаментация оттисками гребенчатого штампа представлена здесь в огромном количестве вариантов (сдвоенные, строенные и многие другие). Выявлены и другие виды орнамента (насечкой, полый трубочкой, «ногтевые» отпечатки и др.) и типы самой посуды.

⁶⁷ П. А. Сухов. Славянское городище IX—X вв. в Южном Белозерье. МИА, № 6, 1941, стр. 89; Сборы Череповецкого музея у сс. Городище и Луковец, ныне затопленных Рыбинским водохранилищем.

⁶⁸ Н. Н. Воронин. Раскопки в Ярославле. МИА, № 11, 1949, рис. 8, стр. 186.

⁶⁹ Н. Н. Воронин. Из ранней истории Владимира и его округа. СА, 1959, № 4, стр. 75—78.

⁷⁰ П. Н. Третьяков. Северные восточнославянские племена. МИА, № 6, стр. 44; Я. В. Станкевич. Ук. соч.

Е. И. Горюнова определяет эту керамику как «мерянскую» в широком смысле слова и выводит ее из Прикамья⁷¹.

Происхождение и этническая интерпретация белозерской керамики — тема специальной работы. Не имея возможности в рамках настоящей статьи подробно остановиться на этом вопросе, отмечу, что основная часть лепной керамики Белозерья с ее оригинальной орнаментацией (твердым гребенчатым штампом), неизвестной на коренных славянских территориях, действительно может быть связана с местным угро-финским населением — в данном случае с весью.

Можно ли, однако, считать, что с введением в научный оборот материалов Киснемского могильника мы получаем данные о погребениях, типичных для белозерской веси? Мне кажется, что нельзя.

Имеются, хотя и скудные, данные о том, что во время существования Киснемского могильника (и несколько позже) у местного населения сохранялись и другие формы погребальной обрядности. Я приведу сведения по двум погребениям (первое найдено под курганной насыпью, второе — в грунтовом могильнике)⁷². Первое открыто в 1936 г. у дер. Минино, Максинского района, Вологодской области, на р. Юг⁷³, при рытье ямы для картофеля. В грунтовой могиле было обнаружено погребение женщины, головой на юг. В могиле найдено ожерелье из 48 стеклянных бус (из них 34 с металлической прокладкой), браслет с концами в виде змеиных головок и великолепная круглая бронзовая фибула, отлитая по восковой модели, с подвесками-бубенчиками. Фибула имеет прямые аналогии в находках Максимовского и Подболотьевского могильников⁷⁴. Точно такая же найдена А. М. Линевским в одном из курганов с трупосожжением в Приладожье⁷⁵.

Второе погребение открыто в 1959 г. А. Я. Брюсовым близ дер. Погостище, Кирилловского района, Вологодской области. По словам автора раскопок, это женское погребение в грунтовой могиле, головой на север. В погребении найдено около 200 экземпляров украшений, состоящих главным образом из шумящих и зооморфных привесок, совершенно сходных с находками в Прикамье и повторяющихся многие (но не все) типы украшений приладожских курганов. Вероятная дата погребения — XII в.⁷⁶

Оба погребения происходят из двух далеко отстоящих друг от друга районов — северо-восточного и южного Белозерья. Если в будущем окажется, что эти погребения связаны с могильниками, это даст очень важный материал для суждения об этническом составе и о погребальной обрядности местного населения, сохранившего, очевидно, в большей степени самобытность своей культуры, чем население северного побережья Белого озера.

Укажу также на то, что в западном Белозерье известны погребения с южной ориентировкой и богатым набором шумящих и зооморфных украшений, но не в грунтовых могилах, а под курганными насыпями.

Я имею в виду курганные группы по р. Суде (притоке среднего течения Шексны), раскопанные в 1894 А. В. Паниным у д. Митино и Зворыкино, а в 1929 г. — Г. П. Гроздиловым у д. Пожарищи и других местах. А. В. Спицын, издавший раскопки А. В. Панина, отнес эти курганы к мерянской

⁷¹ Е. И. Горюнова. Мерянский могильник...; см. же. К истории городов Северо-Восточной Руси. КСИИМК, вып. 59, 1955, стр. 19.

⁷² В Череповецком музее имеются данные о предполагаемых грунтовых могильниках, но последние не раскопаны.

⁷³ Череповецкий музей, инв. № 1089.

⁷⁴ А. А. Спицын. Древности бассейнов рек Оки и Камы, табл. XIV, 6, табл. XV, 3.

⁷⁵ А. М. Линевский. Отчет об экспедиции 1949 г. на р. Оять Ленинградской области. Курган № 2 у д. Винницы. Архив ИА АН СССР, д. № 400.

⁷⁶ Приношу благодарность А. Я. Брюсову за разрешение сослаться на эту неопубликованную находку.

культуре⁷⁷. Г. П. Гроздилов, отметив полное сходство и одновременность инвентаря погребений, открытых Паниным и им, считал их кривичскими, но указал, что посуда из раскопанных им погребений «по форме, составу глины и орнаменту в корне отличается от одновременной ей посуды из славянских курганов XI—XII вв.»⁷⁸. Это лепные горшки из глины с большой примесью дресвы, низкие и широкогорлые, со слабо отогнутым венчиком, украшенные по плечикам оттисками гребенчатого штампа, образующими ломаную линию. Судя по описанию, сосуды эти совершенно сходны с посудой Киснемского могильника и лепной посудой Белоозера. Судские курганы датируются западноевропейскими монетами XI в.

Верховья р. Суды сближаются с верховьями р. Ояти, впадающей в Ладожское озеро. По Ояти, Паше и Сяси, в области юго-восточного Приладожья и Прионежья исследовано множество курганных групп. Раскопками Н. Е. Бранденбурга, В. И. Равдоникаса, А. М. Линевского и других установлено, что в конце X—XI в. на этой территории господствовал обряд трупоположения головой на юг.

По мнению Я. В. Станкевич, приладожские курганы «резко отличаются от чудских памятников соседних территорий Приильменья и области к югу от реки Невы»⁷⁹, заселенной племенами води и ижоры. Это подтвердили и работы В. В. Седова, выделившего археологический комплекс води⁸⁰.

Я. В. Станкевич считала возможным сближать эти курганы с их многочисленными зооморфными и шумящими подвесками финского или «чудского» типа с белозерскими памятниками⁸¹ и относила их к веси.

Территория веси по изысканиям Н. П. Барсова⁸², основывавшегося на данных топонимики, охватывала не только район Белозерья и бассейны Шексны и Мологи, но и доходила на западе до побережья Ладожского озера. В. И. Равдоникас⁸³ в своих ранних работах также рассматривал районы юго-восточного Приладожья и Белозерья как область расселения веси. С тем, что «современные вепсы — наследники старой веси русской летописи или вису восточных писателей»⁸⁴, согласны многие исследователи. Вепсы населяют и сейчас район к северо-западу от Белого озера.

Огромная территория от Приладожья до Прикамья, занятая к концу I тысячелетия до н. э. родственными финно-угорскими племенами, не изучена в самом среднем своем звене, каким является район Белоозера и бассейн р. Шексны. Несомненно, что при общем сходстве материальной культуры и идеологии у племен, населявших эти пространства, существовали локальные различия. Со временем удастся определить меру сходства и различия между всей белозерской и приладожской, так же как и между соседящими с восток с востока — прикамскими и с юга — мерянскими племенами. Проблема веси требует для своего разрешения новых археологических изысканий в окрестностях Белого озера и в частности — на его северном берегу.

Несомненно, что большое значение в эволюции культурного облика веси различных районов Белозерья имело время и длительность соприкосновения ее со славянами.

⁷⁷ А. А. Спицын. Курганы Белозерского уезда. ЗРАО, т. VIII, вып. 1 и 2 н. с. СПб., 1896, стр. 160—162. Заметим, что курганные погребения Зубаревского могильника нижнего течения Шексны с их неустойчивой ориентировкой (запад-юго-запад и восток-юго-восток) по инвентарю близки погребениям на р. Суде.

⁷⁸ Г. П. Гроздилов. Археологические памятники IX—XIII вв. в Белозерье. Рукопись. Устюженский краеведческий музей, фонд № 7, дело № 9.

⁷⁹ Я. В. Станкевич. Курганы Юго-Восточного Приладожья и Карело-Финской ССР. Археологический сборник. Петрозаводск, 1947, стр. 109.

⁸⁰ В. В. Седов. Этнический состав населения сев.-зап. земель Великого Новгорода (XI—XIV вв.). СА, XVIII, 1953, стр. 190—227.

⁸¹ Я. В. Станкевич. Курганы..., стр. 109.

⁸² Н. П. Барсов. Очерки русской исторической географии. Варшава, 1873, стр. 49—50.

⁸³ В. И. Равдоникас. Доисторическое прошлое Тихвинского края. Тихвин, 1924.

⁸⁴ Очерки истории СССР, М., 1958, стр. 673.

На северный берег Белого озера славяне проникли, вероятно, одновременно с освоением бассейна Шексны, происходившим в IX—XI вв., и имели здесь раннее и прочное влияние среди местного населения. Кроме годных для пахоты земель, переселенцев, несомненно, привлекали выгодные возможности сообщения с озерами Воже и Лаче, дающими истоки Беломорской речной системе. Не случайно самое большое озеро на северном берегу носит название Дружинского, а самое удобное на пути к оз. Воже — Волоцкого. Выразительны и такие названия деревень, как Вышатино, Турово, известные с XV в. Здесь же протекают три речки со славянскими названиями из 26, впадающих в Белое озеро по всему побережью.

В Киснемском могильнике сильное влияние славянского элемента сказывается достаточно убедительно. Об этом свидетельствует устойчивая западная ориентировка погребенных, следы гробовищ, наличие височных колец славянского типа (в том числе спирального кольца северян), отсутствие шумящих привесок и зооморфных фигурок. Вещей скандинавского происхождения здесь нет совершенно. Оружие в мужских погребениях позволяет предположить, что перед нами захоронения свободных смердов, а может быть, дружинников. В этническом отношении состав погребенных был, вероятно, смешанным. Среди славянской части погребенных здесь могли быть и земляки Яна Вышатича, посланца Черниговского князя Святослава, в 70-х годах XI в. явившегося на Белое озеро за сбором дани.

ДРЕВНИЕ ЩИТЫ НА ТЕРРИТОРИИ ЛАТВИЙСКОЙ ССР

В литературе о древних щитах Латвии имеется единственная статья, написанная В. Гинтером¹, но в ней описываются находки только из трех мест, а именно: умбон из 15-го погребения в Стури, Добельского района, умбоны Терветского клада из Добельского района и щиты из клада Тирского торфяника, Лиепайского района. Последние находки в литературе упоминаются многократно.

Несколько замечаний по поводу древнелатышских щитов высказал П. Берзиньш, основываясь на хронике Ливонии². Используя скупые замечания летописца, необоснованно фантазировал в своих статьях и рисунках любитель древностей Я. Юшкевич³.

Пересмотр богатого латвийского археологического материала показал, что есть ряд до сих пор не известных материалов о древних щитах. Многие находки щитов (или их частей) на соседних территориях дают важный сравнительный материал.

Круглые, овальные и четырехугольные бронзовые или деревянные щиты на берегах Балтийского моря известны уже с бронзового века, например, в Дании. На территории Латвии подобные щиты как будто неизвестны. Но надо отметить указание археолога П. Степиня, что в 1939 г. на территории Юго-Западной Латвии, в Вайноде, случайно был выкопан бронзовый круглый щит с рукояткой. Диаметр щита — около 70 см. К сожалению, эта находка погибла при пожаре во время Отечественной войны.

Древние щиты обычно были деревянными, поэтому сохранились только их металлические части: умбоны, заклепки, рукоятки, окантовки.

Балтийские археологические и письменные источники указывают, что наряду с круглыми щитами существовали щиты четырехугольной или комбинированной формы.

На соседней территории, в Калининградской области, в период позднего латена (150—50 гг. н. э.) умбоны и рукоятки от щитов вместе с оружием и украшениями найдены в погребениях воинов на месте бывшего Таубендорфа⁴ и Гродктена⁵, а умбоны, рукоятки и окантовки I—II вв. — в бывших Махаррен, Алтмунтовен, Зелбонген и Доллкейм⁶. Прусский археолог В. Герте по форме окантовок предполагает, что деревянный щит обычно был четырехугольным. Железные умбоны от щитов имеют три основные формы: полукруглую, коническую и шишакообразную. Те же формы умбонов и рукоятки развиваются и варьируют и в III—IV вв. (умбоны в бывших Кирпенен, Зигесдикен, Рогенен, Алтмунтовен и рукоятки в Мертинсдорф и Алтмунтовен)⁷. Окантовка, найденная в Гоншоре.

¹ V. Ģinters. Seno zemgaļu vairogu atradumi. Senatne un Māksla, IV. Rīga, 1937, стр. 92—97.

² P. Bērziņš. Senlatvju kara māksla 13. gadusimtenī. Militaru rakstu krājums, I. Rīga, 1926, стр. 33—35 и 72.

³ Статьи и рисунки щитов в журнале «Айзсаргс» за 1926 г.

⁴ W. Gaerte. Urgeschichte Ostpreussens. Königsberg, 1929, стр. 153, рис. 109.

⁵ Там же, рис. 110.

⁶ Там же, стр. 186, рис. 149, a, b, c, d, e, f, g.

⁷ Там же, стр. 245, рис. 198, a, b, c, d, e, f, g.

указывает на то, что щит имел круглую форму. Отметим, что и в Латвии, и в Литве, так же как в бывшей Восточной Пруссии, известны все три основные вышеупомянутые формы умбонов.

В Юго-Западной Латвии, в Мазкатужи, Лиепайского района, при исследовании куршского могильника, в погр. № 11 были обнаружены остатки деревянного щита⁸ оvoidной формы со срезанными концами. (От щита прослежена темно-серая прослойка толщиной в 2—3 см.) Щит покрывал нижнюю часть тела умершего. Длина щита — около 145 см, ширина одного конца — 22 см, второго (в 30 см от конца) — 65 см. Возможно, подобные большие щиты куршей упомянуты в начале XIII в. в хронике Ливонии (см. ниже примеч. 32). Мужское погребение со щитом имело богатый инвентарь (рис. 1): железное копье, кельт, косу, нож, две бронзовые арбалетные фибулы, четыре перстня и три римские бронзовые монеты (Марка Аврелия, 161—180 гг.; его жены Фаустины, +175 г. и Адриана, 117—138 гг.). По вещам и по монетам погребение может быть отнесено к началу III в. Это пока самый ранний, притом хорошо датированный щит Латвии. Найденные в могиле вещи характеризуют древнего курша как воина и пахаря.

Отметим, что в Западной Литве, в погр. № 3 из Курмайчай, Кретингского района, найдены фрагменты железного умбона от щита. Это погребение также датируется III в. Форма упомянутого умбона точно не выяснена, но могла быть подобна умбону из могильника Шерняй (Клайпедский район)⁹.

В могильнике Стури (Добельский район), недалеко от известного Терветского городища, в погр. № 15 у пояса умершего был обнаружен железный умбон (инв. № CVVM 63937)¹⁰ от щита, которым был покрыт покойник. Высота полукруглого, полого железного умбона — 5 см, диаметр — 19,5 см, ширина гладкого края с отверстиями для заклепок

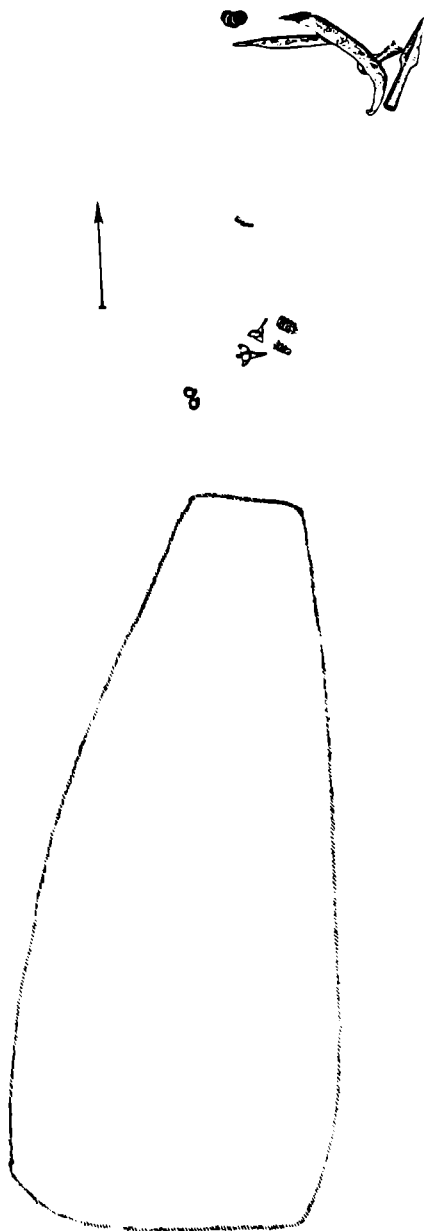

Рис. 1. 11-е погребение с остатками деревянного щита (начало III в.). Мазкатужи, Лиепайский район

⁸ Раскопки Э. Штурма в 1942 г. Планы и вещи хранятся в Риге, в Музее истории Латвийской ССР. В настоящей статье проставлены инвентарные номера вещей без указания места хранения.

⁹ P. Kulikauskas. Kurmaičių (Kretingos raj.) plokštinio kapinyno tyrinėjimai. Lietuvos Istorijos instituto darbai, I. Vilnius, 1951, стр. 339.

¹⁰ Раскопки В. Гинтера в 1932 г. Вещи хранятся в Риге, в Музее истории Латвийской ССР.

Рис. 2. Инвентарь 15-го погребения (ок. 500 г.). Стурн, Добельский район

3,3 см. В одном из отверстий еще сохранилась часть заклепки. Кроме того, в погр. № 15 найдены наконечник железного втульчатого копья, кельт, нож, коса, пряжка, два бронзовых браслета и четыре спиральных перстня (рис. 2). Погребение датируется около 500 г. Умерший земгал, как и упомянутый выше курш из погр. № 11 в Мазкатужи, также был пахарем и воином.

Около десяти земгалских железных умбонов было найдено в 1888 г. в кладе из Калнамуйжа (Добельский район), приблизительно в 1 км на юг от Терветского городища, близ р. Тервете. Клад лежал под большим

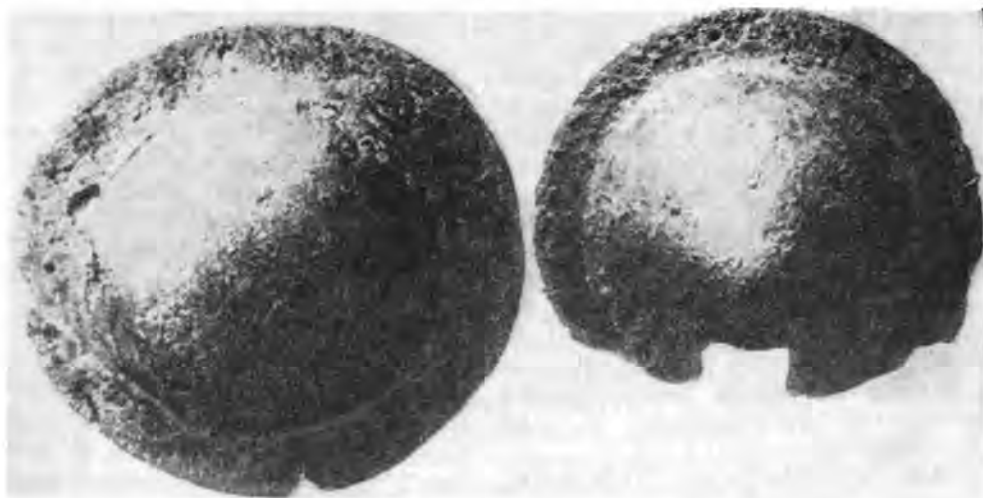

Рис. 3. Железные умбоны из клада (ок. 500 г.). Калнамуйжа, Добельский район

камнем и содержал, кроме умбонов, 54 копья, 1 меч, 8 стрел, 4 ножа, 9 пряжек и 1 стремя. К сожалению, клад не сохранился. Четыре умбона были хорошей сохранности¹¹. Сохранились снимки двух умбонов (рис. 3)¹². Судя по снимку, один из умбонов имел форму приплюснутого

¹¹ R. Hausmann. Sitzungsberichte der kurländischen Gesellschaft für Literatur und Kunst. Mitau, 1892, стр. 25.

¹² Katalog der Ausstellung zum archäologischen Kongress in Riga 1896. Riga, 1896, табл. 12, 4. б.

полушария (диаметр — 17 см, ширина края — 3 см) и был похож на подобный ему из Стури. Второй умбон — конической формы (диаметр — 15 см, ширина края — 3 см), на его краях имеются отверстия для заклепок. Клад из Калнамуйжа датируется около 500 г.

Примерно к этому или немного более позднему времени может быть отнесен умбон из земгальского погр. № 20 в Оши, Добельского района (инв. № V. 4043)¹³. Умбон имеет приплюснутую форму полушария с шишаком и профилированную нижнюю часть, края которой отогнуты почти под прямым углом. По краю имеются отверстия для заклепок. Толщина

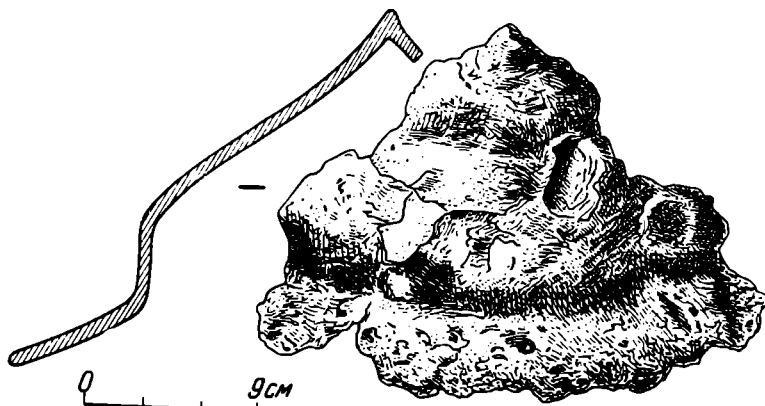

Рис. 4. Железный умбон (VI в.). Оши, Добельский район (20-е погребение)

верхней части умбона — 0,4 см. Умбон плохой сохранности (рис. 4) найден в разрушенном погребении вместе с железной пряжкой и кольцом. Подобные умбоны, датируемые около 500 г., известны в Эстонии (Киримяэ, около г. Хапсал)¹⁴, а также в Литве (Крикштонис, Лаздайский район) из разрушенного курганного могильника V—VII вв.¹⁵

В литовских могильниках IV—VIII вв. найдено около 50 железных умбонов, рукоятки, заклепки и окантовки от щитов. Большинство их происходит из восточных и южных районов Литвы — из курганных могильников с труположениями или трупосожжениями. В грунтовых могильниках с труположением части от щитов найдены в Эйгуляй около г. Каунас, Ивашкяй Ионишского района, Курмайчай Кретингского района, Страгна и Шерняй Клайпедского района. Характерно, что в Литве в погребениях IX—XII вв. щиты пока не обнаружены¹⁶.

В Эстонии в могильнике из Ябара (200—500 гг.) найден фрагментарный железный умбон в виде полушария, рукоятка длиной 16 см и четыре окантовки длиной 6,7; 6,5; 5,5; 4,7 см¹⁷.

В Киримяэ, около г. Хапсал, найдены три хорошо сохранившихся умбона и несколько фрагментов двух или трех умбонов двух типов: 1) в

¹³ Раскопки Ф. Озолня в 1926 г. Материалы хранятся в Риге, в Музее истории Латвийской ССР.

¹⁴ M. Schmiedehelm. Der Fund von Kirimäe in Estland. Helsinki. 1924, стр. 32—33, рис. 34.

¹⁵ P. Kulikauskas. Naujas archeologinis paminklas Užnemuneje. Lietuvos TSR Mokslų Akademijos darbai, серия A, 1 (6). Vilnius, 1959, стр. 82.

¹⁶ Некоторые сведения о местах находок умбонов и других частей от щитов на территории Литвы мне представил старший научный сотрудник Института истории АН Литовской ССР А. Таутавичюс, за что приношу ему благодарность.

¹⁷ M. Schmiedehelm. Ein Grabfeld der älteren Eisenzeit in Lügänuise (Estland). ESA, III, стр. 98, 100, 106, рис. 8, 10—12.

виде полушария, 2) с профилировкой в нижней части и шишаком в верхней части. Параллели имеются на территории Калининградской области и в Скандинавии, где они датированы около 500 г.¹⁸

Кроме того, в Историческом музее АН Эстонской ССР в Таллине хранится умбон, место находки которого неизвестно. М. Шмидехельм не без основания предполагает, что этот умбон, сходный с финскими находками времени «великого переселения народов», происходит из Северной Эстонии¹⁹. Заклепки от предполагаемых щитов происходят из Лагеди, Люманде и Петри-Нурмси. Подобные находки часты в среднем железном веке в Финляндии²⁰.

На месте Каармской битвы был найден железный полый умбон в виде полушария (потерян, был известен по рисунку А. А. Спицына)²¹.

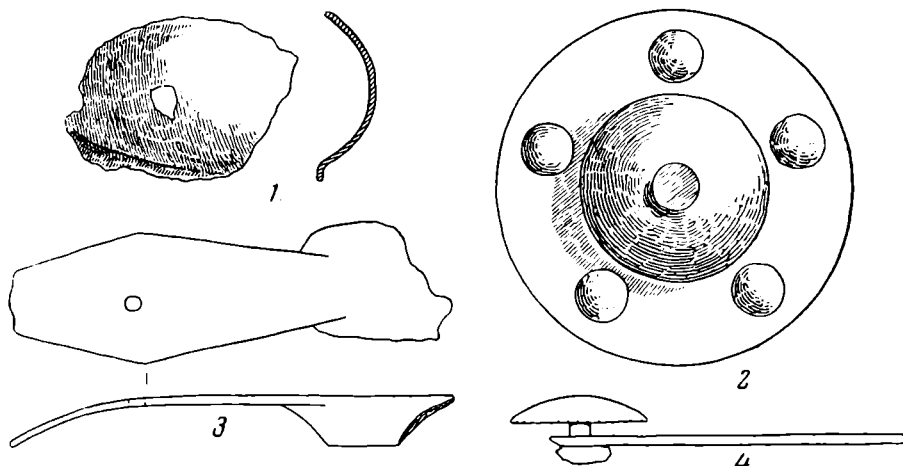

Рис. 5. Части от щитов (VII—IX вв.). Скандинавские могильники около г. Гробинь, Лнепайский р-н:

1, 2 — умбоны; 3 — рукоятка; 4 — заклепка

По сообщению эстонского археолога Э. Тыниссона, предполагается, что два фрагмента умбонов и заклепки от щитов происходят из могильника XI—XII вв. в Вильтина на острове Саарема (хранятся в Институте истории АН Эстонской ССР, инв. №№ 3888 : 2642, 2848).

Железные умбоны в виде полушария, а также рукоятки, окантовки и заклепки от щитов обнаружены во всех трех скандинавских могильниках VII—IX вв. около г. Гробиня, на западе Латвии (рис. 5)²².

Так, в кург. № 13 около бывшего Пастората вместе с другими вещами найден железный полушарный умбон второй половины VII в.²³ К этому же времени относится подобный умбон с шляпкой на поверхности и рукояткой из кург. № 4²⁴. В погр. № 21 около усадьбы Смукуми были обнаружены части железного умбона, рукоятка и заклепки²⁵; подобные были

¹⁸ M. Schmiedehelm. Der Fund von Kirimäe..., стр. 32—33, рис. 33—35.

¹⁹ Там же, стр. 32.

²⁰ Там же; A. M. Tallgren. Zur Archäologie Eestis. II. Dorpat, 1925, стр. 21.

²¹ A. M. Tallgren. Ук. соч., стр. 116.

²² Раскопки Б. Нермана в 1929, 1930 гг. и раскопки И. Дайги в 1957 г.

²³ B. Nerman. Grobin—Seeburg. Stockholm, 1958, стр. 64, 65, 164 и 180, табл. 45, 300, 301.

²⁴ Там же, стр. 58, 164 и 180, табл. 41, 262, 258.

²⁵ Там же, стр. 26, 134 и 136, табл. 22, 114.

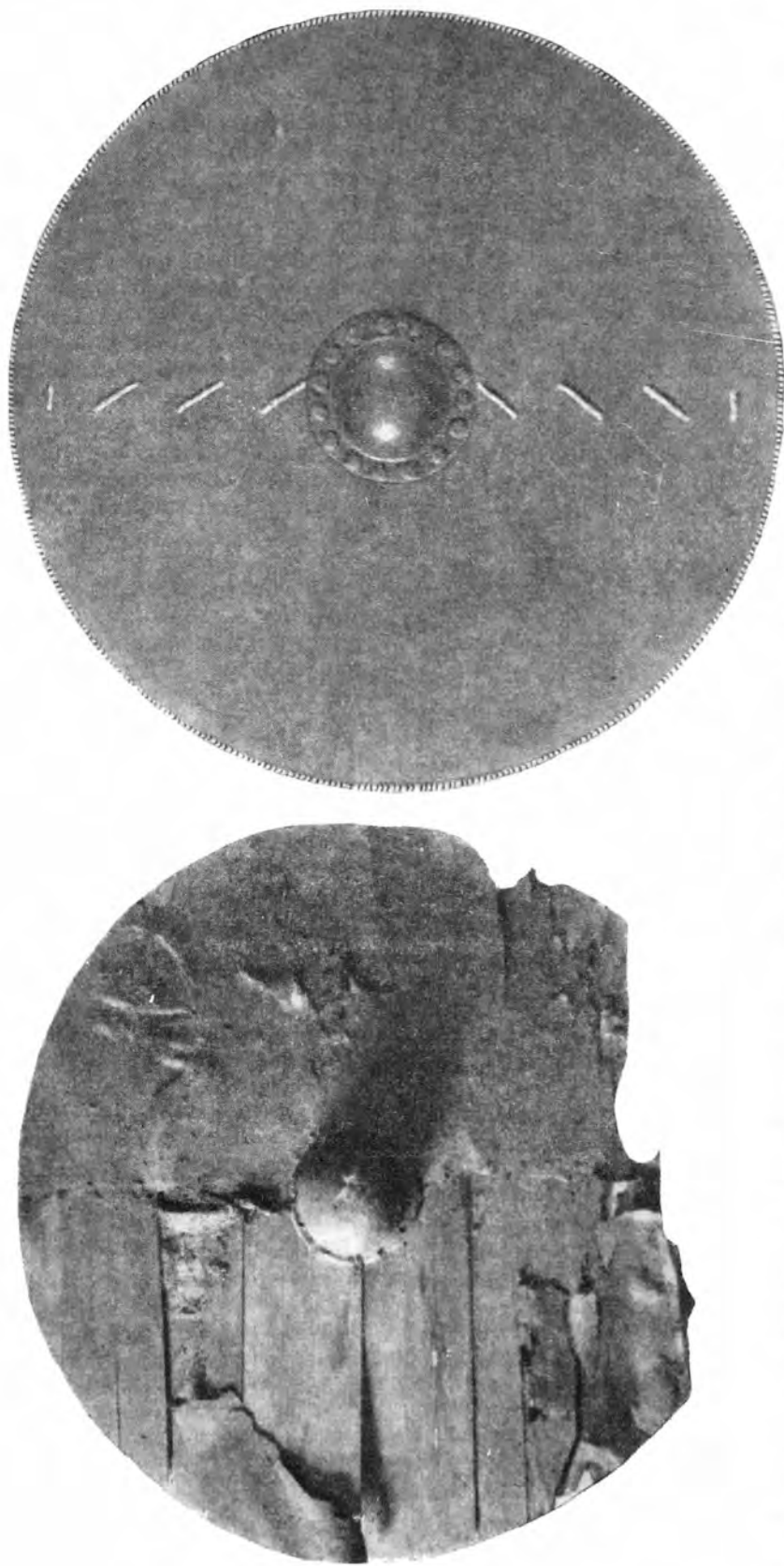

Рис. 6. Деревянный щит из еловых досочек, покрыт кожей (IX в.). Из клада в Тирском торфянике Липейского района. (Оригинал и реконструкция)

найлены и в других погребениях²⁶. Б. Нерман приводит аналогии из Скандинавии. Подобные находки имеются как в скандинавских погребениях Прибалтики²⁷, так и среди местных археологических памятников.

Важнейшие находки деревянных щитов обнаружены в Тирском торфянике Лиепайского района, на юго-западе Латвии. Здесь, на территории куршей, при разработке торфа в 1936 г. был найден клад, в состав которого входили два деревянных щита, бронзовая подковообразная фибула, браслет, пряжка, оковки, долото с орнаментированной деревянной рукояткой, бронзовые спиральки, петелька, железное кольцо, кожаный кисет, ритон, клубок ниток, шерстяная обувь, обмотки и обрывки тканей. Этот клад считается жертвоприношением богатого куршского воина IX в. после благополучного сражения.

Круглый щит из еловых досочек с обеих сторон покрыт кожей (инв. № V. 9170 : 1). Между досочками и кожей проложена спрессованная трава. Диаметр щита — 85,5 см, толщина досочек — 0,6 см, диаметр отверстия для умбона — 11,5 см²⁸. Чтобы кожа держалась на деревянном щите, она пришивалась по краям и посередине щита. Щит очень легкий. Непрочность его возмещалась лучшей маневренностью (рис. 6).

В центре щита руку защищал деревянный умбон в форме полушария с краями (инв. № V. 9170 : 18). В краях 14 отверстий для заклепок. Длина умбона — 13,1 см, ширина — 10,5 см. Умбон напоминает умбоны земгалов, литовцев, эстонцев, финнов и скандинавов, а также скандинавские умбоны VII—IX вв. из могильников около Гробиня и Вискауты. На умбоне и на коже щита заметны следы ударов.

Из клада Тирского торфяника происходит также доска от второго

щита, выгнутого, круглой формы (инв. № V. 9170 : 2). В доске выше середины имеется четырехугольное отверстие для рукоятки. Длина доски —

²⁶ В. Нерман. Ук. соч. В кург. №№ 3, 17, 24 около б. Пастората, в кург. № 3 около усадьбы Пораны и др. Материалы из этих могильников хранятся в Риге, в Музее истории Латвийской ССР. Заклепки от предполагаемых щитов из кург. №№ 6 и 10 около б. Пастората (раскопки И. В. Дайги в 1957 г.) хранятся в Институте истории АН Латвийской ССР в Риге.

²⁷ Например, в бывш. Вискауты Калининградской области. См. W. Gaerte. Ук. соч., стр. 340, табл. XVII, 3.

²⁸ В литературе большинство авторов повторяют ошибку предварительных сообщений, говоря, что между досочками и кожей был слой липового лыка. Диаметр щита обычно указывается больше — около 90 см.

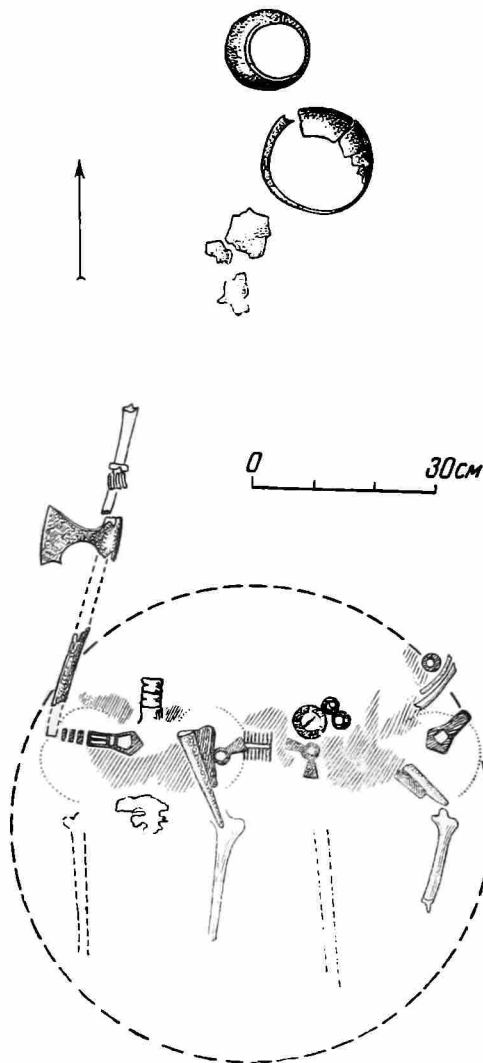

Рис. 7. Двойное погребение ливов (XI в.). Над скелетами — остатки круглого щита из дерева хвойной породы. Кримулда, Сигулдский район (кург. № 1)

68 см, ширина — 11,8 см, толщина — 1,4 см. Остальные части щита не сохранились. Диаметр щита, судя по сохранившейся доске, был 73 см. Возможно, этот выгнутый щит вообще не имел умбона.

Остатки круглого деревянного щита (диаметр — 80 см) обнаружены в Кримулде, Сигулдского района, на берегу р. Гауя, на юге от Кримулдской церкви²⁹. Щит, изготовленный из хвойных пород, покрывал нижнюю часть двух скелетов (рис. 7). Погребения имели богатый инвентарь, типичный для XI в.: широколезвийный железный топор, два ремня с бронзовыми пряжками, костяной гребень, два глиняных сосуда, янтарную бусину, фибулу, два железных ножа в ножнах, четыре перстня, цепочки и другие вещи. Характер инвентаря, труположения и расположение курганного могильника заставляют утверждать, что здесь налицо погребение погибших вместе ливов. Умершие положены в неглубокой яме, над которой насыпан курган.

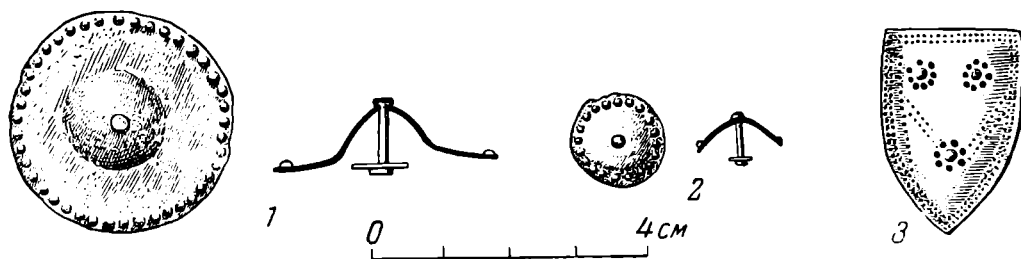

Рис. 8. Щитообразные бронзовые оковки

1 — Салинас Огрского района, 1-е погребение, VIII в. (инв. № RDM. 1377); 2 — дер. Масклава, Даугавпилсского района, 19-е погребение, XII в. (инв. № 9458 : 7); 3 — городище Межотне Бауского района, 1-й слой, XIII в. (инв. № CVVM. 22333: 244)

Фрагментарный и сильно заржавевший железный умбон (инв. № CVMM, 64609 : 1222) был открыт при раскопках Межотненского городища в восточной части постройки «F»³⁰. Эта постройка находилась в четвертом слое. Стратиграфически и по найденным вещам она датируется XI—XII вв.

Некоторое представление о формах умбонов и щитов могут дать щитообразные оковки от поясов и некоторые привески (рис. 8). Эти украшения имели и символическое значение: носитель такого пояса или привески считал себя в большей безопасности. Этот обычай известен в латышской этнографии и фольклоре.

В период раннего феодализма, как и ранее, форма щита была разнообразной³¹. Об этом свидетельствуют описанные круглые щиты из Тирского торфяника и Кримулды, формы щитообразных оковок, а также опись щитов в хронике Ливонии под 1210 г., когда войска куршей старались взять Ригу, захваченную немецкими меченосцами. Летописец говорит: «Куры (курши.— В. У.), оставив свои корабли в Двине (Даугаве.— В. У.), выстроили войско на поле, и каждый у них нес перед собой деревянный щит, сделанный из двух досок, и дубину, в роде пастушеского посоха, для поддержки щита; и когда солнце осветило белые щиты, то и воды и поля от них засверкали белизной. Большое и сильное войско приближалось к городу»³². В хронике неоднократно упоминаются щиты, за которыми

²⁹ Раскопки А. Карнула в 1945 г. Материалы хранятся в Музее истории Латвийской ССР в Риге.

³⁰ Раскопки В. Гинтера в 1939 г. Материалы находятся в Музее истории Латвийской ССР в Риге.

³¹ У русских, например, распространены миндалевидные или овальные щиты. Они изображены на деревянной чаше XII—XIII вв. из Новгорода и на стенах Георгиевского собора в Юрьеве-Польском, построенном в 1234 г.

³² Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. М.—Л., 1938, XIV, 5, стр. 119

укрывались курши от неприятельских стрел. Известно, что поставленные один к другому, они выполняли роль защитной стены на кораблях в морских битвах, о которых пишет летописец. Такой обычай защиты корабля был широко известен у народов, населявших берега Балтийского моря.

На городищах X—XIII вв. (Межотне, Даугмале, Тервете, Талсы и др.) и в могильниках (например, погр. № 1 с трупосожжением в Страутини, Лиепайского района, XII в.) часто находят железные заклепки, у которых один конец круглый, другой четырехугольный. Они похожи на заклепки от щитов от Гробиня и других мест. Возможно, что часть этих заклепок от щитов, а часть — от котлов, лодок и других вещей.

Изготовление щитов, особенноковка больших умбонов с профилировкой, требовали большого мастерства. Этим занимались мастера-кузнецы, развивавшие и передававшие свое умение из поколения в поколение.

В летописях XIII в. Прибалтики часто упоминаются щиты и связанные с ними обычаи местных жителей. Пение боевых песен, наступление на противника, игры — все это сопровождалось ритмическими ударами оружия по щитам. В летописях многократно запечатлены щит и меч как символы борьбы и победы.

Латгалы, ливы и немцы после боя с эстами, «вернувшись ночью и устроив военную игру с большим криком и ударами щитов, на следующий день подожгли замок и пошли в обратный путь другой дорогой»³³. Эсты из Саарема «с громкими криками, ударяя в щиты», приближались к неприятелю, наступали и бросали копья. Подобным образом вел себя и противник — латгалы³⁴. Во время осады Тартуского замка в 1224 г.: «Днем бились, ночью устраивали игры с криками: ливы и летты (латгалы.— В. У.) кричали, ударяя мечами о щиты; тевтоны били в литавры, играли на дудках и других музыкальных инструментах; русские играли на своих инструментах и кричали»³⁵.

В 1253 г. сембы под Клайпедой сожгли погибших воинов с конями, а также щиты и остальное оружие, веря, что похороненные смогут сражаться в загробной жизни³⁶. Но все-таки щиты в Прибалтике не являются массовой и типичной находкой в погребениях. Это объясняется погребальным обычаем, а частично и тем, что щиты употреблялись главным образом пешими войсками.

Интересно, что наличие щитов у воинов учитывают и при строительстве оборонительных сооружений. Из числа известных нам на территории Латвии 391 городища в большинстве случаев подходы к ним устраивались так, чтобы не защищенный щитом правый бок наступающего неприятеля был обращен в сторону защитников городища. Только несколько городищ — Цейсвайне, Сарумкалнс, Викместе, Кропа, Алуксне, Пекаскалнс, Калдабруняс — имеют иначе устроенный подход. Очевидно, при постройках подходов к городищам учитывались прежде всего стратегические планы, но иногда решающим фактором могли быть рельеф местности или недостаток рабочей силы и времени.

Будучи прежде всего защитным оружием древнего воина, щит имел и символическое значение; с ним связаны некоторые обычаи, что подтверждается археологическими письменными источниками³⁷.

³³ Генрих Латвийский. Хроника Ливонии, XV, 7, стр. 135.

³⁴ Там же, XXIII, 9, стр. 192—193.

³⁵ Там же, XXVIII, 5, стр. 226.

³⁶ E. Meyer. Die Livländische Reimchronik. Reval, 1848, стр. 109—110.

³⁷ После сдачи этой статьи в раскопках Э. Д. Шнере были обнаружены остатки раскрашенных щитов в курганном могильнике Леясдопелес Екабпилсского района (XI—XII вв.).

СТВОЛЫ РУССКОГО РУЧНОГО ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ
XV — XVI вв.

Как известно, боевое применение огнестрельного оружия на Руси отмечено в летописях 1382 г. Наши письменные источники очень скудно освещают первоначальный период в развитии огнестрельного оружия. Памятники артиллерийского и оружейного производства древней Руси, дошедшие до нас, главным образом относятся к XVII в., небольшое количество — к XVI в. и буквально единичные экземпляры — к XV в. Все это, конечно, затрудняет работу исследователей истории артиллерии и ручного огнестрельного оружия древней Руси. Настоящее сообщение обобщает опыт работы по изучению коллекции ручного огнестрельного оружия, хранящейся в Артиллерийском историческом музее в Ленинграде; использованы также опубликованные данные по коллекции оружия XVI в. Оружейной палаты Московского Кремля. Одиннадцать фитильных ружей XVI и начала XVII в., большая коллекция старинных ружейных стволов из бывшей Оружейной палаты Кирилло-Белозерского монастыря были в Новгородском земском музее в 1893 г.¹ К сожалению, это оружие не сохранилось. В других музеях Советского Союза, возможно, и имеются единичные образцы русского ручного огнестрельного оружия XV—XVI вв., но они не опубликованы.

Требуется стечение благоприятных условий для того, чтобы огнестрельное оружие — ружья XV—XVI вв. — дошли до нас в своем первоначальном виде, без позднейших доделок и переделок. Всякое ружье, в основном, состоит из трех главных частей: железного ствола, металлического замка и деревянной ложи. Наиболее прочной и долговечной частью является ствол. Ружейный ствол в то время, когда техника развивалась очень медленно, мог служить буквально сотни лет. Наоборот, деревянная ложа изнашивалась и приходила в негодность значительно быстрее, срок ее службы ограничивается лишь десятками лет. То же можно сказать и относительно ружейных замков, которые имеют мелкие металлические части (курки, пружины, винты) и изнашиваются быстрее, чем ствол. Поэтому в целом ряде старинных ружей, дошедших до нас, могут быть отдельные части, различающиеся по времени изготовления; наиболее древним по изготовлению стволом и более позднего происхождения замком и прибором.

Из изложенного становится ясным, что датировка старинного оружия, произведенная по некоторым частям (замок, ложа), может быть неверной, так как ствол может быть более раннего происхождения.

Хотя ружейная техника XV—XVII вв. развивалась очень медленно, все же можно на вещественных памятниках проследить характерные особенности в устройстве русских ружейных стволов XV—XVI вв. Задача эта облегчается тем, что до нас дошел ряд экземпляров датированного оружия XVII в. в собраниях оружия Московской Оружейной палаты. Исто-

¹ В. Ласковский и Н. Лашков. Краткое описание Новгородского музея. Новгород, 1893.

Рис. 1. Стрелки из ручного огнестрельного оружия и арбалетов (с рисунков из венского кодекса 1430—1440 гг.)

рического музея в Москве, что позволяет нам почти безошибочно выделять стволы XVII в.

Появление ручного огнестрельного оружия в Западной Европе относится к последней четверти XIV в.² В наших письменных источниках не найдены пока какие-либо положительные сведения по этому вопросу. Можно полагать, что примерно в это же время появилось ручное огнестрельное оружие и на Руси.

По своему устройству ружейный ствол конца XIV и первой половины XV в. мало чем отличался от железных кованых артиллерийских стволов. Он был меньше калибром и более легким по весу. Заряжание производилось с дула, затравочное отверстие для производства выстрела находилось сверху. От последующих образцов ручного огнестрельного оружия эти стволы отличались большим калибром и меньшей длиной. А. Эссенвейном опубликовано несколько рисунков подобного ручного огнестрельного оружия из старинных австрийских и германских кодексов 1430—1450 гг.³ (рис. 1).

Дальнейшее усовершенствование ружейного ствола в XV в. заключалось в увеличении его длины и уменьшении калибра; затравочное отверстие было перенесено сверху в правую сторону и прикреплено полка. Появилась возможность применить замки, что значительно облегчило процедуру выстрела.

При внимательном изучении старинных ружей в коллекции Артиллерийского исторического музея, датированных XVII в., были выделены девять стволов ружей, которые по ряду признаков (массивности, калибру, устройству казенных винтов и др.) имели несколько более раннее происхождение.

Наиболее ранним по времени изготовления является ствол русского ружья инв. № АИМ 17/10. Этот ствол был первоначально изготовлен для боевого оружия, а затем длительное время использовался в охотничьем оружии и дошел до нас в хорошей сохранности (рис. 2).

² J. Schön. Geschichte der Handfeuerwaffen. Dresden, 1858, стр. 10—11.

³ А. Эссенвейн. Quellen zur Geschichte der Feuerwaffen. Leipzig, 1877, табл. В I, III, IV.

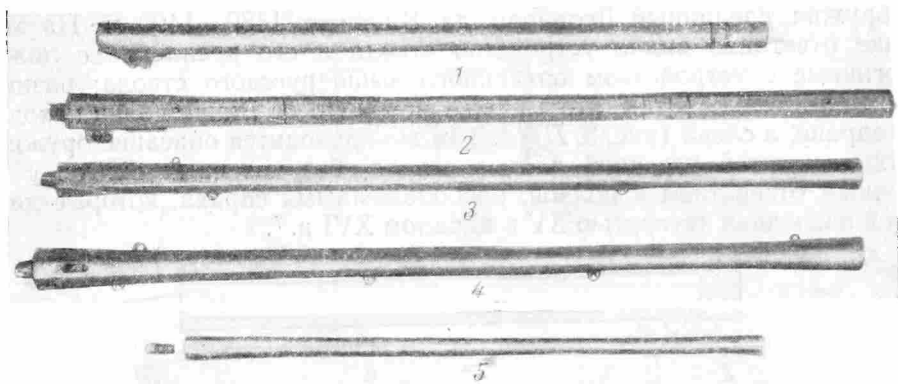

Рис. 2. Русские ружейные стволы XV—XVI вв. (из коллекции Артиллерийского исторического музея)

1 — ствол конца XV — начала XVI в. (вид сверху), инв. № 17/1; 2 — ствол первой половины XVI в. (вид сверху), инв. № 1/713; 3 — ствол первой половины XVI в. (вид сбоку; инв. № 1/22); 4 — ствол первой половины XVI в. (вид сбоку; инв. № 1/6); 5 — ствол с вывинченным казенным винтом (инв. № 1/22)

Ствол круглый, массивный, с толстыми стенками, имеются небольшие утолщения в дульной и казенной частях⁴, с казенной части наглухо закрыт казенной пробкой, которая приварена к стенкам ствола. Канал ствола гладкий. Справа, впереди пробки, пробито затравочное отверстие и присечена полка для затравочного пороха. Полка еще не имеет крышки, а ствол — никаких прицельных приспособлений и петель для крепления с ложей. В дульной части ствола сделаны украшения в виде полосок, набитых зубилом. Никаких надписей, клейм, даты изготовления ствол не имеет.

Вес ствола — 3980 г, длина — 761 мм, калибр — 18,6 мм, толщина стенок ствола в дульном срезе — 8,5 мм (рис. 3, I).

Крепился такой ствол к ложе посредством железных оковок, которые прибивались гвоздями, т. е. так же, как соединяются стволы с ложами в затинных пищалях, имеющих в коллекциях Артиллерийского исторического музея, Государственного Исторического музея в Москве (рис. 3, II).

Пока не найдено положительных данных в наших архивах, которые можно было бы привлечь для определения хотя бы примерного времени изготовления ствола подобного устройства. Известно только, что в XV и XVI вв. на Руси применялось ручное огнестрельное оружие — ружичицы — оружие пехотинцев.

На многих древних русских миниатюрах нарисованы стрелки с ружьями, но схематичность изображений их оружия не дает необходимых подробностей их устройства для проведения классификации. И поэтому не случайно А. В. Арциховский, разработавший классификацию огнестрельных орудий древнерусской артиллерии на основании изучения большого количества миниатюр, не затрагивает вопроса о ручном огнестрельном оружии⁵.

Для сопоставления нами привлечены данные из истории западноевропейской оружейной техники. Так, например, в 1906 г. в журнале любителей древнего оружия был опубликован рисунок ручного огнестрель-

⁴ Стволы ружей XV—XVII вв. имеют утолщение в дульной и казенной частях, которые получались при укорачивании (осаживании) ствола после заварки. В горячем виде ствол несколько раз ударяли дульной и казенной частью о наковальню. В ружейных стволах XVIII в. утолщений в дульной части не делали, ствол обрезался по заданному размеру.

⁵ А. В. Арциховский. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944.

ного оружия, сделанный Леонардо да Винчи в 1480—1490 гг. На этом рисунке отчетливо видно устройство ствола и его крепление с ложей, аналогичные с устройством описанного выше русского ствола; разница заключается только в том, что в ружье Леонардо да Винчи полка находится не справа, а слева (рис. 3, III)⁶. Там же приводится описание оружия с наглухо закрытой казенной частью ствола, без казенных винтов с затравочным отверстием и полкой, расположенными справа, которые датируются последней четвертью XV и началом XVI в.⁷

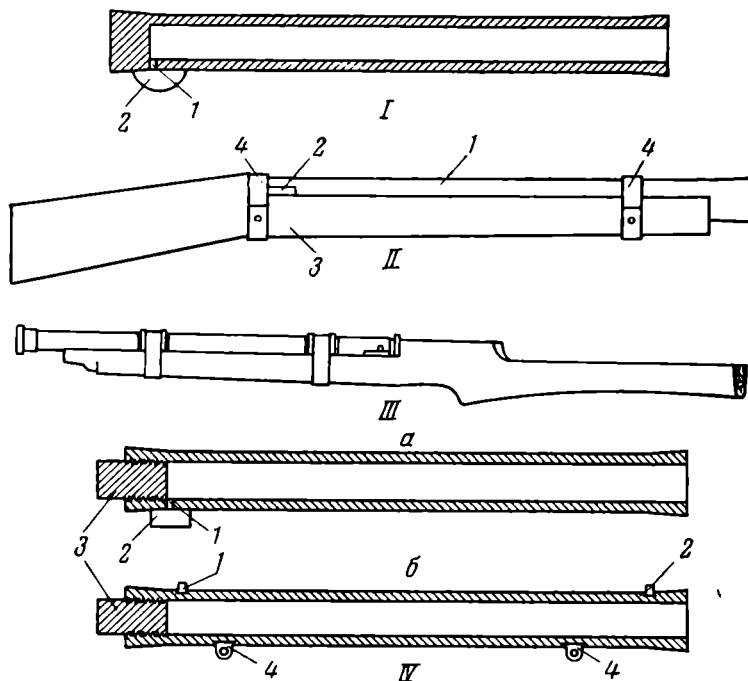

Рис. 3

I — схематический чертеж ружейного ствола конца XV — начала XVI в. (1 — затравочное отверстие; 2 — полка); II — схема крепления ствола к ложе ружья конца XV — начала XVI в. (1 — ствол; 2 — полка; 3 — деревянная ложа; 4 — железные оковки); III — с рисунка ружья, сделанного Леонардо да Винчи, 1480—1490 гг.; IV — схематические чертежи ружейного ствола первой половины XVI в. (в разрезе, а — вид сверху; 1 — затравочное отверстие, 2 — полка, 3 — казенный винт; б — вид сбоку; 1 — целик, 2 — мушка, 3 — казенный винт, 4 — ушки для соединения ствола с ложей)

Известно фитильное ружье из Базельского музея, ствол которого еще не имеет казенного винта, полка и затравочное отверстие сделаны справа. Датируется это ружье началом XVI в.⁸

Можно было бы привести еще несколько подобных ссылок, которые дают основание описанный выше ствол от русского ружья из коллекции Артиллерийского музея датировать концом XV — началом XVI в.

Остальные рассматриваемые стволы взяты от ружей, которые поступили в Артиллерийский музей в 1877 г. из Соловецкого монастыря. Естественно, что для получения сведений об этом оружии в первую очередь необходимо обратиться к документам, касающимся Соловецкого монастыря. Известно, что в 1578 году была направлена царская грамота в Соловецкий монастырь о постройке укреплений и приведении его в оборонительное состояние, на случай нашествия шведов. В Соловки был послан

⁶ Zeitschrift für historische Waffenkunde, т. VI, тетр. 1, Leipzig, 1911, стр. 30, 31.

⁷ Там же, т. V, тетр. 6, 1909, стр. 60.

⁸ Zeitschrift für historische Waffen- und Kostümkunde, т. 2, тетр. 1, Berlin, 1926—1928.

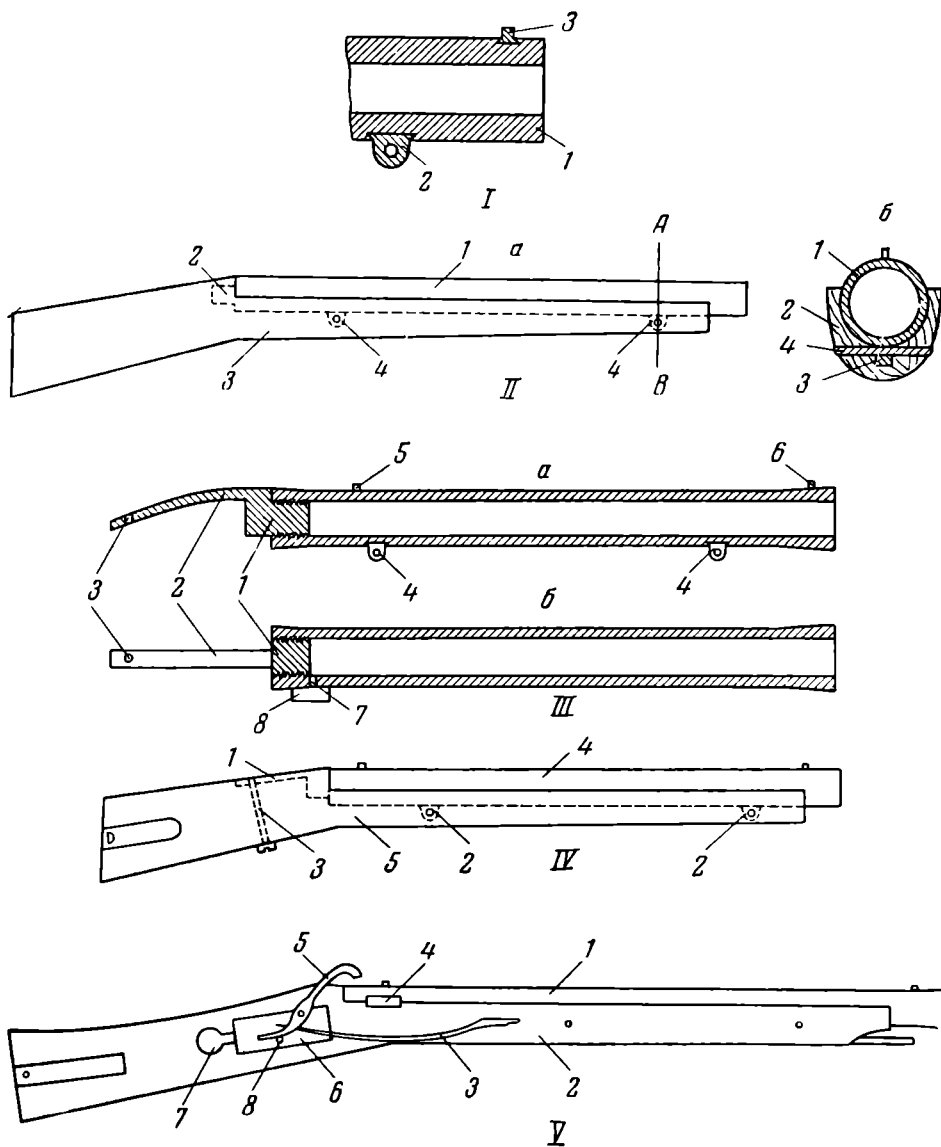

Рис. 4

I — схематический чертеж присечки прицельных приспособлений и ушек к стволам XVI в. посредством «ласточкина хвоста» (1 — ствол; 2 — ушко; 3 — мушка); **II** — схематический чертеж крепления ствола и ложи ружья первой половины XVI в. (а — вид сбоку: 1 — ствол; 2 — казенный винт; 3 — ложа; 4 — ушки; б — разрез по линии АВ: 1 — ствол; 2 — ложа; 3 — ушко; 4 — деревянная шпилька); **III** — схематический чертеж ствола второй половины XVI в. (в разрезе; а — вид сбоку, б — вид сверху: 1 — хвостовой винт; 2 — хвостовик; 3 — навинтованные отверстия хвостовика; 4 — ушки; 5 — целик; 6 — мушка; 7 — затравочное отверстие; 8 — полка); **IV** — схематический чертеж крепления ствола к ложе ружья второй половины XVI в. (1 — хвостовик; 2 — ушки; 3 — хвостовой винт; 4 — ствол; 5 — ложа. Замок и спусковой механизм на чертеже не показаны); **V** — русское фитильное ружье-ручница второй половины XVI в. Артиллерийский исторический музей (инв. № 1/2; 1 — ствол; 2 — ложа; 3 — боевая пружина; 4 — полка; 5 — курок; 6 — замочная доска; 7 — спуск пуговкой; 8 — шептало)

Михаил Озеров, которого сопровождали четыре пушкря и десять стрельцов. Они привезли с собою 100 ручниц (ружей), 5 затинных пищалей (крепостных ружей), 115 пудов порошу и другое снаряжение. Было приказано на месте набрать на службу стрельцов, «а ручницы готовы»⁹. Вооружение монастыря все время пополнялось; так, например, в 1592 г. было

⁹ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии наук, т. 1, СПб., 1836, стр. 367.

привезено десять ручниц, а в 1602 г. построена оружейная палата для хранения оружия¹⁰.

Меры, принятые для укрепления монастыря, вызывались напряженным положением, которое было в этом пограничном районе Московского государства. В 1580 г. вблизи Соловков был отражен набег крупного шведского отряда¹¹, а в 1592 г. в поход против «каянских немцев» в окрестностях монастыря было велено набрать 100 человек с пищальми (ружьями)¹². Соловецкий монастырь был опорным пунктом для действия этих военных отрядов.

В дошедших до нас документах Соловецкого монастыря сохранились отводные книги оружейной казны, которые составлялись при передаче оружия от одного ружничного старца (монаха — хранителя оружия) к новому ружничному старцу. Так, в 1649 г. имелось 545 самопалов, длинных и коротких, однозарядных с гладкими стволами, 189 пищалей с жаграми (фитильными замками). В 1668 г. было 782 самопала и карабина, 44 пищали с жаграми, в 1697 г. — 755 штук¹³.

Из приведенных выше данных видно, что с 1578 г. в Соловецком монастыре уже было ручное огнестрельное оружие; не исключено также, что это оружие для целей обороны имелось в монастыре и в более раннее время. Таким образом, документально подтверждается наличие среди ружей Соловецкого монастыря образцов, относящихся к XVI в., что имеет большое значение для датирования оружия из коллекции Артиллерийского музея. Но, к сожалению, в упомянутой документации не приводится никаких подробностей в описании ружей и не указывается время их изготовления.

Стволы ружей Соловецкого монастыря по своему устройству имеют по ряду признаков сходство со стволом конца XV — начала XVI в.: это массивность, утолщение в дульной и казенной частях. Но в то же время они имеют и существенные отличия — наличие казенного винта, прицельных приспособлений и ушек для крепления ствола к ложе.

Обращает на себя внимание и сама форма казенного винта; у одних стволов он имеет квадратную головку, у других — головку с хвостовиком. На первый взгляд эти незначительные изменения в устройстве стволов могут показаться несущественными, их трудно уловить без полной разборки ружья на составные части, но на самом деле они характеризуют отдельные этапы в развитии оружейной техники и могут служить правильными признаками для датировки оружия XVI в.

Из приведенных данных видно, что одним из характерных признаков отличия стволов ружей XV и начала XVI в. является отсутствие казенного винта.

Казенный винт, знаменуя собой новый этап в развитии ручного огнестрельного оружия, появился в XVI в. В иностранной литературе по истории оружия мы найдем целый ряд описаний ружей XVI в., стволы которых имеют казенные винты, а также упоминания о том, что казенный винт в ружейных стволах появился в XVI в.¹⁴

Стволы ружей Соловецкого монастыря различаются по основным признакам устройства на две группы. Ствол первой группы имеет вид трубы, закрытой с казенной части, с утолщениями в дульной и казенной частях, канал ствола гладкий со следами обработки сверлом. Но вместо казенной пробки ствол закрывается с казны казенным винтом, который

¹⁰ Козьма Молчанов. Описание Архангельской губернии. СПб., 1813, стр. 294, 295.

¹¹ Акты..., т. 1, стр. 368.

¹² С. В. Рождественский. Служилое землевладение в Московском государстве XVI века. СПб., 1897, стр. 141.

¹³ Опись фонда Соловецкого монастыря 1201/1. ЦГАДА, вязка 10, № 251, л. 3, № 492, л. 3, № 380, л. 3—4.

¹⁴ Die Handfeuerwaffen der Sächsischen Armee. Zeitschrift, т. 3, тетр. 1; Neues Studienmaterial zur mittelalterlichen Bewaffnung, т. 5, тетр. 6, 1909, стр. 163, 164.

имеет нарезную часть и квадратную головку. Форма винта цилиндрическая. Соответственным образом имеет винтовую нарезку казенная часть канала ствола (рис. 3, IV).

Применение в ружейном стволе казенного винта вместо казенной пробки имело важное значение для улучшения качества ручного огнестрельного оружия. На самом деле, при забивании казенной пробки канал ствола в казенной части несколько деформировался, камера для пороха и пули не имела правильной формы. С введением казенного винта эти недостатки были устранены, при завинчивании его деформации ствола не происходило. Затравочное отверстие пробито справа, и прикреплена полка, которая, в отличие от описанного выше ствола XV — начала XVI в., имеет крышку. Крышка позволяет заранее подготовить ружье к выстрелу — предохраняет затравочный порох от сдувания ветром и от подмокания в дождливую погоду. Ствол круглый, но в казенной части появляются грани. Грани предназначались для облегчения удерживания ствола соответствующими инструментами или приспособлениями (тиски, ключ) при завинчивании казенного винта. Для этой цели достаточно иметь грани в казенной части ствола, наличие же граней во всю длину у некоторых стволов XVI в. можно объяснить удобствами отделки грубым кузнечным инструментом. Сверху на стволе присечены мушка и целик с прорезью, снизу — два или три ушка для соединения ствола с ложей посредством деревянных шпилек (рис. 4, I). Ствол массивный, по сравнению с ружьями XVII в. имеет меньший калибр и меньшую длину ствола, более толстые стенки, отличается также цилиндрической формой казенного винта.

Ствол крепится к ложе посредством двух или трех деревянных шпилек, проходящих через отверстие в ложе и ушко. Кроме того, головка казенного винта помещается в гнезде ложа, что также удерживает ствол (рис. 4, II).

Для датирования стволов подобного устройства также привлечен графический и другие материалы из истории западноевропейской оружейной техники. Так, например, известно германское крепостное ружье с железным стволом, который имеет казенный винт, прицел постоянного типа, мушку и три ушка для крепления с ложей. В описании этого ружья, сделанного А. Эссенвейном, не упоминается о наличии казенного винта (хотя на рисунке видна его нарезная часть), а его выступающая наружу квадратная головка названа цапфой для соединения ствола с прикладом ложи. Исследователь, очевидно, располагал только рисунком ствола ружья, поэтому он не мог более тщательно ознакомиться с устройством ствола и не приводит его линейных и весовых данных. Датировано это ружье началом XVI в. — 1500—1510 гг. Помимо указанного ружья, приводятся рисунки и краткое описание другого ружья аналогичного устройства¹⁵. В ряде случаев исследователи ружей XVI в. не имели возможности произвести разборку ружья, и такая деталь его устройства, как наличие казенного винта с квадратной головкой, которая скрыта в ложе, могла быть незамечена, поэтому упоминания о таких стволах встречаются в специальной литературе очень редко.

Стволов аналогичного устройства, относящихся к первой половине XVI в., в коллекции ружей Артиллерийского музея¹⁶ имеется пять; ниже помещаются основные данные этих стволов (табл. 1).

Во второй половине XVI в. ружейный ствол претерпел некоторые изменения, которые позволяют выделить этот период. Изменилась форма головки казенного винта, вместо квадратной она приняла вид хвостовика с навинтованным отверстием для хвостового винта. Сделано это для более прочного крепления ствола с ложей и для лучшей сохранности самой ложи. Это нововведение было настолько удачным, что сохранилось с некоторым видоизменением в ручном огнестрельном оружии вплоть до наших

¹⁵ А. E s s e n w e i n. Ук. соч., табл. В, VIII, а, b, и описание — стр. 114, 115.

¹⁶ Ружья поступили в музей из Соловецкого монастыря в 1877 г.

дней. Намечается тенденция к увеличению длины ствола и его калибра: стволы второй половины XVI в. несколько длиннее стволов первой половины XVI в. Форма ствола, массивность, наличие прицельных приспособлений, наличие ушек, некоторое утолщение стенок ствола в дульной и казенной частях, затравочное отверстие, полка сохраняются, как и у стволов первой половины XVI в. (рис. 4, III, IV). Таким образом сделаны стволы второй группы ружей Соловецкого монастыря.

Таблица 1
Основные данные ружейных стволов первой половины XVI в.

Инвентарные номера	1/6	1/22	17/76	1/713	1/13
Длина ствола (в мм)	782	811	720	879	880
Калибр (в мм)	13,6	13,6	13,7	15,1	13,3
Вес (в г)	3050	3390	2870	4690	3802
Форма ствола	В казне — с гранями, в дульной части круглый			Восьмигранный	
Наличие прицельных приспособлений	Имеются постоянный целик и мушка				
Клейма	Нет	∪∧∪*	∩∧∩*	∟∧∟*	Государственный герб
Наличие полки	Полка снята при переделке ружья в кремневое в XVII в., сохранились следы ее прикрепления			Полка сохранилась	Полка снята при переделке ружья в кремневое в XVII в.
Толщина стенок ствола в дульном срезе (в мм)	До 10,1	До 9,6	До 9,6	До 11,2	До 9,8
Форма казенного винта	Цилиндрические с квадратной головкой				

* Клейма Соловецкого монастыря. Клейма, очевидно, являются неполным начертанием начальных букв названия монастыря «СЛО» — соловецкий. Среди документов приема оружия имеется упоминание о том, что в 1691 г. принято ружье с монастырским клеймом (ЦГАДА. Опись фонда Соловецкого монастыря 1201/1, вязка 10, № 298, л. 3).

Для датирования стволов подобного устройства имеются данные отечественного происхождения. В Оружейной палате Московского Кремля хранится коллекция ружей второй половины XVI в. из Троице-Сергиевой лавры. Впервые описание этой коллекции опубликовано Н. В. Гордеевым. Стволы ружей из этой коллекции, которые экспонируются в Оружейной палате, имеют казенные винты с хвостовиками. Ряд данных, которые привлечены для обоснования датировки этих ружей (массивность и небольшая длина ствола), совпадает с теми, которые выдвигаются для датирования стволов из коллекции Артиллерийского музея¹⁷. Однако не исключено, что среди ружей Московской Оружейной палаты, при использовании предложенной методики датировки старинных стволов, могут быть обнаружены стволы более раннего происхождения.

Имеется также большое число рисунков, чертежей западноевропейского ручного огнестрельного оружия второй половины XVI в., стволы которого аналогичны по устройству русским стволам этого периода¹⁸. В фон-

¹⁷ Государственная Оружейная палата Московского Кремля. М., 1954, стр. 6—10.

¹⁸ A. Essenwein. Ук. соч., табл. В. XXV; I. Schön. Ук. соч., табл. 9. Führer durch die Königliche Gewehr-Galerie zu Dresden. Dresden, 1900, стр. 20, № 225; Catalogo historico-descriptivo de la Real Armeria de Madrid. Madrid, MDCCCXVIII, К. 11, стр. 300.

дах оружия Артиллерийского музея имеются датированные немецкие ружья: инв. № 18/328, изготовленное в 1572 г., и инв. № 18/329, изготовленное в 1589 г. В обоих ружьях стволы имеют казенные винты с хвостовиками.

В коллекциях ружей¹⁹ Артиллерийского исторического музея имеется три ствола, которые относятся ко второй половине XVI в. Ниже помещена таблица со сводными данными (табл. 2).

Таблица 2

Основные данные стволов русских ружей второй половины XVI в. из коллекции Артиллерийского исторического музея

Инвентарные номера	АИМ 1/8	АИМ 1/19	АИМ 1,2
Калибр (в мм)	12,4	15	14,8
Длина ствола (в мм)	718	920	780
Толщина стенок ствола в дульном срезе (в мм)	9	8	10,4—12,3
Вес (в г)	2960	3380	4750
Форма ствола	Круглый, в казенной части восьмигранный	Сверху круглый, снизу три грани. В казне граненый	Восьмигранный
Прицельные приспособления	Целик и мушка	Имеется только мушка	Имеются остатки целика и мушки
Способ крепления к ложе	Посредством хвостового винта и шпилек		
Наличие клейм	∧ - *		Клейм нет
Форма казенного винта	Казенный винт цилиндрической формы, головка имеет хвостовик с навинтованным отверстием для хвостового винта		
Состояние ствола	Полка снята при переделке ружья в кремневое в XVII в., сохранились следы ее крепления		
			Ствол сохранился в первоначальном виде

* Клеймо Соловецкого монастыря.

Следует учитывать, что в тех местах, где развитие оружейной техники было особенно застойным, некоторые первоначальные особенности в устройстве ружейных стволов могли сохраняться долгое время. Так, например, многие среднеазиатские фитильные ружья первой половины XIX в. имеют стволы с приваренной казенной пробкой, т. е. не имеют казенных винтов.

Таким образом, во второй половине XVI в. были разработаны основные элементы устройства ствола с дула заряжаемого ручного огнестрельного оружия, которые с некоторыми видоизменениями продержались вплоть до середины XIX в. Так, например, стволы ружей XVII в. также представляли собой трубу, закрытую казенным винтом, но они отличались большей длиной и калибром, меньшей толщиной стенок, лучшей отделкой, формой нарезной части казенного винта, которая вместо цилиндрической стала конической, получают распространение нарезные (винтовочные) стволы. По своей форме стволы XVII в. могут быть круглыми, гранеными (от четырех и более граней). Зарождается потребность в единообразии калибров и других размерных и весовых данных оружия.

Стволы ружей XVIII и первой половины XIX в. являются изделиями мануфактурного производства, они имеют определенные размерные данные в зависимости от типа оружия (ружья пехотные, драгунские, кавалерийские карабины, мушкетеры, винтовки, пистолеты), тщательную отделку. На стволах ставятся клейма приемки и пороховой пробы, на некоторых из

¹⁹ Ружья поступили в музей из Соловецкого монастыря.

них выбивают надписи — место и дата изготовления, шифрованное наименование полка. По форме стволы круглые, в казенной части снизу разделаны три короткие грани, затравочное отверстие пробито справа, так же имеется казенный винт с хвостовиком, закрывающий ствол.

Подведем некоторые итоги сказанному²⁰. Толщину стенок стволов ружей XV — XVI вв.,ходящую до 12 мм, следует отнести за счет качества железа и относительно низкого уровня техники изготовления ствола. В XVII в. и вплоть до первой половины XIX в. сохраняется способ изготовления ствола, основанный на применении ручного труда, но мы наблюдаем уменьшение толщины стенок ствола, как за счет улучшения качества железа, так и самого процесса изготовления ствола, при котором выделяются — как самостоятельные — операции по заварке ствола и его отделке. Поэтому толщину стенок ствола следует отнести к одной из особенностей ручного огнестрельного оружия XV—XVI вв. Массивность стенок ствола влияла на его длину, стволы XV и XVI вв. короче, чем стволы ружей XVII в., так как длинный и массивный ствол имел бы вес, затрудняющий практическое применение ручного огнестрельного оружия. Как показывает ход развития оружейной техники, общий вес ружья не должен превышать известного предела, доходящего до 4,5 килограмма.

Ручное огнестрельное оружие XV—XVI вв. имеет меньший калибр, чем ружья XVII, XVIII и XIX вв. Из теории стрельбы известно, что при уменьшении калибра улучшаются боевые качества оружия. Но это положение относится к нарезному оружию и пулям продолговатой формы. В отношении гладкоствольного оружия, стрелявшего круглыми пулями, это положение можно перефразировать примерно следующим образом: чем больше калибр, тем лучше боевые качества ружей. Но увеличение калибра возможно лишь до известного предела. Следует учитывать при этом силу отдачи при выстреле, которую воспринимает стрелок, вес, длину оружия. Все эти данные были определены опытным путем. Калибр гладкоствольных ружей XVIII и XIX вв. составлял 7 линий (около 18 мм), с незначительными колебаниями в ту или другую сторону. К этому калибру ружей близко подошли в XVII в.

Учитывая такие данные, как калибры и длину стволов ружей XVI и XVII вв., мы можем сказать, что по своим боевым качествам гладкоствольные ружья XVI в. значительно уступали гладкоствольным ружьям как XVII в., так, особенно, XVIII и первой половины XIX в. Можно полагать, что наиболее эффективный огонь из ружей XV—XVI вв. не превышал дальности до 50 шагов.

По дошедшим до нас памятникам русского оружейного производства XVI в. мы не можем сказать, что в то время в полевых войсках находили массовое применение различные типы ручного огнестрельного оружия с длинными стволами, с короткими стволами (карабины), пистолеты²¹. Получил распространение тогда лишь один тип ружья — ручницы, которые имели стволы, сходные с описанными выше, деревянные ложи, фитильные замки. Одно из ружей в фондах АИМ (инв. № 1/2), поступившее в музей из Соловецкого монастыря, хорошо сохранилось и дошло до нас без позднейших переделок, и дает наглядное представление о русских ружьях-ручницах второй половины XVI в. — оружию, с которым русские воины брали Казань (рис. 4, V). Данные ствола этого ружья приведены в таблице, замок фитильный очень простого устройства с боковым спуском — кнопкой, ложа имеет приклад с небольшим скосом.

Русское оружие XV—XVI вв. характеризуется ремесленным способом изготовления. Ремесленник, изготавливавший его, должен был иметь навыки

²⁰ Хотя мы располагаем сравнительно небольшим вещественным материалом, но это не должно нас останавливать в попытке сделать некоторые выводы и обобщения. Трудно предполагать, что в ближайшее время коллекции русского огнестрельного оружия XV—XVI вв. будут значительно пополнены.

²¹ Начиная с XV в., в крепостях применялись крепостные ружья — затинные пищали, по своим основным данным близкие к ручному огнестрельному оружию.

кузнечного ремесла для заварки ствола и его отделки, навыки слесарного ремесла для изготовления и отделки частей замка, навыки по обработке дерева. Инструменты его были грубы, несовершенны, приспособлены для выполнения нескольких производственных операций. Поэтому внешний вид изделия отличался простотой отделки, массивностью отдельных частей. В XVII в. в Московской Оружейной палате, в Тульской казенной слободе начинает развиваться разделение труда при изготовлении ручного огнестрельного оружия: выделяются, как самостоятельные, операции по заварке и отделке ствола, изготовлению замков и лож. Изготовленные таким образом ружья отличаются тщательной отделкой, а ряд экземпляров имеет высокую художественную отделку. Примером могут служить ружья, изготовленные мастерами Московской Оружейной палаты.

Ручницы XVI в. первоначально являлись оружием пехотинцев-пищальников, а несколько позднее были на вооружении у стрельцов. Для действия в конном строю они были неудобны. Известно, что в 1545 г. был дан указ о сборе с Новгорода и новгородских пятин ратных людей и пороха по случаю Казанского похода, всего 2000 человек пищальников. Каждый должен был иметь ручную пищаль-ручницу, запас пороха и свинца. Половина пищальников должна была быть на конях. Это одно из первых документальных упоминаний о вооружении конницы ручным огнестрельным оружием. В остальной своей массе русская поместная конница еще не имела огнестрельного оружия. Десятни XVI в., характеризующие вооружение поместной конницы, не упоминают о ручном огнестрельном оружии. В духовных грамотах (завещаниях) «служилых людей» XVI в. перечисляется холодное, защитное вооружение, но также не упоминается огнестрельное оружие: поместная конница его еще не имела, об этом свидетельствует целый ряд документов²². Ручное огнестрельное оружие применялось главным образом как оружие защиты и в первую очередь было оружием горожан, входивших в состав обороны города — ремесленников (посадских людей). Затем им стали вооружать пехотные подразделения русской поместной рати.

Наряду с огнестрельным оружием, в XVI в. в военном деле еще широко находит применение метательное оружие (саадаки — луки со стрелами), которое по скорострельности, бесшумности выстрела и некоторым другим качествам успешно конкурирует с ручным огнестрельным оружием.

Коллекция стволов русских ружей XV—XVI вв. Артиллерийского исторического музея имеет большую историческую ценность; особенно большой интерес представляют стволы XV и первой половины XVI в., являющиеся уникальными для изучения истории нашего отечественного оружейного производства.

²² Известия русского генеалогического общества, вып. III, СПб., 1909, отдел II, стр. 212. Выписка из Мещерских десятень 7079. Голохвастовы. Акты, относящиеся до рода дворян Голохвастовых, собранные Дмитрием Павл. Голохвастовым, М., 1848, стр. 63; Боярский род Колычевых. М., 1886, стр. 130; Рязжская десятина, 1579. Материалы архива Министерства Юстиции, т. 8, раздел II, стр. 219—233. (Всего по Рязжской десятине 100 человек, ни один из них не имел огнестрельного оружия); Коломенская десятина, 1577 г. МАМЮ, т. 8, раздел II, стр. 1—25. (Всего по Коломенской десятине 310 человек, ни один из них не имел огнестрельного оружия); Духовная грамота князя Ивана Ивановича Кривоборского (не позднее 1513 г.). Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пг., 1922, стр. 43—46; Духовная грамота Дмитрия Григорьевича Плещеева 1558—1559 гг. Н. П. Лихачев. Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках, СПб., 1895, стр. 33. Духовная грамота Семена Дмитриевича Пешкова-Сабурова, 1560 г. Там же, стр. 47; Духовная грамота Василия Петровича Кутузова, 1560—1561 гг. Там же, стр. 50—54; Духовная грамота Ивана Васильевича Лигова, 1567—1568 гг. Там же, стр. 57; Духовная грамота Матвея Дмитриевича Пыжева, 1585—1586 гг. Там же, стр. 62; Духовная грамота князя Ивана Михайловича Глинского, 1586 г. Там же, стр. 64; Духовная грамота боярина Г. И. Колычева, 1570 г., Боярский род Колычевых. М., 1886, стр. 131.

РЕСТАВРАЦИЯ И КОНСЕРВАЦИЯ ДРЕВНИХ ДЕРЕВЯННЫХ ПОВОЗОК ИЗ ЗАКАВКАЗЬЯ И АЛТАЯ

С 1952 по 1959 г. автором настоящей статьи были восстановлены и законсервированы восемь древних больших деревянных повозок с ярмами, дышлами и другими деталями.

1. Четырехколесная колесница V в. до н. э. из V Пазырыкского кургана, найденная в 1949 г. С. И. Руденко (колеса со ступицами и спицами).

2. Четырехколесная повозка середины II тысячелетия до н. э., найденная в 1958 г. О. М. Джапаридзе при раскопках в высокогорном районе Триалети (Грузинская ССР). Каждое колесо повозки состоит из трех частей, изготовленных из цельного дерева и скрепленных между собой шипами. На повозке имеются рельефные резные украшения.

3—5. Три четырехколесные повозки конца II тысячелетия до н. э., с резными украшениями. Эти колесницы были найдены А. О. Мнацаканяном в 1957—1958 гг. в курганах у селения Лчашен на северо-восточном берегу оз. Севан (Армянская ССР). Каждое колесо этих повозок состоит из трех частей, которые при помощи шипов связаны между собой. Повозки имеют шатровое плетеное перекрытие (рис. 1 и 2).

6—7. Две двухколесные повозки конца II тысячелетия до н. э., найденные также в 1957—1958 гг. в Лчашенских курганах. Колеса имеют ступицы и спицы (рис. 3).

8. Шатровое перекрытие от четырехколесной повозки, найденной в 1958 г. в Лчашене. Конец II тысячелетия до н. э. (Колеса и прочие детали не сохранились).

Реставрация и консервация колесницы из Пазырыкского кургана проводилась путем пропитывания всех деталей растворами синтетической смолы поливинилбутираль (ПВБ).

В данном случае эта смола была использована потому, что все детали этой колесницы к моменту реставрации были совершенно высохшими.

При выпрямлении некоторых деформированных частей повозки приходилось вымачивать их несколько суток в двухпроцентном растворе ПВБ. Задерживая искусственно быстрый процесс испарения растворителя, детали повозки постепенно выпрямлялись с помощью гнета.

Для консервации всех закавказских повозок и их деталей, изготовленных из различных древесных пород (дуб, бук, сосна, ильм), найденных в сильно увлажненном состоянии, был использован другой метод консервации, разработанный автором в 1955—1957 гг.¹ Этот метод стабилизации

¹ Е. А. Румянцев. Применение синтетических смол для закрепления и консервации древних предметов при археологических работах. Тр. Гос. Исторического музея Армении, т. V, 1959; его же. Стабилизация насыщенной влагой древесины, найденной при археологических раскопках. КСИИМК, вып. 72, 1958; его же. Один из способов консервации кожи. Там же, стр. 100; его же. Использование синтетических смол при археологических раскопках. КСИИМК, вып. XLIX, 1953.

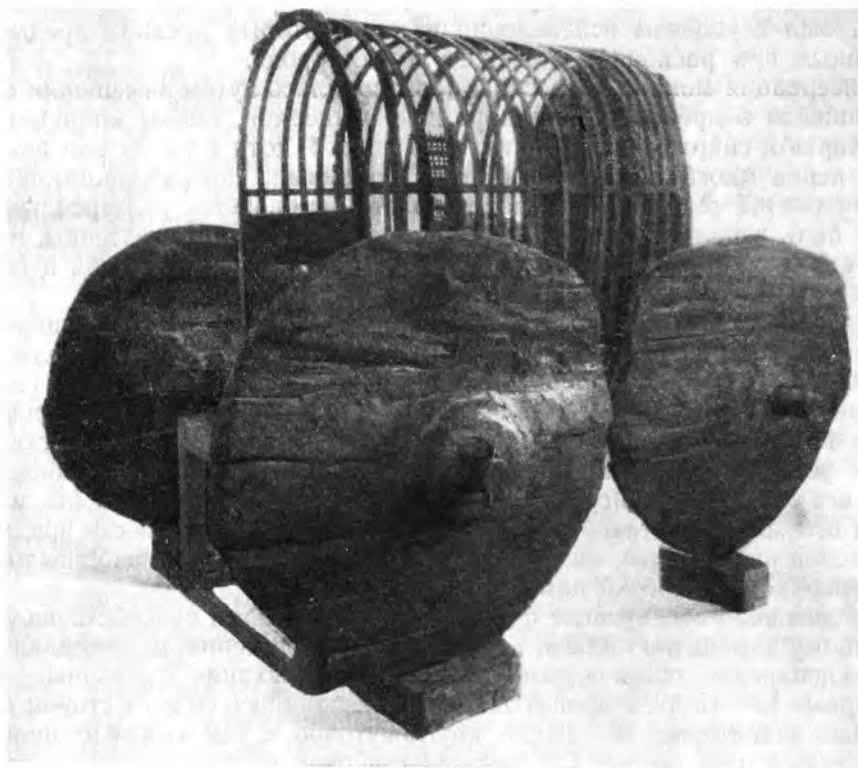

Рис. 1. Повозка из кургана № 1 в Лчашене (после реставрации), Армянская ССР. Конец II тыс. до н. э.

Рис. 2. Повозка из кургана № 2 в Лчашене (после реставрации), Армянская ССР. Конец II тыс. до н. э.

древних деревянных памятников, извлеченных при раскопках из мокрой почвы, был с успехом использован и на некоторых древних предметах, найденных при раскопках в Пскове и Новгороде.

Консервация мокрой древесины производилась путем замещения воды, находящейся в древесине, раствором из глицерина, смолы «поливиниловый спирт» и спирта-ректификата. Этот способ, хотя и имеет ряд преимуществ перед многими уже известными приемами, употреблявшимися ранее для тех же целей, все же, надо сказать, не является универсальным и может быть использован лишь для консервации мокрой древесины, имеющей от 200 до 300% влаги по отношению к весу сухого дерева и сохранившей еще некоторую механическую прочность.

Колеса и все фрагменты колесниц пропитывались с помощью широких, мягких щеток и кистей раствором глицерина и синтетической смолы «поливиниловый спирт», с добавлением до 20% спирта-ректификата. На каждый литр глицерина добавлялось 60—80 г смолы «поливиниловый спирт» и до 200 см³ спирта-ректификата. Пропитывание этим раствором сильно увлажненной древесины обеспечило консервацию памятника, увеличив его стойкость к гигротермическим изменениям при дальнейшем хранении, а также значительно увеличило механическую прочность предмета, не изменив ни фактуры, ни подлинного цвета древесины и не скрыло следов первичной обработки памятника.

Ежедневное последующее пропитывание раствором способствовало постепенному замещению влаги, находящейся в древесине, и, замедляя процесс ее испарения, обеспечивало нормальное высыхание древесины.

Первые 12—15 дней пропитывание производилось со всех сторон одновременно и повторно, 10—12 раз круглосуточно, с тем чтобы не произошла деформация дерева. Со стороны торцовой части пропитка проводилась более интенсивно, так как именно влага испаряется примерно в четыре раза быстрее, чем со стороны радиального разреза, а со стороны тангентального сечения испарение протекает в два раза медленнее, чем с радиального. В последующие дни количество повторных пропиток было снижено до четырех-шести раз в сутки. Через месяц с момента начала пропитки последняя производилась через два-три дня и продолжалась в течение двух-трех месяцев.

Обработка сильно увлажненной древесины должна производиться до полного насыщения древесины раствором и до тех пор, пока поверхности предмета не перестанут высыхать.

Количество и продолжительность повторных пропиток зависят от влажности древесины, от толщины и объема предмета, от породы дерева, а также от тех гигротермических условий, при которых производится работа. Вот почему количество пропиток не может быть постоянным. После каждой пропитки, особенно на ночь, древесина накрывалась брезентом, чтобы частично замедлить процесс испарения влаги и для более глубокого проникновения раствора. При последних пропитках количество поливинилового спирта снижалось до 2—3%.

Пропитка мокрой древесины производилась, как выше указывалось, со всех сторон одновременно. Первые 15—20 дней, в целях глубинной пропитки и уменьшения вязкости раствора, детали обрабатывались подогретым до 60—70° С раствором.

Обработка деталей колесниц производилась на брезенте. Стекавший на брезент раствор использовался вновь, что давало возможность приблизительно учесть общее количество раствора, поглощенного древесиной. Появлявшийся блеск указывал на излишек глицерина. Этот блеск легко удалялся чистой мягкой тряпкой, смоченной в теплой воде, и последующим обтиранием сухой тряпкой.

Весь процесс высыхания древесины после обработки, т. е. испарение лишней влаги, в зависимости от породы и объема предмета, протекает от нескольких недель до четырех-шести месяцев. Очень полезно бывает через

месяц-два после окончания пропитки, особенно если будут ясно видны поверхностные высыхания, произвести еще два-три раза обработку раствором.

Для того чтобы определить примерное количество раствора, нужного для пропитки, выявлялось состояние влажности древесины (насыщенность ее влагой по отношению к весу сухой древесины). Небольшой обломок древесины взвешивался в мокром состоянии и немедленно высушивался на солнце или же в термостате. Разница мокрого и сухого веса приблизительно указывала степень насыщения влагой.

Определив (как можно точнее) вес всех мокрых деталей и учитывая, что для стабилизации древесины необходимо сохранить ей гигроскопическую влажность в пределах 30—32%, мы можем довольно точно узнать потребное количество раствора, с учетом обязательных некоторых потерь при пропитке.

Взвешенный в мокром состоянии один из обломков триалетской повозки весил 703 г, в высушенном состоянии он весил 201 г; таким образом, процент насыщения определился примерно около 250%. Для обеспечения 30—32% гигроскопической влажности в остальные детали вводилось на каждые 1000 г мокрой древесины около 120—140 см³ раствора (с учетом его потери).

Вес колеса триалетской повозки в мокром состоянии составлял 61 кг (при насыщении влагой порядка 280—310%). На основании расчетов в каждое из этих колес было введено (с учетом потерь) около 8000—8500 см³ раствора.

Когда в полевых условиях не представляется возможности определить процент насыщенности древесины влагой путем взвешивания, необходимо, учтя сохранность и породу древесины, определить этот процент примерно, нажатием на древесину пальцем, отчего должна выступить влага. Крайне желательно всегда иметь специальный прибор для определения влажности в древесине.

Количество израсходованного раствора на каждую большую повозку составило в среднем 100—110 л глицерина, 20—24 л спирта-ректификата и 10—11 кг смолы «поливиниловый спирт» (в порошке).

Как подтвердили наблюдения и проверка, спирт-ректификат при восстановлении триалетской повозки не только способствовал уменьшению вязкости раствора глицерина, а следовательно, и более глубокому проникновению его в древесину, но в некоторых случаях (например, в колесах) растворял остатки естественной смолы соснового дерева.

Для того чтобы приготовить раствор, необходимо предварительно, за 6—8 часов, поливиниловый спирт замочить в теплой воде (если он в порошке). После этого он при постоянном помешивании вливается в разогретый до 70°С глицерин. (Глицерин можно употреблять и технический.) Когда поливиниловый спирт полностью растворится в глицерине, в раствор следует влить спирт-ректификат. (На каждый литр раствора 150—200 см³ спирта.)

Подогрев раствора производится в паровой бане. (Ведро с раствором помещается в другое ведро с водой, которое подогревается на электрической плитке или на костре.) При подогреве раствора следует быть весьма осторожным, приняв соответствующие противопожарные мероприятия.

Перед пропиткой все колеса и другие детали повозок подвергались нами, при постоянном смачивании, тщательной очистке от глины и других засорителей, заполнявших трещины. Эта очистка проводилась с помощью деревянных заостренных палочек или кистей. Следует помнить, что оставшаяся в трещинах глина может способствовать при своем затвердевании разрыву древесины.

В тех случаях, когда требовалось произвести выпрямление небольших плоских деталей, последние продолжительное время вымачивались в теплом растворе и при постепенном увеличении веса гнета выпрямлялись.

Гнет не должен закрывать всей площади выпрямляемого предмета. Иначе произойдет неравномерный процесс испарения.

После пропитки всех отдельных деталей производилась их сборка. Все распавшиеся фрагменты скреплялись между собой длинными медными шпильками, легко проходящими через сырую древесину. Выпады и недостающие куски заделывались заполнителем — сухие дубовые или буковые мелко просеянные опилки, смешанные с небольшим количеством отсеянного порошка смолы поливинилбутираль и восьмипроцентным раствором этой же смолы на спирте-ректификате и бензоле (500 см³ спирта-ректификата, 500 см³ бензола и 80 г смолы ПВБ). Все это тщательно перемешивалось и с помощью эластичной металлической пластинки вводилось в трещины, которые предварительно с помощью кисти обрабатывались с внутренней стороны 8%-ным клеевым раствором ПВБ. После затвердения заполнителя все заделки тонировались под цвет древесины насыщенным раствором марганцово-кислого калия. Опилки можно предварительно окрасить водным раствором марганцово-кислого калия, но в этом случае перед использованием в качестве заполнителя их следует тщательно просушить.

Все колесницы после реставрации легко разбираются на отдельные части. При повторной сборке секции колес соединялись между собой новыми шипами. Фрагменты от ярма и дышла монтировались с помощью медных шпилек на досках, вырезанных по форме. Пустоты здесь также заделывались заполнителем. Сохранившиеся обломки от шатра колесниц закреплялись на узких фанерных полосах.

Для успешной стабилизации и реставрации деревянных предметов, найденных при раскопках в сильно увлажненном состоянии, необходимо придерживаться следующих правил: никакой предварительной просушки не производить и немедленно после подъема на дневную поверхность предметов в мокром виде приступить к пропитке; обработку следует производить в затененном месте и на брезенте.

Если же в полевых условиях запаса раствора не окажется, то в таком случае все детали срочно должны быть промыты водой, очищены от глины и песка и дополнительно увлажнены. После такой предварительной очистки и увлажнения древесина заделывается в пакеты — конверты из бутиральной пленки. Долгое хранение мокрой древесины в этих конвертах не рекомендуется. Пакеты эти укладываются в ящики, на дно которых для амортизации помещается мокрое сено. Совершенно недопустимо держать мокрую древесину, извлеченную на поверхность, на открытом воздухе, особенно под действием солнечных лучей и ветра.

Вследствие дважды допущенных ошибок в 1957 и 1958 гг. все фрагменты лчашенских повозок были доставлены в реставрационные мастерские в сильно изломанном и деформированном виде, с большими разрывами и трещинами, так как они несколько суток находились под открытым небом. При реставрации этих колесниц потребовались значительные новые доделки.

Наоборот, немедленная и тщательная упаковка, а также своевременная реставрация способствовали успешной консервации и реставрации триалетской повозки. Здесь, за исключением новых осей и рамы, доделки отсутствуют. Заполнитель применялся в исключительных случаях.

Обработка мокрых предметов в реставрационных мастерских должна также проводиться немедленно после поступления. В ответственных случаях крайне желательно и полезно привлекать к этим работам опытного специалиста — реставратора.

При проведении реставрационных работ следует иметь в виду, что древесина, насчитывающая несколько тысячелетий, утратившая внутреннюю структуру и впитавшая в себя свыше 200—300% влаги, в отличие от свежесрубленного дерева или даже древесины с давностью в 300—400 лет, сильно набухает. Вследствие этого обильно набухшая древесина не дает

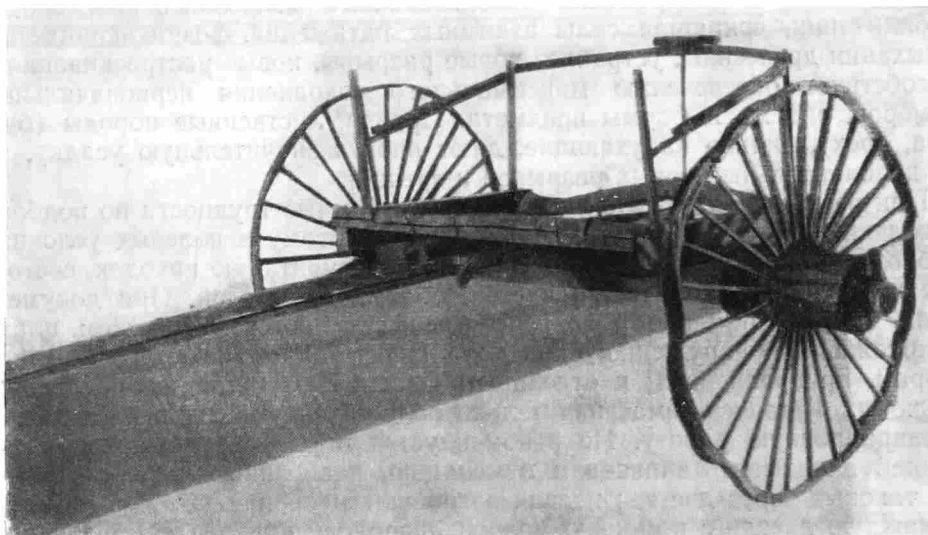

Рис. 3. Повозка из кургана № 6 в Лчашене (после реставрации), Армянская ССР.
Конец II тыс. до н. э.

возможности сразу же при нахождении ее обнаружить старые разрывы и трещины, происшедшие в древесине в период бытования или в процессе набухания в мокрой почве. При высыхании такой древесины, после обработки ее вышеуказанным раствором, эти разрывы и трещины не увеличиваются, но становятся ясно видимыми и легко могут быть отличимы от новых, если бы таковые почему-либо произошли. Цвет новых трещин всегда бывает значительно светлее, чем цвет старых.

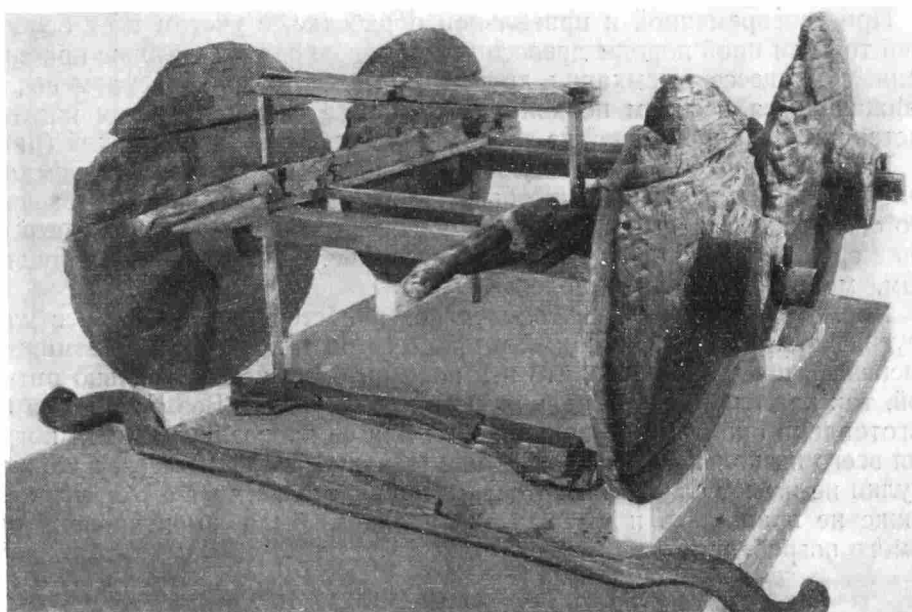

Рис. 4. Повозка из кургана № 1 в Триалети (после реставрации), Грузинская ССР.
Середина II тыс. до н. э.

Правильно и своевременно использованный вышеописанный способ стабилизации, сокращая силы взаимных натяжений, возникающих при высыхании древесины, устраняет новые разрывы, новые растрескивания и способствует обеспечению максимального сохранения первоначальных размеров, объема и формы предмета. Правда, листовые породы (бук, липа, орех), сильно набухающие, дают иногда значительную усадку, но без дополнительных новых разрывов и трещин.

При реставрации повозок встретились огромные трудности по подбору нескольких сотен разрозненных обломков, а потому в полевых условиях необходимо обращать особое внимание на документацию находок, состоящих из большого количества частей, обломков, деталей. При документации, помимо обмеров и зарисовок, следует на схематическом плане расположения обнаруженного предмета наносить цифры, соответствующие цифрам, прикрепленным к отдельным фрагментам в той же последовательности. Такая система значительно облегчит и уточнит последующую реставрационную работу. Не рекомендуется в упаковку с мокрой древесиной вкладывать записки и нумерацию, написанные чернилами, так как таковые через две-три недели загнивают и пропадают. Лучше всего на каждую деталь с помощью медной проволоки прикреплять фанерную бирку, на которой тушью наносится номер, соответствующий номеру, указанному на плане.

Обуглившуюся сухую древесину, чтобы она не рассыпалась, надлежит плотно обернуть марлевым бинтом, после чего через эту марлю пропитать 2—3% раствором ПВБ.

Мокрую древесину с явно выраженными признаками гниения и не сохранившую достаточной механической прочности следует два-три раза обработать путем поливки 10—20% раствором смолы поливинилбутираль. Через 5—8 минут после поливки смола, в процессе коагуляции, образует плотную пленку, которая дает возможность через минут 15—20 осторожно подкопать предмет и, повернув его, вновь обработать этим же раствором с обратной стороны. Образовавшаяся пленка придает прочность и задерживает процесс испарения влаги. В лабораторных условиях, с помощью шприца, в древесину, находящуюся в пленке, вводится раствор ПВБ, после чего через некоторое время пленка легко может быть удалена.

При своевременной и правильной обработке, с учетом всех особенностей той или иной породы древесины, сторон ее срезов, а также при замедленном процессе высыхания древесина может сохранить размеры, приближающиеся к своим первоначальным. Все сказанное нами подтверждается реставрацией одной из древнейших повозок — триалетской (рис. 4).

В заключение остается рассмотреть вопрос о том, как вращались колеса триалетской повозки: на оси или целиком, вместе с нею. Было выяснено, что оси повозки закреплялись специальными вырезами в раме, да и сама ось в средней части была квадратная (на рис. 4 она лежит на полу за яром, между передними колесами).

Кроме того, тщательный осмотр поверхностей колес, осей и втулок и других деталей, произведенный в процессе реставрации, дал возможность высказать предположение, что эта повозка была исключительно ритуальной, так как следов пользования ею не обнаружено. Возможно, она была изготовлена около места захоронения или ее провезли до места погребения всего несколько десятков метров. Наружный обод колеса, а также его втулки не имеют следов потертости; это свидетельствует о том, что колеса также не вращались и что повозка целиком была смонтирована около самого погребения.

ЗАМЕТКИ

Ф. М. ЗАВЕРНЯЕВ, Е. А. ШМИДТ

НОВАЯ НАХОДКА НИЖНЕГО ПАЛЕОЛИТА НА ВЕРХНЕЙ ДЕСНЕ

До настоящего времени на Верхней Десне было известно только одно место находок мустьерского времени — у дер. Неготино. Это самая северная стоянка мустьерского человека в Днепровском бассейне; остатки ее перекрыты мощными четвертичными отложениями.

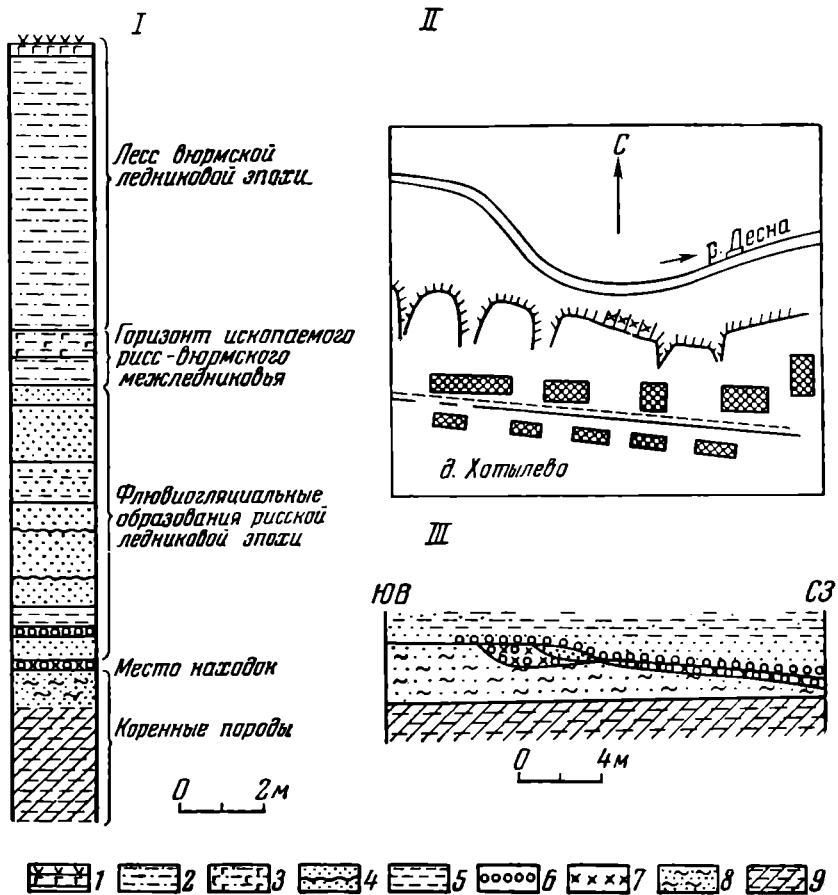

Рис. 1. Место находок палеолитических орудий у дер. Хотылево

I — схематический геологический разрез места находок; II — схематический план места находок палеолитических орудий; III — разрез места находок
 1 — современная почва; 2 — лёсс; 3 — лёсс с гумусовыми прослойками; 4 — пески с глинистыми прослойками; 5 — глина; 6 — гравий; 7 — находки обработанных кремней и костей животных; 8 — глауконитовый песок; 9 — глины слюдястые темные

За последние два десятилетия местными краеведами и учащимися были сделаны единичные находки костей мамонта и отдельных кремневых

сколов палеолитического облика у дер. Хотылево, расположенной в 12 км северо-западнее г. Брянска, на правом берегу р. Десны. Только незначительная часть этих находок поступила в Брянский краеведческий музей, причем не было указано их точное местонахождение.

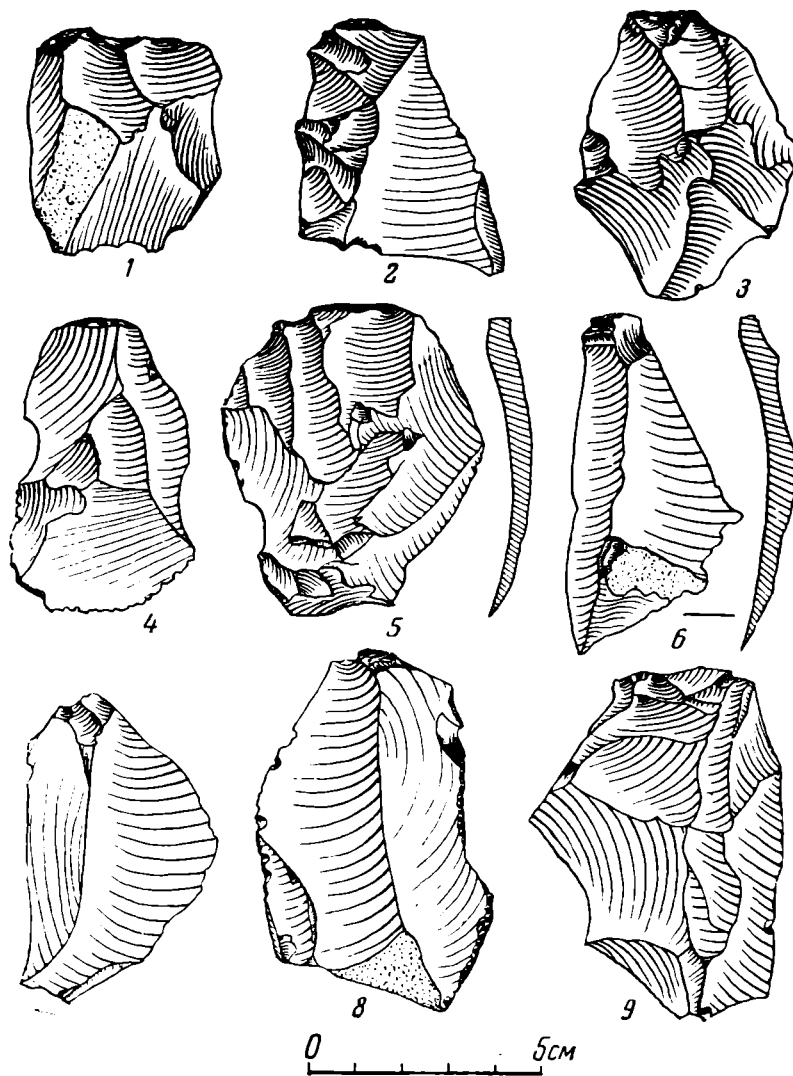

Рис. 2. Кремневые отщепы

Эти сведения послужили причиной тщательного обследования окрестностей дер. Хотылево, предпринятого в 1958 г. авторами настоящей статьи¹.

В результате обследования установлено, что непосредственно на северной окраине дер. Хотылево, на правом берегу р. Десны, в обнажении коренного берега есть культурный слой, содержащий значительное количество кремней, обработанных рукой человека, и отдельные кости ископаемых четвертичных животных. Часть кремневого материала вымыта из коренного берега и встречается переотложенной вдоль уреза р. Десны.

¹ В обследовании принимал участие В. Я. Алексеев.

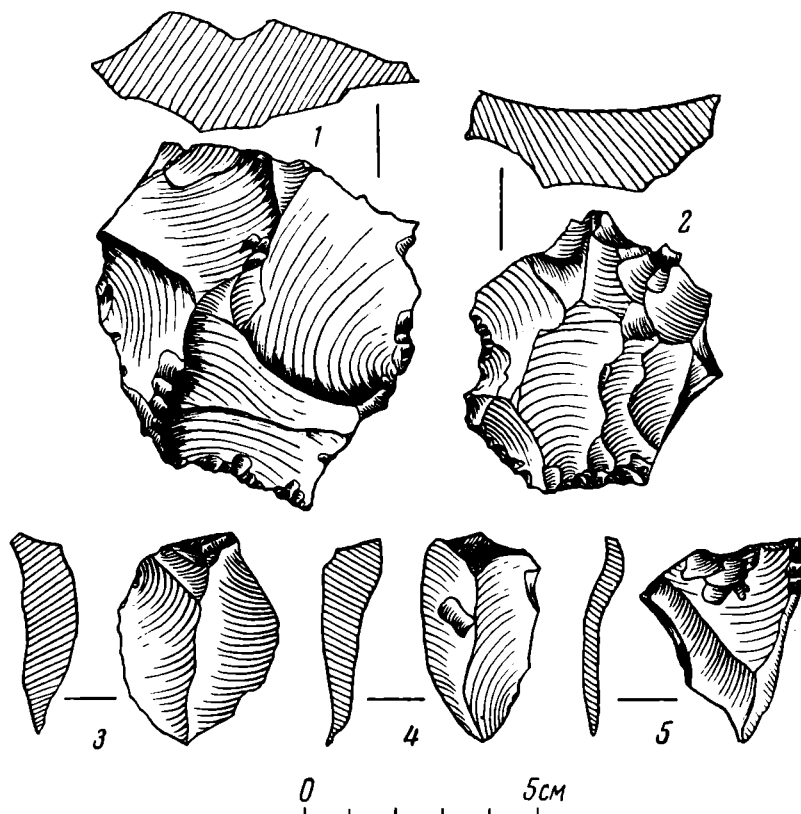

Рис. 3. Кремневые отщепы и нуклеусы

Стратиграфию этого участка можно представить в следующем виде (рис. 1, I).

1. Почвенный слой	0,3 м
2. Светло-желтый лёсс	7,0 м
3. Лёсс с черными гумированными прослойками	0,6 м
4. Светло-желтый лёсс	0,7 м
5. Песок кварцевый, светлый, желтовато-коричневый	0,6 м
6. Песок темный, коричнево-буроватый	1,4 м
7. Песок светло-желтый с зеленоватыми глинистыми прослойками	0,7 м
8. Песок кварцевый, белый, мелкозернистый с зеленоватыми и желтыми прослойками	8,0 м
9. Глина зеленоватая с охристыми прожилками	0,5 м
10. Гравийная прослойка	0,15 м
11. Песок слоистый светло-зеленый	0,7 м
12. Галечник с находками палеолитического времени	0,1 м
13. Песок глауконитовый, темно-зеленый	1,0 м
14. Глина синевато-зеленоватая	1,5 м и более

Культурный слой представляет собой окатанный галечник с примесью крупнозернистого кварцевого песка, отдельных валунов и крупных окатанных фосфоритов; местами все это окрашено окислами железа и имеет темно-бурый цвет. Залегает культурный слой непосредственно на коренных породах меловой системы — на глауконитовых песках, сверху он перекрыт толщей четвертичных отложений в 15,65 м.

При зачистке галечного слоя на протяжении около 30 м установлено, что галечник занимал пологий берег какого-то водоема, скорее всего реки, и поэтому имеет уклон с юго-востока на северо-запад (рис. 1, III). Основная масса находок располагалась на возвышенной восточной стороне галечника, однако отдельные кремневые отщепы и кости находились и в

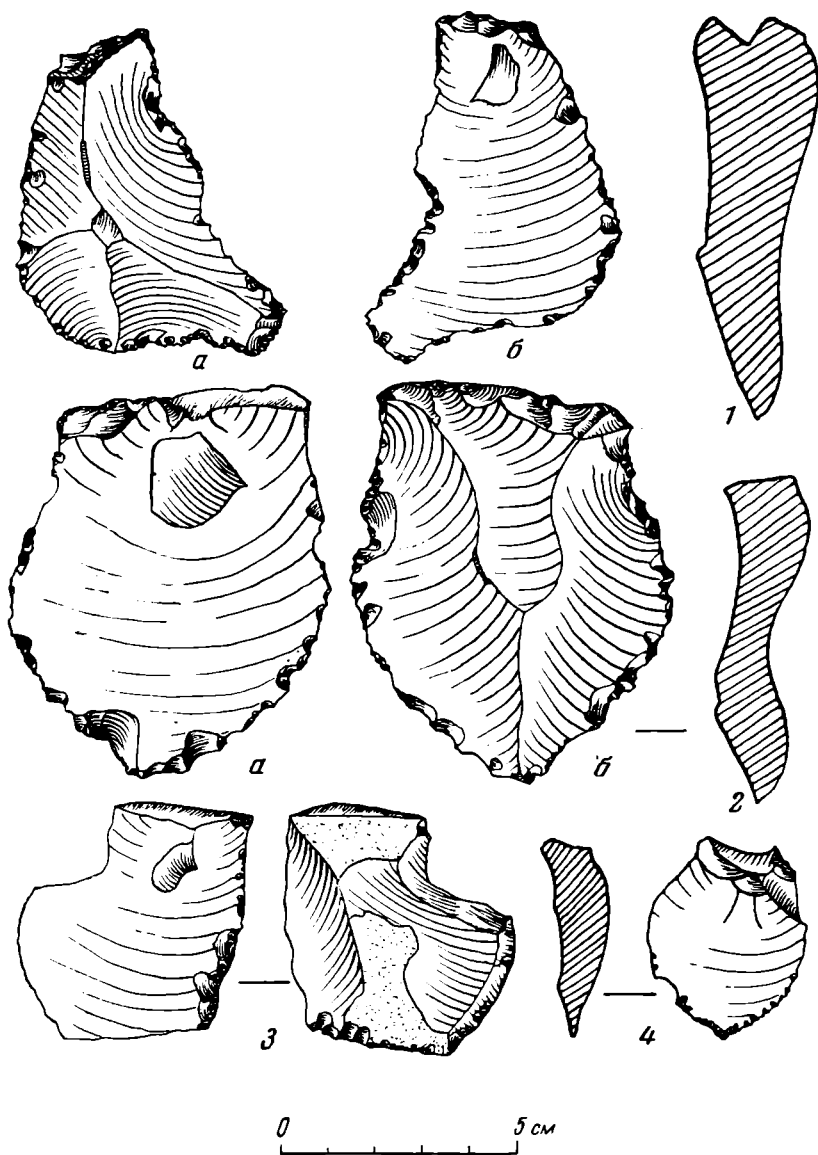

Рис. 4. Кремневые скребла и остроконечники

средней, несколько пониженной, части. Восточная часть галечника утолщена и представляла собой линзовидное расширение. Можно предполагать, что нижнепалеолитическое поселение располагалось прямо на галечном берегу водоема.

Непосредственно в слое галечника найдено несколько десятков кремневых отщепов (рис. 2, 1—9), типичных по форме для техники скола мустьерского времени, а также треугольные отщепы довольно стандартных форм (рис. 3, 3—5). Обнаруженные нуклеусы имеют дисковидную форму (рис. 3, 1, 2).

Часть наиболее правильных отщепов дополнительно подретуширована и напоминает либо остроконечники (рис. 4, 1, 4), либо скребла (рис. 4, 2, 3; рис. 5, 3); все эти орудия несут следы значительной сработанности. Кроме того, найдены скребло с клювовидным выступом (рис. 5, 2) и большое грубое рубящее орудие со следами обработки и значительной одно-сторонней сработанности на остром рубящем крае (рис. 5, 1).

Для изготовления орудий использовался черный кремнь. Все они не имеют синеватой патины.

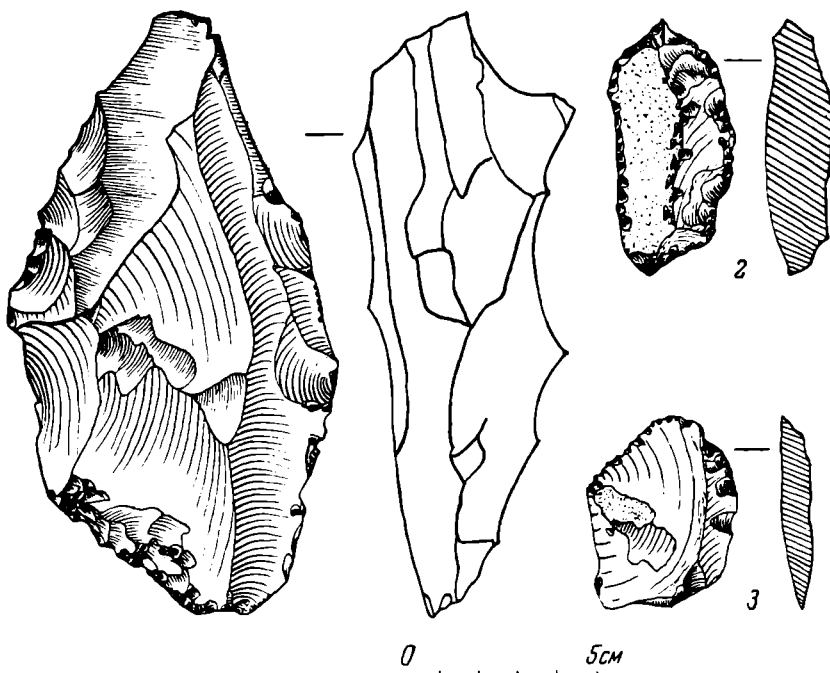

Рис. 5. Кремневые орудия

Костный материал представлен обломками костей животных с довольно острыми краями сломов. Большая часть обломков костей неопределима. Есть обломки ребер крупного копытного животного и, возможно, мамонта.

Хорошая сохранность кремневого инвентаря и неокатанность костей говорят о том, что скорее всего все эти остатки палеолитического человека залегают непосредственно на месте поселения. Однако это может подтвердиться только в результате дальнейших исследований.

Сравнивая условия залегания культурного слоя у дер. Хотылево с таковыми на нижнепалеолитической стоянке у дер. Неготино и анализируя весь кремневый инвентарь, предварительно можно отнести данное местонахождение к мустьерскому времени.

Г. М. БУРОВ

СТОЯНКИ С МИКРОЛИТИЧЕСКИМ ИНВЕНТАРЕМ НА р. ВЫЧЕГДЕ

Бассейн р. Вычегды в археологическом отношении изучен очень слабо, причем памятники древнее I тысячелетия до н. э., исключая несколько случайных находок крупных орудий, в нем до последнего времени достоверно не были известны. В результате разведки, проведенной Коми филиалом АН СССР в 1957 г. в долине реки, от г. Сыктывкара до самых верховий (протяженность маршрута свыше 600 км), были обнаружены 15 стоянок, относящихся к различным периодам каменного века и эпохи раннего железа (рис. 1). Среди них выделяются семь памятников, инвентарь которых представлен в основном мелкими ножевидными пластинками, в отличие от других поселений, где пластины отсутствуют или встречаются единицами.

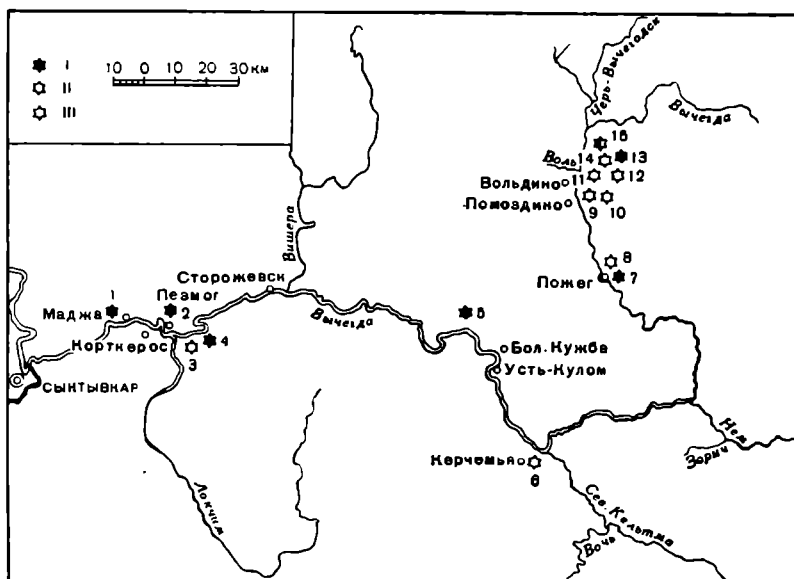

Рис. 1. Карта археологических памятников Верхней Вычегды

I — стоянки с микролитическим инвентарем; II, III — стоянки с орудиями на отщепе
 1 — Курьядор; 2 — Пезмог; 3 — Нидзь I; 4 — Нидзь II; 5 — Ульяново; 6 — Керчьмя;
 7 — Пожег; 8 — Пожегдья; 9 — Чуддинты I; 10 — Чуддинты II; 11 — Ягкодж I;
 12 — Ягкодж II; 13 — Ягкодж III; 14 — Ягкоджты; 15 — Кузьвомын

Такие стоянки встречены в трех районах: три пункта (Курьядор, Пезмог и Нидзь II) находятся в нижней части обследованного участка р. Вычегды, близ с. Корткероса, одна стоянка (Ульяново) — в средней части, в районе с. Усть-Кулом и три (Пожег, Ягкодж III и Кузьвомын I) — в верховьях реки, в районе с. Помоздино.

Стоянка у дер. Курьядор. Первая стоянка была открыта на правом берегу р. Вычегды, в 1 км ниже дер. Курьядор. Памятник расположен у самого русла, на останце бортовой террасы между двумя оврагами, достигающей высоты 15 м. Его уступ, обращенный к реке, разрушен. Культурные остатки в виде подъемного материала встречены на уступе, в двух пунктах: в северо-восточном (45 × 5 м) и юго-западном (15 × 10 м), расстояние между которыми 30 м. Зачистка обнажений и шурфовка, произведенные на стоянке, не дали результатов.

На Курьядорской стоянке собрано 915 кремней, причем 745 происходят из первого пункта. Среди них нуклеус, 13 частей нуклеусов, 325 пластин (считая и обломки), 110 отщепов, 90 аморфных кусков кремня, часто с коркой, 375 мельчайших отщепов и чешуек. Преобладает кремьен коричневой, красной, желтой и темно-серой окраски, реже встречается серый и белый.

Нуклеусы представлены одним целым экземпляром (рис. 2, 1), тремя обломками (рис. 2, 2, 3) и 10 поперечными сколами, снятыми в целях обследования отжимной площадки (рис. 2, 4). Целый экземпляр имеет правильную конусовидную форму и 14 негативов от снятых микропластинок. Площадка покрыта мелкими фасетками неправильной формы. Длина нуклеуса — 4,6 см, диаметр отжимной площадки — 1,5 см. Все части нуклеусов, кроме четырех сколов, принадлежат микронуклеусам с правильными негативами снятых узких (0,3—0,5 см) ножевидных пластин (рис. 2, 2—4); у четырех поперечных сколов негативы шириной 0,6—1,2 см.

Пластины отличаются ярко выраженной микролитондностью, резким преобладанием экземпляров шириной 0,5—1 см, хотя встречаются ножевидные пластинки уже 0,3 см и шире 1,5 см (рис. 2, 5—11, 13—17, 19—26). Кроме тонких, ножевидных пластин, в коллекции есть небольшое

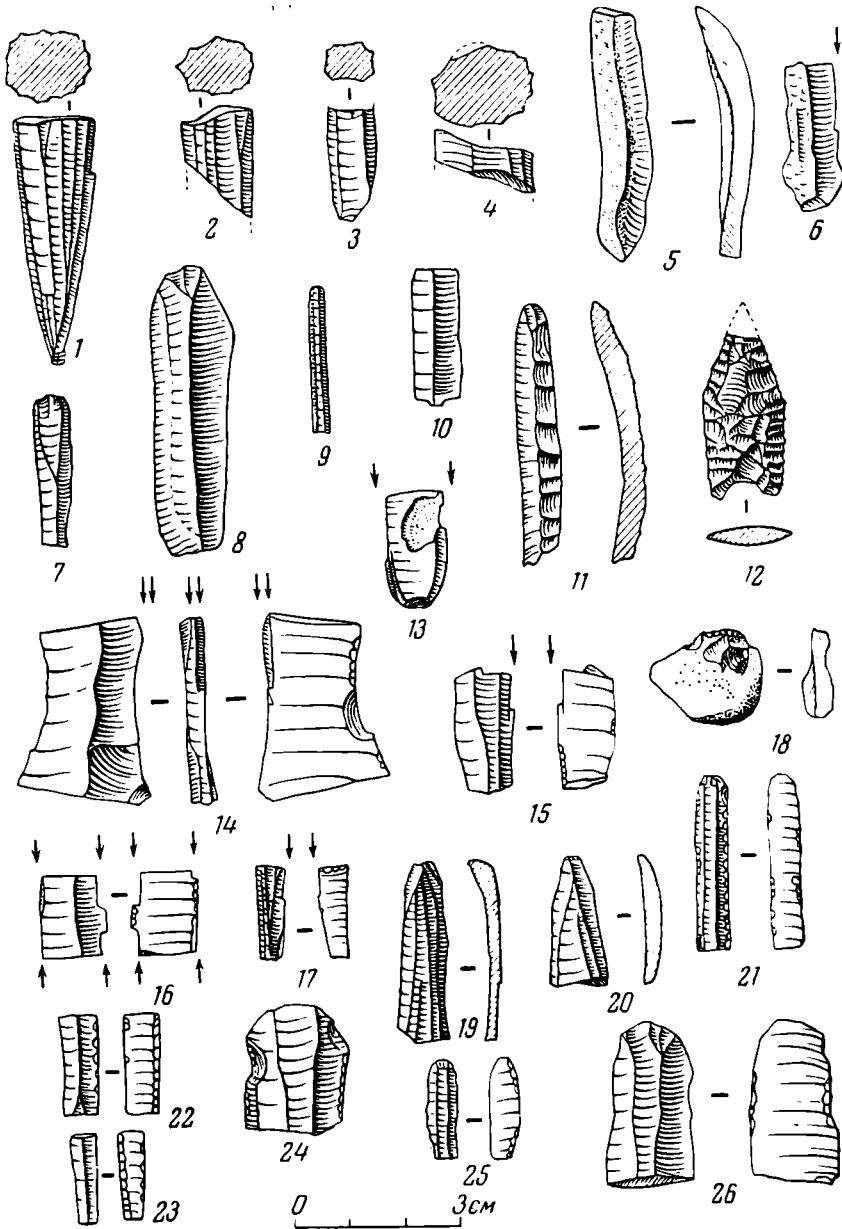

Рис. 2. Кремь со стоянки Курьядор

1—4 — нуклеус и части нуклеусов; 5—11, 13—17, 19—26 — пластины; 6, 13—17 — пластины с резовыми сколами; 12 — наконечник стрелы; 18 — отщеп с притупленным краем; 19—20 — пластины, у которых использовался конец; 21—26 — пластины с притупленными краями

количество более массивных трехгранных пластинок, одна из граней спинки которых имеет поперечные фасетки (рис. 2, 11). Целых экземпляров немного, они чаще дугообразного профиля (рис. 2, 5, 11). Большинство же правильно огранных пластин сломано, так что в коллекции преобладают прямые обломки с отжимным бугорком и призматические сечения (рис. 2, 7—10, 21—26).

70 обломков (в том числе многие шириной 0,4—0,5 см) имеют на краях следы преднамеренной вторичной обработки и, возможно, использования — в виде мелкой притупляющей ретуши, нанесенной чаще со стороны брюшка, чем со спинки (рис. 2, 21—26). Полтора десятка пластин несут на краях выщербины.

Можно считать, что части рассеченных ножевидных пластин служили преимущественно вкладышами составных орудий с костяной или деревянной основой.

У 40, преимущественно у крупных пластин, нанесены более или менее выраженные резцовые сколы (рис. 2, 6, 13—17). Некоторые из них могли использоваться как резцы типа на углу сломанной пластины.

Четыре небольшие высокие пластины дугообразного профиля имеют на своих суженных нижних концах мельчайшие фасетки, нанесенные со стороны брюшка (рис. 2, 19, 20). По-видимому, они применялись для обработки твердых материалов.

Половина собранных на стоянке отщепов — из низкокачественного, с коркой, кремня. У нескольких отщепов на краях прослеживается мелкая ретушь (рис. 2, 18).

Кроме нуклеусов, пластин и осколков, в коллекции имеются предметы, которые не входят в описанный комплекс находок. В северо-восточном пункте найден довольно правильный листовидный наконечник стрелы с выемкой у основания, покрытый плоской ретушью с обеих сторон (рис. 2, 12). На этом же местонахождении, но в другом месте, поднят обломок другого наконечника, грубой выделки.

Рядом с наконечником стрелы лежали четыре мелких невыразительных обломка глиняных сосудов. Три из них имеют пористую структуру; их тесто содержало растительные примеси, выгоревшие при обжиге; у одного из них сглаженная внутренняя поверхность. Четвертый обломок, более плотный, происходит от сосуда из глины с примесью кварца и слюды; сглаженные поверхности у него сохранились.

Топографическое положение Пезмогской стоянки аналогично расположению стоянки у дер. Курьядор: она находится на правом берегу р. Вычегды, на 15-метровом краю первой надпойменной террасы, выходящей здесь к урезу воды, между двумя эрозионными образованиями. Культурные остатки в виде подъемного материала встречены в выветренной полосе, лишенной подзолистого горизонта почвы, в основном на двух местонахождениях, площадью 20×10 м, расстояние между которыми 20 м. Закладка траншеи 10×1 м поперек границы разрушенной части террасы не дала культурных остатков.

Инвентарь Пезмогской стоянки составляют: нуклеус, 2 поперечных скола от нуклеусов, 192 пластины, 40 отщепов, более 10 аморфных кусков и более 60 мельчайших отщепов и чешуек — всего более 300 кремней. Как и в Курьядоре, господствуют коричневая, красная, желтая и темно-серая окраски использовавшейся породы.

Нуклеус имеет неправильную конусовидную форму и 14 негативов от снятых микропластин шириной 0,2—0,7 см (рис. 3, 1). Отжимная площадка изобилует неровностями; в поперечнике она равна 1,5 см. Длина нуклеуса — 5,5 см.

Пластины Пезмогской стоянки полностью аналогичны курьядорским (рис. 3, 3—11, 13—19, 21—26). Притупленность на краях имеется у 30 экземпляров (рис. 3, 3, 8, 13, 14, 17), выщербины — у 25, резцовые сколы — у 15 (рис. 3, 18, 19, 21). Высоких пластинок, у которых рабочей частью служил конец, в коллекции пять (рис. 3, 11, 26). У нескольких отщепов на краях также нанесена мелкая ретушь (рис. 3, 12), а у одного осколка — резцовый скол (рис. 3, 20).

На стоянке найдены два концевых скребка, имеющих дуговидные рабочие края, покрытые крутой ретушью с мелкими фасетками (рис. 3, 16, 25). Размеры одного из них 3×2 см (рис. 3, 16); второй экземпляр — обломок, шириной 1,5 см (рис. 3, 25).

Заслуживает особого внимания часть пластины шириной 1,2 см, имеющая черешок, покрытый со стороны брюшка краевой ретушью, возможно, обломок наконечника стрелы свидерского типа (рис. 3, 15).

Третья стоянка обнаружена в п. с. Нидзь, на краю первой надпой-

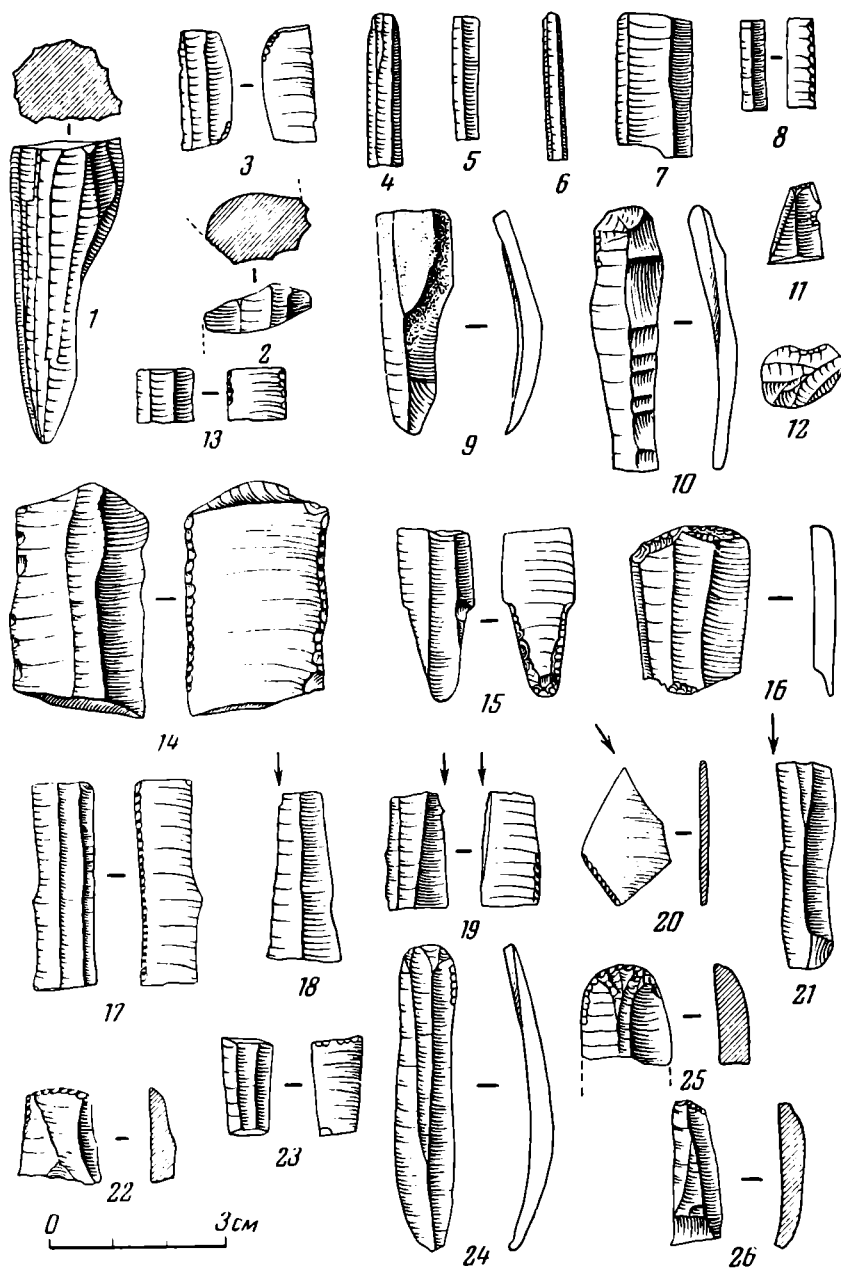

Рис. 3. Кремь со стоянки Пезмог

1 — нуклеус; 2 — поперечный скол от нуклеуса; 3—11, 13—19, 21—26 — пластины; 8, 13, 14, 17 — пластины с притупленными краями; 18, 19, 21 — пластины с резовыми сколами; 11, 22, 26 — пластины, у которых использовался конец; 16, 25 — концевые скребки; 15 — пластинка с черешком; 12 — отщеп с притупленным краем; 20 — осколок с резовым сколом

менной террасы левого берега Вычегды, в месте подхода реки к террасе. Культурные остатки найдены на небольшом возвышении (18 м), отделенном снизу промоиной, а сверху ложниной. На стоянке в двух пунктах собраны: пластина с притупленным краем длиной 4,1 см, шириной 1,2 см (рис. 4, 1), четыре сечения (рис. 4, 2—4), самое узкое из которых, размерами 1,6 × 0,6 см, имеет притупленный край (рис. 4, 3), а самое широкое (2, 2 см) — скребковую ретушь на конце (рис. 4, 2), и несколько отщепов.

Ульяновская стоянка удалена от описанных на 100 км. Она обнаружена в 3 км к юго-юго-западу от пос. Ульяново, на левом берегу устья впадающего в Вычегду ручья Дзеляоз. Стоянка занимает мыс, вы-

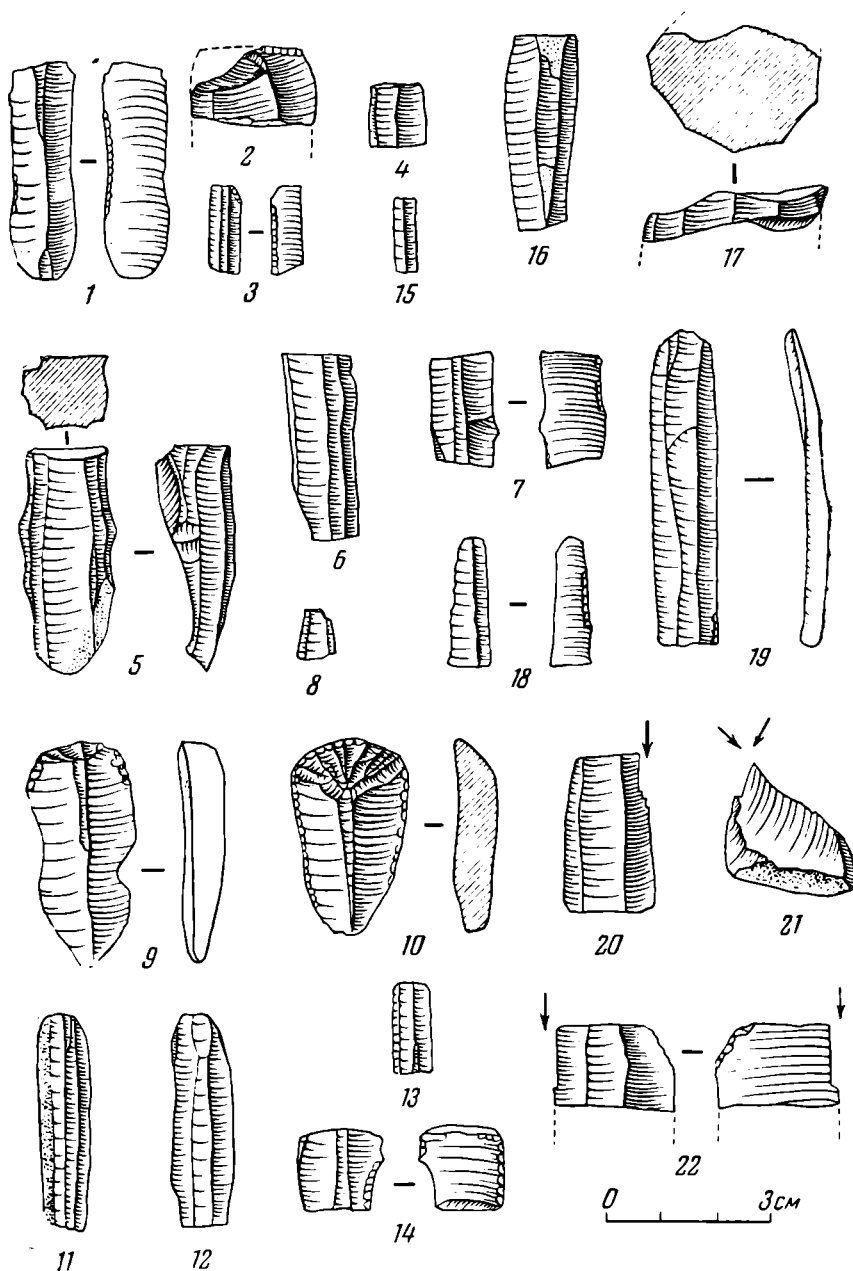

Рис. 4. Кремь с вычегодских стоянок.

1—4, 6—16, 18—20, 22—пластины 1, 3, 7, 14, 18 — пластины с притупленными краями; 2, 9, 10—скребки; 5—нуклеус; 17—поперечный скол от нуклеуса; 20, 22—пластины с резцовыми сколами; 21—отщеп с резцовыми сколами; 1—Нязь II; 3—8—Пожег; 9—14—Ягкодж III; 15—22—Ульяново

сотой более 18 м, размытой второй надпойменной террасы, отделенный от нее небольшим понижением.

Бедный подъемный материал найден на краю террасы, обращенном к р. Вычегде, на конце мыса и в 50 м к востоку. Во втором пункте при закладке разведочного шурфа после снятия гумусового горизонта (0,05 м) и подстилающего подзолистого горизонта (слоя белого песка мощностью 0,15—0,20 м) было обнаружено углубление в буроватом песке иллювия. Оно оказалось округлой формы (диаметром 0,5 м) и расплывчатого профиля (глубина 0,2 м). У дна углубления залегала угольная прослойка.

Углубление имело углистое заполнение, содержащее значительное количество осколков кварцевого песчаника и кремня микролитического облика: в яме было более 120 отщепов и аморфных осколков песчаника и до 45 кремней. Единичные находки были сделаны и в белом песке. Обнаруженная углистая линза является, вероятно, остатком древнего кострища.

Кремневый инвентарь Ульяновской стоянки представлен тремя обломками нуклеусов, 32 ножевидными пластинками, 11 отщепами, 15 мельчайшими отщепами и чешуйками, т. е. всего более чем 60 предметами. Кремнь различных цветов, без заметного преобладания какой-либо окраски. Предметы, извлеченные из кострища, несут следы действия огня.

В числе обломков нуклеусов — широкий продольный скол и два поперечных скола (рис. 4, 17). Все три обломка имеют негативы снятых пластин шириной 0,5—1 см.

Ножевидные пластинки, происходящие из Ульянова, отличаются такой же правильностью и микролитичностью, как и пластинки с предыдущих стоянок (рис. 4, 15, 16, 18—20, 22). У двух пластинок слегка притуплен край (рис. 4, 18). У четырех крупных экземпляров имеются резовые сколы (рис. 4, 20, 22).

У первого пункта обнаружены два мелких неорнаментированных обломка керамики; один из них порист, другой происходит от сосуда, глина которого содержала примесь кварца и слюды, со сглаженными поверхностями.

Пожегская стоянка. На верхней окраине с. Пожег, расположенного на левом берегу Вычегды, перпендикулярно руслу проходит пологий уступ второй (или третьей) надпойменной террасы к боровой. Надпойма омывается рекой и имеет обрывистый край. Против указанного уступа, где надпойма достигает высоты 12—15 м, на ее обнаженном краю, найдены 15 кремней, в том числе нуклеус, четыре ножевидные пластинки, отщеп, три аморфных куска, пять мельчайших отщепов.

Нуклеус характерен тем, что снятие пластин у него производилось только с одной стороны, вследствие чего в поперечном разрезе он полукруглый (рис. 4, 5). У нуклеуса имеется пять негативов от снятых пластин шириной от 0,3 до 1 см, но только две фасетки правильны. Отжимная площадка неровная, как у нижеописанных экземпляров, в поперечнике имеет 1,5 см; длина нуклеуса — 4,3 см.

Пластинки имеют ширину 0,7—1,2 см, достаточно правильно ограничены. В числе их целый экземпляр и три сечения (рис. 4, 6—8), одно из которых со слегка притупленным краем (рис. 4, 7).

Стоянка Ягкодж III. В средней части пос. Ягкодж проходят первая и вторая надпойменные террасы левого берега р. Вычегды, причем уступ первой выходит к урезу воды, а вторая выпуклым краем круто спускается к боровой в 120 м от реки. Стоянка с микролитическим инвентарем Ягкодж III обнаружена на указанном краю второй надпойменной террасы, имеющей высоту 22 м, в то время как стоянки с орудиями на отщепках (Ягкодж I и Ягкодж II) расположены на боровой террасе высотой 6—10 м.

Бедный материал собран на поверхности в двух пунктах, удаленных друг от друга на 70 м. На стоянке Ягкодж III найдены семь ножевидных пластин, в том числе две пластинки с выщербленными краями шириной 1 и 1,2 см (рис. 4, 11, 12), три сечения шириной 0,7—1,5 см (рис. 4, 13, 14), одно из которых с притупленными краями (рис. 4, 14), и два концевых скребка (рис. 4, 9, 10), а также три отщепы и две чешуйки, т. е. всего 12 предметов.

Скребки изготовлены из крупных пластин. Рабочий край дуговидный. Одно из орудий, длиной 4 см и шириной у рабочего края 1,8 см, несет круглую ретушь (рис. 4, 9), другое, 3,6 × 2,2 см, — более плоскую (рис. 4, 10). Ретушь образована правильными фасетками шириной 0,2—0,4 см.

Последний памятник, стоянка в урочище Кузьвомын, в 3 км выше пос. Ягкодж, также расположена на левом берегу реки, на прирусловом краю выходящего к урезу воды мыса боровой террасы, возвышенного до 9 м. Стоянка оказалась двуслойной. Верхний слой, с массивными кремневыми скребками и керамикой (Кузьвомын II), относится к I тысячелетию до н. э.¹

В нижнем культурном слое Кузьвомынской стоянки, представляющем собой подзолистый горизонт почвы, найдено до 900 кремней микролитического облика. Среди них 25 нуклеусов и их фрагментов, 450 пластин (включая и обломки), до 115 отщепов, около 10 грубых аморфных осколков, до 300 мельчайших отщепов и чешуек.

Материал нижнего слоя аналогичен инвентарю предыдущих стоянок. Следует только отметить находки двух карандашевидных микронуклеусов и острия на конце пластинки размерами 4,3 × 0,6 см с коротким (0,7 см) жальцем, полученным путем нанесения краевой ретуши с одной стороны — со спинки, а с другой — с брюшка.

Рассматривая стоянки Курьядор, Пезмог, Нидзь II, Ульяново, Пожег, Ягкодж III и Кузьвомын I, нетрудно заметить их сходство. Все стоянки расположены на песчаных надпойменных террасах. Культурные остатки сосредоточены всюду в узкой полосе вдоль уступа террасы и встречаются небольшими по площади скоплениями, локализующимися часто на возвышенных участках стоянки. Инвентарь стоянок состоит из нуклеусов, соответствующих им призматических пластин, в основном шириной 0,5—1 см, отщепов, чешуек и аморфных кусков, причем пластин в несколько раз больше, чем отщепов. Пластины представлены преимущественно обломками, имеющими часто следы использования или вторичной подправки на краях и служившими главным образом вкладышами. В числе более широких пластин обычны экземпляры с резцовыми сколами. Из орудий встречаются концевые скребки на крупных пластинах, узкие массивные пластины, у которых рабочей частью являлся конец, и острия с коротким жальцем. Выраженные орудия из отщепов отсутствуют.

При датировке вычегодских стоянок с микролитическим инвентарем надо учесть, что эти памятники не только древнее поселений I тысячелетия до н. э. с грубыми массивными скребками, что устанавливается стратиграфически по материалу Кузьвомына, но и старше, судя по всему, стоянок, на которых не найдена керамика, но собраны орудия более тщательной выделки на легких отщепах (Нидзь I, Пожегдин, Ягкодж I).

По инвентарю вычегодским памятникам аналогична Огурдинская стоянка в верховьях р. Камы, ниже г. Усолъе, отнесенная О. Н. Бадером вместе с Нижнеадищевской и Кама-Жулановской стоянками к мезолитическому времени, т. е. к началу геологической современности². Общим является высокая микротехника инвентаря, большой процент в нем мелких пластин по отношению к количеству отщепов, распространение вкладышей в виде обломков ножевидных пластин, наличие концевых скребков и пластин с резцовыми сколами.

Ареал стоянок с микролитическим инвентарем на Европейском Севере, по-видимому, довольно широк, судя по тому, что такие памятники известны в бассейне Средней Печоры³.

¹ Г. М. Буров. Двуслойная стоянка в урочище Кузьвомын на Верхней Вычегде. Изв. Коми филиала ВГО, вып. 5, 1959.

² О. Н. Бадер. Камская археологическая экспедиция. КСИИМК, вып. 51, 1953, стр. 82; его же. Стоянки Нижнеадищевская и Боровое озеро I на реке Чусовой. МИА, № 22, 1951, стр. 7—14; его же. Очерк шестилетних работ Камской археологической экспедиции. Уч. зап. Пермского гос. ун-та, т. IX, вып. 3, Харьков, 1953, стр. 40—41; О. Н. Бадер, Б. Г. Тихонов. Кама-Жулановская мезолитическая стоянка. Уч. зап. МГУ, вып. 166, 1954, стр. 93—110.

³ Сборы Г. А. Чернова в бассейне р. Усы.

В коллекциях с вычегодских стоянок пока нет предметов, которые могли бы указывать на позднюю дату (происходящие из хорошо сохранившихся культурных слоев кремневые изделия с двусторонней плоской ретушью, полированные орудия, керамика). Найденные на поверхности два наконечника стрел и, в особенности, несколько обломков керамики из Курьядора и Ульянова, аналогичные по составу теста, фактуре и толщине фрагментам сосудов I тысячелетия до н. э., не могут быть достоверно связаны с микролитическими комплексами.

Наличие в Вычегодском крае стоянок с микролитическим инвентарем показывает, что заселение этой территории произошло значительно ранее начала II тысячелетия до н. э.— времени, которым прежде датировались древнейшие археологические находки на Вычегде⁴.

⁴ Л. П. Лашук. О древних этнических образованиях на территории Коми АССР. КСИЭ, вып. XXIX, М., 1958, стр. 38—39.

О. С. ГАДЗЯЦКАЯ

ФАТЬЯНОВСКИЙ МЕДНЫЙ ТОПОР ИЗ г. СОЛНЕЧНОГОРСКА

На территории московской группы памятников фатьяновской культуры до сих пор не были встречены развитые формы металлических изделий. Это явилось одной из причин занижения даты московской группы памятников по сравнению с ярославской и балановской¹. Однако в 1957 г. около г. Солнечногорска, к северо-западу от Москвы, был найден вислообушный топор, судя по красному цвету металла — медный². Он обнаружен экскаваторщиками при разработке песчаного карьера, расположенного у санатория Военно-Морских сил. Весной 1959 г. место находки было обследовано Д. А. Крайновым и О. С. Гадзяцкой. К сожалению, карьер уже выбран на большую глубину и на значительной площади, что исключает возможность раскопок. По-видимому, на месте карьера был могильник. Об этом свидетельствует как само расположение предполагаемого могильника на песчаном холме, вблизи от заболоченного теперь водоема, что типично для фатьяновских могильников, так и находки в карьере костей человека (по сообщению рабочих).

Топор заслуживает внимания, так как это первая находка подобного типа в Московской области.

Топор вислообушный, литой, небольшого размера — длина 11,8 см (рис. 1). Массивный плавно изогнутый клинок расширяется к лезвию (4, 2 см). Лобная сторона его представляет собой широкую плоскость с едва различимыми пятью тонкими гранями по 2—4 мм шириной. Тыльная сторона разделена ребром на две грани, боковые стороны плоские. Обух отвисает не сильно, втулка почти цилиндрическая: ее размеры с тыльной стороны — 2,5 × 2,6 см, с лобной — растянутой к клинку — 2,6 × 3 см. Края проуха не имеют резких граней, с тыльной стороны они немного уплощены. На обухе небольшое сглаженное ребро. Топор после отливки был прокован, что четко видно на гранях тыльной стороны клинка. Обух прокован слабее, чем лезвие. В проухе топора оказался кусок ссохшегося дерева от рукоятки, толщина его — 1,9 см. Любопытно, что верхний конец его заточен в виде конуса.

¹ О. А. Кривцова-Гракова. Хронология памятников фатьяновской культуры. КСИИМК, вып. XVI, 1947, стр. 30.

² Хранится в ГИМ, инв. № 95363, оп. 1438.

Прежде всего возникает вопрос, к какому типу бронзовых вислообушных топоров можно отнести солнечногогорский топор.

Еще В. А. Городцов выделил из большого числа вислообушных топоров, находимых в лесной зоне Восточной Европы, особый тип топора «с косым вислым обухом»³. К нему он относил топор из Фатьяновского могильника в Ярославской области (давшего имя культуре). В настоящее

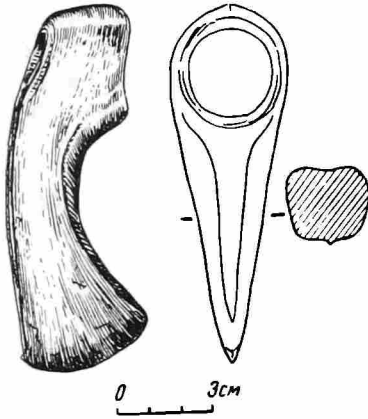

Рис. 1. Медный топор из г. Солнечногорска

время мы располагаем все еще немногочисленным, но характерным материалом. Известны семь вислообушных топоров этого типа из фатьяновских могильников⁴ и около 16 случайных находок с территории Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья⁵. Топоры, найденные в фатьяновских могильниках, обладают совершенно определенными чертами, отличающими их от прочих вислообушных топоров. Они небольшие (от 10 до 15 см). Несильно отвесающий обух с почти круглой втулкой составляет $\frac{1}{3}$ длины топора. Боек изогнут, почти всегда расширяется к лезвию, с лобной и тыльной сторон имеет узкие грани. На обухе — небольшое ребро.

Топор из Солнечногорска обладает всеми перечисленными чертами. Более того, он почти идентичен топору из погребения № 5 Вауловского могильника и топору из Балановского могильника, отличаясь лишь большей массивностью клинка.

Находки вислообушного топора на территории, с которой до сих пор связывалась первая, наиболее ранняя стадия фатьяновской культуры — московская, — приобретает большой интерес. Наличие топора и других металлических вещей в могильниках (бронзовые колечки в Истринском и Кузьминском могильниках в Московской области) указывает на то, что в московской группе есть более поздние памятники, одновременные фатьяновским памятникам с металлом ярославской и балановской групп.

По мере накопления археологического материала памятники московской группы необходимо дифференцировать, выделив ранние и поздние.

О происхождении формы фатьяновского вислообушного топора судить трудно. Обычно общее происхождение вислообушных бронзовых топоров Восточной Европы, в частности фатьяновских, связывают с южными влияниями, и прежде всего — с кавказским⁶. Нам кажется вероятным, что фатьяновские племена, заимствовав первоначальную форму топора извне, могли в дальнейшем в своей собственной среде выработать так называемый фатьяновский тип топора, металл же они могли получить с Урала или Кавказа.

Разнообразный металлический инвентарь, находимый в погребениях (топоры, шилья, привески, браслеты, перстень, пронизки и пр.), говорит о том, что фатьяновские племена были уже знакомы с обработ-

³ В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи в средней России. Отчет Российского исторического музея за 1914 г. СПб., 1916, стр. 152.

⁴ Д. А. Крайнов. Вауловский могильник. Тр. ГИМ, вып. XII, 1941, стр. 148, табл. V, 2—4. О. А. Кривцова-Гракова. Горкинский могильник. Тр. ГИМ, вып. VIII, 1938, табл. IV, 5; М. С. Акимова. Балановский могильник. КСИИМК, вып. XVI, 1947, стр. 128, рис. 40, II; Фатьяново, Ярославской обл. Собр. МАЭ, инв. 1262/2 и Ярославский краеведческий музей, инв. 29—2а.

⁵ Б. Г. Тихонов. Металлические изделия в эпоху бронзы на Урале и в Приуралье. Кандидатская диссертация, М., 1956.

⁶ В. А. Городцов. Ук. соч., стр. 156; О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, № 46, 1955, стр. 58.

кой металла не только на ярославском и балановском этапах, но, по-видимому, уже и на московском.

По аналогии с вислообушными топорами ярославской и балановской групп солнечногорский топор может быть датирован приблизительно тем же временем, т. е. серединой II тысячелетия до н. э.

М. Р. ПОЛЕСКИХ

НАХОДКА СКИФСКОГО МЕЧА В ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

У с. Варварино, Тамалинского района, при вспашке поля трактором была затронута пола кургана, отстоящего от села на 3 км к юго-востоку, и притом был найден железный меч (рис. 1)¹.

Длина меча — 54 см. Навершие рукоятки оформлено в виде двух противостоящих когтей хищной птицы. Утолщенные края плоской рукоятки покрыты густыми поперечными насечками. Перекрестие имеет сердцевидную форму и прямой срез верхней части. Треугольный клинок снабжен по обеим сторонам ребром жесткости.

Не останавливаясь подробно на рассмотрении формы меча, аналогии которому достаточно полно освещены в литературе², отметим, что данный меч вполне аналогичен мечам из скифских курганов Приднепровья, Нижнего Поволжья и т. д. Он едва ли не во всех деталях повторяет акинак из коллекции ГМИИ, описанный Н. Я. Мерпертом и датированный им IV в. до н. э. Эта дата вполне приемлема и для варваринского меча.

В Пензенской области это уже не первая находка. Так, в дореволюционные годы в окрестностях Пензы, у Татарского моста, найден скифский железный меч с бронзовой рукояткой. В Пензенском музее имеется кинжал с железным сердцевидным перекрестием и бронзовым навершием в виде перекладки, неизвестного происхождения.

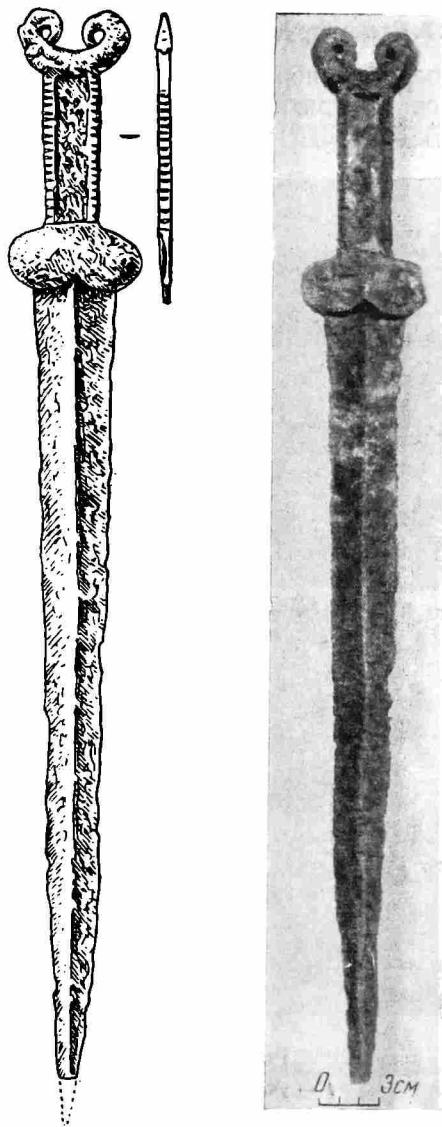

Рис. 1. Скифский меч из с. Варварино

¹ Меч передан в Пензенский музей.

² См. М. П. Грязнов. Древние культуры Алтая. Сибиреведение, № 3-4, стр. 18—26; Н. Я. Мерперт. Акинак с когтевидным навершием. КСИИМК, вып. XXII, 1948; Е. К. Максимов. Меч и копьё из Саратовского музея. СА, 1959, № 1.

Рассматриваемый меч был подвергнут металлографическому анализу, произведенному на плоскости поперечного сечения в надломленном месте, в 8 см от острия³.

Результаты анализа. Металл клинка — односторонне цементованное сварочное железо (рис. 2). Структура: 1) тонкодисперсный перлит и мелкозернистый феррит, равномерно распределенные в общей массе металла; наибольшее количество углерода у левого края клинка (по схеме), приблизительно равное 0,7%, быстро убывает вправо (рис. 3, 1); 2) тонкодисперсный перлит плюс феррит в более крупных зернах, чем в предшествующем участке; содержание углерода ориентировочно не более 0,4% (рис. 3, 2); 3) тонко-

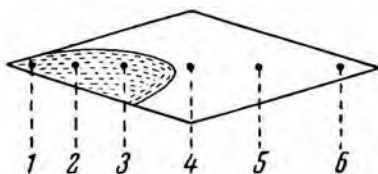

Рис. 2. Схема структурных отпечатков

дисперсный перлит в небольшом количестве феррита; содержание углерода ориентировочно не более 0,1% (рис. 3, 3); 4) феррит в зернах среднего размера, более крупных, чем

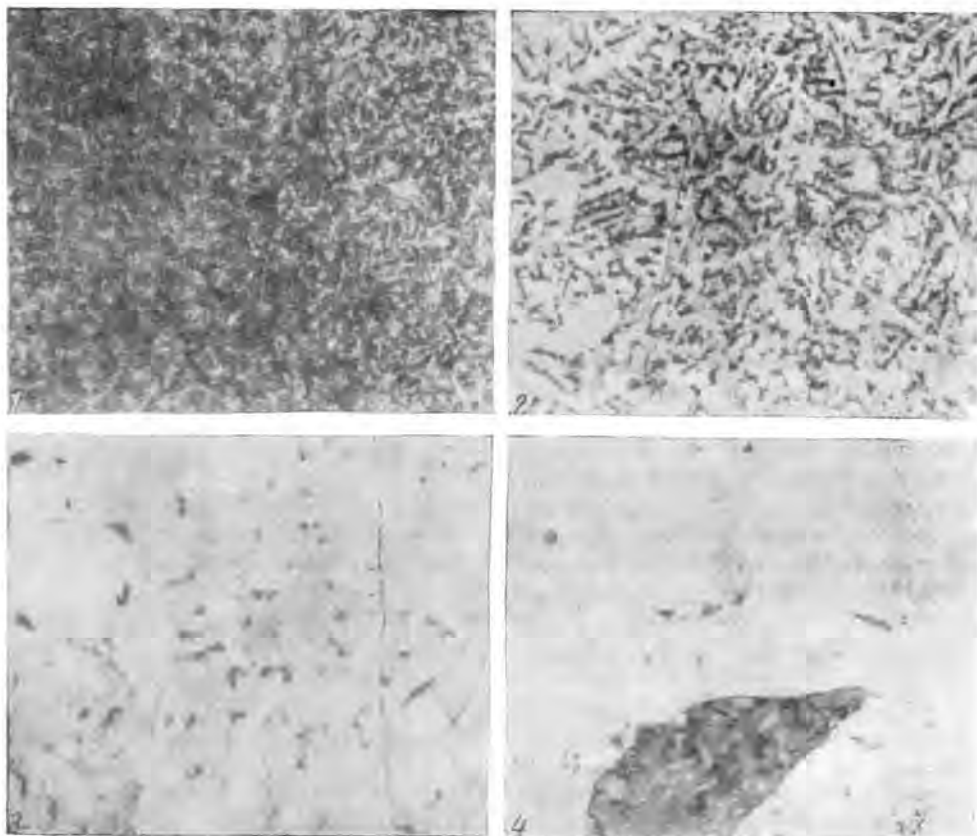

Рис. 3. Структура металла клинка (сильно увеличено)

1 — участок 1-й; 2 — участок 2-й; 3 — участок 3-й; 4 — участок 5-й

в предшествующем участке, плюс мелкие выходы нитевидного шлака; содержание углерода — сотые доли процента; 5) феррит в крупных зернах плюс большое количество мелких включений шлака и одно большое, состоящее из силикатов железа и окислов железа; признаки содержания

³ Анализ выполнен канд. техн. наук В. П. Реминьм (Пензенской политехнический институт), которому автор выражает свою благодарность.

углерода отсутствуют; практически чистое железо (рис. 3, 4); 6) феррит в крупных зернах, с большим количеством выходов нитевидных сварочных шлаков.

Односторонняя цементация исходной полосы «томленной» стали указывает, что данный клинок изготовлен из некачественно цементованной полосы. Качество исходного сварочного железа, судя по количеству и размерам оставшегося шлака и его распределению, свидетельствует о высокой технике изготовления этого железа. Что же касается односторонней цементации, то это могло получиться вследствие случайного аварийного состояния цементационного ящика или недостаточно высокой техники этого дела.

А. М. ЛЕСКОВ

ОБ ОСТАТКАХ ТАВРСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА КЕРЧЕНСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

Важным результатом исследований, проводившихся на территории древнего Боспорского государства, является открытие остатков поселений, существовавших здесь до греческой колонизации.

При раскопках в Пантикапее, Тиритаке, Мирмекии, Илурате, Киммерике, Нимфее, близ Порфмия обнаружены остатки селищ местного населения эпохи бронзы и раннего железа. Кремневые и каменные орудия, обломки лепной керамики из нижних слоев античных городищ относятся главным образом к катакомбной и срубной культурам.

Особый интерес для нас представляют обломки лепной лощеной керамики, украшенной резным геометрическим орнаментом, происходящей из нижних слоев Мирмекия, Тиритаки¹, Порфмия², Пантикапея³.

Для определения этнической принадлежности этой керамики наибольшее значение имеют материалы из раскопок Нимфея. Здесь под архаическим культурным слоем, на участке «С», находящемся в юго-восточной части мыса, на котором расположено городище, в 1948—1949 гг. было расчищено 17 ям начала VI в. до н. э., где собрано большое количество лепной керамики. Вместе с лепной керамикой обнаружены обломки античной посуды, происходящей из Самоса, Родоса и Афин⁴.

Кроме большого количества лепной — простой и лощеной — керамики, в ямах обнаружены: изделие из кости с зубчиками по краю, обломок глиняной антропоморфной фигурки, несколько отщепов кремня со следами ретуши и кремневый вкладыш серпа. Здесь же собрано значительное количество костей быка, овцы, лошади. Кроме того, в яме № 11 нашли морскую раковину и кости красной рыбы⁵.

Поселение в нижнем слое Нимфея М. М. Худяк и В. М. Скуднова считают скифским и локализуют там, согласно Плинию, племя сатавков.

¹ Е. Г. Кастанаян. Лепная керамика Мирмекия и Тиритаки. МИА, № 25, 1952, стр. 250—251.

² Е. Г. Кастанаян. Художественные элементы в лепной керамике Боспора. Сб. «Античные города Северного Причерноморья», М.—Л., 1955, стр. 392—393, рис. 2, 2.

³ И. Т. Кругликова. О местной керамике Пантикапея и ее значении для изучения состава населения этого города. МИА, № 33, 1954, стр. 82 сл., рис. 1, 1.

⁴ М. М. Худяк. Предварительные итоги раскопок последних лет в Нимфее. Сб. «Археология и история Боспора», Симферополь, 1952, стр. 75. Основание города относится к первой половине VI в. до н. э.

⁵ В. М. Скуднов а. Скифские памятники Нимфея. СА, XXI, 1954, стр. 309—310. рис. 3, 4.

К этому выводу В. М. Скуднова пришла, сравнивая лощеную керамику Нимфейского поселения, украшенную резным орнаментом и нередко инкрустированную белой пастой, с материалами многочисленных памятников скифского времени Среднего Поднепровья, Кубани, Северного Кавказа. Автор считает, что подобная керамика имеет аналогии только среди ранних скифских сосудов. Вместе с тем В. М. Скуднова отмечает большое сходство нимфейской лощеной керамики с таврской. Простую же керамику Нимфея она противопоставляет простой таврской, ибо среди последней есть обломки горшков, украшенных рельефными валиками⁶.

Изучение материалов из Нимфейского поселения⁷ не позволяет согласиться с подобным выводом. Обратимся к анализу находок.

Описывая лепную керамику Нимфейского поселения, мы придерживаемся классификации В. М. Скудновой, разделив ее на две группы — лощеную и простую.

Лощеная посуда⁸, служившая, очевидно, столовой, сделана тщательно — примесь к тесту незаметна. Лощение очень высокого качества, черного, реже серого и коричневого цветов. Большинство лощеных сосудов украшалось резным геометрическим орнаментом. Основным орнаментальным мотивом являются вертикальные треугольники, идущие от плечиков сосудов вниз по тулову. Треугольник покрыт косой штриховкой. Нередко резной орнамент инкрустируется белой пастой. Реже встречаются пучки врезных линий, спускающихся от плечиков сосуда вертикально или наклонно. Плечики сосуда опоясываются рядом точечных вдавлений. Иногда лощеные сосуды украшаются по плечикам небольшим сосковидным или продолговатым налетом.

Лощеная керамика представлена, судя по обломкам, различными формами.

1. Горшки с плоским дном, переходящим в округлое тулово. Короткая шейка заканчивается отогнутым краем. Разновидностью этих сосудов являются горшки более вытянутых пропорций.

2. Большие толстостенные корчаги с сильно раздутым, приплюснутым туловом.

3. Миски отличаются двусторонним лощением. Это глубокие полусферические сосуды, вероятнее всего — с округлым дном. Край или несколько загнут внутрь, или прямой. Миски не орнаментированы.

4. Кубки характеризуются шаровидным туловом, переходящим в отогнутый, реже — прямой венчик. Тулово, как правило, украшено резным орнаментом. На нескольких кубках резной орнамент покрывает также шейку, поднимаясь почти до края сосуда.

Изучение лощеной керамики Нимфея приводит к выводу, что она тождественна по технологии производства, формам и композиции орнамента таврской лощеной керамике VI—V вв. до н. э. В материалах Симферопольского⁹, Инкерманского¹⁰ и особенно Нейзацкого¹¹ поселений известны самые ближайшие аналогии лощеной керамике Нимфея.

Простая керамика Нимфея неоднородна. Четко выделяются три сосуда баночной формы, типичных для срубной культуры (рис. 1). Ряд других обломков также может принадлежать сосудам срубной культуры, однако фрагментарность их не позволяет настаивать на этом. Скорее все-

⁶ В. М. Скуднова. Ук. соч., стр. 314—315.

⁷ Пользуюсь случаем поблагодарить В. М. Скуднову за любезно предоставленную возможность изучения нимфейской лепной керамики.

⁸ См. В. М. Скуднова. Ук. соч., стр. 314, рис. 5; стр. 317, табл. I; М. М. Худяк. Раскопки святилища Нимфея. СА, XVI, 1952, стр. 239, рис. 4.

⁹ О. Д. Дашевская. Раскопки Симферопольского поселения кизил-кобинской культуры. КСИИМК, вып. XXXIX, 1951, стр. 117, рис. 33; е е же. Симферопольское раннетаврское поселение. СА, 1958, № 3, стр. 195—196, рис. 2, 1—16.

¹⁰ Х. И. Крис. Раскопки раннетаврского поселения в Инкермане. КСИИМК, вып. 58, 1955, стр. 42, рис. 11.

¹¹ Коллекции Гос. Эрмитажа, №№ 4248—36, 152; 4292—28.

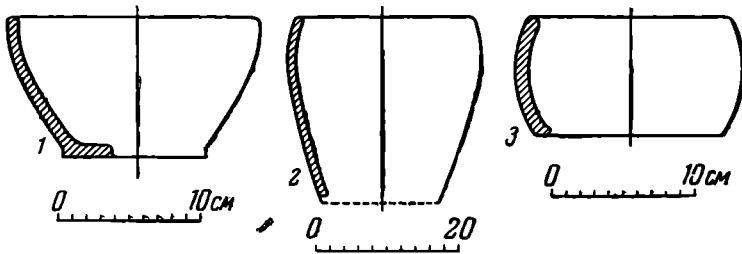

Рис. 1. Сосуды срубной культуры

го именно к этому времени относятся обломки кремневых орудий и кремневый вкладыш серпа, так как ни для таврских, ни для скифских поселений этого периода кремневые орудия не типичны.

Таким образом, на территории будущего Нимфея существовало, очевидно, поселение срубной культуры, относящееся к концу II — началу I тысячелетия до н. э. На территории Керченского полуострова известен ряд поселений этого времени, аналогичных Нимфейскому¹².

Среди простой керамики также выделяется небольшое количество сравнительно тонкостенных (примерно 50% из них орнаментировано) обломков посуды. По форме эту посуду можно разделить на две группы.

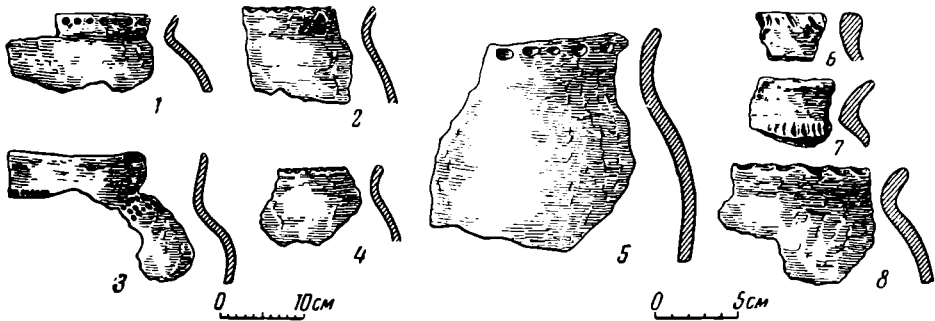

Рис. 2. Обломки скифской керамики таврских поселений Крыма

1, 3, 4 — Нимфейское; 2, 5, 8 — Нейзацкое; 6, 7 — Симферопольское

Первая представлена горшками с выпуклым туловом, нижняя половина которых несколько вытянута. По отогнутой закраине или чуть ниже нее наносились пальцевидные вдавления, реже они делались заостренной палочкой (рис. 2, 2, 4).

Вторая группа состоит из горшков с прямой невысокой горловиной, резко переходящей в округлое тулово. Эти сосуды орнаментируются редко: а) одним или двумя рядами палочных продолговатых вдавлений, опоясывающих сосуд в месте перехода тулова в горловину; б) пальцевыми вдавлениями по краю венчика (рис. 2, 1, 3). Этот комплекс типичен для скифской степной культуры и имеет широкие аналогии в материалах Елисаветовского¹³ и Каменского¹⁴ городищ и в ряде других памятников степной Скифии. Именно от кочевых племен скифов, занимавших всю крымскую степь, в Нимфей и проникла эта керамика.

Основное же количество простой керамики Нимфея представлено обломками толстостенных горшков без орнамента. Характеризуются они в

¹² И. Т. Кругликова. Поселения эпохи поздней бронзы и раннего железа в Восточном Крыму. СА, XXIV, 1955, стр. 74—92.

¹³ Т. Н. Книпович. Опыт характеристики городища у станицы Елисаветовской по находкам экспедиции ГАИМК в 1928 г. ИГАИМК, вып. 104, 1934, стр. 161 сл., рис. 45 и 46.

¹⁴ Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре. МИА, № 36, 1954, стр. 68 сл., табл. II и III.

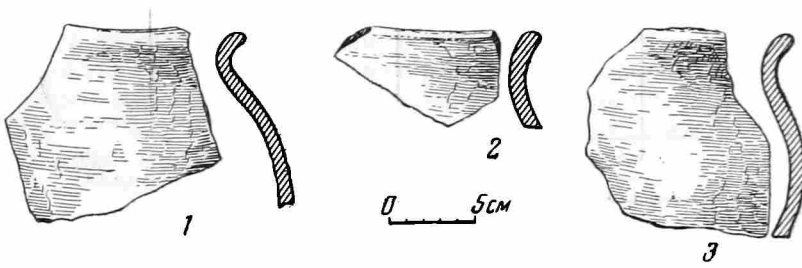

Рис. 3. Обломки простых сосудов из Нимфейского поселения

основном слабо выпуклым удлинненным туловом, переходящим в суживающееся горло. Отличаются сосуды друг от друга высотой шейки и степенью отогнутости края. У большинства обломков простых горшков край хорошо отогнут (рис. 3, 1—3). Эти сосуды обычны для таврских памятников VI—V вв. до н. э.¹⁵

Таким образом, основной керамический комплекс из Нимфея, состоящий из простой керамики и лощеной, часто украшенной резным геометрическим орнаментом, аналогичен любому керамическому комплексу из таврского поселения VI—V вв. до н. э.

Для решения вопроса об этнической принадлежности прибрежных догреческих оседлых поселений Керченского полуострова следует привлечь материалы из раскопок могильников. Для нас особенно интересен частично исследованный А. А. Дириним в 1896 г. могильник, состоящий из каменных ящиков. Располагается могильник на мысе Зюк, в 17 км к северу от Керчи, близ Чокракского озера¹⁶.

Из публикации А. А. Дирина известно, что каменные ящики неглубоки — верхние плиты некоторых из них обнажены. Ориентированы они с востока на запад. Каждый ящик обнесен дикарными камнями. В основном могилы оказались грабленными. Одни из них А. А. Дирин описывает особо. Это каменный ящик, составленный из

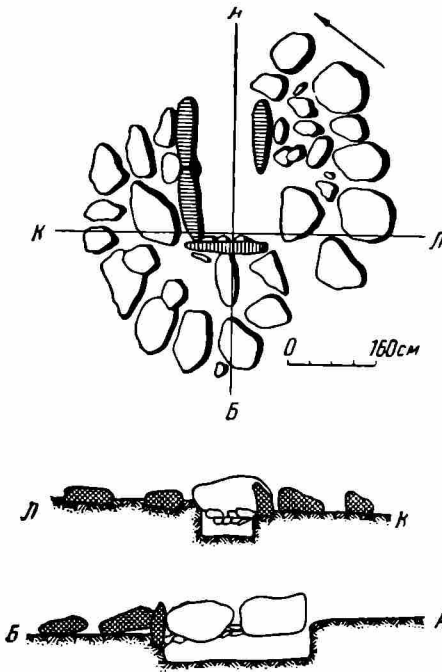

Рис. 4. План и разрезы каменного ящика № 1 (раскопки 1957 г.)

четырёх больших вертикально стоящих плит, перекрытых тремя плитами. В ящике оказались два взрослых костяка и один детский. Они лежали головой на восток. В ящике нашли: чернолаковый килик V в. до н. э., бронзовое зеркало, обломки неопределимого железного предмета и бронзовый черпак. Аналогия этому черпаку известна из кургана № 401 у с. Журовки

¹⁵ Отсутствие в Нимфее простой керамики, украшенной налепным валиком, не дает оснований противопоставлять ее таврской простой керамике, как это делает В. М. Скудина, ибо изучение таврской керамики показало, что орнаментальный валик типичен для VIII—VII вв. до н. э., почти исчезает в VI—V вв. и совершенно не встречается в эллинистическое время.

¹⁶ А. А. Дирин. Мыс «Зюк» и сделанные на нем археологические находки. ЗООИД, т. XIX, 1896, стр. 128.

в комплексе V в. до н. э.¹⁷ На полу ящика разбросаны бронзовые наконечники стрел. Подобного типа могилы известны были А. А. Дирину и в других местах. Располагаются они обычно группами (от 5 до 20) на возвышенностях. Находки в них аналогичны перечисленным, изредка встречаются бронзовые кольца.

В 1957 г. Таврская группа Крымской первобытной экспедиции Института археологии АН УССР провела небольшие разведочные работы в прибрежных районах Керченского полуострова с целью обнаружения таврских памятников. Во время разведок на побережье Азовского моря, на мысе Казантипе, было обнаружено несколько групп каменных ящиков разной сохранности. Как правило, каменные ящики располагаются на невысоких возвышенностях.

Недалеко от дер. Рыбное найдены пять каменных ящиков. Один из них (№ 1) находится на невысоком прибрежном плато, в 100 м влево от дороги Семеновка (бывш. Китень) — Рыбное, примерно в 700 м не доезда последней¹⁸.

В итоге раскопок выяснено, что каменный ящик № 1 окружен закладом из различного размера дикарного камня, лежавшего на древней дневной поверхности и перекрытого дерновым слоем. Зачисткой заклада установлено, что он образовывал, вероятно, правильный круг, прилегая к стенам ящика. Кое-где заклад нарушен — ряда камней не хватает (рис. 4).

Ящик № 1 (2,4 × 1 × 0,5 м) ориентирован с северо-востока на юго-запад, ограблен еще в древности. В настоящее время от ящика сохранилась западная продольная стенка, составленная из двух плит, упирающаяся в южную поперечную, состоящую из одной плиты, а также часть восточной продольной стенки, примыкавшей, очевидно, к отсутствующей северной стенке ящика. На полу ящика обнаружены отдельные кости скелета, обломки античной и лепной керамики из плохо обожженной глины с заметной примесью толченой раковины. Тут же найден бронзовый литой перстень-печатка с тонкой узкой дужкой и овальным плоским щитком. На щитке — вдавленное изображение фантастического животного с туловищем льва и головой грифона (рис. 5). Найти полную аналогию изображению на этом перстне нам не удалось, однако самая форма перстня имеет точные аналогии в перстнях V—IV вв. до н. э.¹⁹, что и позволяет датировать его этим временем. На уровне древней дневной поверхности под закладом найдены также бронзовая бляшка в виде полумесяца с круглым отверстием в центре и обломки простой лепной и античной керамики. Среди последней есть стенки амфор V в. до н. э.²⁰ со следами темно-коричневой росписи горизонтальными полосами.

Другая группа каменных ящиков (до десяти) расположена на невысокой возвышенности, протянувшейся вдоль правой стороны дороги Рыбное — Мысовое. Здесь, на юго-восточном склоне горы, на берегу соленого озера, обнаружен каменный ящик № 2. На современной поверхности видны наиболее крупные камни ограды и одна плита.

Раскопки вокруг ящика выяснили, что ящик № 2 заключен в круглую ограду — кромлех, границы которого четко отмечены наиболее крупными

Рис. 5. Изображение на щитке бронзового перстня из каменного ящика № 1

¹⁷ П. Д. Либеров. Хронология памятников Поднепровья скифского времени. Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии», М., 1954, табл. I, 96.

¹⁸ О местоположении этого ящика нам любезно сообщил В. В. Веселов, работавший в составе Восточно-Крымского отряда Боспорской экспедиции ИИМК АН СССР (нач. отряда — И. Т. Кругликова).

¹⁹ D. M. Robinson. Excavations at Olynthus, ч. X, London — Oxford, 1941, стр. 132 сл., табл. XXVI—XXVII.

²⁰ Любезное определение Л. М. Славина.

дикарными камнями. Площадь между оградой и стенками каменного ящика засыпана каменной забутовкой. Ящик № 2 оказался почти начисто ограбленным и разрушенным. Сохранились *in situ* только северная поперечная стенка, а также одна плита от западной продольной стенки ящика (рис. 6). О размерах ящика № 2, ориентированного с северо-востока на юго-запад, можно говорить лишь приблизительно: $2,2 \times 0,9 \times 0,45$ м. На полу каменного ящика № 2 и на древней дневной поверхности внутри кромлеха собраны отдельные кости человеческого скелета, обломки лепной и античной керамики. Фрагментарность находок не позволяет определенно датировать каменный ящик

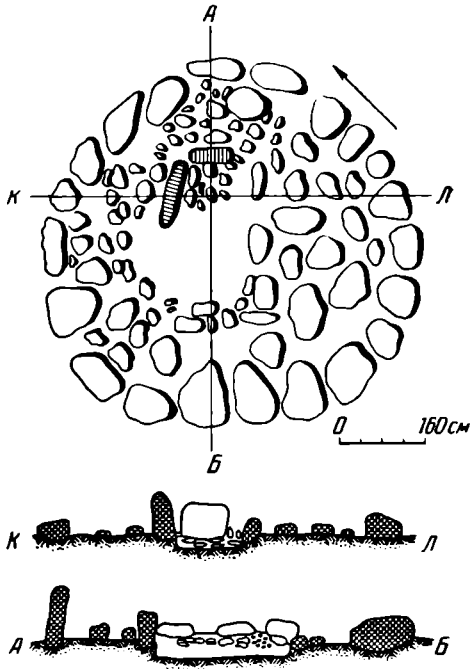

Рис. 6. План и разрезы каменного ящика № 2 (раскопки, 1957 г.)

Различия в характере погребального инвентаря между каменными ящиками Керченского полуострова и горного Крыма, где инвентарь в основном состоит из мелких бронзовых украшений, объясняются, по-видимому, с одной стороны, оторванностью тавров Керченского полуострова от основного культурного массива, а с другой — близостью к античным городам Боспорского царства и скифским кочевым племенам, стоявшим на более высоком уровне общественного и культурного развития, чем тавры. Показательно, что столовая таврская керамика, известная еще в Нимфее в VI в. до н. э., вытесняется в V—IV вв. до н. э. античной чернолаковой²¹. То же можно наблюдать и с примитивными таврскими бронзовыми украшениями, вытесняющимися скифскими и греческими металлическими изделиями (бронзовые наконечники стрел, черпак, перстень, зеркало и т. д.).

Из сообщений Геродота известно, что территорию современной степной левобережной Украины занимали кочевнические скифские племена.

Между тем остатки материальной культуры из Нимфейского поселения (значительное количество зерновых ям, находки обугленных зерен

²¹ Этот же процесс вытеснения таврской лошенной керамики античной происходит и в Херсонесе, где в эллинистическую эпоху таврская керамика уже почти неизвестна. Между тем в горном Крыму, куда античная керамика проникает в сравнительно небольшом количестве, лошенная посуда по-прежнему широко представлена в таврских памятниках IV—III вв. до н. э.

Однако, учитывая тождественность расположения и конструкцию ящиков №№ 1 и 2, а также аналогичные находки в них лепной керамики, можно считать их синхронными.

Сопоставление каменных ящиков Керченского полуострова V в. до н. э. с ящиками, исследованными в горном Крыму, убеждает в их тождественности. Это подтверждается общностью топографического расположения могильников (на плато, холмах, мысах), сходством устройства могил (неглубоко вкопанные каменные ящики; забутовка между оградой и стенками ящиков) и обряда погребения (групповой характер погребений; находки под забутовкой обломков керамики — очевидно, следы тризны). Эти данные приводят к выводу, что каменные ящики горного Крыма и Керченского полуострова принадлежали носителям одной археологической культуры.

пшеницы и ячменя, а также костей крупного и мелкого рогатого скота и красной рыбы) убедительно показывают, что поселение это принадлежало оседлому населению, основным занятием которого были земледелие и скотоводство. Это очевидное расхождение с важнейшим источником, помеченное А. И. Тереножкиным, не позволяет нам согласиться с мнением В. М. Скудной и М. М. Худяка о принадлежности Нимфейского поселения скифам. Что же касается свидетельства Плиния (IV, 82—85), на которое ссылается В. М. Скудная²², то локализация племен Плинием относится к значительно более позднему времени.

Итак, изучение материалов из поселений местного населения на Керченском полуострове, предшествующих времени основания античных городов (Тиритака, Мирмекий и главным образом Нимфей), а также могильников V в. до н. э. на Азовском побережье (мыс Зюк, мыс Казантип) приводит к выводу, что в прибрежных районах Керченского полуострова в VI—V вв. до н. э. жили оседлые таврские племена²³. Часть таврского населения могла войти в состав жителей античных городов Боспорского царства или их сельскохозяйственной хоры. Из этих поселений, вероятнее всего, попал в Пантикапей известный по погребальному памятнику V в. до н. э. тавр Тихон²⁴.

В то время, когда некоторые прибрежные районы были заняты таврами, в большей части Керченского полуострова обитали кочевые скифские племена.

Интересно, что в таврских поселениях скифского времени, расположенных в предгорном Крыму (Симферопольское, Нейзацкое), т. е. на границе со степью, занятой скифскими кочевыми племенами, так же как и в Нимфее, встречаются обломки скифской посуды (см. рис. 2, 5—8).

Значение этой группы керамики трудно переоценить, ибо впервые удастся выявить скифскую керамику VI—V вв. до н. э. в Крыму. Описанные выше два основных типа этой керамики типологически связываются с керамикой Елисаветовского городища V—III вв. до н. э. и Каменского городища IV—III вв. до н. э., показывая этническую и культурную общность скифских племен, кочевавших в степях Крыма и между Днепром и Доном. Появляется также возможность проследить изменение этой керамики с VI по III в. до н. э.

Попытку определить лощеную керамику из Нимфея, украшенную резным орнаментом, как скифскую (В. М. Скудная) нельзя считать удачной. Такая керамика не свойственна собственно скифским племенам. Она хорошо известна в памятниках главным образом раннескифского времени (Жаботинский этап), на правом берегу среднего течения Днепра и генетически связана с чернолесской культурой²⁵. Последняя распространяется и на Ворсклу²⁶, резко отличаясь от левобережной лесостепной культуры раннескифского времени.

Памятники раннескифского времени Кубани и Северного Кавказа, где также широко представлена лощеная керамика, украшенная резным орнаментом, генетически связываются с предшествующим периодом (например, Моздокский могильник²⁷) или относятся к синдским или сарма-

²² В. М. Скудная. Ук. соч., стр. 315.

²³ В докладе В. Ф. Гайдукевича «Боспор и скифы» (см. стенограмму докладов Конференции, посвященной истории и археологии Северного Причерноморья в античную эпоху, 1956 г.) высказано предположение, что оседлые поселения в прибрежных районах Керченского полуострова в VI в. до н. э. были таврскими.

²⁴ В. В. Латышев. Заметки по греческой эпиграфике. ИРАИМК, т. II, 1927, стр. 70, № 5.

²⁵ А. И. Тереножкин. Предскифский период в Днепровском лесостепном Правобережье. Автореферат докторской диссертации. М., 1958.

²⁶ Там же, стр. 25.

²⁷ Б. Б. Пиотровский, А. А. Иессен. Моздокский могильник. Экспозиции Гос. Эрмитажа, вып. I, Л., 1940, стр. 49.

то-меотским племенам²⁸. Ясно, что эти памятники не имеют ничего общего с кочевыми скифами.

Следует отметить большое сходство ряда форм и орнаментации лощеной керамики Нимфейского поселения с аналогичной керамикой в несколько более древних или почти синхронных памятниках кобанской культуры (Змейское поселение²⁹, могильники «Верхняя Рутха»³⁰ и Каменномостский³¹). Этот факт имеет большое значение для решения вопросов происхождения и генетических связей таврской культуры, требующих специального исследования.

В связи со сказанным большую важность приобретает дальнейшее изучение таврских памятников Керченского полуострова, служившего мостом между древним населением Крыма, Кубани и Северного Кавказа.

²⁸ Н. В. Анфимов. К вопросу о населении Прикубанья в скифскую эпоху. СА, XI, 1949, стр. 259.

²⁹ Е. И. Крупнов. Новые источники по древней и средневековой истории Северного Кавказа (по материалам экспедиции 1957 г.). Тезисы докладов на пленуме ИИМК АН СССР, посвященном итогам археологических исследований 1957 г. М., 1958, стр. 13—16.

³⁰ Е. И. Крупнов. Отчет о работах Северо-Кавказской археологической экспедиции ГИМ в 1938 г. Отчет и коллекции хранятся в ГИМ, инв. № 79845; 91/316, 47/7а и др.

³¹ Е. И. Крупнов. Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 г. Уч. зап. КабНИИ, т. V, 1950, стр. 261, рис. 52, 54.

А. П. РУНИЧ

САРМАТСКИЕ КАТАКОМБЫ НА БЕРЕГУ р. ЮЦЫ

В окрестностях Пятигорска, у «Армянского леса», на левом берегу р. Юцы, за ст. Горячеводской, около существовавшего здесь ранее черепичного завода и примерно в 100 м выше водохранилища при разработке глины были обнаружены древние могилы¹.

При осмотре этого места в небольшом карьере, заложенном на юцкой террасе, нами был открыт вход в небольшую катакомбу.

Погребальная камера, вырубленная в плотной аллювиальной глине, очень хорошо сохранилась. На стенках и своде катакомбы отчетливо видны следы от инструмента, которым делалась камера. По сохранившимся углублениям видно, что рабочая часть инструмента имела вид плоской лопаточки, шириной 3,8 см. По сохранившимся следам с явно выраженными затесами можно утверждать, что работали рубящим инструментом с короткой ручкой.

Могила была сильно повреждена, в ней побывали рабочие, копавшие глину: входное отверстие расширено киркой, разбитый череп валялся у входа, земля на дне катакомбы местами перекопана.

Катакомба (рис. 1) в плане овальная, обращена длинной осью в направлении восток — запад. Наибольшая длина камеры — 2, 2 м, ширина — 1,12 м, высота в середине — 0,85 м. Свод куполообразный.

Дно камеры находилось на 0,35 м ниже входного отверстия и на 0,5 — 0,15 м было засыпано отслоившейся глиной.

Размеры и форму входной ямы (шахты или дромоса) установить не удалось, так как вся эта часть склона уже была снесена при заготовке глины.

¹ О них сообщил нам И. М. Кошелев, проживающий в ст. Горячеводской.

Зачистка этого погребения была сделана мной в 1954 г. совместно с Н. М. Егоровым.

По остаткам сильно истлевшего костяка установлено, что он лежал на спине, с вытянутыми конечностями, головой на запад.

При костяке, в центральной части могилы, найдены:

1. Три бусины: две пастовые, глазчатые, четырехцветные, круглые (глазок желтый, ободок вокруг глазка красный, остальная часть — из черных и серых полосок; рис. 2, 4), и одна сердоликовая, овальная.

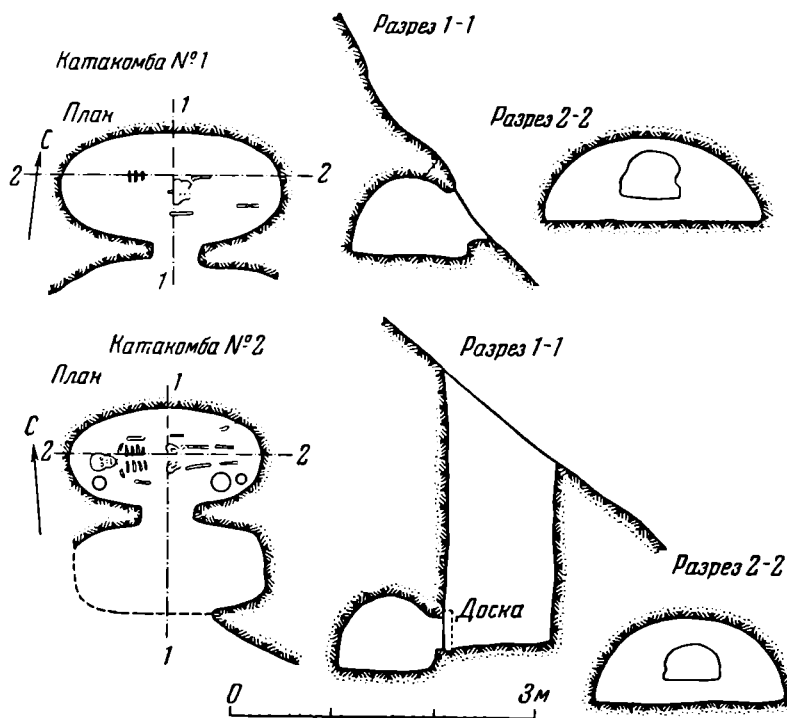

Рис. 1. Планы и разрезы катакомб

2. Железный нож со сломанным черенком и следами от деревянных ножен. Длина лезвия 115 см и сохранившейся части черенка 2,5 см (рис. 2, 5).

3. Две склепанные пластинки из низкопробного серебра (видимо, от пояса).

4. Пряжка из того же металла, с железным стерженьком, на котором вращался язычок пряжки (рис. 2, 2). На ней сохранился кусок сыромятного ремня, приклепанный маленькими заклепочками из низкопробного серебра. На ремне, вдоль его краев, имеются отверстия в виде строчки, сделанные иглой или тонким шилом. Очевидно, этот ремень был обшит какой-то тканью, которая не сохранилась.

5. Железная пряжка, очень плохо сохранившаяся (рис. 2, 3).

6. Небольшой кувшинчик из этой могилы Н. М. Егорову удалось разыскать в ст. Горячеводской у одного из жителей, но, к сожалению, с отбитым боком и ручкой (см. рис. 2, 1). Высота 9,7 см, диаметр по венчику 8 см.

Вторую задетую карьером катакомбу обнаружил в том же 1954 г. ученик 9 класса Ю. Федюшин, при помощи которого и была произведена зачистка могилы.

Катакомба оказалась неразрушенной — костяк и погребальный инвентарь находились в первоначальном положении.

Катакомба была устроена в склоне террасы, на глубине 2,6 м от поверхности, на расстоянии 20 м от первой катакомбы. Входное полукруглое отверстие соединяло входную яму с камерой. Дно погребальной камеры, засыпанное на 5—7 см отслоившейся глиной, было на 0,3 м ниже дна входной ямы.

Высота входа 0,35 м, ширина 0,6 м, толщина стенки у входа 0,2 м. Перед лазом в катакомбу в дне входной ямы была вырублена канавка глубиной 5 см, о край которой опирались доски, закрывавшие входное отверстие. Сгнившее дерево обнаружено в самой канавке и среди земли, проникшей внутрь камеры. Доски стояли вертикально.

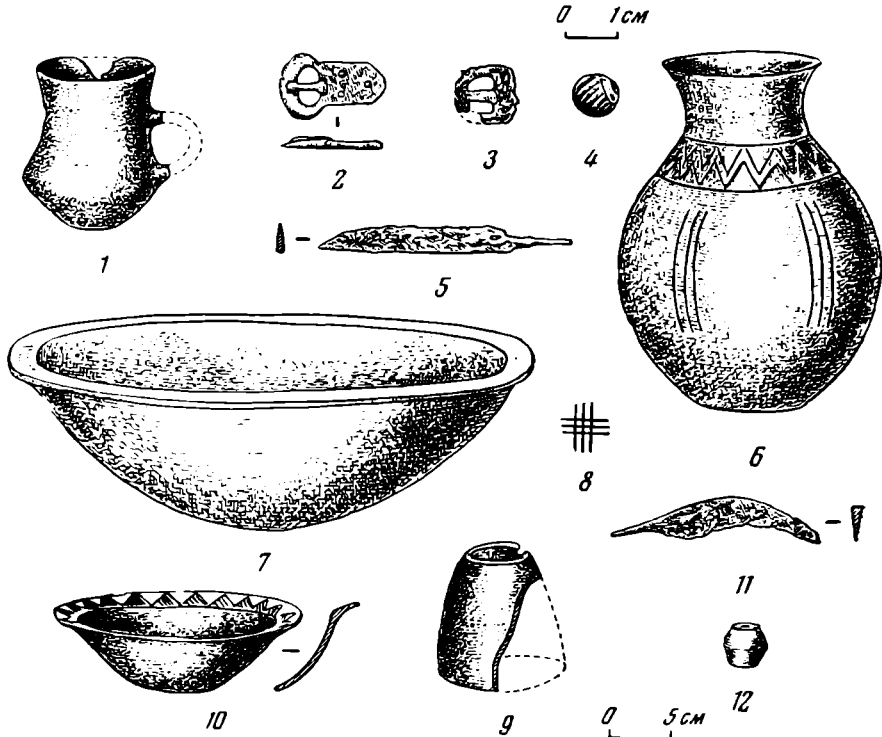

Рис. 2. Находки из катакомб

Погребальная камера, как и первая, в плане имела вид овала, обращенного длинной осью в направлении восток — запад. Свод над камерой был полуяйцевидной формы. Длина камеры 1,91 м, ширина 0,9 м, высота в середине 0,81 м. Следы того же инструмента, что и на стенках первой камеры, заметны значительно слабее. Внутри поверхности стен и особенно — потолка покрыты белым налетом (любленитом) и производят впечатление беленых.

На дне катакомбы лежал без следов подстилки женский костяк на спине, с вытянутыми конечностями, головой на запад. Сохранность костяка, как и в первом погребении, оказалась очень плохой.

С правой стороны, у ног, стояли два сосуда — кувшин и миска.

Кувшин черного цвета, без ручки, с геометрическим орнаментом (рис. 2. 6). В верхней части сосуда — две параллельные линии, внутри которых нанесены группы наклонных линий по две, образующие треугольники, обращенные поочередно вверх и вниз вершинами; ниже этого рисунка, по выпуклой части, сосуд украшен вертикальными линиями, нанесенными группам по три. Высота сосуда 26,2 см, диаметр по венчику 10,5 см.

Массивная миска похожа по форме на современный таз, только с сильно отогнутым бортиком (рис. 2, 7). Она черного цвета, с толстыми стенками, без орнамента. На дне миски, с внутренней стороны, имеется клеймо, состоящее из тройных линий, пересекающихся под прямым углом (рис. 2, 8). Высота миски 8,2 см, диаметр по венчику 33,3 см.

В этой миске лежали серповидный железный нож (рис. 2, 11) и остатки пищи (кости барана или козы).

С левой стороны, у ног, лежала разбитая курильница, сделанная из плохо обожженной глины (рис. 2, 9). В ней оказались угли, зола и три овальные гранитные гальки. Совершенно очевидно, что гальки играли роль колосников (на одной из них особенно хорошо заметно действие огня).

Рядом с курильницей лежало глиняное биконическое пряслице (рис. 2, 12). Здесь же были два кусочка киновари.

Справа от головы оказался еще один сосуд, по форме похожий на небольшую миску. Сосуд желтого цвета, круглодонный, из хорошо обожженной глины. Орнамент нанесен по отогнутому бортику и состоит из заштрихованных треугольников (рис. 2, 10). Диаметр миски по венчику — 16,6 см, высота 4,3 см.

Наблюдение за этим карьером в течение последующих лет (до 1958 г.) показало, что захоронения здесь больше не встречаются.

Очень возможно, что остальные погребения на берегу р. Юцы были разрушены при заготовке глины для черепичного завода. По сообщению старожилов, карьером была снята значительная часть склона, где, вероятно, и находилось основное количество погребений. Сарматская принадлежность описанных памятников не подлежит сомнению, судя по форме погребальных сооружений, представляющих одну из разновидностей сарматских катакомб Северного Кавказа, а также по таким деталям погребального обряда, как наличие курильницы, кусочков киновари (реальгара), миски с костями барана и ножом в ней. Об этом же говорят все формы посуды. Орнамент на кувшине из катакомбы № 2 (рис. 2, 6), в виде спускающихся по тулову тройных борозд, известен уже на сарматской керамике Поволжья. Особенно широко он распространяется на сарматских сосудах последних веков до нашей эры и первых двух веков нашей эры не только в Поволжье, но и на Северном Кавказе, и в Северном Причерноморье². Сама форма узкогорлого кувшина с шаровидным туловом очень типична для сарматской посуды I в. до н. э.— II в. н. э.³ Миски с горизонтальным бортиком (рис. 2, 7) известны в погребениях первых двух веков нашей эры Дагестана — Таркинском и Карабудахкентском могильниках⁴ и в Прикубанье⁵. В основном к тому же времени в сарматском мире Поволжья и Северного Кавказа относятся одноручные кубки, похожие по форме на наш из первой катакомбы (рис. 2, 1)⁶. Наконец, мисочка со сферическим дном из катакомбы № 2 (рис. 2, 10) по своей форме очень близка сарматским вазочкам, которые появились в эпоху про-

² И. В. С и н и ц ы н. К материалам по сарматской культуре на территории Нижнего Поволжья. СА, VIII, 1946, стр. 85, рис. 10; его же. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Саратов, 1947, стр. 47, рис. 20; его же. Археологические памятники по реке Малый Узень. КСИИМК, вып. XXXII, 1950, стр. 106, рис. 292; его же. Археологические работы в зоне строительства Сталинградской ГЭС. КСИИМК, вып. L, 1953, стр. 87, рис. 37.

³ П. Р ы к о в. Сусловский курганный могильник. Саратов, 1925, рис. 60—63.

⁴ К. Ф. С м и р н о в. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948—1949 гг. МИА, № 23, 1951, стр. 267, рис. 21, 3; его же. Археологические исследования в Дагестане в 1948—1950 годах. КСИИМК, вып. XLV, 1952, стр. 90, рис. 37, 8, 9, 16.

⁵ Н. В. А н ф и м о в. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской. МИА, № 23, 1951, стр. 193, рис. 15, 10.

⁶ И. В. С и н и ц ы н. Археологические памятники по реке Малый Узень, стр. 106, рис. 29, 4; его же. Археологические исследования Заволжского отряда Сталинградской экспедиции. КСИИМК, вып. 55, 1954, стр. 91, рис. 36, 1; Е. И. К р у п н о в. Новый памятник древних культур Дагестана. МИА, № 23, 1951, стр. 230, рис. 11, 1.

хоровской культуры (III—II вв. до н. э.) на Урале и на Волге⁷. Некоторые из них также орнаментированы по горизонтальному бортику треугольниками. Особенно характерным этот орнамент становится на вазочках первых двух веков нашей эры, судя по находкам в сарматских могилах Поволжья и в Дагестане⁸. Для датировки наших катакомб имеют значение и пряжки: первая из них (рис. 2, 2) находит себе аналогии в катакомбах I—II вв. н. э. Прикубанья (по раскопкам Н. И. Веселовского) и в Таркинском могильнике того же времени⁹, вторая (рис. 2, 3) тождественна железной пряжке из погребения № 32 Таркинского могильника¹⁰.

В целом открытые на р. Юце катакомбы могут быть датированы, учитывая приведенные аналогии, в пределах I—II вв. н. э.

Несмотря на небольшой объем раскопок, материал¹¹ из катакомб на берегу р. Юцы представляет значительный интерес для историко-археологического изучения Северного Кавказа в первые столетия нашей эры в связи с вопросом о пребывании сармат в районе Пятигорья.

⁷ Б. Н. Граков. Курганы в окрестностях поселка Нежинского Оренбургского уезда по раскопкам 1927 года. ТСА РАНИОН, т. IV, 1929, стр. 150, рис. 5; И. В. Сидицын. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья, табл. 4, 3.

⁸ И. В. Сидицын. Археологические работы в зоне строительства Сталинградской ГЭС, стр. 90, рис. 39, 1; К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки, стр. 269, рис. 22, 5—7; стр. 270, рис. 23.

⁹ Е. И. Крупнов. Новый памятник древних культур Дагестана, стр. 217, рис. 8, 2.

¹⁰ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки, стр. 263, рис. 18, 18.

¹¹ Находки переданы в Пятигорский краеведческий музей.

Э. А. СИМОНОВИЧ

ЕГИПЕТСКИЕ ВЕЩИ В МОГИЛЬНИКЕ НЕАПОЛЯ СКИФСКОГО

Находки египетских древностей на русских землях издавна привлекали внимание ученых¹. Сводка этих находок, опубликованная Б. А. Тураевым², в настоящее время может быть значительно расширена³. Особенно усилился привоз вещей из Египта на рубеже и в первые века нашей эры. Это главным образом бусы, амулеты-подвески и реже — статуэтки. Путь их проникновения, по мнению Б. Б. Пиотровского, шел через Боспор, где подобные вещи часто встречаются в могилах Пантикапея⁴.

Большое количество поделок из египетской пасты и бус распространено на Северном Кавказе и в других областях Северного Причерноморья. Известны они и севернее — на территории Украины, Курской области,

¹ В. Миллер. Терская область. МАК, вып. I, 1888, стр. 87; П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК, вып. VIII, 1900, стр. 232—233; АИЗ, т. II, № 2, 1894, стр. 48—49; Тр. XII АС, 1905, стр. 356, 367; ОАК за 1902 г., стр. 73; ОАК за 1908 г., стр. 126, 127.

² Б. А. Тураев. Описание египетских памятников в русских музеях и собраниях. ЗВОРАО, тт. XI и XII, 1898 и 1899; В. Touraëff. Objets égyptiens et égyptisants trouvés dans la Russie méridionale. RA, XVIII, 1911, стр. 20—35.

³ Б. Б. Пиотровский. Древнеегипетские предметы, найденные на территории Советского Союза. СА, 1958, № 1, стр. 20.

⁴ В. Piotrowski. Ägyptische Altertümer im Nord-Kaukasischen Gebiet. Сб. Круга по изучению Древнего Востока при Гос. Эрмитаже. Л., 1935, стр. 40; М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Л., 1925, стр. 221.

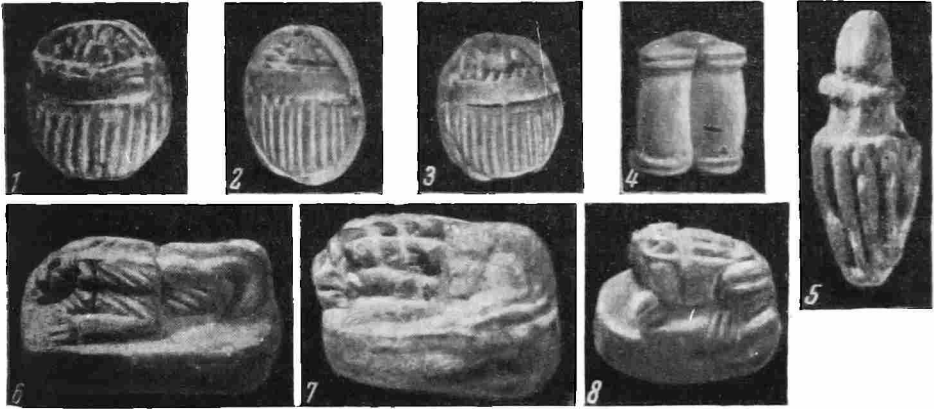

Рис. 1. Подвески и пронизки из египетской пасты, найденные в погребениях Восточного могильника Неаполя скифского

Поволжья и Приуралья⁵. Несколько новых находок вещей из египетской пасты было сделано в последние годы на Украине. Например, амулеты-пронизки в виде лежащих львов в сарматских погребениях в Усть-Каменке неподалеку от Никополя⁶; серия амулетов в виде виноградной грозди, скарабея, амфориска и пр. в сарматских погребениях у с. Ново-Филипповка на территории нынешнего Молочанского водохранилища⁷; несколько скарабеев в сарматском могильнике у с. Колонтаевка в Среднем Поднепровье⁸ и пр. В то же время на позднескифских памятниках Нижнего Поднепровья и Крыма подобных находок пока встречено немного, несмотря на обильное употребление бус и украшений в убранстве людей. Бусы в позднескифское время употреблялись не только в качестве ожерелий, но, судя по раскопкам Восточного могильника Неаполя скифского в Крыму⁹, ими обшивали рукава и подол одежды. Там во вскрытых 77 могилах (представленных главным образом земляными склепами и подбойными могилами), содержащих около 300 погребенных, только в трех склепах (№ 36, 58, 77) зафиксированы вещи египетского происхождения. Следует отметить, что до наших раскопок в Симферополе встречались находки изделий из египетской пасты, о чем свидетельствуют фонды Крымского областного краеведческого музея и материалы из мавзолея Неаполя скифского¹⁰. Между тем раскопки Восточного могильника в 1956—1957 гг., где встречены богатые погребения с золотыми вещами, оружием и большим количеством инвентаря, показывают, что даже для состоятельных слоев позднескифского общества привозные египетские изделия были редкостью. При раскопках найдены следующие предметы, происходящие из Египта.

⁵ Б. Б. Пиотровский. Древнеегипетские предметы..., стр. 26; его же. Египетские предметы в Северо-Кавказском крае. СГАИМК, 1931, № 6, стр. 28; В. Пиотровский. Ägyptische Altertümer..., стр. 39; Т. Н. Книпович. Танаис. М.—Л., 1949, стр. 40, 88; Н. В. Анфилов. Меото-сарматский могильник у станции Усть-Лабинской. МИА, № 23, 1951, стр. 200.

⁶ Е. В. Махно. Сарматский могильник у с. Усть-Каменка. КСИА, вып. 2, 1953, стр. 61; Е. В. Махно. Розкопки пам'яток епохи бронзи та сарматського часу в с. Усть-Кам'яниці. АП, т. IX, 1960, стр. 31, рис. 19.

⁷ М. И. Вязьмитина. Сарматские погребения у с. Ново-Филипповка. Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии», М., 1952, стр. 241.

⁸ Г. Т. Ковпаненко. Раскопки Колонтаевского городища и могильника. Доклад на IX конференции Института археологии в г. Киеве, 26 февраля 1957 г.

⁹ Работы на Восточном могильнике в 1956—1957 гг. произвела Тавро-скифская экспедиция под руководством П. Н. Шульца, причем при работах на городище был найден скарабей из египетской пасты.

¹⁰ Н. Н. Погребова. Мавзолей Неаполя скифского. КСИИМК, вып. XXI, 1947, стр. 30; П. Н. Шульц. Мавзолей Неаполя скифского. М., 1953, стр. 86.

В могиле № 36. 1. Пронизка со скульптурным изображением льва, лежащего на овальном пьедестале, из зеленоватой пасты. Длина 23 мм (рис. 1, 7). 2. Подобная же пронизка с изображением льва на прямоугольном пьедестале (угол сколот), из пасты сиреневатого цвета. В изломе цвет голубоватый. Длина 24 мм (рис. 1, 6). 3. Обломок пронизки с задней половинкой туловища льва, на овальном пьедестале, из пасты сиреневатого цвета. В изломе цвет голубоватый. Длина 16 мм. 4. Пронизка со скульптурным изображением лягушки, сидящей на овальном пьедестале, из пасты зеленоватого цвета. Длина 13 мм (рис. 1, 8). 5—6. Подвески в виде амфорисков, из голубоватой пасты. Размеры обеих 22 × 8 мм (рис. 1, 5).

Рис. 2. Бусы в технике нитяной стеклянной мозаики из погребений Восточного неаполя скифского (увеличено в $4\frac{1}{2}$ раза)

7. Пронизка-скарабей, на овальном пьедестале, из голубоватой пасты. На обратной стороне сделано изображение врезанными линиями в виде знака вопроса с зигзагообразной линией слева сверху над ним (змея) в овальной рамке, прочерченной по краю плоскости основания. Длина 19 мм (рис. 1, 3). 8. Подобная же пронизка-скарабей из пасты сиреневатого цвета, на обратной стороне изображен знак, подобный предыдущему. Длина 20 мм (рис. 1, 1). 9. Подобная же пронизка-скарабей из пасты зеленоватого цвета, со знаком, подобным предыдущему. Длина 20 мм (рис. 1, 2). 10. Бусина круглая, плоская, из стеклянной пасты; на обеих сторонах, на золотистом фоне, помещаются изображения человеческого лица. Лицо белое и как бы заключенное в круглый ободок голубовато-зеленоватого цвета. Волосы темные, трактованные в виде ряда выступов. Нос, рот и глаза переданы линиями. У края скол, в котором видны проходящие насквозь цветные стеклянные нити. Размер 12 × 11 × 4,5 мм (рис. 2, 2, 3).

В могиле № 58. 11. Биноклевидная подвеска из пасты голубоватого цвета. Ушко для подвешивания обломано в древности. Длина 17,5 мм (рис. 1, 4).

В могиле № 77. 12. Бусина овальная, плоская, из стеклянной пасты.

На обеих сторонах на золотистом фоне помещены зеркальные изображения человеческого лица. Лицо белое и заключено в круглый ободок зеленоватого цвета. Волосы в виде темной полосы. Темными тонкими линиями показаны глаза и нос. Рот красного цвета. Размеры 11 × 8 × 4 мм (рис. 2, 1).

Из перечисленных изделий из египетской пасты пронизки со скульптурными изображениями львов, лягушки и скараabei, а также подвески в виде амфор и биноклевидной формы известны по многим памятникам в пределах Советского Союза. Однако круглые плоские стеклянные бусы с изображениями на обеих сторонах лиц, вероятно Горгон, являются уникальными находками. Они, по-видимому, как и пронизки с фигурками животных, служили оберегами¹¹. Две миниатюрные стеклянные бусины с изображениями лиц изготовлены в технике нитяной стеклянной мозаики. Родина этой техники — Египет¹². Б. Б. Пиотровский в своих статьях о египетском импорте на территорию СССР на рассмотрении подобных изделий не останавливался. Поэтому о них следует сказать несколько слов.

Для изготовления вышеописанных мозаичных предметов делали тонкие разноцветные стеклянные палочки. Их складывали так, чтобы они образовали в срезе определенное изображение (розетка, звезда, лицо), далее эту связку нагревали, постепенно растягивая в длину. Чем дольше растягивали связку, тем тоньше получалось изображение из стеклянных нитей. Эти стеклянные нити хорошо видны внутри бусины, у которой сколот край, из могилы № 36 Неаполя скифского (рис. 2, 3). Получив круглую стеклянную палочку нужного диаметра, ее разрезали на маленькие кружочки, шлифовали и просверливали. Изготовленная таким образом бусина имела с обеих сторон зеркальные полихромные изображения. Большого искусства в технике стеклянной мозаики достигли мастера саисского, птолемеевского и раннеримского периодов истории Египта. Подобные изделия бывают настолько тонкими, что их надо рассматривать в лупу. Эта сложная техника распространилась из Александрии в прилегающие страны¹³, а в раннеримское время такие изделия разошлись по Европе¹⁴. В Неаполе скифском в могиле I в. до н. э. и I в. н. э. с античной краснолаковой керамикой и фибулами позднелатенского и раннеримского времени были найдены обе наши египетские бусины. Подобные круглые подвески с изображением лиц Горгон делали не только в технике стеклянной мозаики. В Крыму и на Северном Кавказе известны золотые тисненые бляшки и глиняные рельефные подвески с изображением Горгон, имевшие также, видимо, апотропеическое значение. Однако аналогий находкам, сделанным в Восточном могильнике Неаполя скифского, известно на нашей территории немного. Возможно, это происходит не от их недостатка, а от недостаточной публикации материалов. Так, П. С. Уваровой был опубликован обломок полихромной стеклянной мозаичной бусины из Верхней Рутхи на Северном Кавказе¹⁵. К такого же типа вещам, видимо, следует отнести находку В. Миллера из Чегемского могильника в Кабарде¹⁶. Настоящая публикация преследует цель привлечь внимание египтологов к этим интересным вещам, проникшим на рубеже и в начале нашей эры в области Причерноморья.

¹¹ W. M. Flinders Petrie. Amulets. London, 1914, стр. 12, 23, 45.

¹² A. Kisa. Das Glass im Altertume, ч. II, Leipzig, 1906, стр. 501; F. Neuburg. Glass in Antiquity. London, 1949, стр. 53.

¹³ F. Neuburg. Ук. соч., стр. 53.

¹⁴ A. Kisa. Ук. соч., стр. 505.

¹⁵ П. С. Уварова. Ук. соч., стр. 245; табл. XC, 1.

¹⁶ В. Миллер. Ук. соч., стр. 134, табл. XXVI, 109.

М. А. РОМАНОВСКАЯ

ПОСЕЛЕНИЕ У с. КОТЮЖАНЫ

(По данным археологической разведки)

Поселение у с. Котюжаны Липканского района Молдавской ССР было открыто отрядом разведки Прутско-Днестровской археологической экспедиции летом 1956 г. Липканский район, мало исследованный в археологическом отношении, занимает северо-западный угол Молдавии, между рр. Прутом и Днестром, и граничит с территорией Румынской Народной Республики. По нему проходил один из маршрутов отряда.

С. Котюжаны лежит на обоих берегах р. Вилии. Вокруг него находится несколько курганных групп и отдельных курганов, большей частью распаханых. По величине среди них выделяется «Можива-Лели» — курган в 2—3 км к северо-востоку от села. На северной окраине села у птицефермы в уроч. «Стынкуц» — поселение эпохи полей погребения черняховского типа.

Описываемое селище занимает пологий юго-восточный склон холма, спускающегося к долине, по которой течет безымянный ручей, правый приток р. Вилии. Он берет начало от родника у скалы «Стынкуц». Все урочище также называется «Стынкуц».

Селище в плане овальной формы, вытянуто с юго-востока на северо-запад. Площадь его 180 × 140 м². Начинается оно в 200 м к западу от крайних домов села, по дороге в Ларгу.

К северо-западу от селища расположена курганная группа из четырех курганов.

Поверхность земли вся нарушена вспашкой, благодаря которой стали очень заметны на коричневом фоне окружающего грунта большие (диаметром до 10 м) овальные зольные пятна со скоплениями костей животных, керамики и кусков обожженной глины, часть которых — с отпечатками прутьев.

Памятник двуслойный. Верхний слой, черняховского времени, представлен всего лишь тремя фрагментами круговой серолощенной керамики из хорошо отмученного теста, без видимых примесей, обжиг полный, в изломе они ровного серого цвета. К этому же слою, вероятно, относится и ручка амфоры серого цвета.

На поселении преобладает лепная керамика нескольких типов. Больше всего обломков горшков либо грушевидной, либо баночной формы, со слабо отогнутым или прямым венчиком. Поверхность этих сосудов серого, желтовато-серого и красновато-серого цвета, обычно сглажена и имеет следы лощения. Изредка попадаются горшки с шероховатой поверхностью. Тесто с примесью песка и шамота, в большинстве случаев обожжено очень сильно. Черепки в изломе черного цвета.

Горшки орнаментированы валиком, расположенным под венчиком, и проколами над валиком, чаще всего несквозными (рис. 1, 10, 12, 14, 17, 18). Валик нескольких видов: гладкий, расчлененный защипами и украшенный косыми насечками (рис. 1, 20). Защипы или образуют ряд ямок (рис. 1, 10—15), или придают валику форму жгута (рис. 1, 16).

Венчик срезан горизонтально. Его верхний край, как и вся поверхность сосуда, слегка залощен. Дно плоское.

Горшки подобной формы есть на Среднем Днестре в памятниках, относимых А. И. Мелюковой к VIII—VII вв. до н. э.¹, в Румынии на поселении Мовила-Шесул-Жижиией найдены сосуды такой же формы². Поселение это относится к группе памятников культуры Монтеору-Ноа и датирует-

¹ А. И. Мелюкова. Памятники скифского времени на Среднем Днестре. КСИИМК, вып. 51, 1953, стр. 72.

² M. Petrescu-Dâmbovita. Santierul Trusești. SCIV, т. I—II. 1953, стр. 32, рис. 19.

Рис. 1. Керамика с поселения у с. Котюжаны

ся автором раскопок М. Петреску-Дымбовицем концом II тысячелетия до н. э. — началом I тысячелетия до н. э.³

Горшки баночной формы со слабо выраженной шейкой, с валиком, расчлененным и нерасчлененным, и с проколами составляют значительную группу керамики на поселении Магала в Черновицкой области, раскопанном Г. И. Смирновой. Найдены также сосуды в нижнем слое поселения, который датируется, по аналогии с материалами Трушешти и других памятников Румынии, концом X—IX в. до н. э. Однако датировка эта при-

³ M. Petrescu-Dâmbovița. Santierul Trusești, стр. 33.

близительна, так как точно датированных вещей в нижнем слое поселения Магала не найдено⁴. Горшки, орнаментированные только валиком без проколов, найдены на Сабатиновском поселении⁵.

Таким образом, сосуды, аналогичные котюжанским горшкам, встречаются на обширной территории, границы которой определить пока трудно. Памятники, обнаруженные в Румынии, датируются концом II — началом I тысячелетий до н. э., в Советском Союзе — концом X—IX в. до н. э.

Другой вид посуды, встречающийся на поселении, — черпаки (рис. 1, 3) и двуручные миски (если судить по форме непарных ручек). Ручки таких сосудов найдены при раскопках могильника Трушешти⁶.

Черпаки все лепные, с лощеной поверхностью серого, желтовато-серого и красновато-серого цвета. Тесто их имеет незначительные примеси шамота и песка или только песка. Обжиг полный. Орнамента нет. Формы черпаков различны. Преобладают черпаки с эсвидным профилем (рис. 1, 6, 9), есть с цилиндрическим горлышком и округлым туловом (рис. 1, 8) и биконические. Ручки петлевидные, возвышаются над краем венчика. Отростки гребенчатые и в виде невысокого цилиндрика. Ручки такой формы встречаются на Днестре довольно часто в памятниках VIII—VII вв. до н. э. На поселении Магала черпаки имеют такие же ручки. В Румынии подобные формы характерны для памятников культуры Ноа⁷.

Кроме того, найден обломок лепной серой миски с шероховатой поверхностью, неполного обжига, с ручкой-упором и с несквозными круглыми отверстиями под венчиком, сделанными трубчатой костью (рис. 1, 19).

На поселении найден также обломок амфорной ручки розовато-оранжевой глины, с тремя углубленными вертикальными черточками на внутренней стороне. Ручка эта датирована И. Б. Зеест VIII в. до н. э. — временем начала греческой колонизации Причерноморья.

Обращает на себя внимание костяное орудие — обломок лопатки с эпифизальным концом, обработанным нарезкой зубчиками (рис. 1, 1). Такие орудия характерны для всех памятников культуры Ноа; они найдены в Сабатиновке, на поселении Магала, в зольнике у с. Гиндешты и в Старых Рошиетичах⁸.

Возможно, что это керамический штамп, но в памятниках с комплексами, аналогичными котюжанскому, не найдено его отпечатков. Подобное орудие было найдено в 1955 г. при раскопках черняховского могильника у с. Малаешты (Молдавская ССР). Там же был обнаружен и фрагмент горшка, орнаментированный этим штампом⁹.

Материал с поселения у с. Котюжаны ближе всего к материалу поселения Магала, датированного X—IX вв. до н. э., по аналогии с румынскими памятниками. Поселение Магала относится к кругу культуры — Монтеору — Ноа; к нему же, по-видимому, принадлежит и поселение у с. Котюжаны. Нижняя хронологическая граница его может быть определена, по аналогии с румынскими памятниками и поселением Магала, приблизительно X в. до н. э.; верхняя дается амфорной ручкой — VIII в. до н. э.

В Советском Союзе раскопаны всего три памятника типа Котюжан: Магала, зольник у с. Гиндешты и поселение Рошиетичи. Наличие одинаковых памятников на территории Румынии и СССР с разницей в датировке почти в два века позволяет предположить, что культура Монтеору — Ноа распространялась с запада на восток. Чтобы уточнить этот вопрос, необходимы дальнейшие планомерные раскопки.

⁴ Г. И. Смирнова. Поселение позднебронзового века и раннего железа возле с. Магала Черновицкой области. КСИИМК, вып. 70, 1957, стр. 104, 105, 107, рис. 39.

⁵ О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, № 46, 1955, стр. 124.

⁶ M. Petrescu-Dâmbovita. Ук. соч., стр. 25, рис. 14.

⁷ Там же, стр. 34, рис. 21.

⁸ Раскопки А. И. Мелюковой в 1956—1957 гг. Материал находится в ИА АН СССР.

⁹ Г. Б. Федоров. Отчет о работах Прутско-Днестровской экспедиции за 1955 г. Архив ИА АН СССР.

В. Д. БЛАВАТСКИЙ

ПОДВОДНЫЕ РАСКОПКИ ФАНАГОРИИ в 1959 г.

Подводная археологическая экспедиция для изучения памятников античной культуры, находящихся на дне Черного и Азовского морей, а также Керченского пролива, была организована в 1959 г. Институтом археологии и Институтом истории искусств АН СССР, а также Московским государственным университетом, при самом активном участии Подводного клуба МЭИ¹.

Задачей экспедиции было доказать возможность и целесообразность подводных раскопок затопленных древних городов, осуществив таковые в Фанагории, хотя бы в небольших масштабах. Раскопки были проведены,

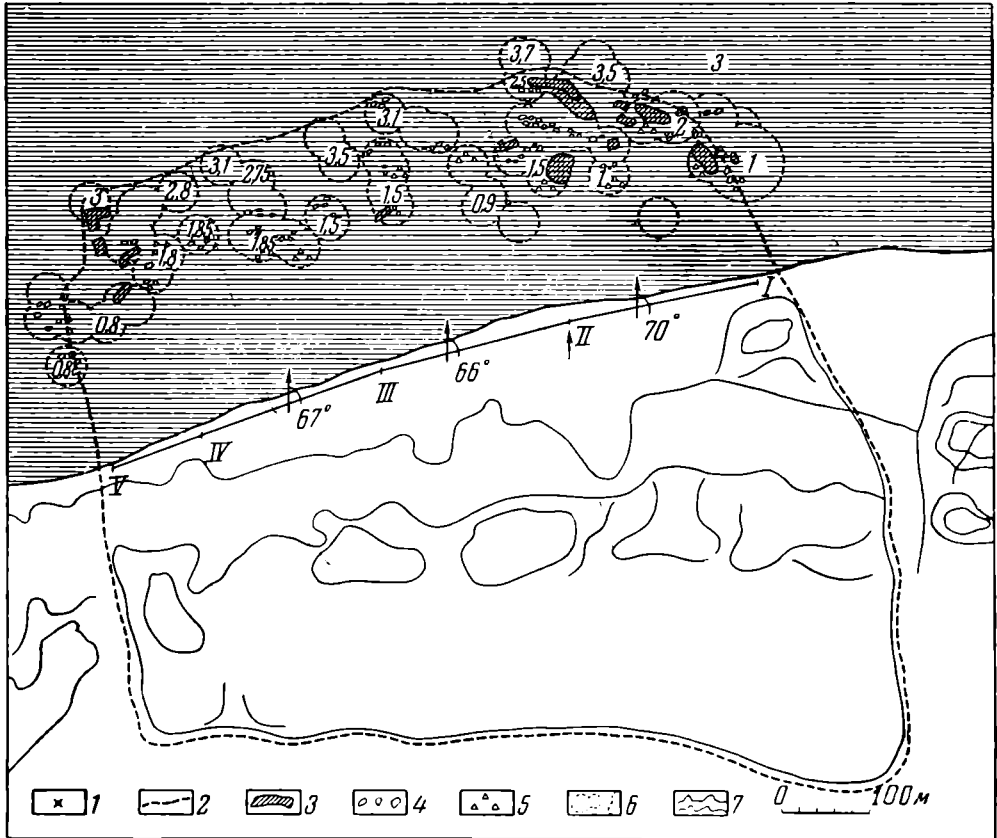

Рис. 1. Генеральный план Фанагории

1 — место раскопа 1959 г.; 2 — граница города; 3 — гряды камней; 4 — группы камней; 5 — скопления керамики; 6 — участки, обследованные при разведке 1958 г., и их глубина; 7 — очертания холмов

несмотря на различные трудности, в том числе нередко неблагоприятную погоду, недостаточную приспособленность нашего оборудования, которое приходилось перedelывать в ходе работы, не говоря о постоянной мути в воде, особенно затруднявшей фотографирование и обмеры.

¹ Состав экспедиции: начальник — В. Д. Блаватский; его заместители: по технической части — инженер-подполковник М. К. Семин, по археологической — Т. В. Блаватская; врач — В. С. Михайловский; археологи: Г. А. Кошеленко, Ю. А. Савельев, Б. Г. Петерс, И. В. Смирнов, Е. М. Алексеева; аквалангисты-фотографы: мл. н. сотр. А. А. Рогов и А. В. Блаватский; аквалангист-кинооператор Г. А. Дорошенко; аквалангисты: Э. С. Бабаев, В. П. Волжев, Б. К. Карелин, В. П. Соколов, А. А. Солдатенков, Л. П. Сурина, Б. Т. Тувалбаев, Ю. Т. Филиппов; компрессорщик Н. Ф. Акишкин, дизелист землесосной установки ПЗУ-4 В. Н. Миронов, багермейстер Н. Мишуткин и лодочник Н. В. Светличный.

Выбирая место для раскопок, мы руководствовались данными разведок 1958 г.², в результате которых была обследована и нанесена на план затопленная северная часть Фанагорийского городища. Намеченный для раскопок участок был расположен на северо-восточной окраине города, к югу и к западу от больших каменных гряд, возможно являющихся развалинами крепостной стены. Этот участок находился на расстоянии 185 м от берега, глубина там была около 1,9 м (рис. 1).

10

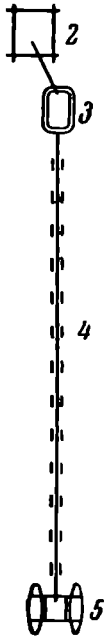

Рис. 2. Схема организации подводных раскопок Фанагории в 1959 г.

1 — лодка, с которой велись погружения; 2 — раскоп; 3 — землесосная установка; 4 — трубопровод на буйках; 5 — две лодки с грохотом между ними

Чтобы выделить границы площади раскопа и вместе с тем облегчить последующие обмеры, мы применили следующий прием. Была сколочена деревянная рамка из досок «в обло», обрамлявшая квадрат³ размером 4×4 м. Отбуксированная на место раскопа рама была погружена на дно посредством привязанных к ее концам тяжелых камней.

Раскопки сначала велись вручную — заступом, причем крупные обломки керамики и камни также выбирались вручную, а мелкие черепки, камушки и различные грунтовые включения (ракушки, трава и пр.) отсасывались вместе с перекопанным грунтом посредством сосуна землесосной машины (ПЗУ-4). Сосун землесоса направлялся одним из подводников. На лопате стояло двое или чаще — один сотрудник; столько же, когда было нужно, отваливали камни. Во все время работ под водой находился хотя бы один археолог.

Отсосанный грунт вместе с мелкими черепками и другими небольшими находками (величиной до 25 см²) поступал по трубопроводу на грохот (массивную раму с двойной сеткой), горизонтально установленный на двух больших плоскодонных лодках (рис. 2). Находки с грохота выбирались. Кроме того, для контроля очень мелких предметов (3—4 мм длиной) дно под сеткой грохота было выстлано листами фанеры (однако на них ничего обнаружено не было).

Третья большая лодка постоянно стояла на якорях возле раскопа, и с нее спускались по трапу подводные археологи и аквалангисты⁴, производившие раскопки.

Четвертая, небольшая, лодка, ходившая на веслах или подвесном моторе, а также байдарка доставляли людей, заряженные акваланги, боксированные кино- и фотоаппараты, а также прочее оборудование к месту работы и обратно; на них же перевозились и находки.

На берегу против землесоса был разбит палаточный лагерь, при нем находился компрессор, обеспечивавший акваланги сжатым воздухом, а также склад оборудования и материалов.

Борта раскопа, поначалу державшиеся довольно прочно, при снятии верхних пластов грунта, когда выемка стала достигать 1 м в глубину, начали заметно оседать. Пришлось закрепить борта раскопа дощатой опалубкой, затопленной внутри квадрата посредством особых карманов, загруженных камнями.

² В. Д. Блаватский, В. И. Кузищин. Подводные разведки древней Фанагории. ВАН, 1959, № 1, стр. 130 сл.; В. И. Кузищин. Археологическое обследование подводной Фанагории. ВМГУ, 1959, № 4, стр. 197 сл.

³ В дальнейшем эту площадь пришлось уменьшить до 2,5 × 2,5 м.

⁴ Помимо аквалангов, мы применяли также обеспечение воздухом водолаза посредством находившегося в лодке транспортного баллона, откуда сжатый воздух подавался по шлангу в редуктор (и далее в загубник), находившийся при водолазе. Этот прибор отличается большими достоинствами, особенно при стационарной работе — подводных раскопках. Применим он, хотя и с меньшим удобством, и при подводных разведках.

Работы дали следующие результаты. Вверху залегал пласт намывного желтоватого песка с ракушкой, толщиной 0,65 м, заключавший различные находки: обломки простой тонкостенной и сероглиняной посуды, амфор от V в. до н. э. до средневекового времени, чернолаковой керамики и сероглиняный светильник⁵. Под этим пластом залегал развал булыжной мостовой, видимо, II в. до н. э. Под развалом был обнаружен пласт сероватого суглинка с большим количеством мелких и средней величины камней и обломков керамики VI—II вв. до н. э., подошва которого достигала в глубину 1,3 м от поверхности грунта, т. е. 3,2 м от поверхности моря. Названный пласт состоял из двух слоев, примерно равных по толщине (рис. 3).

Верхний слой, II в. до н. э., заключал черепки тонкостенной посуды, остродонных амфор IV—II вв. до н. э., чернолаковой керамики и покрытой коричневым лаком. В нижнем горизонте слоя были обнаружены камни, вероятно, остатки мостовой.

Нижний слой, IV—III вв. до н. э., содержал обломки остродонных амфор V и IV—III вв. до н. э., большие фрагменты сероглиняной фиалы и боспорского калиптера, а также кусок шлакированной керамики — возможно, часть обжигательной печи. В нижнем горизонте слоя также был выявлен развал мостовой, состоявшей из крупного булыжника.

Еще ниже залегал материк — темно-серый глинистый ил с включением ракушки и мелких камней, не содержащий каких-либо археологических находок. Контрольная выемка в материке была доведена до глубины 2 м от поверхности грунта.

Ввиду того, что вскрытая площадь была совсем небольшой, выводы могут иметь только предварительный характер. Прежде всего, можно признать подтвердившимися общие заключения о границах города в результате разведок 1958 г. Нужно думать, что Фанагория в IV—II вв. до н. э. простиралась, по меньшей мере, на 185 м к северу от современной береговой линии. В начале же своего существования, когда Фанагория, вероятно, занимала значительно меньшую площадь, чем во времена своего расцвета⁶, город, надо полагать, не доходил до раскопанного участка.

Наличие остатков каменной мостовой IV—III вв. до н. э., находящихся на глубине 3—3,2 м ниже современного уровня моря, позволяет заключить, что за последние двадцать два с половиной столетия уровень моря в Таманском заливе поднялся не менее чем на 4 м.

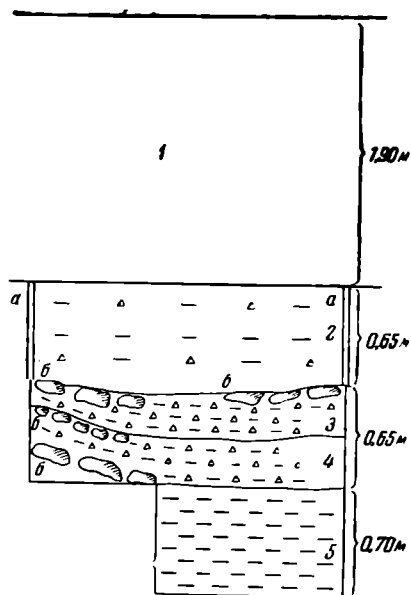

Рис. 3. Схема разреза раскопа 1959 г.

1 — море; 2 — культурный слой, перекрытый морем; 3 — культурный слой II в. до н. э.; 4 — культурный слой IV—III вв. до н. э.; 5 — материк
а — деревянная обшивка; б — развалы вымосток

⁵ Ср. О. Ф. Вальдгауер. Античные глиняные светильники. СПб., 1914, стр. 24, №№ 58 и 60, табл. V, стр. 27, № 93, табл. VIII.

⁶ М. М. Кобылина. Фанагория. МИА, № 57, 1956, стр. 14.

Я. А. ШЕР

ПОГРЕБЕНИЕ С КОНЕМ В ЧУЙСКОЙ ДОЛИНЕ

На юго-восточной окраине с. Красный Фронт (Чуйский район Киргизской ССР) в обнажении берега оврага на глубине 2,6 м от поверхности были обнаружены лежавшие в порядке кости лошади с окислившимся железным предметом. Над ними прослеживался тонкий слой угля от перегоревшего хвороста. Толщина слоя — 1—2 см, протяженность — 2,46 м; он имеет вид дуги, обращенной выпуклой стороной вниз.

При первом же паводке эти остатки были бы совершенно уничтожены потоком воды, и, чтобы спасти обнаруженное захоронение, автором были произведены его раскопки. Раскоп был заложен у поверхности, у края обнажения. Грунт в раскопе по всей площади 3 × 2 м — равномерный по плотности и цвету. На глубине 2,1—2,4 м прослежен тонкий слой обгоревшего хвороста, под которым оказался костяк лошади (рис. 1). Лошадь

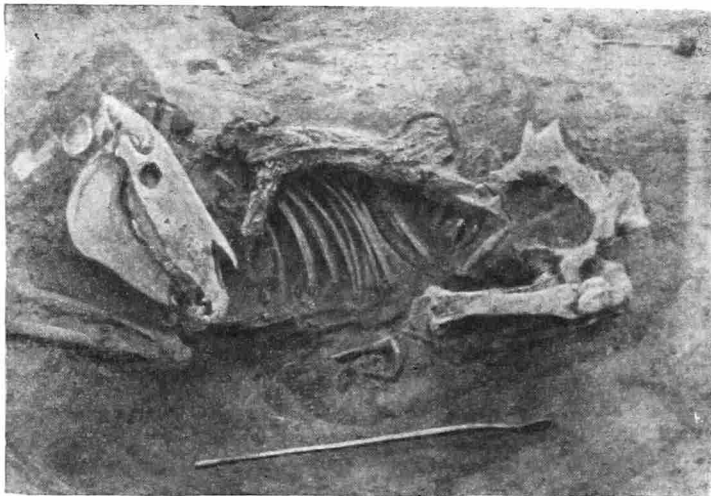

Рис. 1. Костяк лошади

лежала на правом боку, головой на север, ноги подогнуты к туловищу, голова повернута назад, на левый бок. На средней части хребта были обнаружены ислевшие фрагменты деревянного седла. С обеих сторон костяка найдено по одному железному стремя с плоской подножкой и расплюсненной верхней частью, в которой пробито прямоугольное отверстие для ремня. У седла и на ребрах было найдено 15 фигурных бронзовых бляшек разной формы (рис. 2, 1—15). Бляшки эти при помощи специальных штифтиков, которые сохранились на них, крепились к ремням уздечки и седла и служили украшениями. В зубах лошади были обнаружены обломки железных кольчатых удил и псалиев (рис. 2, 20). У седла лежали кусочки бересты и очень сильно окислившийся железный предмет с деревянным стержнем, напоминающий трехперый наконечник стрелы. Кусочки бересты, вероятно, остались от размытого водой колчана. Здесь же лежали две костяные накладки от средней части лука (рис. 2, 17, 18), фрагменты обгоревшей шелковой и шерстяной ткани. Это позволяет предположить, что в разрушенной потоком воды восточной части могильной ямы находился костяк хозяина лошади.

На поверхности, над исследованным погребением, никаких следов насыпи не обнаружено, но, по утверждению местных жителей, еще несколько лет назад на прилегающем поле были заметны полураспаханные холмики. Очевидно, исследованная нами могила имела некогда насыпь и входила в состав распаханной за последние годы курганной группы.

Погребений с конем в Чуйской долине и вообще в Семиречье известно пока еще очень мало¹. Несколько чаще такие погребения попадаются в районах Центрального Тянь-Шаня и на Памире и относятся к VII—X вв.²

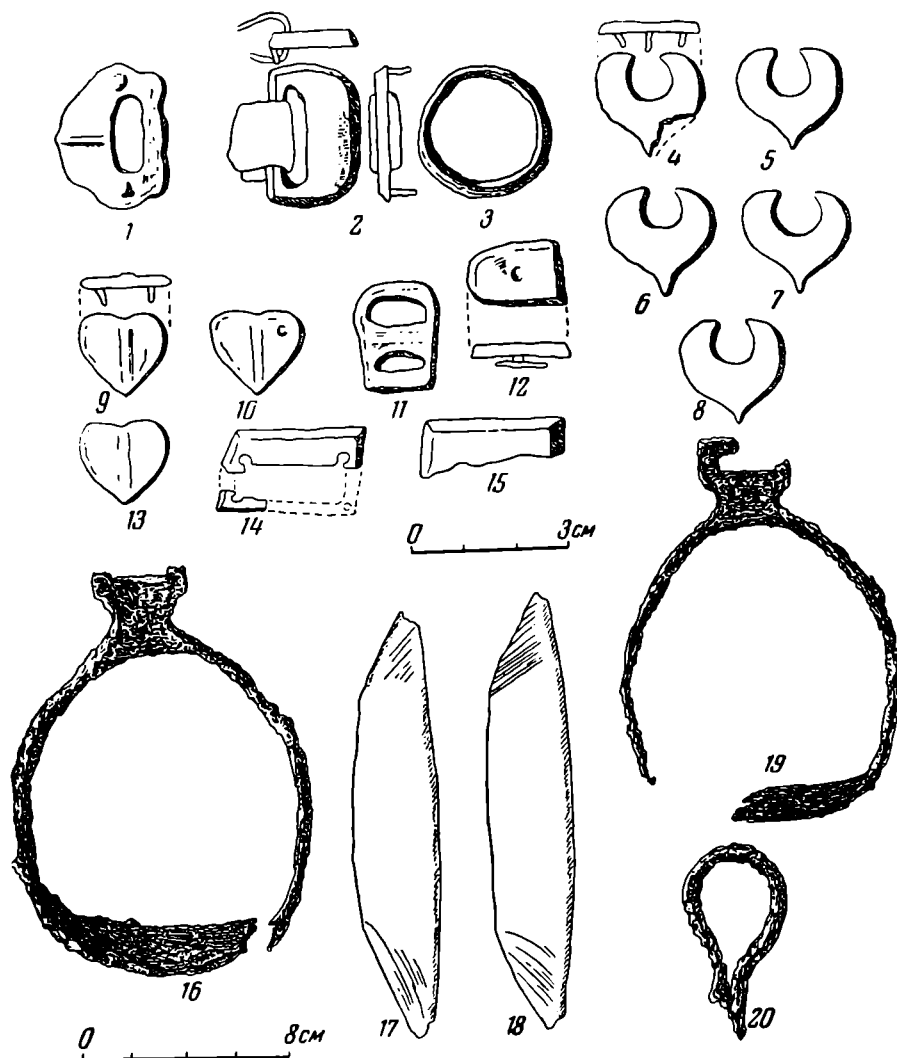

Рис. 2. Вещи из погребения

1—15 — бронзовые бляшки конского убора; 16, 19 — железные стремена; 17, 18 — костяные накладки от лука; 20 — обломок железных удили

Обряд погребения с лошадью был широко распространен у кочевых скотоводческих племен. С ним мы встречаемся у кочевников-тюрок, начиная с VI в., а до конца XIX в. он бытовал у телесов Восточного Алтая³. Редкость подобных находок в Чуйской долине может быть объяснена тем, что все раскопки велись в надпойменной части ее, издавна населенной оседло-земледельческими племенами.

¹ Труды Семиреченской экспедиции. «Чуйская долина», МИА, № 14, 1950, стр. 81.

² А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26, 1952, стр. 81—83; А. Кибиров. Работы Тянь-Шаньского археологического отряда. КСИЭ, вып. XXVI, 1957.

³ С. И. Руденко. Культура населения горного Алтая в скифское время. М.—Л., 1953, стр. 332.

Наиболее близкие аналогии мы находим в материалах из раскопок С. В. Киселева⁴, В. П. Левашовой⁵, Л. А. Евтюховой⁶ в Хакасии и других районах Южной Сибири. Так, например, аналогичные нашим костяные обкладки лука найдены в погребении кургана № 1 группы IV из Курайской степи⁷. В курганах этой же группы найдены золотые и серебряные ременные бляшки⁸, внешний вид которых перекликается по форме с бляшками из нашего погребения (рис. 2, 1, 2, 4—8). Надо сказать, что некоторые из них (рис. 2, 4—8) имеют вид стилизованных бараньих рогов. Узор этот и поныне является одним из главных мотивов киргизского национального орнамента⁹. Стремена, подобные нашим, встречаются в Курайских¹⁰, Кудыргинских¹¹ и Капчальских¹² курганах. Аналогии с верхнеенисейскими и алтайскими находками позволяют датировать наше погребение VI—VIII вв. и являются лишним доказательством этнического и культурного родства кочевников Чуйской долины с древним населением Алтая и Верхнего Енисея.

⁴ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, гл. 8.

⁵ В. П. Левашова. Два могильника кыргыз-хакасов. МИА, № 24, 1952, стр. 121—136.

⁶ Л. А. Евтюхова, С. В. Киселев. Отчет о работах Саяно-Алтайской экспедиции в 1935 г. Тр. ГИМ, вып. XVI, 1941.

⁷ Там же, стр. 108, рис. 50.

⁸ С. В. Киселев. Ук. соч., табл. 52, 2; табл. 50, 5.

⁹ История Киргизии, т. I, Фрунзе, 1956, стр. 246.

¹⁰ С. В. Киселев. Ук. соч., стр. 537, табл. 50, 22.

¹¹ С. И. Руденко, А. Н. Глухов. Могильник Кудыргэ на Алтае. МЭ, т. III, вып. 2, Л., 1927, рис. 16, 2.

¹² В. П. Левашова. Ук. соч., рис. 1, 42, рис. 5, 15, 53, 54.

Д. М. АТАЕВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ДИДО

Районы Аварии, примыкающие к Главному Кавказскому хребту (Сунтинский, Цумадинский и отчасти Ахвахский), представляют большой интерес в археологическом отношении.

Ряд исследователей и коллекционеров как в дореволюционное время, так и в годы Советской власти собрал здесь многочисленный и своеобразный материал: бронзовые фигурки людей и животных, бронзовые украшения и т. д., ныне хранящиеся в различных музеях Советского Союза. Отдельные комплексы такого рода материалов стали известны благодаря раскопкам Д. П. Татарина, К. Н. Россикова¹, Ж. Бапста² и И. В. Мегрелидзе³.

Однако отсутствие тщательной научной документации в значительной степени снижает ценность археологического материала, добытого указанными исследователями. И только в результате раскопочных работ, принятых в 1937—1938 гг. А. П. Кругловым у селения Арго, Ахвахского района, получен материал, проливающий свет на характер некоторых из этих памятников. К сожалению, работа, начатая А. П. Кругловым, не была продолжена, и в течение почти двадцати лет замечательные памятники Дидо оставались вне поля зрения археологов.

¹ А. А. Иессен. Работы на Сулаке. Отчет о работах. ИГАИМК, вып. 110, 1935, стр. 29—39.

² G. Vapst. Souvenirs du Caucase. Fouilles sur la Grande Chaîne. RA, III серия, т. V, 1885, стр. 35—46.

³ И. В. Мегрелидзе. Археологические находки в Дидо. СА, XV, 1951, стр. 289; А. П. Круглов. Культурные места горного Дагестана. КСИИМК, вып. XII, 1946, стр. 31—40.

Начиная с 1956 г. работы по изучению древностей Дидо возобновились и включаются в план работ Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала Академии наук СССР.

* * *

В 1956 г. при строительных работах близ с. Бежта, Цунтинского района, Дагестанской АССР, были сделаны интереснейшие находки (бронзовые фигурки животных, украшения, обломки железного оружия), переданные строителями ИИЯЛ. В том же году 2-й горный отряд (начальник М. И. Пикуль) заложил разведочный раскоп (20 м²) близ места, давшего, по словам строителей, наибольшее количество находок. Через год раскопки были продолжены. Дополнительно было вскрыто 45 м².

В результате удалось установить, что мы имеем дело с одним из наиболее интересных могильников на территории нагорного Дагестана. Могильник этот находится на опушке леса, на крутом берегу р. Хзан-Ор, притока Аварского Койсу. Склон этот представляет собой делювиальные отложения в виде мелкой сланцевой щебенки, являющейся продуктом денудации близлежащих сланцевых хребтов.

С севера могильник граничит с крутым склоном небольшого хребта. Южная часть срезана дорогой и представляет собой довольно крутую осыпь, опускающуюся к речной пойме. С западной и восточной сторон могильник огражден двумя оврагами сравнительно недавнего происхождения. Окрестности Бежтинского могильника богаты лесными массивами и горными пастбищами. Протекающая рядом река изобилует форелью. В лесах водится много дичи. Все это в сочетании с находящимися рядом поверхностными выходами медной руды создает исключительно благоприятные условия для жизни человека.

Важнейшим результатом работ 1956 и 1957 гг. является выяснение характера памятника и его предварительная датировка.

Особенностью Бежтинского могильника является почти полное отсутствие костяков погребенных. Кроме того, могильные ямы не отмечены изменением характера почвы. Все это объясняется почвенно-климатическими условиями.

В результате работ М. И. Пикуль было установлено, что погребальный обряд представляет собой захоронение отдельных голов, вокруг которых группировался погребальный инвентарь: бронзовые украшения, железное оружие и т. д.⁴

Материалы раскопок 1957 г. дают основание полагать, что, помимо захоронения отдельных голов, имело место захоронение целых трупов, что явствует из расположения погребального инвентаря на одном горизонте и из положения сохранившихся костей. Как показывает материал, погребенные лежали в вытянутом положении, головами на юго-запад. В районе предполагаемой могильной ямы прослеживались угольки. Некоторые погребения отмечены камнями.

Таким образом, своеобразие погребального обряда Бежтинского могильника заключается в том, что, наряду с захоронениями целых трупов, наблюдается захоронение отдельных голов.

Погребальный инвентарь Бежтинского могильника состоит из украшений (рис. 1, 1—20, 22; рис. 2, 1, 3, 4, 6), принадлежностей туалета (рис. 2, 2, 5), предметов вооружения (рис. 3, 1—2; рис. 1, 21) и быта (рис. 3, 10—12).

Украшения представлены разнообразными бронзовыми пряжками, в том числе ажурными литыми бронзовыми и железными фибулами; брон-

⁴ М. И. Пикуль. Археологические памятники I тысячелетия нашей эры северо-западной части нагорного Дагестана. Отчет об археологических разведках 2-го горного отряда экспедиции ИИЯЛ ДагФАН СССР в 1956 г., ч. II. Архив ИИЯЛ, № 2312, стр. 61.

зовыми бляхами, браслетами, подвесками, многочисленными бусами из камня, сердолика, горного хрусталя, стекла и пасты. Встречаются предметы туалета: зеркала, булавки и т. д.

Большинство украшений относилось к женскому головному убору, представляющему собой кожаный или сделанный из грубого сукна колпак,

Рис. 1. Предметы из Бежтинского могильника

на который пришивали или привешивали самые разнообразные украшения (до нескольких сотен). Удалось реконструировать один из головных уборов. По самому краю его на толстой ленте нанизывалось несколько десятков медных треугольных привесок, которые обрамляли лоб (рис. 1, 4).

Выше пришивалось или привешивалось большое количество ажурных штампованных бляшек (рис. 1, 22) и пряжек (рис. 1, 16, 17), обычно в несколько рядов. На макушке в шахматном порядке пришивались небольшие бронзовые бляшки полусферической формы. Кроме того, обнаружены

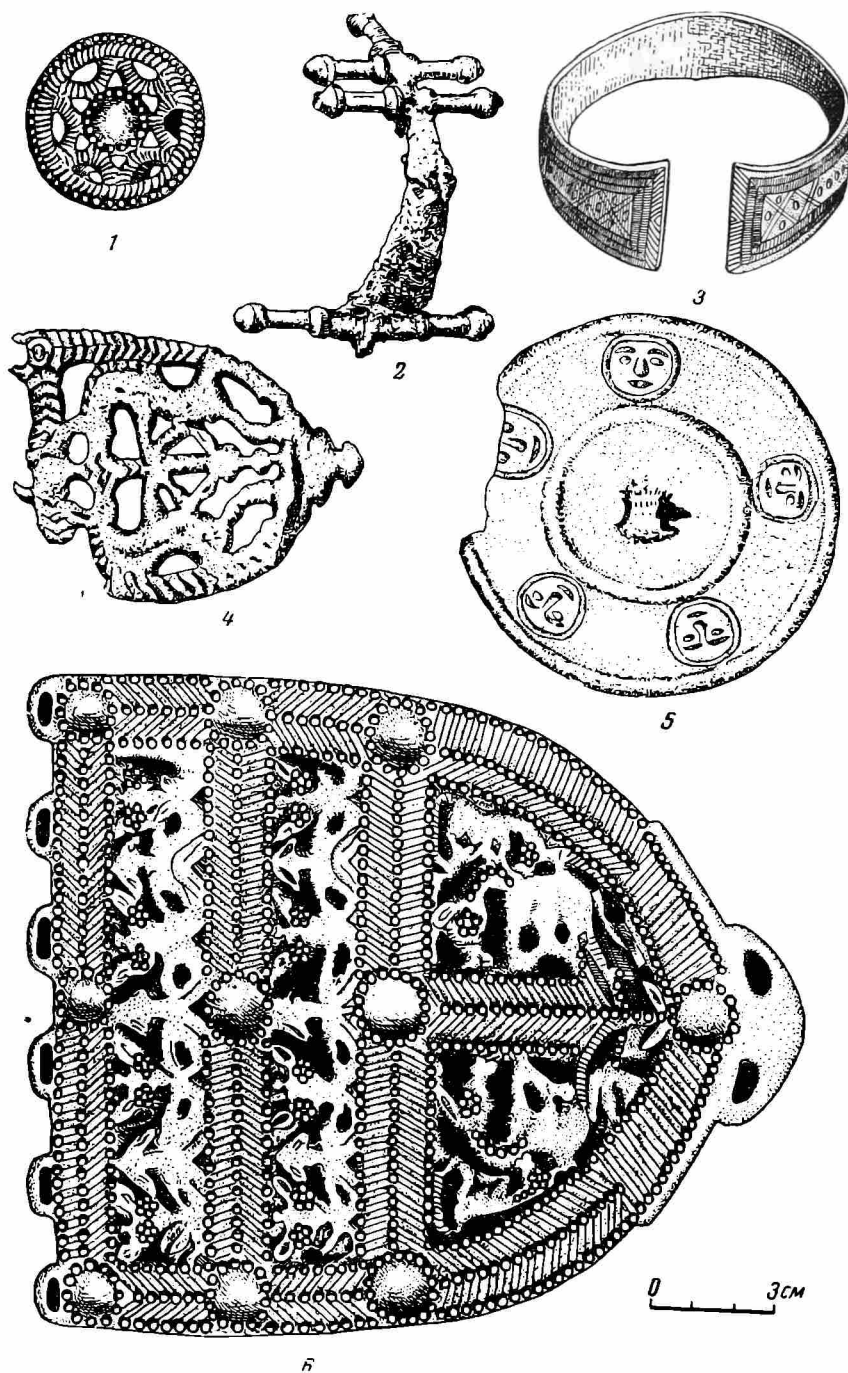

Рис. 2. Предметы из Бежтинского могильника

различной формы и цвета бусы, служившие украшением к головному убору (рис. 1, 1—3, 5). Кроме пряжек и бус, в качестве украшений головного убора использовались и бронзовые кольца (рис. 1, 13). На щеки и шею ниспадали бронзовые трубочки, бронзовые головки животных (рис. 1, 8,

9, 12) и много полуколючек, которые нанизывались на толстый крученый шнур, частично сохранившийся.

Обнаружен материал, позволяющий характеризовать военный быт и вооружение горцев: железные шлемы конической формы (шишаки)

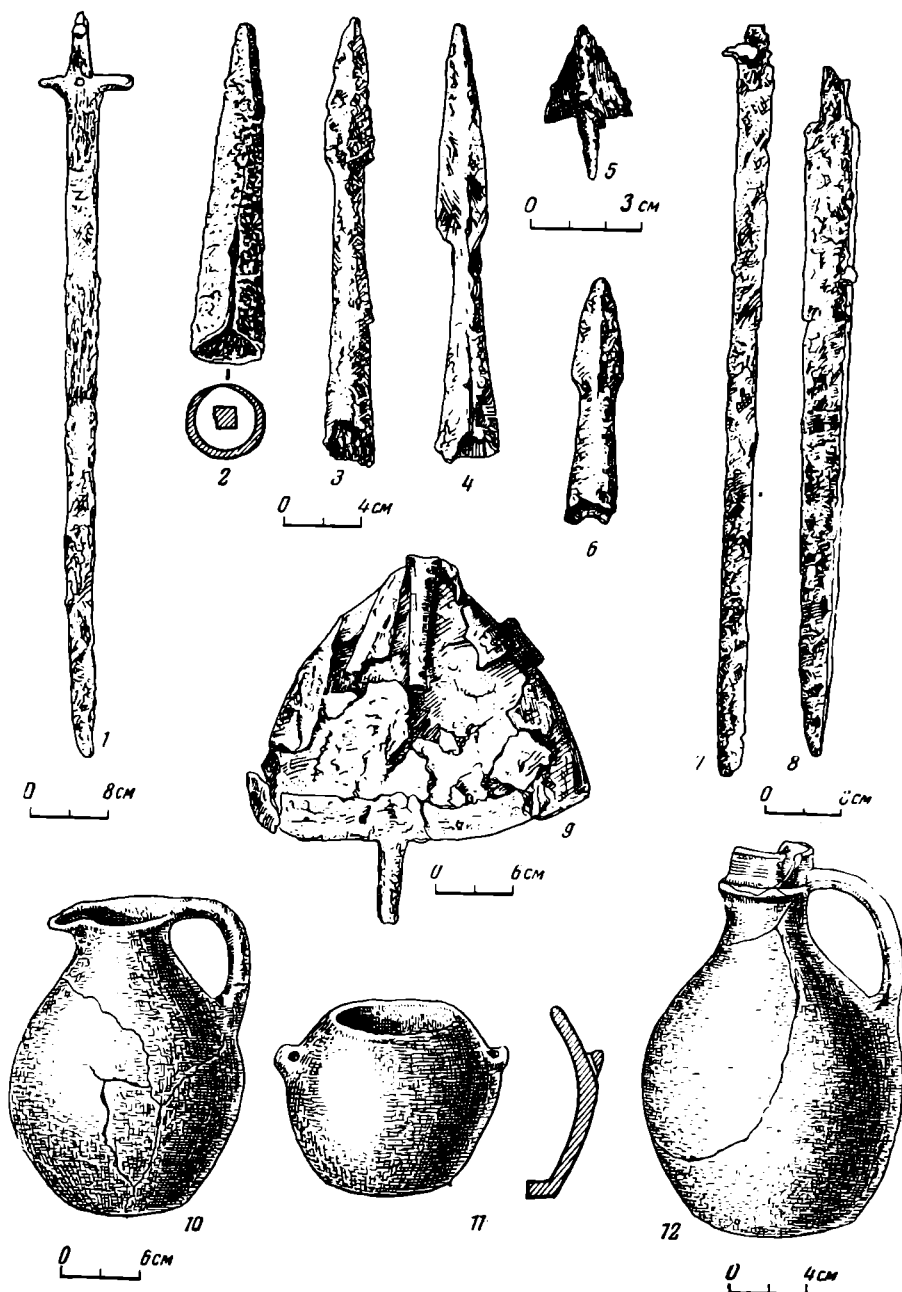

Рис. 3. Предметы из Бежтинского могильника

(рис. 3, 10.), мечи (рис. 3, 7), палаши (рис. 3, 1, 8), разнообразные наконечники копий и стрел (рис. 3, 2—6).

Поражает многообразие форм и высокое качество оружия. Наряду с простыми наконечниками, изготовленными из свернутого железного листа треугольной формы (рис. 3, 2), встречаются и великолепные экземпляры втульчатых наконечников копий с листовидным или пламенивидным жа-

лом (рис. 3, 3, 4, 6). Рубящее оружие представлено палашами и мечами самых разнообразных видов и размеров. Сохранилось двое деревянных ножен, сплошь обложенных бронзовыми штампованными пластинками.

Основными формами керамики являются красноглиняные и сероглиняные кувшины с широким дном, яйцевидным туловом и цилиндрическим горлом, с характерным устьем в виде тройного раструба (рис. 3, 10).

Инвентарь представлен как комплексом архаического характера, так и вещами сравнительно позднего облика. К первым относятся булавки с навершием из пяти шишечек (рис. 1, 10), литые массивные ажурные поясные пряжки из бронзы и серебра (рис. 2, 4, 6), сходные с закавказскими по трактовке деталей, но отличающиеся от них по общей форме⁵.

К вещам, имеющим поздний облик, относятся бронзовые браслеты, бронзовые и железные фибулы, перстни с плоскими щитками и гнездами для вставок, железные шлемы, палаши, наконечники копий и т. д.

Факт нахождения этих, казалось бы, разновременных предметов на одном горизонте и в постоянно повторяющихся комплексах свидетельствует о сосуществовании этих форм.

Судя по общему облику оружия, формам большинства предметов украшения (фибул, браслетов, колец, в том числе с куфической надписью, рис. 1, 20) и зеркалам, могильник ориентировочно датируется последней третью I тысячелетия н. э.

Материал Бежтинского могильника свидетельствует о высоком уровне развития местной металлургии и металлообработки. В литейном деле применялись разнообразные методы: часть бронзовых вещей исполнена путем отливки в открытых или же двухстворчатых литейных формах (височные привески дуговидной формы — рис. 1, 7), другие предметы отлиты по восковой модели (ажурные пряжки, бляхи, фигурки животных).

Металлообработка представлена ковкой (треугольные височные привески и т. д.), штамповкой (умбовидные ажурные бляхи и т. д.) и тиснением. Известен был также и пунсон.

Металлургия и металлообработка развивались на основе местных руд, выходами которых так богаты окрестности Бежты⁶.

Бежтинский могильник имеет много специфических особенностей в погребальном обряде и в инвентаре, что выделяет его из круга памятников раннего средневековья.

Наряду со своеобразными формами (височные привески дуговидной формы, треугольные подвески от головного убора, разнообразные бляхи и т. д.), в инвентаре Бежтинского могильника немало форм, которые перекликаются с встречающимися в средневековых памятниках Дагестана и других областей Кавказа.

Так, например, пряжки-сюльгамы (рис. 1, 17) близки к таковым из Большого Буйнакского кургана, датируемого III—VII вв. Браслеты из Бежты с биконическими утолщениями посередине и коническими на концах известны из Агачкалинского могильника (VII—X вв.), из Верхне-Чирортовского могильника (V—VIII вв.) и из второго слоя Галинского могильника (VII—X вв.). Перстни из Бежты с плоскими щитками и гнездышками были широко распространены в раннем средневековье по всему Кавказу.

Принадлежности туалета — зеркала и головные булавки с инкрустированными головками — имеют также аналогии с подобного рода находками из средневековых могильников Дагестана (Гапшима, III—VII вв.; Гама, нижний слой, V—VI вв. и др.).

⁵ Дагестанские поясные пряжки, аналогичные найденным в Бежтинском могильнике, хранятся в ряде музеев Советского Союза. По-видимому, из Дагестана происходят две подобные пряжки из собрания Е. Зичи, изданные им как кубанские. См. E. de Zichy. Voyages au Caucase et en Asie Centrale, т. II, Budapest, 1897, № 239.

⁶ Л. А. Варданянц. О местонахождении цветных металлов в Дагестанской АССР. Сб. «Природные ресурсы Дагестанской АССР», М.—Л., 1935, стр. 83—84.

Предметы вооружения из Бежты (шлемы, палаши с намечающимся на конце изгибом), несомненно, датируются в пределах VI—IX вв., когда подобные формы были широко распространены на юге нашей страны и на Кавказе.

Наконец, керамика из Бежты по форме характерна для раннего средневековья Дагестана и всего Кавказа.

Тем не менее инвентарь Бежтинского могильника в основной своей массе отличается своеобразием, что свидетельствует о местном характере исследуемой культуры.

Результаты раскопок у с. Бежты дают некоторые представления относительно религиозных верований древнего населения. Отдельное погребение голов в сопровождении многочисленных предметов (украшения, оружие) дает возможность полагать, что мы здесь имеем дело с культовым захоронением. В связи с этим большой интерес представляют сведения арабских писателей о религиозных представлениях жителей Серира (Аварии). Как сообщает Ибн Руста (X в.), в Серире «во владении царя 20 000 ущеллий. В них обитают разного рода люди... Все они поклоняются сухой голове»⁷.

Помимо Цунтинского района, 2-й горный отряд Дагестанской археологической экспедиции производил разведочные работы в Цумадинском районе. В сс. Эчеда и Сильди, расположенных близко от северного склона Кавказского хребта, также найдены предметы, часть которых аналогична находкам из Бежтинского могильника. Разведочные работы позволили установить, что бронзовые статуэтки встречаются, помимо культовых мест, также и на древних поселениях, относящихся, очевидно, к кругу памятников типа Бежта.

⁷ И б н Р у с т а. Из книги драгоценных камней. СМОМПК, вып. 32, 1903, стр. 47.

Р. Л. РОЗЕНФЕЛЬДТ

О ДРЕНАЖНЫХ СООРУЖЕНИЯХ В ЗАРЯДЬЕ

Среди разнообразных деревянных конструкций XIV—XVII вв., исследованных во время работ Московской экспедиции ИИМК АН СССР, в Москве, в Зарядье, неоднократно встречались дренажные сооружения. Они были различны по протяженности, пропускной способности, глубине заложения. А. Ф. Медведев в обстоятельной заметке о новгородских дренажных сооружениях XII в. дал краткое описание нескольких подобных дренажей из Москвы XV—XVII вв., раскрытых в первые годы работы экспедиции¹. Отдельные московские дренажи охарактеризованы в статьях М. Г. Рабиновича, А. Ф. Дубынина, Э. А. Рикмана². Теперь, после новых больших раскопок в городе, можно отметить некоторые характерные и, на наш взгляд, важные черты конструкции этих сооружений и сде-

¹ А. Ф. Медведев. Водоотводные сооружения древнего Новгорода. КСИИМК, вып. XL, 1951, стр. 51—73.

² М. Г. Рабинович. Великий посад Москвы. КСИИМК, вып. 57, 1955, стр. 79; М. Г. Григорьев. Древняя Москва. Сб. «По следам древних культур. Древняя Русь», М., 1953, рис. на стр. 343; А. Ф. Дубынин. Работы Московской экспедиции. КСИИМК, вып. 57, 1955, стр. 71, 76, рис. 19; его же. Археологические исследования в Зарядье (Москва). КСИИМК, вып. 65, 1956, стр. 119—129, рис. 44; Э. А. Рикман. Результаты археологических наблюдений в Зарядье. КСИИМК, вып. 57, 1955, стр. 83—91.

лать определенные выводы о водном режиме этого старейшего района столицы. В свою очередь, это крайне важно для выяснения ряда спорных вопросов ранней планировки города.

Наиболее часто при раскопках в Зарядье из дренажных сооружений встречаются деревянные трубы, изготовленные обычно из сосновых бревен. Техника производства их проста. Ошкуренное бревно топором и клиньями раскалывалось на два полубревна. Затем полукруглым теслом выбирался внутренний канал трубы. Наружный диаметр дренажных труб из встреченных в Зарядье обычно 20—30 см, диаметр канала в них 10—20 см. Длина прослеженных секций труб — 10 м; довольно часто встречаются и более короткие отрезки их, протяженностью в 1,5—2 м. Трубы дренажной линии чаще всего соединялись впритык, реже суженный конец одной входил в кольцевой внутренний паз другой, рядом расположенной трубы. Места соединения труб обматывались кусками бересты («скалом»). Встречены дренажные трубы, целиком обмотанные берестой. Насколько удалось проследить, дренажи этого вида отводили воду только из заглубленных в землю построек — подклетов церквей, ледников, погребов. Для того чтобы трубы не загрязнялись, в начале системы — в головной трубе — ставился войлочный фильтр. Деревянные дренажные трубы закладывались в специально вырытые для них канавы на глубину в 0,5—1 м от поверхности и имели видимый на глаз уклон в среднем около 5—7 см на погонный метр. Дренажная система, состоявшая из трубы или нескольких труб, оканчивалась водопоглощающим колодцем, глубина которого зависела от мощности культурного слоя на том месте, где он сооружался. Нижние венцы его углублялись в материковый песок, а верхние были выше дневной поверхности того времени. Удалось проследить, что дренажные водопоглощающие колодцы имели иногда по нескольку расположенных на разной высоте отверстий для ввода труб. В связи с повышением уровня культурного слоя, изменением планировки усадеб производилась перекладка дренажей, в стенках колодца делались для этого новые проруби. Если из ряда заглубленных в землю помещений вода в дренажную систему поступала самотеком, главным образом из водоемкой песчанистой подсыпки под полом помещения, то из ледников она обычно отчерпывалась. Для сбора воды в ледниках в углу их имелись водосборные бочки-отстойники, зарытые в землю. Высота их около 0,5 м при диаметре 0,35 м. Одни из них — долбленые, липовые другие — из дубовых клепок. У этих водосборных бочек не было дна, ибо вода могла попасть в яму, в которой располагалась бочка, и при наличии дна последняя могла всплыть. В тех случаях, когда поглощающий колодец находился неподалеку от осушаемого помещения, вместо труб иногда использовались желоба, выдолбленные из бревна и покрытые вдоль тесной и «скалом». Сточная вода в дренажных колодцах опускалась до песчанистого сухого водопоглощающего материка, а частично шла на поливку огородов и садов, использовалась и на производственные нужды. В каждом из московских дренажных водопоглощающих колодцев XVI—XVII вв. имеется настоящий «склад» битых, реже — целых белоглиняных и чернолощеных кувшинов, которыми доставалась вода. В документах XVI—XVII вв. часто говорится о покупке кувшинов «для поливания капусты». Дренажные сооружения этого типа встречены в Зарядье в слоях XIV—XVII вв. Протяженность их была небольшой, и, по-видимому, они редко выходили за пределы одной или, может быть, нескольких смежных усадеб.

Нет никакого сомнения в том, что всю территорию Зарядья покрывает целая сеть подобных «местного значения» дренажей с соответствующим числом поглотительных колодцев. Кроме этих сугубо местного характера дренажных систем, употреблявшихся только для осушения подземных сооружений, с ограниченными водопроводящими качествами, в Зарядье

известны дренажи и другого рода, предназначенные для сброса ливневых вод. Они состояли из разветвленной системы сточных канав, отводящих воду к более крупным водопоглощающим колодцам. Канавы эти обычно имели ширину 0,3—0,5 м и глубину 0,2—0,3 м. Наиболее ранние из них имели необлицованные стенки и были отрыты в культурном слое. Сверху они перекрывались поперечными брусьями и вдоль положенными лагами и жердями. Такие канавы относятся к XIV—XV вв. В XV—XVI вв. большое распространение получают водосборные канавы со стенками, забранными плетнем, со стенками, обложенными жердями, закрепленными между вертикально вбитых кольев, и канавы со стенками, укрепленными частоколом. Они перекрывались, как и более ранние сооружения этого рода, поперечными брусьями и продольными лагами, а выше — слоем бересты. В конце XVI и в XVII в. получают широкое распространение дренажные канавы со стенками из бревен, забранных концами в пазы вертикально поставленных столбов. Дно их выстилалось тесинами. Сверху канавы эти перекрывались обычно бревенчатым накатом на подкладах и берестой. Все эти дренажи заглублялись в землю так, чтобы перекрытие их было на 0,10—0,15 м ниже поверхности земли. Вода в них поступала при фильтрации; очевидно, были и поглощающие отверстия. Обычное направление этих канав с севера на юг, но есть также и расположенные в широтном направлении. Отмечено вхождение в один поглощающий колодец нескольких таких канав. Протяженность этих сооружений была большей, чем у дренажных труб, и одна система обслуживала несколько рядом расположенных усадеб. Отмечено постоянство в размещении дренажных канав, которое может дать определенные выводы о планировке отдельных районов Зарядья в XVII в.

Следует отметить, что ранее высказанные предположения о возможном сбросе воды из этих дренажей в р. Москву не подтвердились.

Вышеперечисленные дренажные сооружения предназначены были только для отвода воды из заглубленных построек или для сброса ливневых вод. Ни один дренаж не сооружался для осушения самого культурного слоя, ибо последний почти не пропускал влаги. Удаление воды проводилось поглощающими колодцами, которые пробивали культурный слой и отводили воду в верхний горизонт песчанистого материка, не насыщенного водой. Поэтому свидетельства документов о заболоченности Зарядья следует понимать в том смысле, что в XIV—XVII вв. здесь в связи с наличием мощных горизонтов плотного культурного слоя на *поверхности его* образовывались заболоченные участки, с которыми население боролось, устраивая разветвленную систему дренажей, пробивая культурный слой до нижележащего водопоглощающего песка. Особо отрицательные в этом смысле результаты получались после постройки стены Китай-города (1535—1538 гг.), которой Зарядье было отрезано от р. Москвы. Из сказанного выше следует, что нельзя чертами, характерными для XIV—XVII вв., характеризовать водный режим этого района в XII—XIII вв., когда культурный слой здесь был сравнительно небольшой и легко поглощал ливневые воды. В древности этот участок города был сухим и вполне пригодным для размещения древнейшего московского поселения³. Находки здесь вещей XII—XIII вв. являются наглядным свидетельством заселенности Зарядья в раннее время. Пора отказаться от легенды об «извечной» заболоченности этого района, которая на самом деле явилась здесь следствием интенсивной человеческой деятельности.

³ Р. Л. Розенфельдт. К вопросу о начале Москвы. СА, 1957, № 4, стр. 93—98.

Ю. М. ЗОЛОТОВ

НАДГРОБИЯ МОСКОВСКИХ РЕМЕСЛЕННИКОВ XVII в.

Древние белокаменные надгробия в культурном слое Москвы встречаются довольно часто. Их находят во время археологических, а чаще всего — строительных и реставрационных работ, широко ведущихся сейчас в столице.

В большинстве своем — это надгробия знатных людей, крупных феодалов — светских и духовных — или их слуг¹. Надгробия же самого многочисленного отряда городских жителей — ремесленников — находка очень редкая. До настоящего времени их было найдено только четыре². Между тем для характеристики московского посада XVI—XVII вв. они представляют несомненный интерес.

Недавно при реставрации памятника архитектуры — церкви Рождества Богородицы в Путинках — были найдены еще две плиты московских ремесленников³.

Первая из них (рис. 1) лежала в фундаменте абсиды церкви на глубине 2,5 м. Надпись на ней, сделанная углублением, гласит: «Лета ᠑᠓᠑᠗ (13) день преставися/раб божий Иван Юр/евъ сын зелей/щик».

Длина плиты — 78 см, ширина — 49 см, толщина — 20 см. Плита сохранилась неполностью: нижняя часть ее отколота, но надписи на ней, очевидно, не было. Орнаментация памятника представляет собой сочетание двух мотивов: «зубчика» (двойной ряд треугольников) и «жгутика» или «плетенки». Первый из этих орнаментов — «зубчик» — более архаичен, он господствовал в украшении плит всю первую половину XVI в., однако встречался и позже в сочетании с новым мотивом — «плетенкой» — до середины XVII в., когда они исчезли оба одновременно⁴.

Надпись разделена на шесть строк, имеет пять лигатур: «ле», «пр», «аб», «ив», «ав» (дважды), причем в первом случае лигатура «ав» представляет собой соединение окончания слова «августа» с последующим предлогом «в». Есть также десять надстрочных выносов букв, три сокращения слов: «бжий» — «божий», «г» — «года», «дн» «дня».

Несмотря на довольно большое количество лигатур, сокращений и пр., надпись читается легко: здесь еще нет той слишком сложной и витиеватой вязи, встречающейся на более поздних памятниках XVII в.

Итак, Иван Юрьев был зелейщиком, или «пороховых дел мастером».

В переписи Москвы за 1638 г. упоминается много представителей этой профессии: зелейщики, зелейные мастера, зелейные подмастерья, зелейные ученики — всего 30 человек⁵. Большинство их значится живущими в Пушкарской слободе, близ современной улицы Сретенки⁶. Упоминается и место их работы — зелейная мельница⁷ — предприятие

¹ А. В. Арциховский. Надписи, найденные на метрострое. По трассе первой очереди Московского метрополитена. Л., 1936, стр. 162—164; В. Б. Гиршберг. Надписи из Георгиевского монастыря. Тр. Музея истории и реконструкции Москвы, вып. 5, 1954.

² В. Н. Щепкин. Описание надгробий. Отчет Исторического музея в Москве за 1906 г. Приложение. М., 1907, стр. 85; Отчет Исторического музея в Москве за 1911 г. Приложение. М., 1912, стр. 12; А. А. Мартынов. Надгробная летопись Москвы. Русский архив, 1895, № 5, стр. 99; М. Г. Рабинович. Раскопки 1946—1947 гг. в Москве на устье Яузы. МИА, № 12, 1949, стр. 16.

³ Приношу глубокую благодарность руководителю реставрационных работ архитектору Н. Н. Свешникову за оказанную мне помощь при сборе материалов.

⁴ А. В. Арциховский. Ук. соч., стр. 162.

⁵ Тр. Московского отдела Русского военно-исторического общества, т. I. Росписной список города Москвы 1638 г. М., 1911, стр. XIX. (Далее — «Росписной список»).

⁶ Там же, стр. 215—220.

⁷ Там же, стр. 216.

мануфактурного типа. В Москве в то время были две зеленые мельницы казенные и много частновладельческих мастерских, также работавших на казну⁸. Таким образом, перед нами — хорошо налаженное химическое производство и значительный отряд специалистов-химиков средневековой Москвы. Иван Юрьев был среди них, по-видимому, лицом значительным, сумевшим добиться известного благосостояния, о чем говорит сам факт сооружения надгробия над его могилой, которое, впрочем,

через 17 лет было использовано в качестве строительного материала для новой церкви.

Вторая плита (рис. 2) — надгробие другого московского ремесленника, Семена Иванова — была обнаружена в той же церкви. Из этой плиты сделали резной наличник. При обработке у плиты скололи верх, содержащий даты, обруббили низ и бока, а в середине сделали паз. В таком виде размеры плиты следующие: длина — 75 см, ширина в изголовье — 42 см, в ногах 27 см, толщина — 25 см. Орнамент почти полностью сбит, но все же можно заметить, что здесь также есть и «зубчик», и «плетенка». Буквы очень похожи по начертанию на те, что имеются на плите Ивана Юрьева, поэтому вторую плиту можно также датировать 30—40-ми годами XVII в. Сохранившаяся надпись, состоящая из трех строк, читается сравнительно легко, она гласит: «... Преставися раб божий | Семен Иванов сынъ | аловеничник».

Рис. 1.

В надписи имеется шесть лигатур: «пр», «ст», «ав», «ив», «ни» (дважды), шесть выносных букв, два титла, сокращения: «бжий» — «божий» и «снъ» — «сын». Из других особенностей надписи следует отметить типично московское «аканье» в написании слова «аловеничник», которое должно, конечно, писаться «оловеничник».

В 1638 г. в Москве значилось четыре человека, имевших профессию оловеничника⁹. Ремесленник-оловеничник, или «оловенишник», был, скорее всего, мастером-посудником. В некоторых документах XVII в. упоминаются сосуды для ношения воды, называемые оловенниками¹⁰. Они представляли собой кувшины особой формы и делались не обязательно из олова. В домах знати очень часто отмечаются серебряные оловенники, даже с позолотой¹¹. Таким образом, Семен Иванов мог быть фактически серебряных или даже золотых дел мастером.

⁸ Н. И. Фальковский. Москва в истории техники. М., 1950, стр. 349 сл.

⁹ Росписной список, стр. XX.

¹⁰ Выходы государей царей и великих князей Михаила Федоровича, Алексея Михайловича, Федора Алексиевича (с 1632 по 1682 г.), М., 1844, стр. 379.

¹¹ И. Е. Забелин. О металлическом производстве в России до конца XVII в. Зап. Археологического общества, т. V, 1853, стр. 83.

Подведем итоги. Из шести ремесленников, известных нам по упомянутым памятникам, трое были заняты в металлическом производстве: это — кольчужник Григорий Дмитриев (1596 г.)¹², оловеничник Семен Иванов (30—40-е годы XVII в.), «мастер денежного серебряного двора» Андрей Пестов (1680 г.)¹³. Три человека трудились в химическом производстве:

Рис. 2

кожевник Петр Афонасьев (1589 г.)¹⁴, «селитреной мастер» Борис Михайлов сын Колесов (1630 г.)¹⁵, зелейщик Иван Юрьев (1631 г.).

Несомненно, что все они были людьми преуспевающими и среди своих собратьев по труду являлись наиболее богатыми и обеспеченными, со-

¹² М. Г. Рабинович. Ук. соч.

¹³ А. А. Мартынов. Ук. соч.

¹⁴ В. Н. Щепкин. Ук. соч., стр. 12.

¹⁵ Там же, стр. 85.

ставляя, так сказать, верхи посада, его аристократию. Поэтому их могилы, а также могилы их родственников (жены Петра Афонасьева) были украшены богатыми надгробиями, которые почти ничем не отличаются от надгробий бояр, дворян и прочей феодальной знати.

Между тем изготовление и установка таких памятников были в то время довольно дорогостоящим делом. Ведь только сами плиты — необработанные полутора-двухаршинные бруски белого камня — продавались на Мячковских каменоломнях в середине XVII в. от 6 алтын 4 денег до 20 алтын за штуку¹⁶. Не менее 10 алтын стоила, видимо, резьба надписи и украшений на плите, которая, к тому же, по обычаю того времени, очень часто (если не всегда) раскрашивалась¹⁷.

Таким образом, все расходы, связанные с установкой подобных памятников, включая сюда и их перевозку, равнялись приблизительно 1 рублю, что по тем временам являлось довольно значительной суммой. Такие расходы для рядовых тружеников были очень обременительны. Достаточно сказать, что четверть ржи (4,7 пуда) стоила в середине XVII в. около 72 копеек, ржаная мука — от 8 до 18 алтын за четверть¹⁸. В то же время большинство ремесленников (гончары, печники, плотники портные и т. д.), а также поденщики зарабатывали за день от 6 до 12 денег, а иногда и меньше, в среднем же алтын¹⁹.

¹⁶ Н. И. Фальковский. Ук. соч., стр. 179, 180.

¹⁷ В. Б. Гиршберг. Ук. соч., стр. 127, 128.

¹⁸ М. В. Довнар-Запольский. Торговля и промышленность Москвы XVI—XVII вв. Москва в ее прошлом и настоящем, вып. VI, М., 1910, стр. 9.

¹⁹ Там же, стр. 65.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

М. Г. Левин. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. Тр. Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия, т. XXXVI. Тр. Северо-Восточной экспедиции. М., 1958, 357 стр.

Монография М. Г. Левина «Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока» посвящена важной и большой теме, которая привлекала внимание многих поколений исследователей, русских и зарубежных, на протяжении почти двух веков, начиная с XVIII в.: историков, лингвистов, этнографов, антропологов и археологов, стремившихся выяснить происхождение народов Дальнего Востока, этнические взаимоотношения и историческое прошлое населения этого края.

Сложность, а вместе с тем важное значение этой темы определяется уже тем, что на Дальнем Востоке переплетаются исторические судьбы палеоазиатских тунгусо-маньчжурских народов, а также (в прошлом) монголов и тюрков, китайцев и корейцев.

М. Г. Левин вместе с тем не ограничивает свое исследование границами Советского Дальнего Востока, а выходит за пределы Приморья, Амура, Сахалина и Крайнего Северо-Востока, с одной стороны — до Байкала и даже до Енисея и Урала, а с другой — до Японии.

Как указывает автор, в основу его работы положены материалы по этнической антропологии: «в той мере, в какой это было необходимо и доступно автору, в работе использованы этнографические, археологические и лингвистические материалы». В работе широко использованы результаты личных полевых наблюдений автора, а также различные неопубликованные материалы по антропологии, этнографии и археологии Сибири и Дальнего Востока.

Исследованию М. Г. Левина предпослано общее теоретическое введение, где намечены основные методологические принципы, из которых он исходит в своей работе по исследованию этногенеза народов Дальнего Востока. Задача этногенетических исследований, по словам автора, не может быть ограничена только констатацией времени появления той или иной этнической группы, выявлением исходной языковой общности или первоначального этнографического комплекса. Изучение этногенеза того или иного народа должно охватывать весь процесс формирования современных этнографических лингвистических и антропологических особенностей, характерных для этого народа, т. е. всю его этническую историю. Такой подход требует, чтобы исследователь, занимающийся этими проблемами, опираясь на данные своей научной дисциплины, учитывал и материалы смежных дисциплин. М. Г. Левин пишет, что тезис об отсутствии всякой связи между языком и культурой, с одной стороны, и антропологическими типами, с другой, является глубоко ошибочным, что, напротив, формирование антропологических типов отражает конкретные исторические судьбы народов и тесно связано с ними. Антропологические типы складывались независимо от языка и культуры, но на определенной территории и в конкретные эпохи, поэтому «общность территории и была тем звеном, которое связывало этнографические и антропологические общности». Таким образом, антропологические данные дополняют, подтверждают и корректируют выводы, основанные на данных археологии, этнографии и языкознания. Особая же ценность антропологического материала для этногенеза заключается в том, что он позволяет ответить на вопросы об автохтонном или пришлом происхождении изучаемых групп населения, с переселениями и смешениями одних групп с другими.

М. Г. Левин уделяет затем особое внимание вопросу о принципах этнографической (историко-культурной) классификации и ее значении для исследования этногенеза. Он выделяет для Северной Азии шесть «основных хозяйственно-культурных типов» и отмечает наличие ряда историко-этнографических областей. В отличие от хозяйственно-культурных типов, историко-этнографические области могут иметь связь с антропологическими типами, поскольку речь идет об определенной территории, где происходит неизбежное сближение между населяющими ее обитателями, в частности путем брачных связей.

Следует добавить, что современные историко-этнографические области могут быть так или иначе сопоставлены с древними. Таковы например, большие области неолити-

ческих культур Сибири и Дальнего Востока. Это открывает возможность генетической увязки современных этнических групп с более древними, в том числе с неолитическими и эпохи бронзы.

Далее, в главе первой, рассматриваются общие вопросы антропологического изучения народов Северной Азии в целом. М. Г. Левин обстоятельно излагает историю антропологического изучения народов этой обширной части Азиатского материка, начиная с XVIII в., дает исторический обзор расовых классификаций и анализирует основные принципы последних.

М. Г. Левин различает в составе коренного населения Сибири и Дальнего Востока следующие расы: североазиатскую, арктическую, уральскую и южносибирскую. Две последние занимают промежуточное положение между монголоидной и европеоидной большими расами. Важно, что в составе северо-азиатской расы имеются два характерных типа — байкальский и центральноазиатский, в частности отличные друг от друга, но в общем более близкие друг к другу, чем каждый из них к другим расам монголоидной группы. Эти выводы отражены на очень наглядной карте — рис. 3.

В следующей, второй главе рассматриваются антропологические типы и проблема происхождения народов Нижнего Амура и Сахалина. В противоположность взглядам Л. Я. Штернберга, считавшего, что гиляки (нивхи) в антропологическом отношении не обладают чертами особого типа, М. Г. Левин полагает, что их характеризуют в антропологическом отношении своеобразные черты. Эти черты определяют особенности выделенного им амурсахалинского типа, столь же своеобразного, а вместе с тем и древнего, как язык и культура нивхов.

Антропологические исследования, суммированные М. Г. Левиным, тоже полностью подтверждают и дополняют выводы, сделанные ранее на археологическом материале, который детально рассмотрен в рецензируемой работе. Как мне уже не раз приходилось писать, в орнаментике и культуре нивхов действительно могут быть обнаружены черты, унаследованные от неолита Амура, а также Приморья и долины Уссури. Сюда в первую очередь относятся общие черты быта и такой специфический орнамент, как криволинейно-ленточная плетенка и спираль. Гиляки, несомненно, принадлежат к числу древнейших обитателей нашего Дальнего Востока; из всех племен Амура они полнее всего сохранили наследие неолитической культуры этого края.

Сложнее вопрос об отношении гиляков к Сахалину и о древнейшем населении последнего. Л. И. Шренк считал родиной гиляков о. Сахалин. Л. Я. Штернберг, напротив, считал, что гиляки сравнительно поздно проникли на Сахалин с крайнего северо-востока Азии и были родственны американским индейцам. М. Г. Левин обстоятельно рассмотрел эту проблему и показал, что взгляды Л. Я. Штернберга в данном случае не могут быть приняты, что же касается появления гиляков на Сахалине и их предшественников на этом острове, то, по мнению М. Г. Левина, загадочные «гончи» айских преданий были скорее всего гиляками или родственными им племенами, но не эскимосами, как полагали некоторые исследователи.

М. Г. Левин при этом привлекает и археологические материалы, которые, как показала Р. В. Чубарова, свидетельствуют о том, что в культуре ранних, неолитических, обитателей Сахалина имелись определенные черты, сближающие ее с эскимоской. Р. В. Чубарова видит в них свидетельство связи неолитического населения острова с эскимосами. Возражая Р. В. Чубаровой, М. Г. Левин полагает, что отдельные элементы древнеэскимосского комплекса на Сахалине не дают права считать о. Сахалин первоначальной областью формирования эскимосов. Эти элементы объясняются ролью Сахалина как территории, через которую такие элементы проникали с севера на юг, по направлению к Хоккайдо.

Таким образом, проблема, как и какими путями эти элементы эскимосской культуры появились на Сахалине, остается дискуссионной. Для решения же вопроса о времени появления на Сахалине гиляков необходимо выяснить связи между неолитом Северного Сахалина и низовьями Амура. Связи эти бесспорны; они выражаются в наличии одинакового гребенчато-пунктирного орнамента в виде вертикальных зигзагов на сосудах. Очень может быть, что эти совпадения объясняются проникновением нивхов с низовьев Амура на Сахалин еще в неолитическое время, т. е. примерно во II тысячелетии до н. э. Выяснить эти вопросы — настоятельная задача дальнейших исследований.

Вторая большая проблема этногенеза Дальнего Востока, рассмотренная во второй главе, — проблема происхождения тунгусо-маньчжурских народов Амура. Среди последних представлен иной, чем у гиляков, антропологический тип — байкальский, более поздний, как полагает М. Г. Левин, на этой территории. Интересен при этом обнаруженный М. Г. Левиным параллелизм между степенью выраженности черт байкальского типа у народов Амура, с одной стороны, и степенью концентрации севернотунгусских черт в их культуре и языке.

Третий антропологический тип, представленный у нанайцев, находится в родстве с дальневосточными антропологическими типами, что тоже находит объяснение в лингвистических и историко-этнографических данных, свидетельствующих о древних связях народов Амура (в первую очередь — нанайцев и ульчей) с маньчжурами.

Глава третья посвящена проблеме происхождения тунгусов в целом. Здесь рассматриваются антропологические типы тунгусов, юкагиров, вопрос об антропологической принадлежности древнего населения Прибайкалья. Привлекая, помимо антропологических данных, материалы археологии, этнографии и отчасти языка, М. Г. Левин рассматривает вопросы этногенеза тунгусов.

Родину тунгусов, т. е. северных эвенков и эвенов, а также южных маньчжуров, сначала искали в современном Дунбэе — в районе Чанбошаня. Так думал, основываясь на китайских источниках, великий русский синолог Н. Я. Бичурин. Впоследствии С. М. Широкогоров выдвинул гипотезу о том, что тунгусы сбитаи еще южнее, в Северном Китае. Затем автор этой рецензии и поддерживавшая его точку зрения Г. М. Василевич выдвинули новое положение о том, что корни культуры северных тунгусов следует видеть в неолите Прибайкалья.

М. Г. Левин, развивая начатую мною критику взглядов С. М. Широкогорова, тоже не считает возможным, чтобы прародина тунгусов была на р. Желтой и тем более еще далее на юге. М. Г. Левин признает, что одинаково несостоятельны поиски прародины тунгусов в Дунбэе. И это, конечно, правильно, так как там в древности обитали не представители байкальского типа, а дальневосточные монголоиды, родичи носителей культуры яншао — протокитайцев. Об этом свидетельствует исследование костяков из древнейших могил Ляодуна и из плиточных могил Дунбэя, датированных иньско-чжоуским временем (XII—VI вв. до н. э.). В то же время М. Г. Левин решительно возражает против гипотезы о том, что она находилась на территории байкальской неолитической культуры в Прибайкалье.

Здесь, по мнению М. Г. Левина, обитали палеоазиаты, сближаемые автором с юкагирами, от которых впоследствии тунгусы получили костюм с передником, обнаруженный в неолите Прибайкалья, а также, следовательно, и другие элементы культуры, сближающие их с древними обитателями Прибайкалья.

Оставляя в стороне детали и полемику между нами по вопросам, уже освещавшимся в печати, отметим только один новый и существенный момент.

Как показывают археологические находки, байкальская неолитическая культура обнаруживает ближайшую связь не только с Севером. Определенные следы ее обнаружены в глубине Монголии в Гоби, и еще южнее, в Дунбэе, в Линнси, где вместе с характерными «микролитическими» каменными изделиями собраны обломки сосудов, аналогичных серовско-китайским. То же самое отмечается в областях около Великой стены, а также вблизи Хайлара и Цицикара. Таким образом, область распространения и влияние байкальской неолитической культуры охватывают не только Прибайкалье, но и ту область между Байкалом и р. Хуанхэ, которая остается наиболее вероятным местом возникновения тунгусов, если исключить Прибайкалье, Китай и Маньчжурию. Особенно интересны находки на р. Шилке, в Шилкинской пещере, где вместе с каменными и костяными изделиями серовско-китайских и даже глазковских типов оказался череп, обладающий характерными для тунгусов байкальскими чертами. Среди различных вещей, найденных в Шилкинской пещере, имеются нефритовые кольца и перламутровые бусы, которые в Глазковском Прибайкалье связаны были с костюмом тунгусского типа.

Рассматривая проблему происхождения тунгусов, нельзя оставить в стороне и собранные Г. М. Василевич фольклорные данные, а также материалы, относящиеся к культуре северо-тунгусских племен, которые свидетельствуют о наличии в их культуре пережитков доолдноводского прошлого, о культуре пеших охотников тайги, очень близкой к так называемой палеоазиатской культуре. Г. М. Василевич находит возможным сближать эту культуру далекого прошлого тунгусов с неолитической глазковской культурой Прибайкалья. Выводы Г. М. Василевич, во всяком случае, заслуживают внимания и тщательного изучения.

С другой стороны, сам М. Г. Левин считает возможным связать с палеоазиатами-юкагирами неолитическую культуру Северной Якутии. А это делает маловероятной принадлежность юкагирам также и байкальской культуры. Область распространения древних юкагиров была бы в таком случае слишком велика: от Гоби и Дунбэя до Ледовитого океана. И, кроме того, различия неолита Прибайкалья, с одной стороны, и Якутии и Чукотки, с другой, настолько велики, что это различие нельзя игнорировать.

Все это значительно усложняет тунгусскую проблему и вместе с тем подкрепляет мысль о связи байкальской неолитической культуры с тунгусами, открывая новые возможности ее разрешения и уточнения намеченных ранее выводов.

Ясно, что для более полного освещения тунгусской проблемы нужны дальнейшие исследования, в первую очередь — археологические, а также лингвистические, антропологические и этнографические, и при этом не только в собственно Сибири, но и на Дальнем Востоке, в Дунбэе и в Монголии. Особенно важное значение в этой связи приобретают вопросы такого порядка, как время и место возникновения общности алтайской семьи языков, а также вопрос о древнейших судьбах тунгусо-маньчжурских языков и народов, которые, к сожалению, у нас не разрабатываются.

Следующая группа этногенетических проблем, освещенных в монографии М. Г. Левина, относится к северо-востоку Азии и рассмотрена в главе четвертой. В этой главе разбираются вопросы происхождения северо-восточных палеоазиатов и эскимосов. Антропологические материалы, проанализированные М. Г. Левиным, хорошо согласуются с результатами археологических исследований. Как мне уже не раз приходилось писать, археологические памятники глубинных районов Чукотки свидетельствуют, что и эти районы еще с неолита были заселены предками юкагиров.

Прибрежная полоса Ледовитого океана и Берингова пролива, где имеются памятники древней приморской культуры морских зверобоев, по общему мнению исследователей, была заселена эскимосами. Последние являются представителями так называемого берингоморского варианта арктической расы. Что касается второго варианта

этой расы, камчатского, то он характерен для коряков, оленных чукчей и ительменов. М. Г. Левин помещает прародину их в северной части Охотского побережья, на материке и на Камчатке. М. Г. Левин возражает сторонникам теории «эскимосского клина». Последний, согласно этим взглядам, разорвал единый некогда ареал палеоазиатов, североамериканских индейцев. М. Г. Левин считает, что эскимосы не были пришельцами. «Формирование эскимосов было результатом длительных и сложных процессов, протекавших в области, примыкающей к Берингову морю, которую и следует рассматривать как родину эскимосов», — пишет М. Г. Левин.

Однако он не отрицает, что антропологический тип эскимосов мог сложиться в процессе смещения древних антропологических типов североазиатского и тихоокеанского происхождения и что в культуре эскимосов есть элементы восточноазиатского происхождения. Не отрицает М. Г. Левин и наличия в культуре палеоазиатов ряда установленных сторонниками «теории эскимосского клина» общих с индейцами культурных элементов. Очень интересны в этой связи факты, указывающие на связи древнеэскимосской культуры с позднеолитическими культурами Приморья II—I тысячелетий до н. э. Не менее важны были бы лингвистические исследования в области топонимики Сибири, которые могут пролить свет на возможное пребывание предков коряков и чукчей не только на Охотском побережье, но и в глубине континентальных районов Восточной Сибири.

Пятая, последняя глава монографии М. Г. Левина посвящена айнской проблеме. Рассматривая антропологический тип айнов и вопрос о связи айнов с древними культурами и палеоантропологическими типами Японских островов, М. Г. Левин дает также четкий очерк первобытных культур Японии и убедительно критикует ультрамигранционистские построения Дж. Грота. М. Г. Левин (в согласии с рядом прежних исследователей) приходит к выводу о том, что айны были древнейшим населением Японии.

Разделяя высказанное Л. Я. Штернбергом исходное положение о южном происхождении культуры айнов и их антропологического типа, М. Г. Левин считает, однако, что индонезийские параллели могут быть отнесены уже ко времени контакта индонезийцев с айнами на Японских островах. Он полагает также, что при рассмотрении возможных путей расселения предков айнов на север нельзя исключать и территорию Индокитая. Следует при этом иметь в виду и еще одно важное обстоятельство. Новейшими исследованиями устанавливается близость неолитической культуры долины Амура и отчасти Уссури к неолиту Японии (спиральный орнамент и гребенчатый вертикальный зигзаг, украшения типа магатамы). На этом основании можно предположить, что в древности айны или находившиеся в контакте с ними племена были распространены на Нижнем Амуре вплоть до Уссури или там вообще сказывалось влияние их культуры.

В особом приложении М. Г. Левин рассматривает антропологические типы корейцев и японцев. Он приходит к выводу о родстве антропологического типа корейцев и гиляков, который дополняется замечаниями С. А. Крейновича о наличии в языке гиляков общих черт с корейским и маньчжурским языками. Не менее интересен и другой вывод, касающийся японцев, о связи «корейско-маньчжурских», или «дальневосточных», элементов в их составе с распространением на Японских островах новой культуры — яей.

Из сказанного видно, что М. Г. Левин выполнил большую и трудную работу. Ему пришлось критически освоить, заново продумать и свести воедино накопленный советскими учеными большой фактический материал не только по антропологии, этнографии, но и по археологии Северной и Восточной Азии. Сводка М. Г. Левина представляет собой первый в нашей и вообще в мировой литературе опыт комплексного освещения важнейших проблем древнейшей этнической истории Восточной Сибири и Дальнего Востока. В ней использован обширный фактический материал, критически рассмотрены взгляды всех предшествовавших исследователей и высказан ряд новых интересных положений.

Конечно, в освещении таких сложных проблем, как проблема этногенеза народов Дальнего Востока и Сибири, многое является неясным и спорным. Есть много такого, над чем предстоит думать и работать. Книга М. Г. Левина в этом отношении является надежной исходной основой.

Следует отметить в заключение ясный и точный язык, превосходно выполненные документальные изображения основных антропологических типов Сибири и Дальнего Востока, а также список использованной литературы, который представляет собой весьма фундаментальную избранную библиографию по рассматриваемым вопросам.

А. П. Окладников

К. М. Кенуон. *Digging up Jericho*. London (Ernst Benn Limited), 1957, 272 стр. + 64 табл.

Начиная с 1867 г. древний Иерихон раскапывался четыре раза, однако вплоть до раскопок Дж. Гарстэнга включительно (1930—1936 гг.) научное значение этих раскопок не выходило за пределы сирийско-палестинской древней истории¹. Лишь английской исследовательнице Кэтлин Кенъон удалось здесь сделать важнейшие археологические открытия. Именно поэтому рецензируемая книга заслуживает серьезного внимания².

I глава — «Введение» (стр. 23—30) — посвящена географии Иерихона и его окрестностей, II глава (стр. 31—38) повествует об истории археологического изучения холма древнего Иерихона. В III главе (стр. 39—50) автор говорит об общем ходе археологических работ, как по раскопкам холма, так и близлежащих захоронений разных периодов.

Основная глава книги — IV (стр. 51—76) — названа К. Кенъон «Начальный Иерихон». Речь здесь идет о древнейших раннеолитических слоях, когда населению не было еще знакомо искусство изготовления керамической посуды. Мощный 13-метровый культурный слой этого времени датируется при помощи радиоактивного углерода (C¹⁴) VI тысячелетием до н. э., однако древнейшая установленная таким способом дата восходит к 6840 г. до н. э. Подобный же докерамический неолит найден и на территории Ирака (Джармо) и датируется примерно тем же периодом. Иерихон рассматриваемого периода несколько раз разрушался и отстраивался. Поселение имело мощные оборонительные сооружения — стены и даже башни, сложенные из неотесанного камня, а не глинобитные, как в более поздние периоды. Это, по мнению автора, должно свидетельствовать о развитой социальной организации, а также и служить доказательством того, что Иерихон является древнейшим из известных поселений городского типа на земном шаре. Поселение охватывало значительную площадь. Дома были построены из необожженных кирпичей. Население выращивало злаки, о чем свидетельствуют найденные зернотерки и остатки соломы в кирпиче. Фигурки домашних животных, а также костные остатки свидетельствуют о приручении ряда домашних животных³.

Найдено немало каменных сосудов, в то время как керамика отсутствует. Отметим, что при домах, размером 6—7 × 2,5—3 м, на полах сохранились отпечатки циновок. При домах были расположены мелкие хозяйственные постройки. Нельзя, однако, согласиться с утверждением К. Кенъон, выдавшей в одном небольшом культовом здании «семейную часовню». Вряд ли мы можем относительно раннеолитического времени говорить о небольшой семье как основе социальной организации.

Особого внимания заслуживают погребальные обычаи. Захоронения производились близ жилищ, причем предварительно труп обезглавливался. К замечательным находкам этого периода относятся девять черепов с воссозданными на них из необожженной глины реалистическими скульптурными портретами. По всей вероятности, мы имеем здесь дело с культом предков и в то же время с древнейшими образцами портретной скульптуры. Эти находки являются ценнейшим материалом для антропологов и искусствоведов.

Интересно, что около 5000 г. до н. э. все это исчезает. Где же кроются причины столь раннего расцвета Иерихона? Автор полагает, что в связи с отступлением ледника в Европе и прекращением пльвиального периода в Средиземноморье около 10 000 г. до н. э. в долине Иордана создались особо благоприятные условия для развития человеческого общества. В дальнейшем в связи с набегами племен, стоявших на более низком уровне развития, и ухудшением климатических условий ранняя цивилизация долины Иордана гибнет.

До сих пор ранний Иерихон является одним из немногих памятников этого рода.

Следующий период охватывает V тысячелетие до н. э. (глава V, стр. 77—92), в котором нет и следов преемственности более ранней культуры. Сделанная от руки керамика обнаруживает сходство с культурой неолитических слоев Библа того же времени. Это дает основания полагать, что новое население явилось с севера.

Отметим, что хотя Иерихон расположен в 15 км от Телейлат-Гассула, здесь отсутствует соответствующий гассульскому периоду (IV тысячелетие до н. э.) энеолитический слой.

VI глава (стр. 93—102) рассматривает «догородской период» Иерихона, явившийся переходным от энеолитического к раннебронзовому (около 3200—2900 гг. до н. э.). Возможно, что и здесь мы встречаемся со вновь осевшими кочевниками. Как известно,

¹ J. Garstang, J. B. E. Garstang. *The Story of Jericho*. London, 1948.

² Предварительные отчеты К. Кенъон о раскопках см. PEQ, т. 85, 1953, стр. 81—96; т. 86, 1954, стр. 45—63; т. 87, 1955, стр. 108—117; т. 88, 1956, стр. 67—82. Результаты раскопок, не включенные в настоящую книгу, см. PEQ, т. 89, 1957, стр. 101—107; *Antiquity*, № 129, 1959, стр. 5—9. Холм(тель) древнейшего Иерихона расположен на территории Иордании, западнее р. Иордан, около 280 м ниже уровня моря. См. В. М. Массон. Докерамический неолит Иерихона. СА, 1958, № 3, стр. 250—252.

³ См. F. E. Zeuner. *The Goats of Early Jericho*. PEQ, т. 87, 1955, стр. 70—86; его же. *Dog and Cat in the Neolithic Jericho*. PEQ, т. 90, 1958, стр. 52—55.

плодородные земли Сирии и Палестины подвергались их непрерывным набегам, и смена этноса бывала с ними зачастую связана. Возможно, что это были уже и семитские племена, хотя утверждать этого нельзя. Время это изучено в основном по захоронениям, и культура этого периода имеет параллели в целом ряде пунктов Палестины.

Следующая (VII) глава (стр. 167—185) посвящена находкам раннебронзового века. Для Палестины и Сирии этого времени (III тысячелетие до н. э.) характерно повсеместное возникновение и развитие поселений городского типа, заселение которых местами сохраняется вплоть до железного века. На сей раз городские укрепления глинобитные. Автор устанавливает, что уже в III тысячелетии до н. э. и произошло обезлесение и значительная эрозия почв Палестины. Характер поселений был земледельческим и мирным. В захоронениях найдено крайне мало оружия.

Возможно, что в конце этого периода новая волна кочевников захватывает Иерихон. Может быть, мы имеем дело здесь с аморреями, появившимися в Сирии и Палестине в конце III тысячелетия до н. э. Этому вопросу посвящена VIII глава (стр. 186—209). Период изучен в основном по погребениям, среди которых преобладают захоронения воинов. Интересно отметить, что верхняя часть сосудов этого времени изготовлена на гончарном круге и присоединена к нижней, изготовленной от руки. Прочие места раскопок Палестины, в первую очередь Мегиддо, — того же времени, выявляют большое сходство с материалами Иерихона.

Периоду средней бронзы посвящены IX и X главы книги (стр. 210—255). Этот период связывается автором, с одной стороны, с гиксосами, что не лишено основания, а с другой — со временем библейских патриархов, относительно которых археологические источники отсутствуют.

К этому времени медь вытесняется бронзой, в обиход прочно внедряется гончарный круг. Небольшой город-государство, типичный для Палестины II тысячелетия, получает дальнейшее развитие. Хотя сохранились остатки жилищ и оборонительных сооружений, наибольший интерес представляют захоронения. По не совсем ясным причинам в них не разложились целиком дерево, кожа и шерстяная ткань. В семейных шахтных погребениях сохранились остатки мебели (стулья, скамейки, столы), деревянной посуды, плетеные корзины, туалетные принадлежности. Наряду с остатками пищи, в глиняных кувшинах сохранилась сохшаяся пленка от напитка, состав которого можно будет установить. Это все дает возможность лучше, чем когда-либо, восстановить образ жизни жителей Палестины среднебронзового времени. По всей вероятности, разрушение города произошло около 1580 г. до н. э., и оно было совершено египтянами, преследовавшими отступавших из Египта гиксосов.

В дальнейшем город опять заселяется, но следы деятельности людей здесь весьма незначительны. Автор полагает, что в конце XIV в. холм становится необитаемым (XI глава, стр. 246—265), и, несмотря на желание связать разрушение города со вторжением еврейских племен в XIII в., не находит археологического материала, могущего подтвердить это событие.

Позже, в IX в., на месте древнейшего Иерихона основывается небольшое иудеизированное селение, просуществовавшее до начала VI в.

В «Заключении» (стр. 266—267) автор еще раз подчеркивает важность исследования Иерихона — древнейшего, по ее мнению, известного нам города на земном шаре.

Хотя мы и не можем согласиться с отдельными утверждениями и выводами К. Кеньон, надо отметить, что ее исследования являются чрезвычайно важными и открывают новые страницы в истории неолита.

М. Л. Гельцер

М. Ю. Брайчевский. Римська монета на території України. Київ, 1959. 243 стр. + 26 карт + 9 табл. монет. Тираж 1000 экз. Цена 14 р. 70 к.

Изучению находок римских монет на территории Восточной Европы уделялось в русской дореволюционной науке сравнительно мало внимания¹. Традиционные интересы античной нумизматики в прошлом сосредоточивались на изучении монет и денеж-

¹ Рукописная работа В. Г. Ляскоронского «Римская монета в Южной Руси и сопредельных странах как исторический источник», подготовленная автором к печати, своевременно не была издана и сохранилась в архиве ИА АН УССР и в библиотеке Киевского гос. университета им. Т. Г. Шевченко. Эта работа, как и рукопись А. В. Фенина «Находки римских монет в Прикарпатье», положены в основу списка монетных находок в книге М. Ю. Брайчевского. К сожалению, автор упоминает об этом мимоходом, а ссылки на источники в перечне монетных находок даны в зашифрованном виде (указан только номер работы в списке использованной литературы). Поэтому проверить сведения, содержащиеся в книге М. Ю. Брайчевского, крайне трудно.

ного обращения в области Боспорского царства и античных городов Северного Причерноморья. Подавляющая часть кладов римских монет, найденных в Восточной Европе до 1917 г., не была опубликована. Работы Д. Я. Самоквасова и В. Г. Ляскоронского, посвященные находкам римских монет на территории России, были выполнены на низком научном уровне.

В последние годы интерес к находкам римских монет на территории СССР значительно оживился, что было связано главным образом с ростом археологических исследований и попытками решить на основе археологического материала сложную проблему происхождения славян и древней Руси. В обобщающих историко-археологических работах П. Н. Третьякова и Б. А. Рыбакова² находки римских монет были использованы для характеристики экономических связей славянских племен с Римской империей, причем авторы этих работ исходили из признания славянской принадлежности черняховской культуры, памятники которой обнаружены на обширной территории от Подунавья до левых притоков Днепра. В послевоенное время появилось несколько специальных статей, посвященных кладам римских монет на территории Восточной Европы. В этих статьях был собран обширный материал по топографии кладов римских монет и сделаны некоторые предварительные выводы об их значении для изучения истории славянских племен и других народов Восточной Европы³. Исследование М. Ю. Брайчевского является первой монографической работой на эту тему в советской исторической литературе. Книга М. Ю. Брайчевского состоит из двух частей: историко-нумизматического очерка, включающего в себя 8 разделов, и списка находок римских монет на территории Украины и Молдавской ССР. К работе приложены четыре таблицы, содержащие сводные данные по топографии и хронологии римских монет на Украине и в Молдавской ССР, затем перечень литературы и рукописных материалов, использованных автором при составлении списка, и географический указатель. В приложении автор поместил также небольшой список вещей римского производства, найденных на Украине. На девяти таблицах в конце книги даны образцы номиналов римских монет I—V вв. н. э. (от Августа до Гонория).

В кратком введении М. Ю. Брайчевский справедливо указывает на важность изучения находок римских монет в различных районах СССР и дает историографический обзор исследований на эту тему в дореволюционной и советской литературе.

В рецензируемой книге и в многочисленных статьях⁴, опубликованных ранее в периодической печати, М. Ю. Брайчевский последовательно проводит мысль о том, что восточные славяне являются автохтонным населением в Восточной Европе. Автор полагает, что многочисленные племена Центральной и Восточной Европы, известные археологам по памятникам пшеворской, липицкой, зарубинецкой и черняховской культур, оставлены многочисленными славянскими племенами, которые античными и раннесредневековыми авторами называются венедами, антами и склавинами. М. Ю. Брайчевский связывает антов с племенами черняховской культуры, которую он относит ко II—VII вв. н. э. Западные славяне и северная группа восточнославянских племен, по схеме М. Ю. Брайчевского, увязываются с пшеворской и зарубинецкой археологическими культурами, которые обрисованы автором как более отсталые в социально-экономическом и культурном отношении (см. стр. 68—69 и прим. 93 на стр. 105). Неоднократно М. Ю. Брайчевский писал об антском периоде и об антах, имея в виду именно племена черняховской культуры, обитавшие, как известно, на территории лесостепной части Украины. В рецензируемой книге эта концепция М. Ю. Брайчевского отразилась даже в названиях двух ее разделов, а именно: «Культурно-этническая принадлежность римских монет на территории Украинской ССР». «Политическая обстановка в период развития римско-антской торговли». На стр. 105 М. Ю. Брайчевский прямо пишет, что значительное количество вещей римского производства на территории Польши связано с более слабым развитием ремесла у носителей пшеворской культуры, чем у антских

² П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. 2 изд. М., 1953; Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948.

³ Кроме статей М. Ю. Брайчевского, перечисленных ниже, должны быть упомянуты следующие работы: О. В. Фенін. Знахідки римських монет у Прикарпатті. Археологія, т. V, 1951, стр. 92—104; М. А. Тиханова. Культура западных областей Украины в первые века нашей эры. МИА, № 6, 1941; М. Ю. Смішко. Доба політ поховань в західних областях УРСР. Археологія, т. II, 1948, стр. 98—129; В. В. Кропоткин. Клады римских монет в Восточной Европе. ВДИ, 1951, № 4, стр. 241—281; его же. Топография римских и ранневизантийских монет на территории СССР. ВДИ, 1954, № 3, стр. 152—180.

⁴ М. Ю. Брайчевський. Знахідки римських монет на території УРСР. Археологія, т. III, 1950, стр. 93—101; его же. К вопросу о происхождении Оболонского клада. КСИИМК, вып. 66, 1956, стр. 59—64; его же. Некоторые данные об участии восточных славян в событиях на Дунае 248—251 гг. н. э. КСИА, вып. 3, 1954, стр. 8—13; его же. О распространении римских монет у древних восточных славян. ВДИ, 1954, № 1, стр. 119—134; его же. Основные вопросы археологического изучения антов. Доклады VI научной конференции Института археологии. Киев, 1953, стр. 60—81 и др.

племен Поднепровья и Поднестровья, где, по мнению М. Ю. Брайчевского, находки вещей римского производства встречаются значительно реже, чем в Польше.

М. Ю. Брайчевский устанавливает прямую генетическую линию от скифов-пахарей Геродота, обитавших, по его мнению, в лесостепной полосе Восточной Европы, к населению Поднепровья и Поднестровья в так называемый «антский период» (черняховская культура) и затем к славянским племенам «Повести временных лет». В докладе на конференции, посвященной славянским племенным союзам⁵, М. Ю. Брайчевский доказывал, что локальные варианты черняховской культуры III—V вв. н. э. полностью совпадают с современными диалектами украинского языка, которые были изучены и картографированы в конце XIX — начале XX в. н. э. По-видимому, автор доклада считает, что никаких существенных изменений в расселении восточнославянских племен со времени существования черняховской культуры на территории Украины не произошло, и, следовательно, анты являются предками современных украинцев. Поскольку вопрос о славянской принадлежности черняховской культуры уже неоднократно обсуждался в печати и на археологических конференциях, мы отметим, что не разделяем тезиса М. Ю. Брайчевского о славянской принадлежности черняховской культуры.

Славянские памятники VI—IX вв., как известно, обнаруживают на громадной территории от Дуная до Белоозера, от Эльбы до Дона поразительное культурное единство (тип поселений, характерная славянская керамика, украшения и т. д.), что было уже давно отмечено как в русской, так и зарубежной археологической литературе. В последнее время этот тезис был убедительно доказан в работах И. И. Ляпушкина и других советских археологов⁶.

Очевидно, что попытки М. Ю. Брайчевского доказать славянскую принадлежность черняховской культуры и связать ее с историческими антами резко противоречат нашим представлениям об единстве славянской материальной культуры, о культурном единстве славян в VI—X вв. н. э. М. Ю. Брайчевский и другие сторонники славянской принадлежности черняховской культуры не могут объяснить, каким образом на территории столь различных по своему облику археологических культур (липичской, пшеворской, зарубинецкой и черняховской) возникает славянская культурная общность, поскольку на различной культурной основе такое единство возникнуть за сравнительно короткий срок не могло. Падение Римской империи и прекращение культурных и экономических связей с Римом не могут объяснить исторического регресса на территории черняховских племен, если признавать ее славянскую принадлежность. Римская империя была очень далека от Среднего Поднепровья, и ее падение ни в какой мере не могло сказаться на уровне и даже темпах экономического развития местных племен, если исходить из основных положений исторического материализма о внутренних закономерностях экономического развития общества, в частности — племен Среднего Поднепровья.

По-видимому, в первой половине I тысячелетия н. э. славянские племена, известные древним авторам под именем венедов, обитали не на территории распространения черняховской культуры, а в более северных районах Средней и Восточной Европы. Исторические, археологические и лингвистические материалы позволяют связывать с венетами две археологические культуры: пшеворскую на западе и зарубинецкую на востоке. (Это господствующее в современной археологической литературе мнение не разделяет А. И. Тереножкин, который полагает, что на территории к западу от Вислы в I—IV вв. н. э. обитали по преимуществу германские племена). В южных районах распространения этих культур (Воынь и Среднее Поднепровье) во II—III вв. н. э. появляются памятники черняховской культуры. Распространение черняховской культуры на Воыни и Среднем Поднепровье не было, по-видимому, связано со сменой коренного населения; эти изменения можно объяснить ассимиляцией местного населения, связанной с распространением римской провинциальной культуры в первые века I тысячелетия н. э. Следовательно, по нашему мнению, черняховская культура складывается не в славянской среде, а в более южных районах Восточной Европы, в Поднестровье или Северном Причерноморье, где обитали фракийские и скифо-сарматские племена.

Возможно, что некоторые славянские племена были ассимилированы в культурном отношении и утратили в эту эпоху те специфические особенности, которые позволяют археологам намечать пути к решению сложных вопросов этногенеза славян.

Историкографический очерк в книге М. Ю. Брайчевского, к сожалению, слишком краток и не дает представления о борьбе мнений по различным вопросам; особенно мало внимания уделено обзору новейшей советской историографии вопроса — в одном абзаце только перечислены некоторые фамилии советских ученых, в трудах которых так или иначе затронуты вопросы о связях Римской империи с Восточной Европой. Посвященные этим проблемам работы польских историков и археологов — И. Костшевского, К. Тыменецкого, К. Маевского и других, а также работы львовского археолога А. В. Фенина даже совсем не упомянуты в историографическом обзоре, что вызывает законное удивление читателя, поскольку эти работы имеют прямое отношение к славянским землям, в частности — к территории Западной Украины.

В первом разделе своей работы М. Ю. Брайчевский приводит статистические данные о распространении римских монет в пределах Украины и Молдавской ССР. Давав

⁵ Конференция состоялась в Москве в декабре 1958 г.

⁶ И. И. Ляпушкин. Место роменско-боршевских памятников среди славянских древностей. Вестник ЛГУ, № 20, серия истории и литературы, вып. 4, 1956, стр. 45—60.

обзор находок римских монет в Восточной Европе (см. стр. 3), автор упоминает Северный Кавказ как область их массового распространения, наряду с лесостепной зоной Украины, Прибалтикой и Закавказьем. Это утверждение М. Ю. Брайчевского не соответствует действительности, так как на Северном Кавказе встречаются только немногочисленные единичные находки римских монет и так называемые варварские подражания римским монетам. К сожалению, в этом разделе и в списке находок римских монет не приведены данные о находках римских монет в Крымской области и в причерноморских городах (Тира, Ольвия). На картах, которые приложены к работе, также опущены сведения о римских монетах в Молдавской ССР, Крымской области и в античных городах Северного Причерноморья. Эти досадные лакуны в списке находок и на картах не дают возможности читателю судить о путях проникновения римских монет на территорию Восточной Европы.

Как известно, римские денарии I—II вв. н. э. являлись признанным платежным средством в международной торговле, которую активно вела Римская империя в первые века нашей эры. Клады римских серебряных монет широко распространены от Британии и Скандинавии до Индии, что свидетельствует о размахе экономических связей в ту эпоху. К сожалению, в рецензируемой работе в очень малой степени привлечен сравнительный материал покладам римских монет в Западной и Центральной Европе, где этот вопрос был детально изучен в целом ряде исследований. Автор обошел важный вопрос о характере приема серебра в Восточной Европе, который был тесно связан с двойственной природой этого металла. Автор, по-видимому, забыл указание К. Маркса о том, что деньги имеют двоякую форму обращения: внутренний рынок и мировой рынок. При переходе из сферы внутреннего обращения на мировой рынок деньги утрачивают те свойства, которые они имели на внутреннем рынке (форма монеты и знак стоимости) и обретают свою первоначальную форму слитков благородного металла⁷.

По мнению М. Ю. Брайчевского, «приток римских монет на территорию лесостепной зоны Восточной Европы становится массовым со времени Траяна, а после смерти Септимия Севера римские монеты на восточнославянские земли уже почти совсем не поступают» (стр. 50). Но находки римских монет на территории Украины и Молдавской ССР следует рассматривать более дифференцированно, что дает более точное представление об их притоке в Восточную Европу. Если мы нанесем клады и отдельные находки римских монет на карту и выделим клады по датам их наиболее поздней монеты, что будет приблизительно совпадать со временем их зарытия в землю, то мы, например, увидим, что на территории Украины встречаются в составе кладов римские денарии I в. и первой половины II в. н. э., но эти клады были зарыты в землю не ранее середины II в. н. э.; большинство же кладов было закопано во второй половине и в конце II в. н. э. Очевидно, приток римских монет в Восточную Европу начался не ранее середины II в. (правление Антонина Пия и Марка Аврелия). Карты М. Ю. Брайчевского, таким образом, не дают никакого представления о территории распространения римских монет в различные исторические эпохи и об интенсивности их притока в разные столетия. Искусственное разделение находок по их происхождению (торговые клады и клады — военная добыча) вызвано, по-видимому, предвзятой концепцией автора о том, что римско-антская торговля прекращается на рубеже II—III вв. н. э. Изучение фактических данных свидетельствует о том, что торговые связи Римской империи и причерноморских городов с Восточной Европой не прекратились в начале III в. н. э., а продолжались в III—IV вв. н. э. Изучение памятников степной и лесостепной полосы Поднепровья и Поднестровья показало, что поселения и могильники III—IV вв. н. э. содержат значительное количество привозных изделий (амфоры, краснолаковая и стеклянная посуда, античная торевтика, предметы культа, фибулы, бусы и другие вещи). У нас нет никаких оснований считать, что сокращение притока римских монет на рубеже II—III вв. н. э. сопровождалось таким же сокращением притока импортных изделий. По-видимому, торговля Римской империи с Центральной и Восточной Европой, в связи с натурализацией экономической жизни империи, изменила свой характер, денежная торговля уступает свое место натуральному обмену, меновой торговле.

Социально-экономическое развитие племен Восточной Европы в первой половине I тысячелетия н. э. идет по восходящей линии, о чем свидетельствует распространение гончарного круга и обжигательных печей в области черняховской культуры и другие факты. Невозможно предположить, что варварская знать в III—IV вв. н. э. не нуждалась в предметах роскоши, которые поставляли римские и греческие купцы на варварские земли.

М. Ю. Брайчевский преувеличивает, по нашему мнению, значение римских монет во внутренней торговле у племен Восточной Европы, роль хлебной торговли, степень отделения ремесла от земледелия в первые века нашей эры, что связано с общей концепцией автора о уровне социально-экономического развития племен Европейской Сарматии. По нашему мнению, тезис о существовании товарного производства и денежного обращения у населения Поднепровья в эпоху разложения родового строя и постепенного сложения феодальных отношений, когда города и развитое ремесло еще не появились, является искажением исторической перспективы и модернизацией исторической жизни племен Восточной Европы в I—V вв. н. э.

⁷ К. Маркс. К критике политической экономии. Госполитиздат, 1953, стр. 101.

Автор бездоказательно считает находки варварских подражаний на территории Украины одним из веских доводов в пользу своей концепции, но, как нам уже приходилось указывать, эти монеты нельзя считать местной племенной чеканкой. Изучение варварских подражаний, обнаруженных на территории СССР, показало, что мы можем выделить только две группы этих подражаний, которые бесспорно чеканились на нашей территории. Одна группа подражаний денариям Августа распространена в западной части Закавказья; вторая группа варварских подражаний денариям с типом идущего Марса (Марка Аврелия или Септимия Севера) встречается в западной части Северного Кавказа и на Керченском полуострове.

Таким образом, варварские подражания золотым и серебряным монетам, обнаруженные на территории Украины, нельзя рассматривать как монеты местной племенной чеканки. Случайный характер находок этих подражаний в украинских кладах II—IV вв. н. э. свидетельствует о том, что они проникли на Украину вместе с римскими монетами из других районов Европы.

Список находок римских монет на территории Украины и Молдавской ССР, состоящий из 1101 номера, к сожалению, составлен крайне небрежно и нуждается в существенных исправлениях.

Не имея возможности указать на все ошибки, отмечу только основные, которые касаются кладов. Некоторые клады приведены просто ошибочно, например Соколец (№ 41). Этот клад содержал не римские монеты, а рижские монеты XVI—XVII вв. (тагеры), что легко установить по рукописному делу, хранящемуся в архиве Ленинградского отделения Института археологии АН СССР. Два клада (Вийско, № 95; Хмелева, № 428) в действительности найдены на территории Польши, а не на Украине, как полагает М. Ю. Брайчевский.

Многие клады по неизвестным причинам упомянуты два или даже три раза, хотя они представляют собой одну находку; подобные повторения создают ложное впечатление о том, что в ряде пунктов Украины было найдено по несколько кладов римских монет. Тщательная проверка фактических данных, приведенных в списке М. Ю. Брайчевского, показала, что в Забужье (№№ 5 и 5а), Горышковке (№№ 49, 50), Ольгопольском уезде (№№ 58, 59), Бранах (№№ 68, 69), Плоском (№№ 149, 149а), Большой Ольшанке (№№ 215—216), Мазелинцах (№№ 221, 222), Пустоваровке (№№ 223, 224), Крылове (№№ 352, 353, 355), Домнице (№№ 460—462), Волковцах (№ 646, 646а), Турин (№№ 906, 907), Головковке (№№ 1005, 1007) на самом деле найдено только по одному кладу римских монет. Находка в Ново-Александровске (№ 124) идентична кладу из с. Рубча (№№ 539, 540) и из с. Бегень (№ 548). Клад из Перекопа (№ 776) идентичен находке в Старых Валках (№ 780), клад из Турин (№ 905) идентичен кладу из Троян (№ 372); идентичны также находки в Старом Орхее и Требуженях (№№ 1091—1093, 1096, 1097), в Великой Глумче (№ 137) и Глушице (№ 551). Наконец, находки в Берегове (№ 156), Терновке (№№ 443, 444), Заболотове (№ 597), Снятинне (№ 614) нельзя называть кладами, так как найденные там монеты происходят из различных находок. Находку из Машева (№ 82) также нельзя называть кладом, так как там была найдена только одна золотая монета Марка Аврелия. Нельзя не подчеркнуть, что в рецензируемой книге имеется много мелких небрежностей и опечаток. Так, многие римские имена передаются в искаженном виде: «Вителій» вместо Вителлий (Vitellius, стр. 47), «Отацілла вместо Отацілія (Otaclia, стр. 230), «Гостіліан вместо Гостіліан (Hostilianus, стр. 231), «Прокоп» вместо Прокопий (Procopius, стр. 142); непонятно, кого имеет автор в виду на стр. 228, упоминая Тицию, дочь Тита: во-первых, единственную дочь Тита звали Юлией; во-вторых, из всех женских отпрысков династии Флавиев только изображения этой Юлии помещались на монетах (не идет ли речь о Флавии Тициане, супруге императора Пертинакса?). Наконец, вызывает удивление раскрытие автором известного сокращения «TR. P» на римских монетах как «tribunicia potestata» на стр. 85. Остались неисправленными и отдельные опечатки в датах правления римских императоров (например, на стр. 47 правление Отона и Вителлия дважды отнесено к 169 г., правление Валентиниана I на стр. 82 отнесено к 364—378, а Гонория — к 395—425 гг. и т. д.). Досадные ошибки мы находим в определении номиналов монет на таблицах. Серебряные монеты Нервы, Антонина Пия, Септимия Севера, Максимиана II и Максимиана названы серебряными антонинами (sic!). Известно, что антонинианы начали чеканить только при Каракалле в начале III в. н. э. и прекратили их чеканку при Диоклетиане; монеты Диоклетиана и Констанция Хлора нельзя называть серебряными денариями и т. д. Неточно приведены сведения о составе, обстоятельствах и годе находки в следующих кладах: Грабовец (№ 4), найден в 1844 г.; Комсомольское (№ 24), указаны в литературе только три денария Пертинакса, Борочицы (№ 67), найден в 1928 г.; Машев (№ 82), монета найдена в 1868 г.; Мочерады (№ 103), состав неизвестен; Рублевка (№ 472), найден не в Глобинском, а в Котелевском районе на р. Мерле; в составе клада найдены солиды Валентиниана III; Нехвороща (№ 496), клад найден около 1911 г.; Пашковка (№ 1046), в составе клада были денарии Септимия Севера, и т. д.

Определение некоторых монет дано также неточно: например, в Соснице (№ 1055) была найдена бронзовая монета IV в с надписью «Urbs Roma», но автор рецензируемой книги отнес монету к республиканской эпохе, поставив свое определение под знаком вопроса. Наконец, при описании клада из Кирилен (№ 1074) автор книги допускает целый ряд неточностей. Клад найден не на поселении черняховского типа, а на склоне

холма, где поселения не было обнаружено. Количество монет в кладе не установлено, в музей поступило 13 солидов, из них только две монеты с отверстиями. Можно было бы еще значительно увеличить список мелких ошибок и опечаток в рецензируемой работе, но я полагаю, что приведенных выше фактов уже вполне достаточно. Монография М. Ю. Брайчевского содержит значительный фактический материал, но список находок нуждается в строгой критической проверке и значительных исправлениях и дополнениях. Автор рецензируемой книги, не имея специальной нумизматической подготовки, допустил в работе целый ряд грубых фактических ошибок и неточностей в нумизматической области. Ошибочная концепция, искажение фактов приводят исследователя к модернизации исторического прошлого народов Восточной Европы, что уже было отмечено в рецензиях и критических замечаниях на работы М. Ю. Брайчевского (М. Н. Тихомиров⁸, Б. А. Рыбаков⁹ и др.).

К сожалению, автор рецензируемой книги прошел мимо тех критических замечаний и советов, которые неоднократно высказывались в его адрес. В настоящем своем виде книга М. Ю. Брайчевского не может служить серьезным пособием в изучении истории товарного производства и денежного обращения в Восточной Европе в I тысячелетии н. э.

В. В. Кропоткин

⁸ М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1956, стр. 11.

⁹ См. коллективную рецензию: А. А. Формозов, А. П. Смирнов, Б. А. Рыбаков. Нариси стародавньої історії Української РСР. СА, 1959, № 3, стр. 240; см. также: В. В. Кропоткин. Из истории денежного обращения в Восточной Европе в I тысячелетии н. э. СА, 1958, стр. 279—285; Г. Ф. Корзухина. К истории Среднего Поднепровья к середине I тысячелетия н. э. СА, XXII, 1955, стр. 61—82.

ОБЪЕДИНЕННАЯ СЕССИЯ ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК АН СССР И ОТДЕЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК АН УССР

С 5 по 10 мая в г. Киеве состоялись Объединенная сессия Отделения исторических наук АН СССР и Отделения общественных наук АН УССР, пленум Института археологии АН СССР и X конференция Института археологии АН УССР, а также Объединенное заседание ученых советов Института этнографии АН СССР и Института искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР.

В работах сессии приняли участие около 600 человек, представлявших научные учреждения, вузы и музеи РСФСР, Украины, Белоруссии, Армении, Грузии, Латвии, Литвы, Молдавии, Киргизии, Туркмении, Узбекской и Таджикской ССР.

Открывая сессию, вице-президент Академии наук УССР акад. АН УССР А. Н. Щербань во вступительном слове от имени Президиума АН УССР приветствовал гостей — археологов и этнографов и пожелал им успешной работы в разрешении стоящих перед ними больших и важных задач.

Приветственное слово произнес заместитель академика-секретаря Отделения исторических наук АН СССР доктор исторических наук В. И. Шунков.

На сессионных, пленарных и секционных заседаниях было заслушано и обсуждено 140 докладов и сообщений, посвященных актуальным теоретическим проблемам советской археологической и этнографической науки и основным результатам полевых исследований, проведенных на территории СССР в 1959 г.

Первым на сессии¹ был заслушан доклад акад. Б. А. Рыбакова (Москва) «Киевская Русь и проблема феодальной раздробленности», в котором рассматривался актуальный и важный вопрос об особенностях политического устройства Руси в XII—XIII вв. Докладчик отметил сложность и недостаточную изученность этого периода, который многие исследователи расценивают как период распада единой Киевской Руси. По мнению Б. А. Рыбакова, этот период истории древней Руси представляет собой время возникновения и существования самостоятельных древнерусских княжеств. Каждое княжество имело довольно устойчивые границы, свою особую династию. Распад раннефеодальной монархии — Киевской Руси IX—XI вв., по мнению докладчика, произошел вследствие изменения внешнеполитической обстановки — ослабления печенежско-половецкой опасности на юге и варяжской на севере, что способствовало сепаратистским устремлениям отдельных областей. Большое значение имело также превращение боярства в крупную политическую силу, интересам которой отвечало создание сравнительно небольших и поэтому реально управляемых княжеств. «Распад» Руси был прогрессивным явлением, и не случайно XII век, век раздробленности, был временем расцвета производительных сил древнерусского общества. Во времена нашествия Батыя причиной поражения Руси было не наличие полтора десятка самостоятельных, богатых и цветущих княжеств, а отсутствие военного союза между ними.

Доклад Б. А. Рыбакова вызвал большой интерес и мог бы стать предметом интересной дискуссии. К сожалению, из-за недостатка времени обсуждение сессионных и пленарных докладов не состоялось.

Доклад «О южных путях заселения Восточной Европы в эпоху раннего палеолита» сделал чл.-корр. АН УССР С. Н. Бибиков (Киев), рассмотревший одну из важнейших проблем палеолитоведения — проблему первоначального заселения человеком территории СССР. Опираясь данными последних исследований археологов, геологов и палеозоологов, С. Н. Бибиков, в противовес утверждениям о заселении Восточной Европы с запада, высказал интересную мысль о кавказском происхождении раннепалеолитической культуры в южной половине Восточной Европы. Расселение первобытного человека с территории Кавказа происходило в направлении на северо-запад (Северный Кавказ, Крым, Приазовье, Донбасс, Днепр, Днестр) и северо-восток (Поволжье, а затем Дон и Средний Урал).

Об итогах четырехлетних исследований древнерусского города Воиня доклад сделал В. И. Довженок, В. К. Гончаров и Р. А. Юра (Киев). Во время больших по

¹ В настоящей информации освещается работа археологической части сессии.

масштабу раскопок были получены данные об особенностях устройства самого южного из приднепровских древнерусских городов, отличительной чертой которого было наличие внутренней укрепленной гавани. Воинь являлся одним из крупнейших торговых центров Руси, здесь находился сборный пункт для торговых караванов, отправлявшихся в Византию.

В. П. Шилов (Ленинград) сделал доклад о раскопках одного из курганов группы «Пяти братьев», находящейся на Елизаветовском могильнике. Этот курган в свое время раскапывался П. И. Хицуновым. Экспедиции Института археологии АН СССР в 1959 г. удалось обнаружить неразграбленное погребение скифского вождя, находившееся в каменном склепе. Богатейший погребальный инвентарь является важным источником для изучения жизни скифского общества и античных городов Боспорского царства, где, по мнению В. П. Шилова, были изготовлены найденные в кургане золотые предметы.

Б. Н. Аракелян (Ереван) рассказал об итогах десятилетних исследований крепости Гарни. Здесь открыты крепостные сооружения, усадебно-дворцовый комплекс, обнаружен многочисленный археологический материал, относящийся к эллинистическому времени. Исследования Гарни имеют большое значение для изучения истории Армении, где в этот период завершалось образование армянского народа, возникло и достигло значительного развития армянское эллинистическое государство.

М. К. Каргер (Ленинград) сделал доклад о раскопках Изяслава. Трехлетние систематические исследования Изяславского городища, находящегося близ г. Шелетовки, Хмельницкой области, дали исключительно богатые материалы, характеризующие все стороны материальной культуры Киевской Руси.

На заседаниях пленума Института археологии АН СССР и X конференции Института археологии АН УССР были заслушаны доклады А. И. Тереножкина, П. Н. Шульца, С. П. Толстова и Б. А. Рыбакова.

Темой доклада А. И. Тереножкина (Киев) «Прародина славян и «лужицкая культура» был дискуссионный вопрос о локализации прародины славян в I тысячелетии до н. э. Критикуя И. Костшевского и Т. Лер-Сплавинского, которые видят эту прародину между Одером и Вислой, а праславян идентифицируют с лужицкой культурой, докладчик говорил об ошибочности взглядов польских ученых. Прародина славян, по мнению А. И. Тереножкина, находилась в лесостепном междуречье Днестра и Днепра.

В. Д. Блаватский (Москва) сделал доклад о замечательных результатах больших совместных работ советских и албанских археологов, исследовавших в 1958—1959 гг. Аполлонию Иллирийскую. Наибольшую ценность представляют прекрасно выполненные и хорошо сохранившиеся многоцветные мозаики, показывающие высокий уровень искусства в Аполлонии — одном из крупнейших античных городов Балканского полуострова.

П. Н. Шульц (Симферополь) сообщил в своем докладе о раскопках Неаполя скифского. Результаты раскопок последних пяти лет дают возможность показать различные стороны материальной культуры Неаполя — одного из наиболее ярких памятников поздних скифов, являвшегося городом-крепостью и резиденцией скифских царей.

Чл.-корр. АН СССР С. П. Толстов (Москва) в докладе «Скифы Восточного Приаралья» охарактеризовал многочисленные памятники эпохи неолита, бронзы и раннего железного века, открытые Хорезмской экспедицией на огромной территории дельты Сыр-Дарьи. Особенно большое значение для науки имеют городища и погребальные сооружения сакских племен, сыгравших большую роль в жизни среднеазиатских государств эллинистической эпохи, особенно Бактрии.

Акад. Б. А. Рыбаков в докладе «Былины, летописи и археология» критиковал взгляды некоторых наших фольклористов, отрицающих возможность использования былин как источника, освещающего историю древней Руси. Б. А. Рыбаков считает, что древнерусский героический эпос, сложившийся на рубеже X—XI вв. в южной части Руси, вынесшей на своих плечах всю тяжесть борьбы с печенегами, а затем с половцами, реально отразил в себе эту борьбу, а также другие важнейшие события древнерусской эпохи — строительство укрепленных пограничных городов («застав богатырских»), междоусобную борьбу князей, выступления народных масс.

Большой интерес вызвали доклады и сообщения, прочитанные на секционных заседаниях. Всего на заседаниях шести секций (каменного века, неолита и бронзы, скифо-сарматской, античной, славяно-русской археологии, средневековой археологии Юга и Востока СССР) было прочитано 117 докладов и сообщений, в обсуждении которых выступило 143 человека.

На секции каменного века было сделано 20 докладов и сообщений. Акад. АН УССР П. П. Ефименко прочел доклад «Позднепалеолитическая культура степной Украины», который был посвящен рассмотрению особенностей позднепалеолитических памятников Северного Причерноморья, представляющих собой, по мнению докладчика, северное ответвление широко распространенной в ту эпоху культуры, известной по памятникам горных районов Палестины. А. Н. Рогочев (Ленинград) рассмотрел в своем докладе основные вопросы развития верхнепалеолитической культуры на Русской равнине.

М. М. Герасимов (Москва) в докладе «Мальтинская палеолитическая стоянка и ее место среди палеолитических памятников Сибири» на основании новых материалов определил эту стоянку как одну из древнейших на территории Сибири и высказал мысль, что мальтинская культура не имеет общих корней с европейским палеолитом,

что особенности ее материала и монголоидный тип ее обитателей свидетельствуют о юго-восточном, азиатском ее происхождении. Доклад Е. А. Векиловой (Ленинград) «К 80-летию исследований по каменному веку Крыма» содержал обзор достижений нескольких поколений ученых, открывших и исследовавших в Крыму десятки разновременных памятников каменного века — от эпохи мустье до неолита.

На секции были заслушаны также сообщения о вновь открытых памятниках. Большой интерес вызвало сообщение, сделанное В. А. Месяцем (Житомир) об открытии Житомирской стоянки ашельского времени — древнейшего памятника на территории Украины. В. П. Любин (Ленинград) сообщил об исследовании в 1959 г. ашельских стоянок в Южной Осетии и об открытии в Армении позднеашельских и мустьерских мастерских каменных орудий.

Л. Н. Соловьев (Сухуми) сделал сообщение об исследовании стоянки в гроте Хупинишхави в Абхазии. А. Н. Каландадзе (Тбилиси) доложил о первых результатах исследования Цонской многослойной высокогорной карстовой пещерной стоянки, где обнаружены слон раннего неолита — мезолита, мустье и ашеля, разделенные стерильными прослойками.

Сообщение Н. Д. Праслова (Таганрог) «Новые палеолитические находки в Северном Приазовье» и М. Д. Гвоздовер (Ленинград) «Раскопки верхнепалеолитических стоянок в Ростовской области» содержали информацию о новых памятниках этой эпохи палеолита.

О результатах разведок в 1958—1959 гг. памятников мезолита и неолита в Крыму сообщил Ю. Г. Колосов (Киев). Д. С. Цвейбель (Сталино) сделала сообщение об исследовании стоянки переходного от мезолита к неолиту времени, находящейся у с. Александровка, Сталинской области. О находках материалов мустьерского времени, обнаруженных при обследовании берегов Каховского моря и озера Ленина в 1958—1959 гг., проводимого Институтом археологии АН УССР, сообщил А. В. Бодянский (Киев).

Сообщение «К вопросу о стратиграфии Романковского позднемустьерского местонахождения» сделал Ю. Г. Колосов (Киев). Н. А. Кетрару (Кишинев) рассказал о раскопках стоянки в гроте Старые Друиторы (Молдавия), где были найдены мустьерские — раннеориньякские материалы.

Доклад о работе палеолитической экспедиции в Костенках в 1959 г. сделал А. Н. Рогачев. Как и в прошлые годы, в 1959 г. основные работы были сосредоточены в Костенках VIII (Тельманская стоянка). Во втором культурном слое стоянки найдены останки человека — по-видимому, погребение с трупосожжением.

Доклад об относительной древности и геологическом возрасте памятников свидерской культуры в Белоруссии сделал В. Д. Будько (Минск). О раскопках Юнго-Кущергинской стоянки мадленского времени сообщил А. Х. Халиков (Казань). Д. Н. Лев (Самарканд) сделал доклад о результатах работ в 1959 г. на Самаркандской верхнепалеолитической стоянке. О работах у с. Маковского на р. Кети (Западная Сибирь) сообщил Р. В. Николаев (Красноярск).

На секции энеолита и бронзы с докладами и сообщениями выступило 26 человек. Заметные успехи достигнуты в последние годы в исследовании неолита Украины, о чем свидетельствовали доклады В. Н. Даниленко, Д. Я. Телегина, А. В. Бодянского.

В. Н. Даниленко (Киев) выступил с докладом «Вопросы хронологии неолита Украины в связи с исследованиями на Южном Буге». За последнее время на Южном Буге раскопано 14 поселений.

Д. Я. Телегин и А. В. Бодянский (Киев) сделали доклады о результатах раскопок двух замечательных памятников — Никольского и Лысогорского могильников, находящихся на территории порожистой части Днепра. Исследования этих могильников дали новые важные сведения для хронологического соотношения левобережного неолита с трипольской и древнеямной культурами.

Об исследовании позднеэнеолитического погребения близ Свердловска сообщила Е. М. Берс (Свердловск). Т. Д. Белановская (Ленинград) рассказала об итогах археологической разведки в Ростовской области.

Т. С. Пассек (Москва) в докладе «Памятники энеолитического периода в Среднем Поднестровье в свете новых археологических исследований» основное внимание уделила многослойному поселению у с. Флорешты, раскопки которого дали новые данные об относительной хронологии культуры линейно-ленточной керамики и позднеэнеолитической культуры типа Боян. Об исследовании поселения Солончены II сделала сообщение Т. Г. Мовша (Киев). Т. С. Пассек, а затем М. С. Великанова (Москва) сообщили о материалах, открытых при исследовании позднетрипольского могильника у с. Выхватинцы. Сообщение об исследовании новых памятников культуры линейно-ленточной керамики в бассейне Днестра в 1959 г. сделала Е. К. Черныш (Москва).

Новую схему хронологии культур энеолита — ранней бронзы на территории Прикарпатья и Вольни предложил в своем докладе Ю. Н. Захарук (Львов).

С докладом «Памятники племен бронзового века Среднего и Верхнего Поднепровья (среднеднепровская культура)» выступил И. И. Артеменко (Москва), который предложил уточнить классификацию, территорию распространения и датировку памятников этой культуры.

О. Г. Шапошникова (Киев) прочла доклад «О локальных вариантах древне-

ямной культуры на Украине», которых она намечает четыре: северо-донецкий, приазовский, нижнеднепровский и среднеднепровский.

Доклад «О связях населения Среднего Поволжья в эпоху неолита и бронзы с южными районами Европейской части СССР» сделал А. Х. Халиков (Казань).

Об исследованиях на территории Кавказа сообщили в своих докладах Т. Н. Чубинишвили (Тбилиси) «Результаты раскопок на Амиранис-Гора (Южная Грузия)» и В. И. Марковин (Москва) «Могильник Гатын-Кала в горной Чечне».

На секции с докладами источниковедческого характера, анализируя важный для датировки многих культур этого времени материал, выступили Б. А. Латынин (Ленинград) «Вопросы культурной атрибуции и датировки как называемых молоточковидных булавок Северного Причерноморья и Прикавказья» и И. Р. Селиханов (Баку) «Исследование ножей, шильев и бусин из некоторых памятников Ростовской области, Украины и Нижней Волги (III—II тыс. до н. э.)». Языковед Б. В. Горнунг (Москва) прочел доклад «Проблема балто-славяно-германской языковой общности и археология». И. К. Свешников (Львов) выступил с докладом «Памятники комаровской культуры на территории Поднестровья».

Э. А. Балагури (Львов) сообщил о результатах раскопок в 1958—1959 гг. могильника эпохи поздней бронзы у с. Островец, Станиславской области, где вскрыто 156 погребений. В сообщении А. А. Щепинского (Симферополь) о раскопках курганов эпохи бронзы в Крыму в 1954—1959 гг. были приведены данные о новых памятниках Крыма. А. П. Савчук (Киев) сообщил о результатах разведок по р. Трубеж, где открыты новые стоянки эпохи неолита и бронзы.

Доклад И. В. Синицына (Саратов) «Памятники ранней бронзы в излучине Дона» был посвящен характеристике открытого в 1954 г. поселения у хут. Репина Сталинградской обл.

О раскопках могильника эпохи бронзы в Оренбургской области сделала сообщение Э. А. Федорова-Давыдова (Москва).

О результатах археологических исследований на территории Коми АССР сделали сообщения В. И. Канивец и Г. М. Буров (Сыктывкар).

Участники заседаний секции скифо-сарматской археологии заслушали и обсудили 21 доклад и сообщение.

Доклад В. А. Ильинской (Киев) «Скифская узда VI в. до н. э. по материалам Посулья» содержал анализ многочисленных и разнообразных предметов конского снаряжения. С. И. Капошина (Ленинград) сделала доклад об исследованиях Кобякова городища в 1959 г., во время которых удалось выяснить роль и значение этого памятника в системе нижнедонских городищ первых веков н. э., а также раскопать представляющие большой интерес крытые камышов жилища эпохи бронзы.

Доклад Е. Ф. Покровской и Е. А. Петровской (Киев) был посвящен сообщению о раскопках поселения эпохи поздней бронзы, обнаруженного на р. Тясмин у с. Большая Андрусовка, Кировоградской области. Об интересном раннескифском погребении с богатым набором костяных уздечных украшений, открытым близ Симферополя, сообщил А. А. Щепинский.

И. Б. Брашинский (Ленинград) сделал сообщение на тему «Амфоры Елизаветинского кургана».

Г. Т. Ковпаненко (Киев) выступила с докладом «Памятники скифского времени бассейна реки Ворсклы в свете новейших исследований». Б. Н. Граков (Москва) и Б. А. Шрамко (Харьков) в докладе «Исследования Бельского городища скифского времени в 1959 г.» сообщили о результатах совместных раскопок, проводимых Московским и Харьковским университетами на Бельском городище.

Сообщение Г. И. Смирновой (Ленинград) «Раскопки поселения Магала в Черновицкой области» было посвящено итогам продолжавшихся в 1959 г. раскопок на поселении культуры Ноа и фракийского гальштата. О раскопках на поселении VI—III вв. до н. э., расположенного в с. Иване-Пусте, Тернопольской области, сообщила О. Д. Ганина (Киев).

Доклад «Исследование памятников милоградского типа в Южной Белоруссии за последние годы» сделала О. Н. Мельниковская (Москва). В результате работ уточнены хронологии памятников этого типа, отношение их к северным памятникам «штрихованной керамики», начато исследование впервые обнаруженного могильника. О раскопках на сильно укрепленном городище «Кузина гора» на р. Сейм в Курской области сделала доклад А. Е. Алихова (Москва). Сообщение «Железный меч скифского типа из-под Мурома» сделал Б. Н. Граков, показавший эволюцию формы скифских мечей в далекой от Скифии северо-восточной территории. Доклад о раскопках могильников железного века в Среднем Приобье сделала Т. Н. Троицкая (Новосибирск).

Сарматская тематика была представлена в докладах К. Ф. Смирнова и М. Г. Мошковой.

К. Ф. Смирнов (Москва) в докладе «Характер хозяйства ранних nomadов» охарактеризовал различные стороны материальной культуры савроматов, имевших комплексное хозяйство: земледелие, кочевое или полукочевое скотоводство, некоторые виды ремесла. М. Г. Мошкова (Москва) сообщила о работе Оренбургского отряда, который в течение 1958—1959 гг. обнаружил по р. Уралу до 40 курганных групп.

Об итогах многолетних исследований позднескифского поселения у с. Золотая

Балка на Нижнем Днепре сделала доклад М. И. Вязьмитина (Киев). Доклад «Итоги пятилетних исследований скифо-сарматского могильника первых веков н. э. в р-не с. Заветное, Крымской области» прочла Н. А. Богданова (Бахчисарай).

Т. Н. Высотская (Симферополь) сообщила о раскопках городища Алма-Кермен в 1954 и 1959 гг., находящегося на окраине того же села Заветного. В результате этих работ получил всестороннюю археологическую характеристику комплексный памятник — поселение и могильник — позднеантичного времени, находящийся в глубине Крымского полуострова.

Е. В. Максимов (Киев) сообщил о новых памятниках позднескифского времени и зарубинецкой культуры, обнаруженных в 1959 г. на территории Среднего Поднепровья. Б. А. Тимошук и И. С. Винокур (Черновицы) сделали сообщение о памятниках, обнаруженных ими в с. Круглик, Черновицкой области: гето-фракийского поселения последних веков до нашей эры и места трупосожжения черняховского времени. Доклад «Некоторые особенности культуры городищ верховья Днепра во второй половине I тысячелетия до н. э.» сделал Е. А. Шмидт (Смоленск).

На секции античной археологии с докладами и сообщениями выступили 18 человек.

А. И. Болтунова (Москва) прочтала доклад «Танаис III—I вв. до н. э. (раскопки 1957—1959 гг.)». Эти раскопки полностью подтвердили ранее высказанное предположение Т. Н. Книпович о нахождении Танаиса близ современного хутора Недвиговки. О результатах археологического исследования Анапского района в 1959 г., во время которых был обнаружен синдский могильник и поселение эллинистического времени, сообщила Ю. С. Крушкoл (Москва). И. Т. Кругликова (Москва) сделала сообщение «Раскопки поселения у дер. Семеновка в 1959 г.». О новом виде археологических работ, имеющих большое будущее в античной археологии, сделал доклад В. Д. Блаватский, рассказавший о подводных работах в Фанагории. Ф. Т. Гусаров (Керчь) сообщил о ходе консервации замечательного памятника боспорского искусства — склепа Деметры в Керчи.

Г. Д. Белов (Ленинград) сделал сообщение о раскопках в Херсонесе в 1959 г., во время которых исследовались памятники эллинистического и средневекового времени. В. В. Борисова (Севастополь) сообщила о результатах раскопок жилого комплекса, примыкавшего к оборонительным городским стенам на территории цитадели римского времени. Доклад «Новые данные о скульптуре Херсонеса» сделала А. П. Иванова (Симферополь). А. Н. Карасев (Ленинград) сообщил о результатах раскопок у санатория «Чайка» близ Евпатории, в ходе которых были открыты остатки крупной загородной усадьбы эллинистического времени.

О результатах раскопок северо-восточной части Ольвийской агоры в 1959 г. сообщила Е. И. Леви (Ленинград). Л. М. Славин (Киев) доложил о раскопках западной части этого района Ольвии. А. Н. Карасев сделал доклад «Итоги раскопок Ольвийского темениса и большой стои в 1959 г.». В результате произведенных работ стоя была полностью раскрыта, что дало возможность восстановить план этого здания. С докладом «К вопросу о датировке архаической Ольвии» выступила В. М. Скуднова (Ленинград), которая поставила вопрос о более позднем возникновении Ольвии, чем это принято считать сейчас в науке. И. Б. Брашинский (Ленинград) сделал сообщение о комплексе кровельной черепицы из раскопок Ольвийской агоры 1959 г., давшим возможность выделить черепицу местного производства.

Доклад «Раскопки в Тире в 1959 г.» сделала А. И. Фурманская (Киев). В подвальном помещении эллинистического здания была обнаружена мраморная плита с надписью III—II вв. до н. э. — первый эпиграфический памятник, подтверждающий широкие торговые связи Тире в это время. М. С. Синицын (Одесса) сообщил о раскопках одного из поселений тирской хоры — городища в с. Роксоланы, расположенного на берегу Днестровского лимана, недалеко от Тире. П. О. Карышковский (Одесса) сообщил об изучении кладов серебряных истрийских монет конца V в. до н. э., найденных на Херсонщине, в с. Висунки в 1929 и 1952 гг. Об античных сосудах, найденных в 1845 г. в кургане у с. Пищальники, Каневского района, и считавшихся до последнего времени беспаспортными, сообщила Ф. М. Штительман (Киев).

На заседаниях секции славяно-русской археологии выступили с докладами и сообщениями 18 человек.

В. В. Кропоткин (Москва) сделал доклад «Экономические связи Восточной Европы с Римской Империей и Византией в I тыс. н. э.». М. А. Тиханова (Ленинград) сообщила о результатах раскопок в с. Лепесовке, Хмельницкой области, в 1957—1959 гг.

Е. В. Махно (Киев) рассказала об исследованиях поселений черняховской культуры на территории строительства Кременчугской ГЭС. Э. А. Сымонович (Москва) сообщил о первых итогах работ на черняховском поселении и могильнике в с. Журавке, Черкасской обл. Э. А. Рикман (Кишинев) сделал доклад «Раскопки черняховских селищ в Молдавии в 1959 г.».

Обсуждение этих докладов вызвало оживленный обмен мнений, поскольку многие стороны черняховской проблемы еще далеки от своего решения, и постановка их всегда вызывает горячую дискуссию.

Большое значение для изучения этой же проблемы имеют памятники второй половины I тысячелетия н. э., среди которых по своей научной значимости первое место занимают поселения у с. Пеньковки и Канева, доклады о которых сделали Д. Т. Березовец (Киев) — «Раннеславянские поселения в с. Пеньковке» и Г. Г. Мезенцева (Киев) — «Раскопки раннеславянского поселения на Княжей Горе в Каневе».

В. П. Петров (Киев) сообщил о раскопках поселения этой эпохи в с. Стецовке на р. Тясмине, П. П. Хавлюк (Ленинград) — о раннеславянских поселениях средней части Побужья.

В. В. Седов (Москва) в докладе «Славяне и балты в Верхнем Поднепровье» охарактеризовал взаимоотношения славянских и балтийских племен этой территории в I тысячелетии н. э. по данным гидронимии, лингвистики, археологии и этнографии.

Д. И. Блитель (Киев) сделал доклад «Итоги археологических исследований Шестовицкого могильника», где раскопано более 150 курганов, содержащих много богатых погребений дружинников X—XI вв. В. А. Богусевич (Киев) сообщил о раскопках дворцового храма XII в. в Путивле. Доклад Ф. Д. Гуревич (Ленинград) «О раскопках древнего Новогрудка» содержал итоги раскопок 1957—1959 гг., проведенных на территории Окольного города.

Б. А. Тимощук (Черновцы) доложил об исследовании в 1958—1959 гг. остатков древнерусского храма XII в. в летописном Василеве (современное с. Василев, Черновицкой области). Г. М. Власова (Львов) сделала сообщение о раскопках древнерусского могильника в с. Збуж, Волинской обл., где обнаружены погребения так называемого волянского типа, датируемые XI в. О раскопках городов Полоцкого княжества — Брячислава и Друцка, сообщил Л. В. Алексеев (Москва). П. А. Раппорт (Ленинград) сделал доклад «Конструкции оборонительных валов северо-восточной и северо-западной Руси».

О. Н. Чистякова (Москва) выступила с докладом «Консервация влажной древесины из раскопок», в которой осветила современное состояние вопроса о стабилизации размеров и форм древесины, обнаруженной в насыщенных водой слоях.

В докладах и сообщениях, сделанных на заседаниях секции средневековой археологии Юга и Востока СССР, были рассмотрены различные проблемы истории населения Средней Азии, Кавказа и Крыма и обобщены результаты исследований археологических памятников этих территорий, проведенных за последние годы.

М. М. Тралш (Сухуми) сделал сообщение о предварительных итогах археологических раскопок в Сухуми в 1959 г., когда в широком масштабе производились раскопки Сухумской крепости эллинистического и позднеантичного времени — древнего Севастополиса. Н. В. Анфимов (Краснодар) в докладе «К вопросу о происхождении меотов» сообщил о материалах исследовавшегося в 1958—1959 гг. протомеотского могильника VIII — первой половины VII в. до н. э. в с. Николаевском, Адыгейской АО. Е. И. Крупнов (Москва) сообщил об итогах раскопок аланского городища «Верхний Джулат», расположенного близ станицы Змейской Северо-Осетинской АССР. В 1959 г. здесь были вскрыты руины христианского храма XII в. и 69 грунтовых христианских могил XIV—XV вв. К. А. Бредэ доложил об открытых в последние годы поселениях и могильниках, расположенных по р. Сулак (Дагестанская АССР). Большая часть их относится к I тыс. н. э. И. П. Костюченко сделал сообщение «Верхне-Чирюртские гончарные мастерские».

Крымские тематике были посвящены доклады Е. В. Веймарна и М. А. Фронджуло. Раскопки могильника у с. Скалистое дали Е. В. Веймарну (Симферополь) новые важные материалы об этническом облике населения этой территории в V—VII вв. М. А. Фронджуло (Симферополь) сообщил об итогах пятилетних раскопок у с. Планерское, в результате которых были раскрыты жилые и хозяйственные комплексы поселения VIII—XI вв.

Ю. Ф. Бурыakov (Ташкент) рассказал об изучении Тункета — столицы Илака — древней рудопромышленной области в долине р. Ангрэн. Х. М. Мухамедов (Ташкент) в докладе «Из истории древних народных сооружений в Узбекистане» сообщил о ведущем с 1956 г. изучении древней мощной оборонительной стены Бухарского оазиса, имеющей длину 350 км. Г. А. Брыкина (Москва) сообщила о работе на городище X—XII вв. Карабулах в 1959 г. Е. А. Давидович (Сталинабад) сделала доклад «Изучение средневековой метрологии Средней Азии». П. Н. Кожемяко (Фрунзе) рассказал об исследовании средневековых поселений Тянь-Шаня. И. Кожемябердыев (Фрунзе) сделал сообщение «Раскопки катакомбных памятников долины Кетмень-Тюбе».

Доклад «К истории мордовских племен в конце I тыс. н. э.» сделал М. Ф. Жиганов (Саранск).

Во время работы сессии была организована большая выставка материалов археологических экспедиций, которая продемонстрировала значительные успехи советских ученых в области полевых исследований, а также демонстрация экспедиционных кинофильмов.

Работа сессии показала, что советские археологи упорно работают над решением актуальных научных проблем, связанных с изучением закономерностей исторического развития человеческого общества.

В резолюции Объединенной сессии было отмечено, что вполне целесообразна организация сессий и пленумов, помимо Москвы, в других научных центрах страны. Работа такой объединенной сессии, впервые проведенной в Киеве, была вполне успешной. Она способствовала дальнейшему развитию исторической, археологической и этнографической науки, пропаганде достижений в этих отраслях наук как по всей стране, так, особенно, на Украине, где работа сессии привлекла большое внимание широкой научной общественности.

Е. В. Максимов

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ИСТОРИИ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

С 10 по 19 марта 1960 г. в различных городах Сибири состоялась первая научная конференция по истории Сибири и Дальнего Востока.

Пленарные заседания, происходившие в г. Новосибирске, вызвали большой интерес не только специалистов-историков, но и широкой общественности. Конференцию открыл председатель президиума Сибирского отделения АН СССР академик М. А. Лаврентьев. На заседаниях с докладами выступили академик-секретарь Е. М. Жуков, доктора исторических наук А. П. Окладников, Л. П. Потапов, В. И. Шунков и доктор философских наук И. И. Матвеенков. Все выступавшие отметили огромное значение созыва Первой Сибирской конференции в деле дальнейшего изучения Сибири и Дальнего Востока и необходимость организации в Сибири в ближайшее время самостоятельного научного центра — Института общественных наук.

Большой интерес в Новосибирске у участников конференции вызвал доклад А. П. Окладникова «300 лет сибирской археологии и ее сегодняшний день», в котором он сделал обзор археологических открытий и исследований в Сибири и на Дальнем Востоке, начиная с XVII в., дал характеристику археологических культур, выделив ряд важнейших проблем хронологического порядка, а также проблемы связей археологических культур Сибири и Дальнего Востока с культурами Европейской части СССР, Средней Азии, Китая, Кореи, Японии и т. д. В заключение А. П. Окладниковым были сформулированы ближайшие задачи в области археологии Сибири и Дальнего Востока: изучение Крайнего Севера и Северо-Востока СССР, широкое развертывание раскопок на Дальнем Востоке, усиление публикации археологических памятников и т. д.

С 15 по 19 марта конференция продолжала свою работу в Томске (Секция истории и этнографии Сибири и Дальнего Востока советского периода) и в Иркутске (Секция археологии, этнографии, антропологии и истории Сибири и Дальнего Востока дооктябрьского периода).

Пленарное заседание в Иркутске открыл председатель президиума Восточно-Сибирского филиала Сибирского отделения АН СССР проф. В. А. Кротов. С развитием производительных сил Восточной Сибири ознакомил участников конференции секретарь Иркутского обкома КПСС Б. Е. Щербина. С основными докладами по вопросам истории, археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока выступили доктора исторических наук В. И. Шунков, А. П. Окладников и М. Г. Левин.

В докладе А. П. Окладникова «Археология и проблема культурного наследия народов Сибири» были затронуты вопросы о связи между древними и современными культурами, особенно выразительные в области искусства. Докладчик выделил ряд ареалов, где эти связи, по его мнению, наиболее наглядны: а) арктический — приморский (эскимосы, чукчи — палеолитические традиции; у них же традиции берингоморской древнеэскимосской культуры); б) дальневосточный (традиции амурского и приморского неолита); в) байкальский (эвенки, эвены, юкагиры — традиции байкальского неолита и бронзы тайги); г) степной (монголы и в особенности тюрки — традиции степной бронзы); д) западносибирский (ханты и манси — традиции андроновской культуры и культуры раннего железного века Западной Сибири). При этом, как полагает А. П. Окладников, такие связи были нередко весьма сложными и не всегда могут объясняться прямой и непосредственной передачей тех или иных культурных элементов от предков к потомкам.

Среди докладов и сообщений, прочитанных на подсекции археологии, этнографии и антропологии, наиболее многочисленными были доклады по вопросам археологии, хотя некоторые доклады из других областей науки также необходимо отметить.

Доклад С. В. Вайнштейна, А. Д. Грача, В. П. Дьяконова и Л. П. Потапова, прочитанный Л. П. Потаповым (Ленинград), был посвящен археологическим исследованиям Тувинской археолого-этнографической экспедиции в связи с изучением проблемы этногенеза тувинцев. Экспедицией раскопаны курганы скифского, гунно-сарматского, древнетюркского времени и поздние погребения XVII—XX вв. По мнению авторов, материал из курганов и самые типы памятников гунно-сарматского времени дают возможность поставить и обосновать вопрос об этногенетических связях культуры населения Тувы гунно-сарматского времени с культурой населения Тувы древнетюркского времени. Особенно же богатые материалы были найдены при раскопках курганов древнетюркского времени (сохранившиеся деревянные основы верховых древнетюркских седел, берестяные колчаны со стрелами, остатки сложного лука, ножи, тесло, различные бытовые деревянные, кожаные, железные и другие предметы, разнообразные украшения и т. д.). Эти материалы авторы считают особенно ценными для решения исследовательских задач экспедиции, так как этногенез современных тувинцев восходит к древнетюркскому периоду истории Центральной Азии.

В докладе А. П. Дульзона (Томск) «Дорусское население Западной Сибири» сделана попытка выяснить этнический состав древнего западносибирского населения на основании лингвистических данных путем анализа географических названий. Докладчик приходит к выводу, что топонимия Западной Сибири различного происхождения. В значительной части она полностью раскрывается из известных языков — русского, различных тюркских, мансийского, хантйского, селькупского, ненецкого. Из старых топонимов, дошедших до нас через какой-нибудь язык, точно выявленными можно считать кетские, селькупские и южносамодийские. Они распространены в средней и юж-

ной части Западной Сибири, как и более древний предшествующий им палеосибирский слой топонимов. Рассмотрены в докладе и вопросы миграций дорусского населения Западной Сибири. В частности, устанавливается, что угры пришли в Сибирь с Запада от Урала сравнительно недавно, самодийцы, первоначально проживавшие на Среднем и Нижнем Приобье и также пришедшие в Сибирь от Урала, передвинулись на восток и юго-восток, а енисейские кеты пришли в Туруханский район с Иртыша по Васюгану и т. д.

Основываясь на последних археологических данных, В. Н. Чернецов (Москва) в своем докладе поставил вопрос о древнейшей истории народов уральской (финно-угро-самоедской) общности. Докладчик считает, что Приаралье можно рассматривать как территорию, откуда происходило расселение людей древней уральской общности, возможно, начавшееся еще в конце мезолита. Две ранние фазы уральского неолита, из которых первая характеризуется керамикой с волнисто-струйчатым, в меньшей степени гребенчатым орнаментом при отсутствии ямочного, а вторая развитием гребенчатого орнамента и постепенным исчезновением на большей части территории волнисто-струйчатого, сменяющегося керамикой с отступающей лопаточкой и отпечатками плетенки, можно связывать с недифференцировавшейся финно-угорской общностью, просуществовавшей до начала III тыс. до н. э. Появление и развитие на Каме области гребенчатой керамики докладчик связывает с выделением финно-пермской ветви, а сложение волго-окской культуры ямочно-гребенчатой керамики с формированием предков волжской группы. Позднейшие фазы уральского и обь-иртышского неолита, продолжавшие развиваться после выделения камской ветви, рассматриваются как праугорские. По мнению докладчика, прасамоедская и праюкагирская группы выделились из древней этнокультурной общности Приаралья несколько раньше, чем финно-угры.

Доклад об археологических исследованиях на Оби в ложе водохранилища Новосибирской ГЭС сделал М. П. Грязнов (Ленинград). Здесь были исследованы памятники разных периодов, позволившие детально проследить историю населения этого лесостепного района от неолита до прихода русских. Хорошо устанавливается ряд последовательных периодов, в общем таких же, какие были пройдены населением соседних районов. В некоторые периоды этот район был территорией одного племени, этнографические особенности которого нашли свое отражение в археологических памятниках. Население этого района несколько раз сменялось, что отражено как в археологических, так и в антропологических материалах, но переселения, вероятно, представляли собой передвижение сравнительно на небольшие расстояния из Алтайских гор на север и из тайги на юг.

В. И. Матющенко (Томск) прочитал доклад «Томская культура эпохи бронзы». Среди археологических памятников эпохи бронзы на берегах р. Томи докладчик выделяет особую группу памятников (поселения Самусь III и IV и Томский могильник) под названием томской культуры. Основными чертами этой культуры он считает: высокий уровень развития местного своеобразного бронзолитейного производства (изготовление копий, кельтов, ножей и др.); охотничье-рыболовецкое хозяйство; полуоседлый образ жизни населения; своеобразная орнаментация сосудов, сходная с орнаментацией на бронзовых изделиях местного производства; наличие большого числа изображений человека и животных на стенках сосудов и их скульптур, сделанных из глины и камня; оформление патриархального рода параллельно с зарождением шаманизма. Район ее распространения пока еще не совсем ясен. Она имеет большое количество аналогий в Прикамье и Западном Приуралье, в памятниках сейминской и турбинской культур, а по керамике в известной мере сближается с сузгунской культурой. Во времени томская культура определяется серединой — второй половиной II тыс. до н. э. Дальнейшая судьба этой культуры еще не совсем ясна, так как памятники эпохи бронзы, относящиеся к карасукскому времени, не имеют с ней ничего общего.

Н. С. Розов (Томск) прочитал доклад «Материалы по антропологии населения Причулымья», в котором поднимает вопросы происхождения населения этого района, опираясь на современные данные.

Сообщение В. Ф. Генинга было посвящено недавно открытому и раскопанному Кушнаренковскому могильнику (Башкирия), датированному второй половиной I тыс. до н. э. Материалы этого могильника, обнаруживающие большое сходство с материалами из могильников Восточного Зауралья и Западной Сибири, в то же время на основании некоторых данных позволяют высказать предположение о возможной его принадлежности древним венграм.

Сообщение о раскопках одного из памятников таежного Притомья городища «Шемлок» сделал В. Г. Трухин (Томск). Здесь были найдены каменные, костяные и бронзовые изделия, а также разнообразная керамика. Редким явлением для памятников на территории таежного Притомья явилось обнаружение остатков жилья — небольшой землянки, состоящей из двух отделений и покрытой конусообразной крышей. Как полагают докладчик, городище существовало длительное время, в I тыс. до н. э. и в I тыс. н. э.

Вопросы районирования археологических культур междуречья Оби и Чулыма II—I тыс. до н. э. были поставлены в сообщении А. И. Мартынова (Жемерово). Докладчик приходит к выводу, что в андроновское время степная часть Северного Кузбасса была наиболее вероятной территорией передвижения и расселения андроновских племен. В карасукское время районы северо-восточной части Кузбасса были тесно связаны

с томскими лесными территориями, а жилище на западе в Верхнем Приобье племена занимали на восток территорию течения р. Или. Удалось также выяснить границу между тагарской и большебереченской культурами. По мнению докладчика, она проходила где-то по р. Томи. В первые же века нашей эры на самом востоке рассматриваемой территории (восточнее р. Кии) жили племена таштыкской культуры, а западнее, в лесной полосе верховой Кии, Яи и других рек, — племена, ведущие свое происхождение от носителей тагарской культуры (динлиннов).

Открытию новых памятников афанасьевской эпохи в Минусинской котловине был посвящен доклад А. Н. Липского (Абакан). Докладчик считает, что полученные им из раскопок материалы заставляют нас во многом пересмотреть свои взгляды на афанасьевскую культуру. Хозяйство афанасьевцев было комплексным (скотоводство и земледелие с преобладающей ролью охоты). Высокого развития достигает металлургия с появлением довольно сложных литых медно-бронзовых изделий (проушной топор из могильника Тас-Хаза). Захоронение мужчин с женщинами, при отсутствии погребений мужчин без женщин в могильнике Тас-Хаза, является показателем установившегося в афанасьевском обществе господства мужчины. Важен также вывод докладчика о том, что афанасьевское население Минусинской котловины не было однородным по черепному указателю: брахикранное население группировалось по обоим берегам р. Абакана, в основном в южной части Хакасии, долихокранное — на севере.

Находки в могильнике Тас-Хаза рисунков, изображающих различные фигуры человека, вырезанных тонким штрихом или выбитых на плитах (использованных в качестве строительного материала), также заставляют пересмотреть установившиеся воззрения на их датировку в сторону значительного удешевления. Докладчик считает, что по технике выполнения вырезные рисунки являются более древними, чем выбитые.

С докладом «Антропологические типы Южной Сибири (Алтайско-Саянское нагорье) в эпохи неолита и бронзы» выступил В. П. Алексеев (Москва). По мнению докладчика, заселение территории Алтае-Саянского нагорья человеком могло произойти еще в эпоху нижнего палеолита. Верхнепалеолитическое население Саяно-Алтая, по-видимому, следует относить к монголоидной расе. Европеоидный компонент начинает проникать в некоторые районы и, в частности, в южную часть Красноярского края в эпоху неолита. Наряду с этим в последней области фиксируются морфологически негроидные типы, свидетельствующие о контакте с южными территориями. В афанасьевское время европеоидный компонент становится преобладающим, причем физическое сходство населения афанасьевской и древнейшей культуры свидетельствует об их родстве и о западном происхождении основной массы афанасьевского населения. Формирование характерного для андроновского населения расового типа, вероятно, происходило на территории Казахстана и Алтая в доандоновское время с последующим проникновением его в Минусинскую котловину. Брахикранный европеоидный тип является, по мнению докладчика, основным типом карасукского населения и его происхождение связано не с северным Китаем, а с Восточным Туркестаном и южными районами Средней Азии.

Сложный вопрос о происхождении тагарской культуры Южной Сибири поставила в своем сообщении Н. Л. Членова (Москва). Выделив лугавской комплекс памятников, существовавший в Минусинской котловине в карасукское время и отличный от карасукских, но связанный с памятниками лесных территорий Средней и Восточной Сибири эпохи неолита и бронзы, она считает его одним из компонентов тагарской культуры. Вторым компонентом явилась андроновская культура Казахстана и отчасти северо-западных районов Минусинской котловины. Карасукское же население, по ее мнению, в этногенезе тагарских племен не сыграло большой роли. Однако были восприняты культурные достижения Ближнего и Среднего Востока, принесенные карасуками в Минусинскую котловину.

Г. А. Максименков (Ленинград) выступил с сообщением о новых данных по археологии района Красноярска. Вопреки утвердившемуся мнению о постоянном отставании этого района от Минусинского Юга и о сильном воздействии на него последнего, докладчик приходит к выводу о самостоятельном и параллельном (с Минусинской котловиной) развитии здесь культуры эпохи бронзы. По его мнению, в Красноярске существовал своеобразный вариант карасукской культуры и выросшая из него особая культура эпохи поздней бронзы и раннего железа.

В сообщении Р. В. Николаева (Красноярск) нашли отражение вопросы кетского этногенеза. Основываясь на языковых и этнографических связях, а также на археологических материалах из тагарских курганов, находящихся себе параллели в материальной культуре кетов, он видит в последних потомков части динлинских племен китайских хроник.

Директор Красноярского краевого музея З. К. Глазская сообщила о некоторых новых поступлениях в музей. В Красноярском районе были обнаружены: неолитическое погребение у с. Тремячего и клад бронзовых тагарских изделий у с. Есаульского.

Значительный интерес вызвал доклад М. М. Герасимова (Москва) «Мальтинская палеолитическая стоянка и ее место среди памятников палеолита Сибири». Докладчик считает, что своеобразие каменного и костяного инвентаря, а также своеобразие изобразительного искусства стоянок Мальта и Буреть дают право выделить их в особую группу памятников мальтинской культуры. Не исключена возможность, что к этому кругу памятников принадлежит стоянка «Военный госпиталь» в Иркутске. Можно также думать, что нижний слой стоянки у Переселенческого пункта под Ир-

кутском относится к тому же времени, что и Мальтинская стоянка, но к совершенно иной культуре, генетически связанной с более поздней культурой Афонтовой горы и других стоянок долины Енисея и Ангары. По мнению докладчика, выдвинутые А. П. Окладниковым предположения о европейском происхождении мальтинской культуры не подтверждаются. Некоторые элементы кремневого инвентаря и изобразительного искусства свидетельствуют о своеобразии мальтинской культуры, о совершенно иных традициях развития орнамента, что дает право выдвинуть предположение о юго-восточном происхождении этой культуры.

Другой доклад М. М. Герасимова о раскопках 2-го Фофановского могильника также вызвал большой интерес. Основываясь на полученных результатах раскопок и изучении всего предшествующего материала, докладчик выразил сомнение в правильности существующей периодизации неолита Прибайкалья, выдвинутой А. П. Окладниковым. Он полагает, что памятники китойского типа существовали раньше не только серовских, но и исаковских, в связи с чем необходимо пересмотреть существующие датировки. По мнению докладчика, все выделенные в настоящее время стадии прибайкальского неолита, исключая Хиньский этап (время которого пока не поддается определению), не выходят, по-видимому, за пределы III тысячелетия до н. э.

Доклад о раскопках неолитического могильника китойского времени на стадионе в г. Иркутске сделал П. П. Хороших (Иркутск). Он особо остановился на способах захоронения в этом могильнике. Наличие случаев парных захоронений мужчины с женщиной и мужчины с ребенком заставляет, по мнению докладчика, высказать предположение об изменениях в социальном строе населения Прибайкалья в позднем неолите. В это время оно делает первые шаги от матриархального строя к новому — патриархальному. Преобладание в погребениях предметов рыбного промысла говорит о том, что рыболовство в это время было одним из важнейших источников существования. Докладчик отмечает высокую технику обработки каменных и костяных орудий труда и предметов искусства из этого могильника.

Близко к предыдущему докладу примыкает доклад А. И. Казанцева (Иркутск), посвященный антропологическому изучению скелетов из неолитических погребений Приангарья. Краниометрические и краниоскопические исследования, как полагает докладчик, позволяют отметить у большинства черепов наличие признаков, свойственных монголоидному типу, и лишь черепа у пос. Тельма и местности «Ярки» (вблизи р. Китоя) имеют черты строения, приближающие их к европеоидному варианту, что дает повод считать возможным процессы метисации монголоидного и европеоидного антропологических типов.

В сообщении Г. И. Медведева (Иркутск) был рассмотрен вопрос о месте культуры «Верхоленской горы» в археологической периодизации Прибайкалья. Просмотр литературных данных и собранных коллекций позволил выявить единство инвентаря стоянки, представляющего в основном одну культуру. Данные же раскопок показали, что считать памятник многослойным нет никаких оснований. По мнению докладчика, стоянка занимает промежуточное положение между Мальтой и неолитическими памятниками Прибайкалья и ее следует относить к мезолиту.

Сообщение о стратиграфии многослойного поселения Усть-Белая в Прибайкалье сделал В. В. Свинин (Иркутская область). Он находит здесь семь культурных слоев, относящихся к эпохе позднего палеолита, мезолита, неолита и эпохе металла (в основном курыканского времени).

Общий обзор археологических исследований в Читинской области в 1957—1959 гг. сделал в своем докладе М. И. Рижский (Чита). Он отметил, что эти исследования по своим масштабам и результатам превышают все, что до сих пор было сделано в этом отношении. Здесь исследовались памятники палеолита (Титовская сопка в Чите), были обнаружены целый ряд неолитических стоянок и неолитическая писаница с изображением сцены охоты, большое количество плиточных могил, некоторые из которых были раскопаны, и могильник раннежелезного века (I-й пол. I тыс. н. э.) вблизи ст. Оловянной, исследованный А. П. Окладниковым. Большое значение имеют работы Монгольской археологической экспедиции под руководством С. В. Киселева, производившей раскопки двух «городков» монгольского времени (Кондуйского и Хир-Хиринского) и разведки в южных районах области, преимущественно по р. Онон.

Ю. С. Гришин (Москва) сообщил о некоторых результатах работ Ононского отряда Монгольской археологической экспедиции в 1958—1959 гг. по исследованию памятников эпохи бронзы и раннего железа. В сообщении отмечается широкое распространение находок глиняных триподов в южных районах Читинского Забайкалья.

Большой интерес вызвал доклад директора Анадырского краеведческого музея Н. Н. Дикова «Древняя культура континентальной Чукотки». Работами археологической экспедиции Чукотского музея 1956—1959 гг. получены первые археологические факты, подтверждающие, по мнению докладчика, гипотезу заселения Чукотки в верхнем палеолите, и изучены новые памятники древней культуры континентальной Чукотки: Усть-Бельский могильник конца II — нач. I тыс. до н. э., стоянки того же периода и более поздние на берегах Анадыря и Амгуэмы. В результате исследований последних лет раскрываются новые черты культуры охотников и рыболовов II—I тыс. до н. э.: охота на нерп поворотным гарпуном по Анадырю, тесный контакт с Восточной Сибирью, употребление бронзовых изделий наряду с каменными. При этом возникают такие проблемы, как Чукотка в бронзовом веке, последующая изоляция, возврат континентальных обитателей Чукотки к каменному веку. Работы последних лет делают,

по мнению докладчика, более вероятной генетическую связь континентальной культуры Чукотки с последующей палеоэскимосской культурой морских охотников.

Результатам работ Магаданского краеведческого музея 1956—1959 гг. был посвящен доклад Р. В. Васильевского (Магадан). Обследованию подверглись участки побережья от г. Магадана до бухты Средней, полуостров Пьягина и береговые террасы р. Ямы. Раскопками установлены форма и планировка полуподземных корякских жилищ, выявлены очаги и собран огромный вещественный материал, позволяющий судить как о древнекорякской культуре в целом, так и о своеобразии памятников в различных районах. Наибольший интерес представляют находки поворотных гарпунов, в частности с металлическим копыцом и костяных пластин для защиты большого пальца при стрельбе из лука, покрытых орнаментом, имеющим общие элементы в материалах эскимосских поселений Берингова моря. Это, по мнению докладчика, во многом облегчает датировку всего комплекса, а также указывает на связи племен Охотского побережья с племенами Берингова моря.

Изучение средневековых памятников Приморья нашло свое отражение в сообщении М. В. Воробьева (Ленинград) и в докладе Э. В. Шавкунова (Владивосток).

В сообщении М. В. Воробьева подведены итоги многолетних работ на комплексе средневековых памятников, расположенных в г. Уссурийске и его окрестностях, а также приведены данные обследований ряда средневековых укреплений и поселений в различных районах Приморья. Раскопками на Красноярском укреплении открыты остатки крупных зданий административно-дворцового типа и жилые сооружения. Прослежена планировка зданий и их оформление. Получен значительный вещественный материал. На территории г. Уссурийска были исследованы и частично раскопаны памятники двух исторических периодов: бохайского (VIII—XI вв., н. э.) и чжурчженского (XI—XIII вв. н. э.). Комплекс бохайско-чжурчженских памятников района г. Уссурийска служит, по мнению докладчика, важной опорой для изучения памятников средневековья в Приморье, особенно эпохи чжурчженей. Больше внимание уделено М. В. Воробьевым вопросу образования бохайской и чжурчженской культур. Он считает, что хотя основное значение имели местные культуры бохайцев и чжурчженей, огромное влияние, видимо, оказывал Китай. Немалую роль играли культуры Кореи и киданей, а также, по-видимому, мелкие культуры местных племен и северных соседей бохайцев и чжурчженей.

Доклад Э. В. Шавкунова «К вопросу о датировке средневековых памятников Приморья» поднимает ряд интересных и важных вопросов. Опираясь на материалы исследований средневековых укреплений и поселений Китая и Кореи, докладчик приходит к выводу о том, что для датировки средневековых памятников следует привлекать, помимо нумизматического, керамического материал, а также и планировку укрепленных городищ. Аналогии орнаментации на бохайской черепице Приморья докладчик находит в Китае династии Тан и в период Когуро в Корее, а для некоторых образцов украшений чжурчженской черепицы Приморья — на черепице киданей. Отличительными признаками чжурчженских городищ от бохайских докладчик считает наличие траверс перед крепостными воротами на первых и отсутствие их на последних.

Характеристику памятников раннего железного века восточных районов Приморья дала в своем сообщении Ж. В. Андреева (Москва). Она отметила, что материалы поселений в Сокольчых и на Синих Скалах имеют аналогии как в Приморье, так и за рубежом (Китай и Корея). Поселения сокольчанского типа по материалам ближе к памятникам Китая эпохи Борющихся Царств, а поселения на Синих Скалах и подобные им находят себе аналогии в материалах поселений ханьского времени в Китае и Корее.

О новых гаматниках зайсановской культуры сделал сообщение Г. И. Андреев (Москва). Обнаружение на этих поселениях наряду с керамикой, украшенной ёлочкой и гребенчатыми штампами, посуды с криволинейным волнистым узором и жемчужным орнаментом, позволило докладчику предполагать более тесные связи зайсановских памятников Приморья с поселениями Северо-Восточного Китая и Кореи, чем с памятниками того же времени Японии.

Вокруг некоторых докладов развернулись прения. Большой интерес участников конференции вызвали выступления А. П. Окладникова и М. М. Герасимова, отстаивавших свои точки зрения по вопросам периодизации неолита Прибайкалья и вопросу о происхождении культуры восточносибирских палеолитических стоянок типа Мальты. Во многих выступлениях говорилось о необходимости усиления работ по спасению археологических памятников в районах новостроек и обращалось внимание на необходимость более тщательной их охраны. А. Н. Липским был отмечен недостойный поступок Н. Л. Членовой, выразившийся в порче Сулекской писаницы подписью.

В своем заключительном слове председательствующий А. П. Дульзон подвел итоги работы подсекции археологии, антропологии и этнографии. Он отметил, что большинство докладов и сообщений носило проблемный характер и отличалось высоким научным уровнем.

От имени участников подсекции М. Г. Левин выразил благодарность А. П. Дульзону за проведенную им большую работу в качестве председательствующего.

В Иркутске конференция закончила свою работу 19 марта заслушиванием сообщений руководителей подсекций и принятием резолюций.

Г. И. Андреев, Ю. С. Гришин

НАУЧНАЯ СЕССИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ ИТОГАМ РАБОТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА за 1959 год

14—16 марта 1960 г. в Государственном Эрмитаже состоялась научная сессия, посвященная итогам работы музея за 1959 год. Среди докладов, заслушанных на сессии, 11 были связаны с археологической тематикой.

Б. А. Латынин посвятил свой доклад некоторым вопросам изучения майкопской культуры. Он подчеркнул, что Майкопский курган ни в коем случае не следует рассматривать изолированно от других памятников эпохи ранней бронзы Предкавказья и связывать по происхождению с древними цивилизациями Переднего Востока. По комплексу признаков Б. А. Латынин объединяет в одну культуру, помимо Майкопского кургана и дольменов Новосвободной, также те памятники Северного Кавказа, которые принято относить к «Среднекубанской культуре» (или «группе»). Сопоставив майкопскую культуру с культурами Северного Причерноморья и нижнего Поволжья, докладчик считает ее синхронной древнейшей культуре III тыс. до н. э. Майкопская культура, по его мнению, представляет собой северную периферию древней кавказо-малоазиатской культурно-исторической области, где отгонное скотоводство получило ведущее значение еще в эпоху ранней бронзы. Майкопский курган Б. А. Латынин рассматривает как погребение племенного вождя или вождя — жреца.

Доклад А. Д. Столяра был посвящен неолитическому поселению Мешоко, открытому в 1958 г. в Краснодарском крае у ст. Каменноостской (к югу от Майкопа). Мешоко представляло собой долговременное неолитическое поселение, основным занятием жителей которого было скотоводство. Этот памятник предварительно датируется концом III тыс. до н. э. и рассматривается как занимающий хронологически промежуточное положение между Майкопским курганом и дольменами ст. Новосвободной.

В докладе В. Б. Пиотровского рассматривалась история урартских коллекций Эрмитажа, насчитывающая уже вековую давность. Докладчик привел новые интересные данные о первых урартских памятниках, поступивших в Эрмитаж в 1859 г. от видного военного и общественного деятеля генерал-майора Н. П. Колобакина, о первых шагах науки по изучению урартских памятников вообще, о последующих поступлениях в конце XIX и начале XX в. в Эрмитаж материалов из района Вана.

А. П. Манцевич в докладе «Горит из кургана Солоха» подробно рассмотрела вопрос о технике изготовления подобных изделий и проанализировала сюжеты изображений на горите и ряде памятников скифской эпохи Северного Причерноморья. Характер изображений и внешний вид изображенных на горите воинов, их одежда, прически, вооружение позволяют, как предполагает А. П. Манцевич, поставить вопрос о фракийском происхождении горита и родственной ему группы памятников.

В. М. Скуднова прочитала доклад «К вопросу о датировке архаической Ольвии». Подвергнув тщательному анализу материалы из Верхнего города и из ольвийского некрополя, В. М. Скуднова установила полное отсутствие в них ранних типов привозной керамики: родосской, которая охватывает период с середины VII по середину VI в. до н. э., хиосской, расцвет которой приходится на конец VII — первую половину VI в., равно как и ранних коринфских сосудов ориентализирующего стиля. Сосуды из этих центров, найденные в Ольвии, относятся к периоду после середины VI в. Исходя из этих данных возникновение Ольвии следует, по мнению докладчика, относить скорее всего к середине или ко второй половине VI в. до н. э.

Доклад Г. Д. Белова был посвящен итогам раскопок Херсонеса в 1959 году. В квартале 22 закончено исследование дома эллинистического времени, состоящего из нескольких жилых помещений, двора с погребом и кладовых (общая площадь постройки равнялась 280 кв. м). В доме найдено большое количество медного шлака — отходов литейного производства. Здесь же открыты четыре ванны с остатками красной краски, что указывает на существование в доме красильной мастерской. Гибель дома Г. Д. Белов датирует II—I вв. до н. э. Г. Д. Белов рассказал также о раскопках более поздних слоев. В. М. Потин зачитал доклад «Некоторые вопросы экономических связей древней Руси по материалам кладов западноевропейских монет». Докладчик заново составил сводку находок западноевропейских денариев X—XII вв. на территории СССР, насчитывающих более 370 номеров, и сопоставил ее с данными примерно 1000 монетных кладов других европейских государств. Применяя метод нумизматической статистики, В. М. Потин выделил несколько различных по составу групп монетных кладов. Древнерусские клады, по данным докладчика, оказываются близки западноевропейским. Клады же Скандинавии заметно отличаются от древнерусских, но близки кладам восточной Прибалтики. Промежуточное положение между скандинавскими и древнерусскими кладами занимают монетные находки островов Борнхольм, Эланд, Готланд. О безраздельном господстве торговли викингов в Восточной Европе X—XII вв. говорить, таким образом, не приходится и докладчик четко выявляет здесь две области активных и многообразных экономических связей — славянскую и скандинавскую.

А. С. Косцова в докладе «Древняя псковская икона «Богоявление» и ее связь с фресками Снеготорского монастыря» подробно рассказала об этой иконе, переланной в 1956 г. в Эрмитаж и тщательно расчищенной в отделе Реставрации. По особенностям стиля и колориту иконографии, отличному от общепринятых на Руси канонов,

докладчик отнес икону «Богоявление» к памятникам псковского искусства XIII—XIV вв. Самой близкой аналогией иконе А. С. Косцова считает фрески собора Рождества Богородицы Снеогогорского монастыря 1313 г. Более того, докладчик приходит к заключению, что эту икону создал один из мастеров-фрескистов, украшавших Снеогогорский монастырь.

Два доклада были посвящены археологическим раскопкам в Средней Азии в 1959 г. Н. Г. Горбунова сообщила об исследовании Кунгайского могильника в Фергане. Вскрытые в этом могильнике примитивные каменные «склепы» выявили родовые погребения членов больше-семейных общин Ферганы середины I тыс. до н. э. Наряду с ними было обнаружено одиночное погребение в крупном кургане, принадлежащее, возможно, родовому старейшине или вождю.

Б. Я. Ставиский в докладе «Археологические работы отдела Востока в Средней Азии в 1959 г.» сообщил о новых исследованиях, проводимых в бассейне реки Магнан-Дарьи в центральном Таджикистане (в верхней части долины Зеравшана, к востоку от г. Пянджикент) и на Яхшибай-тепе в зоне строительства «Южно-Узбекского моря» в Сурхандарьинской области Узбекской ССР (к северо-востоку от г. Термеза). В бассейне Магнан-Дарьи в 1959 г. были обследованы древние горные тропы, ведущие с Магнанского плато в район современного Пянджикента, а также велась стационарные раскопки поселения XI—XII вв. близ Калаи-Муг и многослойного сооружения замкового типа Калаи-Нофин на Маргузарских озерах. Добытые материалы, в сочетании с данными предшествующих работ позволяют говорить о трех основных этапах освоения Верхнего Зеравшана оседлым земледельческим населением: кушанском (II в. до н. э.—III—IV вв. н. э.), раннесредневековым (V—VIII вв.) и средневековым (X—начало XIII вв.). Последний этап, характеризующийся наибольшим развитием земледелия в этом районе, завершился разрушительным монгольским нашествием. В 1959 г. начаты работы на Яхшибай-тепе, где раскрыты 7 помещений крупной постройки (или квартала) небольшого поселения VI—VII вв.

На сессии был заслушан также доклад В. Г. Луконина «Некоторые вопросы развития официального портрета в искусстве сасанидского Ирана», в котором на фоне истории культуры раннесасанидского Ирана был дан обзор памятников официального портрета: рельефов, монет, произведений торевтики и глиптики. Докладчик выявил ряд черт, характерных для официальных портретных изображений III—IV вв. и установил четкие критерии для датировки памятников этого времени как по стилю и характеру изображений, так и по палеографии сопроводительных надписей.

К научной сессии Государственного Эрмитажа была открыта выставка новых поступлений и материалов из экспедиций 1959 года.

Б. С.

VI ВСЕСОЮЗНАЯ СТУДЕНЧЕСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

VI Всесоюзная студенческая археологическая конференция, созданная по инициативе Научного студенческого общества Кафедры археологии МГУ, проходила в Москве с 21 по 27 марта 1960 г. В работе конференции приняли участие студенты университетов и пединститутов 36 городов страны. На конференции было заслушано около 75 докладов и сообщений, охватывающих значительный круг вопросов от палеолита до средневековья¹.

Кроме пленарного заседания, были организованы секции: каменного века, бронзового века, раннего железного века, славяно-балтийской археологии, Кавказа и Средней Азии, средневековой археологии.

Конференция была посвящена 90-летию со дня рождения В. И. Ленина. Был заслушан доклад В. Виноградова (Москва) «В. И. Ленин об охране памятников материальной культуры». Г. Григорьев (Ленинград) сделал доклад «Костенковская палеолитическая культура в Центральной Европе». М. Никорадзе (Тбилиси) сообщила об изучении нижнего палеолита в Грузии. В. Петроленкова (Воронеж) рассказала о раскопках Тельманского палеолитического поселения. Л. Мациевич (Киев) доложил об изучении мезолитической стоянки Фатма-Коба в Крыму. М. Расулова (Баку) посвятила свое сообщение истории изучения энеолитических памятников Азербайджана. Новый интересный памятник эпохи энеолита Северо-Восточного Кавказа был описан Б. Арсланбековым (Махачкала) в докладе «Мекегинское поселение — памятник энеолитической культуры горного Дагестана». Р. Метревели (Тбилиси) сделал доклад «К вопросу о грузинских колесницах, найденных при археологических раскопках в Триалети».

Детальному разбору неопубликованного погребального инвентаря из могильника Фаскау (Осетия) уделила внимание О. Дудко (Москва). О поселениях раннебронзового века на Дону рассказал В. Пугаев (Саратов). Э. Вадецкая (Москва) на ос-

¹ Тезисы многих докладов напечатаны типографией МГУ на правах рукописи

новании изменения погребального обряда проследила эволюцию афанасьевской культуры.

Локальным вариантом в енисейских культурах был посвящен доклад З. Хасановой и А. Пуоджюкинайте (Абакан) «Археологические памятники карасукско-тагарского времени в Хакасской автономной области». В. Кияшко (Ростов-на-Дону) сделал доклад «Период поздней бронзы в дельте Дона». Автор считает, что нижнедонские городища принадлежали киммерийцам. О катакомбной культуре Нижнего Дона доложил В. Бочкарев (Ростов-на-Дону). Об археологических раскопках на трассе Караганда — Иртыш сообщил Т. Ахинжанов (Алма-Ата). О горном деле в древнем Таджикистане рассказал М. Сироджев (Сталинабад). Докладчик подчеркнул древность некоторых металлургических центров Средней Азии.

Кувшинным погребениям Закавказья посвятил доклад Г. Лордкипандзе (Москва). Докладчик считает, что кувшинные погребения представляют собой захоронения виноделов. Ф. Васильева (Алма-Ата) сделала сообщение о недавно открытых памятниках ранних кочевников на территории Казахстана и об их связи со Скифией и Сибирью. К. Рамишвили (Тбилиси) описала антропоморфные и зооморфные пластинчатые изображения из Казбекского клада, указав на их аналогии в других районах Грузии и Малой Азии. Вопросам типологии и хронологии скифских костяных псалеев был посвящен доклад А. Шкурко (Москва).

П. Секерский (Одесса) сделал доклад о находках монет на территории Роксопанского городища. О лепной керамике на том же городище рассказал А. Паршиков (Одесса).

В. Гуляев (Москва) сделал сообщение о северо-восточном участке Геродотова пути. Докладчик сделал выводы о довольно интенсивных связях племен городской культуры со скифской степной культурой. О Басовском городище — важнейшем памятнике скифского времени в Посулье — рассказала В. Скиба (Киев). Памятником раннего железного века в устье р. Суры был посвящен доклад Н. Алгинкиной (Уфа).

В. Зенкин (Москва) сообщил о последних находках античных статуй в Пирее. И. Тихова (Москва) сделала доклад о новейших раскопках в Этрурии. Докладчица уделила много внимания разбору новых методов, применяемых при этих раскопках. Е. Алексеева (Москва) рассказала о подводных археологических раскопках древней Фанагории.

Вопросам развития и датировки различных типов сарматских зеркал был посвящен доклад А. Хазанова (Москва). Л. Смирнова (Москва) сделала доклад о римском влиянии на Херсонес по археологическим и историческим данным и поставила вопрос о прогрессивном характере этого влияния. О находках скифских вещей на Липинском городище сообщил Ю. Манылов (Москва). С. Андриенко (Харьков) сделал попытку осветить некоторые вопросы скифской религии. Новые группы в классификации зооморфной сарматской керамики были выделены в докладе В. Виноградова (Москва).

Г. Лазаришвили (Москва) сделал доклад «К вопросу о происхождении осетинского народа». Докладчик отрицает аланское происхождение осетин, что вызвало оживленную полемику.

А. Гадло (Ленинград) сделал доклад на тему «К вопросу о социально-экономическом развитии кочевников Приазовья в V—VII вв.». Автор считает, что в формировании салтовской культуры значительную роль сыграл гуннский этнический элемент.

Вопросам происхождения древнеудмуртских племен по материалам керамики был посвящен доклад Г. Кондратьевой (Ижевск). В. Жибура (Ростов-на-Дону) рассказала об оригинальной керамике Кобякова городища. Л. Лях (Краснодар) высказала предположение о принадлежности зихам Пашковского № 1 и Борисовского могильников.

Результатом раскопок в древнем Пянджикенте был посвящен доклад С. Мухтарова (Сталинабад). Об археологическом изучении эстонских городищ рассказали В. Лыугаси В. Моора (Тарту). А. Куза (Москва) в своем докладе «К вопросу о промыслах древнего Новгорода» сделал вывод о появлении в XIII в. промыслового рыболовства в Великом Новгороде. Доклад на тему «Чжурженское общество после установления Цзинской империи» сделала Н. Ивочкина (Ленинград). О раскопках арабской соборной мечети доложил Н. Шиханов (Ашхабад).

Кроме того, были заслушаны и обсуждены следующие доклады: С. Сагетдинов (Ярославль) «О формах и методах работы археологического кружка в пединститутах», А. Веселова (Горький) «Об археологической работе в Горьковском государственном университете», Р. Сафин (Казань) «Луговские курганы эпохи бронзы», А. Криштопа (Махач-Кала) «Бежтинская керамика», Э. Мирошниченко и С. Владимирова (Чебоксары) «Раскопки поселений эпохи бронзы в Чувашии», А. Хасанов (Казань) «Памятники эпохи бронзы в Нижнем Прикамье», К. Тлемуратов (Ташкент) «Поселения каменного века в г. Самарканде», Р. Пипия, В. Джорбенадзе З. Жвания (Тбилиси) «Археологические материалы из Джавахети», А. Шарфутдин (Махач-Кала) «Раскопки Верхнегунбского поселения эпохи бронзы в Дагестане», А. Рамазанов (Махач-Кала) «Гинчинский могильник — памятник эпохи бронзы горного Дагестана», Н. Алгинкина (Горький), Н. Бочкарева (Горький), В. Теплова (Горький) «Васильсурское городище», Г. Фахрутдинов (Казань)

«Новые памятники ананьинской культуры на нижней Каме», Н. Чеченов (Нальчик) «Аланские городища Центрального Предкавказья», Р. Ступников (Нальчик) «Керамика Аргуданского городища», А. Янчалин (Уфа) «Бирский могильник по материалам раскопок 1959 года», Г. Хохлова (Ярославль) «Раскопки абашевского могильника в Ярославской области», А. Леонов (Уфа) «Городище Консияр», В. Пугаев (Саратов) «Племена городищской культуры в Саратовском Поволжье», Р. Нурмухамедова (Казань) «Погребальный обряд могильника „Красная Горка“», К. Брокен (Рига) «Археологические раскопки в Тервете», Р. Ибрагимов (Казань) «Жилые сооружения эпохи ранней бронзы», Ю. Кутаков (Пермь) «К истории металлургии в эпоху бронзового века в верховьях Среднего Прикаспия», С. Васюткин (Уфа) «Археологические памятники Бураевского и Калтасинского районов Башкирии», К. Журинова (Калинин) «Раскопки Малого Торопецкого городища», С. Кочкуркина (Петрозавдск) «Древнейшее поселение на берегу Чудозера», А. Икаев (Орджоникидзе) «Археологические работы в Северной Осетии в 1959 году».

К конференции был приурочен выпуск «Сборника студенческих докладов на V Всесоюзной археологической конференции».

В Актовом зале исторического факультета МГУ была организована выставка, посвященная археологическим экспедициям, в которых принимали участие делегаты конференции.

В. Виноградов, А. Хазанов

АРХЕОЛОГО-НУМИЗМАТИЧЕСКАЯ РАБОТА МУЗЕЯ ИСТОРИИ НАРОДОВ УЗБЕКИСТАНА В 1959 г.

Основное внимание в 1959 г. отдел археологии музея уделил раскопочно-собираательской работе. Плановые раскопки проводились в составе двух отрядов. Первый отряд проводил изучение Чустского поселения эпохи бронзы¹. Раскопки явились продолжением многолетних работ музея. Был вскрыт ряд жилых и хозяйственных ям, продолжено изучение комплекса оборонительных сооружений из кирпича-сырца прямоугольной формы. Получен интересный комплекс находок, состоящий из расписных и нерасписных красноглиняных сосудов, костяных и каменных поделок.

Вторым отрядом начато изучение долины Ангрена, где проведены раскопки городища Имлак — средневекового Тункета (столицы Илака, подобласти Шаша). Изучены некоторые городские оборонительные сооружения, возведенные в пору раннего феодализма и функционировавшие до VIII—IX вв. Проводилось изучение пригородов Тункета. Комплекс добытых материалов обильно представлен поливной и неглазурованной керамикой, металлическими орудиями труда, каменными поделками, строительными деталями из дерева и монетами VI—XI вв.

В 1959 г. продолжалось изучение древней истории Ташкента. Совместно с другими научно-исследовательскими учреждениями (Институтом истории и археологии АН УзССР и Комитетом по охране памятников при Совете Министров УзССР) и самостоятельно проводились начатые еще в 1957 г. по линии Музея раскопки цитадели городища Минг-Урюк — древнего Тарбенда (резиденции тюркских маликов Шаша VII—VIII вв.).

Одновременно проводилось наблюдение на новостройках в районах Ташкента. В северной части, в местности Чукур-сай зафиксировано погребальное поле захоронений в хумах и оссуариях, овальная форма и орнамент которых характерны для долины Чирчика и Ангрена. Судя по материалу, захоронение относится к VI—VII вв. н. э. В северо-западной части города, в местности Сагбан при закладке траншеи были разрезаны слои XI—XII вв. Наряду с фрагментами сосудов найдены керамические трубы водоотвода. Прослежены интересные факты мощения улицы галечником и следы ряда перестроек.

Несколько новых пунктов, в основном VI—VII, XI—XII вв. н. э. выявлено и в юго-западном массиве новостроек Ташкента. Эти данные говорят об обживании ряда территорий Шаша в раннефеодальную эпоху и, дополняя группу уже известных в Ташкенте замков и поселений, свидетельствуют о густой застройке округа Ташкента в XI—XII вв.

При наблюдении за памятниками в Ташкентской области было обращено внимание на разрушение в связи со строительными работами одного из крупнейших памятников области — городища Улькан-Той-Тюбе (шахристана средневекового Нукета), расположенного в 30 км к югу от Ташкента на старом торговом пути из Ташкента в Фергану. Эпизодические наблюдения за разрезами и анализ собранного материала позволили

¹ Изучение Чустского поселения проводилось В. И. Спришевским, раскопки Имлака вели Ю. Ф. Буряков и С. Х. Ишанханов, ими же совершенно обследовано с. Дукент. Надзор за работами на Улькан-Той-Тюбе (Нукете), раскопки городища Минг-Урюк и наблюдение на стройках Ташкента проводились Ю. Ф. Буряковым. Обследование пункта находки клада в совхозе им. Кирова проведено Г. А. Алимовым, Ю. Ф. Буряковым и С. Х. Ишанхановым, монеты обработаны Г. А. Алимовым.

установить факт интенсивного роста города в XI—XII вв. и дали основания утверждать, что в XI—XII вв. Нукет являлся столицей Илака.

Интересные материалы были получены музеем из совхоза им. Кирова Той-Тюбинского района, где местными жителями был найден клад из шести золотых перстней и большого количества серебряных монет в горшочке, покрытом с двух сторон голубой глазурью. Обследование показало, что здесь, на одном из протоков русла Кара-су, располагалось поселение XIII—XIV вв., скрытое при работах кирпичного завода.

Кроме того, после получения сведений о находках археологических предметов при строительных работах был совершен выезд в горное селение Дукент, расположенное в 110 км к востоку от Ташкента, на левом берегу Дукентсая, одного из правых притоков Чирчика в Чаткале. Было зафиксировано сооружение VI—VII вв., вероятно, культового назначения, сложенное из крупноформатного кирпича-сырца. Ниже его по течению сая, примерно в 150 м, сохранились полусмытые остатки жилых комплексов в виде кладки фундаментов из булыжника и жженого кирпича. Поселение датируется серебряными монетами XII в. н. э. К этому же времени относится и сопровождающий керамический материал.

Полученные наблюдения дали новые материалы по истории северной Ферганы и по истории Ташкента и его округи, а собранные находки дополнили соответствующие разделы экспозиции музея. В сборе материалов большую помощь сотрудникам оказывали многочисленные любители археологии; геологи, строители, школьники и др.

Ю. Ф. Буряков

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АС — Археологический съезд
АИЗ — Археологические известия и заметки
АН — Академия наук
АП — Археологічні пам'ятки УРСР
ВАН — Вестник Академии наук
ВГО — Всероссийское географическое общество
ВДИ — Вестник древней истории
ВУАК — Всеукраинский археологический комитет
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ЖМНП — Журнал Министерства Народного Просвещения
ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ИА — Институт археологии АН СССР
ИАИ — Известия Археологического института
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИБАД — Известия на Българското Археологическо Дружество
ИБАИ — Известия на Българский археологический институт
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИИМК — Институт истории материальной культуры
ИРГО — Известия Русского географического общества
ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии
КСИА — Краткие сообщения Института археологии Академии наук УССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии
ЛГУ — Ленинградский государственный университет
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии
ЛОИИМК — Ленинградское отделение Института истории материальной культуры
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МАМЮ — Материалы архива Министерства юстиции
МАР — Материалы по археологии России
МЭ — Музей антропологии и этнографии АН СССР
МГУ — Московский государственный университет
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МЭ — Материалы по этнографии
ОАК — Отчеты Археологической комиссии
СА — Советская археология
СГАИМК — Сообщения Государственной академии истории материальной культуры
СЭ — Советская этнография
ТОНГЭ — Труды Отдела нумизматики Государственного Эрмитажа
Тр. АС — Труды Археологического съезда
Тр. ГИМ — Труды Государственного Исторического музея
Тр. ИИАЭ АН КазССР — Труды Института истории, археологии и этнографии Казахской ССР
Тр. МАО — Труды Московского археологического общества
Тр. НАЭ — Труды Новгородской археологической экспедиции
Тр. ОИПК — Труды Отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа
Тр. САГУ — Труды Среднеазиатского государственного университета
Тр. СА РАНИОН — Труды Секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов
AA — *Archaeologia Antiqua*
SIG — *Corpus Inscriptionum Graecarum*
DAGR — *Dictionnaire des Antiquités Grecques et Romaines*
ILN — *Illustrated London News*
IOSPE — *Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini*
RA — *Révue Archéologique*
RE — *Pauly-Wissowa-Kroll. Real-Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft*
SCIV — *Studii și cercetari istorie veche*
SIG — *W. Dittenberger. Sylloge Inscriptionum Graecarum*

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

В. Е. Ларичев (Ленинград). Бронзовый век Северо-Восточного Китая	3
В. А. Ильинская (Киев). Бондарихинская культура бронзового века	26
К. Ф. Смирнов (Москва). Археологические данные о древних всадниках Поволжско-Уральских степей	46
Б. А. Шрамко (Харьков). К вопросу о технике земледелия у племен скифского времени в Восточной Европе	73
М. П. Абрамова (Москва). Сарматские погребения Дона и Украины II в. до н. э.—I в. н. э.	91
Э. О. Берзин (Москва). Горгиппийский агонистический каталог.	111

Публикации

Х. А. Алпысбаев (Алма-Ата). Открытие памятников древнего и позднего палеолита в Южном Казахстане	128
И. И. Аханов (Геленджик) Геленджикские подкурганые дольмены	139
В. П. Шилов (Ленинград). Раскопки Елизаветовского могильника в 1959 г.	150
Г. Тончева (Болгария, Варна). Новые сосуды-тигли в Варненском музее	169
В. К. Пудовин (Москва). Датировка нижнего слоя могильника Суук-Су	177
Е. А. Давидович (Сталинабад). Канибадамский клад карахандских монет	186
Л. А. Голубева (Москва). Могильник X—середины XI вв. на Белом озере	201
В. А. Уртан (Рига). Древние щиты на территории Латвийской ССР	216
Е. В. Мышковский (Ленинград). Стволы русского ручного огнестрельного оружия XV—XVI вв.	225
Е. А. Румянцев (Ленинград). Реставрация и консервация древних деревянных повозок из Закавказья и Алтая	236

Заметки

Ф. М. Заверняев, Е. А. Шмидт (Брянск). Новая находка нижнего палеолита на Верхней Десне	243
Г. М. Буров (Сыктывкар). Стоянки с микролитическим инвентарем на р. Вычегде	247
О. С. Гадзяцкая (Москва). Фатьяновский медный топор из г. Солнечногорска	255
М. Р. Полесских (Пенза). Находка скифского меча в Пензенской области	257
А. М. Лесков (Киев). Об остатках таврской культуры на Керческом полуострове	259
А. П. Рунич (Пятигорск). Сарматские катакомбы на берегу р. Юцы	266
Э. А. Сымонович (Москва). Египетские вещи в могильнике Неаполя скифского	270
М. А. Романовская (Москва). Поселение у с. Котюжаны	274
В. Д. Блаватский (Москва). Подводные раскопки Фанагории в 1959 г.	277
Я. А. Шер (Ленинград). Погребение с конем в Чуйской долине	280
Д. М. Атаев (Махачкала). Археологические исследования в Дидо	282
Р. Л. Розенфельд (Москва). О дренажных сооружениях в Зарядье	288
Ю. М. Золотов (Москва). Надгробия московских ремесленников XVII в.	291

Критика и библиография

А. П. Окладников (Ленинград). М. Г. Левин. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока	295
М. Л. Гельцер (Вильнюс). К. М. Кепуон. Digging up Jericho.	299
В. В. Кропоткин (Москва). М. Ю. Брайчевский. Римська монета на території України. Київ, 1959	300

Хроника

Е. В. Максимов (Киев). Объединенная сессия Отделения исторических наук АН СССР и Отделения общественных наук АН УССР	306
Г. И. Андреев, Ю. С. Гришин (Москва). Научная конференция по истории Сибири и Дальнего Востока	312
Б. Я. Ставский (Ленинград). Научная сессия, посвященная итогам работы Государственного Эрмитажа за 1959 г.	317
В. Виноградов, А. Хазанов (Москва). VI Всесоюзная студенческая археологическая конференция	318
Ю. Ф. Буряков (Ташкент). Археолого-нумизматическая работа Музея истории народов Узбекистана в 1959 г.	32

SOMMAIRE

Articles

V. E. Laritchev (Lénningrad): L'âge du bronze du nord-est de la Chine.	3
V. A. Ilinskaya (Kiev): La civilisation Bondarikhine de l'âge du bronze	26
K. F. Smirnov (Moscou): Données archéologiques sur les cavaliers anciens des steppes Volga — Oural.	46
B. A. Chramko (Khar'kov): Sur la question de la technique de l'agriculture chez les tribus de l'Europe orientale du temps des Scythes	73
M. P. Abramova (Moscou): Sépultures sarmates du Don et d'Ukraine	91
E. O. Berzine (Moscou): Catalogue agonistique de Gorguippia	111

Publications

Kh. Alpysbaev (Alma-Ata): Découverte du paléolithique inférieur et supérieur au Kazakhstan	128
I. I. Akhanov (Guélenjik): Dolmens sous tumulus de Guélenjik	139
V. P. Chilov (Lénningrad): Les fouilles du sépulcre Elisavetovskaïa en 1959	150
G. Tontcheva (Varna): Nouveaux vases de fonderie (creusets) du musée de Varna	169
V. K. Poudovine (Moscou): La couche inférieure du sépulcre Sououk-Sou	177
E. A. Davidovitch (Stalinsk): Le trésor de Kanibadam de monnaies karakhanides	186
L. A. Goloubeva (Moscou): Sépulcre X — XIe siècles sur le lac Beloe	201
V. A. Ourtan (Riga): Boucliers anciens sur le territoire de la RSS de Lettonie	216
E. V. Mychkovsky (Lénningrad): Canons d'armes à feu russes des XVe et XVIe siècles	225
E. A. Roumiantsev (Lénningrad): Restauration et conservation d'anciens chariots en bois de la Transcaucasie et de l'Altaï	236

Notes

F. M. Zaverniaev, E. A. Schmidt (Briansk): Nouvelle trouvaille du paléolithique inférieur sur la Haute-Desna	243
G. M. Bourov (Syt'yvkar): Stations avec matériel microlithique sur la rivière Vytchegda	247
O. S. Gadziatskaya (Moscou): Hache en bronze de la laculture dite Fatianovo de la ville Solnetchnogorsk	255
M. R. Polesskikh (Penza): Trouvaille d'un glaive scythique dans la région de Penza	257
A. M. Lescov (Kiev): Sur des vestiges de la civilisation taurique sur presqu'île de Kertch	259
A. P. Rounitch (Piatigorsk): Catacombes sarmates sur la rive de la rivière Youtsa	266
E. A. Symonovitch (Moscou): Objets égyptiens dans le sépulcre de Neapolis des Scythes	270
M. A. Romanovskaya (Moscou): Établissement de l'âge du bronze près du village Kotiujani	274
V. D. Blavatsky (Moscou): Les fouilles sous-marines de Phanagoria en 1959	277
A. J. Cher (Lénningrad): Tombe avec cheval de la plaine Tchouïskaya	280
D. M. Ataev (Makhatchkala): Recherches archéologiques dans Dido	282
R. L. Rosenfeldt (Moscou): Sur les constructions de drainage dans le quartier Zaria-dié de Moscou	288
I. M. Zolotov (Moscou): Épitaphes d'artisans moscovites du XVIIe siècle	291

Critique et bibliographie

A. P. Okladnikov (Lénningrad): M. G. Lévine. L'anthropologie ethnique et le problème de l'ethnogenèse des peuples d'Extrême-Orient	295
M. L. Gweltser (Vilnius): K. M. Kenyon. Digging up Jericho	299
V. V. Kropotkine (Moscou): M. I. Braïtchevsky. Monnaie romaine sur le territoire de l'Ukraine. Kiev, 1959	300

Chronique

E. V. Maximov (Kiev): Session commune de la Section des Sciences historiques de l'Académie des Sciences de l'URSS et de la Section des Sciences sociales de l'Académie des Sciences de la RSS d'Ukraine	306
G. I. Andreev et I. S. Grichine (Moscou): Conférence scientifique sur l'histoire de la Sibérie et de l'Extrême-Orient	312
B. Stavisky (Lénningrad): Session scientifique dans le musée l'Ermitage	317
V. Vinogradov, A. Hazanov (Moscou): VIe conférence archéologique d'étudiants (URSS)	318
I. F. Bouriakov (Tachkent): Le travail archéologique et numismatique du Musée d'histoire des peuples de l'Ouzbékistan en 1959	320

Поправка

В № 4, 1960 г. в статье Б. Я. Ставиского «Раскопки городища Кулдор-Тепе», стр. 116, строки 12 и 13 снизу следует читать: О. Г. Большаков и Л. Т. Гюзальян читают عمل عثمان как «сделал Усман».